

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

А. А. Потебня.

Потебня, А А

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО
ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ.

Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышленіе поэтическое и
мнѣическое. Приложенія.

ИЗДАНИЕ

М. В. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.

1905.

Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается согласно съ постановленіями
состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-Фило-
логическаго Общества, отъ 7 мая 1903 г. и 25 января 1905 г

Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества Профессоръ *Н. Сулицовъ*.

PN 42.
161

Въ настоящемъ изданіи собраны и сгруппированы по рубрикамъ замѣтки А. А. Потебни по теоріи мѣта, поэзіи и прозы, которыми онъ пользовался при чтеніи спеціальныхъ курсовъ теоріи поэзіи.

Въ посмертныхъ бумагахъ такихъ замѣтокъ оказалось цѣлыхъ три объемистыхъ папки въ четвертушку. Накоплялись онѣ въ теченіе долгаго времени, о чемъ можно было судить по внѣшнему виду листочковъ съ выписками и замѣтками. Матеріалъ подвергался авторомъ пересмотру, измѣненію, дополненіямъ, и вмѣстѣ съ этими пересмотрами, находящимися въ связи съ повторявшимися неразъ курсами теоріи поэзіи, намѣчался и ясно вырисовывался общій планъ работы, отдѣлялись цѣлыя статьи подъ особыми заголовками. Общій планъ работы заключался въ попыткѣ свести сложныя явленія поэзіи—искусства и прозы—науки къ простѣйшимъ элементамъ мысли и рѣчи, наблюдаемымъ въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ. При изданіи этихъ матеріаловъ для новаго обширнаго изслѣдованія, примыкающаго къ третьему тому записокъ по грамматикѣ, руководились слѣдующими соображеніями:

а) издать по возможности все въ такомъ видѣ, какъ оно оставлено было покойнымъ профессоромъ,

б) обработку матеріала ограничить его группировкой по отдѣламъ и рубрикамъ,

в) въ виду разнообразія статей и замѣтокъ составить небольшой предметный указатель,

г) въ приложеніи помѣстить наброски, хотя и тождественные по содержанію со статьями, напечатанными въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ, но отличающіеся иной группировкой матеріала—нѣкоторыми обобщеніями.

Такъ какъ печатаніе происходило одновременно съ приведеніемъ въ порядокъ рукописи, то въ изданіи неизбѣжно могли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности редакціоннаго характера. Что до опечатокъ, то они объясняются нѣкоторыми неблагоприятными условіями корректуры, и мы просимъ снисхожденія читателей.

Главной цѣлью изданія настоящихъ матеріаловъ было желаніе дать лицамъ, занимающимся вопросами теоріи и исторіи языка, интересную, глубокопродуманную программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ направленіи, отъ котораго можно и слѣдуетъ ожидать весьма важныхъ и плодотворныхъ результатовъ.

В. Харціевъ.

Определение поэзии (родовой признакъ и видовое отличіе).

Наиболѣе общій родъ—*человѣческая дѣятельность*. Разсматриваемая въ общемъ, въ предѣлахъ человѣческаго познанія, эта дѣятельность неизмѣетъ внѣшней цѣли, т. е. человѣкъ трудится и отдыхаетъ, или иначе, наслаждается для того, чтобы и впредь можно было дѣлать тоже и лучше. Мы преслѣдуемъ при этомъ двѣ цѣли: сохраненіе себя (дѣятельность эгоистическая) и другихъ (семьи, рода, племени, народа и пр.—дѣятельность, истекающая изъ любви къ другимъ). Эта дѣятельность направлена или а) преимущественно къ произведенію (т. е. собственно видоизмѣненію, приспособленію и уничтоженію) вещей: пищи, одежды, жилья и того, что косвенно къ нимъ относится, какъ напр., средства передвиженія, охота, война; или б) преимущественно къ видоизмѣненію самаго производства, т. е. сначала — производителя, человѣка, (дѣятельность воспитательная).

Это и практика и теорія (въ широкоемъ смыслѣ слова¹⁾, стороны, различимыя только мыслью, а въ дѣйствительности тѣсно связанныя. Первая (практика) сама по себѣ была бы недостаточна для продолженія дѣятельности, ибо не давала бы возможности измѣнить ее при измѣнившихся условіяхъ. Исключительная практичность, если бы была возможна, была бы смертью человѣчества. Напр., къ чему было бы приученіе воловъ, приготовленіе плуга и запасы сѣмянъ, если бы человѣкъ не зналъ и несообщалъ другимъ, что, когда и какъ съ ними дѣлать? Тоже и на счетъ исключительной теоретичности²⁾.

¹⁾ Теорія въ тѣсномъ смыслѣ есть наука.

²⁾ Противопологая *utile* и *dulce*, можно прийти къ тому, что искусство бесполезно, т. е. вредно—среднимъ вѣтъ. „Какъ цѣль сама въ себѣ, красота ничему служить не можетъ; въ практическомъ и житейскомъ смыслѣ она есть чистая бесполезность... (но) за какое свое собственно внутреннее свойство дѣлится эта чистая бесполезность“? Вл. Соловьевъ, „Красота въ природѣ“. Вопросы философіи I, 8.

Все входящее въ теорію, хотя бы и неимѣло видимой связи съ производствомъ вещей, практично въ томъ смыслѣ, что оно измѣняетъ производителя; но есть степени практичности, т. е. силы и распространенія видоизмѣненія человѣка, зависящія отъ теоріи¹⁾.

Выдѣленіе искусства въ тѣсномъ смыслѣ или *изящныхъ* искусствъ, основанное на томъ, что произведенія ихъ имѣютъ отличительнымъ признакомъ красоту, порождаетъ трудный вопросъ, что такое красота? Отвѣтъ: „единство въ разнообразіи“—слишкомъ общій, потому что подъ него подойдетъ всякое орудіе и всякое произведеніе природы.

„Искусства изящныя отличаются отъ ремеслъ, во-первыхъ, тѣмъ, что только люди со врожденными къ тому способностями могутъ быть ихъ представителями; во-вторыхъ, тѣмъ, что произведенія ихъ служатъ не къ удовлетворенію обыденныхъ житейскихъ потребностей человѣка, а къ удовлетворенію потребностей его духа и стремленій къ красотѣ, истинѣ“ (Колосовъ, Теорія поэзіи, § 20).
Неладно, хотя и есть доля истины.

Ремесленные произведенія. Пользованіе результатами практической дѣятельности происходитъ при посредствѣ, какъ низшихъ чувствъ (общаго чувства, осязанія, вкуса, обонянія), такъ и высшихъ (зрѣнія и слуха—напр., зрительная и слуховая труба). Пользованіе теоретической дѣятельностью—только при помощи зрѣнія и слуха, такъ какъ впечатлѣнія низшихъ чувствъ сообщаются другамъ и то до извѣстной степени лишь посредствомъ слова. Въ этомъ отношеніи теоретическая дѣятельность раздѣляется такъ. *Зрѣніе*: зодчество, ваяніе, живопись, мимика (независимо отъ пляски); *зрѣніе и слухъ*: пляска (подъ музыку); *слухъ*: музыка и слово (поэзія, наука).

Отнесеніемъ искусствъ (вмѣстѣ съ наукой) къ теоретическому отдѣлу дѣятельностей уже въ извѣстной мѣрѣ направляется и предрѣшается вопросъ о приложимости искусства и объ искусствѣ для искусства.

---

¹⁾ Приказанія и распоряженія, когда не самъ человѣкъ дѣлаетъ вещи, а учитъ, какъ ихъ дѣлать, а приказываетъ, какъ дѣлать и учитъ, какъ учить=блоки и колеса, посредники между тяжестью и силою.

Первыя три всетаки производятъ вещи, т. е. видоизмѣняютъ матеріалъ, внѣшній по отношенію къ человѣку, и поэтому болѣе сродни съ дѣятельностью практической, чѣмъ остальные, которыя лишь суть видоизмѣненія непосредственныхъ обнаруженій человѣка: его движеній, голоса.

Созданія первыхъ *устойчивы*. Пользованіе произведеніями зодчества, ваенія и живописи страдательно въ томъ смыслѣ, что зритель ненуждается въ воссозданіи этихъ произведеній. Произведенія остальныхъ суть *чистыя дѣятельности*. Для новаго пользованія ими, необходимо каждый разъ ихъ воспроизведеніе. Каждый разъ они рождаются вновь. Состояніе закрѣпленія ихъ видимыми знаками есть не дѣйствительное ихъ существованіе, а лишь пособіе для ихъ воспроизведенія.

Тѣмъ не менѣе произведенія и первыхъ трехъ невещественны въ томъ смыслѣ, что матеріалъ имѣетъ въ нихъ лишь второстепенное значеніе сравнительно съ формою. Въ художественномъ зданіи, статуѣ, картинѣ для насъ существенны лишь отношенія, воспринимаемая зрѣніемъ. Такимъ образомъ они формальны.

Съ вещественностью произведеній зодчества, ваенія и живописи связано то, что въ произведеніяхъ ихъ можетъ сочетаться практичность, ремесленность съ теоретичностью и художественностью. Ремесленное произведеніе можетъ быть въ тоже время художественнымъ и бывало такимъ со временъ пещернаго человѣка; но пользованіе имъ разграничиваетъ въ немъ эти стороны. Такъ столъ, какъ произведеніе архитектуры, скульптуры и живописи, платье, какъ произведеніе скульптуры и живописи, могутъ быть цѣнны для насъ лишь со своей формальной стороны, лишь по тому впечатлѣнію, которое они производятъ на зрѣніе, независимо отъ удобства и прочности. Художественность въ нихъ можетъ несовпадать съ практической годностью (напр., неудобныя прически дикихъ и цивилизованныхъ, болѣзненные татуировки дикихъ).

Художественное и теоретическое произведеніе вообще и въ частности слово (по мысли В. Гумбольдта) отличается отъ ремесленнаго произведенія, въ частности—внѣшняго орудія, тѣмъ, что

въ послѣднемъ категоріи цѣли и средства по времени раздѣлены, а въ первомъ совпадаютъ. Пища сначала готовится, потомъ потребляется. Орудіе сначала дѣлается, т. е. само служитъ цѣлью, потомъ употребляется, т. е. служитъ средствомъ для вѣднней по отношенію къ нему цѣли и при этомъ портится. Улучшеніе орудія отъ употребленія, напр., когда отъ игры улучшается скрипка, входитъ въ понятіе его приготовленія.

Между тѣмъ единственная цѣль теоретическаго (художественнаго и научнаго) произведенія есть видоизмѣненіе внутренняго міра человѣка, и такъ какъ эта цѣль по отношенію къ самому создателю достигается одновременно съ созданиемъ, то можно сказать, что художественное (и научное) произведеніе въ одно и тоже время есть столько же цѣль, сколько и средство, или что въ немъ категоріи цѣли и средства, совпадая во всѣхъ признакахъ, не могутъ быть различены. Лишь кажется, что такое разграниченіе есть въ ораторской рѣчи, направленной на волю слушателей. Ораторская, какъ всякая рѣчь, есть прежде всего орудіе мысли для самого оратора: она во время произнесенія впервые объективируется, создаетъ эту мысль въ ея окончательной формѣ; во-вторыхъ, въ слушатель она, одновременно съ пониманіемъ, усвоеніемъ, является пружиной настроенія (которое и есть цѣль), которое можетъ имѣть послѣдствіемъ другія дѣйствія.

Художественное зданіе, статуя, картина портятся, но не отъ того, что ихъ смотрять, а независимо отъ этого,—отъ разложенія вещества; искаженіе пѣсни, ученія происходятъ не отъ пользованія ими, а отъ неполнаго использованія, стало быть отъ непользованія, отъ недостаточнаго усвоенія. Напротивъ, полное усвоеніе есть усовершенствованіе. (Напр., народная пѣсня, воспроизведенная талантомъ, вооруженнымъ всѣми средствами современнаго искусства и знанія).

Въ различіи вещи (зданіе, статуя, картина) и дѣятельности (мимика и пр.) заключено уже то, что впечатлѣнія отъ первыхъ трехъ пространственны, отъ остальныхъ—временны. Въ первыхъ глазу дано одновременно разнообразіе цвѣтной поверхности. Они изобра-

жають одинъ моментъ, заключающій въ себѣ разнообразіе воспріятій; изображеніе движенія имъ частью вовсе недоступно (зодчество) частью (въ статуѣ, картинѣ) возможно лишь тѣмъ образомъ, что художникъ изображаетъ такой моментъ дѣйствія, который заставляеть зрителя угадывать моменты, предшествующіе данному и слѣдующіе за нимъ (Лессингъ, Лаокоонъ). Наиболѣе общее содержаніе остальныхъ есть движеніе, дѣйствіе. Въ нихъ впечатлѣнія зрѣнія (мимика, пляска) и слуха (музыка, поэзія) составляютъ рядъ, цѣпь, звенья которой отодвигаются въ прошедшее, оставаясь лишь въ воспоминаній, по мѣрѣ появленія слѣдующихъ.

Всѣ виды словеснаго поэтическаго и прозаическаго изложенія сводятся къ одному, повѣствованію, ибо оно превращаетъ рядъ одновременныхъ признаковъ въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій, въ изображеніе движенія взора и мысли отъ предмета къ предмету; а разсужденіе есть повѣствованіе о послѣдовательномъ рядѣ мыслей, приводящихъ къ извѣстному заключенію.

Въ рѣчи описаніе, т. е. изображеніе чертъ одновременно существующихъ въ пространствѣ, возможно только потому и лишь настолько, насколько описаніе превращено въ повѣствованіе, т. е. въ изображеніе послѣдовательности воспріятій.

Раздѣленіе теоретическихъ дѣятельностей на двѣ группы, пространственную и временную, имѣетъ и генетическое, родословное значеніе. Сходство въ основныхъ чертахъ искусствъ, входящихъ въ эти 2 группы, можетъ служить указаніемъ на то, что искусства обособились, выдѣлились изъ 2-хъ основныхъ. Скульптура и живопись отдѣлились отъ зодчества. Музыка инструментальная, и донинѣ неразрывно связываемая съ поэзією, вышла изъ пѣнія, соединеннаго съ пляскою (хоры древней трагедіи, нынѣшніе хороводы, нынѣшняя опера).

И донинѣ, несмотря на свою самостоятельность, искусства сочетаются между собою въ названныя двѣ группы и даютъ въ этомъ сочетаніи болѣе строгое единство впечатлѣнія, чѣмъ при сочетаніи двухъ этихъ группъ между собою (въ оперѣ = музыка, пѣніе и мимика съ одной и декорація съ другой стороны).

Разница между искусствами состоитъ въ различіи употребляемыхъ ими средствъ.

По предмету наиболѣе близки между собою живопись (гер. *malerei*) и поэзія; но „живопись... употребляетъ (какъ знаки) тѣла и краски въ пространствѣ“—поэзія— „члено-раздѣльные звуки во времени“. Отсюда слѣдуетъ, что „знаки располагаемые другъ подлѣ друга, должны и представлять только такіе предметы или ихъ части, которые въ дѣйствительности представляются расположенными другъ подлѣ друга“, т. е. „тѣла съ ихъ видимыми свойствами“; что „знаки слѣдующіе другъ за другомъ, (слова) могутъ выражать только предметы, которые и въ дѣйствительности представляются намъ въ послѣдовательности времени, т. е. что „дѣйствія составляютъ настоящій предметъ поэзіи“¹⁾ (Лаоковъ, XVI гл.). Какъ расширяетъ живопись доступное ей изображеніе момента?

Когда живописецъ (какъ многіе старинные) „на одной картинѣ изображаетъ два необходимо удаленные другъ отъ друга момента времени, напр., Маццуоли—похищеніе Сабинянокъ и примиреніе ихъ мужей съ ихъ родственниками, или, какъ Тиціанъ—цѣлую исторію блуднаго сына: его развратную жизнь, бѣдственное положеніе и раскаяніе“; то онъ вторгается „въ чуждую ему область поэзіи“ (Лаок., XVIII гл.), при томъ тщетно, потому, что здѣсь столько картинъ, сколько моментовъ²⁾.

Когда поэтъ, перечисляя одинъ за другимъ различные предметы, „которые необходимо увидѣть разомъ, для того чтобы представить образъ цѣлаго“, думаетъ, что „такимъ способомъ можно успѣть дать полный и живой образъ описываемой вещи“; то онъ „вторгается въ область живописца и понапрасну тратитъ много воображенія“ (ib. XVIII). Онъ самъ замѣнилъ пространственные

¹⁾ Скульптурное изображеніе момента въ поэзіи превращается въ рассказъ (рядъ моментовъ). Стихотв. Пушкина:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врознь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

(На статую работы Н. Пименова—игрокъ въ бабки).

²⁾ Буслаевъ, Очерки, о старинныхъ русскихъ миниатюрахъ.

отношенія послѣдовательными, разложивъ (одновременное) цѣлое на части, а отъ читателя требуетъ исполненія „несравненно труднѣйшей, часто невыполнимой задачи: возстановленія одновременно цѣлаго изъ этихъ частей“.

Чѣмъ труднѣе выполненіе такой задачи, чѣмъ болѣе понапрасну тратится усилій, тѣмъ менѣе удовольствія и тѣмъ, значить, несовершеннѣе описаніе въ художественномъ отношеніи.

Перечисленіе одновременныхъ признаковъ бываетъ необходимо для составленія отвлеченнаго понятія о предметѣ. Это дѣло прозаика, нетребующаго отъ читателя усилій воображенія. Слабы описанія промежуточные, недающія ни ясности понятія, ни живости поэтическаго образа.

Волею-неволею языкъ заставляеть насъ разлагать одновременно данные образы на рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій мысли ¹⁾, изъ коихъ каждое (слово) даетъ не болѣе одного признака. Добровольно подчиняясь этому, поэтъ нейдетъ дальше. „Гомеръ не изображаетъ ничего, кромѣ послѣдовательныхъ дѣйствій, и всѣ тѣла, всѣ отдѣльные предметы онъ рисуетъ лишь по мѣрѣ участія ихъ въ дѣйствіи, при томъ обыкновенно не болѣе, какъ одною чертою“ (ib. XVI гл.). Напр., хочеть ли онъ показать колесницу Геры, онъ заставляеть Гебу составлять ее по частямъ (Ил. V, 722). Одежду Агамемнона мы видимъ въ то время, какъ поэтъ изображаетъ самое одѣванье (Ил. II, 43—7): „другой изобразилъ бы одежду до послѣдней складки, и въ тоже время мы невидѣли бы дѣйствія“ (Лаок. XVI гл.) ²⁾

Выстрѣлъ изъ лука, то, что у живописца мы могли бы увидѣть лишь въ готовомъ видѣ, у Гомера превращено въ рядъ дѣйствій, начиная съ охоты за серной, изъ роговъ коей сдѣланъ лукъ. (Ил. IV, 105—126). Мы видимъ у него не щитъ Ахилла, а дѣланье щита, (Ил. XVIII, 476, 606—7).

¹⁾ Слово, ибо каждое слово есть актъ мысли.

²⁾ Въ русскихъ былинахъ замѣчается излишество такихъ *генетическихъ* описаній одѣванья, скидки портокъ и пр. Гальферд. № 59 и др.

Тоже относительно красоты наружности. Поэтъ „долженъ чувствовать, что элементы красоты, изображенные въ послѣдовательности времени, никакъ не могутъ произвести того дѣйствія, какое производятъ, будучи представлены одновременно, одинъ возлѣ другого; что сосредоточивающій взглядъ, который мы бы хотѣли обратить на нихъ назадъ, по ихъ исчисленіи, не соберетъ намъ стройнаго образа; что задача представить себѣ, какой бы эффектъ произвели такой-то ротъ, носъ и такіе-то глаза, соединенные вмѣстѣ, превосходить силы человѣческаго воображенія“, если намъ „въ природѣ или произведеніи искусства недано готовое сочетаніе этихъ частей“ (Лаок. XX гл.).

„Для глаза (въ картинѣ, статуѣ или въ натурѣ) разсматриваемыя части остаются постоянно на виду; онъ можетъ неразъ обозрѣть ихъ снова“ (ib. XVII гл.). При томъ опредѣленность впечатлѣнія зрѣнія такова, что мы можемъ сохранять въ памяти, живо представлять себѣ, воспроизводить очертанія, краски лица, мѣстности. Точно такъ мы можемъ живо помнить и воспроизводить послѣдовательность музыкальныхъ звуковъ, несмотря на то, что звукъ исчезаетъ, смѣняясь другимъ. Между тѣмъ слово, смѣняясь подобно звуку другимъ, отличается тѣмъ, что служитъ лишь очень неопредѣленнымъ знакомъ очертанія, цвѣта, звука. „И относительно изображенія красоты Гомеръ является мастеромъ первой руки. Онъ говоритъ: Нирей былъ прекрасенъ, Ахиллъ еще прекраснѣе (Ил. II 673—4). Елена обладала божественной красотой; но нигдѣ непускается онъ въ подробное описаніе красоты. А между тѣмъ содержаніемъ всей поэмы служитъ красота Елены“ (Лаок. XX гл.). Онъ мимоходомъ упоминаетъ, что у Елены были бѣлыя руки (Ил. III, 121) и прекрасные волосы; но то, чего нельзя описать по частямъ и въ подробностяхъ, Гомеръ умѣетъ показать другимъ образомъ, именно дѣйствіемъ его на другихъ:

„Старцы народа... уже не могущіе въ брани, но мужи совѣта... сильные словомъ“, лишь только увидѣли идущую къ башнѣ Елену, „тихія между собой говорили крылатыя рѣчи“:

„Нѣтъ осуждать невозможно, что Троя сыны и Ахейцы
Брань за тавую жену и бѣды столь долгія терпятъ:

Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна“.

Иліада III, 150—158.

Сходные приемы замѣчены ¹⁾ не въ однихъ гомерическихъ пѣсняхъ. Много примѣровъ можно найти въ русской и сербской народной поэзіи. Съ изображеніемъ лука Пандарова ср. стрѣлы Дюка Степановича (Кирѣев. III, 101—2); генетическое изображеніе стрѣльбы изъ лука встрѣчается въ нѣсколькихъ великорусскихъ былинахъ, между прочимъ въ былинѣ о Потокѣ (Кирѣев. IV, 53, 94); съ изображеніемъ красоты по впечатлѣнію, производимому на другихъ ср. изображеніе красоты Росанды (Караджичъ, II, № 40), описаніе красоты церкви (Карад. II, № 36); а также малор. кол.:

Оришечка... Убіралася, наряжалася
До церкви пішла, якъ зоря зійшла,
У церков вйшла и засіяла.
Тамъ пани стояли да її питали:
„Чи ти царівна, чи королівна?“
Я не царівна, не королівна,
Батькова дочка...

Правило изображать дѣйствіе не моментомъ, а протяженіемъ, рядомъ моментовъ выражается въ великорос. и малорус. пѣсняхъ въ самомъ употребленіи нашихъ несовершенныхъ глаголовъ тамъ, гдѣ современный человѣкъ поставилъ бы совершенный.

Современный поэтъ самою быстротою теченія своей мысли поставленъ въ нѣсколько другія условія; но есть требованія поэтической изобразительности и вмѣстѣ сбереженія силъ читателя, обязательныя для него въ той же мѣрѣ, въ какой они были для древняго поэта.

Въ силу того вниманія ко внѣшней природѣ и той степени ея изученія, которыя сказались въ нынѣшнемъ развитіи ландшафтной живописи, современному поэту приходится изображать пей-

¹⁾ Вуслаевъ, Очерки I, 63—64; Шевыревъ, Ист. рус. слов. I, 104.

зажи чаще и подробнѣе, чѣмъ древнему. Ему больше искушеній перейти мѣру, больше возможности злоупотребленій.

Нельзя обойтись безъ простаго сопоставленія частей ландшафта, но при этомъ должны быть приняты мѣры для облегченія читателю синтеза:

а) Нужно избѣгать дробности частей. Стихотвореніе Фета, при всѣхъ недостаткахъ (непоследовательность, тавтологія), благодаря отсутствію дальнѣйшихъ подробностей, представляетъ сносную картину:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

б) Помня одинаковое отношеніе слова къ явленіямъ свѣта и звука, неостанавливаться исключительно на точкѣ зрѣнія живописца, но не оставлять ее совсѣмъ, связывая явленія, подлежащія другимъ чувствамъ съ видимымъ предметомъ.

в) Ради конкретности изображенія держаться субъективной точки зрѣнія, т. е. своей, или точки воображаемаго зрителя.

г) Незаставлять произвольно мѣнять эту точку, напр. то отдалять или возвышать ее такъ, что картина превращается въ географическую карту, то приближать ее на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ или даже вытянутой руки. Или тамъ, гдѣ необходимость заставляетъ дѣлать это, т. е. гдѣ самъ поэтъ мѣняетъ точку, явственно дѣлать это, вести за собою читателя.

„Если цѣлое должно представлять живую картину, то ни одна часть его не должна выдаваться впередъ, но сильное освѣщеніе должно быть равномерно распределено по всѣмъ частямъ, воображеніе наше съ одинаковою своростью должно обѣжать ихъ всѣ,

для того чтобы соединить изъ нихъ въ одно цѣлое то, что... (глазами) обозрѣвается разомъ“ (Лаоэ. XVII гл.).

д) Помнить, что „всякая поэтическая картина требуетъ отъ читателя предварительнаго знакомства съ описываемыми предметами“ (ib).

Образцы, превращающіе описанія природы въ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій (=повѣствованія) съ опредѣленной точки, на которую легко поставить себя слушателю:

Изъ сербской пѣсни „Женидба крале Вукашина“. Вукашинъ, желая прельстить Видосаву, говоритъ: что у васъ тутъ? Посмотришь вверхъ—горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ; посмотришь внизъ—скалы и утесы, да мутная Тара ворочаетъ камни. Не то у меня въ ровномъ приморьѣ, въ Скадрѣ на Болянѣ:

А какав је Скадар на Бојани!
Кад погледаш брду (вверхъ) изнад града,
Све порасле смокве и маслине,
И још они грозни виногради;
Кад погледаш стрмо (внизъ) изпод града,
Ал узрасла шеница бјелица,
А око ње зелена ливада,
Кроз њу тече зелена Бојана,
По њој плива риба свакојака,
Кадкођ хоћеш, да је тазе (свѣжью) једеш.

Вук. Кар. II, 105—6.

Слушатель перемѣняетъ точку зрѣнія, но каждый разъ разсказчикъ предупреждаетъ эту перемѣну (посмотри вверхъ, внизъ). Другой примѣръ у Пушкина „Обваль“:

Дробясь о мрачныя скалы
Шумятъ и пѣнятся валы;
А надо мной кричатъ орлы
И ропщеть боръ
И блещутъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Примѣръ несоблюденія единства и опредѣленности точки зрѣнія—*степь* въ „Тарасѣ Бульбѣ“ Гоголя: „Ничего въ природѣ не могло быть лучше (для кого?); вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ ворнами шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи“.

Въ *Войнѣ* и *Мирѣ* нѣтъ описаній красоты женской, но читатель не можетъ смѣшать и по наружности жены кн. Андрея, Нелѣпе, Наташи. Такъ присутствіе высочайшихъ цѣлей искусства, можетъ быть, бессознательно ведетъ къ соблюденію частныхъ его правилъ (умѣренности въ описаніяхъ) и наоборотъ, когда поэту нечего связать болѣе важнаго онъ описываетъ.

„Когда плохой поэтъ“ говоритъ Гораций, „не въ силахъ ничего сдѣлать, онъ начинаетъ описывать рощу, жертвенникъ, ручей, вьющійся по злачнымъ лугамъ, шумящій потокъ, радугу“ (Лаокоонъ, XVII гл.).

Если объективный покой превращается поэтическимъ изображеніемъ въ движеніе, то и наоборотъ, когда изображается движеніе, лучше (экономнѣе) недѣлать зрителя участникомъ движенія каждой части, а заставлятъ движеніе проходить передъ его глазами.

Сюда примѣръ изъ Гомера, *Иліада* III, 171 и сл.: Елена съ башни называетъ Пріаму замѣчаемыхъ ямъ героевъ Греціи. Въ сербскихъ пѣсняхъ это обычный приѣмъ—обозначать присутствіе зрителя:

Мили Боже, чуда великога

Да је коме погледати било,

а далѣе описаніе. (Караджичъ II, 111, 561). Лицо обозрѣвающее подымается на башню (Караджичъ, № 45, „Царъ Лазаръ и царица Милица“). Царица выходитъ на башню и спрашиваетъ каждаго проходящаго героя о боѣ на Коссовомъ полѣ. Такой же приѣмъ

въ другой пѣснѣ № 51: Дјевојка Коссовка). У Л. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ“: „Въ срединѣ моста, слѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ периламъ, стоялъ князь Несвицкій... Поглядѣвъ за перила внизъ, князь Несвицкій видѣлъ быстрыя шумныя, невысокія волны Энга... Поглядѣвъ на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразныя живыя волны солдатъ, кутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно усталыми выраженіями (далѣе передъ генераломъ проходить по мосту отдѣльныя части войска), Война и Миръ I, 219—225, изд. 1889 г.

Примѣръ отсутствія перспективы и нарушенія только что указаннаго правила—у Гоголя въ описаніи сада Плюшкина:

„Мѣстами расходились зеленныя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее, какъ темная пастъ; оно все было окинуто тѣнью, и чуть чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чалыжникъ, густой щетиной вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной гущины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и, наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленныя латы—листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ“.

Родословная искусства. Въ раздѣленіи искусствъ на 2 вѣтви: пространственную и временную, заключено указаніе на ихъ родословныя отношенія.

Когда, при нынѣшней обособленности и самостоятельности искусствъ, они все пускаются въ ходъ для произведенія общаго впечатлѣнія, какъ въ оперѣ, мы видимъ, что декорации (т. е. архитектура, скульптура и живопись) съ одной стороны, музыка, пляска и мимика, поэзія съ другой—образуютъ между собою болѣе тѣсныя сочетанія, чѣмъ эти группы другъ съ другомъ.

Такия два сочетанія, данныя одновременно, всегда болѣе менѣе оспариваютъ другъ у друга силу впечатлѣнія и стремятся отгѣснить другъ друга назадъ ¹⁾).

Архитектурныя формы, обнимая собою скульптурныя и живописныя, даютъ общія указанія на распредѣленіе, величину и до нѣкоторой степени и на характеръ этихъ послѣднихъ, непредрѣшая ихъ частнаго содержанія. Подобныя отношенія связи общности и частности существуютъ между музыкою и поэзіей. Нынѣшняя сложность музыкальныхъ произведеній и самостоятельность инструментальной музыки умалается по направленію къ прошедшему; чѣмъ дальше въ старину, тѣмъ служебнѣе отношеніе инструментальной музыки къ пѣнію и поэзіи. Чѣмъ болѣе музыкальный инструментъ сводится на нѣтъ, замѣняясь человѣческимъ голосомъ, тѣмъ общѣе становится правило, что пѣсня поется ради содержанія. „Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собою приходитъ, и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ—такъ только для складу. Отъ *этого*-то этотъ бессознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ“ (В. и М. II, 372). Противоположное явленіе—когда, какъ въ концертномъ и отчасти оперномъ пѣніи, пѣніе независитъ отъ пѣсни и голосъ разсматривается, какъ музыкальный инструментъ. Эта крайность вызываетъ новыя попытки къ сліянію музыки и поэзіи и созданію выразительнаго пѣнія и изобразительной музыки. Тоже—о балетѣ. На относительно первобытной ступени связи музыки и поэзіи, напр. въ русской народной пѣснѣ, можно усмотрѣть, какъ музыкальный періодъ и его части соотвѣтствуетъ синтактическому; но

---

¹⁾ Man soll sich alles praktisch denken und deshalb auch dahin trachten, dass verwandte Manifestationen der grossen Idee, insofern sie durch Menschen zur Erscheinung kommen sollen, auf eine gehörige Weise ineinander wirken. Malerei, Plastik und Mimik stehen in einem unzertrennlichen Bezug; doch muss der Künstler, zu dem einen berufen, sich hüten, von dem andern beschädigt zu werden: der Bildhauer kann sich vom Maler, der Maler vom Mimiker verführen lassen und alle drei können einander so verwirren, dass keiner derselben auf den Füßen stehen bleibt. Göthe, Sprüche, 144—5.

тутъ же усматривается разница въ средствахъ и цѣляхъ поэзіи и музыки.

Музыка относится къ поэзіи, какъ архитектура къ ваянію и живописи.

Распределеніе пѣсенъ по напѣвамъ научное было бы только восстановленіемъ, исправленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціацій уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ. Когда Ст. Верковичъ спросилъ у Дафины изъ Сереча, отъ которой онъ записалъ 270 пѣсенъ, какъ ей приходятъ на память пѣсни, она отвѣчала, что она находитъ пѣсни только по напѣву, т. е. какъ только вспомнить напѣвъ, слышанный еще въ молодости, тотчасъ же приходитъ ей на память и пѣсня (Ст. Верковичъ, Нар. п. Макед. бугара, I, XVI).

По количеству частей музыкальнаго періода можно судить о количествѣ синтаксическихъ частей размѣра; но угадать, каковы именно будутъ эти послѣдніе, невозможно, ибо напр., та же музыкальная фраза соотвѣтствуетъ въ одномъ случаѣ опредѣленію и опредѣляемому (червоная валинонька,) въ другомъ обстоятельстве и подлежащему + сказуемое (тамъ дівчина журилася).

Невозможно точное соотвѣтствіе напѣва и лексическихъ значеній словъ пѣсни.

Знаменательность словъ даетъ каждому тѣ же представленія, возбуждающія опредѣленные образы и черезъ ихъ посредство чувство. Ни отдѣльные звуки напѣва, ни его фразы не имѣютъ и той знаменательности, которая остается за отдѣльными словами, вырванными изъ связной рѣчи. Напѣвъ, какъ единство частей, тоже не имѣетъ той непосредственной знаменательности, какую имѣютъ произведенія изобразительныхъ искусствъ: живопись, поэзія. Онъ, какъ произведеніе архитектурное, неизображаетъ ничего виѣшняго, даннаго въ природѣ; онъ возбуждаетъ первоначально лишь неопредѣленные чувства удовольствія съ безчисленными оттѣнками радости, веселья, бодрости до невольныхъ ритмическихъ движеній, грусти или печали до слезъ, покоя до усыпленія; а эти чувства при благоприятныхъ условіяхъ могутъ вызвать ряды образовъ.

Примѣры:

„И зачалъ тутъ Ставрѣ поигрывать, сыгрышь сыгралъ Царя града, Танцы повелъ Иерусалима, Величалъ князя со княгинею, Сверхъ того игралъ еврейской стих“. Посоль задремалъ и спать захотѣлъ (Кирѣев., IV, 67, Кирша Дан.). Ср. Караджичъ, II, 250—6: Марко Кралевичъ просить спѣть воеводу Милоша:

„А мај брате, војвода Милошу
Тешко ме је санаѣ обрвао
Певај брате те ме разговарај“
...Онда Милош поче да попева
А красну је песму започео
Од сви наши бољи и старији,
Како ј' који држ'о краљевину
По честитој по Маѣдонији,
Како себе има задужбину;
А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје

Марко спава, Милош попијева, Кар. II, 215—6.

Примѣры (изъ новѣйшей русской литературы) изображенія дѣйствія музыки: Тургеневъ „Дворянское гнѣздо“ (музыка Лемма), Л. Толстой „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Война и Миръ“ (II, 84)—Николай Ростовъ слушаетъ пѣніе Наташи: „И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и всё въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: Oh, mio cuore affetto... Разъ, два, три... разъ, два, три... разъ. Эхъ жизнь наша дурацкая!—думалъ Николай. Все это—и несчастье и деньги, и Долоховъ, и злоба, и честь—все это вздоръ... а вотъ оно настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчикъ, ну, матушка!... какъ она этотъ сі возьметъ? взяла! слава Богу! И онъ самъ, не замѣчая того, что онъ поетъ, взялъ втору въ терцію высокой ноты. „Боже мой, какъ хорошо! Неужели это я взялъ? какъ счастливо!“—подумалъ онъ (можно зарѣзать, украть,—и все таки быть счастливымъ).

Словесныя изображенія музыки (сладкая, страстная мелодія... вся сіяла... росла, таяла и пр.) и ея дѣйствія приводятъ только

къ тому, что мы напередъ знаемъ, что музыка словами неизобразима, т. е., что она есть самостоятельное, незамѣнимое искусство, и что хотя она шевелить „отрадное мечтанье“, т. е. можетъ входить въ ассоціацію съ извѣстными образами, но не даетъ имъ развиться и сама по себѣ лишена и той доли объективности и опредѣленности мысли, какая свойственна слову.—Музыка не изобразима словами; но возможны изображенія моментовъ наибольшаго воспріятія. Сюда и по поводу эстетическаго воспитанія вообще Гёте: *Echt ästhetisch-didaktisch könnte man sein, wenn man mit seinen Schülern an allem Empfindungswerthen vorüberginge, oder es ihnen zubrächte im moment, mo es kulminiert und sie höchst empfänglich sind. Da aber diese Forderung nicht zu erfüllen ist, so müsste der höchste Stolz des Kathederlehrers sein, die Begriffe so vieler Manifestationen in seinem Schülern dergestalt zum Leben zu bringen, dass sie für alles Gute, Schöne, Grosse, Wahre empfänglich würden um es mit Freuden aufzufassen, wo es ihnen zur rechten Stunde begegnete. Ohne das sie es merkten und wüssten, wäre somit die Grundidee, woraus alles hervorgeht, in ihnen lebendig geworden,* G. Spr. 144.

Если музыка возникла изъ пѣнія, поэзіи, то стихотворство, размѣръ—изъ связи слова съ пѣніемъ. Выдѣленію инструментальной музыки соответствуетъ выдѣленіе сложныхъ поэтическихъ произведеній, несвязанныхъ ритмичностью.

Слово и его свойства. Рѣчь и пониманіе.

Понять дѣйствіе слова и въ частности поэзіи можно, конечно, только наблюдая свойства самаго слова.

Отношеніе говорящаго къ употребляемымъ словамъ двояко ¹⁾.—Во-первыхъ, къ значительной части этихъ словъ онъ относится

---

¹⁾ По отношенію къ слову возможны два вопроса: *что оно значитъ и какъ (какимъ образомъ) значитъ?* Отвѣтомъ на второй вопросъ служитъ указаніе на значеніе предшествующаго слова и на *отношеніе* этого значенія къ новому.

почти такъ, какъ ребенокъ, который впервые знакомится съ ихъ звуками и значеніемъ. Мы говоримъ ребенку, указывая на вещи или изображенія: это *домъ, тѣсъ, соль, сыръ*,—это растеніе—*донникъ*. Дитя по нашимъ указаніямъ, но самостоятельно составляетъ себѣ соотвѣтственные образы и понятія. Мы умышленно или неумышленно не позволяемъ ему сойти съ пути, намѣченнаго преданіемъ, т. е. назвать, напримѣръ, *домъ тѣсомъ, соль сырмъ*; но обыкновенно, даже при желаніи, не можемъ объяснить, почему *соль* называется *сыромъ* и наоборотъ. Единственное объясненіе: такъ говорятъ, такъ говорили изстари. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ подъ давленіемъ преданія значеніе непосредственно и безотчетно примыкаетъ къ звуку ¹⁾.

Во-вторыхъ, въ другой части словъ мы относимся болѣе активно. Именно, стоитъ употребить такіа слова въ переносномъ, производномъ смыслѣ или образовать отъ нихъ новыя, и основанія такого дѣйствія скажутся, будутъ тѣмъ явственнѣе, хотя бы мы и не въ состояніи были дать въ нихъ отчета ²⁾—напримѣръ, когда мы говоримъ: я здѣсь (т. е. въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу мыслей) „дома“, или „я тутъ (какъ) въ лѣсу“, „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, „волка какъ ни корми, онъ все въ лѣсъ смотреть“. Въ послѣднемъ примѣрѣ „въ лѣсъ“ значитъ приблизительно тоже, что „вонъ“, т. е. въ сторону противоположную домашнему, дружескому, симпатичному, и это значеніе изображено, или, говоря психологическимъ терминомъ, *представлено* признакомъ взятымъ изъ значенія „*въ тѣсъ*“. Всякое удачное изслѣдованіе этимологически неяснаго слова приводитъ къ открытію въ немъ такого представленія, связующаго это слово съ значеніемъ предшествующаго слова и т. далѣе въ недосыгаемую глубину вѣковъ ³⁾.

¹⁾ Таковы, напримѣръ, *домъ*, (ибо сближеніе съ глаголомъ, означающимъ „укрощать“ (*дам-*) „вязать“ (*да-дѣ-*) не все разъясняетъ), нар. *дѣма, тѣсъ*.

²⁾ Примѣры, сюда относящіеся,—въ соч. „Мысль и Языкъ“ въ I томѣ „Записокъ по русской грамматикѣ“, „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“.

³⁾ Въ сказкахъ: „Избушка, избушка стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. „Вънь“ (изъ минит. ед.), „вънѣ“ (мѣств. ед.), существ. „извъна“ („всю извъну (деревя) украси“, Новг. I, 32) не можетъ быть сравниваемо съ сскр. *विना*, безъ (Pott, Et.

Тоже самое и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ формальнымъ элементамъ слова, напр. *a* въ дом|*a*.

Изъ примѣровъ, разобранныхъ ниже (см. метафора, метонимія) будетъ видно, что производныя значенія тоже могутъ быть даны преданіемъ; но они могли бы и дѣйствительно быть произведены вновь. Дѣло здѣсь не въ этомъ, а лишь въ томъ, что преданіе можетъ передавать слово съ явственнымъ представленіемъ.

Всякое созданіе новаго слова изъ прежняго создаетъ вмѣстѣ съ новымъ значеніемъ и новое представленіе. Поэтому можно сказать, что первоначально всякое слово состоитъ изъ трехъ элементовъ: единства членораздѣльныхъ звуковъ, т. е. *внѣшняго знака* значенія; *представленія*, т. е. *внутренняго знака* значенія и самаго *значенія*. Другими словами, въ это время въ двойномъ отношеніи есть (имѣется на лицо) *знакъ значенія*: какъ звукъ, и какъ представленіе.

Звукъ и значеніе навсегда остаются непремѣнными условіями существованія слова, представленіе же теряется¹⁾ (см. ниже). Такая потеря объясняется слѣдующимъ. При помощи слова совершается познаніе. Познаніе есть приведеніе въ связь познаваемого (Б) съ прежде познаннымъ (А), сравненіе *B* съ *A* при помощи признака общаго и тому и другому, взятаго изъ *A*, признака, который мы обозначимъ *a*. Жизнь слова состоитъ въ его употребленіи, т. е. въ примѣненіи къ новымъ случаямъ. При этомъ количество признаковъ *B* увеличивается и ихъ связь между собой закрѣпляется; вновь входящій въ *B* признакъ напр. *b'''* примыкаетъ уже не непосредственно къ *a* и *A*, а черезъ *b'*, *b''*. Т. о. *a* въ числѣ призна-

Forstch. I, 718, Micl. Lexic.) а) потому что изъ *em* должно выйти *es*—, а не *ez*—, какъ въ *es-но*; б) потому что явственность надежныхъ значеній заставляетъ предполагать уже въ славянскихъ языкахъ существительное со значеніемъ столь же вещественнымъ, какъ то, которое предполагается сходнымъ по значенію выраженіемъ *foras* и *foris*, на *дворъ* (рус. серб.) и на *дворъ*, серб. на *поле*, на *полу*, вѣ; с *поля*, с-извѣ, снаружи; латыш. *ārā*, вѣ, *ārāu*, вонъ; литов. *orė* = сскр. *arē* вѣ при латыш. *araz* — все вѣ дома. Поэтому можно согласиться съ Ягичемъ (Podmladjena Vokaliz. 29, Rad, IX), что *es* примыкаетъ къ сскр. *vana*—лѣсь, т. е. что въ этомъ словѣ значеніе *foras* представлено признакомъ, взятымъ изъ значенія *es* лѣсь.

1) Напр. *щитъ*, за-щита; *лалъ*, брехать.

ковъ Б становится несущественнымъ. Говорящій незаинтересованъ въ восстановленіи этого *a*, скорѣе наоборотъ, оно ему мѣшаетъ. Поэтому *a* все рѣже и рѣже входитъ въ сознание и наконецъ исчезаетъ, вмѣстѣ съ чѣмъ *B*, какъ зрѣлый плодъ, выросшій на *A*, отрывается отъ него ¹⁾ и черезъ посредство взятыхъ изъ нихъ представленій *b'*, *b''*, *b'''* становится основаніемъ для образованія *B*, *Г* и т. д. Примѣромъ можетъ служить образованіе ряда значеній *защита* (*B*) изъ *щитъ* (*A*), *кожа* ²⁾.

Иначе: дѣйствіе мысли въ возникающемъ словѣ есть сравненіе двухъ мысленныхъ комплексовъ, вновь познаваемого (*X*) и прежде познаннаго (*A*) посредствомъ представленія (*a*), какъ *tertium comparationis*. Такъ какъ упомянутые комплексы всегда болѣе или менѣе разнородны, то возникающее слово всегда *многосказательно* въ двойномъ отношеніи: какъ по различію *X* и *A*, такъ и по различію *a* и *A*. Сравненіе слѣдуетъ отличать отъ уравненія, въ коемъ обѣ величины готовы въ мысли до своего сближенія, напр. $\angle ABC = \angle CBD$, причеиъ все равно, сравнивается ли первое со вторымъ, или наоборотъ. Въ словѣ это не безразлично. Теченіе мысли направлено отъ *A* къ *X* и интересъ сосредоточенъ на послѣднемъ. Познаваемое есть не только отношеніе *X* въ *A*, но и самое *X*.

Представленіе выдѣляетъ *a* (изъ *B*.) (корова, венд. *срва* роговой, *κῆρας* рогатый (эпитетъ оленя), *servus*); оно даетъ а) сознание единства данныхъ возрѣнію комплексовъ; б) установленіе единства связей (комплексовъ), которыя даны лишь въ своихъ стихіяхъ; в) чрезъ устраненіе несущественнаго (*идеализацію*) *облегчаетъ* обобщеніе, стало быть, увеличиваетъ разстояніе между человѣческой абстракціей и конкретностью животной мысли; г) создаетъ категорію объектовъ мысли. Предметъ мысли *A* не есть $a + b + c$ (признаки), а вмѣстѣ возможность неизвѣстныхъ *x*, *y*... (Мысль и языкъ, 153). Представленіе замѣщаетъ собою образъ. Отсюда большая быстрота мысли (М. и яз., 168—9). Посредст-

¹⁾ Мысль и языкъ, гл. IX, 157—160, гл. X, 205—7.

²⁾ См. этимологію слова „верста“. Изъ записокъ, т. I, 1—5.

вомъ соединенія представленія съ другими представленіями производится расчлененіе образа, *превращеніе его въ понятіе*, установленіе связи между мыслями, ихъ подчиненіе и соподчиненіе, (классификація). Разложеніе комплекса признаковъ въ рядъ признаковъ, мыслимыхъ послѣдовательно, прямо вліяетъ на вѣрность умозаключеній. (См. ниже о мифѣ).

Уже при самомъ возникновеніи слова между его значеніемъ и представленіемъ, т. е. способомъ, какимъ обозначено это значеніе, существуетъ неравенство: *въ значеніи всегда заключено больше чѣмъ въ представленіи*. Слово служитъ лишь точкой опоры для мысли. По мѣрѣ примѣненія слова въ новымъ и новымъ случаямъ, это несоотвѣтствіе все увеличивается. Относительно широкое и глубокое значеніе слова (напр. защита) стремится оторваться отъ сравнительно ничтожнаго представленія (взятаго изъ слова *щитъ*), но въ этомъ стремленіи производитъ лишь *новое слово*. Добытая мыслью новыя точки прикрѣпленія усиливаютъ ея ростъ. Такимъ образомъ эта непрерывная борьба мысли со словомъ, „при надлежащей свѣжести духовныхъ силъ производитъ все большее и большее усовершенствованіе языка и обогащеніе его духовнымъ содержаніемъ¹⁾“.

Что могло заключаться въ мысли до языка? То, что останется, если вычестъ изъ наличнаго состава мысли все, что недано чувственными воспріятіями. Чувствами недана ни субстанція, ни качество, ни дѣйствіе. Ими объединены лишь такія связки впечатлѣній, какъ *зѣръ, растеніе, камень*, но и эти связки нерасчленены; затѣмъ—масса несвязныхъ впечатлѣній.

При помощи слова человекъ вновь узнаетъ то, что уже было въ его сознаніи. Онъ одновременно и творитъ новый міръ изъ хаоса впечатлѣній и увеличиваетъ свои силы для расширенія предѣловъ этого міра.

¹⁾ W. Humboldt Ueber die Verschiedenheit, Ed. Pott. II, 121. Примѣчаніе Потта ib. 460, гдѣ между прочимъ примѣры: *virtus*, первоначально только „мужество“; англ. *humour* изъ теоріи соковъ въ человѣческомъ тѣлѣ; нѣм. *laune* сравн. *lune*, лат. *luna*, луна—отъ первоначальнаго представленія о фазахъ луны къ измѣнчивости счастья и настроенія. Въ этомъ отношеніи любопытна этимологія словъ *основа, почва*.

Этимологія, будетъ ли ученая или народная, весьма мало измѣняетъ количественное отношеніе между словами, которыя въ данное время первообразны (т. е. словами съ потеряннымъ представленіемъ, безобразными) и словами производными, переносными, съ иснымъ представленіемъ, образными. Пусть этимологія объяснитъ мнѣ, что *донникъ* есть растеніе, употреблявшееся въ болѣзни *дыма*, что *соль* предполагаетъ значеніе *соленой воды*, *защита*—значеніе *кожи*, *оборона*—значеніе *бороны* и т. п.; это не заставитъ меня мыслить въ подобныхъ словахъ ихъ значенія *образно*, ибо это неизмѣнитъ разъ установившейся несоотвѣтственности между значеніемъ и представленіемъ и ненужности этого послѣдняго. Такъ исторія искусства можетъ показать, почему извѣстные дошедшіе до насъ образы производили глубокое впечатлѣніе на современниковъ; она можетъ обострить нашъ умъ и косвенно повліять на нашу собственную художественную дѣятельность, но разъ устарѣвшій для насъ образъ „нешевелить“ въ насъ „отраднана мечтанья“, исторія этому непоможетъ. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія положенія: одновременное существованіе въ языкѣ словъ образныхъ и безобразныхъ условлено свойствами нашей мысли, зависимой отъ прошедшаго и стремящейся въ будущее. Развитіе языка совершается при посредствѣ *затемнѣнія* представленія и *возникновенія*, въ силу этого и въ силу новыхъ воспріятій, новыхъ образныхъ словъ. Надо думать, что въ отдѣльныхъ лицахъ, говорящихъ тѣмъ же языкомъ количественная разница между образными и безобразными словами можетъ быть очень велика; но что должны быть средніе предѣлы колебаній, выходъ изъ коихъ возможенъ лишь при ненормальномъ состояніи народа.

До сихъ поръ мы разсматривали слово со стороны его значенія для самого говорящаго; но въ дѣйствительности языкъ возможенъ только въ обществѣ. Уединенная работа мысли можетъ быть успѣшна только на значительной ступени развитія, при пользованіи письменностью, отчасти замѣняющей бесѣду. Лишеніе общества и его суррогатовъ можетъ довести до оупѣнія или сумашествія даже высоко развитаго человѣка. Какъ въ одушевлен-

номъ разговорѣ личная рѣчь течетъ свободнѣе и пріобрѣтаетъ достоинства незамѣтныя при уединенной мысли; такъ усовершенствованіе языка народа находится въ прямомъ отношеніи со степенью живости обмѣна мысли въ обществѣ (Ср. Humboldt, § 9, 67), обмѣна, возможность коего условлена сходствомъ челоѳической природы вообще и въ частности еще большимъ сходствомъ лицъ того же народа и племени. „Одна головня негоритъ, а тлѣетъ“. Собираясь ночью пробраться въ троянскій станъ, Диомедъ:

„Несторъ! меня возбуждаетъ душа и отважное сердце
Въ станъ враждебный войти, недалеко лежащій троянскій.
Но когда и другой кто со мною итти пожелаетъ,
Болѣе бодрости мнѣ и веселости (= смѣлости) болѣе
будетъ:

Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ,

Что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслить,
Медленнѣй дума его и слабѣе рѣшительность духа“.

Ил. X, 220.

Для пріобрѣтенія достоинствъ слога, популярности изложенія, мало личнаго старанія: необходимы внѣшнія условія. Невозможно стать дѣйствительно писателемъ для дѣтей, для малограмотнаго народа, для общества, непрѳривъ и непрѳрѣя постоянно понятности и силы своихъ словъ на тѣхъ, кому они предназначены. Имѣя передъ собой не дѣйствительныхъ слушателей, а лишь воображаемыхъ на основаніи нѣсколькихъ предварительныхъ данныхъ, непремѣнно попадешь въ просакъ. Чтобы письменная рѣчь получила легкость и ясность разговорной, нужно, чтобы разговоръ предшествовалъ письму и оставался мѣриломъ во время писанья. Нужно сначала жить въ обществѣ, чтобы не напрасно писать для него. Такъ было во Франціи въ XVIII в. „Тогда не выходило книги, написанной не для свѣтскихъ людей, даже не для свѣтскихъ женщинъ... Сочиненія исходили изъ салона и, прежде чѣмъ публикѣ, сообщались ему... Характеръ общества дѣлалъ записныхъ философовъ свѣтскими людьми по болѣе общему правилу

и въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы и когда бы ни было... Публика обязывала такого человѣка быть писателемъ еще болѣе, чѣмъ философомъ, заботиться о способѣ выраженія столько же, сколько о мысли... Ему нельзя было быть человѣкомъ кабинетнымъ. Онъ здѣсь не просто ученый, погруженный, какъ нѣмецъ, въ свои фоліанты и размышленія, имѣющій слушателями только записывающихъ студентовъ, а читателями ученыхъ, согласныхъ принять на себя этотъ трудъ, не Кантъ, который, составивъ себѣ особый языкъ, ждетъ, что публика ему выучится, и выходитъ изъ своей рабочей комнаты, лишь чтобы отправиться въ аудиторію. Здѣсь, напротивъ, относительно слова (*en fait de parole*) всѣ знатоки, даже записные. Математикъ Даламберъ обнаруживаетъ трактатъ о краснорѣчїи; натуралистъ Бюффонъ произноситъ рѣчь о слогѣ; законовѣдъ Монтескье составляетъ сочиненіе о вкусѣ; психологъ Кондильякъ пишетъ книгу объ искусствѣ писать. Taine, *Les origines de la France contemporaine, L'ancien regime* 2, 231—4.

Мы говоримъ не только тогда, когда думаемъ, что насъ слушаютъ и понимаютъ, но и про себя и для себя ¹⁾. Хотя мысль существуетъ и до слова и хотя не всякая мысль прошедшая севозь слово выразима словомъ, тѣмъ не менѣе отчасти правъ старинный книжникъ, объясняющій а *potiogi* мысль, какъ скрытую рѣчь: „гаданіе—сѣкръвень глаголь (тѣлкованіе неудобъ познаваемомъ въ писаныхъ речемъ“ 1431 г. Калайдовичъ, „Іоаннъ Эзархъ Болгарскій“, 197, Буслаевъ, „О преподаваніи отечественнаго языка“).

Чѣмъ сложнѣе то, что мы намѣрены сказать другимъ, тѣмъ явственнѣе для насъ различіе и одновременность двухъ моментовъ рѣчи: 1-го, когда обдумываемъ и говоримъ для себя, и 2-го, когда говоримъ другимъ. Тоже различіе, только менѣе ощутительное, и въ простѣйшемъ словѣ.

По этому можно отдѣльно разсматривать: 1) дѣйствіе рѣчи на самого говорящаго и 2) дѣйствіе ея на слушающаго и пони-

---

¹⁾ То, что слово существуетъ для говорящаго раньше, чѣмъ для слушателей, объясняетъ явленія регрессивной ассимиляціи и аттракціи и *hysteron-proteron* въ фонетикѣ и синтаксисѣ.

мающаго, *пониманіе*. А такъ какъ элементы слова и словеснаго произведенія тождественны, то также раздѣльно можно разсматривать и дѣйствіе словеснаго (въ частности поэтическаго, вообще художественнаго) произведенія на самого автора и на понимающаго.

Дѣйствіе слова на самого говорящаго. Міръ является намъ лишь какъ ходъ измѣненій, происходящихъ въ насъ самихъ. Задача, исполняемая нами, состоитъ въ непрерывномъ разграниченіи того, что мы называемъ своимъ я и всего прочаго *не я*, міра въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Познаніе своего я есть другая сторона познанія міра, и наоборотъ.

Но какъ возможно самопознаніе, когда я есть непрерывное теченіе, когда познаваемое въ мгновеніе познанія уже ушло, уже неуловимо?

„Erkenne dich!“ Was soll das heissen?
Es heisst: „Sei nur!“ und „Sei auch nicht!“
Es ist eben ein Spruch der lieben Weisen,
Der sich in der Kürze widerspricht.
„Erkenne dich!“ — Was hab' ich da für Lohn?
Erkenn' ich mich, so muss ich gleich davon.
Als wenn ich auf den Maskenball käme
Und gleich die Larve vom Angesicht nähme.

Göthe, Sprüche, 32.

Противорѣчіе, заключенное въ понятіи самопознанія, устраняется тѣмъ, что мы познаемъ не свое настоящее, неуловимое, а свое прошедшее (какъ познаемъ лишь прошедшее міра: я вижу звѣзду не какъ она есть, а какъ она была, когда послала лучъ ко мнѣ; теперь можетъ быть ея и нѣтъ). Всякое познаніе по существу исторично и имѣетъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ будущему.

Но какъ возможно самопознаніе и, въ этомъ смыслѣ, познаніе и своего прошедшаго?

Niemand wird sich selber kennen
Sich von seinem Selbst-Ich trennen;
Doch probier' er jeden Tag,

Was nach aussen endlich, klar,
Was er ist und was er war,
Was er kann und was er mag. Göthe, Spr. 85.

Wie kann man sich selbst kennen lernen? Durch Betrachten niemals, wohl aber durch Handeln (въ нравственномъ смыслѣ): Versuche deine Pflicht zu thun, und du weisst gleich, was an dir ist.—Was aber ist deine Pflicht? Die Forderung des Tages. Göthe, ib. 107.

Непосредственное самопознание невозможно. Первообразное невольное дѣйствіе, предполагаемое самопознаниемъ, состоитъ въ томъ, что непрерывно утекающее состояніе нашего я оставляетъ болѣе ощутительный слѣдъ въ членораздѣльномъ звукѣ. Воспроизведеніе звука облегчаетъ, впрочемъ всегда неточное, воспроизведеніе мысли. Звукъ становится намекомъ, *знакомъ прошедшей мысли*. Въ этомъ смыслѣ слово *объективируетъ* мысли, ставитъ ее передъ нами, служить тѣмъ *дѣломъ*, безъ котораго невозможно самопознание, какъ первоначально, до приобрѣтенія навыка, невозможно считать, не указывая на считаемыя вещи или не передвигая ихъ, невозможно играть въ шахматы, не передвигая шашекъ.

Слово дѣлитъ непрерывное теченіе воспріятій на отдѣльные акты и такимъ образомъ создаетъ объекты мысли, подлежащіе дѣйствію другихъ такихъ же.

Пониманіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Произнося слово „корова“, говорящій думаетъ слѣдующее: то, что я вижу, представляется мнѣ рогатымъ. Такимъ образомъ требующее объясненіе новое, чисто личное воспріятіе черезъ посредство представленія, признака, общаго ему съ прежнимъ запасомъ мысли, объясняется этимъ послѣднимъ. Слушающій получаетъ отъ этого процесса только звуки: „корова“, которые будятъ въ немъ отношеніе къ комплексу мысли, который онъ самъ объективировалъ въ подобныхъ звукахъ. Сужденіе, происходящее въ немъ при пониманіи этого слова, таково: „Эти звуки значать нѣчто, представляемое рогатымъ“. Допустимъ, что оба они видятъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и что пониманіе облегчено жестами, указаніемъ со стороны гово-

рящаго. При этомъ окажется, что чувственное воспріятіе „корова“ въ томъ и другомъ различны; что объясняющіе комплексы въ томъ и другомъ различны еще болѣе, ибо разница ихъ состава зависитъ не только отъ различія прежнихъ воспріятій, но и отъ различія сочетаній, въ которыя вошли эти воспріятія съ другими. Общимъ между говорящимъ и слушающимъ, понимающимъ окажется только звуки и представленіе, а въ случаѣ затемнѣнія представленія (рогатый)—только звуки. Такимъ образомъ, „никто недумаетъ при словѣ именно того самого, что другой“. Поэтому „всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе; всякое согласіе въ мысляхъ—разногласіе“ (Humboldt, 78). „Въ душѣ нѣтъ ничего, кромѣ созданнаго ея самодѣятельностью“ (Humboldt, 68). Пламя свѣчи, отъ которой зажигаются другія свѣчи, не дробится; въ каждой свѣчѣ воспламеняются свои газы. Такъ при пониманіи мысль говорящаго не передается слушающему; но послѣдній, понимая слово, создаетъ свою мысль, занимающую въ системѣ, установленной языкомъ, мѣсто, сходное съ мѣстомъ мысли говорящаго. Думать при словѣ именно то, что думаетъ другой, значило бы перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли въ говорящемъ и слушающемъ есть такая же иллюзія, какъ и та, въ силу коей мы принимаемъ собственныя ощущенія за вѣщныя предметы.

Тѣмъ не менѣе наше слово дѣйствуетъ на другихъ. Оно устанавливаетъ между заменутыми въ себѣ личностями связь, не уравнивая ихъ содержанія, а такъ сказать „настраивая ихъ гармонически“ (Humboldt, 68).

Въ процессѣ пониманія сказываются тѣже основныя черты слова, что и въ рѣчи. „Рѣчь и пониманіе суть лишь разныя стороны одного и того же явленія“ (Humb., 68). Такимъ образомъ разсмотрѣніе процесса пониманія служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что языкъ мыслимъ только какъ средство (или точнѣе система средствъ), видоизмѣняющее созданія мысли; что его невозможно бы понять, какъ выраженіе готовой мысли, ибо будь оно таково, оно имѣло бы значеніе только для своего создателя или для тѣхъ, которые съ нимъ сговорились (что имѣетъ мѣсто отно-

сительно условныхъ знаковъ), или же, что невозможно, пониманіе состояло бы въ передачѣ мысли, а не ея возбужденіи.

Ученію о значеніи слова соотвѣтствуетъ критика художественнаго произведенія. Параллель между словомъ и сложнымъ словеснымъ произведеніемъ здѣсь выражается въ слѣдующемъ. *Въ словъ:* 1) *среда*, изъ которой берется образъ (*A*): *N* поймалъ (при такихъ-то условіяхъ) такого-то звѣря, что заключено въ словѣ *хытръ*; 2) *примѣненіе* въ другому такому же случаю x_1, x_2, x_3 и проч. или въ случаю отличному (*N* поймалъ не звѣря, а взялъ невѣсту, уловилъ чужую мысль); 3) общее между *A* и x_1, x_2, x_3 , т. е. признакъ отъ нихъ отвлекаемый (*a*).

Въ словесномъ произведеніи: тоже *A* (изъ среды α, β и пр.), x и *a*. Изслѣдованіе этихъ трехъ моментовъ и есть содержаніе критики.

Три составныя части поэтическаго произведенія.

Предлагаемая ниже опредѣленія поэзіи не представляютъ интереса новизны, но, быть можетъ, покажутся не совсѣмъ лишними въ виду того, что въ нашихъ учебникахъ, а отчасти и въ журнальной критикѣ до сихъ поръ, какъ въ 40-хъ, 50-хъ годахъ, о поэзіи говорятъ поэтическими образами, сравненіями. Тогда говорилось: „поэзія это не что иное, какъ благоуханіе розы, сонъ дѣвы, мечта юноши и т. п. (см. ниже). Поэзія объясняется терминами, которые сами требуютъ объясненія, а часто и вовсе необъяснимы. Напр. „поэзія, какъ искусство, представляетъ сущность предметовъ, ихъ идеи, не отвлеchenно, т. е. не въ сужденіяхъ, а конкретно, т. е. въ образахъ, посредствомъ слова. Образы создаются творческою способностью, фантазіей. Отъ степени ея силы зависитъ большее или меньшее достоинство созданныхъ образовъ. Наибольшая сила обнаруживается въ созданіи такихъ образовъ, которые въ совершенной чистотѣ и истинѣ воплощаютъ въ себѣ идеи и образуютъ съ ними нераздѣльное органическое единство“. (Галаховъ) „Тѣ же вопросы, о степени соотвѣтствія формы

идей были прилагательны до недавняго времени и къ оцѣнкѣ произведеній скульптуры и живописи“. (Буслаевъ. М. Дос. II, 104).

„Если поэтическое произведение отличается такимъ сочетаніемъ идеи и образа (какъ формы идеи), что форма вполне соотвѣтствуетъ идеѣ и даетъ возможность ясно созерцать ее, то оно получаетъ названіе художественнаго“ (Галах. Ист. Рус. Слов. учеб. для сред. учеб. зав. Спб. 1891, 186). „Поэзія, какъ искусство“... Значитъ есть поэзія не какъ искусство, а какъ что же? Если имѣется въ виду возможность поэтическихъ произведеній нехудожественныхъ, т. е. дурныхъ, то это напрасно. Спрашивается, что такое сапогъ и сапожникъ, а отвѣчаютъ, что сапоги и сапожники бываютъ хорошіе и дурные. „Поэзія представляетъ *сущность идеи предметовъ*“. А что такое *сущность*, идея? Платоново *νοῦμενον*? Есть ли разница между ними и понятіями? Въ поэзіи Державина выражается идея „правды“ (Шевыр. у Гал. Ист. Р. Сл. I, Отд. 2, 184). Такое блѣдное отвлеченіе принимаютъ за *сущность*. Въ такомъ случаѣ уже лучше Платонова *οὐσία*.

Поэзія говоритъ *не сужденіями*; но мы привыкли думать, что сужденіе есть такая форма, безъ коей никакое движеніе вполне человеческой мысли невозможно. Что также фантазія? Если форма можетъ вполне соотвѣтствовать идеѣ, то, чтобы судить объ этомъ, мы должны знать идею автора, что безусловно невозможно. Если же идея произведенія въ каждомъ понимающемъ другая, то полное соотвѣтствіе образа и идеи невозможно.

Изъ двухъ состояній мысли, связывающихся въ словѣ съ живымъ и въ словѣ съ забытымъ представленіемъ, въ области болѣе сложнаго словеснаго (происходящаго при помощи слова) мышленія, возникаетъ поэзія и проза. Ихъ опредѣленіе въ зародышѣ лежитъ уже въ опредѣленіи 2-хъ упомянутыхъ состояній слова. Та и другая подобно языку и другимъ искусствамъ суть столько же извѣстные способы мышленія, извѣстныя *дѣятельности*, сколько и *произведенія*.

Элементамъ слова съ живымъ представленіемъ соотвѣтствуютъ элементы поэтическаго произведенія, ибо такое слово и само по себѣ есть уже поэтическое произведеніе. Единству членораздѣльныхъ звуковъ (внѣшней формѣ слова) соотвѣтствуетъ внѣшняя форма поэтическаго произведенія, подъ коей слѣдуетъ разумѣть не одну звуковую, но и вообще словесную форму, знаменательную въ своихъ составныхъ частяхъ.

Уже внѣшнею формою условленъ способъ воспріятія поэтическихъ произведеній и отличіе отъ другихъ искусствъ. Представленію въ словѣ соотвѣтствуетъ образъ (или извѣстное единство образовъ) въ поэтическомъ произведеніи.

Поэтическому образу могутъ быть даны тѣ же названія, которые приличны образу въ словѣ, именно: знакъ, символъ, изъ коего берется представленіе, внутренняя форма.

Значенію слова соотвѣтствуетъ значеніе поэтическихъ произведеній, обыкновенно называемое идеей. Этотъ послѣдній терминъ можно бы удержать, только очистивъ его отъ приставшихъ къ нему трансцендентальностей.

Поэтическій образъ служитъ связью между внѣшнею формою и значеніемъ.

Внѣшняя форма обусловливаетъ образъ.

Образъ *примѣняется*, „примѣряется“ (мр. „не до васъ приміряючи“ напр. образную поговорку); поэтому образъ можетъ быть названъ *примѣромъ*, въ стар. русс. *примѣча*, потому что она *примѣчается*, примѣняется къ чему либо и этимъ получаетъ значенія. Этимъ устанавливается граница между внѣшнею и внутреннею поэтическими формами. Все предшествующее примѣненію при пониманіи поэтическихъ произведеній есть еще внѣшняя форма. Так. обр. въ поговоркѣ „небуло снігу, небуло сліду“ ко внѣшней формѣ относятся не только звуки и размѣръ, но и *ближайшее значеніе*.

Еслибы примѣненія не послѣдовало, то могли бы быть поэтичны отдѣльныя слова (чего въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ), но цѣль-

наго поэтическаго произведенія небыло бы. (Мысль и языкъ² 151—5).

... „Для создателя пѣсни отношеніе между образомъ и ближайшимъ значеніемъ было вполне опредѣленное, т. е. образность была именно средствомъ созданія мысли, какъ въ словѣ представленіе есть средство значенія“.

Моя реценз. Нар. пѣс. Галиць. Р., Я. Ф. Головацк. 81—8.

Значеніе поэтическаго произведенія для самаго создателя (автора).

Поэтъ и публика, критика, толпа. Стыдливость творчества.

Слово, по вышесказанному, не можетъ быть понято, какъ выраженіе и средство сообщенія готовой мысли. Оно вынуждается у человѣка работою мысли—служить необходимымъ для самого мыслящаго средствомъ созданія мысли изъ новыхъ воспріятій при помощи прежде воспринятаго.

Заключая отъ противнаго, предположивъ, что поэзія (и вообще слово) есть средство не созданія, а лицъ выраженія готовой мысли¹), приходимъ къ двумъ равно невѣроятнымъ выводамъ:

а) „Т. е. человѣкъ удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ, а его значеніемъ, т. е. пробуждаемыми образомъ мыслями, то художникъ, имѣя готовое значеніе, неимѣлъ бы надобности выражать его въ образѣ, а художественное произведеніе не имѣло бы важности для самаго создателя“ (Мысль и языкъ², 159). Такимъ образомъ нераздѣльность искусства съ жизнью человѣчества была бы безпричинна.

б) Еслибы готовое значеніе было вложено въ образъ, то, конечно, для сообщенія другимъ людямъ, иначе для насъ было бы безразлично, жило ли бы значеніе въ образѣ или нѣтъ. Но передача готовой мысли невозможна. Слѣдовательно, существованіе искусства было бы безцѣльно.

¹) Т. е. „общій“ языкъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть только техническимъ языкомъ, т. е. онъ предполагаетъ готовую мысль, а не служитъ средствомъ къ ея образованію. Онъ существенно прозаиченъ (безъ представленій). Но проза безъ поэзіи существовать не можетъ: она постоянно возникаетъ изъ поэзіи.

Сказанное выше о словѣ должно разумѣть о поэтическомъ произведеніи.¹⁾

Оно, какъ бы ни было сложно, сводится на слѣдующее. Нѣчто (x), неясное для самого автора, является передъ нимъ вопросомъ. Отвѣтъ онъ можетъ найти только въ прошедшемъ своей души, въ приобрѣтенномъ уже, или нарочно расширяемомъ ея содержаніи (A). Въ этомъ A , говоря иносказательно, хотя быть можетъ не слишкомъ удаляясь отъ истины, подъ вліяніемъ вопроса „ x (что?)“ производитъ нѣкоторое безпокойство, движеніе, волненіе; x отталкиваетъ изъ A все для себя неподходящее и привлекаетъ сродное. Это послѣднее кристаллизуется въ образъ A , сложившійся изъ бродившихъ элементовъ.

Происходитъ сужденіе „ x есть a (изъ A)“ и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоеніе, заканчивающее актъ развитія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ
Небесная—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Ө. Тютчевъ.

Чѣмъ настойчивѣе вопросъ, чѣмъ тревожнѣе потуги рождающей мысли, чѣмъ желаннѣе успокоеніе чувства, проясненіе мысли, чѣмъ необходимѣе все это для поэта,—тѣмъ, при равенствѣ прочаго, совершеннѣе и милѣе для другихъ его произведеніе.

Тургеневъ пишетъ Л. Толстому 15 ноября 1878 г.: Радуюсь тому, что вы всё физически здоровы, и надѣюсь, что и „умственная“ хворь, о которой Вы пишете, прошла. Мнѣ и она была знакома: иногда она являлась въ видѣ внутренняго броженія передъ началомъ дѣла; полагаю, что такого рода броженіе совершилось

¹⁾ mutatis mutandis о всякомъ художественномъ и научномъ произведеніи, даже о всякомъ дѣлѣ.

и въ вась. (1-ое собр. писемъ). О безпокойствѣ, предшествующемъ вдохновенію, Пушкинъ, — „Египетскія ночи“. *Вѣлискій* о „Кавк. Пл.“ Пушкина: „Осуществить въ творческомъ произведеніи идеаль, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ, — для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него.“

Въ доказательство схематической вѣрности сказаннаго можно бы собрать немало признаній, въ родѣ—Лермонтова:

.... „этотъ дивій бредъ
„Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
„Но я, разставшись съ прочими мечтами,
„И отъ него отдѣлался стихами.

(Сказка для дѣтей).

Но это ненужно, такъ какъ общепризнано, что произведеніе „служитъ поворотною точкою“ душевной жизни художниковъ. М. и яз. ² 165—7.

Изъ трехъ стихій *X*, *a* и *A*, существовавшихъ въ душѣ художника, объективно и доступно постороннимъ только *A*, т. е. совокупность внѣшней и внутренней формы, слова и образы.

О средѣ, изъ коей взято *A*, и объ *X* посторонніе могутъ судить только по догадкамъ, только по тому, что въ этихъ величинахъ есть объективнаго. Такъ, въ составъ той среды, изъ которой возникаетъ образъ, кромѣ личныхъ условій жизни поэта, входитъ усвоенное имъ преданіе, доступное изслѣдованію до момента этого усвоенія.

Критика, обращенная къ прошедшему даннаго образа, стремится установить его связь съ другими предшествовавшими, его родословную, вообще преемственность типовъ. Такъ, образы народной поэзии имѣютъ родословную, теряющуюся во мглѣ вѣковъ. Точно такъ въ *X*, въ томъ вопросѣ, на который отвѣчаетъ данный образъ, опредѣлимы только доступные внѣшнему наблюденію условія жизни поэта, напр. пребываніе Пушкина и Лермонтова на Кавказѣ по отношенію къ стихотвореніямъ того и другого, изображающимъ кавказскую природу. Но все это лишь незначительно уменьшаетъ разстояніе между *X* и *A*.

Х неопредѣлимо уже потому, что для самого поэта оно уясняется лишь на столько, на сколько выражается въ образѣ, т. е. лишь отчасти. Такимъ образомъ и въ личной жизни „всякое пониманіе себя“ есть непониманіе. Отсюда жалоба художниковъ на невыразимость мысли:

„Какъ сердцу высказать себя?
„Другому какъ понять тебя?
„Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
„Мысль изреченная есть ложь.
„Взрывая, возмутишь ключи:
„Питайся ими и молчи.“

Тютчевъ „Silentium“.

.... Мои дѣла

Не много пользы Вамъ узнать,
А душу можно-ль рассказать!

Лермонтовъ „Мцыри“.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ язвы, бойся вдохновенья....
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной
Иль плѣнной мысли раздраженье....

Лермонтовъ.

Поэтъ создаетъ прежде для себя, потомъ для публики (для личныхъ цѣлей, какъ слава, деньги, и гражданскихъ). Признанія самихъ поэтовъ. *Свидѣтельства того, что поэтъ создаетъ для себя:*

Wer dem publikum dient, ist ein armes Thier;
Er quält sich ab, niemand bedankt sich dafür.

Göthes Sämtliche Werke, mit einleitungen von Carl Goedeke,
IV band, Sprüche und str., 25 стр.

Всякое слово, хотя бы и глупое и пустое, есть актъ мысли, завершеніе ея усилія; но акты мыслей—не одинаковой цѣнности. И чѣмъ важнѣе для кого дѣятельность мысли, тѣмъ болѣе будетъ онъ цѣнить находку подходящаго слова. Такъ и въ сложной поэтической дѣятельности важность произведенія, какъ завершенія

періода для самого автора и для другихъ, будетъ замѣтна, тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе потуги мысли. Поэтому наблюдать это явленіе слѣдуетъ въ жизни настоящихъ художниковъ, ибо „es giebt auch Afterkünstler, Dilettanten und Spekulanten: jene treiben die Kunst (только) um des Vergnügens, diese um des Nutzens willen“, Goethe, Spr. 138.

Стыдливость творчества:

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Лермонтовъ.

.... Тогда въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ;
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы молодой
Хранить любовникъ суевѣрный.

1824. Пушкинъ. Разгов. книгопрод. съ поэтомъ.

Нельзя обойтись безъ участія слушателя, какъ безъ любви, но есть разница между жаждою любви и ея продажною; между продажей рукописи и писаньемъ (не скажу творчествомъ) для продажи.

Х уясняется поэту исподоволь, нерѣдко въ нѣсколько приемовъ. Если настроеніе субъективно, то этими послѣдовательными приемами обозначаются ступени самопознанія.

Всякая, не только лирическая поэзія субъективна. Поэтъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ прозаикъ, дѣйствуетъ на насъ личными свойствами.

Поэтическія прозведенія автобіографичны:

Dichter gleichen Bären
Die immer an eignen Pfoten zehren.

G. Spr, 34.

Dichter lieben nicht zu schweigen,
Wollen sich der Menge zeigen;
Lob und Tadel muss ja sein!
Niemand beicht gern in Prosa,
Doch vertraun wir oft sub Rosa
In der Musen stillen Hain.
Was ich irrte, was ich strebte,
Was ich litt und was ich lebte,
Sind hier Blumen nur im Strauss;
Und das Alter wie die Jugend
Und der Fehler, wie die Tugend
Nimmt sich gut in Liedern aus.

Ан *die Günstigen*—какъ предисловіе къ пѣснямъ (Göthe, *Lieder*). См. ниже Гете о поэтич. достоинствахъ Библіи.

„Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Неждалъ за чувство воздаянья....
.... Обманчивѣй и снова надежды!“

т. е. на воздаянье отъ публики („Разгов. книг. съ поэтомъ“).

Die grösste Achtung, die ein Autor für sein Publikum haben kann, ist, dass er niemals bringt, was man erwartet, sondern was er selbst, auf den jedesmaligen Stufe eigener und fremder Bildung, für recht und nützlich hält, Göthe, Spr. 120.

Если подъ публикой разумѣть ту часть ея, которая наиболѣе разборчиво для поэта выражаетъ свое мнѣніе, т. е. ближайшую современную ему критику, то писать для нея невозможно, ибо критика, какъ всякая наука, говорить о свершившемся; она лишь закрѣпляетъ сознаниемъ то, что сдѣлано поэтомъ. Дѣло другое—учиться у прошедшаго.

Всякое крупное поэтическое произведение есть новость, застающая критику и публику врасплохъ, приводящая ее въ изумление и недоумѣніе, нерѣдко въ заблужденіе, тѣмъ большее и болѣе продолжительное ¹⁾, чѣмъ крупнѣе само произведение.

Если бы было иначе, то по правилу. „Du gleichst dem Geist, den du begreifst“ произведенія поэтовъ не представляли бы для насъ ничего поучительнаго.

Eigentlich lernen wir von Büchern, die wir nicht beurteilen können. Der Autor eines Buchs, das wir beurteilen könnten, müsste von uns lernen. Göthe, Maximen. 139.

„Es giebt, sagt man, für den Kammerdiener keinen Helden. Das kommt aber bloss daher, weil der Held nur von Helden anerkannt werden kann. Der Kammerdiener wird aber wahrscheinlich seinesgleichen zu schätzen wissen. Göthe, Spr. 152.

Тург. 1 янв. 1881: „Помните, какъ въ Спасскомъ Як. Петр. (Полонскій) несовѣтовалъ мнѣ печатать „Пѣснь“ (торжеств. любви), не сопровождая ее другимъ моимъ очеркомъ въ прежнемъ моемъ родѣ. Онъ боялся, что публика останется совершенно равнодушной къ „Пѣсни“. А вышло, что эта пѣснь имѣла неожиданный, чуть не огромный успѣхъ; и б. м. „Отчаянный“ (типъ, который я нахожу знаменательнымъ въ соотношеніи съ нѣкоторыми современными явленіями) пройдетъ совершенно незамѣченнымъ. Выводъ изъ этого такой: пиши, что тебѣ на душу придетъ, несправляясь заранѣе съ мнѣніями публики. Впрочемъ я долженъ отдать себѣ справедливость, что я такъ и поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это писать для публики? (1-е собр. писем. 399).

Послѣ „Нови“ (1876) въ февр. 1878 г. Тургеневъ личнымъ опытомъ комментируетъ стих. Пушкина „Поэту“ (1830 г.) „Услышишь судъ глушца“.

Der appell an die Nachwelt entspringt aus dem reinen lebendigen Gefühl, das es ein unvergängliches gebe und, wenn auch

¹⁾ Такъ было со всеми лучшими произведеніями русской литературы, Пушкина, Гоголя, Тургеневъ, Литературныя воспоминанія (о Рудинѣ, Накаунѣ, Отцахъ и дѣтяхъ Димѣ, Нови).

10
 20
 30
 40
 50
 60
 70
 80
 90
 100
 110
 120
 130
 140
 150
 160
 170
 180
 190
 200
 210
 220
 230
 240
 250
 260
 270
 280
 290
 300
 310
 320
 330
 340
 350
 360
 370
 380
 390
 400
 410
 420
 430
 440
 450
 460
 470
 480
 490
 500
 510
 520
 530
 540
 550
 560
 570
 580
 590
 600
 610
 620
 630
 640
 650
 660
 670
 680
 690
 700
 710
 720
 730
 740
 750
 760
 770
 780
 790
 800
 810
 820
 830
 840
 850
 860
 870
 880
 890
 900
 910
 920
 930
 940
 950
 960
 970
 980
 990
 1000

Sie zerren an der Schlangenhaut,
Die jungst ich abgelegt.
Und ist die nächste reif genug,
Abstreif ich die sogleich
Und wandle neubelebt und jung
Im frischen Götherreich.

Ihr guten Kinder,
Ihr armen Sünder
Zupft mir am Mantel
Lasst nur den Handel!
Ich werde wallen
Und lass' ihn fallen;
Wer ihn erwischt,
Der ist erfrischt.

G. Spr. 83 — 4.

Пѣвецъ—королю въ балладѣ „Der Sänger“:

„Die goldne Kette gib mir nicht,
„Die Kette gib den Rittern...
Gib sie dem Kanzler, den du hast...
Ich singe, wie der Vogel singt,
„Der in den Zweigen wohnt;
„Das Lied, das aus der Kehle dringt,
„Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Goethe.

„Süsser Wohllaut schläft in der Saiten Gold
„Der Sänger singt von der Minne Gold...
„Wie in den Lüften der Sturmwind saust
„Man weiss nicht von wannen er kommt und braust
„Wie der Quell aus verborgenen Tiefen;
„So des Sängers Lied aus den Innern schallt
„Und wecket der *dunkeln Gefühle* Gewalt
„Die im Herzen wunderbar schliefen“.

(Schiller. D. Gr. von Habsburg).

Строфы Пушкина къ „Родословной моего героя“

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ Арапа своего
Младая любить Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любить ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона (вар.-условія) нѣтъ.

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822 г.)—отвѣтъ вудесника:

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

„Поэту“ сонетъ 1830 г.:

Ты царь: Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.
Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Уловія царственнаго и жреческаго (Пророкъ, Поэтъ) служенія—внутреннее совершенствованіе, служеніе высшимъ цѣлямъ.

Въ послѣднее время своей жизни, Пушкинъ согласно съ своимъ мнѣніемъ о превосходствѣ эпоса надъ лирикой, стремился къ эпическому изображенію того вопроса, на который прежде отзывался болѣе лирически. *Египетскія ночи* (1835):

Раздвоеніе личности поэта: Чарскій и импровизаторъ.

Въ Чарскомъ—противоположность поэта и свѣтскаго чловека, момента творчества и времени ему предшествующаго. Тоже въ „Пова не требуетъ поэта“ (1827); разница—въ способъ изображенія.

Въ импровизаторѣ—противоположность между гордостью и независимостью, съ одной, и уничиженіемъ и продажностью, съ другой стороны. Тема ему: „Поэтъ самъ избираетъ предметъ для своихъ пѣсень; толпа (въ томъ числѣ и правительство, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“) не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ“. Отвѣтомъ—(его импровизаціей) было, вѣроятно, „Чернь“ (1828)

Бѣлинскій (Тургеневъ, Литературныя воспоминанія): „Бѣлинскій не былъ повлонникомъ принципа: искусство для искусства.... Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на отсутствующаго, разумѣется, Пушкина за его два стиха въ „Поэтъ и Чернь“.

„Печной горшокъ тебѣ дороже:

Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

— „И конечно“ твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголь: конечно, дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пишу варю,— и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, будь онъ распрефидасовскій Аполлонъ, мое право, моя обязанность накормить себя и своихъ, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплетамъ“ Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ.... чтобы отрицать искусство.... его естественность, его фізіологическую необходимость.

„Отвѣтъ анониму“, 1830 г.:

„Холодная толпа взираетъ на поэта,

Какъ на запъзаго филляра: если онъ

Глубоко выразить сердечный тяжкій стонъ,

И выстраданный стихъ пронзительно унылой
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладоши бьетъ и хвалить, иль порой
Неблагодарно киваетъ головой;
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ,
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передать“. Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда болзненно безмолвствуетъ оно.
„Изъ VI Пиндемонте“ 1836 г.:

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.... Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи....

Противоположность свободы, которой ищетъ и требуетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ жизнью въ обществѣ, есть только частный случай общечеловѣческаго столкновения правъ личности и среды, впрочемъ случай, въ коемъ это столкновение наиболѣе явственно. Поэтъ можетъ настаивать на своемъ правѣ потому, что цѣль его дѣятельности не можетъ быть опредѣлена ни имъ самимъ, ни другими заранѣе. Но вѣдь и тамъ, гдѣ эта цѣль заранѣе со стороны опредѣлима, вмѣшательство въ самый способъ ея достиженія портитъ дѣло. И извозчикъ, нанятый до мѣста, или на часъ, хочеть, чтобы его не дергали и не мѣшали править лошадьми.

Такъ, чтець читаетъ конечно для слушателей, актеръ играетъ для зрителей; однако плохи они, если постоянно объ этомъ помнить:

„Гоголь читалъ превосходно.... Дикенсъ, тоже превосходный чтець, можно сказать разыгрываетъ свои романы; чтеніе его—драматическое, почти театральное: въ одномъ его лицѣ является

нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Гоголь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и *дѣла нѣтъ, есть ли тутъ* слушатели, и что они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный, особенно въ комическихкихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться... а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло... (далѣе рассказъ о томъ, какъ случайная помѣха портитъ настроеніе чтеца) Тург. X, 70; изд. 1891.

Свобода творчества, какъ и вообще свобода совѣсти, есть право, налагающее обязанности: „Ты самъ свой высшій судъ; Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ“.

Но какъ умѣнье дѣлать, такъ и строгость и чуткость оцѣнки своего дѣла, художественная, научная, нравственная совѣсть приобрятаются.

„Poetae nascuntur, oratores fiunt:

Конечно, чтобы гѣть соловьемъ, нужно родиться соловьемъ, но даже соловьи учатся ¹⁾).

Тургеневъ (Литературн. воспомин.): „И такъ мои молодые братья, въ вамъ идетъ моя рѣчь: „Greift nur hinein in's volle Menschenleben! сказалъ бы я вамъ со словъ нашего общаго учителя Гёте—

---

¹⁾ Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчать и сидѣть—не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ: въ давъ недѣли, пожалуй, прокъ будетъ; а какой не молчать, самъ туда же ясліды за старикомъ бурлятъ, тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, да и то сомнительно (О соловьяхъ, Турген. Литературн. воспомин.). Замѣчено, что въ лѣсахъ и садахъ, изъ которыхъ много лѣтъ подрядъ вылавливаютъ лучшихъ пѣвцовъ, остальные начинаютъ гѣть хуже (G. Freitag, Verlorene Handschrift). Оттого можетъ быть лучшими соловьями всегда считались курскіе: но въ послѣднее время они похужѣли и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева (Турген., X, 183).

Ein jeder lebt's, nicht Vielen ist's bekannt;
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.

Запускайте руку (лучше я не умѣю перевести) внутрь, въ глубину человѣческой жизни! Всякій живетъ ею, не многимъ она знакома и тамъ, гдѣ вы её схватите, тамъ будетъ интересно. Силу этого „схватыванья“, этого „уловленія“ жизни даетъ только талантъ, а таланта дать себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточно. *Нужно постоянное общеніе со средою*, которую берешься воспроизводить; нужна *правдивость*, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ, нужна свобода, (уже не только со стороны другихъ) полная свобода возрѣній и понятій, и наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!... „Ученіе“ не только „свѣтъ“...., оно также и свобода. Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе,—и нигдѣ свобода такъ не нужна, какъ въ дѣлѣ искусства, поэзіи: недаромъ даже на казенномъ языкѣ искусства зовутся „вольными“ (они зовутся по старой памяти: artes liberales). Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ; недаромъ въ своемъ бессмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь, онъ сказалъ.... *„дорогою свободной*

Иди, куда влечетъ тебя *свободный умъ*“....

„Отсутствіемъ подобной свободы объясняется между прочимъ и то, почему ни одинъ изъ славянофиловъ, несмотря на ихъ, несомнѣнные дарованья (и образованье), не создали никогда ничего живого; ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ снять съ себя, хоть на мгновенье своихъ окрашенныхъ очковъ. Но самый печальный примѣръ отсутствія истинной свободы, пристокающей изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе Л. Н. Толстого („Война и Миръ“), которое, въ тоже время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара стоитъ едва ли не во главѣ всего, что являлось въ нашей литературѣ съ 1840 г. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи

къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже въ своему народу, къ своей исторіи—немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха *дышать нельзя*.

„Что же.... до окончательной оцѣнки т. н. литературной карьеры, то и тутъ приходится вспомнить слова Гёте: „Sind's Rosen-pun, sie werden blühen“. „Всякій рано или поздно попадетъ на свою полочку“ говаривалъ Бѣлинскій. Уже и на томъ спасибо, коли въ свой часъ ты принесъ посильную лепту. Лишь одни избранныки въ состояніи передать потомству не только содерженіе, но и *форму* своихъ мыслей и воззрѣній, свою личность.... Обыкновенные индивидуумы осуждены на исчезновеніе въ цѣломъ, на поглощеніе его потокомъ; но они увеличили его силу, расширили и углубили его круговоротъ—чего же больше?“ (X, 110—12).

Тургеневъ Л. Н. Толстому 15 ноября 1878 г.: Хотя Вы просите не говорить о Вашихъ писаніяхъ, однако не могу не замѣтить, что мнѣ никогда неприходилось „даже немножко“ смѣяться надъ вами; инныя ваши вещи мнѣ нравились очень, другія очень не нравились.... но съ какой стати смѣхъ? Я полагалъ, что вы отъ подобныхъ „возвратныхъ“ ощущеній давно отдѣлались. Отчего они знакомы только литераторамъ, а не живописцамъ, музыкантамъ и прочимъ художникамъ? Вѣроятно, оттого, что въ литературное произведеніе все таки входитъ больше той части души, которую несовсѣмъ удобно показывать. Да; но въ наши уже не молодые сочинительскіе годы пора къ этому привыкнуть“ (1-е собр. писемъ Тург. 338—9).

Серьезный художникъ, не диллетантъ и не спекулянтъ, важнымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную для себя задачу, и, если личность его выдается изъ ряду, то вмѣстѣ съ тѣмъ и задачу важную для современниковъ.

„Mein ganzes inneres Wirken erwies sich als eine lebendige Heuristik, welche, eine unbekannte, geahnete Regel anerkennend, solche in der Aussenwelt zu finden und in die Aussenwelt einzuführen trachtet. Göthe, Spr. 138.

Если настроеніе поэта эпическое, произведеніе его имѣетъ значеніе рѣшенія исторической задачи, и „Geschichte schreiben ist eine Art, das Vergangene vom Halse zu schaffen“. (Göthe Spr. 122).

Если онъ преимущественно лирикъ (куда и сатира), онъ пишетъ исторію своей души (и косвенно исторію своего времени), и это есть для него средство саморазвитія: освобождаться отъ своихъ недостатковъ, надѣляя ими своихъ героевъ (Гоголь, Выбранныя мѣста, по поводу „Мертвыхъ душъ“). Автобіографичность лирическихъ (и сатирическихъ) произведеній, не должна быть понимаема односторонне: „не думай, говоритъ Гоголь, чтобъ я самъ былъ такой же уродъ, какъ мой герой“.... (3-е письмо по пов. М. Д.), „Мнѣ жаль, что никто незамѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ.... Лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея, это честное благородное лицо былъ смѣхъ“ (Театр. разъѣздъ).

Бѣлинскій: „Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина засталъ общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было *полнымъ* (!) выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ образѣ идеаль, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,—для поэта значить навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, и потому интереснѣе для васъ. Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличается.... отъ своихъ подражателей, что, неизмѣняя сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое....“ Пушкинъ самъ о „К. плѣнникѣ“: „Кавказскій плѣнникъ“ первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря

нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись“. Слова „характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ“ ...показываютъ, что поэтъ силился изобразить внѣ себя (объективировать) настоящее состояніе своего духа, и потому самому не могъ вполнѣ этого сдѣлать“ 1844. Бѣл. соч. VIII, 440—1.

У искреннихъ поэтовъ, даже повидимому случайный образъ имѣеть глубокое основаніе въ личной жизни. Сравн.:

„Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.“ Онѣг. I, 47.

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“.... и Онѣг. VII. 53:
„Ей душно здѣсь....“ она мечтой

Стремится къ жизни полевой“ — разработка того же мотива „какъ въ лѣсъ зеленый“. Личными обстоятельствами (Одесса, мечты о заграничной поѣздкѣ) объясняется въ I, 48 „Но слаще средь ночныхъ забавъ напѣвъ тореватовыхъ октавъ“.

„Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! Взываю къ ней“ (Он., I, 50) = „Узникъ“:
Мы—вольныя птицы: пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣеть гора.

Сюда же „Кавказъ“:

„Терекъ играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пицу изъ кѣтки желѣзной....“

Онѣг. VI, 46: „Дай оглянусь. Простите, сѣни“ и пр.... первоначально относится къ тому, что Пушкинъ изъ Михайловскаго думалъ бѣжать за-границу. Сюда отрывокъ:

Презрѣвъ я шопоть укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолени, сердца шопоть сонный,
Привычки и довольства гласъ,

Прости, предѣлъ неблагоклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И снова задумчивой души....

(Къ біогр. Пушк. Изъ черновыхъ его рукописей, хранящихся въ Моск. публ. музеѣ. Русск. Арх. 1884. 5, 197).

„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, (1822) имѣетъ отношеніе къ Пушкину и Императору Александру I (послѣ Наполеоновск. войны): „Твой щитъ на вратахъ Цареграда.... Разговоръ волхва съ княземъ. „Волхвы не боятся и пр. Что Пушкинъ мысленно не разъ ставилъ себя въ подобное положеніе, см. „Воображаемый разговоръ съ Императ. Алекс. Павлов.“ (въ серединѣ 1825 года). Изд. Обществ. V, 37.

Гете въ одномъ мѣстѣ, подѣ пониманіемъ поэтическаго произведенія разумѣетъ именно чутье того особеннаго личнаго повода, который послужилъ основой образа.

Ich bin überzeugt, das die Bibel immer schöner wird, je mehr man sie versteht, d. h. je mehr man einsieht und anschaut (и чѣмъ нагляднѣе—то) das jedes Wort, das wir allgemein auffassen und im besonderen auf uns anwenden, nach gewissen Umständen, nach Zeit und Ortsverhältnissen einen eigenen, besondern individuellen Bezug gehabt hat. (Spr. 162).

Содержаніе, превращаемое въ образъ бессознательно, (т. е. элементы А) дается предварительнымъ изученіемъ. Это содержаніе складывается изъ *самонаблюденія* и *наблюденія*.

Преувеличеніе способности *угадывать*—у Бѣлинскаго: По поводу „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ Гоголя онъ говоритъ въ 1835 г.: „И все это не придумано, не списано съ рассказовъ или съ дѣйствительности, но *угадано* чувствомъ въ минуту поэтическаго *откровенія* (Бѣл. I, 217). Хорошо говорить объ откровеніи тому, кто вмѣшиваешь въ дѣло поэтическаго творчества Божество, но не критику нашего времени.

„Народность, чтобъ отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стоитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ малороссу, Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи неограничивается одною Малороссією. Въ его „Запискахъ сумасшедшаго“, въ его „Невскомъ проспектѣ“ нѣтъ ни одного хохла, все русскіе и въ добавокъ еще нѣмцы; а каково изображены имъ эти русскіе и эти нѣмцы?... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности... ибо эта народность очень похожа на „Тѣнь“, въ баснѣ; Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ одну тривиальность (ib. 222).

Въ повѣстяхъ Полевого „удивительная многосторонность“. Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ“, этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучей и широкой кистью, поэзія русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ.... Въ другихъ повѣстяхъ „увидите.... черты, схваченныя съ жизни... выдержанность и оригинальность характеровъ, вѣрность положеній, которыя основываются не на расчетахъ возможностей, но *едиственно* на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ можетъ быть никогда небылъ и немогъ быть. Профаны, люди непосвященные въ таинства искусства, часто говорятъ: „да, это очень вѣрно, да и немогло быть иначе: авторъ такъ много страдалъ, слѣдовательно писалъ по опыту, а не съ чужого голоса“. Мнѣніе нелѣпное! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственные страданія и радости; изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ и пр.... Отличительная черта, то.... что дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности всегда и *безъ всякихъ отношеній* къ своему образу мыслей *понимать*

всякое человеческое положеніе. И вотъ почему поэтъ такъ часто противорѣчить себѣ въ своихъ созданіяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ и пр. (Бѣл. I, 197—8, 1834). И черезъ 10 лѣтъ (1844) Б. пишетъ „объ удивительной способности Пушкина переноситься „въ самыя противоположныя сферы жизни...“ „Превосходнѣйшія пьесы въ антологическомъ родѣ, запечатлѣнныя духомъ древнеэллинской музыки; подражанія Корану, *вполнѣ* передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи...“ „Пѣсни западныхъ славянъ“ болѣе, чѣмъ что-нибудь, доказываютъ непостижимый поэтический тактъ Пушкина и гибкость его таланта. Извѣстно происхожденіе этихъ пѣсенъ и продѣлка даровитаго француза Мериме, вздумавшаго посмѣяться надъ колоритомъ мѣстности... Незнаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти поддѣльныя пѣсни, обманувшія Пушкина; но у Пушкина онѣ дышатъ *всею роскошью мѣстнаго колорита*, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе—неизбѣжное впрочемъ свойство всѣхъ народныхъ произведеній. „Подражанія Данту“ можно счесть за отрывочные переводы изъ „Божественной комедіи“, и они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по русски переводы въ стихахъ и прозѣ. „Начало поэмы“ („Стамбуль гяуры нынѣ славятъ“) какъ будто написано туркомъ нашего времени“ (Б., соч. VIII, 407—8). „Никто изъ русскихъ поэтовъ неумѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ spryskivati живую водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы нашихъ народныхъ пѣсенъ. Прочтите: „Жениха“, „Утопленника“, „Бѣсовъ“, „Зимній вечеръ“, и вы удивитесь, увидя, какою очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать Пушкинъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій“ (ib. 404).

На это можно сказать: „Сладки гусинья лапки!“—А ты ихъ ѣдалъ?— „Видалъ, каеъ дядя ѣдалъ“. Дѣтская заносчивость этихъ мнѣній можетъ быть лишь отчасти оправдана вѣрою въ способность апріорной философіи къ идеальному построенію міра.

Въ 1848 г. опять: (Поэтъ) „обладаетъ способностью быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякій характеръ, во

всякую личность, и для этого ему нужны не опыт, не изучение, а достаточно иногда одного намека или одного быстрого взгляда. Два три факта,—и его фантазія возстановляет цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, со свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье наукою (!) дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ гений, развитый и вспомоцествуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, на свой поэтический инстинктъ“. Бѣл. соч. XI, 375—80.

Это сравненіе говоритъ однако нѣчто другое. Поэту, какъ палеонтологу, нужно предварительное изучение.

Гоголь, (Авторск. Исповѣдь): „Ни я самъ, ни мои сотоварищи (школьные).... не думали, что мнѣ прійдется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надѣдаться другимъ своими шутками; хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользають отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, т. е. угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самого склада и образа его мыслей и рѣчей.... „На меня находили припадки тоски....¹⁾ ....Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не забываясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и вому отъ этого выйдетъ какая польза“....²⁾

Затѣмъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что для достиженія высшихъ цѣлей поэзіи необходимо знаніе души человѣческой и нравственное усовершенствованіе:

¹⁾ по деревнѣ, по родннѣ... Письма къ матери, Максимовичу.

²⁾ Свѣдѣній о Малороссіи онъ имѣлъ мало. Просить свѣдѣній у матери и сестры. Описаніе степи—по наслышкѣ.

„Я увидѣлъ... математическо ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно ясно заключить въ себѣ самомъ хоть небольшую крупицу этого,—словомъ, нужно сдѣлаться лучшимъ“... иб.

Далѣе, когда „жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію... Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь научиться и разузнать, что дѣлается на Руси... я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ-чтонибудь сообщить... Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей небыло ни характеровъ, ни героев: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ *нужны этюды съ натуры* художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ непереводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшивая ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы непогрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противу времени, или эпохи, какая имъ взята. *Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ.* Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. *Я никогда не писалъ портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, создавалъ его вслѣдствіе *соображенія*, а не *воображенія*.* Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, непринять въ соображеніе,—и ложь у меня выступала ярче, нежели у другого. Этого я никакъ немогъ объяснить никому, а потому и никогда почти не получалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ,

тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подиѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. IV, ib. 266—7, изд. X-ое.

...., Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія (2-я ч. М. Д.) крупнѣе прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ осязательнѣе нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ *блдно* и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ бы его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ со своимъ героемъ, и *нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ ощущенія, которыя никакимъ разсужденіемъ и никакою проповѣдью не внушишь*. Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умъ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дразгъ жизни: когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ его все трипье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка,—словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, т. е. способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. (IV, 263).

Тургеневъ—о необходимости писать съ натуры (по поводу „Отцовъ и дѣтей“, „Наканунъ“: „исходною точкою не идею, а живое лицо“).

Половскому, 1869: „Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за-границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что пожалуй и совсѣмъ её уничтожить; но этого измѣнить нельзя. Такъ какъ я въ теченіе моей сочини-

тельской карьеры никогда неотправлялся *отъ идей*, а всегда *отъ образовъ* (самому даже Потугину лежить въ основаніи извѣстный образъ): то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ* музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картинки. Тогда я кисть подѣ замочѣ, и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются“. (1-е собр. писемъ 154, та же мысль ib 195—6. (1871 г.), 329, 339 (1878).

Публика.... какъ всякая старушка.... упорно придерживается ходячихъ или предвзятыхъ мнѣній, какъ бы они ни были неосновательны. Напр., она постоянно утверждаетъ, что послѣ „Зап. Ох.“ всѣ мои сочиненія плохи вслѣдствіе моего отсутствія изъ Россіи, которую я, будто бы поэтому, и знать немогу. Но этотъ упрекъ можетъ относиться только къ тому, что я написалъ послѣ 63 года: до того времени (т. е. до моего 45-лѣтняго возраста) я почти безвыѣздно жилъ въ Россіи, за исключеніемъ 1848—50 годовъ, въ теченіе которыхъ я написалъ именно „Записки охотника“, между тѣмъ какъ „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунъ“ и „Отцы и дѣти“ написаны въ Россіи....“ 1-е собр. писемъ 238—9. Ср. *Гоголь*, о воспитаніи себя для Россіи внѣ Россіи, о потребности единенія, сосредоточенія, потребности отодвинуть современное въ прошедшее. Авт. исп., IV, 259.

Объективный писатель. „Если васъ изученіе человѣческой фізіономіи, чужой жизни интересуеетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если напр. вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи, или этого человѣка,—значитъ вы объективный писатель и можете взяться за повѣсть или романъ. Что же касается до труда, то безъ него, безъ упорной работы, всякій художникъ непремѣнно останется диллетантомъ; нечего тутъ ждать такъ называемыхъ благодатныхъ минутъ вдохновенія; придетъ оно—тѣмъ лучше; а ты всетаки работай. Да не только надъ своей вещью работать надо, надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ, и въ томъ

видѣ, какъ вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпре-
станно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять
жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать
тѣ законы, по которымъ она движется, и которые не всегда высту-
паютъ наружу; нужно "сквозь игру случайностей добиться до
типовъ—и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ,
недовольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффек-
товъ и фальши. Объективный писатель беретъ на себя большую
ношу; нужно, чтобы его мышцы были крѣпки.... Прежде я такъ
работалъ, и то не всегда; теперь я облѣнился да и устарѣлъ
(1-е Собр. Пис. 295).

Противорѣчіе между „для себя“ (для внутреннихъ цѣлей, для
удовлетворенія потребности самого автора) и „для другихъ“, (для
внѣшнихъ цѣлей, каковы деньги, слава, гражданское служеніе),
какъ и противорѣчіе между процессомъ созданія (*ἐνέργεια*) и создан-
нымъ (*ἔργον*) и отношеніемъ автора къ тому и другому, неприми-
римы, лишь пока разсматриваются, какъ одновременные моменты.
Въ дѣйствительности они разновременны.

Процессъ творчества и созданное:

„Dir warum doch verliert
Gleich alles Wert und Gewicht?“
— Das Thun interessiert,
Das Gethane nicht.

Göthe. Spr. 42.

Das Rechte, das ich viel gethan,
Das ficht mich nun nicht weiter an;
Aber das Falsche, das mir entschlüpft,

Wie ein Gespenst mir vor Augen hüpf. G. Spr. 30,

потому что вѣрное—закончено, ошибочное—еще нѣтъ (см. ниже о томъ
что поэтическія созданія заканчиваютъ собою періоды развитія).¹⁾

¹⁾ Созданіе „Фауста“ Гете относится ко времени между 1769 г. (Гретхенъ
раньше) и 1831 (окончаніе 2-й части).

У Пушк. Книгопродавецъ—поэту:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Пониманіе (критика). Формальность поэзіи.

Разъ созданный образъ освобождается изъ-подъ власти художника, является чѣмъ-то постороннимъ для него самого (Мысль и языкъ², 186). Объясняя свое произведеніе (измѣняя *a*, общее между *A* и *x*), онъ становится уже въ ряды критиковъ и можетъ опинаться вмѣстѣ съ ними. Поэтому такія объясненія, стоящія внѣ самаго произведенія, бываютъ иногда ненужны, даже комичны, какъ подпись подъ картиной „се лева, не собака“. (Этого случая не слѣдуетъ смѣшивать съ параллелизмомъ мысли, заключеннымъ въ самомъ произведеніи). Во всякомъ случаѣ цѣнность поэтического произведенія, его живучесть,—т. е. то, что, наприм. цѣлые вѣка „пѣсма иде отъ уста до уста“, образная пословица рѣшаетъ споры, служить правиломъ жизни,—зависитъ не отъ того неопредѣленнаго *x*, которое стояло въ видѣ вопроса передъ авторомъ въ моментъ созданія; не отъ того объясненія, которое даетъ самъ авторъ или постоянный критикъ, не отъ его цѣлей, а отъ силы и гибкости самаго образа¹). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть доказано, что вліяніе художественнаго произведенія, напр., на измѣненіе общественной жизни вовсе не входило въ намѣренія ихъ автора, который заботился только о созданіи образовъ, былъ поглощенъ, какъ Гоголь, дѣломъ своей души.

¹) Быть можетъ..., Его умолкнувшая лира
Гремуцій непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла.
(Одѣг. VI, 87).

Какъ слово своимъ представленіемъ побуждаетъ понимающаго создать *свое* значеніе, опредѣляя только направленіе этого творчества; такъ поэтический образъ въ каждомъ понимающемъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пониманія вновь и вновь создаетъ себѣ значеніе. Каждый разъ это созданіе (конечно, не въ чудесномъ смыслѣ рожденія изъ ничего, а въ смыслѣ извѣстной кристаллизаціи находящихся въ сознаніи стихій) происходитъ въ новой средѣ и изъ новыхъ элементовъ.

Выводъ изъ этого для способа объясненія поэтическихъ произведеній въ школѣ: объяснять составъ и происхожденіе вѣншей и внутренней формы, приготавливая только слушателя къ созданію значенія. Кто разъясняетъ идеи, тотъ предлагаетъ свое собственное научное или поэтическое произведеніе.

---

*Свойство поэтическаго произведенія—относительная неподвижность образа (А) и измѣнчивость его значенія x_1, x_2, x_3 и пр. т. е. то, что оно при каждомъ случаѣ пониманія вновь оживаетъ, стало быть, какъ языкъ, по словамъ Гумбольдта, есть столько же произведеніе (*ἔργον*), сколько дѣятельность (*ἐνεργεια*). Этимъ объясняется, „почему произведенія темныхъ вѣковъ сохраняютъ свое художественное значеніе во времена высокаго развитія, до тѣхъ поръ, пока не исчезаютъ изъ памяти людей тѣ черты, изъ коихъ сложены ихъ образы“.*

Такимъ образомъ, утвержденіе, что сочетаніе и полное соотвѣтствіе образа и идеи находятся въ самомъ художественномъ произведеніи, есть мнѣ. Мнѣніе, что все то, къ чему примѣнялась образная пословица въ теченіе вѣковъ, заключено въ ней самой—не менѣе сказочно, чѣмъ превращеніе стихотворнаго размѣра въ сокола, похищающаго божественный напитокъ. Это случай перенесенія субъективнаго явленія въ объектъ.

Столь же странно притязаніе, чтобы поэтическія произведенія говорили то самое, что вздумается сказать по ихъ поводу намъ. Вѣдь насъ много, а толкуемый нами образъ одинъ! Говорятъ: „Русскіе романы и повѣсти вѣкогда не стояли на высотѣ русской

критики (разумѣется критика, обращенная не къ объективному прошедшему даннаго произведенія, т. е. не къ происхожденію и ближайшему значенію заключенныхъ въ немъ образовъ, а къ настоящему, т. е. къ значенію этихъ образовъ для насъ). Критика уясняла беллетристическія произведенія не только читателямъ, но и самымъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить. Такъ Добролюбовъ въ „Темномъ царствѣ“ повторилъ басню объ Орлѣ и Паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко“. (Дѣло, 1875, іюнь).

То, что принято здѣсь за превосходство критики предъ художественнымъ произведеніемъ, есть дѣйствіе самихъ произведеній. Поэтому, когда „критика во имя практическихъ требованій объявила войну „художественности“ и начала цѣнить литературныя произведенія не по талантливости ихъ исполненія, а по ихъ содержанію, по силѣ идеѣ, по ихъ прогрессивнымъ мыслямъ“ (ib), то она повторила басню о свиньѣ, которая подрывала дубъ, навѣшпась подъ нимъ желудей. Ср. Гёте:

„Sie wollten dir keinen Beifall gönnen,

Du warst niemals nach ihrem Sinn!“

—Hätten sie mich beurtheilen können,

So wär' ich nicht, was ich bin. Spr. 81.

Формальность поэзии. Упреки художественнымъ произведеніямъ и ихъ авторамъ могутъ быть однако и справедливы. Ибо много ошибочнаго въ представленіи всякой поэтической дѣятельности „священною жертвою“, а поэта — „жрецомъ и вѣщимъ“ (польск. *wieszcz*), поэтическаго возбужденія — „вдохновеніемъ“ (*inspiratio*), „наитіемъ, посѣщеніемъ демона“ „божественнымъ глаголомъ“.

Мнѣніе, что „настоящее поэтическое произведеніе должно быть хорошо и плодотворно, и что если оно не таково, то оно непоэтично, столь же дѣтское, какъ и распространенный у насъ способъ выраженія: „это научно“ или „ненаучно“. Раздаватели этихъ эпитетовъ какъ будто думаютъ, что наука сидитъ въ нихъ

самихъ, или что она имъ тетка или сестра, уполномочившая ихъ для выборовъ. Произведеніе можетъ быть совершенно ложно и для своего и для всѣхъ послѣдующихъ временъ и тѣмъ неменѣе научно. И лучшія произведенія современемъ оказываются ложными. Но куда же ихъ отнести, какъ не къ наукѣ?

Поэзія, какъ и наука, есть лишь способъ мышленія, употребляемый взрослыми и дѣтьми, цивилизованными и дикими, нравственными и безнравственными. Она не только тамъ, гдѣ великія произведенія, (какъ электричество не тамъ только, гдѣ гроза), а какъ видно уже изъ ея эмбриональной формы, т. е. слова, вездѣ, ежечасно и ежеминутно, гдѣ говорятъ и думаютъ. Ея опредѣленіе не должно заключать въ себѣ никакихъ указокъ на содержаніе и достоинство образа.

Поэзія есть преобразование мысли (самого автора, а затѣмъ всѣхъ тѣхъ, которые (иногда многіе вѣка) примѣняютъ его произведеніе), посредствомъ конкретнаго образа, выраженнаго въ словъ, иначе: „она есть созданіе сравнительно обширнаго значенія при помощи единичнаго сложнаго (въ отличіе отъ слова) ограниченнаго словеснаго образа (знака)“.

Это неполное опредѣленіе. Какъ первичное созданіе поэтического образа, такъ и пользование имъ (вторичное созданіе) сопряжено съ извѣстнымъ волненіемъ, иногда столь сильнымъ, что оно становится замѣтнымъ постороннему наблюдателю: „Лицо его (импровизатора) страшно поблѣднѣло; онъ трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ.... отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота“ (Пушкинъ, Ег. ночи, гл. III).—Это чувство отлично отъ того, которое сопровождается болѣе спокойное отвлеченное мышленіе, хотя между тѣмъ и другимъ существуютъ среднія ступени.

Отмѣтивъ необходимость 3-хъ моментовъ во всякомъ поэтическомъ произведеніи (А, х, а), слѣдуетъ помнить, что конкретности, образности недостаточно; въ противномъ случаѣ яркія сновидѣнія были бы художественнымъ творчествомъ.

Поэтичность содержанія. Идеальность въ поэзіи и наукѣ.

Риторичность,—стремленіе сознательно изображать содержаніе чертами далекими отъ дѣйствительности, возвеличивающими ее, основана на cum hoc ergo propter hoc. Гёте: „Der Schulmann, indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf. Sprüche, 161. Рабское изученіе образцовъ приводитъ къ заключенію, что впечатлѣніе, производимое ими, не можетъ существовать безъ средствъ, которыя въ нихъ. Такимъ образомъ возникаетъ манера. Отсюда между прочимъ ложно-классическіе приемы. Освобожденіе отъ манеры есть освобожденіе личности. Новая русская поэзія—съ Ломоносова до насъ—представляетъ интересъ такого освобожденія.

Объ этомъ—Бѣлинскій, VIII, 210: Всё это (стрѣлы, мечи, копья, щиты и пр. въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ“) — признакъ риторики; ибо поэзія проста: она не чуждается *обыкновенныхъ* предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но *поэтизируетъ* самыя *прозаическія вещи*“. Здѣсь, какъ и ниже, предполагается какая-то особая „*поэтичность содержанія*“: „Заслуга Жуковскаго:... далъ возможность содержанія для русской поэзіи (VIII, 349). „Пушкинъ.... употребилъ стихъ: „Но тынъ обрость красивой дивой...“ Изъ прежнихъ поэтовъ, едва-ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова (тынъ)“ (VIII, 325). *Есть прозаическіе предметы*: „замѣтимъ еще его (Пушкина) удивительную способность дѣлать поэтическими самыя прозаическіе предметы. Что, на примѣръ, можетъ быть прозаичнѣе выѣзда въ саняхъ франта, въ сюртукѣ съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это—поэтическая картина:

Ужъ темно: въ санки онъ садится:

Пади! пади! раздался крикъ;

Морозной пылью серебрится

Его бобровый воротникъ.

VIII, 337, и друг. пр. 338 (Одесская грязь), 442 (Черкешенка учить плѣнника языку ея родины) ¹⁾.

Отождествленіе искусства съ дѣйствительностью мы находимъ въ утверженіяхъ, что „жизнь—поэзія“, „мѣстность—живописна“. Ландшафтная живопись усовершенствована не въ Швейцаріи или другой странѣ, изобилующей такъ называемыми красотами природы.... Русскіе поэты, Марлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Грибоѣдовъ, не красотамъ кавказской природы обязаны своими произведеніями.

„Искусство—подражаніе природѣ“ —не примѣнимо къ архитектурѣ и музыкѣ. Доля правды есть однако въ этомъ утверженіи. Какъ въ жизни отдѣльныхъ художниковъ, такъ и въ исторіи художественныхъ школъ различаютъ періоды изученія природы, которымъ мы обязаны лучшими произведеніями, и періоды, когда люди отворачиваются отъ природы или поставляютъ цѣлью подражаніе себѣ и другимъ (отсюда манерность, риторичность). (Тень Чтен. объ искусствѣ 10—4). Безусловное подражаніе не есть цѣль искусства. (Тень *ib.* 14—6). Художественное произведеніе подражаетъ лишь взаимнымъ отношеніямъ и зависимости частей въ предметахъ (*ib.* 16—7.) Оно измѣняетъ эти отношенія, выдвигая впередъ признакъ, служащій представителемъ или замѣстителемъ многихъ другихъ. (*ib.*, 18 слѣд.). Такой признакъ (*resp.* признаки) называютъ существеннымъ.

Это м. б. справедливо лишь съ дополненіемъ „существенный лишь для извѣстной точки зрѣнія“, а не безусловно. Эта существенность не выраженіе неизвѣстной „сущности вещи“, а субъективный актъ объединенія признаковъ, дѣйствительная связь коихъ намъ неизвѣстна. Поэтому художественное произведеніе даетъ всегда лишь одностороннее неполное познаніе предмета и явленія. Хвастливо-легкомысленно утверждать, что въ языкѣ, (*resp.* въ живописи, поэзіи) *воплнъ* отразился вѣкъ, народъ. Запахъ можетъ намъ

---

¹⁾ Это даетъ поводъ остановиться на отношеніи поэзіи (*resp.* искусства) къ дѣйствительности.

напоминать весь цвѣтокъ, но только, если онъ былъ намъ раньше извѣстенъ. Изъ запаха мы не можемъ вывести формы растенія.

Никакой живописецъ или ваятель не создалъ бы изображенія льва, еслибы ему былъ данъ лишь признакъ, выдаваемый за сущность, а въ дѣйствительности являющійся лишь блѣднымъ отвлеченіемъ: „большое четвероногое хищное животное“, или фигура: „пасть, поднявшаяся на четыре лапы;“ ни Фальстафа—изъ сластолюбія или хвастливости. Языкъ, или поэзія или искусство—только одна изъ дѣятельностей человѣка. Лишь совокупность проявленій даетъ внутренній міръ человѣка. По одному нельзя узнать всѣхъ. Искусство сводитъ разнообразіе явленій къ относительно немногимъ символическимъ формамъ (образамъ; музыкальная пьеса—образъ настроенія ея создателя.) Но есть разница въ способахъ идеализаціи. См. замѣтку Пушкина о характерахъ Мольера и Шекспира, сравненіе способовъ идеализаціи романскихъ и германскихъ народовъ, Вогюэ, *Revue de d. m.* 1884. Juillet, 2, 276—7.

Требуютъ правды отъ художественнаго произведенія. Что такое эта правда? Тенъ: „Un caractère essentiel... c'est une qualité, dont toutes les autres, ou du moins beaucoup d'autres, dérivent suivant des liaisons fixes, (Philos. de l'art“ I³, 37). Т. о. свойства льва выводятся изъ того, что онъ большое плотоядное (но и тигръ и крокодилъ?); свойства Голландіи (ib 38—41)—изъ того, что она *аллювиальная* страна (но понизовья Днѣпра, Волги, Нила?) Vous devinez maintenant, et par la *seul* force du raisonnement, l'aspect du pays... ib 39. — C'est lui (le caractère fondamental) que l'art a pour but de mettre en lumière, et, si l'art entreprend cette tâche, c'est que la nature n'y suffit pas. Car dans la nature le caractère n'est que dominant; il s'agit dans l'art de le rendre dominateur. (42)

То, что изъ *X* (объясняемаго) выдвигается извѣстная черта, зависитъ отъ свойства *A* (объясняющихъ комплексовъ), т. е. *существенный* (!) характеръ—субъективенъ. Въ объясняемомъ, если вообразимъ себѣ его объективно существующимъ, нѣтъ черты, изъ которой par la *seul* force du raisonnement можно было бы

вывести всѣ остальные, ибо каждый признакъ (напр. аллювіальность страны) есть произведеніе множества другихъ признаковъ и измѣняется, смотря по этому множеству. Поставить аллювіальную страну подъ другую широту и долготу, населить ее другимъ племенемъ, или дать тому же племени другую исторію, другое сосѣдство и пр., и мы получимъ не Голландію. Такимъ образомъ чистое самообогащеніе, когда намъ кажется, что свойства Голландіи мы вывели изъ одного существеннаго признака — аллювіальности.

Изъ односторонности художественныхъ произведеній вытекаетъ, что самое пользованіе ими предполагаетъ извѣстное предварительное знаніе предметовъ, которые оно изображаетъ. Отсюда необходимость комментаріевъ для извѣстныхъ устарѣвшихъ или неродныхъ намъ произведеній. Отсюда возможность того, что старѣютъ даже совершеннѣйшія произведенія.

„Le grand malheur du realisme, c'est qu'il faut connaître le milieu reproduit pas le photographe pour apprécier le mérite de ses chefs-d'oeuvre, qui est dans l'exacte ressemblance. La description des courses de Zarckoé selo, qui a charmé tous les lecteurs russes, risque de vous laisser aussi indifférent, que le seraient les Moscovites pour la brillante description du grand prix de Paris dans Nana. *Вогюэ, Revue d. d. m. 1884, juillet 2-me 1., 299.*

Объ отношеніи искусства къ природѣ и наукѣ: — Бѣлинскій: „Ландшафтъ, созданный... талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ“. Бѣл. IV, 269.

„Въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность болѣе похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности, и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были ¹⁾; а историческій романъ Вальтеръ Скотта въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны, *достовернѣе* всякой исторіи, ib 271 (Сюда же „Пушкинъ вполнѣ Испанецъ въ „Донъ Жуанъ“ и пр.). Гёте иначе: Die frage: wer höher steht, der Historiker

---

¹⁾ Бѣлинскій здѣсь согласенъ съ Шеллингомъ, Шевыревъ „Теорія поэзіи въ историческ. развитіи.“ 163—4.

oder der Dichter? darf dar nicht aufgeworfen werden; sie konkurrieren nicht miteinander, so wenig als der Wettläufer und der Faustkämpfer. Jedem gebührt seine eigene Krone“. Göthe Sprüche Max. und. Reflex., 147—какъ совѣтъ—познай себя (свои силы и средства), протягивай ножи по одежѣ, а то—„бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожники“.

Объ идеальности искусства, отношеніи его къ дѣйствительности — Гёте:

Das Zufällig-Wirkliche, an dem wir weder ein Gesetz der Natur, noch der Freiheit für den Augenblick entdecken, nennen wir das *Gemeine*, Göthe., Spr, 122.

Das Schöne ist eine Manifestation geheimer Naturgesetze, die ¹⁾ uns ohne dessen Erscheinung ewig wären verborgen geblieben, ib. 130.

Wem die Natur ihr offenbares Geheimniss zu enthüllen anfängt, der empfindet eine unwiderstehliche Sehnsucht nach ihrer würdigsten *Auslegerin*, der Kunst. ib. Spr. 132.

Erst hört man von Natur und Nachahmung derselben, dann soll es eine schöne Natur geben. Man soll wählen; doch wohl das Beste und woran soll man's erkennen? Und wo ist denn die Norm? Doch wohl nicht auch in der Natur?

Und gesetzt, der Gegenstand wäre gegeben, der schönste Baum im Walde, der in seiner art als vollkommen auch vom Förster anerkannt würde. Nun, um den Baum in ein Bild zu verwandeln, geh

¹⁾ Красота есть обнаруженіе тайныхъ законовъ природы, которые, если бы они намъ не явились, остались бы навѣки скрытыми.

Такъ и красота рѣчи, сказывающаяся въ рѣчи мѣрной, есть ощутительное указаніе на *согласіе* ея стихій между собою, на ея *чувствительность* къ измѣненіямъ мысли, на свойства, которыми трудно поддаются разсудочному описанію. Красота извѣстнаго стихотворенія со стороны языка есть для насъ нѣчто несомнѣнное. Объясненіе условій этой красоты есть лишь искомое.

— Объективнымъ мѣриломъ красоты служить согласіе въ ея оцѣнкѣ различныхъ слоевъ и поколѣній.

Такъ писавшіе языкомъ безобразнымъ съ нашей точки зрѣнія до XVIII в. включительно лично могли находить этотъ языкъ прекраснымъ (напр. противопоставляя „высокій славянскій діалектъ“ „просторѣчю“ какъ грубому); но ихъ мѣра мала сравнительно съ тою, по которой мы, согласно съ древними греками, говоримъ о красотѣ поэзій Гомера, или, согласно съ творцомъ народныхъ пѣсенъ, признаемъ красоту этихъ послѣднихъ.

ich um ihn herum und suche mir die schönste Seite. Ich trete weit genug weg, um ihn völlig zu übersehen: ich warte ein günstiges Licht ab, und nun soll von dem Naturbaum noch viel auf das Papier übergegangen sein! Der Laie mag das glauben; der Künstler hinter den Kulissen seines Handwerks sollte aufgeklärter sein. Gerade das, was ungebildeten Menschen am Kunstwerk als Natur auffällt, das ist nicht Natur (von aussen), sondern der Mensch (Natur von innen). Объ идеальности поэтической (и вообще художественнаго образа) см. Мысль и языкъ, 2 изд. стр. 190—191.

Яблоко, которое я вижу, держу, нюхаю, ѣмъ, не выдуманно мною, но оно существуетъ для меня настолько и въ такомъ видѣ, насколько и какъ оно воспринимается мною, и насколько эти воспріятія вызываютъ прежня или сходныя воспріятія и мысли.

Вообще все то, что мы называемъ міромъ, природою, что мы ставимъ внѣ себя, какъ совокупность вещей, дѣйствительность, и самое наше я есть сплетеніе нашихъ душевныхъ процессовъ, хотя и не произвольное, а вынужденное чѣмъ-то находящимся внѣ насъ. Въ этомъ смыслѣ все содержаніе души можетъ быть названо идеальнымъ. Но въ этой всеобъемлющей идеальности мы различаемъ низшія и высшія теченія: сырые матеріалы и продукты различной степени сосредоточенности. Въ тѣсномъ смыслѣ только эти сырые матеріалы наиболѣ субъективныя, наименѣ выразимыя, называемъ реальными, а мысль—идеальною. Въ этомъ уже заключено, что мысль, все равно, художественная или научная, также неможетъ быть тождественна съ дѣйствительностью, какъ спиртъ и сахаръ съ зерномъ, картофелемъ и свекловицей. Требованіе, чтобы искусство было подражаніемъ природѣ, т. е. той же дѣйствительности, похоже на требованіе, чтобы высшіе организмы питались не сосредоточенной пищей и не химическими продуктами, а какъ земляные черви—даже больше: чтобы при питаніи небыло претворенія веществъ въ болѣ тонкія и нужныя, т. е. чтобы самого питанія небыло. Если бы это требованіе было исполнено, оно было бы безцѣльно, ибо зачѣмъ подражаніе, когда есть сама природа?

Толки объ объективно прекрасномъ и также о томъ, что и жизнь со своими мѣлочами—такой художественный фактъ, что неумѣлая художественность скорѣй ослабляетъ ея впечатлѣніе, чѣмъ концентрируетъ его (Дѣло 1875, VII. Ст. Языкова), основаны на *qui pro quo*. Если жизнь (природа, дѣйствительность) есть художественный, то она же и научный фактъ. Такимъ образомъ прійдемъ къ ненужности науки. Но дѣйствительность въ смыслѣ низшихъ сферъ душевной дѣятельности человѣка, соответствующихъ душевной дѣятельности животныхъ, ни художественна, ни научна.

Каждый разъ, когда намъ кажется, что природа непосредственно производитъ на насъ художественное впечатлѣніе, между этими впечатлѣніями и природою стоитъ нѣчто весьма сложное; ибо тотъ взглядъ, результатомъ коего является нынѣшняя пейзажная живопись, былъ недоступенъ даже живописцу XVI вѣка, не говоря уже о болѣе раннемъ времени.

Wenn Künstler von Natur sprechen, so intelligieren sie immer die Idee, ohne sich's deutlich bewusst zu sein. Göthe Spr.

Требованіе, чтобы искусство было подражаніемъ природѣ, включаетъ въ себѣ другое: чтобы стремленіе къ совершенству въ искусствѣ было стремленіемъ къ уничтоженію разницы между произведеніемъ искусства и природы, между сахаромъ и свекловицей. Но искусство и природа несоизмѣримы.

„Какъ повидимому ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго столѣтія, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины; только они не поняли самихъ себя и, по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi-романтическія списыванія съ природы, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопытной естественности“. Бѣлинскій, IV, 267.

„Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы,

возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое“. Бѣл., IV, 267.

„Къ живописи примѣняется то же, что и къ литературѣ, — ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ — пропаль; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія детали. Въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ“. Тургеневъ, 1-ое собр. писемъ, 490.

Поэзія (искусство), какъ и наука, есть *толкованіе* дѣйствительности, ея переработка для новыхъ, болѣе сложныхъ, высшихъ цѣлей жизни. Степень совершенства этой дѣятельности, имѣющая только временную и субъективную мѣрку, безразлична при сужденіи о необходимости этой дѣятельности вообще.

Поэтический образъ можетъ быть названъ идеальнымъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ не какъ „воплощеніе идеи“ (мысль непонятная), а въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названо идеальнымъ представленіе въ словѣ. Именно идеализація, какъ созданіе поэтическаго образа, состоитъ въ выдѣленіи изъ основнаго комплекса воспріятій, въ объединеніи извѣстныхъ чертъ и въ устраненіи другихъ, присутствіе коихъ сбивало бы мысль съ пути, по которому направляетъ ее образъ. Это тоже отвлеченіе, отличающееся отъ научнаго лишь видовыми признаками. Вытекающею отсюда односторонностью и вмѣстѣ сосредоточенностью дѣйствія художественнаго произведенія объясняется то явленіе, которое иногда приписываютъ неправильному развитію людей, именно слезы, восторги и пр., вызываемые поэтическими образами, и равнодушіе къ дѣйствительности, изъ коей взяты эти образы. Зло было бы здѣсь лишь тогда, если бы слезы и т. п., вызываемыя романами и проч. притупляли воспріимчивость, что бываетъ однако лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ поэтическій образъ, какъ обыкновенно говорится, можетъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, т. е. *со стороны своею содержаща* онъ можетъ (ничего) не включать въ себѣ, чтобы не могло заключаться въ самой трезвой научной мысли и въ самомъ повседневномъ, ничтожномъ по своей стоимости для насъ воспріятіи.

Такъ въ стихотв. Фета:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Невидать въ пыли.
Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

только форма настраиваетъ насъ такъ, что мы видимъ здѣсь не изображеніе единичнаго случая, совершенно незначительнаго по своей обычности, а знакъ или символъ неопредѣлимаго ряда подобныхъ положеній и связанныхъ съ нимъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разрушить форму. Съ какимъ изумленіемъ и сомнѣніемъ въ здравомысліи автора и редактора встрѣтили бы мы на особой страницѣ журнала слѣдующее: „Вотъ что-то пылить по дорогѣ, и неразберешь, ѣдетъ ли кто, или идетъ. А теперъ видно... Хорошо бы если-бы заѣхалъ таковой-то!“ Этотъ примѣръ ведетъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго.

Виды поэтической иносказательности.

Въ словѣ съ живымъ представленіемъ всегда есть и до самаго забвенія представленія увеличивается несоразмѣрность между этимъ представленіемъ и его значеніемъ, т. е. признакомъ, средоточіемъ коихъ оно становится. Такъ и поэтической образъ, каждый разъ, когда воспринимается и оживляется понимающимъ, говоритъ ему нѣчто *иное* и *большее*, чѣмъ то, что въ немъ непосредственно заключено. Такимъ образомъ поэзія есть всегда *иносказаніе*, *ἀλληγορία* въ обширномъ смыслѣ слова.

Отдѣльные случаи поэтической иносказательности, въ дѣйствительности переходящіе другъ въ друга и потому трудно-разграничимые, слѣдующіе.

А. Иносказательность въ тѣсномъ смыслѣ, переносность (метафоричность), когда образъ и значеніе относятся къ *далекимъ другъ отъ друга порядкамъ явленій*, каковы напр. *внѣшняя природа и личная жизнь*: Гейне, Ein Fichtenbaum steht einsam.... Лермонтовъ, *Сосна*: „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко

На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

(Переводъ Тютчева сохраняетъ противоположность половъ „Ein Fichtenbaum,“ и „die Palme“ и вмѣстѣ съ тѣмъ большую степень иносказательности):

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣть,
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ
И сонъ его вьюга лелѣть.
Про юную пальму все снится ему,
Что въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
Стоитъ и цвѣтетъ одинока.

Или *несходныя положенія человеческой жизни*. Пушкинъ „Арionъ“ (1830):

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безвѣстной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный....

Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подь скалою.

Б. *Художественная типичность* (синеждохичность) образа, когда образъ становится въ мысли началомъ ряда подобныхъ и однородныхъ образовъ. Цѣль поэтическихъ произведеній этого рода, именно обобщеніе, достигнута, когда понимающій узнаетъ въ нихъ знакомое: „я это знаю“, „это такъ“, „я видалъ, встречалъ такихъ“, „такъ на свѣтѣ бываетъ“. И тѣмъ не менѣе образъ является откровеніемъ, колумбовымъ яйцомъ.

Изобильные примѣры такого познанія при помощи созданныхъ поэзіей типовъ представляетъ жизнь (т. е. примѣненіе) всѣхъ выдающихся произведеній новой русской литературы, съ „Недоросля“ и до сатиры Салтыкова; у послѣдняго сверхъ его собственныхъ типовъ, имена коихъ стали нарицательны, еще (какъ въ древне-греческой трагедіи, выросшей на эпическихъ основахъ, какъ въ итальянскихъ кувольныхъ комедіяхъ съ постоянными характерами)—пользованіе извѣстными уже типами (Молчалинъ, Чацкій, Поздრевъ, Расплюевъ). Условія такой типичности и вмѣстѣ примѣръ познанія при помощи готовыхъ поэтическихъ образовъ отмѣчены Пушкинымъ:

„Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей и пороковъ.... Но вѣдѣ, можетъ быть, геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣль.... Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе.*** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, хвастливъ, неглупъ, забавенъ безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную: онъ былъ женатъ. Шекспиръ

неуспѣлъ женить своего холостяка.... Сколько сценъ потерянныхъ для кисти Шекспира! Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сыновъ его, вылитый отецъ, маленький Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіи, повторилъ про себя: „Какой папенька хлаблій! Какъ папеньку госудаль любить!“ Мальчишка подслушала и кликнула: „Кто тебѣ это сказалъ, Володя!“—Папенька, отвѣчалъ Володя (Шейлокъ, Анджелло и Фальстафъ Шекспира).

О синедвохичности образовъ—Тургеневъ (1-е собраніе писемъ, 104, 106 и сл., 239): „Графчикъ С-съ неправъ, говоря, что лица, подобныя Н. П. и П. П. (въ „Отцахъ и дѣтяхъ“) — наши дѣды: Н. П., это—я, Огаревъ и тысячи другихъ; П. П. — Столыпинъ, Есаковъ, Боссетъ, — тоже наши современники. Они лучшіе изъ дворянъ — и именно потому и выбраны мною, чтобъ доказать ихъ несостоятельность.“ — „Я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ-Стукъ“ нелѣпость. Что же оно такое? спросите вы. А вотъ что: повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что-либо поэтическое или патетическое, а напротивъ почти всегда совершается вслѣдствіе самолюбія, ограниченности, съ примѣсю мистицизма и фатализма.“

Сюда—поэтическія описанія, аналогичныя съ ландшафтной живописью мертвой природы, напримѣръ „Обвалъ“ Пушкина; Тютчева: Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,

Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!

Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ

Нивы дремлющія зрѣютъ!....

Усыпительно-безмолвны,

Какъ блестятъ въ тиши ночной.

Золотыстыя ихъ волны,

Убѣленные луной. (LXXVI).

Его же „Полдень“ (IV): Лѣнливо дышетъ полдень знойный;
V, Песокъ сыпучій по колѣни....; XCIV, Не остывшая отъ зноя
ночь іюльская блистала; LXXIV, Первый листъ: „Листъ зеленеетъ молодой“.... LXXV, „Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь.“

Сюда же изображенія лицъ, характеровъ, событій, чувствъ, сводящія безконечное разнообразіе жизни на сравнительно небольшое число группъ. Здѣсь поэзія, какъ и пластическое искусство въ своихъ областяхъ, является могущественнымъ донаучнымъ средствомъ познанія природы, человѣка и общества. Она указываетъ цѣли наукъ, всегда находится впереди ея и незамѣнима ею во вѣки.

Это одинъ изъ случаевъ синекдохи. Неизмѣнный ходъ познанія здѣсь—отъ образа къ познаваемому. Отсюда—непоэтичность, т. е. безцѣльность холодныхъ и блѣдныхъ конкретными чертами, придуманныхъ иносказаній, напр. олицетвореній готовыхъ отвлеченныхъ понятій, ничего неприбавляющихъ къ этимъ понятіямъ. Евангельскія и другія подобныя притчи поэтичны постольку, поскольку допускаютъ и другія примѣненія.

Сохраняя эту типичность, при дальнѣйшемъ возбужденномъ имъ движеніи мысли, образъ можетъ стать для насъ иносказательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ (метафоричнымъ). Есть много поэтическихъ произведеній, которые могутъ быть понимаемы такъ или иначе, *смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мновенному настроенію*. Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою иносказательностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только натуры глубокія. Таковы—„Кавказъ“, „Обвалъ“ Пушкина. Сюда рядъ стихотвореній Тютчева.

„Утро въ горахъ“ (II-ое изд., 1868 г.):

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь высихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скаты,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

„Снѣжныя горы“ (III.... И между тѣмъ какъ, полусонный, нашъ дольний міръ....);

„Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ

Снѣгъ растаялъ и ушелъ...:

А который вѣкъ бѣлѣть

Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ“ (XXXII).

„Надъ виноградными холмами“ (XXXIV). *Женева:*

„Утихла буря, легче дышетъ

Лазурный сонмъ женеvскихъ водъ....

А тамъ въ торжественномъ покоѣ,

Разоблаченная съ утра

Сіяетъ Бѣлая гора,

Какъ откровенье неземное“.

„Хотя я и свилъ гнѣздо въ долинѣ“ (CXLV) Ср. Пушкина

„Монастырь на Казбекѣ“:

Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,

Подняться къ вольной вышинѣ:

Туда бѣ въ заоблачную келью

Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ“.

Въ томъ случаѣ, когда поэтъ прямо, или же недопускающими двусмысленности намеками направляетъ мысль къ такому, а не другому пониманію образа, этотъ послѣдній становится подчиненнымъ моментомъ болѣе сложнаго образа, заключающаго въ себѣ и толкованіе, сдѣланное самимъ повтомъ. Получается новая форма: параллелизмъ мысли, иногда явственный и въ расположеніи и въ выраженіи, иногда болѣе или менѣе скрытый. Таковъ напр. рядъ стихотвореній Тютчева, какъ бы служащихъ отвѣтомъ на вопросъ: „Что онизу?“, сосредоточивающихъ интересъ не столько на самомъ образѣ, сколько на его примѣненіи. Стих. Тютчева, *Ива* (VIII):

„Что ты клонишь надъ водами,

Ива, макушку свою

И дрожащими листьями,

Словно жадными устами

Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещеть
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещеть,
И, на солнцѣ нѣжась, блещеть
И смѣется надъ тобой“.

(Неудовлетворимость стремленій къ наслажденію и счастью, равнодушная природа).

Фонтанъ (XXVIII): „Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющей клубится....“

(Неудовлетворимость стремленій къ знанію, роковой предѣлъ человеческой жизни—явственный параллелизмъ въ выраженіи и расположеніи частей).

„Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараеть....
Такъ грустно тлится жизнь моя....“

(Жажда полной, хотя бы и мгновенной жизни—явственная подчиненность образа „какъ-такъ“);

“Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной....

Тотъ же все призракъ тревожно пустой (CXIV).

„Не разсуждай, не хлопочи.... Безумство ищетъ, глупость судить.... Чего желать, о чемъ тужить?“ (CXV).

„*Равнодушная природа*“: Пушкинъ, Евг. Он., VII, 1—3: „Гонимы вешними лучами“ и пр. Тютчевъ, „Весна“: „Какъ ни гнететь рука судьбины.... Что устоитъ передъ дыханьемъ и первой встрѣчею весны?“.... (IX); „И гробъ опущенъ ужъ въ могилу.... А небо такъ нетлѣнно чисто (противоположность тлѣнья и нетлѣнности); „Гроза прошла. Еще курясь, лежалъ высочій дубъ, перунами сраженный.... А ужъ давно звучае и полнѣй пернатыхъ пѣснь по роцѣ раздалася,... (LXXXV)—здѣсь, какъ совершившееся, то, что, какъ *желаніе*, въ стих. Пушкина „Аквилонъ“: „Пускай же солнца ясный ликъ отнынѣ радостью блистаетъ“ и пр.; „Конченъ пиръ, умолкли хоры.... Какъ надъ этимъ дольнымъ чадомъ.... Звѣзды чистыя горѣли....“ (CVI); *Est in arundineis*

modulatio musica ripis: „Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,... И отчего же въ общемъ хорѣ Душа не то поетъ, что море, И ропщетъ мыслящій тростникъ?“ (CLX); „Смотри, какъ западъ загорѣлся Вечернимъ заревомъ лучей, Востокъ померкнувшій одѣлся Холодной сизой чешуей! (предвѣстія войны) Въ враждѣ ль они между собою? Иль солнце не одно для нихъ и, неподвижною средою дѣля, не соединяетъ ихъ?“ (XXXV) — „Жалкій человѣкъ! Чего онъ хочетъ? Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ“ .... Валерикъ Лермонтова; ср. его же „Парусъ“.

Разнодушная новая жизнь: XVIII „Какъ птичка раннею порою“.... Какъ грустно полусонной тѣнью,

Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!“

Уйти! („Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть. Лерм.)—Тютчевъ: „Душа хотѣла-бъ быть звѣздой, Но не тогда, какъ съ неба полуночи.... Но днемъ, когда сокрытыя, какъ дымомъ“.... (XXIV). „Еще шумѣлъ веселый день.... И мнѣ казалось, что меня какой-то миротворный гений, Изъ пышнозолотого дня Увлекъ незримо въ царство тѣней!“ (XXVI).

Когда, что звали мы своимъ,
На вѣкъ отъ насъ ушло....
Пойдемъ и взлянемъ вдоль рѣки....
.... Душа впадаетъ въ забытье,
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.... (СХХХI).

(Ср. CLVII). „Какъ хорошо ты, о море ночное... Волны несутся, гремя и сверкая, Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.... Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи, Вдругъ оцѣмѣвъ, я потерявъ стою, И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи Всю потопилъ бы я душу свою“.

Душа „съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться“ (Тютчевъ, XXIII).

„Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ....
.... За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ....“

.... Всѣ вмѣстѣ—малыя, большія,...
.... Сольются съ бездной роковой!...
О нашей мысли оболъщенье,
Ты, человѣческое я!
Не таково ль твое значенье?
Не такова ль судьба твоя? (LXIV).

А пока: „Какъ ни гнетъ рука судьбины... И ринься, бодрый, самовластный, Въ сей миротворный океанъ!... И жизни божески-всемірной, Хотя на мигъ причастенъ будь! (Весна, IX).

Уйти въ себя: Silentium: „Молчи скрывайся и таи И чувства и мечты свои“.... (XVII); „Душа моя—элизіумъ тѣней“. (XXI).

Въ міръ безсознательнаго, въ міръ сновидѣній: „Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной, Земная жизнь кругомъ объята снами..... (XI) Этому настроенію сродни ночь: *Видѣніе* (XLII): „*Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья*“...; *День и ночь* (XXXVIII):

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой безднѣй безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканый...
Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла, и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена....

„Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отраднѣй, день любезнѣй,
Какъ золотой коверъ свила,—
Коверъ, накинутый надъ бездной....
И, какъ видѣнье, вѣшнѣй міръ ушелъ....
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.

И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаеть наслѣдье родовое.... (XCV).

Первоначальное мѣсто образа въ тѣсномъ смыслѣ (=представленіе въ словѣ) въ говорящемъ (поэтѣ)—до опредѣленнаго значенія, въ понимающемъ—до всякаго значенія. Но при созданіи сложныхъ поэтическихъ образовъ матеріаломъ могутъ служить и прежніе продукты поэтическаго познанія. Отъ вышеприведеннаго случая, когда главнымъ является примѣненіе, слѣдующее за образомъ,—одинъ шагъ къ тому случаю, когда примѣненіе и по мѣсту является первымъ, а образъ въ тѣсномъ смыслѣ, при помощи коего нѣкогда создано было примѣненіе, вторымъ, какъ по придаточности значенія, такъ и по мѣсту. Эта поэтическая перестановка (*inversio*) можетъ быть названа сравненіемъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Биографъ Тютчева рассказываетъ, что разъ Тютчевъ, воротившись домой въ ненастную осеннюю ночь на открытыхъ извощичьихъ дрожкахъ, весь промокшій, сказалъ дочери, помогавшей ему снимать мокрое платье: „я сложилъ нѣсколько стиховъ“. Это было стихотвореніе (XCVI):

Слѣзы людскія, о слѣзы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя
Неистоцимыя, неисчислимыя
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую ночью порой.

Премиссы этого стихотворенія: а) готовое, извѣстное съ незапамятныхъ временъ сравненіе: „дождь, это слезы“; б) общее печальное настроеніе, вызванное слышаннымъ или видѣннымъ, можетъ быть, въ тотъ вечеръ. Подъ вліяніемъ этого настроенія впечатлѣніе минуты (глухая пора, дождь леть, леть, леть) сли-

вается съ первымъ членомъ сравненія *a* и объясняется вторымъ выдвигая въ немъ признаки (постоянство, безвѣстность, незримость, неистощимость), которыя опять обращаютъ мысль къ дождю. Такимъ образомъ въ инверсiи тотъ же путь проходитъ мыслью дважды. Ср. Пушкина „Я пережилъ свои желанья“ — *образъ, лежащій въ основѣ стихотворенія, — въ концѣ:*

„Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ вимнiй свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженный
Трепещеть запоздалый листъ“.

(Бѣлинскiй, VIII, 331).

„Узникъ“ — орелъ въ клѣткѣ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ...?

Важнiческая тѣня — „Что смолкнулъ веселiя гласъ...?“

Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума“...

Вліяніе поэзиі. Героизмъ.

Случаи *A* и *B* могутъ разсматриваться не только, какъ направленные къ познанію, имѣющіе теоретическое значеніе, но и со стороны практической, какъ вліяющіе на измѣненіе дѣйствительности черезъ посредство чувствъ, производимымъ ими въ понимающемъ. Эта сторона поэтической иносказательности (метонимичное заключеніе отъ причины къ дѣйствию) сходна съ практическимъ значеніемъ музыки, возбуждающей бодрость или уныніе, радость или печаль и посредствомъ этихъ чувствъ вліяющей на дѣйствiя. Всякій поэтической образъ, черезъ посредство своей метафоричности въ тѣсномъ смыслѣ или типичности (т. е. черезъ

моментъ познанія), можетъ производить такое вліяніе мимоходомъ. На этомъ основано распространенное мнѣніе о нравственномъ, воспитательномъ, облагораживающемъ значеніи поэзіи вообще,— мнѣніе, въ которому надобно прибавить и обратное.

Но есть роды поэзіи, которые небудучи дидактичны въ тѣсномъ смыслѣ, достигаютъ практической цѣли возвеличеніемъ или умаленіемъ дѣйствительности. Сюда, во 1-хъ, обширный—древній родъ величаній, выродившійся между прочимъ въ лжеклассическое хвалебное стихотворство. Въ русской народной поэзіи этотъ родъ представленъ между прочимъ обширнымъ и прекраснымъ разрядомъ малорусскихъ колядокъ и щедровокъ. Пѣсни эти, по случаю начала новаго періода земледѣльческой жизни (отчасти и пастушеской), „новаго лѣта“, ставятъ лица, коимъ поются (хозяина, хозяйку, сына, дочь) въ идеальныя, желанныя положенія; иногда явственно апотеозируютъ ихъ, для того чтобы „дѣмъ звеселити“, чтобы это желанное осуществилось. Они основаны на вѣрѣ въ таинственную силу слова, въ то, что слово есть сущность, слово—дѣло; что произнесеніе настоящаго слова, если и не есть еще осуществленіе, то прямо ведется къ нему: „від сѣго слова бувай же здоров!“ или вр. „кому поёмъ, тому выпоемъ“, „тому сбудется, неминуется“.

Мы давно пережили эту вѣру и удержали память о ней лишь въ немногихъ выраженіяхъ, какъ „будьте здоровы“ и т. п.; но есть область, въ которой и мы должны признать слово за дѣло, въ которой казаться тоже, что быть.

Склонность дѣтей къ героизму наблюдается отъ времени до времени въ слѣдующемъ: гимназистъ 3-го класса, начитавшись Майнъ-Рида, отправляется странствовать, съ намѣреніемъ переплыть океанъ и пр. Жаль только, если для этого онъ крадетъ у родныхъ и знакомыхъ; жаль, если онъ при этомъ обнаруживаетъ весьма скудныя географическія познанія. Если мальчикъ, вообразивши себя сказочнымъ героемъ, размахиваетъ линейкой, какъ мечомъ, то по какимъ признакамъ можемъ его счесть не дѣйствительнымъ героемъ въ ту минуту? Если потомъ въ жизни

ему случится съ напряженіемъ силъ или съ потерюю здоровья и жизни сдѣлать что-либо доброе и великое, то не будетъ ли это дѣло (практическій героизмъ) корениться въ томъ (идеальномъ) размахиваньи линейкою? И не можетъ ли случиться, что при этомъ дѣлѣ онъ будетъ такъ поглощенъ его техникой, что для чувства неостанется мѣста? Если такъ, то героизмъ, какъ чувство полноты силъ, какъ счастье, скорѣе тогда, когда ребенокъ размахиваетъ линейкой, чѣмъ послѣ. Кто воображаетъ себя счастливымъ, тотъ дѣйствительно счастливъ. Тутъ не можетъ быть разницы между дѣйствительнымъ и мнимымъ.

Мысль, что истинный героизмъ не зависитъ отъ того, совершено ли дѣйствіе, выдерживающее критику или нѣтъ, находятъ себѣ иллюстрацію у Гейне и у Гёте.

(Die Tyroler)... von der Politik wissen sie nichts, als dass sie einen Kaiser haben, der einen weissen Rock und rothe Hosen trägt... Als nun die Patrioten zu ihnen hinaufkletterten und ihnen beredtsam vorstellten, dass sie jetzt einen Fürsten bekommen, der einen blauen Rock und weisse Hosen trage, da griffen sie zu ihren Büchsen, und küssten Weib und Kind und stiegen von den Bergen hinab, und liessen sich todtschlagen für den weissen Rock und die lieben alten rothen Hosen. Im Grunde ist es auch dasselbe, für was man stirbt, wenn nur für etwas liebes gestorben wird, und so ein warmer treuer Tod ist besser, als ein kaltes, treuloses Leben. Schon allein die Lieder von einem solchen Tode, die süssen Reime und lichten Worte erwärmen unser Herz, wenn feuchte Nebelluft und dringliche Sorgen es betrüben wollen. Heine, Reisebilder.

Ср. Гёте (Der neue Amadis): „Als ich noch ein Knabe war.... du warst mein Zeitvertrieb, goldne Phantasie; und ich war ein warmer Held, wie der Prinz Pipi, und durchzog die Welt.“

Страданія и радости отъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ причинъ одинаково дѣйствительны. У Л. Толстого („Отрочество“) есть параллель къ Гётевскому Амадису: глава XV „мечты“ въ чуланѣ— „И какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, я вижу, что продолженіе ихъ невозможно и, что всего удивительнѣе,

не доставляет мнѣ никакого удовольствія“. Гёте: „Ach! wer hat sie mir entführt? Hielt kein Zauberband sie zurück vom schnellen Fliehen? Sagt, wo ist ihr Land? Wo der Weg dahin? (D. n. Amadis),

Такимъ образомъ, хотя бы и пошатнулась и исчезла вѣра въ чудесную силу слова, но если героическіе образы, пѣсни таковы, что слушающіе примѣняютъ ихъ къ себѣ; то практическая цѣль величанья достигается.

Въ письменной поэзіи созданіе положительныхъ идеаловъ, направленныхъ въ этой цѣли, затруднено нашей разборчивостью:

„Мечты поэта!

„Историкъ строгій гонитъ васъ“.

А такъ какъ этотъ историкъ болѣе—менѣе въ каждомъ изъ насъ, то мы не можемъ сказать:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже

Насъ возвышающій обманъ“;

ибо то, что мы признаемъ за обманъ, уже неспособно насъ возвышать.

Но если трудно найти натуру и краски для „насъ возвышающаго“ цѣльнаго лица, то можно ее найти для взаимодѣйствія образовъ, событій, чувствъ, коихъ совокупность можетъ произвести тоже (веселящее) бодрящее, облагораживающее дѣйствіе. Кромѣ того, есть и другой протертый путь, косвенно ведущій къ той же цѣли—сатира, въ коей дѣйствуетъ „одно честное благородное лицо“—„смѣхъ“.

Счастлива литература, обладающая образами, которые способны давать такое направленіе героизму отрочества и юности. Счастливы поволѣнія, которыя такими впечатлѣніями молодости предохранены отъ скуки жизни. Поэзія способна формировать, давать форму мечтамъ юности. Потребность положительныхъ типовъ глубоко чувствовалъ Гоголь (онъ искрененъ въ этомъ). Онъ сознавалъ и невозможность создавать такіе типы безъ увѣренности въ ихъ существованіи въ дѣйствительности, и опасность пессимизма.

Великіе люди не всегда велики въ глазахъ не однихъ своихъ камердинеровъ; но великъ міръ, человѣчество, народы, событія даже до ежедневныхъ, если понято ихъ значеніе.

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
въ душѣ презирать людей“. Евг. Онѣг. I. XLVI.

Это истина, однако, неполная. Принятая за полную, она ведетъ въ теоретическимъ заблужденіямъ и разрушаетъ нравственность. Въ примѣненіи въ „народу“ воспитательно дѣйствуетъ идеализація мужика, знакомство съ народной поэзіей. Пусть мужикъ дурень, но между прочимъ поэзія его хороша. Слѣдовательно, онъ не весь дурень и главное въ немъ, какъ и въ человѣкѣ вообще, можетъ быть не то, что онъ дурень, а то, что онъ способенъ къ хорошему.

Цѣль въ искусствѣ. Чистая и дидактическая поэзія. Картина Крамского „Христосъ“.

„Выраженіе „искусство безцѣльно“—образно и, какъ всякое образное положеніе, можетъ посредствомъ ложныхъ толкованій легко быть доведено до абсурда. ¹⁾ Одно изъ самыхъ слабыхъ возраженій—заимствованное изъ сравненія съ тѣмъ, что само внѣ научнаго познанія: „искусство также не можетъ быть безцѣльно, какъ безцѣльны созданія его небснаго первообраза, божественнаго всемогущества“ (Wakernagel, Poetik). Но челоѣкообразное представленіе Бога, имѣющаго *цѣли*, слѣдовательно, *ничто* въ данный моментъ имъ недостигнутое, его ограничивающее,—несовмѣстимо съ безпредѣльностью и совершенствомъ Божества. Оставаясь на челоѣческой почвѣ, слѣдуетъ рассмотреть сначала безспорныя стороны вопроса.

Художественныя произведенія, возникая изъ нѣкотораго стремленія художника, заканчиваютъ собою это стремленіе и служатъ

¹⁾ Осуждая внѣшнюю науку, какъ она ему видится, Толстой: „я знаю, что по своему опредѣленію наука должна быть *безполезна*, т. е. наука для науки, но вѣдь это очевидная отговорка. Дѣло науки служить людямъ.“—„Наука еще можетъ ссылаться на свою глупую отговорку, что наука дѣйствуетъ для науки, и что, когда она разрабатывается учеными, она станетъ доступною и народу; но искусство, если оно искусство, должно быть доступно всѣмъ, а въ особенности тѣмъ, во имя которыхъ оно дѣлается“.

его цѣлю. Такимъ образомъ вопросъ состоитъ только въ присутствіи или отсутствіи внѣшнихъ цѣлей. Безспорно также отличіе цѣли отъ дѣйствія: имѣло ли *цель художественное произведение или нѣтъ*, дѣйствіе, вліяніе его, если оно воспринимается, неподлежитъ сомнѣнію. Наконецъ, безспорно, что самъ художникъ можетъ имѣть внѣшнія цѣли и можетъ неимѣть ихъ. Уже изъ этого вытекаетъ, что изреченіе „безцѣльность искусства“, понятое безусловно,—ошибочно. И такъ вопросъ состоитъ въ одѣннѣ послѣдствій присутствія или отсутствія внѣшнихъ цѣлей въ искусствѣ.

Безъ образа нѣтъ искусства, въ частности поэзіи. Безъ много-сложности, конкретности нѣтъ образа. Искусство всѣхъ временъ направляетъ усилія къ достиженію внутренней цѣли. Извѣстная множественность чертъ и прочность ихъ связи, т. е. легкость, съ которою ихъ совокупность схватывается и сохраняется понимающимъ, есть мѣра художественности. Если кто-либо рѣшилъ зарать доказать или внушить нѣчто и такимъ образомъ сознательно стремится къ опредѣленной цѣли и доказываетъ *примѣромъ*, изъ котораго вытекаетъ только то, что имѣло быть доказано; то онъ—прозаникъ, ученый, моралистъ, проповѣдникъ, пророкъ, но не художникъ. Если онъ, выбравъ примѣръ, находитъ удовольствіе въ его изображеніи и, увлеченный, сообщаетъ своему примѣру жизненность, конкретность; ¹⁾ то неизбѣжно примѣръ будетъ говорить больше того, или вовсе не то, что предположено. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ природы художника, дидактическая цѣль явится чѣмъ-то второстепеннымъ.

Поэтическое дидактическое произведеніе удалится отъ прозы и приблизится къ чисто поэтическимъ произведеніямъ. Такимъ образомъ по присутствію или отсутствію внѣшней сознательной цѣли поэзія дѣлится на дидактическую въ обширномъ смыслѣ и чистую.

Чтобы быть дидактикомъ и въ то же время поэтомъ, нужно обладать любовью къ истинѣ, недопускающей искаженія примѣра

¹⁾ Das ist die wahre Symbolik, wo das Besondere das Allgemeinere repräsentiert, nicht als Traum und Schatten, sondern als lebendig augenblickliche Offenbarung des Unerforschlichen. Göthe, Spr. 137.

въ угоду тому, что имъ должно быть доказано. Подъ этимъ условіемъ дидактическая поэзія равноцѣнна съ чистою. Достоинство дидактической поэзіи зависитъ также отъ того, что ею должно быть доказано. Это *demonstrandum* можетъ быть образомъ характера и настроенія самаго поэта. Такимъ образомъ дидактическая поэзія является субъективной и въ извѣстномъ смыслѣ лирической. Этотъ лиризмъ и дидактичность—въ лицахъ романовъ, драмъ, устами коихъ говоритъ самъ авторъ.

Мое отношеніе къ Шиллеру, говоритъ Гёте, основывалось на опредѣленномъ направленіи къ одной цѣли; наша дѣятельность сообща (*unser Gemeinsamthätigkeit*)—на различіи средствъ, каковыми мы старались достигнуть этой цѣли. По поводу тонкаго различія между нами, которое было предметомъ нашего разговора, и о которомъ напоминаетъ мнѣ одно мѣсто Шиллерова письма, мнѣ пришли слѣдующія мысли: большая разница, ищетъ ли поэтъ частнаго во всеобщему, или же видитъ онъ въ частномъ всеобщее. Изъ перваго приѣма возникаетъ аллегорія, гдѣ частное имѣетъ лишь значеніе примѣра (*Beispiel, Exempel*), образца всеобщаго; второй же приѣмъ есть сущность поэзіи въ собственномъ смыслѣ (*ist eigentlich die Natur der Poesie*); онъ высказываетъ частное, не думая объ общемъ или неуказывая на него. Кто живо восприметъ это частное, тотъ вмѣстѣ съ нимъ получаетъ и общее, незамѣчая этого вовсе или замѣтивъ лишь поздно“ (*Göthe, Sprüche IV, 149*). Тѣмъ неменѣе Шиллеръ все также поэтъ.

(Mahomet)... heftig behauptet und betheuert, er sei Prophet und nicht Poet, und daher auch sein Koran als göttliches Gesetz und nicht etwa als menschliches Buch, zum Unterricht oder zum Vergnügen, anzusehen.

Wollen mir nun den Unterschied zwischen Poeten und Propheten näher andeuten, so sagen wir: beide sind von einem Gott ergriffen und befeuert; der Poet aber versendet die ihm verliehene Gabe im Genuss um Genuss hervorzubringen, Ehre durch das hervergebrachte zu erlangen, allenfalls ein bequemes Leben. Alle übrigen Zwecke versäumt er, sucht mannigfaltig zu sein, sich in Gesin-

nung und Darstellung gränzenlos zu zeigen. Der Prophet hingegen sieht nur auf einem einzigen bestimmten Zweck; solchen zu erlangen bedient er sich der einfachsten Mittel. Irgend eine Lehre will er verkünden und, wie um eine Standarte, durch sie und um sie die Völker versammeln. Hiezu bedarf er nur, das die Welt glaube; er müsst also einsönig werden und bleiben; denn das Mannigfaltige glaubt man nicht, man erkennt es“. Göthe, Westöst. Diwan.

Спасовъ, И. Н. Крамской по его письмамъ и статьямъ (ст. 2-я В. Евр. 1887. Дек.).

Крамской о своей картинѣ „Христосъ въ пустынь“: уже пять лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мною; я долженъ былъ написать его, *чтобы отдѣлаться....* Во время работы за нимъ я, много думая, молился и страдалъ.... Бывало вечеркомъ уйдешь гулять и долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь,—и вотъ видишь фигуру старую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшийся, сидитъ одинъ между... печальными, холодными камнями. Рука судорожно и крѣпко сжаты; пальцы впились, ноги поранены и голова опущена. Онъ крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ будто запеклись, глаза незамѣчаютъ предметовъ, и только время отъ времени брови шевелятся, повинаясь законамъ мускульнаго движенія. Ничего онъ нечувствуетъ; нечувствуетъ, что холодно немножко, нечувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто ооченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнья. Нигдѣ ничего нешевеливается, только у горизонта черныя облака плывутъ отъ востока да нѣсколько волосковъ по воздуху стоятъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ.... Вы спрашиваете: „могу ли я написать Христа?....“ совершилъ можетъ быть профанацію, но немогъ написать. Долженъ былъ написать.... не могъ обойтись безъ этого.... мнѣ иногда кажется, что это какъ будто и похоже на ту фигуру, которую я по ночамъ видѣлъ, то вдругъ—никакого сходства. Словомъ грустное сознаніе (извѣстной степени прозаичности изобра-

женія), что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самыя три-вѣяльные портреты съ самыхъ обыденныхъ личностей.... (468—9).

Съ натуры ли пишетъ художникъ? „Фигура Христа меня очень долго преслѣдовала.... я видѣлъ эту думающую, тоскующую, плачущую фигуру.... я видѣлъ ее, какъ живу. Однажды слѣдуя за нею, я вдругъ почти натолкнулся на нее, именно на разсвѣтъ; именно она такъ сидѣла, сложивши руки, опустивши голову; ротъ отъ долгаго молчанія почти помертвѣлъ. Онъ меня незамѣтилъ. Я тихонько, на цыпочкахъ, удалился, чтобы немѣшать, и затѣмъ ужъ я забыть немогъ.... Мнѣ *надо* было сдѣлать, чтобы *хотя сколько-нибудь подытаться впечатлѣніемъ*. Все это тамъ есть, невыдуманно; я все такъ видѣлъ. Случайно вся обстановка была именно такова“. 469—70.

Спустя 5 лѣтъ онъ пишетъ о той же картинѣ: „подъ вліяніемъ ряда впечатлѣній у меня осѣло очень тяжелое ощущеніе отъ жизни (Какое? А—для критики недоступно). Я вижу ясно, что есть одинъ моментъ въ жизни каждаго человѣка, маломальски созданнаго по образу и по подобію Божію, когда на него находить раздумье: пойти ли направо, или налево? Я, по собственному опыту, по моему маленькому, могу догадываться о той страшной драмѣ, какая разыгрывалась во времена историческихъ кризисовъ. И вотъ у меня является страшная потребность разсказать другимъ то, что я думаю. Но какъ разсказать?

Чѣмъ, какимъ способомъ я могу быть понятъ? *По свойству натуры, языкъ іероглифа* для меня доступнѣе всего (здѣсь — разница между художникомъ и ученымъ). И вотъ я *однажды*, когда особенно былъ этимъ занятъ, гуляя, работая, лежа и пр. и пр., вдругъ увидалъ фигуру, сидящую въ глубокомъ раздумьѣ. Я очень осторожно началъ всматриваться, ходить около нея, и во время моего наблюденія, очень долгаго, она непошевелилась, меня незамѣчала. Его дума была такъ серьезна и глубока, что я заставлялъ его постоянно въ одномъ положеніи. Онъ сѣлъ такъ, когда солнце было еще передъ нимъ, сѣлъ усталый, измученный, сначала проводилъ глазами солнце, затѣмъ незамѣтилъ ночи, и на зарѣ уже,

когда солнце должно было подняться сзади его, онъ все продолжалъ сидѣть неподвижно... Мнѣ стало ясно, что онъ занять важнымъ для него вопросомъ, настолько важнымъ, что къ страшной физической усталости онъ нечувствителенъ. Онъ точно постарѣлъ на 10 лѣтъ. Но всеже я догадывался, что это такого рода характеръ, который, имѣя силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себѣ весь мѣръ, рѣшается не сдѣлать того, куда влекутъ его наклонности. Кто это былъ? *Я незнаю*. По всей вѣроятности, это была галлюцинація; я въ дѣйствительности, надо думать, не видалъ его. Мнѣ показалось, что это всего лучше подходитъ къ тому, что мнѣ хотѣлось рассказать. Тутъ мнѣ даже ничего не нужно было придумывать: я только старался скопировать. И когда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе. Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца человѣкъ этотъ исчезъ. И я *отдѣлялся отъ постоянного его преслѣдованья*. То есть, я незнаю, кто это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей“ 470—1.

„Какъ надо понимать, спрашиваетъ Стасовъ, утвержденіе Крамского въ 1878 г., что картина названа „Христомъ“ только по окончаніи ея, между тѣмъ какъ изъ письма еще 1872 г. мы знаемъ, что картина носила именно это названіе и имѣла именно эту задачу еще до приступа къ писанью ея? Кажется, все это произошло изъ желанія сдѣлать не картину, а, говоря словами самого Крамского, *іероглифъ*, т. е. произошло отъ того, что художественныя цѣли были тутъ второстепенны, а на мѣсто ихъ на лицо была лишь задача разсудочная (а плакаль?!), заимствовавшая отъ искусства лишь форму. Тѣмъ не менѣе къ картинѣ было немало достоинствъ *истинно художественныхъ*. Общее расположеніе, поза, освѣщеніе, драпировка, даже отчасти тонъ, были прекрасны. ...Былъ у нея одинъ сильный недостатокъ, много портившій все дѣло: это элегическое, меланхолическое выраженіе, приданное лицу Христа. *Встѣхъ дорогъ, важнѣнъ и нужнѣнъ* въ картинѣ Христомъ дѣйствующій, проповѣдующій, совершающій великія дѣла, а не сомнѣвающійся и разслабленный, затрудненный и нерѣшительный, какимъ вздумалъ его представить Ге (Тайная вечеря) и Крамской.

Это было только дѣломъ ихъ личнаго настроенія и характера“ (этого мало!). Еще въ дневникѣ 1873 г. Крамской называетъ своего Христа „меланхолическимъ“. Онъ пишетъ въ 1876 г. „Васильевъ часто меня (въ 1871 г.) спрашиваетъ: зачѣмъ у меня въ большинствѣ случаевъ такое горестное выраженіе, когда я счастливъ? Онъ того не могъ понять, что личное счастье еще не-заполняетъ жизни“. Какая разница—Ивановъ съ его „Явленіемъ Христа Народу“: здѣсь Христосъ является твердымъ, рѣшительнымъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, идущимъ мужественно навстрѣчу великимъ событіямъ“ (471).

Отсюда слѣдуетъ, что какъ субъективенъ художникъ, такъ и зритель, слушатель, читатель, и что художнику остается искать своего цѣнителя. Въ „Люди 40-хъ годовъ“ Писемскаго герой читаетъ свой романъ двумъ женщинамъ. „Онъ полагалъ, что раздрающія душу и въ тоже время, какъ ему казалось, исполненныя житейской правды сцены непременно поразятъ его слушательницъ“, но одну „просто мучила ревность“ (такъ какъ въ изображенной имъ женщинѣ она узнавала другую, а не себя), а другая „m-lle Прыхина.... полагала, что перу писателя всего приличнѣе описывать какого-нибудь рыцаря или по крайней мѣрѣ, хотя и штатскаго молодого человѣка, но ѣдущаго на конѣ, и съ нимъ встрѣчается его возлюбленная въ платьѣ амазонки и тоже на конѣ и т. п.“, „Зачѣмъ описывать то, что мы знаемъ, видимъ и встрѣчаемъ каждый день? Это уже и безъ того наскучило“.... „никогда, ни на какой картинѣ мужикъ не можетъ быть интересенъ! никогда!“ А „Монте-Кристо—прелестъ, чудо!“ (Писемск. Соч. XVI, 92—3).

Въ 1872 г. Крамской писалъ: „Надо написать еще Христа.... т. е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: нашелся чудакъ: „Я, говоритъ, знаю одинъ, гдѣ спасеніе. Меня послалъ Онъ, и я Его сынъ. Я знаю, чего Онъ хочетъ. Идите за мной!“ Его схватили: „Попался! Ага! Вотъ онъ!“— „Постойте, гениальная мысль! Знаете что“, говорятъ солдаты: „онъ царь, говорить? Ну хорошо, нарядимъ его шутомъ

царемъ!“ (изъ другого письма).—Чудесно! Сейчасъ все готово, и господамъ докладывають. И вотъ все высыпало на крыльцо, на дворъ, и все, что есть, поватывается со смѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая: тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, а на низменныхъ ступеняхъ развитія—гомерическій хохоть. Христось блѣдень, прямъ и спокоенъ, только кровавая пятерня отъ пощечины горитъ на щекѣ.

Изъ 1-го письма: „И пошла гулять по свѣту слава о бѣдныхъ сумасшедшихъ, захотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это понравилось, что вотъ до сихъ поръ все еще поватываются со смѣху“ (472—3). „Не знаю какъ вы, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохоть“.

Въ 1878 г. К. писалъ Гаршину: „Художниковъ — двѣ категоріи, рѣдко встрѣчающихся въ чистомъ видѣ: одни объективныя, наблюдающіе жизненныя явленія и ихъ воспроизводящія добросовѣстно, точно; другіе субъективныя. Эти послѣдніе формулируютъ свои симпатіи и антипатіи... подъ впечатлѣніемъ жизни и опыта... И вѣроятно принадлежу къ послѣднимъ. Позднѣе, въ 1885 г. подъ впечатлѣніемъ картины Рѣпина „Иванъ Грозный съ сыномъ“: „Я былъ очень благополученъ, придумавъ теорію, что историческая картина постольку интересна, нужна.... поскольку она параллельна... къ современности, и поскольку можно предложить зрителю намотать себѣ что-нибудь на усь.... но теперь къ чорту полетѣли всѣ теоріи“. 476.

Стасовъ: „Въ этихъ его картинахъ не само событіе, не самъ Христось были ему важны и нужны, а та отвлеченная идея, которая была у него въ головѣ. У Крамского въ эту минуту были въ головѣ *примѣръ, доказательство, указаніе*, выводъ, и онъ употреблялъ искусство, какъ іероглифъ, какъ полезную формулу.... Свою мысль.... онъ могъ бы доbazать и показать на сто разныхъ другихъ манеровъ“. (Точно ли? А признаніе Крамского, что этотъ образъ преслѣдовалъ его много лѣтъ?). Совершенно другое было всегда въ созданіяхъ великихъ живописцевъ, незадававшихся мыслью

поучать картинами, они ничего не хотѣли ни доказывать ни указывать (?); имъ былъ важенъ, дорогъ самъ изображаемый фактъ; имъ нужна была вотъ эта самая изображаемая личность, а никакая другая (слѣдовательно, художественны только этюды, портреты?). Для ихъ чувства и представленія въ эту минуту несуществовало никакой другой сцены и личности, небыло возможности замѣнить ихъ какою-то другою сценою и личностью. Такова и картина Иванова „Явленіе Христа народу“. Тутъ нѣтъ никакой разсудочной подкладки, никакого намѣренія что бы то ни было доказать. Иванову страстно хотѣлось только изобразить дорогое и высокое для него событіе, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было (!) или, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ только Ивановъ способенъ былъ его схватить и выразить *во всей правдѣ*.... И это стало ясно Крамскому только очень поздно, уже тогда, когда картина его была давнымъ давно рѣшена и написана“.

Заранѣе опредѣлить границы, въ коихъ долженъ держаться художникъ, нельзя; но ясно, что субъективизмъ и дидактичность, доведенные до края, приводятъ (при здравомысліи) къ научному обобщенію, для котораго тотъ или другой примѣръ безразличенъ, т. е. примѣръ схематиченъ; объективизмъ, доведенный до края, прежде всего дѣлаетъ невозможной историческую живопись (ибо здравомыслящій художникъ долженъ же сознавать, что его изображенія прошедшаго въ высокой мѣрѣ субъективны), затѣмъ доводитъ до абсурда копированіе дѣйствительности, ибо зачѣмъ работа Данаидъ—переносить на полотно неизмѣримо малую часть впечатлѣній одинаково безразличныхъ, при томъ съ сознаниемъ, что наша копія воспріятія все таки вполне субъективна.

Вдохновеніе.

Съ точки миѣческаго міросозерцанія всякое выходящее изъ ряда душевное движеніе есть внушеніе божества, демона¹⁾.

¹⁾ Ср. въ лѣтописи: „вложи Богъ въ сердце N-у“, такъ же, какъ о сумасшествіи: божевилній, „мов несамовѣтій“, бѣшенный; объ обладаніи челоуѣкомъ (*навіженний*),

Платонъ различаетъ 4 рода восторга (*μανία*): 1-й—въ про-рицаніяхъ сообщается отъ Аполлона, 2-й—въ таинствахъ очищенія—отъ Вакха, 3-й—въ поэзиі—отъ музъ, 4-й—отъ Эроса и Афродиты.

О 3-мъ: „Кто безъ маніи (*κατοχή*—одержаніе), внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзиі, думая, что искусствомъ (*ἐκ τέχνης*, т. е. сознательно, умышленно) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не достигнетъ совершенства, и *поэзія ево*, какъ поэзія благоразумнаго (*τοῦ σωφρονοῦντος*), будетъ отличатся отъ *поэзиі безумствующихъ*“ (Федръ), Шевыревъ „Теор. поэз.“, 22.

Какъ цѣпь желѣзныхъ колець заимствуетъ свою силу отъ магнита, такъ муза посылаетъ вдохновеніе поэтѣмъ, которые сообщаютъ его другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ (*διὰ δὲ τῶν ἐνθέων τούτων ἄλλων ἐνθουσιαζόντων ὁμαθὸς ἐξαοτᾶται*). Въ самомъ дѣлѣ, не искусствомъ, но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои... произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ (жрецовъ фригійской Кибеллы), пляшущихъ внѣ себя, неостаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакхановъ, которыя во время упоенія черпаютъ въ рѣ-кахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что подобно пчеламъ летаютъ они по садамъ и до-

несвой: „Яга (фурія), під пелену підкралась,

Гадюкой в сердце поповзла,

По всіх куточках поввивавшись,

В Аматі рай собі знайшла;

В отравлену її утробу

Наклала злості, мов би бобу;

Амата стала несвоя:

Сердита (-лась?) лаяла, кричала“ и пр. (Котл. Эн. 122, изд. 1875 г.).

Несамовитий: „Зробився Турн несамовитий

Ярився, лютовав“ и пр. (ib. 162).

линамъ музъ, и въ нихъ собирають пѣсни, которыя поютъ намъ. *(Они говорятъ правду* ¹⁾). Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его обьметъ, когда онъ выйдетъ изъ себя, и разсудокъ покинетъ его. Но покажѣсть онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить вовсе и произносить пророчества “.... „Каждый изъ нихъ, по жребію Божию, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ (въ диэпирамбѣ, похвальной одѣ, плясовой пѣснѣ, эпосѣ, ямбахъ), и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А вонецъ, на какой Богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобы мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ Богъ намъ черезъ нихъ глаголетъ“ (Ионъ).

„И для того чтобъ судить о поэтѣ“, для критика нужно, по Платону, вдохновенное сообщеніе съ поэтомъ. (Шевыр. „Теор. п.“ 23—4).

Итакъ—*искренность*, отсутствіе самонаблюденія и самонаправленія въ моментъ поэтическаго творчества, полное погруженіе въ созданіе.

Ia, das ist das rechte Gleis,
Das man nicht weiss,
Was man denkt,
Wenn man denkt;
Alles ist als wie geschenkt. G. Spr. 43.
All'unser redlichstes Bemühn
Glückt nur im unbewusten Momente.
Wie möchte denn die Rose blühn,
Wenn sie der Sonne Herlichkeit erkannte?, ib 56.

---

¹⁾ Воображеніе до иллюзіи.

„Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопробыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго оно незнакомо: они скорѣе готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка“. — „Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно началъ передавать ихъ словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія...—Фу ты чертъ!—воскликнулъ онъ громко. Я, вѣжета, собираюсь стихи сочинять!—Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидавъ на столѣ десятирублевою бумажку... сунулъ ее въ карманъ и принялся разхаживать по комнатѣ.

—Надо будетъ взять заготовъ, размышлялъ онъ.... „Пока онъ велъ въ головѣ эти расчеты, прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался... и устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ... Потомъ руки его, какъ бы ощупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой ея глубины исписанную тетрадку....

„Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою....

„Дверь отворилась.... Неждановъ не замѣтилъ.... и продолжалъ работу.... (затѣмъ).... вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой: „А! вы!“—швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола“ (Тург. „Новь“).

Пушкинъ 1824 г.: *Книг.* О чемъ вздохнули такъ глубоко?

Нельзя ль узнать?

Поэтъ. Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы....
.... Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;

За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рямой замыкались“.

(Разгов. вн. съ поэтомъ).

— „Что, спросилъ импровизаторъ, каково?“ — „Удивительно!“ —
отвѣчалъ поэтъ. „Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха
и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носи-
лись, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ для васъ несущест-
вуетъ ни труда, ни охлажденья, ни *этого безпокойства*,
которое предшествуетъ вдохновенью? Удивительно, удивительно!“
Импровизаторъ отвѣчалъ: „Всякій талантъ неизъяснимъ. Ка-
кимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокры-
таго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ
раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выхо-
дитъ уже вооруженная четырьмя римами, размѣренная стройными,
однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора не-
можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между
собственнымъ вдохновеніемъ и чужой внѣшней волею. Тщетно я
самъ захотѣлъ бы это изъяснить. (Пушк. „Егип. ночи“).

.... „О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ
Ты посвятилъ ея напѣвъ?...
.... Кого твой стихъ боготворилъ?
—И, други! Никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку римъ: онъ тѣмъ удвоилъ

Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
Прошла любовь, явилась муза
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ....
.... Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда то я начну писать
Поэму пѣсень въ двадцать пять.

(П. „Евг. Онѣг.“ 1, LVII—LIX).

„Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему пріятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и къ объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира, всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, *знанія* природы“ (Пушк. „О вдохновенія и восторгѣ“).

„Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудой: вдохновенія насыщешь; оно само должно найти поэта“.
(П. „Пут. въ Арзр.“ 1829 г.).

Взстъръгъ—I. Экз. Шестодневъ: Всякое животное смотритъ внизъ, человѣкъ—вверхъ, потому что сроденъ съ небомъ и туда восходитъ умомъ: „Или небоудеши самъ искоусилъ члвче другоици

на млтвѣ стоѣ, како ти се въземлетъ оумъ выше нѣбъ и акы болѣпная та мѣста виде се твориши... и съ тѣми стми радуѣ се хвалиши Бѣа". (с. 199).

Бѣлинскій: „Если я подъ словомъ „вдохновеніе“ разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ приѣма опіума или дѣйствія виннаго хмеля, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ неприваннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе: то какъ вразумите вы меня, что „вдохновеніе“ есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно, какъ бы магическимъ жезломъ, вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленную и гармоническую? Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемая не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ“. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ называемыхъ „точныхъ“ наукъ, не требующихъ ничего, кромѣ разсудка и развѣ еще воображенія.... „Подъ словомъ „точныхъ“ истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ непризнать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишенный здраваго смысла... „Въ этомъ отношеніи наука въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія и поэзія, тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ „точности“. (Бѣлинск. Сочин. IV, 253—4, 1841 г.).

Поэзія и проза. Ихъ дифференцированіе.

Если смотрѣть на поэзію прежде всего и главнымъ образомъ, какъ на извѣстный способъ мышленія и познанія, то также нужно будетъ смотрѣть и на прозу¹⁾. Каково бы ни было въ частности рѣшеніе вопроса, почему поэтическому мышленію болѣе (въ его менѣе сложныхъ формахъ), чѣмъ прозаическому, сродна музыкальность звуковой формы, т. е. темпъ, размѣръ, созвучіе, сочетаніе съ мелодіей; оно не можетъ подорвать вѣрности положеній, что поэтическое мышленіе можетъ обходиться безъ размѣра и пр., какъ наоборотъ, прозаическое можетъ быть искусственно, хотя и не безъ вреда, облечено въ стихотворную форму; что въ эмбриональной формѣ поэзіи; словѣ, явственность представленія или его отсутствіе не сказывается въ звукахъ (внѣшней, звуковой формѣ).

Какъ для опредѣленія поэзіи обращаемся къ ея простѣйшей формѣ, т. е. къ слову съ живымъ представленіемъ; такъ для генетическаго опредѣленія прозы слѣдуетъ взять во вниманіе слѣдующее. Жизнь такого слова съ внутренней стороны состоитъ въ томъ, что около представленія собираются выдѣленные изъ чувственныхъ образовъ признаки, пока представленіе нестанетъ съ ними въ противорѣчіе или непотеряется въ ихъ массѣ, какъ несущественное. Тогда слово теряетъ представленіе и остается лишь звуковымъ посредникомъ между познаваемымъ или объяснимымъ и объясненіемъ (первообразная форма прозы). Въ рѣчи оно является лишь краткой формулой, которой цѣнность—въ томъ, что она можетъ быть превращена непосредственно въ опредѣленную величину, или рядъ такихъ величинъ каждый разъ, когда на ней остановили вниманіе. Поэтому, если значеніе слова для мысли вообще, безъ различія двухъ его состояній, можно сравнить съ употребленіемъ условныхъ цѣнностей въ торговлѣ; то слово образное—деньги, безобразное—ассигнаціи и векселя. При этомъ прозаическое слово нестанетъ образнымъ отъ того, что мы, такъ сказать, размѣняемъ его на конкретный образъ, что, на пр., по

¹⁾ Бѣлинскій IV, 253—4: поэзія и философія.

поводу услышаннаго выраженія „картина такого-то „Еловый лѣсъ“, мы одновременно представимъ себѣ знакомую намъ картину (ея образъ), а нестанемъ вызывать въ сознаніе послѣдовательно возникающаго ряда ея признаковъ (понятія) ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ, т. е. замѣняется ли прозаическое слово образомъ или понятіемъ, то и другое стремится къ уравненію съ познаваемымъ при помощи этого слова. Уравненіе понятія съ познаваемымъ есть его опредѣленіе. Усложненіе этой послѣдней дѣятельности создаетъ науку.

Наиболѣе общія категоріи науки, *фактъ* и *законъ*, напоминаютъ категоріи искусства, въ частности поэзіи: *образъ* и *значеніе*, но во многомъ отличны отъ этихъ послѣднихъ.

а) Установленіе факта предполагаетъ въ предѣлахъ всеобъемлющей субъективности человѣческой мысли совершившееся разграниченіе областей объективнаго и субъективнаго; онъ есть результатъ критики, т. е. сомнѣнія, завершившагося сознательнаго отнесенія мыслимаго къ первой изъ этихъ областей.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества и человѣка господствуетъ вѣра въ объективность, истинность мысли. Наука и тождественная съ нею критика предполагаетъ уже появившееся сознаніе, что мысли, вызывающія другъ друга, могутъ себѣ противорѣчить, что ихъ теченіе можетъ быть истинно и ложно (Zeit. f. Völkerpsychol. VIII, 168).

Поэтическій образъ не нуждается въ такой повѣркѣ. Поэтическая правда, напр., выраженія „безумныхъ лѣтъ *уасшее* веселье“ состоятъ въ способности или неспособности вызывать въ мысли извѣстное значеніе, а не въ повѣркѣ тождества, или нетождества веселья со свѣтомъ, способности или неспособности веселья угасать. Поэтическая правда — мѣткость слова. Тоже и въ примѣненіи къ болѣе сложнымъ поэтическимъ образамъ.

---

¹⁾ Если ученое возстановленіе представленія въ словѣ не дѣлаетъ этого слова для насъ поэтичнымъ, то изъ этого слѣдуетъ: поэтическое мышленіе есть то, для котораго образъ существенно важенъ, такъ или иначе направляя мысль, измѣняя результаты мышленія; когда же значеніе обобщилось и окрѣпло, то наглядный способъ его обозначенія (=дидактичность, напр. нѣсколько пословиць на одну тему) не дѣлаетъ мышленія поэтичнымъ.

б) Та вещь кубической формы и пр., которая лежит передо мною, есть не фактъ, а совокупность безчисленнаго множества фактовъ и соответственныхъ законовъ математическихъ, геометрическихъ, механическихъ, физическихъ, химическихъ, естественно-историческихъ и пр. Отъ конкретного явленія въ научномъ фактѣ остается только то, что имѣть отношеніе къ соответственному закону. Общая формула науки есть уравненіе: *фактъ = закону*. Что неподходитъ подъ нее, есть заблужденіе, ведущее въ отыскиванію новаго тождества. Само собою, что безъ постоянного нарушенія и возстановленія закона тождества небыло бы человеческой науки; какъ если бы равновѣсіе, спокойствіе было не стремленіемъ только, то небыло бы жизни съ ея ростомъ и умаленіемъ. Однако мы можемъ наблюдать случаи продолжительнаго сохраненія равенства между фактами и законами не только въ математическихъ положеніяхъ, въ родѣ: „треугольникъ А — съ точки зрѣнія равенства внутреннихъ угловъ двумъ прямымъ“; но и въ другихъ, въ родѣ: „русское слово А, кончающееся на согласную“, по отношенію къ положенію, что „всякое такое слово (если заимствовано) потеряло гласную на концѣ“, или „слово А безъ представленія имѣло нѣкогда представленіе“.

Фактъ, понятый въ этомъ смыслѣ, возникаетъ въ мысли изъ болѣе сложныхъ комплексовъ одновременно съ возникновеніемъ или возстановленіемъ въ ней закона. Но если, согласно съ обычнымъ способомъ выраженія, подѣ фактомъ разумѣть эти болѣе сложные комплексы: то можно сказать, что научное мышленіе есть заключеніе отъ факта, какъ частнаго, разсматриваемаго въ извѣстномъ отношеніи къ однородному съ нимъ закону; что *законъ одинаково выражается во всякъ однородныхъ фактахъ; что законъ постояненъ, неподвиженъ, определенъ*, между тѣмъ какъ *факты, въ всякъ онъ выражается, изменчивы, подвижны, неопределенны*. При этомъ можно разумѣть то, что для поясненія примѣромъ таковаго-то общаго свойства треугольниковъ можно взять любой изъ безчисленнаго множества возможныхъ треугольниковъ; при добываніи общаго положенія „всякое слово рождается съ представле-

ніемъ и стремится, въ его потерѣ⁴, качество и количество частныхъ случаевъ, съ коихъ мы начинаемъ, неизмѣнить результата¹). Законъ относительно неподвиженъ и въ другомъ смыслѣ. Онъ представляется болѣе объективнымъ, чѣмъ частныя воспріятія, ибо въ силу большей отвлеченности разница въ его пониманіи разными людьми можетъ быть выпущена изъ вниманія.

Отлично отъ этого общая формула поэзіи (resp. искусства) есть „А (образъ) < X (значеніе)“, т. е. между образомъ и значеніемъ всегда существуетъ такого рода неравенство, что А меньше X. Установленіе равенства между А и X уничтожило бы поэтичность, т. е., или превратило бы образъ въ прозаическое обозначеніе частнаго случая, лишенаго отношенія къ чему-либо другому (см. вышесказанное по поводу стихотв. Фета „Облакомъ волнистымъ“), или превратило бы образъ въ научный фактъ, а значеніе въ законъ. X по отношенію къ А есть *всегда* нѣчто *иное*, часто даже неоднородное. Поэтическое мышленіе есть поясненіе частнаго другимъ неоднороднымъ съ нимъ частнымъ²).

Поэтому, если поэзія есть иносказаніе, *ἀλληγορία* въ обширномъ смыслѣ слова, то проза, какъ выраженіе элементарнаго на-

¹) *Проза*: (Кн. Андрей) видѣлъ въ Сперанскомъ „разумнаго, строго мыслящаго, огромнаго ума человека.... Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человекъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій дѣйствительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ (кн. Андрей) хотѣлъ быть.... Непріятно поражаю кн. Андрея слишкомъ большое презрѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность приемовъ въ доказательствахъ.... Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысли, *исключая сравненія*, и слишкомъ смѣло, какъ казалось кн. Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика и иронически подсмѣивался надъ противниками, то становился строго логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики (это послѣднее орудіе доказательства онъ особенно часто употреблялъ). Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанскаго, поразившая кн. Андрея, была неизмѣнная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому немогла прійти въ голову та обыкновенная для кн. Андрея мысль, что нельзя всетаки выразить всего того, что думаешь, и никогда неприходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю“. В. и М. II, 244—5.

²) *Примѣры*: Всякая сосна своему бору шумить (своему лѣсу вѣсть подаетъ). Далеко сосна состоитъ, а своему лѣсу вѣсть. Въ связи съ „за моремъ веселье да чужое,

блюденія, и наука стремится стать въ нѣкоторомъ смыслѣ тожде-словіемъ (*tautologia*).

Х (значеніе поэт. образа) замѣтно измѣняется при каждомъ новомъ воспріятіи А (образа) однимъ и тѣмъ же лицомъ, а тѣмъ болѣе—другимъ; между тѣмъ А (образъ), единственное объективно данное въ поэтическомъ произведеніи, при воспріятіи остается приблизительно неизмѣннымъ. Поэтому, въ противоположность отношенію закона и факта, въ поэзіи образъ неподвиженъ, значеніе измѣнчиво, опредѣлимо лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а въ ряду случаевъ безгранично.

в) Въ наукѣ отношеніе частнаго случая къ закону (треугольникъ ABC—въ положенію, что „внутренніе углы равны двумъ прямымъ“) доказывается посредствомъ разложенія частнаго случая. Полнота и точность анализа есть мѣра силы доказательствъ, вѣрности общаго положенія. Въ поэзіи (и вообще въ искусствѣ) связь образа и значенія недоказывается. Образъ возбуждаетъ значеніе, неразлагаясь, а непосредственно. Если бы попытаться превратить изгибы поверхностей, образующихъ статую, въ рядъ математическихъ формулъ, то, неговоря уже о томъ, что при этомъ многое осталось бы неанализированнымъ, совокупность этихъ формулъ, воспринимаемыхъ послѣдовательно, недала бы впечатлѣнія статуи. Рядъ цифръ, означающихъ мелодію, чтобы дать музыкальное впечатлѣніе, долженъ быть превращенъ въ воображаемые или дѣйствительные звуки.

Случай, когда картина требуетъ надписи (се левъ, а не собака) музыка—(словесной) программы, поэтическое произведеніе—объясненія, могутъ приготовить насъ къ пользованію художественностью этихъ произведеній; но въ ту минуту доказываютъ

а у насъ горе да свое“ ср. Салтик. „За рубежомъ“, Спб. 1881, 241 сл. 280—97. Хотъ въ ордѣ, да въ добрѣ (*ubi bene, ibi patria*).

Субъективность: Всякая птичка своимъ носкомъ клветъ. *Своекористіе, эгоизмъ:* Спаси меня, Богородица, и помилуй деревни Виткуловы самый крайній домъ (а прочихъ, какъ знаешь), Д. 666. (Всѣ недовольны) „и всякій требуетъ лично для себя конституція, а прочіе пусть по прежнему довольствуются ранами и скорпіонами“. За рубежомъ, 24. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Своя подоплека къ сердцу ближе. Сурово не бѣлье, свое руководѣе (всякому свое и немыто бѣло).

отсутствіе этого пользованія и временную, или постоянную негодность для насъ этихъ произведеній. Наоборотъ легкость апперцепціи художественнаго образа соразмѣрна его совершенству (для насъ) и испытываемому нами удовольствію.

Когда возникаетъ проза? Проза ¹⁾ для насъ есть прямая рѣчь не въ смыслѣ первообразности и несложности, а лишь въ смыслѣ рѣчи, имѣющей въ виду или только практическія цѣли, или служащей выраженіемъ науки. Прозаичны—слово, означающее нѣчто непосредственно, безъ представленія, и рѣчь, въ цѣломъ не дающая образа, хотя бы отдѣльныя слова и выраженія, въ нее входящія, были образны.

Лишь время возникновенія прозы, какъ выраженія степеней науки, уже предполагающихъ письменность, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ указано съ приблизительною точностью. Но появленіе науки въ письменности не есть время ея рожденія, а рѣчь съ незапамятныхъ временъ имѣла и значеніе чисто практическое и вмѣстѣ готовила науку. Нельзя себѣ представить такого состоянія человѣка, когда бы онъ, говоря, непроизводилъ въ себѣ усложненія мысли, влекущаго за собой потерю представленій. Уже въ глубоко древнихъ слояхъ праиндоевропейскихъ языковъ находимъ прозаичные и вмѣстѣ научные элементы: мѣстоименія и происшедшія изъ нихъ грамматическія стихіи словъ, выраженія формальныхъ разрядовъ мысли; числительныя, представлявшія свое содержаніе непосредственно, а не, какъ донинѣ въ нѣкоторыхъ американскихъ и африканскихъ языкахъ, при помощи образовъ: рука, двѣ руки, двѣ руки и двѣ ноги, человѣкъ; извѣстные глаголы, *ас*, *и* или *ја*.

Если прозаическіе элементы рѣчи и проза вообще—производны, то *не будетъ ли когда либо поэзія* вовсе *вытѣснена*

---

¹⁾ Лат. *prosa* вс. *oratio*, *locutio* изъ *prosa*, *proversum* (какъ *susum* изъ *sursum*, *subvorsum*, *retvorsum* изъ *retvorsum*, *retvorsum*)—собственно, обращенная впередъ (какъ *prosa* вс. *dea*-богиня правильныхъ родовъ, головою ребенка впередъ), прямая въ томъ смыслѣ, что ее неизогнула стихъ (*prorsa oratio, quam non inflexit cantilena*) или въ смыслѣ простой. *Zeitschr. f. Völkerps.* II, 5, VIII, 22, Pott, *Etymol. Forsch.* 218

прозою? Къ предварительному рѣшенію этого вопроса можно подойти, заключая по аналогіи.

Разграниченіе дѣятельностей вообще неведетъ къ ихъ умаленію. Напр., въ индо-европейскихъ языкахъ нѣкоторыя музыкальныя свойства словъ (какъ различіе долготы и краткости гласныхъ, различіе восходящаго и нисходящаго ударенія, протяжность, приближающая простую рѣчь къ речитативу, повышенія и пониженія, усиленія и ослабленія голоса, какъ средства разграниченія отдѣльныхъ словъ) стремятся исчезнуть. Выбѣтъ съ этимъ существуетъ и возрастаетъ съ одной стороны благозвучность связной рѣчи и стиха, и развитіе пѣсни, вокальной музыки, съ другой. Языки дикарей Африки и Америки, какъ утверждаютъ путешественники, настолько нуждаются въ поясненіяхъ указательными движеніями рукъ и губъ, что разговаривать для нихъ въ потемкахъ трудно. Вѣроятно, такъ было нѣкогда и во всѣхъ языкахъ. Если теперь даже ораторская рѣчь на англійскомъ, русскомъ и пр. можетъ вовсе несопроводяться жестами, то это выдѣленіе мимики уничтожаетъ ея важности на сценѣ, при обученіи глухонѣмыхъ и возможности, дѣйствительности ея совершенствованія. Сюда же—разграниченіе чисто инструментальной и вокальной музыки и т. п. Такимъ образомъ вообще слѣды прежнихъ ступеней развитія, раздѣляясь, неизглаживаются, а углубляются.

Дифференцированье поэзіи и прозы неведетъ къ ибемъ поэзіи.

а) Образность языка въ общемъ неуменьшается. Она исчезаетъ только въ отдѣльныхъ словахъ и частяхъ словъ, но не въ языкѣ; ибо новыя слова создаются постоянно, и тѣмъ больше, чѣмъ дѣятельнѣе мысль въ языкѣ, а непремѣнное условіе такихъ словъ есть живость представленія. ¹⁾ Чѣмъ сильнѣе развивается языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ количество словъ этимологически прозрачныхъ. Поэтому нельзя утверждать, что степень звуковой первообразности языковъ соотвѣтствуетъ степени ихъ поэтичности.

¹⁾ О романскихъ языкахъ въ этомъ отношеніи см. Геза „Италія“.

Эта первообразность, иначе консервативность, скорѣе можетъ указывать на медленность развитія лексической стороны языка. Литовскій языкъ въ звуковомъ отношеніи первообразнѣе славянскаго; но онъ скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, славянскаго возбуждаетъ поэтическое творчество, если судить по тому, что народная поэзія русскихъ, сербовъ, болгаръ гораздо обширнѣе и выше литовской, насколько она намъ извѣстна по существующимъ сборникамъ Нессельмана, Шлейхера, Юшкевичей.

б) Элементарная поэтичность языка т. е. образность отдельныхъ словъ и постоянныхъ сочетаній, какъ бы ни была она замѣтна, ничтожна сравнительно съ способностью языковъ создавать образы изъ сочетанія словъ, все равно, образныхъ или безобразныхъ. Слова: *иснуть* и *веселе* для насъ безобразны; но „безумныхъ лѣтъ *угасшее веселе*“ заставляетъ представлять *веселе* угасаемымъ свѣтомъ, что лишь случайно совпадаетъ съ образомъ этимологически заключеннымъ въ этомъ словѣ (скр. *vas*—свѣтить; сюда же, а не къ *vas*—покрывать, мр. „*веселая* весна звеселила усі зірочки“).

в) Эти уже вторичные и производные мелкіе образы по дѣйствию мгновенны и малозамѣтны сравнительно съ болѣе сложными, какъ напр. сравненіе, въ свою очередь входящее, какъ черта, въ еще болѣе сложный образъ:

Какъ часто лѣтнею порою...

....Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,

Вспомня прежнюю любовь,

Дыханьемъ ночи благосклонной

Безмолвно упивались мы!

Какъ въ тѣхъ зеленый изъ тюрьмы

Перенесенъ колодникъ сонный,

Такъ уносились мы мечтой

Къ началу жизни молодой. (Онѣгинъ, 1, XLVII).

Два предпоследнихъ стиха—представленіе, два последнихъ—значеніе; вся строфа вмѣстѣ—представленіе. Ср. *ib.* 2, XVIII, 7—14; XXI, 9—14 и пр.

г) Еще далѣе: такіе образы оставляютъ лишь мимолетныя впечатлѣнія сравнительно со всей картиной характеровъ и положеній въ толпѣ второстепенныхъ лицъ, среди картинъ природы, на фонѣ духа времени и мѣста,—картиной, развиваемой въ названномъ романѣ и др. подобныхъ.

Когда начинать съ мѣлочей и частныхъ, вліяніе языка намъ ослзательно, ибо невозможность или возможность и эффектъ сочетанія двухъ словъ, дающихъ образъ, условлены даннымъ языкомъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ цѣлой картинѣ, мы чувствуемъ возможность отдѣленія ея отъ словъ и частныхъ образовъ, которыми она написана. Такъ, живописная картина можетъ быть отвлечена отъ полотна и красокъ и извѣстныхъ приемовъ и до нѣкоторой степени передана тѣмъ или другимъ способомъ рисованья, гравюры, мозаики, даже вышиванья на канвѣ квадратиками, изъ чего, конечно, неслѣдуетъ, чтобы она могла быть первоначально написана однимъ изъ послѣднихъ способовъ. Это—образъ того, что называютъ общечеловѣчностью искусства и науки. Только наука прямолинейнѣе и безцвѣтнѣе искусства, а потому отвлеченнѣе.

Такимъ образомъ въ правильномъ развитіи языка, въ разграниченіи въ немъ поэтическихъ и прозаическихъ стихій нельзя усмотрѣть ничего ведущаго къ ослаблѣнію поэтической дѣятельности, напротивъ, многое ведущее къ усложненію и усовершенствованію поэтическихъ образовъ.

д) Обращаясь за тѣмъ прямо къ наблюденію поэтической производительности нашего времени, мы видимъ, что мнѣнія о ея паденіи могутъ быть основаны развѣ на недоразумѣніяхъ. Напр., иные бессознательно поддаются непровѣренному наукой пессимизму, подъ вліяніемъ устарѣлыхъ теорій смѣшиваютъ возвышенность съ поэзіей и пошлость съ прозой и, небудучи въ состояніи усмотрѣть вокругъ себя ничего, кромѣ пошлости, создаютъ себѣ мнѣ о поэтическомъ прошедшемъ, напримѣръ о поэтичности среднихъ вѣковъ сравнительно съ прозаичностью новаго времени. Иные смѣшиваютъ поэзію съ извѣстными стихотворными

формами или вообще поэтическимъ направленіемъ и въ отживаньи ихъ видятъ упадокъ поэзіи.

Ничего общаго съ этимъ неимѣетъ совершающійся въ литературной жизни нашего вѣка переворотъ, о которомъ говорилъ уже Пушкинъ (Онѣгинъ, гл. 3, XI—XIV), какъ наблюдатель и участникъ:

„Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ....
... И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.
А нынче (1826—7) всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ....
.... Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы....
Друзья мои! Что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть повтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы.
Тогда романъ на старый (?) ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но *просто* вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства....

—Связозъ спокойный эпическій рассказъ пробѣтается лирическая струя:

„Я поведу ихъ (дѣтей) подъ вѣнецъ....
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,

Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ“.

Если устранить частности предположеннаго Пушкинымъ романа, то то, о чемъ онъ говорить, тотъ „новый бѣсъ смиренной прозы“, простоты пересказа и замысла, противопологаемыхъ ходульности прежнихъ направленій, есть лишь переходъ къ высшей, болѣе сложной поэтической формѣ повѣсти и романа, поглотившей мѣлкія поэтическія формы и съ избыткомъ вознаградившей за ихъ потерю (Буслаевъ „О знач. соврем. романа“, Мои досуги II).

Противъ мнѣнія о непоэтичности нашего времени ¹⁾ можно выставить слѣдующія положенія:

Повѣсти и романы во всей Европѣ появляются тысячами и находятъ миллионы усердныхъ читателей; нерѣдко обогащаютъ авторовъ, въ болѣе образованныхъ странахъ дѣлаютъ особу ихъ неприкосновенною, окружаютъ ее большимъ уваженіемъ, чѣмъ то, которымъ пользуются сильныя міра. Если неслучится непредвидѣннаго міроваго переворота, это должно итти все прогрессивно, въ виду возрастанія грамотности и любви къ чтенію и въ виду огромныхъ массъ народа, еще незахваченныхъ этимъ литературнымъ теченіемъ. Количественно поэтическая производительность нашего времени иди неуступить массѣ произведеній, накопленныхъ тысячелѣтіями, или превзойдетъ ее.

Какъ ни всеобъемлющи признанныя формы повѣсти и романа, но поэзія только тамъ, гдѣ она сосредоточеннѣе и сильнѣе, чище. Если есть основаніе находить ее напр. въ старинныхъ межевыхъ записяхъ; то съ гораздо большимъ основаніемъ мы можемъ видѣть ее въ раздробѣ и въ смѣси съ прозаичностью и

¹⁾ — Даже Буслаевъ („Мои досуги“, II, 260): „Въ наше (?) вовсе непоэтическое время“.... — Годи тутъ ничего незначать, а если наше время—вѣкъ, то Шиллеръ, Гете и пр.; Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ и др.; В. Гюго и плеяда романистовъ съ Бальзакомъ и Ж. Зандомъ; Пушкинъ, Лермонтовъ и плеяда романистовъ, и т. д. — какой вѣкъ поэтичнѣе нашего?

въ ученой, и въ повседневной газетной литературѣ. Послѣдняя, удовлетворяя лишь злобѣ дня и незавѣщая потомству ничего великаго, цѣльнаго, быть можетъ, не только относительно общаго развитія, но и относительно поэтическаго творчества играетъ роль, сходную съ ролью мелкихъ животныхъ въ образованіи пластовъ земли. Мы можемъ видѣть поэзію во всякомъ словесномъ произведеніи, гдѣ опредѣленность образа порождаетъ текучесть значенія, т. е. *настроеніе* за немногими чертами образа и при посредствѣ ихъ *видѣть* многое въ нихъ незаключенное; гдѣ даже безъ умысла автора или наперекоръ ему появляется иносказаніе.

Какъ вообще, такъ и здѣсь форма не есть нѣчто вполне отдѣлимое отъ содержанія, а относится къ нему органично, какъ форма кристалла, растенія, животнаго къ образовавшимъ ее процессамъ. Свободная и широкая поэтическая форма вынуждена свойствами мысли, именно относительнымъ совершенствомъ наблюденія и комбинацій и богатствомъ ихъ результатовъ. Тѣ современные поэтическія созданія, которыя переживутъ нашъ вѣкъ, будутъ, конечно, выше средняго уровня нашей посредственности. Поэтому косвенно будетъ относиться и къ намъ то, что вѣрно относительно этого средняго уровня. Въ немъ мы замѣчаемъ усовершенствованіе приемовъ и образовъ не меньшее того, которое поражаетъ насъ при сравненіи современнаго ландшафта и жанра съ живописью прежнихъ вѣковъ. Художникъ идетъ здѣсь объ руку съ цѣнителемъ, потому что послѣдній есть тотъ же художникъ, только не объективирующій своихъ образовъ, а находящій ихъ готовыми и отъ нихъ начинающій свое творчество (какъ рѣчь и пониманіе—двѣ стороны того же явленія). Такое настроеніе цѣнителя дѣлаетъ невозможнымъ появленіе на художественной выставкѣ вмѣсто лѣса, луга, горъ, неба, какія мы теперь видимъ даже на посредственныхъ картинахъ, олеографіяхъ, даже грошевыхъ эстампахъ, тѣхъ деревьевъ изъ отдѣльныхъ листовъ неизвѣстной породы или тѣхъ метелокъ, того дѣтскаго маранья, которое выдается за изображеніе природы на лучшихъ картинахъ XVI—XVII, даже XVIII вѣва. Въ той ли самой мѣрѣ или нѣтъ,

но и искусство изображать человека подвинулось вперед. То же и в поэзии.

Художественность образа и эстетичность впечатлѣнія, будучи постоянною принадлежностью искусства, есть величина чрезвычайно измѣнчивая. Что нехудожественно для насъ, то въ иныхъ случаяхъ было таково для тѣхъ состояній, изъ коихъ мы выросли. Мы сами въ дѣтствѣ бывали въ восторгѣ отъ кукольнаго театра, а о впечатлѣніи настоящаго и очень плохого могли бы сказать словами пословъ Володимеровыхъ, пораженныхъ „красотою церковною“: „несвѣмы, на небѣ ли есмь были, ли на земли“.

Наша требовательность относительно совершенства художественнаго образа такъ далека отъ притупленности чувствъ, какъ та масса знанія и любви къ ней, при помощи коей, на примѣръ, современный романистъ удовлетворяетъ насъ, далека отъ невѣжества и равнодушія полудикаря.

Недѣйствующій органъ атрофируется. Возрастаніе требованій отъ поэтическихъ произведеній и вообще развитіе художественнаго чувства было бы невозможно, если бы это чувство неудовлетворялось. Наша требовательность относительно достоинствъ поэтическаго произведенія свидѣлствуетъ противъ предполагаемаго паденія поэзии.

Это, по сказанному выше объ органичности формы вообще, относится не только къ внутреннимъ свойствамъ образовъ, но и къ ихъ внѣшней формѣ.

Замѣчено, что послѣ того какъ побѣждены трудности стихотворства на русскомъ литературномъ языкѣ нашего вѣка, мы расположены строже судить о самой technikѣ стиха. Нельзя сказать, чтобы послѣ того какъ

„Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ

И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ“,

самая стихотворная форма была пережита, а невведена въ должныя границы.

Конечно, усиленіе поэтическаго чутья идетъ быть можетъ не во всѣхъ слояхъ народа равномѣрно. Наблюденіе отдѣльныхъ слу-

чаевъ повело къ предположенію, что самую неизмѣнною природою вещей предустановлено обратное отношеніе между народною поэзіей и литературою грамотныхъ классовъ: возникаетъ послѣдняя, падаетъ первая. Правда, мы видимъ у себя вытѣсненіе народныхъ пѣсень высокаго художественнаго и нравственнаго достоинства произведеніями лакейской, солдатской и острожной музы. Мы должны предположить вмѣстѣ съ этимъ въ той средѣ, гдѣ это происходитъ, пониженіе эстетическаго чутья. Но мы невидимъ, чтобы это было условлено свойствами самой народной поэзіи и самой литературы. Это лишь временная болѣзнь нашего развитія. Литература, личная поэзія могли бы примкнуть къ преданію, поддержать его и не дать въ немъ погибнуть тому, что достойно жизни.

Критика, сосредоточенность знаній и взаимодействіе наукъ ¹⁾.

Художественное, въ частности поэтическое произведеніе, подобно человѣку, растенію, животному, является средоточіемъ обширнаго круга наукъ. На поэтическое произведеніе можно смотрѣть съ точекъ зрѣнія, которыя можно сравнить съ точками зрѣнія химіи, морфологіи, фізіологіи. Элементарный морфологическій составъ поэтическаго произведенія и его дѣйствіе, подобно всему существующему, имѣетъ свою исторію. Вся совокупность знаній, въ примѣненіи къ изученію поэтическаго произведенія, составляетъ *критику* ²⁾.

Если всякая отрасль знанія есть продуктъ великихъ усилій мысли, то сосредоточенность знаній, условленная тѣмъ, что поэтическое произведеніе важно для насъ, какъ конкретное цѣлое, есть дѣло тѣмъ болѣе трудное. Поэтому „l'art est difficile, la critique est aisée“ можетъ быть справедливо лишь въ примѣненіи къ фырканю по поводу художественнаго произведенія, а не къ научной критикѣ. Замѣчательные критики болѣе рѣдки, чѣмъ замѣчательные

¹⁾ Эта глава, повидимому, составляла введеніе къ публичной лекціи объ Одиссѣѣ.

²⁾ Нельзя сказать, какого рода знанія *неуменьны* при объясненіи состава, дѣйствія и происхожденія поэтическаго произведенія. Критика идетъ какъ бы противъ начала раздѣленія труда. Художественное произведеніе, какъ и человѣкъ, есть микрокосмъ.

художники и поэты. Великих критиков нѣтъ, но великая критика есть. Это справедливо и относительно русской словесности.

Чего можно ожидать въ будущемъ?—Фаустъ въ „Русскихъ ночахъ“ (изд. 1844 г.) Одоевскаго указываетъ, какъ на одно изъ главныхъ золъ нашего времени на гибельную *спеціальность*, которая нынѣ почитается единственнымъ путемъ въ знанію,—и обращаетъ человѣка въ камеръ-обскуру, вѣчно наведенную на одинъ и тотъ же предметъ: цѣлые годы она отражаетъ его безъ всякаго сознанія, зачѣмъ и для чего и въ какой связи этотъ предметъ съ другими? Еще до сихъ поръ есть люди, которые увѣрены, что чудеса англійской промышленности происходятъ отъ того, что тамъ, если человѣкъ дѣлаетъ винтъ, то дѣлаетъ его цѣлую жизнь и ничего, кромѣ этого винта въ мірѣ не знаетъ. Для этихъ господъ *сосредоточенность вниманія*, эта высшая духовная сила, могущая втянуть въ свою сферу всю природу, есть не иное что, какъ машинка, которая колотитъ цѣлые годы по одному и тому же мѣсту“ (346—7).

„Отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ, отъ навыка довольствоваться второстепенными случайными причинами, отъ непривычки къ высшему движенію духа“ (ib. 345), къ „сосредоточенности вниманія“, втягивающей въ свою сферу всю природу, происходитъ „раздоръ и разрозненность въ наукѣ и въ жизни.... анархія, споры неокончаемые и труды безсвязные.... бессиліе человѣка предъ природой. Коснитесь какого угодно предмета.... соберите отвѣты людей *спеціальныхъ*, этихъ кандидатовъ въ *немогущайки*, какъ говорилъ Суворовъ“ и „этотъ повальный обыскъ“ (ib. 347) подтвердить, что „ученые разбрелись въ разныя стороны, и каждый говоритъ языкомъ, котораго другой непонимаетъ“ (ib. 352), что они бессильны передъ природой.

Затѣмъ Фаустъ приводитъ рядъ мудреныхъ вопросовъ, безответность коихъ является упрекомъ современной наукѣ. Почему напр. химикъ не можетъ объяснить „нѣкоторыхъ историческихъ происшествій вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ“? (ib. 347). Почему

человѣкъ, занимавшійся изученіемъ Китая, ни ботаникъ, ни медикъ не можетъ объяснить свойства и употребленія чудеснаго цѣлебнаго растенія жинсенка? и т. д.—Рядъ подобныхъ вопросовъ безконеченъ, какъ область познанія.

Я думаю, что, хотя значительная часть современной публики и отнесется съ недоувѣріемъ или отрицаніемъ къ утвержденію, что связь наукъ потеряна, но когда-то она существовала, остальному она можетъ глубоко сочувствовать.

Трагизмъ положенія глубже, чѣмъ это можетъ казаться, потому что рекомендуемая для выхода изъ него средства безнадежны. Въ видѣ сожалѣнія объ утраченномъ лучшемъ прошедшемъ (котораго небыло)—желаніе лучшаго будущаго. Последнее въ разсматриваемомъ отношеніи лишь въ малой мѣрѣ зависитъ отъ усилій отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя думать, что философія можетъ явиться распредѣлительницей ролей—главною распорядительницею умственной фабрики. Тотъ, который незанимается своимъ дѣломъ, большею частью и не знаетъ, каковъ тотъ винтъ, который я фабрикую. Какъ же онъ можетъ наставить меня относительно значенія этого винта въ машинѣ?

Ученый, по крайней мѣрѣ второстепенный, большею частью поставленъ матеріальными условіями своей жизни въ необходимость искать лишь второстепенныхъ ближайшихъ причинъ („лучча синица в жмені, ніж журавель в небі“). Если у него—достатокъ и досугъ, онъ дѣлаетъ тоже, потому что, оставаясь въ привычной колеѣ, мысль его достигаетъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ на научномъ рынкѣ. Искусственно вліять на ученыхъ приманками—понижать цѣнность продуктовъ ихъ мысли. Съ теченіемъ времени человекъ все глубже врѣзывается въ свою колею. Одно лѣкарство—смерть и смѣна поколѣній; въ примѣненіи къ формирующемуся поколѣнію—обученіе. Цѣль дидактики—изыскать, что при данномъ состояніи наукъ можетъ наиболѣе содѣйствовать универсальности мысли, привычѣ къ высшему движенію духа, что можетъ сообщить наиболѣе возвышенную точку зрѣнія на міръ.

Ранняя спеціалізація можа быць оправдана толькі як слэды матэрыяльнай нужды. Яна проціва прыроды дэцкага і юнацкага востра. Одоўскі гаворыць, што дэці навуцілі яго універсальнастці. Яны хотят знаці вецей, а не стораць іх. Адностораонная гімнастыка вредна даже ў том случаі, еслі бн гімназіархі самі бнлі ў ней мастерамі.

Мір учыньк не ест особый, автономный мір. В учыном лінь інтенсиўнэ совършаеця та дэятельность мыслі, что и в другнх. Онъ кондезаторъ рассьянной в людях силы. Поэтому, еслі бн точно в мір учыньк уснлнвалнсь раздоръ и взаимное непоннманіе, то это значнло бн, что весь челоуеческій мір находитя в періоді разрушенн, стремленн элементовъ врозь.

Протнв этого гаворыць многое. Содраганн собнрательныхъ общественныхъ едннцъ указывають на едннство чувства. Собнрательныя едннцы становятя болэе нервными. Уснлнваетя начало національности и вмэстэ солндарности между народами (т. е. не тольо любви, но и вражды) вь связи съ болшею силою взаимного поннманн. Чэбы совнательно не тольо любить, но и ненавндеть челоуеа, для этого нуэно его знать. Ошнбочно думать, что народныя антнпатн лншь слэды недоразумэній. Гдэ нэтэ ненавнстн, тамэ нэтэ любви. Ннкогда понятіе о челоуечествэ несуществовало вь такой молотэ и раздэльности, какэ теперь. Напменэ раздэльно оно у тэхъ, которые предствалютя собэ челоуечество будущаго вь вндэ одного стада или многнхъ одннковыхъ стадъ, мнрно пасущнхся на одной пажнты. Это—протнв указанн исторнн органической жнзні землі, протнв указанн и исторнн вь тэсомэ смнслэ и палеонтологн: уннверсальность тнн ест его первобытность и несложность, обособленн лнчннстн безэ обособленн народнстн несуществуеця.

Плрота возврэннн не вь томэ, чэбы вндеть все, а вь томэ, чэбы напр. *в молу* совнательно стонт на своей точкэ зрэннн, недумая, что съ нея вдно все, прнзнавая законность, необходимость другнхъ точекъ зрэннн (протнв этого правила ученые, по крайней мэрэ второстепенные, часто погрэшают); *в молу*

тиктъ—стоять на точкѣ своей національности болѣе широкой, чѣмъ точки партіи, и недумать, что міръ и цивилизація рушатся, когда высыхаетъ лишь то болото, въ коемъ мы квакаемъ.

Если въ дѣйствительности вслѣдъ идетъ прямо, куда глава глядятъ, гонить свою борозду, жнетъ свою полосу; если намѣренныя усилія захватить и смежныя борозды частью приводятъ къ незначительнымъ результатамъ, частью безуспѣшны; если нѣтъ такихъ надсмотрщиковъ, которые бы давали порядокъ работъ, или они и есть, да ихъ никто не слушаетъ; если тѣмъ не менѣе раздѣленіе труда приводитъ къ его сосредоточенію: то должны быть самодѣйствующіе регуляторы этого труда.

Какъ абсолютная истина, такъ и абсолютная универсальность недостижимы, но стремленіе къ нимъ доводитъ до новаго развитія силъ и новаго усложненія и углубленія содержанія.

Возвращаюсь къ вопросу о взаимодѣйствіи наукъ. Никогда оно не было столь возможно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ дѣйствительно, какъ теперь. Благодаря механичности регулятора, наука, преслѣдуя свои узкія цѣли, достигаетъ возможности вліянія внѣ своей сферы. Специализація труда въ зрѣломъ возрастѣ, насколько она увеличиваетъ успѣшность личной дѣятельности, единственный путь къ возможной универсальности. Говорю *насколько*, потому что „заставь дурака Богу молиться“ и пр.

Наше время представляетъ примѣръ взаимодѣйствія наукъ и избранія лицами срединныхъ путей: языковеденіе и фізіологія, языковеденіе и психологія, языковеденіе и исторія; психологія и фізіологія. ¹⁾

Il faut cultiver notre jardin. Этимъ мы оплодотворимъ смежныя поля. Значительное совершенство въ изображеніи человѣческой фигуры оказало вліяніе на возникновеніе современной ландшафтной живописи; изобразительныя искусства вліяютъ на теоретическое изученіе природы и обратно. Въ нѣкоторыхъ, при томъ не вто-

¹⁾ Иловайскій говоритъ о некомпетентности нмѣшняго языковеденія въ вопросахъ историко-археологическихъ. Онъ игнорируетъ ту компетентность, которая состоитъ въ запрещеніи извѣстныхъ приемовъ.

ростепенныхъ, а очень существенныхъ отношеніяхъ художникъ лучше знаетъ природу, чѣмъ ботаникъ, зоологъ, анатомъ. Между художникомъ и естествоиспытателемъ въ тѣсномъ смыслѣ—отношеніе, какъ между художникомъ слова и филологомъ или лингвистомъ.

Вниманіе къ простѣйшимъ, постоянно повторяющимся явленіямъ жизни даетъ возможность понимать явленія сложные. Наука и состоитъ именно въ расчлененіи этихъ послѣднихъ. Такъ въ частности, наблюденіе и пониманіе того, что происходитъ въ насъ каждый разъ, когда мы думаемъ словами и говоримъ, если не вполне разъяснить намъ свойства поэзіи и науки, то значительно измѣнить тѣ мысли объ этихъ явленіяхъ, которыми мы пробаваемся по старой памяти.

Твердо держась правила измѣрять большое, неопредѣленное, лишь исподоволь обхватываемое мыслью, малымъ и опредѣленнымъ; въ частномъ случаѣ, придерживаясь сравненія слова съ одной—и поэзіи и науки съ другой стороны, можно прийти по меньшей мѣрѣ къ одному выводу, нелишнему практической важности: поэзія не разъ когда-либо въ прошедшемъ человѣчества и не изрѣдка, отъ времени до времени, а постоянно служить источникомъ науки, которая въ свою очередь питаетъ новое поэтическое творчество. И такъ, мы вѣримъ, будетъ, пока живутъ люди. Но жизнь человѣчества течетъ волнами съ измѣнчивымъ уровнемъ, быстротою, силою. Нельзя изсушить источника поэзіи, но можно временно засорить его. „Взрывая, возмутись ключи“, говоритъ Тютчевъ, и то, что направлено къ ослабленію поэтическаго творчества, косвенно ослабляетъ и науку, и наоборотъ. Таковы, на примѣръ, насильственные измѣненія въ языкѣ, его дезорганизація отъ чрезмѣрнаго вторженія постороннихъ стихій. Въ концѣ все перемелется—мука будетъ; но, пока она будетъ, проходятъ столѣтія. Такъ, старинная русская письменность, за исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ, представляетъ почти пустыню въ смыслѣ отсутствія поэтическаго творчества....

Условія процвѣтанія и паденія поэзіи.

Потребность исходить отъ образа есть всегда. Рѣчь — не объ измѣненіи количества разсѣянныхъ въ языкѣ поэтическихъ элементовъ, а объ ихъ сосредоточеніи въ болѣе видныя и крупныя цѣлыя.

Языки создаются тысячелѣтіями, и если-бы напр. въ языкѣ русскаго народа, письменность коего лѣтъ 900 была лишена поэзіи, небыло поэтическихъ элементовъ, то откуда взялось бы ихъ сосредоточеніе въ Пушкинѣ, Гоголѣ и послѣдующихъ романистахъ? Откуда бытъ грозѣ, если въ воздухѣ нѣтъ электричества? Даже болѣе: поэтическія стихіи языка даже и немогутъ существовать только въ видѣ элементовъ. Сила сберегается только трудомъ. Должны были быть и поэтическія произведенія, но лишь въ другихъ сферахъ. Расцвѣтъ поэзіи (т. е. письменной) есть результатъ извѣстной степени взаимодѣйствія до того различныхъ теченій мысли.

Есть двѣ стороны поэтическихъ произведеній: образъ и значеніе. Что содѣйствуетъ конкретности, прочности, значительности образовъ, то содѣйствуетъ процвѣтанію поэзіи и наоборотъ.

Говорятъ о практичности нашего вѣка, выражающейся въ томъ, что мы не хотимъ искусства для искусства и отъ любимой поэтической формы нашего времени (романа), кромѣ забавы, требуемъ поучительности, въ силу чего уже неудовлетворяемся сказками, съ похождениями невѣроятныхъ героевъ, которыя еще въ 40-хъ годахъ выдавались за романы („Вѣчный Жидъ“, „Монте-кристо“), Бусл. О знач. совр. романа. Въ этомъ много неяснаго. Конечно, человѣчество жило недаромъ и накопило къ нашему времени больше знаній, чѣмъ ихъ было прежде. Въ смыслѣ большаго умѣнья пользоваться природой нашъ вѣкъ можетъ быть практичнѣе другихъ. Можетъ быть, можно назвать большей практичностью и то, что это большее знаніе вошло, какъ матеріалъ,

въ воззѣніи и условило собою большую конкретность и поучительность ея образовъ. Но какой же вѣкъ несбытъ практиченъ по своему, по своему знанію и вѣрѣ? Развѣ при извѣстномъ воззрѣніи невольно практично отаранцаться отъ міра и умерщвлять илоть ради благъ будущей жизни? И какъ нивакой вѣкъ непробовѣдовавъ искусства для искусства, разумѣя подъ этимъ, что искусство, верасширивъ знанія и невоинмшая чувства, непринося осязательной пользы, должно производить только мимолетные, безслѣдные результаты; такъ и въ наши вѣкъ „искусство для искусства“ — сбивчивое выраженіе требованія художественности, способности образа дѣйствовать, производить практическія послѣдствія.

Мы, которые, какъ доказано, вовсе не враги фантастичности, если она намъ по плечу, дѣйствительно находимъ извѣстные романы устарѣлыми вовсе не потому, что они фантастичны, а потому, что они поэтически невѣроятны.

Все, что суживаетъ кругъ наблюдаемыхъ явленій, дѣлаетъ одностороннѣе точки зрѣнія, ограничиваетъ средства выраженія, ведетъ къ паденію искусства. Паденіе или отсутствіе письменной поэзіи наступаетъ, когда письменность сосредоточена въ ограниченномъ классѣ народа, забывающемъ, что избранные существуютъ для среды, изъ коей набраны судьбою; что интересы рода выше интересовъ вида и недѣлимыхъ. Литература, въ частности поэзія, всегда, т. е. и во времена своего процвѣтанія, аристократична въ томъ смыслѣ, что создается и движется умами, стоящими выше толпы; но, говоря образомъ анахоризма русской поэзіи, пророкъ остается пророкомъ лишь до тѣхъ поръ, пока провинуть своимъ призваніемъ „глаголомъ жечь сердца людей“, т. е. людей безъ ограниченія видомъ. Это предполагаетъ въ высшемъ умѣ стремленіе къ массѣ, любовь къ ней; ибо невозможно ни любить, ни дѣлать добро тѣмъ, кого презираешь. Говорить уму и сердцу

людей можно лишь зная то, что они знают и кое-что сверх того, и лишь на ихъ языкѣ.

Отчужденность литературнаго класса общества, ограниченность круга наблюдаемыхъ явленій, односторонность точекъ зрѣнія и блѣдность средствъ выраженія, въ частности языка, и результатъ всего этого—слабость или отсутствіе поэзіи, находятся въ такой зависимости, что отъ одного изъ этихъ моментовъ можно заключать ко всѣмъ прочимъ.

Въ Европѣ, насколько извѣстно, времена литературнаго ко-снѣнія или паденія поэзіи, съ одной, и процвѣтанія, съ другой стороны, находятся въ зависимости отъ отношенія пишущихъ къ традиціи (преданію, образцамъ).

Бываютъ условія, порождающія въ верхнихъ слояхъ презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и устремляющія надежды лишь къ возстановленію прошедшаго или построенію будущаго. При этомъ прошедшее усваивается односторонне. Изученіе прошедшаго не открываетъ мысли, а опѣшиваетъ ее. Въ словесности (разсматривая часть вмѣсто цѣлаго) прежнія средства кажутся прекрасными не относительно своего содержанія, а безусловно. При пользованіи ими является ошибочное заключеніе—*sum hoc ergo propter hoc*: это было цѣлесообразно въ свое время, стало быть, оно таково и теперь и всегда. Отказавшись отъ своего ума, даже умный отъ природы писатель становится рабскимъ и глупымъ подражателемъ и продѣлываетъ исторію дурня въ извѣстной пѣснѣ: „Задумалъ дурень на Русь гуляти“, поступаетъ по пословицѣ: „заставъ дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ“.

Является умышленное, требующее подчиненія отъ другихъ стремленіе изображать дѣйствительность традиціонными чертами ей несвойственными, далекими отъ нея, исключаящими огромную долю ея содержанія и искажающими остальную, ради мнимаго ея украшенія и возвеличенія. Это въ области выраженія даетъ наду-тость образовъ, риторичность или, съ другой стороны, вредную для мысли отвлеченность и блѣдность, вообще *манерность* въ значеніи отличномъ отъ *стиля*—слова, понимаемаго преимущественно въ

хорошемъ смыслѣ. Языкъ стремится при этомъ стать мертвымъ, и чѣмъ онъ мертвеннѣе, тѣмъ выше толпы и аристократичнѣе кажется себѣ самому пишущій на немъ. Этотъ личный мотивъ играетъ важную роль въ стремленіи бесплодныхъ въ поэзіи, замкнутыхъ въ себѣ литературныхъ классовъ, *obscurogum virorum*, рожденныхъ въ ретортѣ, но неспособныхъ свѣтить гомункуловъ (Фаустъ Гёте), къ *мертвенности* литературнаго языка. Гёте говоритъ: *Der Schulmann indem er lateinisch zu schreiben und zu sprechen versucht, kommt sich höher und vornehmer vor, als er sich in seinem Alltagsleben dünken darf* (Goethe, Sprüche 161). Это примѣняется не къ одному латинскому языку¹⁾, подавившему высокое развитіе національной поэзіи въ Италіи въ XVII в.²⁾, сдѣлавшему тоже въ Польшѣ, въ коей за временемъ блестящихъ писателей, пользовавшихся туземнымъ языкомъ, истинныхъ знатоковъ древности и истинныхъ патриотовъ, какъ Кохановскій, Шимановичъ, Кленовичъ,

¹⁾ Враждебное отношеніе православнаго духовенства къ мѣстнымъ нарѣчіямъ основано, повидимому, на устарѣломъ и дурно понятомъ фактѣ, что первыя произведенія на чисто-малорусскомъ языкѣ имѣли характеръ пародій; или на предположеніи, что вообще мѣстные говоры могутъ заключать въ себѣ лишь вульгарныя (площадныя, бранныя) и шутивыя выраженія; или на забвеніи того, что самъ Христосъ говорилъ, какъ выражаются нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ о малорусскомъ народномъ языкѣ, на жаргонѣ. Въ 26 № (26 января 1888 г.) Новостей перепечатано:

„Однѣ изъ наблюдателей въ отчетѣ своемъ о церковно-приходскихъ школахъ его уѣзда донесъ .... Херсонскому Епархіальному училищному совѣту, что у нѣкоторыхъ изъ законоучителей церковно-приходскихъ школъ замѣчается стремленіе упрощать библейскія и евангельскія выраженія словами мѣстнаго нарѣчія; напримѣръ, слово „Евангеліе“ объясняется „то, що нипѣ у церкви читае“, „дїаволъ“ — „брехунецъ“, и что этотъ недостатокъ замѣчается у законоучителей нѣтолько церковно-приходскихъ школъ, но и земскихъ. Вслѣдствіе этого, какъ сообщаютъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“, мѣстный Епархіальный училищный совѣтъ, въ силу опредѣленія своего отъ 30 Іюня и 29 Іюля 1887 г. за № 11 ст. 6 предлагаетъ духовенству, при преподаваніи Закона Божія, избѣгать вульгарныхъ и шутивыхъ выраженій изъ мѣстнаго нарѣчія, несоответствующихъ важности предмета“.

²⁾ Въ XVII ст. побѣда (древняго стиля надъ новымъ) совершилась: Италія утратила духъ творчества, удаляясь болѣе и болѣе въ міръ латинскій, и почти промѣняла свой новыи, свѣжій языкъ, сотворенный подвигами Данте, Петрарки, Аріосто, Тасса, на языкъ латинскій. Число писателей латинскихъ въ Италіи XVII вѣка превышаетъ число итальянскихъ, а сія послѣдніе заклеены отверженнымъ (то есть ставшимъ презрительнымъ) именемъ *seicentisti* (шестисотенные, то есть писатели тысяча шестисотыхъ годовъ), писателей XVII вѣка, какъ самаго бесплоднаго и несчастнаго для словесности итальянской. Шевыревъ С. (Теорія поэзіи въ ист. разв. 82—3).

слѣдуетъ XVII вѣкъ макаронизма, іезуитства и крайняго развитія шляхетской замкнутости, вѣкъ рѣшившій политическую гибель Польши. Тоже въ общемъ слѣдуетъ сказать и о другихъ языкахъ.

Такъ на Руси односторонность, неполнота, слабость дѣйствія просвѣтительнаго начала сказывается въ томъ, что въ письменности въ X по XVII ст. влючительно нѣтъ ни одного стихотворца; кромѣ „Слова о П. Иг., ни одного поэтическаго произведенія, достойнаго этого имени—между тѣмъ какъ въ нелитературныхъ слояхъ, по всѣмъ вѣролѣтїямъ, живая струя поэзіи непрерывалась.

„Отсутствіемъ стихотворства“, преобладаніемъ требованій литературы греческой (византійской) въ книжной (русской) литературѣ среднихъ вѣковъ объясняется... отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла“... чѣмъ „она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени... Въ Византіи нецвѣло стихотворство, стихотворцевъ художниковъ небыло; небыло ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе Византійской литературы... какъ на Руси..., такъ у Сербовъ православныхъ и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адриатическомъ разцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ“.

„Изъ этого неслѣдуетъ, что и у Сербовъ и у Болгаръ, и у насъ небыло прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе, чѣмъ послѣ... но книжной литературѣ, организованной по мѣрѣ Византійской, до нихъ небыло дѣла. Съ другой стороны,—между тѣмъ какъ размѣръ русскаго народнаго стиха немогъ въ ней назваться приличнымъ, немогъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялись языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы,—немогли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные пѣнкой Византійской: они были слишкомъ ненародны, слишкомъ дичи для смысла русскаго человѣка. Какъ немогла русская литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской (а силлабическія вирши въ польской?), такъ немогла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. До XVI—XVII вѣка

литература русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго лада; только вслѣдствіе сближенія Русской литературы съ западною Европейскою, гдѣ господствовали рази́ры стиховъ болѣе сходныя съ нашимъ народнымъ.... могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ (Срезневскій, Мысли объ ист. русск. яз. 93)¹⁾.

Къ XIV в. становится очень замѣтно, а далѣе усиливается раздѣленіе письменнаго языка на языкъ свѣтскихъ грамотъ и языкъ духовныхъ произведеній. Первый несопротивляется теченію времени, второй старается упорно держаться старины, измѣняя ее лишь по невѣжеству пишущихъ, и все болѣе и болѣе мертвѣеть. Первые изображаютъ дѣйствительность для удовлетворенія практическимъ потребностямъ, какъ планъ или карту, а не какъ картину: во вторыхъ дѣйствительность проникаетъ лишь украдкой. Выдѣлившаяся въ XIV вѣкѣ западная и южная письменность до конца XVIII вѣка находится относительно проникновенія въ нее народнаго языка и годности для поэзіи еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ сѣверно-русская того же времени. На сѣверѣ туземный элементъ языка при существованьи только областныхъ видоизмѣненій, всетаки былъ цѣленъ и настолько силенъ, что пробивался наружу въ значительной чистотѣ и свѣжести въ цѣломъ рядѣ довольно обширныхъ сочиненій мірянъ, а иногда и духовныхъ лицъ. Пришлыя стихіи церковно-славянскія съ греческими успѣли стать до нѣкоторой степени туземными. На западѣ и югѣ русскій элементъ былъ двойственъ (бѣлорусс. т. е. въ основ. вр. и мр.), для собственной Литвы чуждъ, по причинамъ политическимъ—слабъ и податливъ.

Къ иноземнымъ стихіямъ церковно-славяно-греческимъ въ немъ съ самаго XIV вѣка и затѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ въ боль-

---

¹⁾ Параллель къ этому: отсутствіе крупныхъ стихотворцевъ на русскомъ литературномъ языкѣ изъ малороссіянъ. Для Гоголя это языкъ—веселой: „Сочиненіе мое будетъ на иностранномъ языкѣ“. Россія у него противопоставляется Малороссія (Письма Гоголя).

шей мѣрѣ присоединяется языкъ польскій, рабски подчиненный латинской конструкціи и уснащенный лексическими заимствованіями изъ латинскаго и нѣмецкаго. Преобладаніе этихъ дезорганизирующихъ примѣсей въ письменномъ языкѣ становится такъ велико, что нерѣдко онъ остается русскимъ лишь по письменамъ, лишь ради мнимаго соблюденія закона, называвшаго офиціальный языкъ Литовскаго княжества—русскимъ. Оторванность этого языка отъ почвы, непримиримость входящихъ въ него стихій, его неуклюжесть и негодность для поэзіи, какъ она понималась въ XVII вѣкѣ, были такъ велики, что сами православные іерархи, напр. Л. Барановичъ, для стихотворной рѣчи предпочитали языкъ польскій. Такимъ образомъ письменный языкъ Великой Руси до XVII вѣка включительно заключалъ въ себѣ несравненно болѣе задатковъ литературнаго возрожденія, чѣмъ языкъ юго-западной Руси. Поэтому, кромѣ чисто политическихъ причинъ, самое возрожденіе въ Великой Руси наступаетъ столѣтіемъ раньше и съ неизмѣримо болѣею силою, чѣмъ въ Южной, и получаетъ общерусское значеніе ¹⁾.

Цивилизація и народная поэзія.

Litteratur ist das Fragment der Fragmente: das wenigste dessen, was geschah und gesprochen worden, ward geschrieben; vom Geschriebenen ist das wenigste übrig geblieben. Göthe, Sprüche, 147.

Положеніе, что цивилизація и народная поэзія противоположны и несомвѣстимы,—ошибочно. Развѣ тѣ формы жизни, о

---

¹⁾ Настоящая глава, которой въ рукоисии дано заглавіе „Условія процвѣтанія и паденія поэзіи“, заканчивается конспективно слѣдующими замѣтками подъ заголовкомъ „Успѣхи новой русской письменности и въ частности поэзіи“: 1. Превращеніе литературы въ свѣтскую, т. е. признаніе, что есть духовные высшіе интересы не исключительно религіознаго характера. 2. Въ связи съ этимъ и между собой: а) все большее и большее признаніе правъ просторѣчія, а стало быть и классовъ говорящихъ просторѣчіемъ. Въ отдѣльномъ лицѣ большее взаимное проникновеніе двухъ теченій; б) увеличеніе способности наблюденія и конкретности образовъ.

которыхъ свидѣтельствуютъ устные поэтическія произведенія, какъ VI-ая и слѣдующія пѣсни Одиссея (Навиская и пр.) не цивилизація? Вѣрите, что господство письменности несовмѣстимо съ господствомъ устнаго преданія, съ той оговоркою, что письменность мертва, что она никогда небыла и неможетъ быть полнымъ отраженіемъ жизни, и что, стало быть, пользованіе ею возможно лишь настолько, насколько она оживляется и дополняется устнымъ преданіемъ. Такимъ образомъ противоположность *письменности* и вытекающаго изъ нея способа измѣненія поэтическаго образа и *устной поэзіи* безусловна. Письменность, литературное преданіе можетъ питать устную поэзію¹⁾. Смѣна устнаго преданія письменностью есть рядъ разнообразныхъ и длинныхъ процессовъ; при наблюденіи отдѣльныхъ случаевъ и ихъ моментовъ, нужно спрашивать, насколько первое вытѣснено вторымъ и замѣнено имъ. Нерѣдко эти вопросы смѣшиваются, такъ что выходитъ, что вытѣсненіе есть вмѣстѣ и замѣна въ смыслѣ вознагражденія.

Бываетъ пора, когда судно, влекомое вѣтромъ или теченіемъ рѣки, несетъ сѣдковъ всѣхъ вмѣстѣ; наступаетъ другая, когда это судно можетъ двигаться впередъ только завозомъ: нѣсколько человѣкъ сходить съ него въ лодку и завозятъ впередъ якорь, къ нему притягивается судно. Всегда ли ихъ силы соразмѣрны тяжести судна?

Такъ, говорятъ, въ народной жизни настаетъ пора, когда „общее, безличное творчество“ (какъ въ языкѣ) уже недостаточно; мы требуемъ индивидуальности, потому что теперь она усвоила себѣ *лучшее* изъ народнаго духа, и самый этотъ духъ стоитъ на такой высотѣ, что дальнѣйшіе его успѣхи вытекаютъ уже не изъ него самого“ (въ его цѣльности) непосредственно, а при посредствѣ индивидуальныхъ усилій. Въ некультурное время это было иначе, и *народная поэзія должна приходить въ упадокъ*, какъ скоро общій духъ (*Gesamtgeist*) достигъ такой степени развитія,

¹⁾ Христіанскіе мотивы въ народной поэзіи; церковно-славянскія въ малорусскихъ думахъ.

такого богатства, что проявляться въ ббльшей оцѣ онъ можетъ лишь индивидуально. Тогда *люди болѣе смѣлые и благородные духомъ и амьтеемъ са тьмь оьсмие классы общества отстраняются отъ народнаго творчества (Volksdichtung), послѣднее опускается до простонародности (пошлости, грубости, Gemeinheit), становится базарнымъ (wird Bänkelsängerei); но за то возникаетъ искусственная поэзія.* Конечно, *одновременное процветаніе искусственной и народной поэзіи весьма возможно, но лишь при условіи, что народъ раздѣлится таьмь образомъ, что и на пользу народной поэзіи останется въ дѣйствіи много благородныхъ силъ*“ (Н. Steinthal, Das Epos, Zeitschr. f. Völk. V, — 1868, 10).

Подобныя мысли высказывались и въ болѣе конкретномъ и интересномъ видѣ раньше и у насъ. Кулищъ (З. О. Ю. Р. I 1856, 180—2): „Отчего Гладкій (ib 165)... не воспытѣ нашими слѣпцами такъ, какъ Палій...? Мыѣ скажутъ, что этому причиной общій упадокъ малорусскаго народнаго творчества, происходящій вслѣдствіе *обобщенія національностей*, или что причиною этому *отсутствіе старосвѣтской централизации* Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отчасти, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что *духъ народный* ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ темной для нея исторической цѣли, и *возродился* въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей *любви* къ нему и *сознательно продолжающему* его духовную жизнь въ новыхъ формахъ цивилизации. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженія первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никакимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ... ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсолистовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи....

... Великія явленія въ исторіяхъ литературы не повторяются въ точной параллели между собою, но по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общее; и потому наши пѣсни, сложенные народомъ, послужать, если не послужили уже отчасти, къ воссозданію вѣрнаго образа прошедшаго въ произведеніяхъ, соответствующихъ требованіямъ вкуса новаго цивилизованнаго общества *Мы и народъ*—одно и то же, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ въ духовной жизни, *первый* періодъ образованія, а *мы*—начало новаго *высшаго* періода". . . . „Наша литература построена прямо на началахъ ея изустной словесности“, но... „приняла въ себя новыя начала жизни“. *Мы*, слѣдовательно, только *многостороннѣе* своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же послѣ этого образомъ, современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно передъ прочими) части малороссійскаго населенія, а, составляя только его отребье, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?“

Приведа это мѣсто, Пыпинъ. (Обз. мр. этногр. VI, В. Евр. 1885. XII, 788) замѣчаетъ: „Мысли въ общемъ справедливыя, хотя можно бы сказать ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія *вообще* исчезаетъ, становится *невозможной*, когда жизнь становится болѣе сложной—не только съ распространеніемъ цивилизациі, но съ укрѣпленіемъ государственнаго быта; когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, терять возможность отождествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) или даже слѣдить за ея явленіями: народъ можетъ слать эносъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ своей массой, что по своей простотѣ выскочитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизациі, становятся недоступны этому пониманію“.

Да, это такъ: народъ не можетъ воспѣвать Вѣнскаго конгресса, или административныхъ и судебныхъ преобразованій такого-то царствованія; но неужели любовь или печаль и радость стали по нынѣшнимъ цивилизованнымъ временамъ такъ сложны, что воспѣвающая ихъ народная поэзія стала вообще невозможной? Пусть народъ не можетъ создать оркестровой симфоніи или оперы; но почему же существованіе оперы, въ которую мужику не ходитъ, должно производить то, что онъ, если это правда, забываетъ и замѣняетъ худшими свои простые напѣвы?

Далѣе Пыпинъ прилагаетъ свою аппробацію и къ слѣдующимъ мыслямъ Кулиша. „Кулишъ, говоритъ онъ, справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ“: „Цивилизація раздѣлила наше общество на двѣ части.... и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малорусскомъ мірѣ со всеми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это—только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно-философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокаиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни, а жизнь, двигаясь впередъ, непременно создастъ для себя новыя и новыя формы“.

Что выйдетъ изъ малороссійскаго цивилизованнаго общества.... мы незнаемъ, но не можемъ потерять вѣры.... что эта сумятица понятій.... скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему, духовному развитію.... Залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ народѣ (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ). Исторія уже много разъ насъ изумляла обнаруженіемъ.... новой жизненной силы подъ омертвѣлыми.... остатками прошедшаго.... и

слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій... (З. о. Ю. Р. I, 182—3).

И такъ, начавши съ науки, мы договорились до вѣры.

На рѣкѣ Удахъ, на пѣскѣ, когда-то былъ общественный лѣсъ, стоялъ и шумѣлъ, давая тѣнь и убѣжище звѣрю и птицѣ, укрывая землю листомъ. Его срубили, частью сожгли, частью продали и деньги отнесли для высшихъ цѣлей цивилизаціи въ кабакъ и казначейство. Долго еще торчали пни и задерживали на мѣстѣ тонкій слой листовеннаго перегноя; но пни выгорчевали, скотъ истолокъ землю въ пыль, вѣтеръ разнесъ её, дожди смыли въ рѣку, и теперь тамъ голый пѣсокъ; неростеть ни чебрець, ни полынь, и скотъ не забродить... Истинно философскій умъ долженъ стоять выше сожалѣній о шумѣ и тѣнистой зелени, успокаивая себя тѣмъ, что вещество негибнетъ, но преобразовывается все въ новыя и новыя формы, и что хотя у мужиковъ нѣтъ лѣса, а у скотины—пастбища, но гдѣ-нибудь около Таганрога мѣлѣетъ отъ наносовъ море, и когда оно совсѣмъ обмѣлѣетъ, тамъ, быть можетъ, выростетъ лѣсъ лучше прежняго.

Вѣра въ совершенствованіе этого міра, лучшаго изъ міровъ, потому что онъ одинъ только намъ сколько-нибудь извѣстенъ, поддерживаемая научными соображеніями о возникновеніи высшихъ формъ органической жизни, нужная для успокоенія духа, несобязываетъ закрывать глаза на колебанія уровня жизни; и тотъ философскій умъ, который nebudeтъ жалѣть о лѣсѣ на Удахъ, будетъ умъ, который надъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ. Что было, то было, и неслучиться не могло при данныхъ условіяхъ; но вопросъ въ томъ, точно ли эти условія всеобщі и неизмѣнны. Съ этой точки зрѣнія всеобщія утвержденія въ разсужденіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, превращаются въ рядъ вопросовъ:

Всегда ли высшіе классы, являющіеся носителями индивидуальнаго развитія, усваиваютъ себѣ все лучшее изъ народнаго духа?

Всегда ли они вмѣщаютъ въ себѣ все болѣе сильное и благородное духомъ изъ народа, такъ что можно сказать, что духъ народный, ослабѣвъ въ безсознательно жившей массѣ, *всегда воз-*

рождается и находитъ продолженіе своей дѣятельности въ высшихъ классахъ?

Все ли равно для *породы*, на какомъ бы языкѣ ни продолжалась избранная ея дѣятельность?

Всегда ли *мы и народъ* одно и тоже, съ тою разницею, что мы многостороннѣе и совершеннѣе его?

Всегда ли отношеніе личнаго творчества къ безличному таково, какъ въ древней Греціи? И можетъ ли, на примѣръ, новая Греція считаться достойнымъ продолженіемъ древней, высшей формой существованія этой послѣдней?

Всегда ли искусственная поэзія является, какъ возмѣщеніе безыскусственной и вознагражденіе за ея паденіе, да и всегда ли въ высшихъ классахъ появляется какая бы то ни была искусственная, т. е. личная поэзія?

На это мы отвѣтимъ словами Буслева, котораго нельзя обвинить ни въ незнааніи, ни въ отсутствіи любви къ русской словесности. Буслевъ говоритъ: „Сочувствія къ народности (=къ массѣ), коренившейся въ язычествѣ, небыло и немогло быть между грамотными людьми древней Руси. Языческая словесность и христіанская литература шли у насъ двумя совершенно различными путями. Столкновеніе между тою и другою оказывалось только въ томъ, что люди лучшіе, просвѣщенные христіанствомъ, обличали невѣжество въ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, въ невоздержности и въ нечистотѣ семейной жизни“...., Пѣтъ пѣсни, рассказывать сказки и басни почиталось дѣломъ языческимъ, забавою дьявольскою. Въ извѣстномъ словѣ Христолюбца.... къ бѣсовскимъ играмъ, которыхъ неподобаешь христіанамъ играть, причисляются: *плясаніе, судьба*, т. е., музыка, *пѣсни бѣсовскія*, (по слов. Паниева сборн. XIV-го вѣка *пѣсни мірскія*, т. е. народные пѣсни вообще) .... „И такъ *всѣ* игры и забавы, всѣ задушевныя убѣжденія, связанныя тѣсными узами съ темною мнѣшескою старшиною, всякій досугъ простого народа, когда фантазія и чувство просятъ себѣ выраженія въ пѣснѣ и пляскѣ,—однимъ словомъ, всякое веселье его казалось *лучшимъ* (?) лю-

дямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, наважденіемъ дьявольскимъ“ (Оч. II, 68—9). ¹⁾

Весьма существенно то, что, по словамъ Кулиша, *возрожденіе* духа народнаго въ дѣятельности небольшого верхняго слоя зависитъ отъ *близости* этого слоя къ массѣ и *любви* къ ней. Но всегда ли отношеніе продолжателей къ массѣ любовно, и какова эта любовь? Она можетъ быть различна. Одиссей:

„Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая, какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратерь животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разносятъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.

Одисс. IX, 5 сл.

Это *τέλος* = конецъ, цѣль, идеалъ Одиссея, языческаго героя. Есть и такая (любовь), о которой говоритъ мр. пѣсня: „Мій батенько мене любить, то він мене з світа згубить.“ Есть и такая любовь, предметъ которой не ближній, а наша честь, нашъ идеалъ, и которая есть не любовь, а себялюбіе. Такое чувство можетъ только уничтожать дѣйствительность, а не преобразовывать ее въ высшія формы, и если не всегда дѣйствуетъ лишь разрушительно, то лишь потому, что не всегда встрѣчается въ безпримѣсномъ видѣ.

Если нравственность есть то, что расширяетъ и укрѣпляетъ связи между людьми, то такое чувство безнравственно, хотя бы и говорилось, что носители его, проникнутые высшими идеалами, совершаютъ гражданскій или религіозный подвигъ. Къ этимъ носителямъ, оправдываютъ ли они себя своими гражданскими идеа-

¹⁾ (Pfaffen) Der Gottes—Erde lichten Saal
Verdüstern sie zum Jammerthal.
Daran entdecken wir geschwind,

Wie jämmerlich sie selber sind, Göthe, Zahme Xenien, VI, 87. Безнаказанно такъ можно было говорить только въ XVIII—XIX вв.

лами, или представлениями объ отношеніи этой жизни къ загробной, можно примѣнить стихи Полонскаго „Поэту гражданину“:

Нѣтъ правды безъ любви въ природѣ, ¹⁾

Люби въ природѣ ²⁾ нѣтъ безъ чувства красоты,

Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути въ свободѣ,

Труда—безъ творческой мечты“.

Гдѣ нѣтъ любви, невозможной безъ чувства красоты, тамъ нѣтъ свободы и творчества, т. е. преобразованія низшихъ формъ мысли и жизни въ высшія. Оправданія этого радикализма и отрицанія дѣйствительной жизни, этого, употребляя терминъ нашего времени „разрушенія эстетики“ едва ли основательны: „Нельзя неотдать нѣкоторой справедливости обличителямъ, потому что *своею* веселья, *своею* поэтического досуга, какъ свидѣтельствуютъ наши древніе писатели, *народъ неумѣлъ*, въ ихъ глазахъ, облагородить идеями новой религіи, неумѣлъ искупить своихъ языческихъ забавъ ревностью къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось избранными умами тогдашней эпохи“ (Бусл., Оч. II, 69). Откуда въ народѣ могло явиться побужденіе оправдывать существованіе своего нравственнаго облика передъ обличителями? Послѣдніе являлись въ роли преобразователей. Они и должны были возвысить существовавшее до новыхъ идей, различить, что въ прежнемъ было согласно съ новыми идеями, а что нѣтъ. Вмѣсто этого они, съ одинаковымъ отрицаніемъ отнесясь ко всему и тѣмъ осудивъ свою дѣятельность на безплодіе, умѣли только повторять жалобы на пристрастіе народа къ пляскамъ и гудцамъ и равнодушіе его къ церкви. Они не только жаловались: они дѣйствовали для водворенія мрака, печали и пустоты своихъ идеаловъ на мѣстѣ жизни, и успѣли въ этомъ, такъ какъ были силою организованною, союзною съ государствомъ. Противодѣйствіе народа явилось бы, да и являлось, противодѣйствіемъ государству.

Но можетъ быть Христіанство и ненашло на русской почвѣ никакой словесности? На это—Буслаевъ: „независимо отъ письменности“,

¹⁾ Къ челоуѣку.

²⁾ Къ природѣ: Гете, Sprüche—Wem die Natur etc., см. выше стр. 64.

судя „по нѣкоторымъ даннымъ“, дѣйствительно существовала словесность народная въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, мнѣческихъ сказаніяхъ и въ цѣломъ рядѣ народныхъ произведеній, состоявшихъ въ связи съ мнѣческими обрядами. Даже въ концѣ XII вѣка простой народъ.... въ самыхъ коренныхъ основахъ своей жизни, въ бытѣ семейномъ, держался до-христіанской старины. Въ „Церковномъ правилѣ“ митрополита Іоанна между прочимъ говорится, что простой народъ въ его время игралъ свадьбы по языческимъ преданіямъ съ плясаніемъ и гудѣніемъ, полагая, что церковное *вѣнчаніе нужно только боярамъ и князьямъ* (Бусл., Оч. II, 67). И не одни свадьбы. По свидѣтельству одного слова въ Паисіевомъ сборникѣ, были и другія игрища, позорища, „сборища идольскія“, которыя, несмотря на то, что на этихъ позорищахъ не было „ни покрова, ни затишья“, привлекали людей настолько, что церкви стояли пусты (ib 69—70). Были языческіе годовые праздники. Весь кругъ домашней и хозяйственной жизни сопровождался пѣснями. Косвенно объ этомъ свидѣтельствуетъ нынѣшняя народная поэзія, ибо, какъ бы ни было велико вліяніе на нее христіанства, до сихъ поръ, сколько знаю, никто еще не рѣшался утверждать, что оно внушило любовь къ пѣнію, то есть столько же и даже больше къ поэзіи, чѣмъ къ музыкѣ; что оно выучило возводить къ идеаламъ дѣйствительныя житейскія отношенія, величать князя съ княгинею (молодыхъ), поѣзжанъ, участниковъ игрищъ, отца и мать семейства, сына, дочь, какъ въ колядкахъ. Пусть Боянъ Сл. о П. Иг. есть мнѣ, пусть Гомеръ будетъ мнѣ; но такіе мнѣ немогутъ создаваться безъ соотвѣтствующей дѣйствительности, какъ невозможенъ мнѣ о солнечной колесницѣ у людей, незнающихъ колесницы. И такъ Сл. о П. Иг. свидѣтельствуетъ, что были героическія пѣсни, величавшіе подвиги отдѣльныхъ лицъ (Янъ Усмошвецъ).

Были ли пѣсни, величавшіе боговъ? Были ли челоѣкообразные боги, которыхъ можно было величать пѣснями? Старинная письменность до 50-хъ годовъ вѣлучительно въ этомъ несомнѣвалась, хотя сохранила объ этомъ очень мало свѣдѣній. Въ бли-

жайшее къ намъ время изъ противодѣйствія увлеченіямъ „нашихъ мѣологовъ“ (которыхъ, если разумѣть болѣе менѣе самостоятельныя изслѣдованія, было, можетъ быть, въ сотни разъ менѣе, чѣмъ въ Германіи) стали говорить о *неразвитости* славянской мѣологии. Если бы подѣ этимъ разумѣлось только то, что сказанія о богахъ небыли увѣковѣчены письменностью, и служеніе имъ непородило, какъ въ Греціи, пластики и архитектуры; то споръ былъ бы невозможенъ. Но говорится нѣчто другое.

Буслаевъ здѣсь умѣренъ, хотя неполнѣ ясенъ: „Славянскій мѣологическій эпосъ *неустѣль* создать полныхъ округленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу греческому, скандинавскому или финскому“. Хотя онъ находится „въ родственной связи съ мѣической стариною“, безъ чего „невозможно было бы процвѣтаніе такого благоуханнаго народнаго эпоса“, какъ русскій, сербскій и болгарскій“.

„Славянскій эпосъ“ и доселѣ живетъ... вѣрою въ цѣлый рядъ мѣическихъ существъ, но существъ мелкихъ немногозначительныхъ: это не крупныя величавыя личности греческаго Зевса, финскаго Вейнемейнена, скандинавскаго Тора или Одина съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, развитымъ во множествѣ подвиговъ и походовъ, но рядъ существъ несамостоятельнаго, неотдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы виль, русалокъ, дивовъ, полудницъ и т. п. Какъ существа стихійныя, всѣ эти мѣологическія лица *могли предшествовать* образованію нравственныхъ, опредѣлительныхъ характеровъ въ типахъ божествъ; но могли они быть и остаткомъ, который сохранился въ памяти народа отъ этихъ человѣкообразныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ господство виль, дивовъ, русалокъ въ народномъ эпосѣ можетъ означать *не то, чтобы въ старовѣкахъ* народа *неустѣли еще сложиться* болѣе крупныя мѣологическія личности, но—что эти личности *неполучили* болѣе *опредѣленныхъ формъ* въ поэзіи эпической и потому современемъ забылись, оставивъ по себѣ своихъ спутниковъ, эту, такъ сказать, собирательную мелочь народной мѣологии“.

„И такъ главный характеръ славянскаго эпоса—героическій или юнацкій“. Сложившись въ миѳическую эпоху, этотъ эпосъ „проникнуть вѣрованіемъ въ связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ“ (Бул. Оч. II, 6—7). Казалось бы, что здѣсь—признаніе миѳологическаго основанія народной поэзіи. Но а) вилы—южно-славянскіе, о дивахъ ничего неизвѣстно (Дивъ кличетъ, Марья Дивовна сестра Владиміра), русалки, можетъ быть, въ значительной степени христіанскаго образованія; б) если крупныя божества не получили формъ въ эпической (или лирической?) поэзіи, то они и вовсе несложились, потому что, гдѣ же они могли бы сложиться, кромѣ поэзіи. Внѣ поэзіи нѣтъ сферы, гдѣ могутъ создаваться миѳы. Можемъ ли себѣ представить эпосъ безъ лицъ (за исключеніемъ позднѣйшей описательной и дидактической поэзіи)? Если нѣтъ, то эпоса, воспѣваемаго стихійными массовыми божествами, небыло. Стало быть, вообще миѳическаго славянскаго эпоса, съ точки зрѣнія Буслаева,—небыло.

Веселовскій: „не всегда старыя боги сохранились въ памяти средневѣковаго христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ..... Образы и вѣрованія средневѣковаго Олимпа могли слагаться“ прямо изъ непониманія евангельскихъ разсказовъ, легендъ и т. п. „Такого рода созданіе ничуть не предполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе миѳологии. Ничего такого могло и небыть, то есть *миѳологии, развившейся до олицетворенія божествъ*, до признанія между ними человѣческихъ отношеній, типовъ и т. п.; *достаточно было особаго склада мысли, никогда неотвлекавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни и всякую абстракцію низводившей до ихъ уровня*. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ, они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, миѳомъ; неразглядѣвъ ихъ генезиса, мы легко можемъ признать ихъ за таковыя. Такимъ процессомъ скотій богъ Волосъ могъ также естественно выработаться изъ святаго Власія, покровителя животныхъ, какъ, по принятому мнѣнію, св. Власій—подставиться на мѣсто кореннаго языческаго Волоса. Я недоказываю перваго, но позволю себѣ

пожалѣть, что съ указанной мною точки зрѣнія исторія средне-вѣковаго двоевѣрія слишкомъ мало изучена“ (О Солом. и Китовр. XIII—XIV).

Хотя здѣсь неутверждается, что такъ именно было на Руси, но, судя по совокупности изслѣдованій Веселовскаго, можно думать, что онъ склоненъ принимать это предположеніе за дѣйствительность.

Согласно съ этимъ состояніе мысли русскихъ и другихъ славянъ до усвоенія и преобразования ими заимствованныхъ христіанскихъ мотивовъ характеризовалось тѣмъ, что *они никогда* до того времени *не оталекались отъ конкретныхъ формъ жизни*, что *они до той поры не создавали олицетвореній божествъ*.

Что до перваго, то древнѣйшіе переводы Священнаго писанія застаютъ уже языкъ славянскій (отъ котораго русскій немогъ многимъ отличаться) весьма развитымъ и способнымъ къ отвлеченіямъ. Если приписать это вліянію христіанства, на четыре—пять столѣтій предшествующему Кириллу и Меѳодію (Бусл. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“), то тѣмъ самымъ отодвинется настолько же время, когда въ языкѣ олицетворенія божествъ (если они были) были явственны.

Что до втораго, то а) для олицетворенія божествъ не требуется высокаго развитія. Такое олицетвореніе безспорно приписывается разнымъ народамъ земнаго шара, стоящимъ гораздо ниже славянъ.—Если славяне не успѣли развить этихъ олицетвореній (Буслаевъ), а не забыли ихъ, то они составляютъ рѣдкое и необъяснимое исключеніе.

б) Ученые, какъ Максъ Мюллеръ, думаютъ, что спеціально греческому міеологическому періоду предшествовалъ періодъ до раздѣленія арійскаго племени, въ которомъ существовали уже личныя божества: Djaus = Ζεύς, Варуна = Οὐρανός, Ушас = Ἥως, Сараню = Ἐρινός и нѣкоторыя др. (Essais II, 163 и пр.). Было бы странно думать, что славяне составляютъ исключеніе изъ арійскихъ племенъ—что они не успѣли образовать личныхъ божествъ, тогда какъ другія сродныя племена имѣли ихъ уже въ незапамятную старину, до прихода въ Европу. Вѣроятноже думать, частью,

что славяне имѣли эти олицетворенія, но забыли ихъ (Ср. Литов. *dėvas* слав. богъ); частью же, что слѣды доисторической старины еще скрываются въ народныхъ вѣрованіяхъ и языкѣ, но остаются неизвѣстны ученымъ: кто прилагалъ къ славянской мѣологіи то знаніе и умѣніе, какія прилагались къ мѣологіи индійской, иранской, греческой, латинской и германской?

в) Еслибы оказалось, что слѣдовъ личныхъ божествъ точно нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ заключеніе отсюда къ тому, что личные божества не успѣли развиться, было бы ошибочно: гдѣ слѣды греческаго Олимпа у новыхъ грековъ? ¹⁾

И такъ болѣе вѣроятно, что и у славянъ были личные божества, поэтическія сказанія объ нихъ, мѣологическій эпосъ, но все это *забыто*. Почему? Вслѣдствіе глубокаго разъединенія грамотныхъ и неграмотныхъ классовъ и невниманія или отвращенія первыхъ къ послѣднимъ; вслѣдствіе отсутствія той любви, которая одна дѣлаетъ возможнымъ творческое взаимодействіе высшихъ и низшихъ, новыхъ и старыхъ теченій мысли. Сверху—радикализмъ, узость пониманія, незнаніе, сухость сердечная. (Кто любить и знаетъ, тотъ не можетъ быть радикаломъ).

Вездѣ ли такъ было? Буслаевъ: „Справедливость требуетъ замѣтить, что и на западѣ, со временъ св. Бонифація (+755) постоянно встрѣчаемъ въ постановленіяхъ соборныхъ и въ правилахъ запрещеніе духовнымъ и свѣтскимъ пѣть народныхъ пѣсней“. „Однако доисторическая народная поэзія тѣмъ не менѣе состояла въ такой живой связи съ просвѣщеніемъ нѣмецкихъ племенъ, основаннымъ на началахъ христіанскихъ, что собраніемъ древнѣйшихъ пѣсней Эдды мы обязаны духовному лицу, современнику нашего перваго лѣтописца“ (Оч. II, 68). Въ XII—XIII в. въ Германіи—Нибелунги, Гудруна.

Слѣдствіе односторонняго и исключительнаго религіозно-аскетическаго направленія старинной русской словесности—ея скудость, неэстетичность. Такъ называемое, „разрушеніе эстетики“ нашего времени есть явленіе совершенно ничтожное въ сравненіи

¹⁾ Слѣды личныхъ божествъ у русскихъ славянъ, см. въ Словѣ о П. И.

съ тѣмъ, которое совершалось отъ принятія христіанства въ теченіе восьми вѣковъ. Поразительно отсутствіе за все это время стихотворной формы, если не считать виршей Симеона Полоцкаго XVII в. и т. п. Отсутствіе прекрасной формы указываетъ на то, что красота жизни или вовсе нечувствовалась, или навязывалась мысли невольно, безсознательно и враждебно, какъ бѣсовское навѣяніе („И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: возьмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ать ны Исай спляшетъ“ Лавр.²) 187).

„Въ Германіи блистательное развитіе духовной пѣсни пошло отъ такъ называемыхъ Кирелейсовъ, почему и самая пѣснь называется *leise* (Буслаевъ Оч. II 75); у насъ, хотя въ XII—XIII в. народъ или дружина пѣли „Киріе Элейсон“ (ib 76), однако никакого развитія не послѣдовало.

„Только при развитіи свѣтской литературы, въ которой выражаются нравственныя и умственныя потребности не одного... круга писателей духовныхъ, но цѣлаго народа, возможно повсемѣстное *распространеніе.... идей христіанства....* Свѣтская литература и вообще искусство, вначалѣ враждебныя религіи, становятся наконецъ ея служителями“ (Но для этого нужно, чтобы они небыли уничтожены; гдѣ они уничтожены, тамъ они и не служили). „Высоко-религіозныя поэмы и мистеріи древней и средневѣковой литературы на западѣ возможны были только потому, что христіанская идея привилась къ литературѣ чисто народной. Высочайшія произведенія архитектуры и живописи на западѣ въ XIII—XV в., свидѣтельствуя о сочувствіи народа къ идеямъ христіанскимъ, вмѣстѣ служатъ выраженіемъ художественнаго настроенія, которое чуждо было у насъ и младенчествовавшему народу, съ одной стороны, и строгому пуризму грамотныхъ людей, съ другой“ (Оч. II 71).

„Отсутствію художественной литературной дѣятельности соотвѣтствуетъ въ древней Руси недостатокъ дѣятельности артистической вообще“ (ib 71). Строители храмовъ были византійцы,

нѣмцы, итальянцы. Свѣтская живопись отсутствовала. Объ эстетическомъ достоинствѣ иконописанія нечего и упоминать. „Копированіе съ чужихъ рисунковъ до того господствовало между древнерусскими живописцами, что самое понятіе о сочиненіи, о художественномъ воспроизведеніи они выражали словами *переводъ*, и *переводитъ* значило для нихъ *сочинять*“ (Оч. II, 72).

Естественная смерть, то есть перерожденіе народной поэзіи—явленіе необычное, рѣдкое. Мы большею частью видимъ смерть насильственную. При измѣненныхъ условіяхъ въ новое время мы видимъ повтореніе перерыва въ преданіи. Съ новой народной поэзіей (въ Мр. съ XVI—XVII в.) повторяется тоже, что было съ древней. Наблюдатели единогласно говорятъ о вытѣсненіи въ неграмотномъ народѣ стараго хорошаго новымъ дурнымъ, о замѣнѣ высшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ формъ низшими.

Въ высшемъ словѣ тоже нельзя говорить о перерожденіи народной поэзіи въ высшія формы. Разница съ древней Русью та, что въ XIX в. сдѣланы нѣкоторые коллекціи. Сравненіе съ ботаническими или зоологическими коллекціями показываетъ, что собранія произведеній народной поэзіи уступаютъ естественно-историческимъ въ систематичности. Сохраненъ большею частью только изуродованный трупъ пѣсни: искусство и знаніе непридало ему даже вида жизни. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о литературѣ на народныхъ основахъ. Отъ народа взято очень мало. Для народа сдѣлано мало.

Къ случаямъ въ народной жизни, сходнымъ съ насильственной смертью въ индивидуальной, могутъ очень легко относиться, съ такъ называемой *объективностью*, которая въ сущности не есть *болѣе широкое знаніе*, а лишь *болѣе полное равнодушіе*. Пыпинъ (Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ, В. Евр. 1886 февр. 729): „всякія подобныя историческія связи, вліяніе одного національнаго элемента на другой, преобладаніе одного и подчиненность другого, составляютъ всегда явленіе двухстороннее: одинъ элементъ беретъ верхъ, потому что уступаетъ другой, и если результатъ оказывается тяжелымъ и

бѣдственнымъ для элемента подчиняемаго, то вина такого результата падаетъ также и на этотъ послѣдній, на его собственную слабость, недостаточное развитіе его силъ, и ссыли на „коварство,“ „насиліе“ и пр. почти всегда свидѣтельствуютъ о нежеланіи понять историческій фактъ съ общихъ его сторонъ.“ Черепица провалила черепъ, который самъ виноватъ, потому что мягче черепицы. Прошедшее невозвратно; но сердечное отношеніе къ нему дастъ урокъ для будущаго: „не убій.“

Поэзія устная и письменная.

Народная поэзія. Исходя отъ ближайшихъ къ намъ явленій, мы подъ народной поэзіей разумѣемъ прежде всего поэзію низшихъ слоевъ современнаго общества, слоевъ почти незнающихъ письменности, школы, науки. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія, какъ заключающая въ себѣ меньшую долю сознательности, безыскусственна. Она несовсѣмъ правильно противопоставляется не поэзіи только высшихъ, письменныхъ, ученыхъ слоевъ, но всей словесной продуктивности этихъ слоевъ, т. е. какъ поэзіи, такъ и прозѣ. *Народная поэзія* и *литература* служатъ представителями двухъ различныхъ состояній человѣческой мысли, которыя относятся другъ къ другу, какъ степени, предшествующая и послѣдующая.

Было время, когда литературы небыло. Тогда, какъ обыкновенно говорится, народная поэзія господствовала (точнѣе: тогда она была наиболѣе виднымъ продуктомъ человѣческой мысли) исключительно. Дѣленія слоевъ на высшіе болѣе культурные и низшіе небыло.

Поэтому подъ народной поэзіей мы разумѣемъ поэзію всего народа до его раздѣленія на классы, замѣтно различные по степени культуры. Такъ какъ переходъ отъ такого состоянія цѣльности народа къ его культурной раздробленности, по общему закону природы и человѣческой жизни, можетъ произойти лишь исподволь, то мы должны напередъ быть готовы къ тому, что

охарактеризовать состоянія мысли, соотвѣтствующія народной поэзіи и литературѣ, можно будетъ лишь приблизительно. Въ извѣстныхъ произведеніяхъ народной, т. е. устной и безличной поэзіи мы должны быть готовы встрѣтить подготовку литературныхъ явленій; наоборотъ, первоначальные продукты литературы должны во многомъ напомнить настроеніе мысли, свойственное народной поэзіи. Рѣзкимъ признакомъ остается только то, что заключается въ самомъ словѣ „литература“, именно, то что литературное произведеніе при самомъ возникновеніи своемъ предполагаетъ письменность.

Положеніе: „поэтическій образъ неподвиженъ относительно къ измѣнчивости содержанія“ выдерживаетъ всяческую повѣрку. Само собою, относительная неподвижность есть относительная измѣнчивость. Въ способѣ измѣненія образа состоитъ разница между устною и письменною поэзіей.

Давно замѣчено, что въ Европѣ паденіе народной поэзіи, то есть искаженіе и забвеніе ея прежнихъ произведеній и отсутствіе новыхъ, идетъ отъ запада къ востоку. Не всѣ роды народной поэзіи вымираютъ равномерно. Вѣроятно, нѣтъ въ Европѣ народа, въ коемъ несохранилось бы, съ одной стороны, остатковъ или болѣе позднихъ продуктовъ лирической народной пѣсни, преимущественно женской, съ содержаніемъ болѣе-менѣе подчиненнымъ музыкѣ, съ другой—остатковъ мифическаго эпоса въ видѣ сказки, повѣрья, предразсудка. Между тѣмъ эпосъ, еще въ средніе вѣка жившій въ Германіи и Франціи, нынѣ сохраняется лишь у Финновъ, мифическія пѣсни коихъ собраны и соединены въ нѣкоторую цѣлость финскимъ ученымъ Лённротомъ уже въ 30-хъ годахъ нашего вѣка, и у восточныхъ Славянъ. Въ приднѣпровьѣ дума, вѣроятно весьма поздняя форма историческаго и нравоучительнаго эпоса, очевидно вымираетъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи народъ еще пробавляется остатками стариннаго полунсторическаго эпоса, неприбавляя къ нему ничего существеннаго. На Балканскомъ полуостровѣ болгары лучшимъ, что у нихъ сохранилось въ эпическомъ

родѣ, обязаны сосѣдству съ сербами, которые сами здѣсь непред-
ставляютъ единства. Лишь въ Босніи, Герцоговинѣ, Черногоріи и
гористыхъ частяхъ княжества Сербіи живетъ еще полною жизнью
мужеская эпическая пѣсня, рецитируемая подъ звуки однострунной
скрипки (*чусле*—на нихъ играютъ смычкомъ, *чудало*). Здѣсь до
послѣдняго времени въ рѣдкомъ домѣ небыло этого инструмента.
Почти всѣ мужчины и многія женщины умѣли владѣть имъ.
Между тѣмъ въ Сремѣ, Бачкѣ, Банатѣ гусли стали исключительно
слѣпецкимъ инструментомъ, юнацкія пѣсни поются подъ нихъ
только слѣпцами, да и тѣ предпочитаютъ просить подъ гусли
милостыню. Гдѣ общенародны гусли, тамъ и способность воспро-
изведенія „юнацкихъ пѣсень“ и созданія ихъ велика. Караджичъ
знавалъ такихъ, которые помнили до сотни пѣсень, въ нѣсколько
сотъ стиховъ каждая. Важныя въ историческомъ смыслѣ событія
до послѣдняго времени порождали новыя пѣсни, неотличающіяся
отъ старыхъ по стилю и красотѣ. Весьма вѣроятно, что нѣкото-
рыя изъ этихъ пѣсень, записанныя Вукомъ, сочинены тѣми, отъ
коихъ были записаны.

Въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ въ наибольшей чистотѣ
условія жизни, существовавшія нѣкогда вездѣ, гдѣ процвѣтало
народное творчество. Эти условія приблизительно таковы:

Масса народа—нерасчленена ¹⁾ вліяніемъ письменности,
школы и науки, условливающихъ возможность сосредоточеннаго,

¹⁾ Въ гомерическое время масса народа въ общественномъ отношеніи была уже
расчленена. Кромѣ царей, ведущихъ свой родъ отъ боговъ (*διοτρεφεῖς, διογενεῖς βασιλῆες*),
старшинъ народныхъ (*γέροντες*), были еще знатные (*ἀριδῆτες*). Этому противооплагали
ῥήμοιο ἀνὴρ—простой человѣкъ, *κῆρός*—подлый. Таковъ былъ Θερσίτης (Ил. II, 212 сл.),
на изображеніе котораго пѣвецъ не пожалѣлъ черныхъ красокъ, хотя то, что онъ го-
воритъ противъ Агамемнона, такъ справедливо, что многоумный Одиссей не находитъ
другихъ возраженій, кромѣ брани и палки. Менелай спрашиваетъ у Писистрата и
Телемаха: „Какіе вы люди? Въ васъ неувяла, и вижу, порода родителей вашихъ; Оба,
конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ, скиптродержавныхъ; подобны
вамъ не отъ низкихъ родятся“ (Од. IV, 61 сл.). Навсикая—Одиссею: „Странникъ, ко-
нечно, твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ. Дій же и низкимъ, и рода высокаго
людямъ съ Олимпа счастье даетъ безъ разбора“ (ib. VI, 187—8). Въ старѣйшихъ и
лучшихъ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ есть указаніе на существованіе и даже анта-
гонизмъ аристократіи и простого народа. На пр. царь (князь) Стефанъ Лазарю:

неравноѣрнаго и односторонняго развитія личностей. Затѣмъ— свобода, т. е. не столько полное отсутствіе угнетенія, сколько гнеть, неусовершенствованный средствами цивилизаціи, грубый, дѣйствующій больше издали, неразлагающій семейной и общественной жизни, при томъ равноѣрный, возбуждающій энергію сопротивленія; равноѣрное распредѣленіе достатка, всеобщая бѣдность (сравнительно со странами болѣе цивилизованными), непродуцирующая однако вырожденія породы; равноѣрное по качеству и количеству распредѣленіе труда и талантовъ. Когда, при болѣе сложныхъ состояніяхъ общества, письменность даетъ перевѣсъ грамотнымъ классамъ надъ безграмотными; богатство, умственный трудъ, созерцательность, а нерѣдко и бездѣльная жизнь сосредоточивается въ однихъ слояхъ, а механическій трудъ въ другихъ, низшихъ: то все болѣе наклонное къ умственному труду, болѣе талантливое и энергическое частью выходитъ изъ низшихъ слоевъ и ослабляетъ ихъ своимъ выходомъ, частью насильственно подавляется и лишается энергіи; происходитъ различіе между *urbani* и *rusticum*, *pagani*, между большимъ городомъ и провинціей, деревней, между цивилизованными классами и грубою чернью, несовмѣстимое со всенароднымъ поэтическимъ творчествомъ. Гдѣ есть это творчество, тамъ нѣтъ образованныхъ и богатыхъ, высоко стоящихъ надъ массой, но нѣтъ и черни; развитіе каждой особи разностороннѣе, гармоничнѣе, а такъ какъ болѣе нарушеніе равновѣсія вызываетъ больше движенія, то и состояніе народа

„Ој Бога ми, вјеран слуго Лазо!
Ја немогу тебе оженити
СвиЂарицомъ ни говедарицомъ;
За те тражимъ госпођу Ћевојку...
Ја самъ за те нашао Ћевојку...
У онога стара Југ-Богдана...
Но се Југу поменут несмије,
Није ласно њему поменути,
Јер је Богдан рода господскога,
Неће дати за слугу Ћевојку“ (Кар. II, 181—2).

Такъ и въ мр. колядакъ идеалы—знатные, богатые, полководцы, судьи, обладатели обширныхъ полей, стада, „царі та пани та отецькі снани“.

тамъ устойчивѣе, движеніе его въ смыслъ прогресса или регресса медленнѣе и равномѣрнѣе.

Лишь продолжительное преемственное пользованіе письменностью и ея усовершенствованіями даетъ личной мысли замѣтную степень самоувѣренности, свойственное нашему времени отношеніе къ прошедшему. Быть можетъ, никогда человѣкъ не сознавалъ такъ ясно, какъ теперь, своей зависимости отъ прошедшаго и не считалъ столь важнымъ его изученіе. Но это есть не вѣра въ авторитетъ, какъ образецъ для подражанія, сознательное или безсознательное признаніе его важности, какъ исходной точки для дальнѣйшаго движенія мысли. Исторія есть *vitae magistra* не потому, что прямо учить, какъ быть въ данномъ случаѣ (такого случая въ ней небыло), а потому, что избавляетъ отъ напрасной траты силъ, указывая на пройденные пути, по которымъ ходить уже нельзя. Всеобщее господство извѣстнаго мнѣнія является доказательствомъ не его безусловной истины, а того, что оно уже созрѣло и готово измѣниться подъ напоромъ личной мысли, на немъ основанной. Безусловность и необходимость истины, напр. „всѣ люди смертны“, есть лишь способность мышленія изъ ряда произвольно взятыхъ мыслей извлекать общіе признаки.

Наоборотъ, чѣмъ ближе къ полному отсутствію письменности и науки, сложившейся раздѣльными личными усиліями, тѣмъ робче личная мысль жметъ къ авторитету и тѣмъ больше—наклонность жить по *пошлннѣ* (какъ повелось, по-хорошему, въ отличіе отъ болѣе поздняго смысла слова *пошлнй*). „Что говорятъ всѣ, то истинно, что всѣ дѣлаютъ, то правильно“, при чемъ самое понятіе „всѣ“ сводится на околотки и т. д. Что только лично, то ложно и грѣшно, ибо *vox populi-vox Dei*. Лучшимъ хранителемъ преданія, настраивающимъ на свой ладъ и все общество, является старчество, само по себѣ наклонное видѣть зло впереди и счастье въ прошедшей юности (пессимизмъ и ретроспективность мысли). Поэтому, чѣмъ дальше назадъ отъ науки, тѣмъ болѣе замѣчается наклонность къ вѣрѣ въ золотой вѣкъ назади и въ возможность возрожденія міра лишь чудомъ.

При господствѣ этихъ условій и поэзія, хотя и перерабатываетъ новыя впечатлѣнія, но „обращена назадъ, къ прошедшему“ (Буслаевъ, Оч. I, 596). Личное произведеніе при самомъ своемъ появленіи столь подчинено преданію относительно размѣра, напѣва, способовъ выраженія, начиная отъ постоянныхъ эпитетовъ, до сложныхъ описаній¹⁾, что можетъ быть названо безличнымъ. Самъ поэтъ не находитъ основаній смотрѣть на свое произведеніе, какъ на свое, на произведенія другихъ того же круга, какъ на чужія. Разница между созданіемъ и воспроизведеніемъ, между самодѣятельностью и страдательностью почти сводится на нѣтъ. Слушающій замѣчаетъ и запоминаетъ только то, что создано въ общемъ стилѣ, къ усвоенію чего онъ приготовленъ; но этотъ стиль есть общій и въ томъ смыслѣ, что онъ неисчерпывается мыслью отдѣльнаго лица. Услышанное другимъ при повтореніи почти неизбѣжно измѣняется не только по формѣ, но и по содержанію, ибо и самъ первый пѣвецъ, при жизненности народной поэзіи, не можетъ повторить пѣсни именно такъ, какъ спѣлъ первый разъ. Такимъ образомъ *тыся* на протяженіи своей жизни *является не однимъ произведеніемъ, а рядомъ варіантовъ*, коего концы могутъ быть до неузнаваемости далеки другъ отъ друга, а промежуточные ступени незамѣтно между собою сливаются. Измѣненія образа и выраженія относятся другъ къ другу не какъ варіанты рукописи (лучшіе—болѣе близкіе къ подлиннику и худшіе—его искаженія; этого рода разница появляется лишь когда отлетѣла жизнь народной пѣсни), а лишь какъ одновременные и разновременные, а послѣдніе—какъ предшествующіе и послѣдующіе. Народная поэзія, какъ языкъ, по выраженію В. Гумбольдта, не произведеніе

¹⁾ Ср. постоянность размѣра и слога въ др.-греч., серб., ст.-нѣмецк., ст.-франц. эпосѣ („Ueber das volksthümliche epos der Franzosen“ Z. f. Völkerps. IV, 150—60). По поводу постоянныхъ эпитетовъ и эпическихъ повтореній можно развѣ съ особымъ ограниченіемъ говорить о „свѣжести впечатлѣнія произведеннаго предметомъ на пѣвца“ (Бусл. Оч. I, 73). Въ названіи всякаго берега *крутымъ*, всякой дѣвицы *красною*; въ повтореніяхъ въ родѣ гомерическихъ: „Встала молодая съ перстами пурпурными Эось“, „Въ край нашъ (это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты“—столько же свѣжести личнаго впечатлѣнія, сколько въ сохраненіи представленія въ отдѣльномъ словѣ.

(ἔργον), а дѣятельность (ἐνέργεια), не *пѣсня*, а — *nomen actionis, нѣня* (Steinthal „Epos.“, Z. f. Völkerps. V, 7). Отсюда видно нерѣдко неизбежное и непоправимое зло того способа закрѣпленія народно-поэтическихъ произведеній письменностью и изданія въ свѣтъ, при коемъ намъ дается лишь нѣсколько точекъ движенія, недостаточныхъ для опредѣленія промежуточнаго пути. Для исторіи и теоріи народной поэзіи необходимо возможно большее число варіантовъ, выхваченныхъ изъ теченія въ возможной конкретности и точности. Критика народной поэзіи неможетъ обойтись безъ указанія лучшихъ изъ варіантовъ. (Моя ст. о сб. Головацкаго).

Языкъ, вѣроятно, навсегда останется первообразомъ и подобіемъ такого гуртового характера народно-поэтического творчества.

Это положеніе лишь ограничивается, но не отрицается другимъ, что письменна, особенно звуковыя, наиболѣе совершенныя и свойственныя наиболѣе совершеннымъ языкамъ, превращая мимолетное объективированіе мысли въ словѣ въ болѣе постоянное, содѣйствуютъ обособленію личности и усиленію ея вліянія на языкъ. Письмена эти частью съ самаго начала, частью по мѣрѣ усовершенствованія въ ихъ употребленіи принуждаютъ пишущаго разлагать рѣчь на періоды, предложенія, слова, звуки, т. е. ведутъ его къ раздѣльному пониманію рѣчи. Разъ понятое въ томъ же видѣ сознательно передается ученику. Сознательный консерватизмъ въ письменномъ употребленіи рѣчи образуетъ привычку, проявляющуюся и въ разговорѣ и отчасти противодѣйствующую стремленію говорящаго къ сбереженію мышечной силы посредствомъ уподобленій, стяженій, сокращеній, опущеній. Въ силу этого, при другихъ причинахъ, расчленяющихъ общество, возникаетъ различіе между письменнымъ и устнымъ языкомъ гораздо большее, чѣмъ то, которое до письменности было между относительно архаичною рѣчью мѣрной пѣсни, пословицы, заговора и немѣрнымъ просторѣемъ. Къ различіямъ грамматическимъ присоединяются лексическія и синтактическія. Пишущій, имѣя передъ глазами написанное и говоря для читателя, можетъ болѣе говорящаго заботиться о выборѣ словъ, устраниеніи повтореній, обобщеніи частныхъ для

усиленія дѣйствія рѣчи¹⁾. Такъ въ письменномъ человѣкѣ—два теченія языка, хотя въ лучшихъ случаяхъ и нелишенные взаимодѣйствія, но раздѣльныя. Это раздвоеніе ведетъ къ наблюденію, сравненію, обобщенію явленій языка, лишь по степени отличное отъ строгаго языкознанія, съ особою силою возникавшаго каждый разъ тамъ, гдѣ представлялась необходимость и удобство для сравненія разныхъ наслоеній языка или разныхъ языковъ, какъ въ древней Индіи (толкованіе Ведъ), Александріи, Римѣ, въ Европѣ времени возрожденія и въ XIX вѣкѣ. Вліяніе письменности сходно съ вліяніемъ знакомства съ иностранными языками: сознаніе разницы между способами выраженія и выраженіемъ ведетъ къ наблюденію, что элементы мысли могутъ быть между собою несогласны и мысли въ цѣломъ—ложны.

Знаніе независимо отъ своей степени ведетъ къ умышленному вліянію на познаваемое. Отсюда мы не безъ основанія относимъ къ извѣстнымъ лицамъ, какъ извѣстные общіе характеры литературныхъ языковъ, впрочемъ заключая обыкновенно а ротіогі (языкъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина), такъ и извѣстныя слова и обороты. И тѣмъ не менѣе въ цѣломъ мы по отношенію къ языку остаемся на степени безличнаго творчества.

При всѣхъ условіяхъ литературнаго языка мы чувствуемъ безсиліе отдѣльной личности по отношенію къ звуковымъ измѣненіямъ, забвенію и созданію грамматическихъ категорій (а творчество языка и въ этомъ послѣднемъ отношеніи продолжается непрерывно и во всѣхъ слояхъ народа). Но и по отношенію къ болѣе зависимымъ отъ личности сторонамъ языка, напр. къ вы-

¹⁾ Въ изустной повѣсти въ связи съ относительною простотою мысли стоитъ обыкновенно медленность ея теченія и слабость обобщенія. Вниманіе столь же долго останавливается на важномъ и несущественномъ съ позднѣйшей точки зрѣнія (Булс. Оч. I 63-5). Для облегченія памяти слушателя сказанное много разъ затѣмъ повторяется буквально. Напр. сказано, что посау дано такое-то порученіе, потомъ, когда говорится объ исполненіи, то самое порученіе повторяется дословно. (Tobler «Ueber das volksthüml. Epos der Franz. Z. f. Völkerps. IV, 160). Эта растянутасть долгое время остается и въ письменности. Поразительные образцы ея, а также отсутствіе соподчиненія понятій и замѣнъ частнаго общимъ—во многихъ вр. грамотахъ до XVIII в. Въ нашей литературѣ, въ силу отсутствія хорошей школы до сихъ поръ терпимо нестерпимое многословіе. Сжатость мр. пѣсни, повидимому,—продуктъ новаго времени.

бору, заимствованію словъ изъ старинныхъ, простонародныхъ, иностранныхъ, къ измѣненію значенія, къ лексическимъ новообразованіямъ, къ слогу, общество терпитъ произволь личности, лишь будучи само въ ненормальномъ состояніи, какъ бываетъ при началѣ литературъ или ихъ возрожденіи послѣ долгаго перерыва. Такъ мы ограничиваемся иронической улыбкой, видя, что писатель въ простотѣ души считаетъ полезнымъ и важнымъ сказать „глупъ“ вмѣсто „глупость“, или, если ему не даютъ покою сложныя нѣмецкія слова, и онъ обогащаетъ русскій языкъ „судоговореніемъ“, „законопроектomъ“, чашетрубочкой и чашелистикомъ“; но не дали бы ходу переводу понятному только при подстрочномъ сравненіи съ подлинникомъ, каковы многіе церковно-славянскіе переводы съ греческаго, бывшіе въ употребленіи (но въ какомъ!) цѣлѣмъ вѣка (ср. напр. одно изъ относящихся сюда свидѣтельствъ у Соловьева XIII², 185). Въ организованномъ обществѣ, съ серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ слагается и по отношенію къ письменному языку общественная совѣсть, чутье пользы, мѣры и красоты, равно связывающее писателя и читателя. Мысль должна развиваться, стало быть, и языкъ долженъ расти, но незамѣтно, какъ трава растетъ. Все, что останавливаетъ на самомъ словѣ, всякая не только неясность, но замѣтная необычность его, отвлекаетъ вниманіе отъ содержанія. Лишь прозрачность языка даетъ содержанію возможность дѣйствовать легко, сильно, художественно. Здѣсь же причина, почему кругъ дѣйствія литературнаго языка ограниченъ, почему извѣстный языкъ можетъ оказаться дурнымъ проводникомъ мысли въ массы, и при невозможности преобразования долженъ быть замѣненъ другимъ. Само собою, что такъ какъ этотъ другой является затѣмъ, чтобы устранить зло, связанное съ непонятностью перваго, то онъ будетъ безцѣленъ, если неприменитъ къ просторѣчію массы, а начнетъ съ такъ называемаго обогащенія ея языка.

И такъ и при господствѣ письменности нормальный ростъ языка есть незамѣтное измѣненіе, подобно измѣненію образовъ въ народной поэзіи. Противоположность безличнаго и личнаго

творчества сказывается въ характерѣ преемственности литературныхъ произведеній.

Закрѣпленіе такихъ произведеній письменностью сразу отодвигаетъ воспроизведеніе отъ новаго созданія, ибо даетъ возможность точнаго повторенія и тѣмъ предохраняетъ повторяемое отъ медленнаго перерожденія бессознательнымъ варьированіемъ.

Преемникъ воспитывается не только итогами мысли предковъ, извлекаемыми изъ общенія съ людьми (мыслями, какъ говорится, носящимися въ воздухѣ, никому въ частности непринадлежащими), но и произведеніями прежнихъ вѣковъ, слагаемыми этихъ итоговъ, взятыми порознь, произведеніями современниковъ и предшественниковъ въ ихъ особенности. Чѣмъ богаче прошедшее литературы и обширнѣе пользованіе имъ, тѣмъ, при равенствѣ прочаго, разнообразнѣе могутъ быть новыя произведенія.

Въ частности сказанное примѣнимо къ преемственности поэтическихъ образовъ. Въ народной поэзіи, несмотря на неизвѣстное множество промежуточныхъ формъ, мы большею частью не можемъ установить разницы между вариантами и новою пѣсней. И для слушателя личный авторитетъ пѣвца и авторитетъ носимаго имъ преданія большею частью нераздѣлимы. Между тѣмъ при господствѣ письменности устанавливается разница въ степени прочности и существенности произведеній мысли.

Все примыкающее къ данному произведенію, какъ варіантъ, имѣетъ лишь значеніе перехода къ другому дальнѣйшему и минуетъ незамѣтно, неоставляя *раздѣльных* слѣдовъ не только въ собирательной памяти общества, но и въ личной памяти автора. Произведенія, какъ отдѣльнаго автора, такъ и школы, связанной преемственностью, даже глазамъ историка, отыскивающаго связь явленій, представляются обособленными, явственно разграниченными ступенями генеалогической лѣстницы. Въ этомъ отношеніи поучительно наблюденіе различія личностей поэтовъ и ихъ произведеній при преемственности образовъ, напр. (чтобы остаться въ кругу явленій, указанныхъ выше) въ слѣдующемъ:

а) Пушкинъ, Оцѣг. гл. VII, строфа I („Гонимы вешними лучами и пр.—объективное изображеніе весны); стр. II—III—чувства, возбуждаемыя весною въ поэтѣ, между прочимъ:

„Или, нерадуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье прежнихъ лѣтъ...?”

Ср. Тютчева (изд. С. Пет. 1886 г., LI) „Весна“.—Въ изображеніе весны (строфы 2—4) вплетены, какъ отрицательныя черты, субъективные элементы.

„Не о быломъ вздыхаютъ розы...
И страхъ кончины неизбежной
Несвѣтъ съ древа ни листа. (строфа 4).

Примѣненіе образа у Тютчева (стр. 1 и 5) другое:

„И жизни божески-всемирной
Хотя на мигъ причастенъ будь“.

Стихи Пушкина ib. строфа II:

„Или мнѣ чуждо наслажденье
И все, что радуеть, живить,
Все, что ликуеть и блестить,
Наводятъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?”

Ср. со ст. Тютчева (ib. XLIII) „Какъ птичка раннею зарею“:

„Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

б) Пушкинъ „Аквилонъ“, 1824 г.:

„За чѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?...”

Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты възгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и *славой*—
И бурны тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай же солнца ясный ликъ...
Отнынѣ радостью блистаетъ...
И тихо зыблется тростникъ“.

(= паденіе Наполеона; ненужность реакціи во 2-й половинѣ царствования Александра I). Ср. Тютчевъ (XLIII) „Гроза прошла“:... Образъ поставленъ такъ, что даетъ возможность широкаго, заранѣе неопредѣлимаго примѣненія. Ближе всего — постоянная мысль автора „о равнодушіи природы“.

в) Пушкинъ „Подражаніе корану“: „И путникъ усталый на Бога ропталъ“—1824 г.=Лерм. „Три пальмы“ 1839 г.

г) Пушкинъ „Узникъ“ („Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой“) — 1824 г.=Лерм. „Плѣнный рыцарь“—1841 г.

д) Пушкинъ „Отрывки изъ путешествія Евгенія Овѣгина“:

„Иныя нужны мнѣ картины:
Передъ избушкой двѣ рябины...
Передъ гумномъ соломы кучи...
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака.

=Лермонтовъ „Родина“, стихи—15 и слѣд. и по размѣру явственно отличныя отъ стиховъ 1—14 того же стихотворенія. (Относительно мотива „любовь къ отчизнѣ наперекоръ разсудку“—ср. признанія Бѣлинскаго и стих. Тютчева „Умомъ Россію не понять“).

е) Пушкинъ „Пророкъ“ (1826 г.)=„Пророкъ“ Лермонтова (1841 г.).

ж) Пушкинъ „Цвѣтокъ“ (1828 года) („Цвѣтокъ засохшій, безуханный“...) =Лермонтовъ „Вѣтка Палестины“ (1836 г.).

Пессимизмъ и ретроспективность мысли.

Характерная черта тѣхъ слоевъ народа, для которыхъ наибольшее практическое значеніе имѣетъ повѣрье, обычай и вообще народная поэзія, состоитъ въ глубокомъ и радикальномъ пессимизмѣ. Этимъ неисключается свѣтлый, радостный тонъ отдѣльных произведеній и цѣлыхъ разрядовъ произведеній. Молодость, здорье берутъ вездѣ свое. Но свойственное человѣку стремленіе къ лучшему находится въ непримиримомъ противорѣчій съ этимъ пессимизмомъ. Примиреніе общее, теоретическое здѣсь и невозможно, а возможны лишь частныя сдѣлки съ вѣрованіемъ, т. е. человѣкъ этого образа мыслей можетъ думать: „я надѣюсь устроиться лучше прежняго, несмотря на то, что свѣтъ идетъ къ худшему“.

Первобытный радикальный пессимизмъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ пессимизмомъ нѣкоторыхъ ученій нашего времени. Нынѣ существуетъ, какъ частное явленіе, вѣра въ вырожденіе всѣхъ классовъ общества, въ увеличеніе страданій низшихъ слоевъ человѣчества, во всеобщее гніеніе цивилизацій вслѣдствіе ненормальности устройства общества. Однако это современное вѣрованіе сопряжено съ другимъ: что упомянутая ненормальность есть лишь ошибка человѣчества, и что человѣчеству предстоитъ возможность, даже необходимость, сдѣлавъ надъ собой гигантское усиліе, разомъ стряхнуть съ себя тысячелѣтнія заблужденія и водворить на землѣ царство правды и добра. Это направленіе мысли вѣрится въ золотой вѣкъ на землѣ въ будущемъ, а прошедшее представляетъ въ мрачныхъ краскахъ.

Какъ на иллюстрацію того, что такое современный пессимизмъ и какъ онъ въ концѣ концовъ есть оптимизмъ, вѣра въ силу человѣческаго духа, въ себя, въ свой кружокъ, въ свой народъ, въ человѣчество ¹⁾, я укажу на характерныя признанія

¹⁾ Напрасно, слишкомъ узко понимая вѣру, видятъ ея оскуднѣніе въ современномъ обществѣ. Вѣра—одна изъ непремѣнныхъ сторонъ человѣческой жизни. Она неизсякаетъ, но принимаетъ такія направленія, что скрывается изъ глазъ тѣхъ, которые ждуть ее встрѣтить въ заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ.

человѣка 40-хъ годовъ—Бѣлинскаго, признанія непредназначавшіяся для печати, совершенно искреннія и неутратившія своего интереса и для насъ.

Бѣлинскій перешелъ отъ апіорнаго, все оправдывающего взгляда на жизнь къ апостеріорному осужденію ея явленій. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ своего развитія онъ пишетъ:

„Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, кровнѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что это— съ ея *субстанціальной* стороны; но ея *опредѣленіе* (т. е. акциденція), ея дѣйствительность настоящая начинаетъ приводить меня въ отчаяніе: грязно, мерзко, возмутительно, нечеловѣчески“ (Бѣлинскій, ст. Пыпина, Вѣст. Евр. 1874 г. Декабрь, 498)... „Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе. Это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все *субстанціальное* въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе грустно, грязно, подло“ (ib. 593).

Но признаніе величія субстанціальной стороны русскаго народа наперекоръ свидѣтельству того, что Бѣлинскій называетъ опредѣленіемъ, и дѣйствительности, т. е. наблюденія и опыта, равносильно признанію *stedo quia absurdum*. То отечество, которое, какъ ему казалось, любилъ Бѣлинскій, было субстанція; но субстанція неподлежитъ наблюденію: поэтому Б., указывая на то, что для него и его кружка русское общество неслужитъ почвою, какъ на одну изъ причинъ своей скорби, прямо называетъ свое отечество призракомъ:

„Человѣкъ—великое слово, великое дѣло, но тогда, когда французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе ли мы? Нѣтъ! Общество смотритъ на насъ, какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ, а мы на общество смотримъ, какъ на.... (пропущено непечатное выраженіе). Общества европейскія въ большей или меньшей степени имѣютъ свои общественные интересы, въ которыхъ всѣ члены ихъ могутъ чувствовать свое родство, свое нравственное, разумное единство“, чего не находилъ Бѣлинскій въ своемъ обществѣ. „Мы люди безъ отечества, нѣтъ, хуже, чѣмъ

безъ отечества, мы—*люди*, которыхъ *отечество призракъ*, и диво-ли что, сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность *приракъ*“ (1841 г. *ib.* В. Е. 1875 г., февр., 614). „Это—содержаніе безъ формы, слѣдовательно, не дѣйствительность, а призрачность“ (*ib.* 615).

Объективно эти мнѣнія совершенно невѣрны: связь Бѣлинскаго и его кружка съ обществомъ была дѣйствительна, дѣятельность ихъ небыла призрачна, по его собственному признанію; но слова Бѣлинскаго совершенно истинны, какъ характеристика его настроенія, противорѣчія между сознанною мыслью и чувствомъ, вытекающимъ изъ глубины безсознательности.

„Я невѣрю моимъ убѣжденіямъ и неспособенъ измѣнить имъ. Я смѣшнѣе Донкихота; тотъ по крайней мѣрѣ отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не съ мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, и все таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и грустна и все таки *люблю ее на зло здравому смыслу и очевидности*“ (*ib.* 622). Разница съ Донкихотомъ несомнѣнна: Донкихоть былъ человѣкъ непосредственный, чуждый рефлекса, при томъ визионеръ. Бѣлинскій—человѣкъ рефлексіи, самонаблюденія и самоосужденія, но виѣсть и человѣкъ способный къ трезвымъ наблюденіямъ внѣшнихъ явленій; но онъ взводитъ на себя напраслину, говоря о себѣ, что не рыцарь: онъ настоящій герой своего времени, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Печоринъ, съ которымъ у нихъ, какъ увидимъ, есть сходство. Весьма замѣчательно, какъ Бѣлинскій отъ осужденія себя и другихъ переходитъ къ своей *вогь*:

„Учоные профессоры наши—педанты, гниль общества; полу-грамотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, а потомъ вдругъ... отступаетъ... Я самъ, я самъ—фактъ русской жизни, но что же это за уродливый фактъ! Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые ихъ знаютъ наизусть, а незнаю по-нѣмецки... Такъ неволить ли мнѣ себя? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на 10

лѣтъ... и я можетъ быть въ три года возвратилъ бы (т. е. вознаградилъ бы) свою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ инныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелочнаго самолюбія, которое силится оправдать свою лѣньность... и ничтожность натуры“ (ib. 603). И такъ Бѣлинскій, какъ герой нашего времени“, чувствовалъ въ себѣ силы необъятныя“, и не только въ себѣ и въ субстанціи народа, но и въ болѣе реальномъ явленіи общества“:

„Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣ насъ; но нигдѣ не встрѣчалъ я людей съ такою ненасытною жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы (т. е. кружокъ). Вотъ отчего *все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется*“ (ib. 615). Чего же больше?

„Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя“ (Лерм. „Герой нашего времени“).

Замѣчательное совпаденіе съ грустною любовью къ Россіи и вѣрою въ идеалъ Бѣлинскаго представляетъ написанное позже нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ его писемъ стихотвореніе Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью“. „Я люблю за что, незнаю самъ—Ея степей холодное молчанье, Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье, Разливы рѣкъ ея, подобныя морямъ.... Съ отрадой, многимъ незнакомой, я вижу полное гумно, Избу покрытую соломой, съ рѣзными ставнями окно“.... (1841 г.). Сюда же относится и стихотвореніе Тютчева; имѣющее впрочемъ нѣсколько славянофильскій оттѣнокъ:

„Умомъ Россію непонять,
Аршиномъ общимъ неизмѣрить!
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить“.

И такъ изъ приведеннаго мы видимъ, что вѣра въ общество и въ свои личныя силы, какъ источникъ его жизни, какъ рычагъ его движенія, охватываетъ современнаго человѣка со стихійною силою, наперекоръ тому, что онъ называетъ требованіемъ разсудка, но согласно съ его истинными потребностями. Ибо, „если вѣра въ Бога есть сила армій, если глубокая сосредоточенность чувства заставляеть человѣка на все рѣшаться, все выполнять; если на войнѣ сильные люди становятся еще сильнѣе отъ поддержки сильныхъ вѣрованій“ (Беджотъ „Естествозн. и Полит.“, 117—8); то тоже слѣдуетъ сказать и о рыцаряхъ другого рода, безкровно воюющихъ мыслью и словомъ и дѣломъ за идею. И имъ для борьбы и побѣды необходима вѣра въ себя и въ общество.

Эта вѣра есть непремѣнное условіе здороваго нравственнаго состоянія современнаго цивилизованнаго человѣка. Безъ нея современному человѣку предстоитъ или мрачное корпѣніе или самоубійство, какъ тому изъ героевъ Достоевскаго, который путемъ вылазокъ дошелъ до отчаянія въ будущности русскаго народа и застрѣлился.

Господствующій типъ среди наиболѣе развитыхъ классовъ современнаго общества—люди сознательной, самоувѣренной мысли, люди живущіе, глядя впередъ на носящійся передъ ними (болѣе менѣе смутный) образъ лучшаго будущаго, люди, которыхъ жажды на настоящее основаны не на томъ, что когда-либо было лучше, а на томъ, что по ихъ мнѣнію теченіе, уносящее ихъ отъ прошедшаго, слишкомъ медленно. Между тѣмъ именно при этомъ настроеніи движеніе исторіи совершается быстрѣе, чѣмъ когда-либо.

Не то представляютъ намъ тѣ изъ низшихъ слоевъ современнаго народа, которые живутъ еще преданіемъ, и не то предполагаемъ мы въ древности, въ такъ называемый эпическій или народно-поэтическій періодъ. Характерная черта этихъ слоевъ и этого періода состоитъ въ радикальномъ непримѣнномъ пессимизмѣ.

Гриммъ указываетъ на связь съ германскими преданіями греческихъ сказаній о смѣнѣ вѣковъ. Гезіодъ говоритъ о пяти поколѣніяхъ: 1-омъ, золотомъ — блаженныхъ демоновъ, 2-мъ, серебряномъ — болѣе слабыхъ, но божественныхъ существъ, 3-мъ, мѣдномъ — поколѣніи воиновъ, рожденныхъ отъ ясени (*μελία* — ясень, древо конья), 4-мъ, героевъ, 5-мъ, желѣзномъ — нынѣшнихъ людей. Платонъ знаетъ только три преемственныхъ поколѣнія: демоновъ, героевъ и людей. (Gr. Myth. 541).

Аэанасевъ полагаетъ, что золотой вѣкъ есть свѣтлая и счастливая пора весны и лѣта, а вѣкъ желѣзный — холодная ледяная зима, которая должна уступить мѣсто возрожденному и просвѣтленному міру, т. е. новому лѣту. „Впослѣдствіи, когда позабыть былъ первоначальный смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій, человѣкъ, не находя въ своемъ дѣйствительномъ быту ни полного счастья, ни твердой, неизблемой справедливости, отодвинулъ преданіе о золотомъ вѣкѣ въ незапамятное прошедшее и въ далекое будущее“ (Ае. П. В. II, 446).

Неотвергая того, что въ основѣ этого рода сказаній лежитъ смѣна временъ года, я думаю однако, что какъ вообще, такъ и здѣсь, такое основаніе мифа есть лишь заключенное въ немъ представленіе, неисчерпывающее и необъясняющее его значеній.

Такимъ же образомъ и историческія воспоминанія, напр., память о смѣнѣ каменнаго и бронзоваго вѣка желѣзнымъ, или о дѣйствительно совершившихся общественныхъ измѣненіяхъ въ родѣ водворенія гдѣ-либо крѣпостного права, хотя и должны приниматься въ соображеніе, но не могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ всеобщаго пессимистическаго взгляда на жизнь природы и человѣка, болѣе сильнаго и живучаго, чѣмъ вѣра въ возрожденіе міра въ то время, когда зло достигнетъ наибольшей силы. (Серб. „спрашиваютъ у волка: „когда наибольшій холодъ?“ — Когда рождается солнце“).

Эта вѣра, которую можно обозначить именемъ вѣры въ наступленіе царства Божія, является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. При томъ же она заключаетъ въ себѣ мысль не о

совершенствованіи существующаго міра (онъ напротивъ клонится къ паденію), а о смѣнѣ его новымъ, подобно тому какъ христіанское вѣрованіе видитъ впереди безконечное царство Божіе (впрочемъ для немногихъ избранныхъ) не на этой землѣ.

Въ русской народной поэзіи мысль о торжествѣ правды надъ кривдой отнесена въ область сказки, между тѣмъ какъ противоположная мысль о томъ, что „кривда правду переспорила“ многократно повторяется въ пословицахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, т. е. въ произведеніяхъ, стремящихся къ болѣе правдивому изображенію жизни, чѣмъ сказка.

Группируя свидѣтельства такихъ произведеній русской поэзіи, мы видимъ:

а) Было такое время, когда звѣри и птицы говорили человѣческимъ языкомъ. Въ связи съ этимъ—преданія о происхожденіи различныхъ животныхъ, между прочимъ, собаки, медвѣдя, а также растений (братъ и сестра) изъ людей.

б) Хлѣба было больше.

в) Люди были больше ростомъ, сильнѣе, долговѣчнѣе.

г) Между ними царствовали правда и счастье.

Въ связи съ такимъ взглядомъ находится общій печальный колоритъ по крайней мѣрѣ русской лирической поэзіи. Между прочимъ, почти всѣ звуки внѣшней природы (вѣтра, звѣрей, птицъ, кромѣ развѣ соловья) въ народной русской поэзіи представляются печальными и „вѣщаютъ“ печаль.

Современный намъ нѣмецъ, говоря о такъ называемомъ нигилизмѣ у русскихъ, замѣчаетъ: „Es ist schwer ein Russe und kein pessimist zu sein“.

Насколько во всемъ этомъ участвуютъ особенности русской и вообще славянской народной жизни, этого я опредѣлить немогу; но, допуская нѣкоторую долю этого участія, я думаю, что такое настроеніе должно характеризовать первобытнаго человѣка вообще, такъ какъ оно согласно съ другими явленіями первобытной жизни, изъ которыхъ должна вытекать, такъ сказать повальная несамозвѣренность личной мысли.

Представимъ себѣ, что письменность, печать, школа несуществуетъ. При этомъ хранителями преданія являются преимущественно старики. Они даютъ тонъ обществу. Старческий возрастъ самъ по себѣ располагаетъ къ пессимизму. Современный намъ старикъ можетъ бороться съ этимъ настроеніемъ лишь при помощи науки, сообщающей точныя наблюденія; но онъ борется не всегда успѣшно съ субъективными основаніями такого настроенія, состоящими въ томъ, что дѣйствительно съ лѣтами изсякаютъ источники личнаго счастья. Даже образованные старики, каркающие на молодежь и превозносящіе время своей молодости, и теперь весьма обыкновенны.

Нравственный перевѣсъ старчества, подчиненіе другихъ возрастовъ его авторитету является причиною медленности измѣненія жизни. Новыхъ данныхъ личнаго наблюденія и опыта мало. Обращиваясь назадъ и глядя на прошедшее глазами стариковъ, человѣкъ подвергается иллюзіи въ родѣ той, по которой кажется, что деревья аллен, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, стоятъ все тѣснѣе. Образы прошедшаго служатъ тогда недосягаемыми образцами для подражанія. Эта иллюзія существуетъ и для насъ, но въ силу навыка къ исторической перспективѣ принимается нами не болѣе, какъ за иллюзію. Нынѣ практическое значеніе исторіи состоитъ не въ томъ, что она учитъ, какъ быть, а лишь въ томъ, что она, указывая пройденный путь, избавляетъ отъ напрасной траты силъ, предостерегаетъ, что по пройденному пути ходить нельзя. Въ этомъ отношеніи характеристична смѣна значеній слова *пошлый*.

Несамоувѣренность мысли заставляетъ древняго человѣка искать опоры своему мнѣнію во мнѣніяхъ упомянутаго авторитетнаго старческаго большинства. Періодъ народной поэзіи есть время крѣпкой вѣры въ авторитетъ. И мы придаемъ величайшее значеніе авторитету и вообще опыту прежнихъ вѣковъ, но для насъ свидѣтельства исторіи имѣютъ особый смыслъ. Мы знаемъ, что такъ называемая истина входитъ въ міръ узкими вратами личныхъ мнѣній. Господство извѣстнаго мнѣнія, его популярность въ данное время служить для насъ не доказательствомъ его истин-

ности, а напротивъ указаніемъ на то, что это мнѣніе достигло поры, когда оно должно измѣниться, и на то, въ какомъ направленіи должно произойти это измѣненіе.

Человѣкъ авторитета и преданія думаетъ иначе: „что говорятъ всѣ, то должно быть истиною; что всѣ дѣлаютъ, то должно быть правильно“; „quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, hoc est vere proprieque catholicum“ (Тейл. „Перв. культ.“ I, 12); что лично, то тѣмъ самымъ ложно и грѣшно, ибо авторитетъ, недовольствуясь фактической властью, всегда стремится обезпечить и освятить себя, приписывая своей власти происхожденіе свыше. Первобытное время есть время господства привычки, переносающей вѣрованія, обряды и обычаи въ новое состояніе общества, отличное отъ того, среди коего они возникли (Survivals, Тейл. I, 15). Быстрые измѣненія жизни новаго времени связаны съ твердою вѣрою въ себя, въ превосходство личной мысли (основанной на коллективной) передъ этою послѣднею, настоящаго и будущаго—передъ прошедшимъ; напротивъ относительная неподвижность низшихъ слоевъ новаго общества, указывающая на такую же и большую неподвижность всего общества въ древнее время, связана съ мечтательно любовнымъ отношеніемъ къ прошедшему, съ его идеализаціей и обоготвореніемъ.

Подобно тому, какъ въ рядахъ организмовъ по направленію отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ увеличивается сила сопротивленія вліянію среды и различіе между процессами совершающимися въ организмахъ и ихъ средѣ; и въ человѣческомъ мірѣ есть рядъ ступеней развитія, характеризуемыхъ все болѣею и болѣею силою самодѣтельности, т. е. меньшею степенью подражательности, обнаруживаемой лицомъ подъ вліяніемъ другихъ лицъ и общества. Слово „самодѣтельность“ должно быть здѣсь и вообще понимаемо не какъ дѣятельность безъ виѣшняго толчка или дѣятельность количествомъ превосходящая этотъ толчокъ (такого неравенства дѣйствія и воздѣйствія въ мірѣ нѣтъ), а какъ сравнительно высшая степень качественного различія между дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ.

По господствующему нынѣ взгляду, народная поэзія есть массовое, гуртовое творчество, имѣющее мѣсто тогда, когда продуктивность лица столь сходна по качеству съ продуктивностью другихъ лицъ той же коллективной единицы, что лицо само не находитъ основаній смотрѣть на свою продуктивность, какъ на свою исключительную собственность и, наоборотъ, на произведенія другихъ, какъ на чужія. Такое состояніе лишь градуально отлично отъ позднѣйшаго. Въ подобномъ состояніи находимся и мы каждый разъ, какъ высказываемъ мысли, какъ говорится, носящіяся въ воздухѣ, въ то же время и наши и ненаши; когда чувствуемъ себя поднятыми или залитыми волною своего времени. Но въ насъ такое состояніе быстро прекращается, именно, между прочимъ, всегда, когда мы формулируемъ и закрѣпляемъ свою мысль на бумагѣ; для такъ называемаго эпического, точнѣе народно-поэтического времени такое состояніе длительно.

Въ народной поэзіи, при самомъ первомъ появленіи произведенія въ устахъ одного лица: это произведеніе носитъ столь слабую печать индивидуальности въ выборѣ содержанія, выраженій, размѣра, музыкальнаго мотива, что бессознательно усваивается окружающими и бессознательно же, хотя непремѣнно, варьируется ими въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Языкъ и народность ¹⁾

Довольно распространено мнѣніе, что своеобразность народности находится въ прямомъ отношеніи къ степени ея отчужденности отъ другихъ и въ обратномъ къ степени цивилизаціи. Последователи этого мнѣнія поясняютъ его приблизительно такимъ образомъ.

Мы видимъ, говорятъ они, что въ настоящее время своеобразность нравовъ, обычаевъ, костюмовъ можно найти лишь въ какихъ-либо глухихъ углахъ Европы, между тѣмъ какъ въ ста-

---

¹⁾ Статья, напечатанная въ В. Евр. 1895, сент.

рину было иначе. Теперь житель какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго захолустья смотритъ даже не нѣмцемъ или французомъ, но носить совершенно особый отпечатокъ, только и принадлежащій данной мѣстности. Напротивъ, у цивилизованнаго человѣка, особенно человѣка, много путешествовавшаго по Европѣ, является общекультурный типъ, характеризующій уже не француза, англичанина, нѣмца, а вообще цивилизованнаго человѣка. Между образованными людьми всѣхъ націй болѣе общаго не только въ теоретическихъ убѣжденіяхъ, но и въ чертахъ характера, чѣмъ между образованными людьми извѣстнаго народа и ихъ необразованными соотечественниками. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сравненіе себя и своихъ знакомыхъ, съ одной стороны—съ героями иностранныхъ романовъ, находящихся въ подобномъ общественномъ положеніи, съ другой стороны—съ лицами изъ простонародья въ русскихъ повѣстяхъ.

Это явленіе представляется произведеніемъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ совмѣстно, именно: успѣховъ человѣческой мысли, направленной на изученіе природы, и врожденной человѣку подражательности.

Откуда бы ни происходило различіе народностей, во всякомъ случаѣ оно поддерживается пространственнымъ разобщеніемъ и различіемъ географическихъ вліяній. Но сношенія между людьми облегчаются и увеличиваются, благодаря изобрѣтеніямъ, какъ пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. Принудительность географическихъ условій теряетъ свою силу, по мѣрѣ того какъ, благодаря власти надъ пространствомъ, человѣкъ получаетъ возможность мѣнять мѣсто жительства и создавать себѣ искусственную среду, болѣе благопріятную для жизни, чѣмъ какавя-либо изъ данныхъ природою. Смѣшеніе между людьми различныхъ народовъ влечетъ за собою скрещиваніе видовъ и образованіе общихъ типовъ. Все, что увеличиваетъ сношенія между людьми, усиливаетъ нивелирующее дѣйствіе подражательности, искони свойственной человѣку, сначала рефлексивной, непривольной, потомъ сознательной и критической. Подражательность производитъ сліяніе

племень въ народы, аналогично съ чѣмъ можно предвидѣть, что рано или поздно, положимъ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, народы сольются въ одну общечеловѣческую народность. Указаніемъ на возможность такого явленія служатъ въ прошедшемъ и настоящемъ явленія, какъ распространеніе культуры извѣстнаго народа на многіе другіе, какъ смѣна народныхъ культовъ христіанствомъ, непризнающимъ народныхъ различій. Когда изъ двухъ народовъ одинъ заимствуетъ у другого, напр., устройство суда присяжныхъ, а второй у перваго устройство быта крестьянъ, то оба становятся сходнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ были прежде.

Препятствія заимствованію и подражанію, поставляемыя въ настоящее время различіемъ языковъ, могутъ сгладиться и исчезнуть. Указанія на это есть въ настоящемъ. И прежде были языки, какъ греческій, латинскій, вліяніе коихъ простиралось далеко за ихъ первоначальныя границы. Теперь есть международныя языки образованныхъ людей всѣхъ націй, зная которые, можно объѣхать весь земной шаръ. И кромѣ этой исключительной общеупотребительности такъ-называемыхъ всемірныхъ языковъ, мы видимъ, что какъ скоро въ данной мѣстности поселяется нѣсколько племень, и какъ скоро необходимость заставляетъ ихъ стремиться ко взаимному пониманію, между ними устанавливается общность языка двумя путями: или тѣмъ, что языкъ сильнѣйшаго племени вытѣсняетъ языкъ слабѣйшаго, который при этомъ исчезаетъ (напр., нарѣчія обрусѣлыхъ финновъ), или тѣмъ, что изъ смѣшенія происходятъ амальгамированныя языки, каковы: англійскій, французскій, итальянскій, испанскій, венгерскій.

Къ этому присоединяется мнѣніе, что все увеличивающееся число переводовъ съ одного языка на другой, т.-е. увеличеніе количества и напряженности усилій передать средствами одного языка сказанное на другомъ, должно сглаживать ихъ различія. Кромѣ того, полагаютъ, что высшее развитіе ослабляетъ въ языкѣ звуковой элементъ и усиливаетъ логическій, считаемый общечеловѣческимъ, выводитъ изъ употребленія своеобразныя обороты и поговорочныя выраженія,

Одинъ изъ сильныхъ авторитетовъ по части славянскаго языкованія, Миклошичъ, того мнѣнія, что въ языкахъ Европы возникаетъ общій новоевропейскій синтаксисъ, основанный на синтаксисѣ классическихъ языковъ.

Таковы извѣстныя намъ соображенія, заставляющія предположить, что ходъ развитія человѣчества, направленный къ освобожденію человѣка отъ давленія внѣшней природы, исподволь слагаетъ съ него и оковы народности. При этомъ предполагается, что существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодны для насъ искусственныя условія жизни, благодаря которымъ уже теперь въ Петербургѣ можно имѣть тропическіе плоды.

Этимъ соображеніямъ мы противопоставляемъ другія, имѣющія для насъ болѣе силы.

1) Какое значеніе имѣетъ раздражительность въ личной жизни? Особь во всѣхъ сферахъ жизни есть нѣчто въ высокой степени самостоятельное по отношенію къ влияніямъ другихъ особей и остальной природы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, есть конецъ ряда низшихъ существъ. Всякая сила дѣйствуетъ на него не иначе, какъ видоизмѣняясь въ немъ и вызывая въ немъ противодѣйствіе. Подражаніе, вызываемое въ человѣкѣ извѣстнымъ дѣйствіемъ, не можетъ быть точнымъ повтореніемъ этого дѣйствія, по той причинѣ, что для такого повторенія подражающему нужно бы было быть тождественнымъ съ тѣмъ, что произвело это дѣйствіе, и притомъ въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ; послѣднее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, неговоря о болѣе сложныхъ законахъ мысли. Если апріорныхъ соображеній недостаточно, то можно простымъ наблюденіемъ увѣриться, что произвольное, недоходящее до сознанія субъекта подражаніе движеніямъ и звукамъ другого даетъ движенія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только сходныя, а не тождественныя. На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому лицу или есть пониманіе его движеній и звуковъ,—такъ что, перифразируя: „du gleichst

dem Geist, den du begreifst“, можно сказать, что „das Gleichen“ есть только „das Begreifen“,—или предполагает это пониманіе.

Но извѣстно, что взаимное пониманіе не есть перекладываніе одного и того же содержанія изъ одной головы въ другую, но состоитъ въ томъ, что лицо *A*, связавшее содержаніе своей мысли съ извѣстнымъ внѣшнимъ знакомъ (движеніемъ, звукомъ, словомъ, изображеніемъ), посредствомъ этого знака вызываетъ въ лицѣ *B* соотвѣтственное *содержаніе*. Понимающіе другъ друга могутъ быть сравнены съ двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собою въ такую связь, что звукъ одного изъ нихъ вызываетъ не такой же, но соотвѣтственный звукъ другого. Какимъ образомъ подъ словомъ „свѣча“, я могу понимать точно то же, что мой собесѣдникъ, когда органы воспріятій у насъ различны, а накопленіе воспоминаній (объ этомъ) различно гораздо болѣе того? Этимъ объясняется парадоксъ, что всякое, даже самое полное пониманіе есть въ то же время непониманіе. Человѣкъ не можетъ выйти изъ круга своей личной мысли ¹⁾. То, что называется общимъ уровнемъ мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлеченія, то-есть сведения дѣйствительнаго различія мыслей въ различныхъ субъектахъ на извѣстный минимумъ различія, и благодаря фикции, состоящей въ принятіи этого минимума за эквивалентъ полныхъ мыслей.

Эти элементарныя, но многими игнорируемыя положенія объясняютъ намъ многое. Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни „несамостоятельность“, „подражательность“ выражаютъ лишь извѣстныя, болѣе или менѣе низкія степени различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣйствій. Въ другомъ, безусловномъ смыслѣ эти понятія немислимы.

Такъ, напр., можно поддѣлывать подписи, но увеличительное стекло откроетъ поддѣлку; можно тщательно списывать прописи,

---

¹⁾ Мысль и чувства человѣка невыразимы, хотя для насъ необходимо предположить этому убѣжденіе, такъ что эта невыразимость сознается и даже становится руководящимъ принципомъ лишь въ исключительныхъ настроеніяхъ: „Молчи, скрывайся и таи“ (Silentium Тютчева).

но образовать себѣ точно такой почеркъ, какъ у другого, невозможно. Можно воспитаніемъ достигнуть многого: сдѣлать человѣка болѣе или менѣе энергичнымъ, свѣдущимъ, правдивымъ; но обезличить его, сдѣлать совершенно похожимъ на образецъ, невозможно.

Понятно, что такъ какъ народы состоятъ изъ лицъ и соприкасаются между собою черезъ посредство лицъ, то все связанное о своеобразности и замкнутости лица примѣняется и къ народу настолько, насколько его единство сходно съ единствомъ лица. Взаимное вліяніе народовъ есть тоже лишь взаимное возбужденіе ¹⁾. Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ народовъ лишь до тѣхъ поръ. пока мы витаемъ на холодныхъ высотахъ абстракціи. Но если мы сообразимъ, что немногіе признаки, повтореніе коихъ мы замѣчаемъ въ жизни разныхъ народовъ, существуютъ въ дѣйствительности лишь въ группахъ множества другихъ признаковъ, какъ конкретныя явленія, то мы принуждены будемъ говорить, напр., не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіанство разлилось по цивилизованному міру, а лишь о томъ, что христіанство въ видѣ первоначально-опредѣленнаго возбужденія было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіанствъ, весьма различныхъ между собою, если разсматривать ихъ въ ихъ конкретности. Есть не только восточное и западное, но и русское, польское, нѣмецкое христіанство и даже нѣмецкія христіанства. Вся сила въ томъ, чтобы непринимать своихъ абстракцій за сущности, что, однако, дѣлается когда разсматриваютъ, напр., христіанство независимо отъ среды, въ коей оно проявляется.

Другой примѣръ, поясняющій свойства традиціи, представляютъ странствующіе повѣсти и рассказы. О многихъ изъ нихъ мы, благодаря мастерамъ особаго рода литературныхъ изслѣдованій, какъ Бенфей, Либрехтъ и многіе другіе, можемъ сказать, что ихъ мотивы обошли безъ малаго весь земной шаръ, перебивали и остались у множества народовъ, начиная отъ японцевъ и

¹⁾ О подражательности, какъ средствъ образованія національностей: Беджголь, Естествознаніе и политика, стр. 134 и слѣд.

готтентотовъ. Казалось бы, что эти странствованія суть очевидныя доказательства способности всѣхъ народовъ воспроизводить одно и тоже содержаніе. Но спрашивается, имѣемъ ли мы основаніе назвать эти географическія и хронологическія передвиженія жизнью въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ жизнь языку? Конечно, да. Если же такъ, то въ странствующимъ литературнымъ мотивамъ долженъ быть приложенъ тотъ взглядъ, котораго мы держимся относительно формъ языка. Важность грамматической формы состоитъ въ ея функціи, которая, конечно, должна имѣть мѣсто прикрьпленія. Подобнымъ образомъ главное въ странствующемъ разказѣ есть то, какъ онъ дѣйствуетъ, т.-е. понимается и примѣняется на каждой точкѣ своего пути. Весьма почтенныя литературныя изслѣдованія такихъ разказовъ со стороны ихъ абстрактнаго тождества по своему характеру и значенію равняются такимъ грамматическимъ изслѣдованіямъ, которыя рассматриваютъ не формы, а ихъ препараты, лишенные функцій, т.-е. жизни. Признаніе, что мотивы странствующихъ повѣстей неизмѣнны, равносильно съ господствующимъ мнѣніемъ, что значеніе корня остается неизмѣннымъ во всемъ семействѣ словъ и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ.

Тоже самое можно сказать о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются, и какъ понимаются. Въ противномъ случаѣ о нихъ стоитъ говорить не болѣе, какъ о глыбѣ камня, кускѣ полотна и пр. Если же такъ, то кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и тоже въ цвѣтущія времена Греціи и теперь? Тогда и теперь—это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія лишь одинъ и тотъ же матеріальный субстратъ, но не одну и ту же, такъ сказать, душу. Эти различія измѣняются не только по времени, но и по народамъ.

Если бы языки были только средствами обозначенія мысли уже готовой, образовавшейся помимо ихъ, какъ дѣйствительно думали въ прошломъ, отчасти и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то ихъ различія по отношенію къ мысли можно бы сравнить съ различіями почер-

ковъ и шрифтовъ одной и той же азбуки: намъ болѣе или менѣе все равно, какимъ почеркомъ ни написать, какимъ шрифтомъ ни напечатать книгу, лишь бы можно было разобрать; такъ было бы безразлично для мысли, на какомъ языкѣ ее ни выразить. При такомъ положеніи дѣла было бы вѣроятно, что какъ скоро распространилось бы убѣжденіе, что разница между языками лишь внѣшняя и несущественная, что привязанность къ своему языку есть лишь дѣло привычки, лишенной глубочайшихъ основаній, то люди стали бы мѣнять языкъ съ такою же легкостью, какъ мѣняютъ платье. Въ результатѣ можно бы ожидать того, что подобно тому, какъ ради извѣстныхъ удобствъ филологи приспособляютъ латинскія письма ко множеству различныхъ языковъ, и какъ устанавливаются общія системы мѣръ и вѣсовъ, рано или поздно былъ бы принятъ скорѣе всего совершенно искусственный, наиболѣе легкій и простой общій языкъ. Можно бы ожидать, что такой языкъ, зародившись на вершинахъ интеллигенціи, имѣющей уже и теперь общіе искусственные языки для глазъ, каковы цифры, алгебраическіе, химическіе и метеорологическіе знаки, постепенно спускался бы въ низшія сферы и, наконецъ, обнялъ бы все чело- вѣчество. Но нашему вѣку принадлежитъ открытіе, что языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразования первоначальныхъ, до-язычныхъ элементовъ мысли и поэтому могутъ быть названы средствами созданія мысли. Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, то есть такъ, что два сравниваемые языка могутъ имѣть одинаковую степень совершенства при глубокомъ различіи своего строя. *Общечеловѣческія* свойства языковъ суть: по звукамъ — членораздѣльность, съ внутренней стороны — то, что всѣ они суть системы символовъ, служащихъ мысли. Затѣмъ всѣ остальные ихъ свойства суть *племенные*, а не общечеловѣческія. Нѣтъ ни одной грамматической и лексической категоріи, обязательной для всѣхъ языковъ,

Хотя въ настоящее время языкознаніе большею частью не въ состояніи услѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ первоначальная

техника мысли, условленная языкомъ, сказывается въ сложныхъ произведеніяхъ мысли; но тѣмъ не менѣе стоитъ прочно то положеніе, что эта техника гораздо важнѣе для совершенства и качества произведенія мысли, чѣмъ, напр., приемы, орудія и матеріалы рисованія, живописи, гравюры для произведеній этихъ искусствъ. Эта техника, знаемъ ли мы объ этомъ, или нѣтъ, непременно сказывается во всемъ, что бы мысль ни создала черезъ посредство языка ¹⁾. Разсматривая языки, какъ глубоко различныя системы приемовъ мышленія, мы можемъ ожидать отъ предполагаемой въ будущемъ замѣны различія языковъ однимъ общечеловѣческимъ — лишь пониженія уровня мысли. Ибо если объективной истины нѣтъ, если доступная для человѣка истина есть только стремленіе, то сведеніе различныхъ направленій стремленія на одно не есть выигрышъ. Языкъ не есть только извѣстная система приемовъ познанія, какъ и познаніе необособлено отъ другихъ сторонъ человѣческой жизни. Повзаимое дѣйствуетъ на насъ эстетически и нравственно. Языкъ есть вмѣстѣ путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ, и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія ²⁾.

Языкъ можно сравнить съ зрѣніемъ. Подобно тому какъ малѣйшее измѣненіе въ устройствѣ глаза и дѣятельности зрительныхъ нервовъ неизбѣжно даетъ другія воспріятія и этимъ вліяетъ на все міросозерцаніе человѣка; такъ каждая мѣлочка въ устройствѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли. Вліяніе всякой мѣлочки языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣмъ незамѣнимо.

Человѣкъ, говорящій на двухъ языкахъ, переходя отъ одного языка къ другому, измѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направленіе теченія своей мысли, при томъ такъ, что усиліе его

¹⁾ Лишь при помощи языка созданы грамматическія категорія и параллельные имъ общіе разряды философской мысли; внѣ языка онѣ не существуютъ и въ разныхъ языкахъ различны. Самое содержаніе мысли относится къ этимъ категоріямъ различно въ разныхъ языкахъ даже народовъ сродныхъ и живущихъ въ сходныхъ физическихъ условіяхъ.

²⁾ Необязательность эстетическихъ идеаловъ см. выше стр. 109 сл.

воли лишь измѣняетъ колею его мысли, а на дальнѣйшее теченіе ея вліяетъ лишь посредственно. Это усиліе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, переводящій поѣздъ на другіе рельсы (Это сознавалось съ большею или меньшею ясностью уже давно, въ посвященіи грамматики Ломоносова) И наоборотъ, если два и нѣсколько языковъ довольно привычны для говорящаго, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мысль невольно обращается то въ тому, то въ другому языку. Мнѣ кажется, это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ грамотахъ, въ коихъ, смотря по содержанію рѣчи, выбивается навѣрхъ то польская, то малорусская, то церковно-славянская струя. Это же явленіе составляетъ реальное основаніе ломоносовскаго дѣленія слога на возвышенный, средній и низкій.

Примѣромъ того же служить двуязычность высшихъ классовъ русскаго общества.

Въ этомъ, вполне русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ, говоритъ Аксаковъ, „почти исключительно господствовалъ французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ въ теченіе всей жизни велась не иначе, какъ по французски. Это господство французской рѣчи неисключало у Екатерины Львовны (матери О. И. Тютчева, ум. въ 1866, на 90-мъ году жизни) приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтырей, часослововъ, молитвенниковъ у себя въ спальнѣ, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX, когда русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ любителей словесности, да и дѣйствительно небылъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. Вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціею заимствовалось и готовое чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе

свои мнѣнія на французскомъ, писали по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно стѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ и... изъ однихъ тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую рѣчь, *болѣе народную* во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая, книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія¹⁾. „Не странно ли, что при всей рѣзкости *народнаго* (?) направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high life, не только неотвергалъ Тютчева и неподвергалъ равному съ славянофилами осмѣданію и гоненію, но всегда признавалъ его своимъ,—по крайней мѣрѣ интеллигентный слой этого свѣта. Конечно, этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія признавались достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, капризомъ, парадоксальностью сильнаго ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради утонченно-изящнаго европеизма всей его внѣшности. Къ тому же всѣ „національныя идеи“ Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то *отвлеченнымъ* (чѣмъ, повидимому, онѣ и были въ немъ отчасти), дѣломъ *мнѣнія* (une opinion comme une autre!), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онѣ не носили въ отношенія Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онѣ не принадлежали ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общеніи съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; онѣ невидозмѣняли его привычекъ, непересоздавали его частнаго быта, не налагали на него никакого клейма

¹⁾ И. Аксаковъ, біографія О. П. Тютчева. М. 1886 г. Стр. 9—10.

ни партіи, ни національности... Но точно ли этотъ русскій элементъ въ Тютчевѣ былъ одною отвлеченностью, мыслью, только дѣломъ одного мнѣнія? Нѣтъ: любовь въ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи владѣли Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго издыханія. Онѣ жили въ немъ на степеняхъ каковой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни; къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ. А между тѣмъ странно подумать, что стихотвореніе по случаю посѣщенія русской деревни („Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моея родимымъ краемъ“) и стихотвореніе „Эти бѣдныя селенья“, написаны однимъ и тѣмъ же поэтомъ ¹⁾.

Ө. И. Тютчевъ служитъ превосходнымъ примѣромъ того, какъ пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе, или, наоборотъ, какъ въ предчувствіи направленія, которое приметъ его мысль въ слѣдующее мгновеніе, человѣкъ беретъ за тотъ или другой изъ доступныхъ ему языковъ. Два рода умственной дѣятельности идутъ въ одномъ направленіи, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздѣльность, черезъ всю его жизнь, до послѣднихъ ея дней. Это—съ одной стороны, поэтическое творчество на русскомъ языкѣ, съ другой стороны—мышленіе политика и дипломата, свѣтскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ—на французскомъ.

„Въ 22 года его почти безвыѣзднаго пребыванія за границей,—говоритъ его биографъ,—онъ почти неслышитъ русской рѣчи, а по отъѣздѣ Хлопова (бывшаго крѣпостного дядьки Тютчева, взаимно связаннаго съ нимъ тѣсной дружбой) и совсѣмъ лишается того незначительнаго, хотя и благотворнаго сопряженія съ русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядьки въ Мюнхенѣ. Его первая жена ни слова не знала по-русски, также какъ и вторая, выучившаяся русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобы понимать

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—76.

стихи своего мужа). Слѣдовательно, самый языкъ его домашняго быта былъ чуждый. Съ русскими путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно, велась и дипломатическая корреспонденція, и его переписка съ родными“¹⁾.

„По собственному его признанію, онъ тверже выражалъ свою (прозаическую) мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски.“ А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значитъ, изъ глубочайшей глубины его духа была включомъ у него поэзія, изъ глубины, недосыгаемой *даже для его собственной воли*,—изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка“²⁾. Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ“... „Онъ ихъ неписалъ, а записывалъ“. Лучшіе созданы мгновенно.

Тютчевъ представляетъ поучительный примѣръ не только того, что различные языки въ одномъ и томъ же человѣкѣ связаны съ различными областями и приѣмами мысли, но и того, что эти различные сферы и приѣмы въ одномъ и томъ же человѣкѣ разграничены и вещественно. Во время предсмертной болѣзни, съ половиною тѣла пораженной параличемъ, Тютчевъ почти до смерти сохранялъ способность къ блестящей французской рѣчи и живой интересъ къ политикѣ. Разъ, послѣ продолжительнаго обморока, первыми словами его были: „какія послѣднія новости изъ Хивы?“ Между тѣмъ власть надъ стихомъ и чувство стихотворной мѣры оставили его гораздо раньше. Онъ порывался слагать стихи, но ничего невыходило.

Знаніе двухъ языковъ въ очень раннемъ возрастѣ не есть обладаніе двумя системами изображенія и сообщенія одного и

¹⁾ Тамъ же, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 85.

того же круга мыслей, но раздвояет этот круг и напередъ затрудняетъ достиженіе цѣльности міросозерцанія, мѣшаетъ научной абстракціи. Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства, то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь не будутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ. Ребенокъ, говорящій: „du rain“ къ родителямъ и гувернанткѣ и (тайкомъ) „хлѣбца“ къ прислугѣ, имѣетъ два различныя понятія о хлѣбѣ.

Когда два лица, говорящія на одномъ языкѣ, понимаютъ другъ друга, то содержаніе даннаго слова въ обонхъ различно, но представленіе настолько сходно, что можетъ безъ замѣтнаго вреда для изслѣдованія приниматься за тождественное. Мы можемъ сказать, что говорящіе на одномъ языкѣ при помощи даннаго слова разсматриваютъ различныя въ каждомъ изъ нихъ содержанія этого слова подъ однимъ угломъ, съ одной и той же точки. При переводѣ на другой языкъ процессъ усложняется, ибо здѣсь не только содержаніе, но и представленіе различны.

Если слово одного языка не покрываетъ слова другого, то тѣмъ менѣе могутъ покрывать другъ друга комбинаціи словъ, картины, чувства, возбуждаемыя рѣчью; соль ихъ исчезаетъ при переводѣ; остроты непереводимы. Даже мысль, оторванная отъ связи съ словеснымъ выраженіемъ, не покрываетъ мысли подлинника¹⁾. И это понятно. Допустимъ на время возможность того, что переводимая мысль стоитъ передъ нами, уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще neodѣтая въ новую. Очевидно, въ такомъ состояніи эта мысль, какъ отвлеченіе отъ мысли подлинника, не можетъ быть равна этой послѣдней. Говоря, что изъ мысли подлинника мы беремъ существенное, мы разсуждаемъ подобно тому, какъ еслибы сказали, что въ орѣхѣ существенное не скорлупа, а зерно. Да, существенное (*geniessbar*) для насъ, но не для орѣха, который не могъ бы образоваться безъ скорлупы, какъ мысль подлинника не могла бы образоваться

¹⁾ Мысль извѣстная, не требующая ссылокъ въ подтвержденіе. Ср. однако: Mommsen, Die Kunst des deutschen Uebersetzens aus neueren Spr. Leipz. 1858, стр. 9 и pass.

безъ своей словесной формы, составляющей часть содержанія. Мысль, переданная на другомъ языкѣ, сравнительно съ фиктивнымъ отвлеченнымъ ея состояніемъ, получаетъ новыя прибавки, несущественныя лишь съ точки зрѣнія первоначальной ея формы. Если при сравненіи фразы подлинника и перевода мы и затрудняемся нерѣдко сказать, насколько ассоціаціи, возбуждаемыя тою и другою, различны, то это происходитъ отъ несовершенства доступныхъ намъ средствъ наблюденія.

Поэзія въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, указываетъ пути наукѣ. Существуетъ анекдоты, изображающіе невозможность высказать на одномъ языкѣ то, что высказывается на другомъ. Между прочимъ, у Даля: заѣзжій грекъ сидѣлъ у моря, что-то напѣвалъ про себя, и потомъ слезно заплакалъ. Случившійся при этомъ русскій попросилъ перевести пѣсню. Грекъ перевелъ: „сидѣла птица, незнаю, какъ ее звать по-русски, сидѣла она на горѣ, долго сидѣла, махнула крыломъ, полетѣла далеко, далеко, черезъ лѣсъ, далеко полетѣла... И все тутъ. По-русски не выходитъ ничего, а по-гречески очень жалко!“

Въ дѣйствительности, всякій переводъ болѣе или менѣе похожъ на извѣстную шуточную великорусскую передѣлку малорусскаго „ой бувъ та нема“... „Эхъ былъ, да нѣтути“. Даже легкое измѣненіе звука, повидимому, нисколько некасаящееся содержанія слова, замѣтно измѣняетъ впечатлѣніе слова на слушателя. Вѣроятно, многіе испытали на себѣ непріятное впечатлѣніе фальши, неискренности, слушая пѣвца или актера, говорящаго въ угоду мѣстной публикѣ на непривычномъ для него нарѣчій. Искусство переходитъ здѣсь въ лицемѣріе.

Можно ли поэту писать на чужомъ языкѣ? Тургеневъ: „Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а просто дрянъ, Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образами, мыслями,“ и т. д. ¹⁾

¹⁾ Первое собраніе писемъ стр. 261.

Трудность самого наблюдения различій въ эффектахъ увеличивается, когда мы имѣемъ дѣло со словами одного происхожденія въ обоихъ языкахъ; сходное въ двухъ языкахъ одного происхожденія происходитъ не отъ того, что пути ихъ развитія дѣйствительно сходятся, а отъ того, что, расходясь отъ одной точки, они нѣкоторое время идутъ почти параллельно другъ подлѣ друга. Впрочемъ то, что переводъ съ одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбужденіе другой, отличной, примѣняется не только въ самостоятельнымъ языкамъ, но и къ нарѣчіямъ одного и того же языка, имѣющимъ чрезвычайно много общаго. „Я попросилъ разъ одного хохла,—говоритъ Пигасовъ въ „Рудинѣ“ Тургенева,—перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, какъ онъ это перевелъ? „Храматыга е выскуство правыльно чытаты и пысаты“... Что же это языкъ по-вашему? самостоятельный языкъ?“ Именно то, что переводъ съ литературнаго языка на областное нарѣчіе и съ одного областного нарѣчія на другое весьма часто кажется пародіею, именно это служитъ доказательствомъ, что, предупреждая рѣшеніе науки, вѣрное чутье понимаетъ самыя сходныя нарѣчія, какъ различные музыкальные инструменты, быть можетъ, иногда относящіеся другъ къ другу, какъ церковный органъ и балалайка, но тѣмъ не менѣе незамѣнимые другъ другомъ. Для того чтобы такъ было, нѣтъ никакой нужды лѣзть изъ кожи, чтобы сдѣлать фразу нарѣчія совершенно непохожею на фразу литературнаго языка, какъ это дѣлали у насъ нѣкоторые ревнители самостоятельности малорусскаго языка. Это значитъ возить дрова въ лѣсъ. Есть чувства и мысли, которыхъ не вызвать на обще-литературномъ языкѣ известнаго народа никакому таланту, но которыя сравнительно легко вызываются на областномъ нарѣчіи. Есть писатели, которые—сама посредственность, когда выбираютъ своимъ органомъ литературный языкъ, но которые на родномъ нарѣчіи глубоко художественны и правдивы. Ихъ творенія, какъ научные матеріалы, незамѣнимы никакими изданіями памятниковъ народной поэзіи, сборниковъ словъ и обо-

ротовъ, обычаевъ, повѣрій и пр. Мы имѣемъ такихъ писателей, имѣютъ ихъ и нѣмцы и высоко цѣнятъ ихъ вліяніе на общенѣмецкій языкъ и литературу.

Такое мнѣніе о нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ общераспространено и не нуждается въ подтвержденіи авторитетовъ. Впрочемъ, такихъ подтвержденій можно найти довольно. Сравни., между прочимъ, мнѣніе Гримма, что еслибы нарѣчія чешское и польское исчезли въ общеславянскомъ языкѣ, какъ это представляютъ себѣ нѣкоторые возможнымъ и желательнымъ, то это было бы достойно сожалѣнія, ибо каждое изъ этихъ нарѣчій имѣетъ свои ничѣмъ незамѣнимыя преимущества ¹⁾. Здѣсь рѣчь только о формахъ въ родѣ двойственного числа, но съ большимъ основаніемъ можно бы это сказать, имѣя въ виду весь строй языка. „Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—говоритъ В. Гумбольдъ,—можно распознать опредѣленную связь звуковъ языка съ его духомъ. Однако же, даже въ нарѣчіяхъ (того же языка) незначительныя измѣненія гласныхъ, мало измѣняющія языкъ въ общемъ, по праву могутъ быть относимы къ состоянію духа народа (*Gemüthbeschaffenheit*), подобно тому, что замѣчаютъ уже греческіе грамматики о болѣе мужественномъ дорическомъ *a* сравнительно съ болѣе нѣжнымъ іонійскимъ *oe*“ ²⁾.

Возвращаясь къ вліянію иностранныхъ языковъ, мы видимъ, что еслибы знаніе ихъ и переводы съ нихъ были во всякомъ случаѣ нивелирующимъ средствомъ, то были бы невозможны ни переводчики, сильные въ своемъ языкѣ, ни переводы, образцовые по своеобразности и художественности языка. Между тѣмъ извѣстны переводы, между прочимъ, книгъ священнаго писанія, по упомянутымъ свойствамъ и вліянію на самостоятельное развитіе литературы превосходящіе многія оригинальныя произведенія. Даже въ школахъ переводы съ иностранныхъ языковъ на отечественный, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, оказываются могущественнымъ средствомъ укрѣпленія учащихся въ духѣ и преданіяхъ отечествен-

¹⁾ Kleine Schriften, IV, стр. 105.

²⁾ Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, стр. 272. ed. Pott.

наго языка и возбужденія самостоятельнаго творчества на этомъ языкѣ. Упомянутыя условія состоятъ, съ одной стороны, въ томъ, чтобы ознакомленіе учащихся съ иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрѣпились въ знаніи своего; съ другой стороны—въ томъ, чтобы языкъ учениковъ былъ для учителя родной, и чтобы учитель въ состояніи былъ требовать отъ переводовъ точности и согласія съ требованіями отечественнаго языка. Пристрастіе многихъ русскихъ изъ классовъ, покровительствуемыхъ фортуной, къ обученію дѣтей новымъ иностраннымъ языкамъ заслуживаетъ осужденія не само по себѣ, а по низменности своихъ мотивовъ. Такіе русскіе смотрятъ на знаніе иностранныхъ языковъ, какъ на средство отличиться отъ чернаго люда, и какъ на средство сношенія съ иностранцами. Въ послѣднемъ отношеніи они стараются не снискать уваженіе иностранцевъ, а лишь говорить, какъ они. Въ языкѣ видятъ только звуки, а не мысль, а потому, ради чистоты выговора, начинаютъ обученіе иностранному языку чуть не съ пеленокъ и, какъ во времена „Недоросля“, поручаютъ дѣтей Вральманамъ. Такъ, изъ дѣтей съ порядочными способностями дѣлаются полунидіоты, живые памятники безсмысла и душевнаго холопства родителей.

Что до замѣчательныхъ людей, въ родѣ Тютчева, съ дѣтства усвоившихъ себѣ иностранный языкъ вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ содержанія и непотерявшихъ способности производить на отечественномъ языкѣ, то въ нихъ дѣятельность мысли на иностранномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, происходила въ ущербъ не только мысли на отечественномъ, но и общей продуктивности. Въ самомъ Тютчевѣ можно замѣтить узость сферы, обнимаемой его русскимъ языкомъ. Онъ сдѣлалъ бы больше, еслибы при томъ же талантѣ и такихъ же занятіяхъ владѣлъ лишь однимъ языкомъ и зналъ другіе лишь ученымъ образомъ настолько, насколько это нужно для возбужденія мысли, идущей по колеѣ роднаго языка.

Хотя двуязычность въ людяхъ высшаго круга—не рѣдкость въ русскомъ обществѣ XVIII и XIX вѣка, но тѣмъ не менѣе она составляетъ, предъ лицомъ русскаго народа, не правило, а

исключеніе. При томъ мы идемъ же отъ этого состоянія, а не къ нему. Вліяніе двуязычности на болѣе обширные классы населенія, почти на цѣлыя, впрочемъ немногочисленные, народы, какъ чехи, я думаю, тоже неблагопріятно.

Можно принять за правило, по крайней мѣрѣ для новаго времени, что расцвѣту самостоятельнаго народнаго творчества въ наукѣ и поэзійи всегда предшествуютъ періоды подражательности, предполагающіе болѣе или менѣе теоретическое или практическое, болѣе или менѣе глубокое и распространенное знаніе иностранныхъ языковъ; что, соразмѣрно съ увеличеніемъ количества хорошихъ переводовъ, увеличивается въ народѣ запасъ силъ, которыя рано или поздно найдутъ себѣ выходъ въ болѣе своеобразномъ творествѣ. Собственно здѣсь о подражательности и самостоятельности судятъ такъ, какъ о необходимости и свободѣ воли. Гдѣ виденъ еще первый толчокъ, какъ въ первомъ отраженіи шара отъ бильярднаго борта, то называютъ подражательностью, необходимостью; гдѣ между возбужденіемъ и воздѣйствіемъ является промежуточная среда, маскирующая это возбужденіе, то называютъ самостоятельностью и свободою. Но подражательность есть тоже своеобразность, очевиднымъ доказательствомъ чего служить, между прочимъ, наша подражательная литература. Наоборотъ, въ ней болѣе самостоятельныхъ продуктовъ мысли; только научное наблюденіе открываетъ слѣды внѣшняго импульса.

Говоря объ отношеніяхъ равноправныхъ народовъ, можно думать, что ихъ своеобразность стиралась бы, если бы ихъ общеніе съ другими возрастало въ большей прогрессіи, чѣмъ ихъ внутренняя связь. Но для увеличенія ихъ особенности достаточно даже того, чтобы ихъ внутреннее и внѣшнее общеніе усиливалось въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что среди большихъ народныхъ массъ Европы внутреннее общеніе народовъ увеличивается въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ международное, разумѣется, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ правильное теченіе дѣлъ измѣняется силою оружія или политическаго шахрайства.

Дифференцированіе первоначально сходныхъ языковъ значить, что въ народахъ уменьшается способность возбужденія со стороны другихъ языковъ; но оно, мнѣ кажется, значить, что, какъ человѣку, такъ и народу съ каждымъ годомъ становится труднѣе выйти изъ колеи, прорываемой для него своимъ языкомъ, именно настолько, насколько углубляется эта колея. Съ этой точки зрѣнія кажется, что чѣмъ архаичнѣе языкъ народа, чѣмъ менѣе рѣзкіе перевероты въ немъ совершаются въ теченіе времени, отдѣляющаго его отъ начала, тѣмъ болѣе возможна для него денационализація.

Крайне наивно думать, что хорошій переводчикъ имѣетъ способность высказывать изъ своей народной шкуры и входить въ инородную мысль; что будто бы то самое, что дѣлаетъ нѣмцевъ „лучшими въ мірѣ“ переводчиками, облегчаетъ имъ перемѣну народности и производитъ то, что, напр., такъ много нѣмецкихъ фамилій между славянами (Rüdiger, ¹⁾ 118). Нѣтъ спору, въ нѣмецкой литературѣ множество превосходныхъ переводовъ со множества языковъ земного шара. Германія—страна филологіи, родина сравнительнаго языковѣдѣнія. Но все это главнымъ образомъ зависитъ отъ степени образованности, отъ количества запроса на ученыхъ и количества сихъ послѣднихъ, употребляющихъ разумный трудъ на изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ, и лишь въ меньшей степени отъ общихъ свойствъ ихъ народности и языка. Здѣсь надобно различать теоретическое и практическое знаніе языка, т.-е. легкость думать и говорить на немъ. Въ послѣднемъ отношеніи нѣмцы ниже славянъ, и, если вообще можно гордиться чѣмъ-либо, могутъ на этомъ основаніи гордиться большею замкнутостью и устойчивостью своей народности. Если бы близость и географическое сосѣдство языковъ были главными факторами, дающими ихъ теоретическое знаніе, то такое знаніе литовскаго языка было бы достояніемъ русскихъ и поляковъ, и мы учились бы этому у нихъ, а не у Шлейхера. Между тѣмъ извѣстно, что, неговоря уже о звукахъ, многія категоріи славянскихъ языковъ на практикѣ представляютъ для взрослого нѣмца, образованнаго и простолю-

¹⁾ Ueber Nationalität, Z. f. Völkerps. III, 1865.

дина, затрудненія, неодолимая въ цѣлые десятки лѣтъ. По этому мы можемъ судить о ихъ способности владѣть языками, менѣе сродными съ нѣмецкимъ.

Относительно этого вопроса я незнаю точныхъ наблюдений, но мнѣ кажется, что врядъ ли между нѣмцами простолюдинами найдется столько практически владѣющихъ какими-либо иностранными языками, какъ между русскими, находящимися въ сношеніяхъ съ инородцами, напр. на Кавказѣ, въ Сибири. Хотя я не думаю, чтобы взрослый русскій могъ вполне усвоить какой-либо иностранный языкъ, даже въ звуковомъ отношеніи (хотя гамма звуковъ, которою владѣтъ русскій,—въ особенности бывалый и знающій польскій языкъ, и, наоборотъ, полякъ, знающій по-русски, что нерѣдко,—гораздо обширнѣе той, какою владѣтъ нѣмецъ), но это не мое лишь личное мнѣніе, что онъ скорѣе выучится по-нѣмецки и по-французски, чѣмъ нѣмецъ и французъ по-русски. Трудно выдумать что-либо болѣе поверхностное, чѣмъ мнѣніе, что нѣмецъ по складу своей народности космополитъ, что французъ, напр., только французъ, и одинъ нѣмецъ—человѣкъ. Жалобы германофиловъ на то, что нѣмцы-переселенцы, гдѣ они изолированы, какъ въ Россіи, теряютъ свою народность,—предполагаютъ странное и неосуществимое желаніе, чтобы вліяніе отдаленнаго, покинутаго отечества на второе и третье поколѣніе нѣмецкихъ переселенцевъ было сильнѣе вліянія окружающей ихъ среды.

Само собою разумѣется, что если нельзя признать непременно денационализирующимъ того изученія иностранныхъ языковъ и того литературнаго (вліянія), которыя мы можемъ наблюдать въ наше время, то то же можно сказать о подобныхъ явленіяхъ древняго времени. Доисторическіе слѣды, оставленные взаимнымъ вліяніемъ народовъ, имѣютъ если не исключительно, то преимущественно лексическій характеръ; но именно лексическая сторона языка наиболѣе способна безъ перерожденія выдерживать напоръ вѣшнихъ вліяній. Говоря à priori, всякое иностранное слово на новой почвѣ должно переродиться; но безчисленны примѣры того,

что такое перерождение и въ звукахъ и въ значеніи столь очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Можно думать, что особенность и своеобразность народовъ существуетъ не наперекоръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе со стороны, меньшее того, какое получается изнутри, является однимъ изъ главныхъ условій, благопріятствующихъ развитію народа, подобно тому какъ, по мысли В. Гумбольдта, вліяніе личности говорящаго на другую состоитъ не въ вытѣсненіи этой послѣдней, а въ возбужденіи ея къ новой плодотворной дѣятельности ¹⁾). Взаимное возбужденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію, а лишь взаимное приспособленіе, которое можно сравнить съ тѣмъ, какое возникаетъ между цвѣтами, питающими насѣкомыхъ, и насѣкомыми, содѣйствующими оплодотворенію цвѣтовъ.

Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого *денаціонализація*? Она состоитъ въ такомъ преобразованіи народной жизни, при которомъ традиція народа, заключенная главнымъ образомъ въ языкъ, прерывается или ослабляется до такой степени, что является лишь второстепеннымъ факторомъ преобразованія. Случаи полнѣйшей денаціонализаціи могутъ быть наблюдаемы только въ жизни отдѣльныхъ личностей, еще неговорящими перенесенныхъ въ среду другого народа. Въ такихъ случаяхъ жизнь предковъ такой личности вносится въ ея собственное развитіе лишь въ видѣ фізіологическихъ слѣдовъ и задатковъ душевной жизни. Въ примѣненіи въ цѣлымъ народностямъ, необходимо состоящимъ изъ лицъ разныхъ возрастовъ, такіе случаи и невозможны. Здѣсь денаціонализація предполагаетъ непременно лишь ослабленіе традиціи между взрослымъ и подростяющимъ поколѣніемъ, т.-е. частное изъятіе этого послѣдняго изъ вліяній семейства. Допустимъ самыя благопріятныя условія денаціонализаціи, именно, что подавляемый народъ не лишается имущества и не обращается въ рабство въ его грубой формѣ, и что подростяющему его поколѣнію, въ замѣнъ семейства, дается лучший изъ воспитательныхъ суррогатовъ семейства, — школа. Но школа эта, по предположенію, не используется

¹⁾ Ueber die Verschied., стр. 218.

языкомъ учениковъ, какъ готовымъ образовательнымъ средствомъ, но, обучая ихъ новому языку, тратитъ время на то, чтобы приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимпсеста. Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному запасу до-школьныхъ запасовъ мысли. Подобные результаты мы получимъ, если вмѣсто школы поставимъ другія образовательныя средства, обнимаемыя понятіемъ жизни въ обществѣ. Такимъ образомъ, для денационализируемаго народа естественнымъ теченіемъ дѣлъ создаются неблагоприятныя условія существованія, вытекающія изъ умственной подчиненности, которая будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе подавляемый народъ приготовленъ къ усвоенію языка подавляющаго. При подобной ломкѣ неизбежно на мѣстѣ вытѣсняемыхъ формъ сознанія водарается мерзость заустѣнія, и занимаетъ это мѣсто до тѣхъ поръ, пока вытѣсняющій языкъ нестанетъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неприноривится къ новому народу. Люди, по правилу, добровольно не отказываются отъ своего языка, между прочимъ, въ силу бессознательнаго страха передъ опустошеніемъ сознанія. Ибо, пока мы не научены чему-либо лучшему, мы держимся мнѣнія В. Гумбольдта, что „никакой народъ немогъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ духомъ, безъ того, чтобы непреобразовать этого языка въ другой“ ¹⁾ Другими словами: народность, поглощаемая другою, вноситъ въ эту послѣднюю начала распадешя, которыя, конечно, произведутъ замѣтные результаты тѣмъ скорѣе, чѣмъ многочисленнѣе и нравственно сильнѣе и своеобразнѣе поглощаемая народность, и наоборотъ ²⁾.

¹⁾ Ueber die Verschiedenheit, стр. 208.

²⁾ Это мѣсто рукописи было использовано А. А. въ разборѣ „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, собранныхъ Я. О. Голавцкимъ“, стр. 32—34. Здѣсь въ академической рецензіи денационализація формулируется опредѣленнѣе: „Вообще денационализація сводится на *дурное воспитаніе*, на нравственную болѣзнь: на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, усвоенія, воздѣйствія, на ослабленіе энергіи мысли; на мерзость заустѣнія на мѣсто вытѣсненныхъ, но ничѣмъ незамѣненныхъ формъ сознанія; на ослабленіе связи подростяющихъ поколѣній со взрослыми, замѣняемой лишь слабою связью съ чужими; на дезорганизацію общества, безнравственность, оподѣвнѣе.“

Примѣняя это къ Россіи, я думаю, что à priori, вліяніе финскихъ и другихъ племенъ, не вымершихъ, а поглоченныхъ русскими, на образованіе русской народности неподлежитъ сомнѣнію; но указанія на частные случаи этого вліянія, кромѣ нѣкоторыхъ лексическихъ заимствованій, большею частью ложны. Такъ мнѣніе, что великорусскія племена со стороны языка своимъ существованіемъ обязаны вліянію финновъ, остается ложнымъ, такъ какъ при нынѣшнихъ средствахъ языкознанія въ грамматическомъ строѣ великорусскихъ нарѣчій неможетъ быть открыто никакихъ слѣдовъ постороннихъ вліяній....

Возвращаясь къ денационализаціи и разрыву съ преданіемъ, слѣдуетъ прибавить, что съ точки зрѣнія языка подъ этимъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что разумѣютъ подъ нимъ поборники идеи народности, когда, напр., жалуются на расколъ между высшими и низшими слоями русскаго народа, между до-Петровской и послѣ-Петровской Русью. Народная традиція или развитіе народной жизни безъ выхода изъ коленъ имѣетъ много общаго съ традиціею извѣстной религіи или научнаго направленія. То, что съ одной точки кажется измѣною извѣстнымъ началамъ, съ другой—представляется лишь ихъ развитіемъ, ибо развитіе здѣсь есть лишь другая сторона предыдущаго момента. Человѣкъ, воспитанный въ догматахъ извѣстной религіи и потомъ дошедшій до ихъ отрицанія, по своему нравственному облику принадлежитъ къ ней настолько же, насколько послушный сынъ этой религіи. Западный протестантизмъ принадлежитъ къ школѣ католицизма, русскіе диссиденты—къ школѣ православія. Мысль эту, которая у насъ давно высказана, если не ошибаюсь, кѣмъ-то изъ славянофиловъ, теперь я нахожу у Штейнталя. Католикъ, протестантъ и еврей, сходящіеся въ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ, даютъ этимъ воззрѣніямъ каждый свою историческую подкладку ¹⁾. То же въ области науки. Послѣдователи Гримма и Боппа камень за камень разрушаютъ сложенное ими зданіе, но въ то же время они продолжаютъ ихъ дѣло такъ, что Гриммъ

¹⁾ Zeitschr. für Völkerpsychologie VIII. 1875, 266—7. (Zur Religionsphilosophie).

и Бопшъ при новыхъ условіяхъ немогли бы поступить иначе. Подобно этому, напр., въ русскомъ народѣ отчужденіе отъ народности мы можемъ наблюдать только въ отдѣльныхъ лицахъ, въ силу сословныхъ предразсудковъ съ дѣтства дрессированныхъ для этого. Но образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки на русскомъ языкѣ, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ теченію, какой бы анаемѣ ни предавали его изувѣры за отличіе его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрваній простолюдина, не только неотдѣленъ отъ него какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣетъ право считать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолюдинъ. Ихъ связываетъ единство элементарныхъ примовъ мысли, важность которыхъ неослабляется отъ сложности работъ, на которыя они употреблены. Но литературно-образованный человѣкъ своего народа имѣетъ передъ простолюдиномъ то преимущество, что на послѣднато вліяетъ лишь незначительная часть народной традиціи, именно, почти исключительно устное преданіе одной мѣстности, между тѣмъ какъ первый, въ разной мѣрѣ, приходитъ въ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни, взятымъ какъ въ его составныхъ частяхъ, такъ и въ конечныхъ результатахъ, состоящихъ въ письменности его времени.

Согласно съ этимъ, образованный человѣкъ несравненно устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ простолюдинъ. Послѣдній на чужбинѣ почти совершенно разрываетъ связи съ родиной, и хотя съ трудомъ и плохо выучивается чужому языку, но съ необыкновенной быстротой забываетъ свой, какъ напр., поляки солдаты въ русскомъ войскѣ. Для перваго и на чужой сторонѣ лучшая часть вліяній своей народности можетъ сохраниться. Замѣчу между прочимъ, что не-русскіе элементы языка одного изъ блистательнѣйшихъ русскихъ писателей, долго жившаго и умершаго за границей, происходятъ въ гораздо меньшей мѣрѣ отъ этого обстоятельства, чѣмъ отъ воспитанія.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, въ заключенію, что если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературъ. и если литературное образованіе, скажемъ больше, если

та доля грамотности, которая нужна для пользованія молитвенникомъ, бібліею, календаремъ на родномъ языкѣ, есть могуще-
ственнѣйшее средство предохраненія личности отъ денационализа-
ціи, то цивилизація не только сама по себѣ не сглаживаетъ на-
родностей, но содѣйствуетъ ихъ укрѣпленію. Предполагая, что въ
будущемъ смѣшеніе племенъ на той же территоріи увеличится,
слѣдуетъ принимать въ расчетъ, что въ тому времени увеличатся
и препятствія къ образованію смѣшанныхъ языковъ, состоящія,
кромѣ упомянутаго увеличенія въ каждомъ народѣ привычекъ къ
своему языку, и въ облегченіи средствъ поддерживать связь между
отдаленными концами одной и той же народности. Мы видимъ и
теперь напр., какъ группируются нѣмцы у насъ и въ Сѣверной
Америкѣ.

Но, говорятъ намъ, неужели мы невидимъ, что образованіе
національныхъ литературъ предполагаетъ сліяніе племенъ въ на-
ціи, объединяемая литературнымъ языкомъ? И развѣ неговорятъ
намъ замѣчательные филологи, что подъ вліяніемъ общенія мысли
языки становятся все болѣе и болѣе сходными въ важнѣйшихъ
сторонахъ своего строенія? Не вправѣ ли мы продолжить это
стремленіе до полного сліянія по крайней мѣрѣ европейскихъ
языковъ арійскаго племени? Конечно, мы вправѣ были бы это
сдѣлать, если бы послышки были вѣрны.

Между тѣмъ общія очертанія исторіи арійскихъ языковъ, по
которой, до дальнѣйшаго, мы можемъ судить объ остальныхъ, пред-
ставляются намъ въ видѣ ихъ дифференцированія не только въ
звухахъ, но и въ формахъ, взятыхъ въ ихъ употребленіи. Отъ
одного общаго языка пошло десять, одиннадцать или двѣнадцать,
смотря по тому, какъ считать, славянскихъ нарѣчій. Отдѣльные
народы денационализированы и нарѣчія вымерли, но въ общемъ это
несоставляетъ большого расчета, и врядъ ли кто-либо въ состоя-
ніи доказать, что когда-либо славянскихъ нарѣчій было больше,
чѣмъ теперь. Между тѣмъ доказательства противнаго весьма сильны.

Если бы кто вздумалъ понимать объединеніе племенъ въ на-
родъ, напр. русскій, какъ дѣйствительное сліяніе нѣсколькихъ

нарѣчій и поднарѣчій въ одно, какъ говорятъ, органическое цѣлое, тотъ создалъ бы себѣ мнѣ. Конечно, отдѣльные русскіе говоры вѣроятно возникли вслѣдствіе смѣшенія племенъ и взаимнаго проникновенія элементовъ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ говоровъ. Но не таково возникновеніе того, что мы называемъ русскимъ языкомъ. Этотъ языкъ есть совокупность русскихъ нарѣчій.

Народность съ точки зрѣнія языка есть понятіе отличное отъ такъ называемой „идеи національности“. Тѣмъ не менѣ эти понятія настолько связаны другъ съ другомъ, что требуютъ тщательнаго разграниченія.

Кажется очевиднымъ, что не только чутье, но и сознание народнаго единства, въ смыслѣ общенія мысли, устанавлиаемаго единствомъ языка, есть явленіе глубоко древнее, при томъ такое, время происхожденія коего неможетъ быть опредѣленно съ точностью. Въ отличіе отъ этого мы слышимъ, что идея національности родилась впервые въ началѣ нашего вѣка, что она дала толчокъ „постепенному выдѣленію личностей народовъ цивилизованныхъ“ „изъ первоначальнаго безразличія дикихъ народовъ“, что „великая заслуга сообщенія этого толчка“ можетъ быть приписана опредѣленнымъ личностямъ, въ Германіи—между прочимъ Фихте старшему, у насъ—славянофиламъ“ (Градовскій ¹⁾, 246). Подобныя мнѣнія высказываются и другими, но лишь отчасти справедливы. Конечно, въ отличіе отъ Экклезіаста, мы думаемъ, что подъ солнцемъ все ново и небываетъ повторенія событій. Идея національности нашего времени запечатлѣна своеобразностью, но подобныя появлялись и раньше. Родовое ихъ сходство состоитъ, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ. Такая идея есть не непремѣнный признакъ народа, а возникающій отъ времени до времени умыселъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ сдѣлать извѣстныя черты, приписываемыя народу, руководящимъ началомъ намѣренной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, обществъ, правительствъ этого народа,—сообщить большую энергію дѣятельности, возвеличить ея

¹⁾ Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ, Слб. 1873.

начала. Такимъ образомъ эта идея есть частью извѣстное содержаніе мысли, частью общее душевное настроеніе личности, кружка, общества, иногда, въ рѣдкія критическія минуты народной жизни—значительной части народа. Въ этомъ смыслѣ эту идею мы признаемъ вездѣ, гдѣ въ народѣ, подъ вліяніемъ враждебнаго столкновенія съ другими народами, возникаетъ апотеоза извѣстныхъ народныхъ признаковъ, и гдѣ на знамени пишется нѣчто въ родѣ: „съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтесь“; или: „съ нами цивилизація“ и потому опять-таки „покоряйтесь“.

Идея національности есть всегда родъ мессіанизма. Усматривая всеобщность этихъ чертъ, въ различныхъ, иногда противоположныхъ взглядахъ, обращенныхъ „идеею національности“, мы приходимъ къ мысли, что они суть неизбѣжное слѣдствіе извѣстныхъ усвоивъ народной жизни, и лишаемся и права и охоты относиться съ насмѣшкою къ явленіямъ, какъ наше славнофильство. Извѣстное стихотвореніе Хомякова выражаетъ весьма вѣрно настроеніе славнофиловъ и намекаетъ на необходимость возникновенія ихъ ученія, какъ противодѣйствія подобному и столь же одностороннему ученію культуртрегеровъ:

„Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:

Мы соль земли....

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой

Въ слова смиренья нерядиль....

Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы

Въ духовный міръ, въ Господень храмъ“,—

(Гр., 220, 233), т. е. Онъ со славнофилами, несмотря на то, что со стороны въ ихъ смиреніи была замѣтна гордость. Безъ этой гордости, будетъ ли ея мотивомъ извѣстная утрировка положительныхъ преимуществъ народа, измѣримыхъ „общимъ аршиномъ“, или *отра* въ грядущее, въ высокое назначеніе своего народа, пока усматриваемое только пророческимъ взоромъ, нельзя обойтись, какъ скоро обстоятельства,—такія ли, какъ наши, или такія, какъ въ Германіи начала нынѣшняго вѣка,—требуютъ удаленія „духа унынія“. Передъ судомъ потомства нѣтъ правыхъ,

но въ свое время, а отчасти и въ наше, славянофилы имѣли право сказать своимъ противникамъ, искавшимъ истины лишь внѣ себя:

„Цивилизація для нихъ фетишъ....

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,

Вамъ не снискать признанья отъ Европы:

Въ ея глазахъ вы будете всегда

Не слуги просвѣщенья, а холопы. (*Тютчевъ*).

Эти противники невидѣли того, что нѣмецкое культуртрегерство по меньшей мѣрѣ столь же односторонне. Упрекая славянофиловъ въ томъ, что они, будучи небольшимъ кружкомъ, всегда имѣли слабость говорить отъ лица всей Россіи, они невидѣли того, или мирились съ тѣмъ, что культуртрегеры берутся рѣшать за все человѣчество. Въ статьѣ Рюдигера, обратившей на себя ихъ вниманіе и переведенной на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующее. Идея національности, или просто національность, возникла лишь въ наше время наперекоръ успѣхамъ цивилизаціи, единственно лишь потому, что та же цивилизація устранила нѣкоторыя вліянія, враждебныя національности, что она ослабила аскетизмъ христіанства, измѣнила взглядъ на династическія права, разрѣшила муниципальную и сословную замкнутость, дала побѣду демократіи. Такимъ образомъ, сама цивилизація вызвала силу, враждебную высшимъ интересамъ человѣчества, ибо *національное стремленіе удержатъ народныя различія вопреки* нивелирующей цивилизаціи неизбѣжно переходить въ несправедливое пристрастіе къ своему, въ незнаніе чужого, въ пренебреженіе и вражду къ нему (98). Образование, неразлучное со стремленіемъ за предѣлы одного народнаго, старается пренебрегать несущественными различіями. Образованный умъ отъ всякаго мнѣнія требуетъ истины, отъ художественнаго произведенія—красоты, отъ учрежденія—цѣлесообразности. Но во всякомъ народѣ многое невыдерживаетъ такой повѣрки, и нужна особенная любовь къ своему, чтобы считать сказку о древнихъ вѣкахъ народной исторіи за истину, грубую образину грубыхъ вѣковъ—за мастерское произведеніе искусства, нелѣпый законъ—за произведеніе глубочайшей государственной

мудрости. Во многихъ народакъ толпа вѣрить подобнымъ вещамъ, а знающіе больше несмѣютъ ей противорѣчить (119). Національность можетъ служить и прогрессу, и реакціи, смотря по тому, что именно до сихъ поръ препятствовало національному развитію. Такъ, напр., національныя стремленія либеральны въ Германіи, гдѣ свободѣ и единству противодѣйствуютъ государи; но онѣ враждебны прогрессу тамъ, гдѣ онѣ враждебны національности. „Такъ въ славянскихъ земляхъ ненавидятъ нѣмецкую образованность т.-е. почти всю образованность, какая тамъ есть, и ясно стремятся къ варварству прежнихъ вѣковъ“ (103).

Здѣсь подѣ національностью мы должны разумѣть „идею національности“, а не народность въ обширномъ смыслѣ, ибо если подѣ этою послѣднею будемъ понимать не болѣе какъ сосудъ цивилизацій; то и въ такомъ случаѣ мы не въ состояніи будемъ понять, какъ развитіе содержимаго могло неразрушить сосудъ, (какъ птица, вылевываясь изъ яйца, разрушаетъ скорлупу), а напротивъ укрѣпить этотъ сосудъ. При этомъ, повидимому, идеѣ національности, какъ силѣ, враждебной цивилизаціи, приписывается, какъ постоянный признакъ—ложь. Но, исключивъ недобросовѣстныхъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ, образованномъ или нѣтъ, развѣ можно сказать, что необразованный умъ принимаетъ то, что про себя считаетъ ложью, безобразіемъ, нецѣлесообразностью, за нѣчто противоположное, только потому, что такъ думаютъ его соотечественники? И носители національной идеи, какъ поклонники единой вселенской цивилизаціи, считаютъ мысль истинною только до тѣхъ поръ, пока неубѣдились въ ея ложности. Приписывать имъ требованіе, что личное мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ большинства, должно быть подавляемо—крайне несправедливо. Даже тогда, когда ихъ идеалы позади, эти носители являются всегда представителями начала движенія, а не застою.

Именно поэтому съ гораздо большимъ основаніемъ ихъ можно упрекнуть въ телеологической точкѣ зрѣнія на исторію какъ на исполненіе призванія, развитіе предначертанныхъ началъ, вопло-

щеніе заранѣе готовой идеи. Это замѣтно, между прочимъ, у А. Градовскаго, несмотря на то, что онъ старается возвыситься надъ точкою зрѣнія славянофиловъ. Онъ говоритъ: „народное творчество—вотъ послѣдняя *цѣль*, *указываемая наукой* каждому племени, цѣль, безъ которой неможетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго“ (Град., 146). Особенность Градовскаго состоитъ въ томъ, что у него „послѣдняя цѣль“ указывается не провидѣніемъ, а наукою, отъ чего дѣло теряетъ большую часть своей ясности. Что можетъ значить „указаніе цѣли“ Сущему наукой, т.-е. въ концѣ концовъ вами лично, ибо наука, какъ извѣстно, говоритъ только устами отдѣльныхъ своихъ представителей? Неможетъ быть, чтобы русскій народъ до сочиненія такого-то профессора неимѣлъ цѣли. Вѣроятно, слѣдуетъ понимать по прежнему, что эта цѣль была предначертана, и только открыта, говоря возвышеннымъ слогомъ, наукою, а по просту—такимъ-то ¹⁾). Но если наука не въ состояніи вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ это и есть въ дѣйствительности) открыть, гдѣ кончается подражаніе и начинается творчество, то открытіе это пустое. И если когда-либо будетъ достигнуто совершенство рода человѣческаго, такъ что дальше некуда будетъ ити, то наука не въ состояніи будетъ этого замѣтить. Въ отличіе отъ національной идеи понятіе народности, опредѣляемое языкомъ, кажется несовмѣстимымъ съ орудованіемъ идеями, какъ конечная цѣль и достиженіе совершенства. Народъ, какъ и языкъ, имѣетъ безчисленное множество цѣлей, достигаетъ ихъ именно тѣмъ самымъ, что живетъ, но для земного наблюдателя неимѣетъ ни одной конечной.

Странность взглядовъ Рюдигера объясняется тѣмъ, что его „цивилизациа“, какъ общечеловѣческое начало, есть въ дѣйствительности цивилизациа съ точки зрѣнія нѣмецкой національной идеи, столь же узкой, какъ и славянская. Онъ на себѣ доказываетъ свои слова, что „національные взгляды необходимо односторонни, и національ-

¹⁾ И кромѣ Градовскаго у многихъ ученыхъ есть эта замашка говорить отъ имени науки, какъ будто они, или нѣкто подразумеваемый, у нея по особымъ порученіямъ, иногда вступаться за ея честь, какъ будто она имѣетъ тетку или сестра, или другая близкая особа слабого пола.

ное чувство немислимо безъ несправедливости къ чужимъ" (118). Въ сущности Рюдигеръ говоритъ: благо, если „свое“ хорошо, какъ у нѣмцевъ; тогда его охраненіе и развитіе законно. Но у славянъ „свое“ дурно, и потому любовь къ нему и ея послѣдствія суть преступленія противъ челоуѣчества. Но кто сказалъ, что „свое“ у нѣмцевъ хорошо, и что оно должно стать общечелоуѣческимъ? Кто опредѣлилъ содержаніе этого прогрессивнаго „своего“ и рѣшилъ его несовмѣстимость съ инонародною формою? Сами же носители нѣмецкой національной идеи, которые хотятъ быть судьями въ своемъ дѣлѣ и выдаютъ личную мѣрку за абсолютную. Ихъ идеаль въ концѣ концовъ сходенъ съ идеаломъ славянофиловъ. Какъ эти мечтали о денационализациі славянскихъ племенъ русскими, такъ тѣ видятъ всемірное назначеніе нѣмцевъ въ денационализациі сосѣднихъ народовъ. Взявши денационализацию въ самомъ мягкомъ ея видѣ, мы получимъ, что развитіе цивилизациі съ точки зрѣнія культуртрегероу должно совершиться на чужой счетъ; за обученіе врагоу цивилизациі добру, истинѣ и красотѣ, и учителямъ должно перепадать кое-что въ видѣ матеріальнаго богатства или менѣе вещественныхъ удовольвореній, сопряженныхъ съ властью. Такимъ образомъ и здѣсь мы можемъ перефразировать слова Мефистофеля: „Was man den Geist der Zeiten heisst, das ist im Grund der Herren eigener Geist“—то, что вы называете общечелоуѣческимъ, есть только ваше; оно еще необязательно для всѣхъ, но вы хотите его сдѣлать такимъ, получить за это плату и сверхъ того сохранить при этомъ убѣжденіе, что даромъ потрудились на благо челоуѣчеству. Вы говорите: „съ нами Богъ“, но этого Бога создали вы сами, хотя и не безъ достаточнаго основанія, не безъ нужды для вашей собственной жизни, но безъ вниманія къ тому, годится ли этотъ Богъ для другихъ и захотятъ ли, и могутъ ли другіе увѣровать въ него добровольно, или же вѣра въ него должна быть вкочлена. Если это послѣднее справедливо, то допустивши даже, что извѣстной народности предстоитъ всемірное значеніе, мы должны будемъ признать, что развитіе цивилизациі совершается

въ видахъ всего человѣчества, ибо все человѣчество заключаетъ въ себѣ и подавляемые народы, то есть частью обрацаемые въ прахъ и пепель, частью денационализуемые, которымъ при этомъ неможеть быть по себѣ.

Какъ попытка устранить односторонность идеи національности и ограничить позывы къ обнѣмечиванію, обрушенію и т. д., выставляется *право* національныхъ культуръ, то есть право народовъ на самостоятельное существованіе и развитіе.

Измѣненіе взглядовъ на отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ, между общенароднымъ и свойственнымъ части народа, между этимъ послѣднимъ и личнымъ, объясняется до нѣкоторой степени, если будетъ поставлено въ рядъ движенія человѣческой мысли, состоящаго въ переходѣ отъ признанія объективной связи между изображеніемъ и изображаемымъ, къ ограниченію и отрицанію этой связи.—Типомъ этого движенія можеть служить любой изъ случаевъ, въ огромномъ количествѣ собранныхъ изслѣдователями первобытной исторіи мысли. Напримѣръ, сначала человекъ, думая и говоря о враждебномъ существѣ, какъ волеъ, приписываетъ своей мысли не ту лишь долю бытія, какую она имѣеть, какъ проявленіе его личной мысли, а гораздо болшую, состоящую въ непосредственной силѣ приблизить, удалить, прогнѣвать или умилоствитъ это существо. Мысль лица представляется здѣсь сначала непосредственнымъ рычагомъ внѣшняго объективнаго бытія. Затѣмъ ея могущество приводится лицомъ въ тѣ границы, которыя намъ кажутся естественными: ей приписывается непосредственное вліяніе только на само дѣйствующее лицо. Изъ примѣра видно, что подъ *изображеніемъ* разумѣется здѣсь не только *выраженіе* мысли въ рисунокѣ, словѣ, обрядѣ, но и сама эта мысль, по отношенію къ своему объекту.

Убѣжденіе въ тождествѣ или объективной связи изображенія въ этомъ обширномъ смыслѣ слова и изображаемаго свойственно не одному лишь дѣтству человѣческой мысли, какъ думаютъ многіе. Это убѣжденіе лишь мѣняетъ свое содержаніе съ успѣхомъ знаній. Усилія мысли снимають съ истины одинъ покровъ за

другимъ; но то, что въ первыя минуты открытія казалось голою истиною, вслѣдъ затѣмъ непремѣнно оказывается лишь новою ея оболочкой. Борьба съ предрасудками есть безконечная работа. У насъ нѣтъ мѣрки, которая давала бы право сказать, что въ наше время предрасудковъ убавилось. До сихъ поръ оскорбленіе словомъ, какъ унижительное для оскорбленнаго, считается за оскорбленіе дѣломъ и нерѣдко влечетъ за собою весьма реальную месть, несравненно большую, чѣмъ та, какой можно бы ожидать, если бы при этомъ принималось во вниманіе не предрасудочное отождествленіе слова и вещи, а лишь вліяніе слова на мнѣніе другихъ лицъ и на проистекающія отсюда дѣйствія. Науку напрасно стараются нѣкоторые отгородить рѣзкими и неподвижными границами отъ миѣической мысли, ибо разница здѣсь лишь въ степени. Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ начало критической мысли въ такой-то опредѣленной точкѣ исторіи, можно думать, напр., не только то, что каннибализмъ имѣлъ рациональныя основанія, но и то, что основанія ему положены именно критической мыслью, совершенно аналогичной съ тою, которая нынѣ стремится измѣнить и улучшить строй общества.

И въ наукѣ донинѣ продолжается отождествленіе изображенія и изображаемаго въ видѣ субстанціи понятій. Давно ли душевныя способности принимались за нѣчто реальное, и самая душа считалась чѣмъ-то реальнымъ, а не мысленнымъ объединеніемъ извѣстнаго ряда признаковъ. Развѣ недумаютъ многіе, что матерія есть вещь, а прочее все гиль? Давно ли считалось общепризнаннымъ, что общечеловѣческая мысль воплощается въ языкѣ, такъ что, если мы, поставимъ передъ собою эту мысль, откроемъ извѣстныя ея свойства, то можемъ быть увѣрены, что изслѣдованіе языка обнаружитъ намъ тѣ же свойства? Приемъ несомнѣнно ученый, но представляющій аналогію съ тѣмъ, когда, наприм., по сновидѣнію, по чертамъ на бараньей лопаткѣ и пр. гадаютъ о вѣшнихъ для этихъ предметовъ и явленій событіяхъ.

Само столь обычное и необходимое для насъ противоположеніе мысли и объекта есть тоже субстанціи мысли, ибо „безусловно—

объективное", то, чѣмъ въ концѣ концовъ условлена наша мысль, намъ совершенно недоступно, а то, что мы называемъ объектомъ, при самомъ правильномъ пониманіи, оказывается тоже мыслью, но еще неотдѣлившейся отъ чувственныхъ воспріятій, еще регулируемою ими. То, что называется ходомъ объективированія мысли, есть терминъ неточный и состоитъ въ равной мѣрѣ въ признаніи элементовъ объекта субъективными.

Переходя къ *общечеловѣческому* и *народному*, посмотримъ, какъ судить о нихъ А. Градовскій, авторъ сочиненія, вообще весьма хорошаго, несмотря на то, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ оно было представлено чуть ли не преступленіемъ противъ общества.

До сихъ поръ мысль, что „идея челоѣчества воплощается въ исторіи отдѣльныхъ народовъ“, иными считается за глубокую философскую истину и понимается такъ, что идея, какъ воплощающаяся въ чемъ-то независимомъ отъ меня, говорящаго это, и сама независима отъ меня и существуетъ сама по себѣ. „Но,—говоритъ Градовскій,—отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ таково, какъ между логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ“. „Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ... обобщенія частныхъ явленій“. „Оно неимѣетъ реального бытія“ и существуетъ только въ мыслящемъ лицѣ и черезъ него (239). Кажется, это довольно ясно. Отсюда правоученіе, что неслѣдуетъ и невозможно жертвовать народнымъ, какъ живымъ и реальнымъ, общечеловѣческому, какъ призрачному и отвлеченному.

Между тѣмъ рѣшимость автора оказывается шаткою. „Неужели,—говоритъ онъ,—по нашему мнѣнію, общечеловѣческое есть только логическая фикція, плодъ абстракціи, неимѣющей никакого значенія въ жизни народовъ? О, вѣтъ! это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей челоѣческаго духа и ума—способности... къ составленію общихъ понятій“ (240). До сихъ поръ это то же, что мы видѣли и выше. Казалось бы даже, что излишне и говорить объ этомъ, такъ какъ

признаніе *общечеловѣческаго* понятіемъ *незавключаетъ* въ себѣ его отрицанія. Но дѣло въ томъ, что авторъ и самъ, по слѣдамъ предшественниковъ, *впадаетъ* въ мифологію, приписывая этому понятію иное существованіе, чѣмъ то, какое ему подобаешь, какъ обобщенію, исходящему отъ лица: „Вмѣсто того чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи, т.-е. о совокупности такихъ условій культуры, которыя *должны быть* усвоены цѣлымъ кругомъ народовъ, какъ бы эти народы ни расходились во всемъ остальномъ“ (237—8). Если общечеловѣческое имѣетъ принудительную силу для всѣхъ народовъ, то, значитъ, оно представляется чѣмъ-то болѣе существеннымъ, чѣмъ другія обобщенія.

Далѣе авторъ специализируетъ эти условія. Это, во-первыхъ, „тѣ условія, безъ которыхъ *немыслима* нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа, каковы бы ни были особенности его культуры“... напр. личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, обезпеченіе условій народнаго здравія, продовольствія, образованія и т. д. „Понятіе общечеловѣческаго является (здѣсь) даже основаніемъ для критики національных несовершенствъ“, напр., когда съ этой точки отвергается утвержденіе, что „рабство есть естественное призваніе негра“. Во-вторыхъ, это вышнія условія осуществленія *человѣческихъ цѣлей*, напр.: пути сообщенія, орудія обмѣна, машины, техника въ поэзіи и искусствѣ и т. д. (240—1).

Нетрудно однако возразить, что все это можетъ разсматриваться только, какъ народное, т.-е., напр., съ одной стороны, личная безопасность, свобода и пр. каждымъ народомъ понимается различно; съ другой стороны, даже въ употребленіи и пониманіи вещей, переходящихъ отъ одного народа къ другому, существуетъ большое разнообразіе. Такъ, напр., дикарь можетъ носить подаренный ему мундиръ безъ рубашки и панталонъ. Еще менѣе замѣтна общечеловѣчность въ приемахъ производства. Неужели, напр., авторъ думаетъ, что силлабическое стихосложеніе на русской почвѣ было равно польскому или французскому, или что есть, напр., въ живописи и гравюрѣ не только два народа, двѣ школы,

но даже два художника съ одинаковой техникой? Если бы рѣчь шла только о возможности дѣлать отъ всего отвлеченія, то не стоило бы приводить частныхъ примѣровъ; но дѣло идетъ о большемъ, именно о возможности критики *народнаго*, съ точки зрѣнія *общечеловѣческаго*. Такая критика однако настолько же миеологична, насколько была таковою попытка вывести нормальныя условія жизни пса, или же возможности его акклиматизаціи тамъ-то изъ свойствъ рода, обнимающаго собаку, волка, шакала и пр.

Но наиболѣе очевидна субстанціація мысли въ самомъ противоположеніи общечеловѣческаго, какъ понятія, народному, какъ реальному явленію. То и другое реально и идеально ровно настолько, насколько реально и идеально понятіе. Такъ, видъ въ зоологій и ботаникѣ имѣетъ нивакъ не болѣе правъ на объективное бытіе, чѣмъ родъ понятія. Русскій народъ такъ точно, какъ и понятіе „общечеловѣческое въ цивилизаціи“,—если будемъ на него смотрѣть сверху внизъ ¹⁾ т.-е. по направленію къ элементамъ, изъ коихъ оно возникло,—немедленно распадется на частныя: племена, классы, милліоны недѣлимыхъ въ разные вѣка. Очевидно, что крайне ошибочно было бы реальность приписать личности въ отличіе отъ идеальности понятія „народъ“, ибо личность, мое я есть тоже обобщеніе содержанія, измѣняющагося каждое мгновеніе. Ключъ къ разгадкѣ явленій личной, семейной, родовой, племенной, народной жизни скрытъ глубже, чѣмъ въ абстракціи, называемой личностью. Отсюда слѣдуетъ, что противоположеніе реальности народа идеальности челоѣчества есть весьма плохое лекарство отъ неумѣренныхъ претензій національной идеи, выдающей себя за общечеловѣческое. Единственное лекарство отъ такихъ ошибокъ мысли состоитъ въ томъ, чтобы держать понятіе незамѣнутымъ, открывать его приливу новыхъ элементовъ, который незамедлитъ разрушить понятіе, преобразовавъ его въ новое. Въ иныхъ случаяхъ эти спекуляціи инымъ кажутся болѣе опасными, чѣмъ...²⁾). Напр., если бы кто сказалъ, что понятіе о единомъ

¹⁾ Съ этого мѣста рукопись утрачена, и статья воспроизводится такъ, какъ напечатана въ Вѣстн. Евр.

²⁾ Пропускъ.

народъ (такомъ-то) заключаетъ въ себѣ несомѣстимыя противорѣчія и потому разрушается, то иной могъ бы подумать, что отъ этого пошатнутся столбы государственнаго и народнаго зданія. Но въ успокоеніе такихъ опасеній можно указать на то, что идеи начинаютъ руководить жизнью лишь послѣ, чрезъ длинные періоды, какіе нужны для превращенія ихъ, такъ сказать, въ черноземъ мысли, т.-е. въ нѣчто, о чемъ больше нераассуждаютъ.

Преимущество понятія *народнаго*, опредѣляемаго языкомъ, предъ общечеловѣческимъ, или народнымъ въ смыслѣ „идеи національности“, состоитъ въ томъ, что первое объективнѣе въ томъ смыслѣ, что менѣе апіорно, а потому, оно сильнѣе возбуждаетъ изслѣдованіе. Штейнталь ¹⁾, сказавши о возникновеніи обособленной личности, какъ продукта духовнаго развитія изъ общаго (*das Gemeine*, общее и вмѣстѣ пошлое), даннаго природою, продолжаетъ: „Но затѣмъ болѣе благородныя души (*Geister*) постолько преодолеваютъ ограниченность индивидуальности, что изображаютъ общій законъ и идеалы (*das allgemeine, das gemeinsame Gesetz und Ideal*)“. Стало быть, по его мнѣнію, расходящіяся линіи дифференцированья преломляются въ высшихъ сферахъ развитія и вновь сближаются другъ съ другомъ. Подобную мысль высказываетъ и Орестъ Миллеръ, говоря о дифференцированіи личности и народа. Появленіе самостоятельной личной мысли и сохраненіе ея при помощи письменности сообщаетъ движеніе народной жизни. „Разнообразясь въ проявленіяхъ своей жизни и движась впередъ, народъ не только неперестанетъ быть, но именно чрезъ это дѣлается въ полномъ смыслѣ самимъ собою; чѣмъ болѣе возникаетъ въ народѣ отдѣльныхъ физиогномій, тѣмъ болѣе всѣми этими физиогноміями *выяснится*, опредѣлится и выступитъ весь наружу общій складъ народнаго духа или *народный типъ*. Именно въ эпоху первобытную, т.-е. въ эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало рознятся между собою; потому-то и первобытная пора ихъ устной словесности представляетъ безъ всякаго

¹⁾ Zeitschrift für Völkerpsychol., II, 1862.

умышленного заимствования другъ у друга несравненно болѣе сходствъ, чѣмъ особенностей. Позже и въ устной словесности, въ силу долгой работы понемногу проникающей и въ нее личной мысли, начинаютъ выражаться и особенности народныя. Но только въ литературѣ — конечно здоровой, самостоятельной, и *окончательно* и *вполнѣ* можетъ выразиться личная фязіогномія народа.

„Между тѣмъ въ *этомъ проявленіи личности не только не исчезаютъ общечеловѣческія основы*, но, напротивъ, именно въ ней и *достигаютъ онѣ своего настоящаго окончательнаго развитія*. Такъ точно типъ человѣческаго лица своего *высшаго* и *полнѣйшаго* развитія достигаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ характерную, опредѣлившуюся фязіогномію, а не въ тѣхъ, въ которыхъ незамѣтно ничего, кромѣ общихъ составныхъ частей человѣческаго лица.

„Про лицо, въ которомъ есть только глаза, носъ, ротъ и пр... и во всемъ этомъ ничего особеннаго, ничего такого, что бы принадлежало только одному этому лицу, такъ и хочется сказать: „какое это пошлое, нечеловѣческое лицо!“ Главное въ человѣческомъ типѣ именно и составляетъ способность, во всѣхъ человѣческихъ лицахъ, сохраняя общія свой основанія, въ то же время становиться въ каждомъ изъ нихъ чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Поэтому-то и то, что выражаетъ собою всего полнѣе не физическій, а духовный типъ человѣческаго рода — словесность, своего полнаго развитія достигаетъ и со всею ясностью выводитъ наружу *всю глубину человѣческаго духа* именно тогда, когда являются въ словесности произведенія отдѣльныхъ лицъ, т.-е. личного творчества, изъ которыхъ каждое составляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ“ ¹⁾.

Здѣсь прежде всего нужно устранить ошибочную мысль (или, быть можетъ, лишь ошибочное, безъ нужды мнѳологическое выраженіе), что „личное творчество выводитъ наружу всю глубину человѣческаго духа“. Какъ будто эта глубина не тогда только и возникла, когда обнаружилась! Какъ будто полнота развитія есть

¹⁾ Ор. Миллеръ, Опытъ истор. обозрѣнія русск. слов., стр. 18—19. 1866.

нѣчто заранѣе данное, но лишь скрытое и спящее до поры, какъ, по миеологическому воззрѣнію, искра въ кремнѣ. Затѣмъ: вѣрно, что дифференцированіе народовъ связано съ обособленіемъ въ нихъ личностей; но думать, что дифференцированіе народовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ общечеловѣчности, это все равно, что думать, что человѣкъ, возвышаясь надъ своими звѣрообразными предками, стремится къ общеживотности. Приближеніе къ общечеловѣчности мы можемъ представить себѣ лишь позади нынѣшняго уровня развитія человѣчества, тамъ, гдѣ и Миллеръ видитъ сходство между народами, независимое отъ заимствованія, Но по направленію къ будущему общечеловѣчность, въ смыслѣ сходства, можетъ только уменьшаться. Она увеличивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія, подобно тому, какъ съ возникновеніемъ человѣка усиливается его вліяніе на животныя и растенія и наоборотъ.

Отдѣлъ второй.

ТРОПЫ и ФИГУРЫ.

О тропахъ и фигурахъ вообще.

Gust. Gerber. „Die Sprache als Kunst“ 2-te auflage, 1885.
Г. I, 561; Г. II, 526. Berlin.

Основное воззрѣніе Гербера характеризуется его дѣленіемъ искусствъ: 1) искусства *зрѣнія*: а) зодчество, б) ваяніе, в) живопись; 2)—*слуха*: а) музыка, б) Sprachkunst, в) Dichtkunst (I, 32; II, 339), при чемъ членамъ 1^б и 2^б особенно, преимущественно передъ 1^а и 2^а свойственна-дѣ аллегоричность. Къ 2^б относятся, кромѣ „эстетическихъ фигуръ“, отличаемыхъ отъ соотвѣтственныхъ формъ внутри языка (троповъ и грамматическихъ фигуръ), еще „die selbständigen Werke der Sprachkunst“, т. е. между прочимъ пословица, басня, притча.

Начиная отъ древнихъ грековъ и римлянъ и съ немногими исключеніями до нашего времени опредѣленіе словесной фигуры вообще (безъ различія тропа отъ фигуры) необходимо безъ противопоставленія рѣчи простой, употребленной въ собственномъ, *естественномъ*, первоначальномъ значеніи, и рѣчи украшенной, переносной. Ср. напр. съ одной стороны—новыхъ:

„Фигурой рѣчи называется уклоненіе отъ обыкновеннаго способа выражаться, съ цѣлью усилить впечатлѣніе“ (*Бэнз* „Стилистика и пр.“ перев. Грузинскій, М. 1886 стр. 8).

„Der tropus ist ein zum Schmuck der Rede von seiner ursprünglichen natürlichen Bedeutung auf eine andere übertragener Ausdruck, oder, wie die Grammatiker meist definiren, eine von der Stelle, wo sie eigentlich ist, auf eine andere, wo sie uneigentlich ist, übertragene Redeweise (Volkman, Rhetorik der Griechen und Römer, p. 391 ¹). (Это — переводъ изъ Квинтиліана).

¹) Цит. изъ сочиненія: Figure и našom narodnom pjesničtvu s njohovom teorjom. Napisao Luka Zima. Na sviet izdala Jugosl. Akad. znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1880, (335 стр.), стр. 5.

„Figur ist eine kunstmässig geänderte Form des Ausdrucks, eine bestimmte und von den gewöhnlichen und *zuerst* sich darbietenden Art entfernte Gestaltung der Rede (ib. Zima, 6).

—Съ другой стороны— древнихъ:

„*Ornari* orationem Graeci putant, si verborum immutationibus utantur, quas appellant *τρόπος*; et sententiarum orationique formis, quae vocant *σχήματα*“ (Cic. Brut. 17, 69).

„Tropus est verbi vel sermonis a *propria* significatione in aliam cum virtute mutatio (Quint, VIII. 6 ¹).

„Est igitur tropus sermo a naturali vel principali significatione translatus ad aliam, ornandae orationis gratia, vel (ut plerique grammatici finiunt) dictio ab eo loco, in quo propria est, translata in eum. in quo propria non est“ (Quint, IX, 1, 5).

„Figura.... est conformatio quaedam orationis, remota a communi et primum ee offerente ratione (Quint. у Зимы, 6).

„*Τῆς δὲ φράσεως εἶδη εἰσὶ δύο, κυριολογία τε καὶ τρόπος. Κυριολογία μὲν οὖν ἐστὶν ἡ διὰ τῆς πρώτης; θέσεως τῶν ὀνομάτων τὰ πράγματα σημαίνουσα—τρόπος δὲ ἐστὶ λόγος κατὰ παρατροπὴν τοῦ κυρίου λεγόμενος κατὰ τινα δῆλωσιν κοσμιωτέραν ἢ κατὰ τὸ ἀναγκαῖον“ (Tryphon „*Περὶ τρόπων*“, ed. Spengel, III, 191, Zima, 5).*

Говоря объ украшеніи рѣчи, мы предполагаемъ, что мысль въ словѣ можетъ явиться и неукрашенной, подобно тому какъ можно построить зданіе, а потомъ, неизмѣняя общихъ его очертаній, прибавить къ нему скульптурныя и живописныя подробности. Такимъ образомъ украшеніе будетъ роскошью, исключающею мысль о необходимости.

Однако уже и древніе должны были допустить, что украшеніе рѣчи можетъ быть и необходимо:

„*Illustrant* (orationem), quasi stellae quaedam, translata verba atque immutata. Translata ea dico, quae per similitudinem ab alia re aut suavitatis, aut *inopiae* causa transferuntur; immutata, in quibus pro verbo proprio suhicitur aliud, quod idem significet,

¹) Тропъ есть перенесеніе слова отъ собственнаго значенія къ несобственному, напр., *острый умъ* (собств. *острая сабля*)“ (Мининъ, Теор. сл. 8, Сиб. 1872 г.).

sumptum ex re aliqua consequenti (Cic. Or. 27, Gerb. I, 332. translata—по аналогіи {метафора), immutata—по болѣе тѣсному сочетанію представленій).

„Translatio ita est ab ipsa nobis concessa natura, ut indocti quoque ac non sentientes ea frequentes utantur.... *Copiam* quoque *sermonis auget* permutando aut mutuando, quae non habet; quodque difficillimum est, praestat, ne ulli rei nomen deesse videatur. Transfertur ergo nomen aut verbum ex eo loco, in quo proprium est, in eum, in quo aut *proprium deest*, aut translatum proprio melius est. Id facimus, aut quia *necesse* est, aut quia significantius est aut quia decentius“ (Quint. VIII, 6, 4, у Gerb. I, 332).

Усвоивъ себѣ основныя понятія нынѣшняго языкованія и спрашивая себя затѣмъ, какъ возникло богатство (*copia sermonis*) наличныхъ языковъ, мы отвѣчаемъ:

Независимо отъ отношенія словъ первообразныхъ и производныхъ, всякое слово, какъ звуковой знакъ значенія, основано на сочетаніи звука и значенія по одновременности или послѣдовательности, слѣдовательно есть метонимія.

Нѣсколько сотъ тысячъ словъ языка, какъ русскій (у Даля около 200 т.) и т. п., возникли изъ небольшого числа корней (500 — 1000). Поэтому, если бы даже допустить невѣроятное, что эти корни были собственными выраженіями, количество словъ переносныхъ, возникшихъ по необходимости, *inopiae causa*, въ нѣсколько сотъ разъ превосходило бы количество собственныхъ. Но и эта уступка невозможна. То, что является корнемъ относительно своихъ производныхъ, было словомъ съ тѣми же тремя элементами значенія, какіе различаютъ во всякомъ вновь образуемомъ словѣ: образъ, собственно значеніе и его связь съ образомъ. Всѣ значенія въ языкѣ по происхожденію образны, каждое можетъ съ теченіемъ времени стать безобразнымъ. Оба состоянія слова, образность и безобразность, равно естественны. Если же безобразность слова сочтена была за нѣчто первоначальное (тогда какъ она всегда производна), то это произошло отъ того, что она есть временный покой мысли (тогда какъ образность есть новый ея

шагъ), а движеніе болѣе привлекаетъ вниманіе и болѣе вызываетъ изслѣдованіе, чѣмъ покой.

Спокойный наблюдатель, разсматривая готовое переносное выраженіе или болѣе сложное поэтическое созданіе, можетъ найти въ своей памяти соотвѣтственное безобразное выраженіе, болѣе образнаго соотвѣтствующее его (наблюдателя) настроенію мысли. Если онъ говоритъ, что это безобразное есть „*compositis et primum se offerens ratio*“, то онъ свое собственное состояніе приписываетъ создателю образнаго выраженія. Это въ родѣ того, какъ если бы ожидать, что среди горячей битвы возможно такое же спокойное разсужденіе, какъ за шахматной доской, если играютъ заочно. Если же перенестись въ условія самаго говорящаго, то легко перевернуть утвержденіе холоднаго наблюдателя и рѣшить, что *primum se offerens*, хотя и не „*compositis*“, есть именно образное. И въ случаяхъ, когда мы мысленно устранимъ вполне или отчасти безобразное выраженіе и замѣнимъ или дополнимъ его образнымъ, послѣднее не необходимо лишь въ томъ случаѣ если оно нехорошо. Понятія достоинства выраженія, его красоты тождественны съ его соотвѣтствіемъ мысли, его необходимостью. Побужденія эстетическія и логическія (цѣли познанія) здѣсь нераздѣльны.

Въ примѣненіи къ сложнымъ поэтическимъ произведеніямъ случаи, когда первое приходящее на мысль есть рядъ отвлеченныхъ понятій, а второе — образы, не измѣняющіе этихъ понятій — суть случаи ненужности поэтическихъ произведеній, отсутствія плодотворности движенія мысли, низкаго достоинства образовъ.

Примѣръ ненужности образа: стихотвореніе Плещеева „*Два пути*“ (посв. И. С. Аксакову) обращено къ дѣтелямъ 60-хъ годовъ, которымъ хорошо было извѣстно отношеніе къ двумъ дорогамъ, и новаго авторъ, исходившій изъ отвлеченнаго положенія, ничего имъ не сказалъ. (Ср. Ксенофонта „*Меморабилии*, кн. II, гл. I, 20, 23. — Ев.: „внидите узкими врата“, „широкъ путь вводяй въ пагубу“). Тотъ же образъ является необходимымъ въ устахъ Іоанна Вишенскаго (изъ Вишни).

Какъ нынѣ германизация говоритъ чехамъ и охотно сказала бы Руси, а полонизация говоритъ Руси: „отдай мнѣ свое я, а я отдамъ свою цивилизацию, а не дашь души, значить не хочешь и цивилизации“, такъ было и издавна. И много нужно было силы душевной, чтобы не пойти на эту сдѣлку и, *примыняя къ себѣ и своимъ*, какъ Іоаннъ изъ Вишни, слѣдующее мѣсто Евангелія: „и поятъ его діаволъ на гору высокую зѣло и показа ему вся царствія міра и славу ихъ, и глагола ему: сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонити ми ся. Тогда глагола ему Іисусъ: иди за мною (*Благе Сатанѣ*), писано бо естъ: Господу Богу твоему повлонишися и тому единому послужиши“ (Мат. 4, 8) *сказать сатанъ*:

„Чтожь ми дашь, діаволе, именууй, да знаю напередъ?“ — Если хочешь бискупомъ... арцибискупомъ, кардиналомъ... бити, падъ повлони ми ся, я тебе дамъ... И если хочещи подкоморымъ или судіею... старостою... воеводою, гетманомъ и канцлеромъ бити, падъ повлони ми ся... я тебѣ и вроевство дамъ...если хочещи хитрецемъ, мастеромъ, ремесникомъ руководильнымъ бити и другихъ вымысловъ (=омъ?) превозыйти, чемъ бы еси и отъ сусѣдъ прославитися и деньги собрати могль, падъ повлонимися, я тебе упремудрю, научю, наставлю и въ досконалость твоего променія мысль твою приведу“. „Чтожь за позитокъ съ того твоего дарованія... воли я живота вѣчнаго отпаду?“ (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I, 19 — 24).

Какъ и нынѣ, ¹⁾ нужно было говорить: „Не бо азъ хую граматичное ученіе и ключъ въ познанію складовъ и рѣчей, яко же нѣццы мнятъ и подобно глаголютъ: „занеже самъ неучился, того ради и намъ завидитъ и возбраняетъ“... Не вѣдомость хую художества, але хую, што теперешніе наши новые русскіе философы незнають въ церкви ничто же читати, ни тое самое псалтыри и часослова. А снадь (s. вм. *знать*), если бы хто што с-трохи и зналь, явъ южь досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогда южь псалтыри читати ся сѣромѣетъ, и прочее правило церковное ни за что вмѣняетъ, и яко простое и дурное бити разумѣетъ. А тежь невижу иншихъ, толко прѣстою наукою нашего

¹⁾ Читано въ 1868 году.

благочестія воспитавшіся, тые и подвигъ церковный и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемы казнодѣи, трудитися въ церкви нехочутъ, толко комедіи строкуютъ и играютъ“. И недивно! Приведу притчу: Коли южь хто наказанія внѣшняго с-троху (с. вм. страху) досягль, подобенъ коневи въ стайни хованому и на узахъ державому, который часу пролѣтного дождавши, боли траву ощутить и выпущенъ будетъ, невѣда якъ ся поймати дастъ отъ игранья, скаканья и шаленья, ради своевольное владности. Такъ власне, коли хто зъ благочестія догматъ до латынскаго мудрованія и хитрости выпущенъ будетъ, невѣда, какъ его южь ухватити, и обуздати, и къ благочестію привлечь; бо есть такъ сладкая латинское предести трава, ижъ ее воли на широкомъ поли вкусивый заживати, нижли въ тайни благочестія, на привязехъ законныхъ, наилучшимъ овсомъ истинное науки питатися хочеть. Тамъ бо есть у Латыни своевила, тамъ есть чистецъ по смерти мудрымъ безецникомъ, вшетечникомъ и роскошникомъ, а у насъ, *дурное Руси*, чистца по смерти немашь, только въ терпѣливомъ страданіи и покаянїи прежде умертія. И для того въ тѣснотѣ сей мало изволяютъ быти: вси ся на широту роскоши верглися“ (Іоаннъ Виш. „Посланіе къ старицѣ Домникіи“, ib. 28—30).

Такъ было, и нынѣ *опять* діаволъ торжествуя говоритъ: „Вижу, мало ихъ собирается и находитъ на тотъ тѣсный гостинецъ хотящихъ и любящихъ ходити. Всѣ пали и повлонилися славѣ царства, красоты и любви вѣка того настоящаго многовладомага. Отъ начальныхъ и до послѣднихъ, отъ духовно зовомыхъ и до простыхъ, отъ властей до подручныхъ, всѣ полюбили тотъ мечтъ, блискъ и пестроты красоты царства моего мірскаго, которую есми Христови обнажилъ и показалъ“. (Арх. Ю. З. Р. т. VII, ч. I).

И вотъ „отъ боренія плоти и страстей и воздушныхъ злыхъ духовъ поднебесныхъ“ онъ уходитъ въ святую гору (скалы и пещеры), а „хотяи во святѣй горѣ мировати..., или буди желѣзенъ или сребренъ“ (ib. 36).

Какъ нужно устранить или ослабить внѣшнія впечатлѣнія, чтобы нѣчто вспомнить, рѣшить, такъ во всѣ времена люди уда-

лялись въ своего рода пустыню, свить, монастырь, чтобъ облегчить себѣ работу надъ собою, для нравственнаго усовершенствованія, и наоборотъ стремились въ міръ. Другой мотивъ—отреченіе отъ своей воли. Ср.: Н. Толстой: поступивъ опять въ полкъ и „почувствовавъ себя лишеннымъ свободы и закованнымъ въ одну узкую неизмѣнную рамку... Ростовъ испыталъ... успокоеніе... послѣ проигрыша Долохову.... Онъ рѣшился загладить свою вину, служить хорошо и быть вполне отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т. е. прекраснымъ человѣкомъ, что представлялось столь труднымъ *въ міру*, а въ полку столь возможнымъ“. (Война и миръ, II, 180).

Останавливая свое вниманіе на первообразныхъ поэтическихъ формахъ (образности языка), древне-греческіе а за ними римскіе риторы установили два разряда поэтическихъ и риторическихъ выраженій: *σχήματα*—*figurae* и *τρόποι*—*tropi*. По недостаточности этимологическаго анализа, они разумѣли подъ ними почти исключительно сочетанія словъ; но сюда же относятся не только слова, представляющія явную двойственность состава (бѣлоснѣжный, мр. сивозалізний), но и слова образованныя посредствомъ замѣны ряда возможныхъ признаковъ однимъ (борзая; мр. осточортіти, пополотніти), слова безъ явственнаго представленія въ своей вещественной части, но своей грамматическою формой (родомъ, числомъ, выраженіемъ одушевленности и неодушевленности и пр.) производящія психологическое сужденіе и дающія образъ.

Всякое искусство есть образное мышленіе, т. е. мышленіе при помощи образа. Образъ замѣняетъ множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чѣмъ-то относительно единичнымъ и простымъ, близкимъ, опредѣленнымъ, нагляднымъ. Такимъ образомъ міръ искусства состоитъ изъ относительно малыхъ и простыхъ знаковъ великаго міра природы и человѣческой жизни. Въ области поэзіи эта цѣль достигается сложными произведеніями въ силу того, что она достигается и отдѣльнымъ словомъ.

Если обозначить вновь обозначаемое значеніе через x , а прежнее через A , то въ отношеніи x къ A можно различить три случая:

Изъ двухъ значеній, приводимыхъ въ связь выраженіями:

1) значеніе A вполне заключено въ x , или наоборотъ x обнимаетъ въ себѣ все A безъ остатка; напр., *человѣкъ* (A) и *люди* (x). Представленіе такого x въ видѣ A , или наоборотъ, называютъ *συμπελοχῆ*, соподразумѣваніе, совключеніе, съ-притиѣ, *pars pro toto et vice versa*.

Съ-притиѣ же кѣсть слово раздрѣлма (?) а другое съ собою гавлаѣа, яко же, мируу сѣштѣ, въ него же кѣ мѣста решти „нѣ рати“ речемъ „нѣсть оружіа ратьнааго“ или „праздно кѣсть оружіе нѣнѣ“. *Georgii Cherobosci de figuris*, Изб. 1073 г. Бусл. Ист. Хр. 269,

2) понятіе A заключается въ x лишь отчасти; напр. птицы (x) и лѣсъ (A) въ (лѣсныя птицы). Представленіе такого x въ видѣ A , или наоборотъ, называется *μετονομία*, переименованіе, замѣна имени другимъ, напр.: „лѣсъ поетъ“ (лѣсныя птицы); „отъ шума всадниковъ и стрѣльцовъ разбѣгутся всѣ города; они уйдутъ въ густые лѣса и взлѣзутъ на скалы“. *Иерем. IV, 29*.

3) понятіе A и x на первый взглядъ несовпадаютъ другъ съ другомъ ни въ одномъ признакѣ, напротивъ исключаютъ другъ друга, напримѣръ, *подошва обуви* и *часть горы*. Но психологически сочетанія A и x приводятся въ связь тѣмъ, что оба непосредственно или посредственно приводятъ на мысль третье сочетаніе B , или же оба производятъ сходныя чувства. Представленіе такого A въ видѣ B et vice versa называется *μεταφορά*, именемъ, которое греческими риторамъ и Цицерономъ (*translatio*) понималось не только въ этомъ частномъ, но и въ общемъ смыслѣ тропа и фигуры.

Такъ напр., логически нѣтъ связи между хрустальнымъ бокаломъ шампанскаго и женщиной $\aleph$, ибо даже очертанія стана женщины нетождественны съ очертаніями бокала; но отъ вина — хмель, отъ женщины — опьяненіе любви, и отсюда $\aleph$ названа кри-

сталломъ и фіаломъ (*фиалъ* чаша для вина, широкая и плоская); отсюда—сравненіе и затѣмъ метафора:

...Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаренымъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ тали твоей,
Звези, *кристаллы* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви примагчивый *фіалъ*,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ! Ов. V, 32.

Совмѣщеніе троповъ. Дѣленіе поэтической иносказательности по способу перехода отъ *A* къ *x* есть сильное отвлеченіе; конкретные случаи могутъ представлять совмѣщеніе многихъ троповъ: *Subiit argentea proles, auro deterior, fulvo pretiosior aere.* Ovid. Met. I, 114: *aurum, aes*—*totum pro parte (aurea aenea proles)*—*synecdoche*; но въ то же время *aurum*—вещество вмѣсто того, что изъ него сдѣлано—*metonymia*; все вмѣстѣ *argentea proles, aurum, aes*—вѣка, различаемые по степени счастья—*metaphora* (Gerber, II, 48).

Синекдоха и эпитетъ.

Синекдоха есть такой переходъ отъ *A* къ *x*, при которомъ въ *x*, т. е. въ искомой совокупности признаковъ, *одновременно* дано воспріятіемъ или же мыслимо и *A*, но такъ, что *A* почему-либо выдѣляется изъ ряда признаковъ *x*, напр.: *Адриатическія волны* (*A*)=*Адриатическое море* (*x*); просить на *чашку чаю, стаканъ вина* (*A*, рассматривая независимо отъ метонимичности)=на чай, вино(*x*); ср. *хлѣбъ*—*соль*.

Этотъ приемъ имѣетъ огромную важность въ словообразованіи, такъ какъ сюда относятся названія вещей по заключеннымъ въ нихъ всегда или большею частью признакамъ, напр.: *сер. динтѣн*, *слоуъ* (зубатый. т. е. *кльквастый*), *кѣсѣн*, *леуъ* (волосатый, т. е. *гривастый*); *кожанъ*, *ушанъ*, *дятель*, *сервисъ* (серна, корова),

schlange (çrank, ige); дрвхнѣм. *sneccho* (schnecke, снакап, герере); др.-сканд. *snaca* = anguis, англ. *snake* — id.; *полозь, ужъ* = anguis, *ѣхис*.

Можно съ перваго разу подумать, что въ случаяхъ, какъ *дантин*, — переходъ отъ общаго (мало-ли что зубато?) къ частному; на самомъ дѣлѣ въ моментъ наименованія признавъ мыслится лишь въ предѣлахъ искомаго *x* и будетъ по отношенію къ нему частнымъ.

Сюда же (если не въ метониміи) можно бы отнести *названіе вещи по дѣйствию*, которое хотя и недано одновременно съ странственными признаками, но сочетается съ ними такъ именно, что кажется съ ними одновременнымъ: *данта* (какъ ѣдящій), *перстъ* (в. прикасающійся), *рука* (в. берущая); *будякъ*, лит. *dagys*, лот. *dadzis*, *Distel* (колоть, жечь); *осока* (волючая, рѣзущая) лит. *asaka*, лот. *asaka gräte* (рыбья к.), *остъ* въ печеномъ хлѣбѣ); *пруздъ* (жгущій).

Трясина. „Есть болота *зыбкія*, которыя народъ несовѣмъ вѣрно называетъ трясиными, ибо они нетрясутся, а зыблются, волнуются подъ ногами человѣка, „ходенемъ ходять“, (С. Аксаковъ).

Буслаевъ: „обширѣйшее примѣненіе въ образованіи языка имѣетъ метафора, т. е. перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому по подобію. Она оказывается производствомъ названій предметовъ, свойствъ и дѣвій *отъ одного и того же корня*“. Такъ, отъ *скакать* — *скакунъ*, кузнечикъ и *скакуха*, лягушка;... отъ *бучать* (издавать звукъ) — *бучало*, водоворотъ и *бучень*, шмель; отъ *махать* — *махало*, крыло, *махалка*, хвостъ у рыбы, *махалка*, флюгеръ и пр.;.. отъ *ходить* — *ходило*, лопатка въ тѣлѣ животнаго.... *ходули*, ноги, *ходунъ*, дрожжи“.... (Оч. I, 165).

О метафорѣ могла бы быть рѣчь, если бы значеніе лягушки, какъ прыгающей, предполагало значеніе кузнечика (пруга), подобно тому, какъ *перо* рыбѣ предполагаетъ *перо*, какъ орудіе лѣтанья, но не въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ говоритъ Буслаевъ. Парность здѣсь произвольна.

Если назовемъ синекдохой случай *кесин*, то сюда же въ вѣчномъ результатѣ *epitheton ornans* — *косматый левъ*. Эпитетъ есть форма общая по отношенію къ отдѣльнымъ тропамъ, т. е. фигура, а

не тропь. Въ эпитетѣ синевдоха можетъ покрывать собою метонимію (конюшня *стоялая*) и метафору (муравьище *випусче*).

Останемся пока при обычномъ пониманіи эпитета, какъ приложенія опредѣлительнаго прилагательнаго къ опредѣляемому существительному.

Всякое опредѣлительное, уменьшая объемъ и увеличивая содержаніе понятія, приближаетъ это понятіе къ конкретности; но уже древніе различаютъ, какъ Квинтиліанъ, эпитетъ поэтической отъ риторическаго—*epitheton ornans*, поэтическое опредѣлительное, отъ прозаическаго¹⁾. Прозаическій эпитетъ производитъ разграниченіе, совсѣмъ исключаетъ изъ мысли извѣстное значеніе. Напр., если есть два Дона, великій и малый (Донецъ), а разумѣется только первый, то эпитетъ *великій*, необходимый для ясности, будетъ прозаическій: (у)спала князю (у) умъ похоть(и) искусити Дону великого“, „Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому“, „Игорь мыслию поля мѣрить отъ великого Дону до малаго Донца“. „Синее“—прозаическій эпитетъ въ слѣдующемъ: „Отъ Перекопи до Ахтубскаго устья, внизъ къ Синему морю“. 1575. Ак. Ист. I, 356.

Epitheton ornans производитъ не устраненіе изъ мысли видовъ, незаключающихъ въ себѣ признака, имъ обозначеннаго, а замѣщеніе опредѣленнымъ образомъ одного изъ многихъ неопредѣленныхъ. По этому *epitheton ornans* можетъ означать признакъ общій всему роду, съ точки зрѣнія прозаической ясности, излишній, напр.: „Моя малыя пташечки, ахъ вы, свѣтъ мои носатя“; у Квинтиліана примѣръ—*humida vina*.

Если *epitheton ornans* означаетъ признакъ видовой (resp. свойственный предмету не постоянно, а временно), то онъ не только не запрещаетъ, а напротивъ побуждаетъ подъ видомъ разумѣть родъ, подъ временнымъ постоянное: „а всядемъ братіе на свои *бръзгы* комони, да позримъ синего Дону“ (Донъ всегда

¹⁾ Противоположеніе, какъ и саміе терминны, *epitheton necessarium et ornans*, неудобно, потому что основано на признаніи того, что считается украшеніемъ, ненужнымъ. Zima, 169.

представляется синимъ). Такимъ образомъ epitheton ornans есть тропь, синекдоха (отъ частнаго къ общему, отъ одного признака къ предмету).

Отсюда видна логическая ошибочность дѣленія: *эпитеты* и *фигуры* (напр. Бѣлоруссовъ, Учебн. слов., 10).

Будучи всегда синекдохой, ер' ornans можетъ въ тоже время связывать два разнородные комплекса признаковъ, сравнивать два предмета, обозначая одинъ свойствами другого, т. е. быть метафорой, напр. „Безъ дыму безъ смороду, безъ чаду *кудрявою*“, „Муравьице *китучее*“ Бусл. Оч. I, 74. Лерм. „Ландышь серебристый“. „О Донче! немало ти величія делѣявшу князя на вѣгнахъ, ставшу ему зелену траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ“ Сл. о П. Иг.

Отсюда видна логическая неправильность выраженія „Кромѣ *утодоблннй* и *метафоръ*, эпитеты составляютъ существенную принадлежность эпического разсказа.“ (Бусл. 78).

Поэтический эпитетъ можетъ двояко относиться къ опредѣляемому слову:

а) Обыкновенный въ современной поэзии случай тотъ, когда эпитетъ берется изъ новаго наблюденія надъ явленіемъ и неимѣетъ ничего общаго съ этимологіей опредѣляемаго слова:

„Два дня ему казались новы

Уединенныя поля,

Прохлада *сумрачной* дубровы,

Журчанье *тихало* ручья. Пушкин. Он. I, 44.

б) Эпитетъ согласуется съ представленіемъ (этимологическимъ значеніемъ) опредѣляемаго, напр. „*крутой берегъ*“, серб. „жудо злато“, „грязи топучія“, такъ что, при свѣжести представленія въ опредѣляемомъ, все сочетаніе было бы тавтологично (ср. „старые старика“, мр. „молодая молодница“), а при забвеніи представленія въ опредѣляемомъ — имѣло бы видъ возстановленія этого представленія (*бѣлая* лебедь, „вращива *жгучая* да и осока то рѣзучая“ Бусл. Оч. I, 74, бѣлый день). Или же эпитетъ тавтологиченъ не по отношенію къ своему опредѣляемому, а по отношенію къ его синониму, напр. „зелена травница“ при „мурава, зелье,

гр. *χλόη* зелень, трава; серб. *вити* ребра К. II, 465, по отноше-
 нию къ *вити* плѣти К. I, 613. (*плек* въ „плету, подоплека,
 бѣлоплекій“); лютый звѣрь („лютый звѣрь скочилъ ко мѣ на
 бедра и вонь со мною поверже“, Поуч. Мюн.) по отноше-
 нию къ „волеъ“; „на черныя грязи, на тошучія болота“, Буел. Оч. I, 79.

Случаи эти въ древней поэзи врядь ли были особенно часты.
 Кажется ошибочнымъ изъ нихъ выводить постоянные эпитеты на-
 родной поэзи вообще, какъ Колосовъ: „связь звуковъ съ мыслию
 или вѣряе съ впечатлѣнiемъ (т. е. ясность представленiя) под-
 держивалась въ народномъ сознании эпитетами (какъ „крутой бе-
 регъ“), которые потому и являются въ народной поэзи постоян-
 ными“. (Колосъ, Теор. поэм. 25).

Такіе случаи теряются въ массѣ постоянныхъ эпитетовъ и
 другихъ постоянныхъ выраженій народной поэзи. Это постоян-
 ство стиля зависитъ не отъ частнаго случая (связи эпитета и во-
 обще поэтического образа съ этимологіей даннаго слова), а отъ
 общаго подчиненiя народнаго гѣвца преданію.

Постоянные эпитеты сербской народной поэзи: „jарко и
 жарко сунце, зора бијела, ведро небо, тавна ноћ, црна земля К.
 I, 142, 243, III, 56, равно поле I, 318, 333, 365, 477, 532,
 поле широко I, 394, Сријем земля равна II, 576, II, 581, Ломна
 гора II, 534, Ломна Херцеговина III, 55, Ломан Шевуларъ III,
 55, 67, Сине и славо море I, 318, II, 71, 74, 81, весо
 ђурђев дан I, 334, ситна роса I, 330, тиха роса II, 2, плахи
 дажд II, 2, виша росна, ситна вода ладна I, 475, дебел лад I,
 478, тихо Дунаво II, 52, 66, 70, 445, црна гора I, 532, град
 бијели II 96, III 53, 6, танка стаза I, 348, добар јунак II, 98,
 119, добар вонь II, 101, 103, 170, сив соко II, 44 руса глава
 II, 391, 428, III, 91, 280, прси широке I, 486; бијело лице
 II, 1, 68, бијела рука II, 471, вити плѣти I, 613, вити ребра
 II, 465, ноги лагане I, 254, 323, танана робња II, 23, 66, 67,
 танана нејеста II, 121, танка латинка II 534, лаво здравље II,
 170, вјерна љуба, стара мајка II, 471, млада мајка I, 674, рујно
 вино; дебело месо, бијело платно I, 491, 610, бијеле даре II,

22—3, танко рухо, кошуља I, 567, жуто злато, 491, суво злато, лака носила I, 553, лађа I, 556 ситна мрежа II, 52 бјело стадо I, 374, змија љута II, 53, 86, вамен становити *ib.* 88, Рјечн. станован, станац=вр. стоячій; мац зелен II, 150, итар лов II, 73, живо срце II, 23, жива жеља II, 77=живи огањ 86—87, ватра жива II, 87, грозне сузе II, 186, сухо злато, сува муња Ае. Поэт. В. I, 195—6. Кад је било о зори бијелој. Чојк 59=био давак сване *ib.*

Эпитетъ сростається съ опредѣляемымъ: „Какую ты полную праву имѣешь“?

Која ти је голема невоља,
Те ти ниси свате дочекала. Кар. II, 22.

.... Он диже многу силну војску. *ib.* 107.

„Тавница кљѣта“ не только въ устахъ узника или пѣвца ему сочувствующаго, но и въ устахъ палача, который вызываетъ узника къ ея дверямъ, чтобы отрубить ему голову:

Ко је овђе Селак Волојевић?

Нек изиђе пред тавницу клету.... Кар. IV, 25.

Такимъ образомъ грязное бѣлье, которое Навсикая беретъ для мытья (Од. VI, 26) всетаки *Ἐψατα σφαλόντα*, а Несторъ *οὐρανὸν ἀστερόεντα* (И. XV, 371) ¹⁾,

Бог убио сваку милу мајку

Која вали браца нег' срдашце (сына).

Рајковић, Срп. н. п. 168.

(говоритъ голова сына убитаго по винѣ матери).

Πυκνὸς ἔπος (Ил. VII, 375), *μῦθος* (Од. III, 23) = річи вимовні (густое, плотное, твердое = убѣдительное слово). Загов.: Будь мои слова *крѣпки* и *тѣпки*.... Ёй (невѣсты) мамонька По під небеса ходит, Богу ся твердо молит.... Гол. IV, 371 (ср. Дај же нам, Боженьку, повязати Марисю твердо *ib.* 392, ср. 439).

На чорну земельку Гол. IV, 371, *μέλας, μέλαινα* (*γαῖα, ἤπειρος*); вѣтеръ *буйный*, вѣтры буйные, Барс. *passim*; пески сыпучіе Барс.

¹⁾ *ἀστερόεις*—*Варуна*, небесный сводъ въ связи съ ночью и въ противоположность *Митры*, дню (M. Müller, Ess. II, 60—2).

55 и разс.; камешки катучіе, Барс. 55; *мъздо*, вито тепло гнѣздышко 73. (Ср. „тепло-вито гнѣздо“, что напоминает „тепловито мое солнышко“ ib. 72). Гвѣздики *шеломчатые*, Барс. Прич. 74. Днем ѣздить по унылымъ по свадебкамъ, Ввечеру да по смиреннымъ бесѣдушкамъ, 118; по зимнымъ тихомѣрнымъ бесѣдушкамъ ib. Ступистая лошадушка, бѣлая лебедушка, косата ластушка; снѣжочки перистые (21), кружки хоботистые (93)—хороводы извивающіеся подобно хвосту. Огонь *муравейный*: „туть издула огонечки *муравейныи*, затопляла я кирпичну свою печеньку“ Барс. Причит. 27. „Горите вы слѣдочки да Добрынины, Во той было во печки въ *муръвленной*, Гильф. Онеж. был. 26.

„Уточка водоплавная“, „водоплавающая дичь“. С. Акс. Недѣля, годъ—*учетные*: „цѣлыхъ три этыхъ учетныхъ недѣлюшки Я лежу да во тяжелой во постелюшкѣ, Барс. Пр. 128. Онъ былъ во тяжелой во постелюшкѣ Цѣлыхъ двѣ этыхъ урѣчныхъ недѣлюшки 137. *Ретиво сердце* (общее врусс.)—быстрое, скорое на гнѣвъ и другіе эффецты, какъ „ретивый конь“. Ср. „Была на слово она да не спѣсивая, На ричахъ она да *небросливая*. Барс. Пр. 82. Крѣпче камня и булата, острога ножа и *борзомѣт-наго* копья. Майѣ. Вр. закл. 438. (Откуда мурземецкое? безъ отношенія въ Мурзѣ). *Вѣтляная* неслушущка, Барс, Пр. разс,—привѣтливая невѣстка.

Уговаться (ухаживать и пр.). Дочь говоритъ: Недай Господи на семь да на бѣломъ свѣту поостаться отъ родителя отъ матушки: Надо ластушкой летать да кругомъ людусекъ, Надо плеточкой кругъ ихъ да обвиватися, Точно бѣлочкѣ въ глаза да имъ посматривать, Барс. Прич. 66.

Точка зрѣнія синтактическая, съ которой подъ эпитетомъ разумѣютъ только прилагательное опредѣлительное, удерживаемая въ питикѣ и риторикѣ, вноситъ въ эти ученія чуждую имъ категорію.

Съ точки зрѣнія питической къ эпитетамъ слѣдуетъ отнести всякія парныя сочетанія словъ, изображающія вещи, качества, дѣйствія *изъ признаковъ*.... Такимъ образомъ сюда не только:

а) прилагательныя опредѣлительныя,

но и б) существительныя аппозитивныя. Неустраняя различия не только грамматической, но и неравдѣльнаго съ ними поэтическаго значенія между „црвено вино, мокрая трава“ и „црвеника вино, мокрица травица“, надо думать, что если первые изобразительны, то вторые болѣе вонкретны и подавно. ¹⁾

Въ выраженіи: „конь добра лошадь“ парное сочетаніе *добра-лошадь*“ есть эпитетъ по отношенію къ *конь*. Ср. Л. Толстого „Козаки“: „Лукашка разъ огрѣлъ его (воня) плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій, и *кабардинецъ* (замѣна опредѣляемаго приложеніемъ), оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыревая заходилъ на заднихъ ногахъ и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучки козаковъ.

„Эхъ, добра лошады!“ сказалъ хорунжій. Что, значить *добра лошады*, а не *конь*? это означало особенную похвалу коню.

„Левъ конь“, подтвердилъ одинъ изъ старыхъ козаковъ“ (II, 8, 477).

„Отступниекъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся“ (Он. I, 43).

„Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмовъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талии твоей,
Зизи, *кристаллы* души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіалъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ“ (ib. V, 32).

Свѣтъ глазъ моихъ.... „Што ѣнеш сине, мој очини виде“, (Чуб. Чојк. 312).

в) Прилагательное при другомъ прилагательномъ:

„Ой *ясна-красна* въ лузі калина
А *ясній-врасній* Орися въ батька“.

г) Нарѣчіе при прилагательномъ: „Дуго-млого“ (Кар. I, 607).

д) Нарѣчіе и нарѣчный падежъ при глаголѣ: Срб.

„Мајка Лази тијо одговара“ (Кар. II, 23).
„Па је њему тијо беседила“ (ib.)

¹⁾ Примеры см. А. А. Потебня — Изъ записокъ по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго, 130 сл. et passim.

„Па је старац тихо говорио“ (ib. 70)

„Кротко ходи, док до њега приђе,

„Кротко ходи, тихо бесјеђаше“ (ib. 121).

Ср. мр.—„тихая розжова“; „Ситни танче, мој“! (Кар. I, 326); „Јед' слободно на весељу твојем поиграти *ситно* валуђерски“ (Кар. II, 372). „Зезгицею кычеть“—изобразительнаѣ, чѣмъ просто „кычеть“.

—Почему нельзя сюда отнести отношенія предикативнаго? Если муравьище *китучее*, облако *ходячее*, лѣсъ *стоячій*—есть (кромѣ метафоричности)—поэтический эпитетъ, то почему *лѣсъ стоитъ* называть также?

е) Глаголь при глаголѣ: „Думає—гадає“.

„Неповорився—непоклонився,

Шапочка незная, неподяковавъ“.

Перифраза, описаніе. Хуже—*обимля*, рѣчь околицею, оволиченословіе, ибо поэтическая перифраза, чтобы достигнуть поэтической изобразительности, должна необвивать образа тряпицей, не обходить его околицей, („обойтись посредствомъ платка“; „невыразимые“; „оно“ (г—но); „нельзя ли нашему чайничку возымѣть купное сообщеніе съ вашимъ самоварчикомъ“), а выставлять его *наиболѣе* характерныя черты.

Описаніе, какъ и эпитетъ, вмѣсто отвлеченнаго слова ставитъ образъ:

„И вы, красотки молодца,

Которыхъ позднею порой

Уносятъ дрожжи удалца

По петербургской мостовой,

И васъ покинулъ мой Евгений“ (Он. I, 43).

—Совсѣмъ оставилъ чтеніе:

„Какъ женщинѣ, онъ оставилъ книги

И полку съ пыльной ихъ семьей

Задернулъ траурной тафтой“ (ib. I, 44).

— Въ комнатѣ, въ которой жилъ дядя:

„Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ“ (ib. II, 3).

— Онѣгинъ невѣжа и опасный человѣкъ (ib. II, 5).

Поэтическому эпитету при опредѣляемомъ соотвѣтствуетъ болѣе сложная форма, состоящая въ томъ, что при *названномъ* явственно общему ставится характеристическая частность. Напр.:

.... „*Лѣтнею порою,*

Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невой,
И водъ веселое стекло
Неотражаетъ ликъ Діаны“ (Он. I, 47).
„Ой вже *весна*, ой вже *красна*;
Из стріх вода капле“....

Выраженію опредѣляемаго эпитетомъ соотвѣтствуетъ указаніе на частное, признакъ, при отсутствіи явственнаго указанія на общее:

Йшли корова из дѣрови, а овечки з поля,
Виплакала варі очи, край казака стоя.
Ой куди ж ти одѣждаєш, сизокрилий орле?
Ой хто ж мене молодую до сердца пригорне?
Водиця з Дунаю, з Дунаю тихого, бережка крутого.

Примѣры синекдохи. 1. Часть вмѣсто цѣлаго, однородное множество представлено единственнымъ числомъ а) имени конкретнаго: „иде москаля, якъ трави“; *chłop strzela, Pan Bóg kule posi* и т. п. пословицы образца „человѣкъ предполагаетъ и проч.“.

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
„И *рабъ* судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,

Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разчетливѣй *сосѣдъ*;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ. Онѣг. II, IV.

б) имени собирательнаго: „Русь, чадь и пр., насколько такое собирательное не есть другой тропъ, на примѣръ, метонимія“: высушася весь городъ къ С-ю, Нов. I, 8. Сюда же собирательныя получившія потомъ значеніе множественнаго числа (братья, князья) или послужившія темою для его образованія (влянья и проч.). ¹⁾

в) Часть вещи, по обстоятельствамъ, въ какихъ находится говорящій, обращающая на себя его вниманіе, вмѣсто всей вещи; „хозяйскій глазъ“. Это можетъ быть или часть вмѣсто цѣлага (синекдоха), или орудіе вмѣсто дѣйствователя (метонимія).

Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельской *рукой*. Онѣг. II, 40.

Копье вмѣсто *воинъ*: бысть же у поганыхъ 9 сотъ копій, а у Руси девяносто, Лавр.² 341 (1169) Ипат.² 381. Сюда Бусл. Оч. I, 173: ни рога, ни копыта. Срав. „Изъ запис.“ II,² 460: „перомъ (соколовъ), (бѣлокъ) шерстью, вернуть что лицомъ“. Ср. „мѣнять ухо на ухо“, „шерсть на шерсть“. Вмѣсто мечъ—ст. нѣм. *Ort, die spitze des Schwertes*, в. *Еске*—остріе мечъ, в. *schneide* в. *Heft*; вмѣсто щитъ—лат. *umbo*, *Buckel*, ст. нѣм. *rant* (железная рама щита изъ досокъ в. плетеная); в. корабль — *kiel*, *Segel*; в. *море*—*Wellen*; в. 100 всадниковъ—*hundert Pferde*, в. *Helme*, в. „*Lanzen*“.

¹⁾ Сюда, повидимому, слѣдующіе примѣры: а) отъ единицы ко множеству— по происхожденію собирательныя: *животъ* въ значеніи скота вообще: хлѣбъ да животъ, и безъ денегъ *живетъ* (безлѣчно), т. е. можно жить. Даль, Посл. 54. *Птица, рыба* (рыбу ловить). *Скотъ* (девятеро скоту), — *ина*. „Гдѣ вода была, тамъ и будетъ; куда денъга пошла, тамъ и копнется“. *Денъга* денъгу наживаетъ Д. ів. Безъ рубля— безъ ума ів. 56. Копейка обозъ гонять ів. 57. Денъга и камень долбитъ ів. 58. Песъ космать—ему тепло; мужикъ богатъ—ему добро, ів. 58. Богатый, что быкъ рогатый: въ тѣсннѣ ворота невлѣзетъ, ів. 59.

На берегу пустынныхъ волнъ

Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ, Мѣд. В. Пушк. ¹⁾

Адриатическія волны!

О Брента! Он. I, 49.

Брожу надъ моремъ, жду погоды,

Маню *агтрила* кораблей, Он. I, 50.

Сюда же, неразнесенныя по рубрикамъ, подъ общимъ заголовкомъ „синеодоха—часть вм. цѣлаго“: „Ту яша Половци языкъ и приведоша къ Гюргеви, Ип.² 315. „Игорь Святославичъ совокушивъ полки свои и ѣха въ поле за Воръсколь и стрѣте Половцѣ, иже ту ловять языка“ Ип.² 387. Такъ и до послѣдняго времени: „добыть, достать языка“=плѣнника, отъ котораго узнають о положеніи и пр. непріятеля; „оговорщикъ, докащикъ“.

Одна книга опредѣляетъ характеръ чтенія. Въ слѣдующемъ—вмѣстѣ метонимія (авторъ вмѣсто сочиненія) и синеодоха.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица

Я безмятежно процвѣталъ,

Читалъ охотно Апулея

А Цицерона нечиталъ.... Он. VIII, 1.

Идетъ купецъ взглянуть на флаги

Провѣдать, шлютъ ли небеса

Ему знакомы паруса? Он. (П.⁸ III, 186)

Отсель грозить мы будемъ шведу;

„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,

На зло надменному сосѣду“ М. Вс. II.

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,

Печальный пасылокъ природы, одинъ и пр. М. Вс.

„Сюда по новымъ имъ волнамъ

Всѣ *флаги* въ гости будутъ къ намъ. ib.

.... Мрачный *валъ*,

Плескалъ на пристань, роуца пени

¹⁾ *Вселенная*—обитаемая земля въ отличіе отъ пустыни: (забудившіеся въ безводной пустынѣ) „идежомъ дръгидъ дни три не пивше и тогда дойдохомъ въ вселенну“ (Патер. Синайск. XII, в., Бусл. Хр. 334); весь миръ—Бусл. Оч. I, 174.

И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей. *ib.*

.... Мой Езерскій

Происходилъ отъ тѣхъ вождей
Чей въ древни вѣки *парусъ* дерзкій
Поработилъ брега морей. П. Родосл.
Во время смуты безначальной,
Когда то *лягъ*, то гордый *шведъ*
Одолѣвалъ нашъ край печальный
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ... *ib.*

„Мое сердце“, вр. „надежная головушка“—мужъ по отно-
шенію къ женѣ и наоборотъ. Барс. Прич. I, 133; „нога человѣче-
ская здѣсь небывала“.

Стопа, черностопа: „Гнавъ самого (Кончака) необрѣте, бя-
шетъ бо тала стопа за Хороломъ Ип.² 430.

Хохомъ съ точки зрѣнія великоросс.—малороссіянинъ.

Знамя вм. *отрядъ*. Позрѣвъ же семь и сѣмь, и види стягъ Ва-
силъвовъ стояще и добрѣ борющъ и Угры гонящъ. Ип.³ 512 п. *chozagiew*;
„промышляй о своей головѣ“=о себѣ, своей безопасности, Л. 248;
„одна голова не бѣдна“.... „жить одною головою (одинокю, без-
семейно), „Тобѣ, княже, достоинъ блюсти головы своее, Л.² 250.
Голову сложить. „Не роѣтъ *головы* ищеть, сама голова на роѣтъ
идеть. Даль. „На свою голову“! „Не сносить ему головы“! (но
метонимія: была бы *юлови* (умъ), будетъ и булава, и наоборотъ:
была бы булава, найдется и голова). Синевдоха: столько-то
подати съ головы; столько-то головъ скота. Мр. головонька моя
бѣдная! и пр. Головою незнаю, невидалъ (вовсе), Даль, *самъ* незнаю;
„сколько головъ, столько умовъ; сто головъ—сто умовъ; выдать
кого *головою*. *Моя голова*=я: головонька жъ моя бѣдная; въ мене
ненька та нерѣдная и пр.“ „Голово моя козацкая! Бувала ти у
земляхъ Турецьких, у вірахъ бусурманьських, А тепер пришло
на безвідді на безхлібї погибати. Ант. и Драгом. I, 118. Оже-
нися, зажурился.... чи дїтками, чи жоною, чи своею головою.

М. 75. Ты ночуй, ночуй невѣжа за в'ратами...: „Каково тебѣ невѣжа за в'ратами. Таково же мнѣ, невѣжа, за тобою, за твоею дурацкой головою. Шейн. Р. П. 347 ¹⁾).

Тешко чекам да нећеља дође
Да изаћем на авлијнска врата
Да погледам и горе и доле
Окле ће се помолити драги,
Јали драги, јали драгог перје.
„Б'јело перје, куда ми се вијеш?
— Драга моја, око двора твога.
„Бјело перје, кад ћеш довијати?
— Драга моја, тамо до јесени.
„Бјело перје, чекати те нећу,
— Драга моја молити те нећу:
Даница је чекала мјесеца
Крај горице четир годинице
А ти мене ни годину нећеш.

ђ. Рајковић, С. н. п. жен. 10.

г) Опређленное число, мѣра, наглядная величина, вмѣсто неопређленнаго множества. „Я тебѣ сто разъ говорилъ.... „Сто-кратъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ.... Он. IV, 51.

Рогато—много, *стогомз*—много; нарѣчіе отъ „народъ, людъ“—*людно*—много, *семејно*—многолюдно, *обельно*—кругомъ. Вусл. Оч. I, 173. (съ переходомъ въ метафору).

Ворохъ—куча обмолоченныхъ, но непровѣянныхъ хлѣбныхъ зеренъ, Новг. Барсовъ, *вършиъ frumentum, quod tritonatur*. Mikl. Gr. II, 56. *Куча*, непочатой уголь.

Війська 40000—въ мр. п.; 40000 убитыхъ, Лавр.² 261.

Отрицательное опређленіе числа для выраженія большого неопређленнаго: „Сердешна Пріска выкупала ёго недесять разів

¹⁾ *Метафора*, покрывающая синекдоху: *Голова* дѣлу. „Стрѣлецкій, волостной, градской *чолова*. Голова *рижи*, голова *канусты*, *голівки*, *голови* сапоговъ. *Нога* стола, *ножка* цѣвка, *листка*. „Ногою твердой стать при жорѣ. Пушки. М. Вс.

—Якъ мад кланятись постолу, такъ (вже лучче) поклонюсь чоботу. Ср. Je ne veux faire la cour à personne, mais moins encore au peuple qu'au ministre (Stendhal).

и изпід караулу и из колоди, а раз прийшлося из острога выкупати. Квитка Мертв. Великдень.

„Ой у полі криниченька на чотири зводи; любив козак дівчиноньку не чотири годи. Метл. 7. Хорутанск. jezeg. f.=1000. Tri jezeri ljudi 3000. м. б. того же происхожденія, что jezego, lasus, именно въ знач. *кучи*, множества (ср. тьма).

Это—синекдохи, пока ими представляется однородное съ ними, затѣмъ метафора (куча народу).

Сюда же—рядъ примѣровъ подъ заголовкомъ:

Опредѣленное представленіе количества:

„Мы и толика рать и народъ таковый, какъ Данаи, Тщетныя битвы вели и безплодной войной воевали.

Съ меньшею ратью враговъ и конца неурѣли.

Ибо, когда бъ возжелали Ахейцы и граждане Трои,
Клятвой миръ утвердивши, народъ обоудно исчислить;
И Трояне собрались бы, всѣ сколько есть ихъ во градѣ;
Мы же, Ахейскій народъ, раздѣлся тогда на десятки,
Взяли бъ на каждый изъ нихъ отъ троянскихъ мужей
виночерпца;

Многимъ десяткамъ у насъ недостало бъ мужей виночерпцевъ!

Столько, еще повторяю, числомъ превосходятъ Ахейцы
Въ градѣ живущихъ Троянъ, Илиада. II, 120 сл.

(Это вмѣсто генетическаго изображенія счисленія, вмѣсто указанія на готовое число. Въ концѣ сравненія, какъ часто въ Илиадѣ, повторяется, какъ заключеніе, то, что вызвало сравненіе).

Сто разъ, тысячу разъ говорено (вмѣстѣ и гипербола): иде ляхівъ 40000.

Цѣна.... И въ средѣ ихъ явилась Паллада,
Въ длани вращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный безсмертный:

Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалося, чистое злато,
Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ стотельчіе каждой.

Ил. II, 446 сл.=*ἐκατόμβοιός δὲ ἑκάστος*).

Вообще *волы*—цѣна, Ил. XXI, 79:... Тревожникъ огромный мѣдный; въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргивяне, Ил. XXIII, 703.—*τὸν δὲ (τρίποδα) δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι* (между собою, т. е. глядя на него) *τῶν Ἀχαιοί*. Стоить *вола*, Къ ист. зв. IV, 84—5.

Низкая цѣна, малость, ничтожество, ничего:

„Ни за цапову душу (Къ ист. звук. 84—5). Ни гаріля, ни пяточки; ни за понюшку табаку—*Οὐδ' ἔλα δοίης*, Od. XVII, 455—ты бы не далъ „ані дрібка солі“ (у Жуковск. соли щепотку)=ничего.

Уметъ=ничтожная вещь.... „апостоли... и до крове за Христово имя пострадаша и вся *уметы* створше (все поставивъ ни во что) въ слѣдъ его текоша. Кир. Тур. Калайд. 5. Иосифъ не рече: жрци на мя встануть и озлобятъ Іюдеи.... Ничтоже сихъ не рече, нъ вся *уметы* створи и о своемъ бо нерадивъ животѣ.... дързнувъ вниде къ Пилату.... ів. 32.

Въхоть соломы. „Посла Володимѣръ слугу своего, доброго, именемъ Рачтъшю, ко брату своему Мъстиславу, тако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновѣць мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему недалъ ни города, ни села, а ты рци, недавай ничегоже“. И вземъ соломы въ руку отъ постеля своее, рече: „хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ въхоть соломы далъ, того недавай по моемъ животѣ никомуже Ип.² 600.

Трынѣ—травя. *Мало, нисколько.* Ни черта, ни х., ни души. Ни синь пороха. Мр. Якъ кіт наплавав, якъ в зайця, якъ шилом борщу (патови). Ном. 148. *Сильно, много.* На всі заставки. Ном. 149. „Стара.... жена—честна та *ани раз* не фудульна. Федьк., Люба—згуба, 22.

Много народу (тѣсно): „чортъ напхав“; на річці тій жили батьки мої и цанства *чортів тиск*: Василь, Иван, Микола. Греб. 34. Много войска: москаля якъ травы; *ἤλθον* (конные и пѣшіе) *ἔλειθ' ὄσα φύλλα καὶ ἄνθεα γίνεται ὄρη ἡέριοι*, Od. IX, 5=Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ или раннихъ весеннихъ цвѣтовъ. Можетъ быть, сюда сербск. „одоше (сви) листом“, „Ајте листомъ у љетнацу бјелу“.

ἔσταν δ' ἐν λαϊκῶν Σκαμανδρίῳ ἀνθεμόεντι μυρίοι, ὅσα τε φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρη. Ἦντε μυριάων ἀδινάων ἔθνεα πολλὰ, αἶτε κατὰ σταθμὸν κοιμνήκαν ἠλάσσοισιν ὥρη ἐν εἰαρινῇ, ὅτε τε γλάγας ἄγρσα δέσει, τόσσοι ἐπὶ Τρώεσσι καρηκομόωντες Ἀχαιοὶ ἐν πεδίῳ ἔσταντο διαφθαῖσαι μεμιαῶτες. JI. II, 467—73.

Боръ (не борове): „инкоплеменьници (Половци) собраша полки своя многое множество и выступиша, яко борове великие, Ипат. 2. 21; Шварко съ Володимеромъ поиде во силѣ тяжцѣ, бахуть бо полци видѣниемъ, акы борове велицѣи, ib. 203—29; (полци) сташа около города, акы борове велицѣи, ib. 209—38. И поидоша полкове, акы борове, и не бѣ презрѣти ихъ, и Русь поидоша противу имъ. Л.² 268. „Божна копья, као црна гора, А барјаци, као и облаци“. Од мрамора до сува јавора.... Све је Турска войска притиснула: Коњ до коња, јунак до јунака, Божна копья као чарна гора, Све барјаци као и облаци, А чадори као и сњегови... Кар. II, 313.

„Завади се мајка и њевојка
Не о граде, ни о винограде,
Већ о једну танану кошуљу. Кар. II, 22.

Много: тьма тьмушая Д. II, 600. Куры не вляютъ (въ метоним.). Хоть пруды пруди, мосты мости. **Людно**: нѣкуда изъ тучи каплѣ капнуть. **Густо**, ясно: нѣкуда мачинеѣ пастъ (гипербола).

Синекдохическое отрицательное обозначеніе: немного = мало. Gerb. I, 363—4.

Ой не разъ не два выкупляла Объясн. малор. пѣс. I, 249 = много разъ—скорѣе метонимія. Сколько душъ людей, головъ скота: „Нема нікого, аж ні духа, ні лялечки“. Манжура, Сказки.

Труднз: „на своєю нетрудною крыльцю“. Сл. о П. Иг. „И скоро съвкупяшася святія отци, по суху же и по морю, *нетрудно* путешествующе, яко корабли пълни духовнаго богатства, ли яко орли, апостольскимъ въкриливъшеся учениемъ, льгци суще тѣломъ, постыници бо бѣша. (Кир. Тур. Калайд. Пам. 76).

д) Особое названіе „*автономасіа*“, ¹⁾ перемѣна имени, переименованіе, носить синеждоха, состоящая или а) въ замѣнѣ видового или собственнаго имени родовымъ, напр. *Господь* вм. Богъ (о чемъ ниже), или б) въ замѣнѣ собственнаго имени по родовому признаку или нарицательнаго имени другимъ собственнымъ, напр. *Цицеронъ*—ораторъ (ср. итал. *cicerone*), *Соломонъ*—судья, *Меценать*, *Катонъ* (цензоръ нравовъ), *спартанецъ*, *эпикурецъ*, *сибарить*, *Менторъ*, *вандалъ*, *перейти черезъ Рубиконъ* (сдѣлать рѣшительный шагъ подобно Цезарю, перешедшему черезъ Рубиконъ). ²⁾

Общее названіе автономасіи б) есть *allusio*, намекъ (поэтическая ссылка на преждеизвѣстное). Аллюзія шире, потому что подъ нею можно разумѣть и другіе тропы, метафору, метонимию и фигуры (напр., иронию), насколько они намекаютъ на извѣстные рассказы, хотя бы въ нихъ собственнаго имени и небыло („*варганить*“ о легкой цыганской работѣ; „*пшикъ*“ отъ рассказа о неумѣломъ вузнецѣ: лемѣшъ, подкова, гвоздь, и наконецъ пшикъ). Условія поэтичности и умѣстности автономасіи б) заключаются въ томъ, чтобы она и для говорящаго и для слушающаго была понятна, т. е. легко замѣщала конкретнымъ образомъ сложные ряды мыслей. Въ противномъ случаѣ она становится пустымъ хвастовствомъ, напыщенностью, риторичностью въ дурномъ смыслѣ слова.

Господствующія автономасіи этого рода указываютъ на запасъ знаній и вкусы даннаго времени, на литературныя вліянія, воимъ оно подчиняется. Такъ, періодъ ложнаго классицизма характеризуется на западѣ и у насъ, до Пушкина включительно, намеками (въ томъ числѣ и автономасіями б) на лица и событія классической древности.

.... „Сельскіе Циклопы

Передъ медлительнымъ огнемъ

¹⁾ Обычное явленіе въ языкѣ—внѣсеніе опредѣляемаго эпитетомъ (=автономасіа), напр. *борзая*, *косой*. См. Изъ записокъ по р. грамм., между прочимъ III, т. „Объ измѣненіи значенія и зам. им. суд.“ Стр. 49 и др.

²⁾ Если отъ частаго употребленія поэтической характеръ такъ сживается со своимъ собственнымъ именемъ, что это послѣднее получаетъ характеръ условной цѣнности, то употребленіе этого имени будетъ автономасіа.

Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы. Онѣг. VII, 34.

„Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки *ib.* 35.

(*Автоμέδων*, — *οὐτος* — возница Ахилла). Другія аллюзія у Пушк.:

„Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
Двуногихъ тварей (автономасія *α*) миллионы (синеждоха)
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно. Онѣг. II, 14.

„Роог Jogick“, Онѣг. „Подъ небомъ Шиллера и Гете“, Он.
Переименованіе рѣдко является безъ примѣси одобренія, возве-
личенія или осужденія, насмѣшки.

„Предметомъ ставъ насмѣшекъ шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ ¹⁾,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже „Демонѣмъ“ моимъ. Он. VIII, 12.
„Кузина, помнишь Грандисона? *ib.* VII, 41.
„Съ блестящей Нивой Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы, *ib.* VIII, 16.
Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упительный Россини,
Европы бадовень, Орфей.

Автономасія—одинъ изъ моментовъ вліянія литературныхъ
типовъ на жизнь, почему исторія этого вліянія неможетъ обой-
тись безъ указаній на автономасіи (Митрофанушка, Простаковъ,

¹⁾ „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ?“ Он. VII, 124.

Чацвй, Молчалинъ, Скаловубъ, Загорѣцкй, Хлеставовъ, Чичиковъ, Печоринъ, Ташкентцы, Помпадуры и Помпадурши, Разуваевъ и Колупаевъ, Донъ-Жуанъ, Чайльдъ Гарольдъ, Он. I, 38; IV, 34. Фальстафъ, Фаустъ, Маркизь Поза, Донъ-Кихотъ, Гамлетъ. Армиды I, 33; Ловласы IV, 7).

Для исторіи безразлично, какого происхожденія такое собственное имя: собственно историческаго или поэтическаго; но разница эта до нѣкоторой степени изглаживается тѣмъ, что и дѣйствительное лицо становится достояніемъ преданія и исторія языка не иначе, какъ прошедши сквозь среду мысли и словеснаго выраженія, стало-быть, во всякомъ случаѣ, какъ типъ поэтической.

При переходѣ собственнаго имени въ нарицательное можетъ случиться или то, а) что такой переходъ остается въ предѣлахъ синекдохи, т. е. значеніе нарицательнаго вмѣщаетъ въ себѣ значеніе собственнаго, напр. Дунай—рѣка вообще, или даже вода вообще. (Бул. Оч. I, 175. Jag. Arch.: „Ой піду я піду понад Дунаями“, „Дунай море плисти“), или б) что синекдоха переходитъ въ метонимію, когда подъ извѣстною антономасією, напр. „omne tempus Clodios, pop omne Catones feret“ понимать не „такихъ, какъ Клодій, Катонъ...“, а въ смыслѣ преобладающаго ихъ качества: „во всякое время возможенъ порокъ, не во всякое добродѣтель“. (Gerb. II,² 61¹). Иначе: синекдоха переходитъ въ метонимію, такъ какъ вновь обозначаемое вмѣщаетъ въ себѣ уже не тотъ признакъ, по которому оно первоначально названо извѣстнымъ собственнымъ, а лишь признакъ сходный съ первымъ, напр. ит. сісегоне уже не есть ораторъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ М. Т. Сісего. Въ Россіи прозывали малороссіянъ въ XVII вѣкѣ измѣнниками, въ XVIII и XIX вѣкѣ Мазепами. Ср. Малюта Скуратовъ, Аракчеевъ, (эпигр. Пушк.). Такимъ образомъ москаль — великороссіанинъ (синекдоха), солдатъ, хотя бы и не великороссіанинъ, (метонимія);

¹) Сюда слухан, какъ *virtus*, мужество, коновство (доблесть коня): Што се сјаје преко Саве? Ал је сунце *сунчевито*, А мјесеце мјесечити, Или гори град градишни? Њ. Рајковић, Серб. и. п. 39. Мјесец мјесечити=тъма тъмуца, сила силенна. дубъ дубомъ, Чеш. kluka klukovská, žid židovská, donebak donebácka, dub dubová. (Vondrák, Schimpfwörter im Böhmischen. Arch. XII, 1—2, 62).

обмоскалити—на основаніи „якъ скаже москаль „сухо“ підіймайсь по ухо“ (метонимія).

Лот. *krēws* (собств. Кривичь), Русскій (сннектоха); солдатъ, *kréewós eet*—йти въ солдаты (метонимія), *kréewu putraimi*—пшонная крупа (ср. русск. гречка, гречиха, нѣм. *heidekorn*, чешск. *rahanka*, польск. *tataraka*, франц. *blé sarrasin*).

Литовск. *Gudas*, (вѣроятно соб. Готъ) полякъ, русскій (метонимія), преимущественно съ презрительнымъ отгѣнкомъ, *Reg-volf. Arch. VII, 595*.

Постороннія мнѣніескія значенія, присоединяясь къ значенію чужого, враждебнаго народа, превращаютъ собственное имя народа въ названіе великана. Таковъ скандинавск. йотунъ, нѣм. *Hüne* (Гунь), *Enz* (? *Антъ*), славянск. споливъ, исполивъ, обръ, поль. *obrzym* (собств. *Obzrim*), црксл. штоудъ, *gigas* (Чудь *Σύθος*) сиб. чудьки, первобытные жители Сибири (Ирк.), они же волоты (при тульскомъ *волотъ*, богатырь, малор. велетень). Новг. Ряз. *Гольда*, бродяга, нищій, какъ бранное слово. Ср. подъ 1058: „побѣди Изяславъ (Кіев.) Голяди“, Лавр.² 158 м. б. лотыш. племя но м. б. отъ *гол*. Волог. *чудь* (ругательное), невѣжда. Саратов. *мящерыи*, неучтивый, неуклюжий. Влад. Ряз. *дулебый*, косой, разноглазый, Бусл. Оч. I, 176.

Servus, sclavus, Davus, Geta. „Сословіе рабовъ носитъ у горскихъ татаръ (на сѣверномъ склонѣ Кавказа, между протокомъ Терекъ Урукомъ, населеннымъ осетинами—Дигорцами и Эльбрусомъ, по верховьямъ р. Черекъ—Ченма и Боксана) одно названіе съ тѣмъ, которое принадлежитъ ихъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ въ осетинскомъ языкѣ. У горскихъ татаръ *рабъ* назывался *касахъ*, а это имя, повидимому тождественно съ осетинскимъ названіемъ черкесовъ: *Касагъ*, извѣстнымъ въ нашей лѣтописи въ формѣ *косога*. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что основаніе рабству положила война, и что (здѣсь) первоначальными рабами были военноплѣнные изъ черкесъ“. „(Въ горскихъ обществахъ Кабарды“, изъ путеш. Вс. Миллера и Макс. Ковалевскаго. Вѣст. Евр. 1889. IV, 572. Ср. въ другомъ отношеніи *козахъ* и *черкасъ*.

2. Цѣлое вмѣсто части.

Представленіе единицы множествомъ:

а) для наглядности ¹⁾—множественное число дѣлимаго вещества; множ. ч. вещей, представляющихъ множество частей: *сами*.

б) для возвеличенія—*plur. maiestatis, úπερβολή*: по правилу „громада великий чоловік“.

Цѣлое вмѣсто части, общее вмѣсто частнаго само по себѣ не можетъ служить изобразительности; но оно служитъ поэтическимъ цѣлямъ не какъ синекдоха (понятію коей оно противорѣчитъ), а какъ другая фигура. Такъ, *du kehrest mir gas ganze Haus im*, когда рѣчь только о беспорядкѣ, произведенномъ въ комнатѣ (*Gerb. II, 32*), есть гипербола.

Подъ антономасіей, какъ вышеупомянуто, разумѣлись и случаи „цѣлое вм. части“, или даже, судя по мѣсту въ Избор. 1076 г. изъ соч. *Georgi Choerobosci, De figuris*, только этотъ случай: „Въименимѣстство кѣсть рѣчь съ прилогн или съ знаменни само то истою (то самое), обавляѣ имѣ, кгда дѣва или многи намъ навѣдоми (извѣстны) члци истовою имѣ имоуште, ти хоштемъ кдинаго отъ нихъ помѣнути, тожде да не речемъ истааго имени, нѣ отъ сълоучивъшихъсѣ „кръчиж“ рекъше или „дрѣводѣлю“ наричѣште; аще ли и тѣлесныѣ имѣуштѣ врѣды, хромьца рекъше или плѣшивѣ наричѣште“. *Бул. Хр. 270*. Отсюда можно понять, что антономасія бываетъ, когда для различенія двухъ Ивановъ мы называемъ одного (по прованію) кузнецомъ, другого плотникомъ.

Вакернагель говоритъ, какъ о видѣ синекдохы, объ употребленіи названія рода вм. вида и лица, напр.: *художникъ* вмѣсто *живописецъ*; *смертныѣ* вмѣсто *люди*: *Господь* (*Негг*) вмѣсто *Богъ*. Въ школь—„французъ“, „нѣмецъ“ въ смыслѣ „такой-то преподаватель французскаго, нѣмецкаго языка“.

¹⁾ Сюда и такіе случаи: множ. число названія конкретнаго для выраженія общаго и отвлеченнаго: „возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ маріенбадовъ—медицинскихъ маціоновъ и ядыхъ прогуловъ. Гоголь, *Выбранныя мѣста*.

У Аристот. (Poet., 26)—примѣръ перехода отъ рода къ виду: *τηὺς δὲ μοι ἦδ' ἔσται*, Од. 24, 308, гдѣ *стоятъ* (будьто) родовое по отношенію къ *οἰοεῖν*, *стоятъ* на яворѣ (Gerber, II, 24).

Однако цѣль такого наименованія есть образность, наглядность: предметъ представленъ однимъ изъ своихъ признаковъ, который мыслится при этомъ не въ своей возможной всеобщности, а какъ принадлежащій именно этому предмету. Такимъ образомъ и здѣсь можно видѣть не общее вмѣсто частнаго, а наоборотъ, какъ и выше. Ср. напр. „Приде Ярославъ (на Святополка) и стапа противу оба полы Днѣпра, и несмаху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати... И воевода нача Святополчъ, ѣзда възлѣ берегъ, укоряти Новгородцѣ, глаголя: что придосте съ *хромъцемъ симъ* о (=а) въ плотници соуще, а приставимъ въ хоромомъ рубити нашимъ“, 1016 Лав.,² 138.

Сюда же случай перехода отъ собирательности къ единичности, при чемъ иногда измѣняется родъ. (Ср. Эд. Вольтеръ, Розыскъ. о грам. родѣ. Спб. 1882).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ названіе единицъ собирательнымъ именемъ по основаніямъ неясно: бѣлье, платье, ружье. Въ иныхъ случаяхъ можетъ быть частное значеніе общаго получило отъ перехода общаго къ людямъ, которымъ оно чуждо: солдатъ извѣстнаго *ружья* (общее), знаетъ только *свое ружье* (Gewähr)¹⁾.

Въ другихъ—личность обозначаемого теряется въ собирательности, вслѣдствіе чего собирательное, какъ предикативный или аппозитивный атрибутъ, затѣмъ вытѣсняющій подлежащее, пред-

¹⁾ *Ружье* (отъ собирательнаго къ единичному): „А возятъ тѣ пушки, и всякіе пушечные запасы и запасное всякое воинское *ружье* на царскихъ домоныхъ лошадяхъ. Котош. 113. Да *ружье* же, корабини и пистолы съ ометры и мушкеты и бомделеры на царской обиходъ покупають въныхъ государствахъ ib 90. Да имъ же (рейтаромъ) нѣ царскіе казни дается *ружье*: корабини и пистолы и порохъ и свинець, а лошади и платье покупають сами ib. 108... а у *ружья* что попортится или на бою отобьютъ, и въ то число *ружье* дается иное. ib. Да солдатамъ же дается нѣ царскіе казни *ружье*: мушкеты, порохъ, фитиль, бердяши, пики малые. ib. 110,

²⁾ О *мужчина*, *женщина*, мр. *дружина* см. III, Изъ записокъ по грам. Gerber (II, 61) принимаетъ abstracta вм. concreta въ случаяхъ Das Essen steht auf dem Tisch Stickerei—за метовнимію, а не за свиекдоху.

ставляетъ это послѣднее худшимъ, меньшимъ, презрительнымъ. Ср. *навье* бьютъ полочаны, 1092, Лавр.², 208. можетъ быть не собират., а мн. ч. Въ нынѣш. Орл. и др. *навье*—мертвецъ.

Сложная форма синекдохи. Если общее положеніе синекдохи сводится на частное, то, (какъ уже различали древніе, Аристотель), получается двойная форма (по отношенію къ наклоненію, изъявительн. в потенціальное):

а) частное есть дѣйствительное, т. е. нѣчто принимаемое за историческій фактъ. Это *παράδειγμα*, exemplum. Напр., „Стансы“ Пушкина 22 дек. 1826 г.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онь привлекъ сердца и пр.

Примѣръ (das Beispiel) рядомъ съ общимъ даетъ частные его характеризующіе моменты, взятые изъ этого общаго.

Ohne Wahl vertheilt die Gaben,
Ohne Billigkeit das Glück,
Denn Patroclus Liegt begraben
Und Thersitus kehrt zurück. Schiller, Siegesfest (Gerber,
II, 41)

б) частное есть возможное: „ὡπλερ εἴ τις λέγοι, οἷον εἴ τις λέγοι (см. о баснѣ, ниже=*параболѣ*, Gerber II², 45). (Шекспиръ, Венеціанскій купецъ).

Сложная синекдоха есть поэтичная *типичность*. (См. „Виды поэтической иносказательности“, стр. 70). Примѣръ, (*параδειγμα*), Zima 94—5: Срмо моја зар ме чекат нећеш? Даница је чекала мјесеца За горицу седам годинаца, А ти мене нећеш ни годину, Ни годину, ни ње половину.

(Здѣсь множичность съ нашей точки есть въ тоже время историчность съ точки говорящаго).

Примѣръ (составляющій одно съ общимъ) въ формѣ hendiadys:

Plerumque gratae divitibus vices
Mundaeque parvo sub laeae pauperum
Coenae sine aulacis et ostro

Sollicitam explicuere frontem, Horat. Od. III, 29.

Примѣръ метафориченъ съ позднѣйшей точки: Три године, како драгог дворян, Нит' ме грли, нит' ме лице љуби, Ни ме пита, јесам ли му здрава. А мати му к'о аждаха љута, И с ње ронимъ сузе често пута, Мене зове да сам нероткиња. Препре- лећа ни воће нероди, Докле сунце не огрије зраком, А невјеста— док је нељубљена, Нељубљена и немилована. Ристић С. н. п. 74. Дагђе свекровъ сину: А мој сине, млаћане Јоване! Каква ти је воћка без пролећа, Док је сунце не огрије зраком, Онако је и моја снахица, Јер је досад нијеси љубио, Ни јој лицемъ лице угријао, ib. 75.

Чтобы примѣръ могъ имѣть силу довазательства, нужна его однородность съ доказываемымъ, т. е. чтобы метафора еще отсутствовала, чтобы на ея мѣстѣ была еще синекдоха:

Ој девојко ситна љубочице,
Љубио б'ти, али си малена!
Љуб' јуначе, бићу и голема:
Малено је зрно бисерово
Ал се носи на госпоцком врату.
Малена је типа ластовица
Ал' умори коња и јунака. Н. Беговић, С. н. п. 107.

М е т о н и м і я.

Если при переходѣ отъ образа (А., напр. части, особи) къ значенію (х, напр. цѣлому роду), это послѣднее неисключаетъ изъ себя образа (какое исключеніе есть принадлежность метафоры, напр.: *голова* въ смыслѣ чего-либо главнаго, „мое золото“ въ смыслѣ „мой дорогой“), но сверхъ этого (въ отличіе отъ синекдохи) получаетъ новое качество, напр.: „Эхъ ты, голова!“, „стоять, лежать въ головахъ“—то это будетъ метонимія.

Это новое качество x (сравнительно съ даннымъ въ A) можетъ получиться лишь въ силу того, что оно при извѣстныхъ условіяхъ сопровождается въ мысли A .

Потъ—признакъ труда, а трудъ земледѣльца ведетъ къ жатвѣ (въ значеніи продукта); поэтому *потъ*=хлѣбъ на поляхъ: „Zertreten liegt der Schweiss des Landmanns“ (Schiller).

Можно бы распредѣлить случаи метониміи по различію основаній сочетанія A съ x , т. е. а) или по тому, что A одновременно существуетъ съ x въ пространствѣ, одновременно съ нимъ дается воспріятіемъ; б) или по тому, что A предшествуетъ x -у во времени, в) или слѣдуетъ за нимъ; г) или по тому, что A связано съ x причинно, Gerb. II², 55. Но въ моментъ наименованія, рѣчи, эти основанія несуществуютъ для говорящаго; они вносятся послѣ постороннимъ наблюдателемъ, съ которымъ можно и поспорить. Такъ кажется сомнительнымъ, что для говорящаго „*Λεύκαινον ἔδωρ*“ есть слѣдствіе, дѣйствіе сильнаго движенія веселья. (Gerber, II, 62). Для говорящаго то, что дано въ A (образѣ) есть ближайшее, первое по времени; x —всегда послѣдующее, болѣе отдаленное: такимъ образомъ для него всѣ упомянутыя основанія сочетаній A съ x , сводятся на б), которое служитъ основаніемъ и синекдохи и метафоры. Кажется болѣе удобнымъ распредѣлять примѣры метониміи по общимъ разрядамъ значенія (x), которое доходить до сознанія говорящаго.

x есть пространство (содержащее и пространственно вмѣряемое содержимое), время, дѣйствіе (состояніе и свойство).

Метонимія—отъ примѣты къ тому на что, она указываетъ.

Представленія мѣста: пространство представляется тѣмъ, что въ немъ происходитъ. Человѣкъ привлеченъ восходомъ солнца; глядя на него, онъ находитъ, что южная сторона—правая: *εσκρ. दाक्षिणा*—правый и южный. Сближеніе *σῦνερς* съ *εσκρ. σαῦα*—ошибочно. *σῦνερς*=sziaugys, холодный сѣверный вѣтеръ, и отсюда страна свѣта. Гомеръ (правый—восточный):

*Τύνη δ' οἰωνοῖσι τανυπτερυγέσσι κελύβει
Πείθεσθαι, τῶν οὔτι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω*

*Ἐἵτ' ἐπὶ δεξι' ἴσσι πρὸς ἧῶ τ' ἡέλιόν τε,
Ἐἵτ' ἐπ' ἀριστερά τοίγε ποτὶ ζόφον ἠερόεντα.* Jl. XII, 237—40.

„Ты ширяющимъ (въ воздухѣ) птицамъ
Вѣрить велишь? Презираю я птицъ и о томъ незабочусь,
Вправо ли (птицы) несутся къ востоку денницы и солнцу,
Или налѣво они къ туманному западу (мчатся).

Цсл., серб. *югъ*, южный, теплый вѣтеръ, южная страна свѣта. Если бы первое значеніе было то, на которое указываетъ греческ. *ἀνυγή*, свѣтъ, блескъ, лучъ, то всетаки, такъ какъ оно забыто, *югъ* въ этомъ словѣ представлялся бы страной теплаго вѣтра.

Полдень—страна свѣта, гдѣ солнце въ полдень, а противоположная—*полночь* и *ночь*. *Сѣверъ*, *югъ*, какъ страны свѣта—вѣтры: „явилася звѣзда копейнымъ образомъ съ теплаго вѣтра, mezi полудни и запада и днѣю и ношю хожаше къ востоку, и понемногу поступаше къ сѣверу. Пск. лѣт. I, 309.

Востокъ. Въ солнечно свѣтлой Итакѣ живу я... много Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другого: Занъ и Дулихій и лѣсомъ богатый Закиноѣ; и на самомъ Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака (Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эось и Гелиось всходятъ). Одис. IX, 21 сл.

Близко увидишь другую свалу, Одиссей многославный:
Ниже она, отстоитъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука. Одис. XII, 101—2.

Какъ далеко, какъ высоко?

„Рукою подать“; „въ обхватъ толщиною.“

Верста, (Изъ зап. по рус. грам. I, 1—5 стр.); *сажень*, *локоть*, *волова*. Къ исторіи звуковъ IV, 17 (участокъ, который *волочатъ*, *бронуютъ*).

А святая святыхъ отъ Воскресенія Христова есть вдалѣе, яко двою дострѣлить мужъ, Дан. Пал. Сах. 16. И ту же е(сть) мѣсто близъ, яко двою *дострѣлу* вдалѣ (яко двою стрѣлити) отъ рекъ, идѣ же Илья пророкъ восхищенъ бысть. ib Христ. Бусл. 664. И яко приблизися Игорь къ полкомъ своимъ и переѣхаша

попережь, ту яша единь *перестрѣлъ* одале отъ полку своего, Ип.² 433. Люто (=ъ) бо бѣ у Чернигова, оже и таранъ нань (вар. на нъ) поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, яво же можаху 4 мужи силнии подъяти, Ип.² 515 (1234).

Есть бо печерка та и до сего дня мужа возвыше, Дан. Пал. Сах., 17.

„Як на воловий рык“, Ном. 148.

Поплыль бистрѣй онъ, ступить торопясь на твердую землю,
Но отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человекѣи
Вялентъ намъ голось, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ. Од.
У, 399 сл.,

...тамъ помѣстье царя Алкилая съ его плодовоснымъ
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града, въ какомъ человекѣи
Вялентъ намъ голось. Одис. VI, 293 сл.

...На такое отплыль разстоянье, въ какомъ человекѣи
Явственно голось доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу. Од. IX, 478 сл.
Въ разстояньи, въ какомъ призывающій голось бываетъ
Вялентъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ. Од. XII, 181.

Но лишь предстали они на полеть копьа или меньше, лица враговъ онъ узналъ, Ил. X. 357. См. Ил. XXIII, 529; *τόσον τις τ'επιλεύσσει, δσον τ'επι γαῶν ἴησιν*, Jl. III, 12—человекъ (τις) видитъ сквозь него (туманъ) (лишь) такъ далеко, какъ (онъ же) бросить камень; *δσον τ'επι δουρός ἐρωή γίγνεται*—насколько раждается верженье копьа—насколько хватаетъ брошеннаго копьа, Ил. XV, 357.

Верста, юны: ...устремившися съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,

Пыль подымал, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клятонеонъ благородный: какую по свѣжему полю
Бороду плугомъ два мула провоятъ, настолько оставивъ
Братевъ своихъ позади, возвратился онъ первый къ народу. Од. VIII, 120 сл.
Такъ сговорися, они у дороги межъ горами труповъ
Оба привали; а онъ мимо ихъ пробѣжалъ безразсуднѣй,
Но лишь прошолъ настолько, какъ борода нынѣ бываетъ
Мулами вспаханной (долѣе мулы воловь тяжконогихъ
Могутъ идугъ составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои... Ил. X, 349 сл.

(Церковь) бѣ... содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104, Бусл. О препод. отеч. яз. 370; стружня възвыше (Дан. Пал.).

Кони: по три копыа у пријево скаче, по четири небу у вишине, у напредак ни броја се незна, Кар. II, 140.

Цичи шара (бедевија), како змија љута,
На воздрве модар пламен лиже,
Меће пене преко господара,
По с три копыа у висине скаче,
По с четири добре(=ѣ?)у напредак, ib. 453.

„Естли на берегу на рѣцѣ которая ся кому татьба станеть въ чомъ какъ бы отъ берега палицею довинути, тогда такову татьбу побережную маеть судити осмникъ воеводинъ. 1499. Ак. Зап. Рус. I, № 170. Якъ штихом докинуть (близько) Ном. 148. И бысть въ ть день мгла велика, яко не видити до конецъ конья, Ип.² 231.

Поприще, прѣприште: „въ Сурии же бысть трусь великъ, земли разсѣдшися трой поприщъ, изиде дивно и-землѣ: мѣска челоувѣчьскимъ гласомъ глаголющи, Лавр.² 161.

Днище: „вземше у нихъ вѣсть, оже половци *днища* далѣ лежать, Ипат.² 455=день пути. Сравни сербск. *даншште*, locus moae per diem=давошште. Относительно—иште:

Шатор. пиње угрин Іанко.

Украј Саве воде ладне

На вилино игралиште

На јуначко разбојиште

И на вучје вијалиште (гдѣ воють волки), Кар. Рјечн.

Вообще имена мѣсть на—ище, *изна* суть метониміи.

Такое же метонимичное обозначеніе мѣста лежитъ въ основаніи метафоры *долой* (прочь), *кромѣ*, сербск. *ван* (кромѣ, какъ).

Долой въ значеніи *прочь*. Ср. Въ Новгородск. догов. гр. 1317. (С. г. гр. I, N 13): Или хто данъ на порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука *на землю*; или кого къ челованью (тв. князь) привель, а съ тыхъ челованье *на землю*; или грамоты дерноватыи на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть. Въ договорѣ Дм. Ив. съ кн. Тв. 1368 (ib. № 28): а что еси

привелъ ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье *доловъ*“.

Въ этимологіи русскаго языка *мѣсто* представляется множественнымъ числомъ предмета, въ немъ находящагося: въ *юловахъ*, въ старинномъ языкѣ „въ Угры“; независимо отъ множеств. ч. греческ. *ἐλαιον* Oelmarkt; *σίδηρος*—желѣзная лавка *ἰχθυῖες*—рыбный рынокъ; *τα μύρα*—Salbenbude; *ῥφα*—Gemüsemarkt, *τα λάχανα*—Krautmarkt (Gerb. II, 57).

Количество—пространствомъ: непочатой уголь; „запасу небольшое *мѣсто* осталось, а первой разграбленъ весь... и книги, и одежда“... (Житіе Аввакума, 36). „Всѣ люди переморилъ, никуда неотпускалъ промышлять, осталось (людей) небольшое *мѣсто* по степямъ сятающаяся. *ib.* 38. Ячменцу было посѣяно небольшое *мѣсто*... выросъ да и сгнилъ было отъ дождей *ib.* 69. Полуголова Ив. Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерскѣ... и взялъ у насъ свазу... и иное тамъ говорено многою и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое *мѣсто*“. *ib.* 90.

Значеніе единицы влады—изъ значенія постели и шкуры.

Время—мѣстомъ: „Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той ноци возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яво и мнѣ умереть, и съ *тѣхъ мѣстъ* обыкохъ по вся ноци молитися“, Жит. Аввак. 11.

Время случайнаго событія опредѣляется другимъ относительно постояннымъ событіемъ:

Другого дни велми рано крѣвавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, (и въ это время) чьрныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти *ѧ* солнца“. Мое слово о Пол. Игор. 39, прим. 42.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось,
Доже покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одисеевъ. Од. II, 1, III, 404.

Эось, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.

Бога тогда собрались на великій совѣтъ, Од. V, 1.

Још зорица није забјелила

Ни даница лица помолила, (когда)

Бијела је вила повљивнула

Са Авале зелене планине.

Вида зове у Бијоградъ Стојни

По имену два брата Јаешиџа, Карадж. II, 605. ¹⁾

Весна: „зринулася водица з Дунаю

З Дунаю тихого, бережка крутого.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Томъ порою достигнулъ корабль до Нелеева града
Пышнаго Пилоса, Од. III, 1.

Покуда длилося утро, нока продолжалъ подыматься священный
День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили Киконы ослепленнхъ ими Ахеянъ. Од. IX, 55 сл.

Ср. „Ишли корови из дѣброви, а овечки съ поля; випла-
кала карі очи, край козака стоя; „въ свинячій голосъ“, Ном.
150, вр. въ свинной голосъ. „Як у саду такъ и в лісі.... соловейко
на горисі, зосуденька на калині (т. е. весна въ полномъ раз-
гарѣ); десь мій милий, и пр. Гей та вітер повіває, та рожа про-
цвітає—під моїми воротами свистілочка грає, мене мати лає, гу-
лять непускає.

Періодъ времени—его началомъ: *годъ, тыждень.*

Пушкинъ, Онегинъ: До окончанія балета I, 22; ѣдетъ съ
бала раннимъ утромъ, Он. I, 35; лѣтнею ночью, I. 47; до зари,
II, 28; ночью, III, 16; осенью, когда опустѣли поля, IV, 41; зима,
IV, 42; бесѣда послѣ обѣда, IV, 47; когда сталъ зимній путь, V,
2. Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды струились тихо и пр. VII, 15.

Но поднялася звѣзда лучезарная, *эстимиа* свѣтлой
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эось; и, путь свой окончивъ,
Къ берегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море. Од. XIII, 23, ...я долго
Ждалъ, и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши
Юношей тяжбу, домой вечеромъ утомленный уходитъ,
Съ площади выплыли вдругъ изъ Харибды желаннаго бревна. Од. XII, 438.
Въ часъ же, какъ мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,
Сѣвъ подъ горою тѣнистой, когда уже руки насытилъ,
Лѣсъ повергая высокій, и томность на душу находитъ,
Чувства жъ его обимаеъ алканіе сладостной пищи;
Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги, Илиада, XI, 86.

¹⁾ Зоря, Къ исторіи звуковъ III, 22—4. Объясненія мир. п. I, 101 сл.

Арханг. „въ сутвахъ *двѣ воды*“ (т. е. 12 + 12 часовъ, дважды повторенные приливы и отливы); продолжительность выѣзда въ море опредѣляется на одну на двѣ и пр. воды (Подвысопкій); промежутковъ въ 6 часовъ между приливомъ и отливомъ: „стоять цѣлую воду“ (т. е. переждать шесть часовъ). Годность судна: „судно на *пятой водѣ*“, т. е. служить 5-й годъ.

Жатва = лѣто: „мѣню же весною и жетвою, и ѳень и зимоу.
I. Э. Шест. стр. 110, об.

У нашої та Малашки під хатою крѣвать;
Додержала та Грицуля, вже й корови доять;
„Нехай доять (2), до череди гонять“.
Ой ревнув товар, до череди йдучи,
Ой погубив та Грицюнѣ та свої онучі.... Чубинск. V, 99.

Для писцовъ нѣкоторыхъ русскихъ грамотъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова слишкомъ отвлеченно, и они опредѣляютъ годъ написанія частнымъ болѣе близкимъ къ пишущему событіемъ, какъ донныѣ при воспоминаніяхъ въ разговорѣ:

„А дана грамота іюля того лѣта, коли князь Александръ Ивановичъ (дающій) сѣлъ на своей отчинѣ на Новѣгородѣ“.
1410 — 17. Ак. Арх. Эвап. I, 13.

„А дана грамота Маіа въ 8 того лѣта, коли князь великій Данило Борисовичъ (дающій) вышолъ на свою отчину отъ Махмета царя въ другій рядъ. 1410, 17. ів. 14.

„А дана грамота, коли князь великій (Московскій) князю отдалъ во Царь, на ту зиму, на Вербницу, 1414, гр. кн. Углицкаго Андр. Влад. ів. 14.

„А купилѣ тогда, коли былъ князь великій Василей Васильевичъ въ великомъ Новѣгородѣ, ино опослѣ того, съ того лѣта съ того Петрова дни.... 1414, отступная грамм. ів. 19.

„А дана грамота того лѣта, коли государь князь Михайло Ондреевичъ (дающій) женился 1437, ів. 29.

Въ языкѣ: лѣто, зима, годъ, рождѣ, вѣкъ, трава (годъ: „быкъ по пятой травѣ“, Бусл. Оч. I, 170); мѣсяць, недѣля, вр. упряжка, треть лѣтнаго дня (паханье до отдыха лошади).

Миш, разъ, momentum, вр. *духовинка, душокъ*: давно ль онъ пришолъ?—есть духовинка, душокъ, какъ я здѣсь, Бусл. ib.; серб. за *трен*, у оној трен (тренице ока), momentum. Срб. *од маха, одмах, намах, махом*, тотчасъ, немедленно.

Названіе періодовъ времени, герм. мѣсяцевъ: *листонадъ, рт-коставъ* (время, когда рѣки покрываются льдомъ), сѣноставъ; грудень—ноябрь, Лавр.², 252.

Народно-календарныя названія дней: 16 янв. на Петра полужорма (вышла половина зимняго корма); 17 марта (на теплаго Олексія).

Метонимія здѣсь или въ обозначеніи дня празднованіемъ святого или вмѣстѣ и въ томъ, что этому святому приписывается дѣйствіе, характеризующее время его празднованія: 8 апр. Родіона Ледолома; 12 апр. Василій Парійскій—землю парить; 14 апр. Мартына лисогона (на Мартына переселеніе лисицъ изъ старыхъ въ новыя норы); 17 апр. Зосимы пчельника и пр. см. Даль. Этимъ объясняется то, что народныя названія мѣсяцевъ по грамматической формѣ суть имена дѣйствующихъ лицъ: Руєнь, Styczeń, Лютый, Цвѣтень, Kwiecień, Razdziernik, Grodzień, Березозоль.

Множественное число имени, характеризующаго время, напр. *зори*, время на зарѣ, менѣе изобразительно. Это важное средство словообразованія.

Метонимія—время. Къ случаямъ метонимическаго обозначенія времени относится:

Никогда: И створи миръ Володимеръ съ Болгары и ротѣ заходиша межю собѣ и рѣша Болгаре: „толи nebude межю нами мира, оли камень почнетъ плавати, а хмель тонути. Лавр.², 82.

Коли ж братцейку гостейком будеш?

— „Возьми, сестрице, білий каменецъ,

Білий каменецъ, лехвое перо,

Та пусти ёго во тихий Дунай:

Як білий каменец на верх сплине,
Лехкее пірейко на сід упаде,
Подумай, сестро, що с того буде?
Коли сонейко на-зіток зійде,
Вдодя, сестрице, гостемъ въ тя буду, Гол. II, 55.

Всѣгда: Стара маїзя не ме жали.

Не ме жали, не ме тужи,
Дур да гарван побегіє,
Дур да море да всахне,
Дур да гламна ластар пустне
Дур да врба гламна стане, Верхов. Н. п. Мал. буг. 284.

Тоді тобі, возаченьку, ся отрута минетьця, як у полі край
дороги сухий дуб розівьетьця, Мет. 90. Чи видів єсь, мій милень-
кий камінь над водою? Коли камінь той полляне, тоді буду твою.
Гол. II, 748.

Ой упала (козилася) звѣзда з неба, у воду упала;
„Розв'язати ми, мамко, світов, як єсь зав'язала“!
— Ой як тяжко каменени по воді плавати,
Тяжче єще, моя доню, світов розв'язати, Гол. II, 788.
Ой вижди, сестро, на вругу гору,
Та подивися на бистру воду,
Та аж там буде камінь плавати,
Тоді будемо з війни вертати, Гол. III, 12.
Жен'се душо, жен'се: срце, не бранити ја:
Један листак краі Дунава, други краі мора,
Код се листак с листом саст'о, онда ити с њом, њ. Рајє. 14.
Шта је, драги, неженио се,
Док нероди јавор јабукама,
А не не: нивше чуберъ по камешу.
Ту ј се момче добре посадило.
Па накити јавор јабукама,
А пресади чубер по камешу.
Ено, драга, ти се невудала,
Док не чула, гдје-но риба пјева.

Ево нико чубер но каменю.

Ево роди явор ябукама, Давидовиѣ, Еп. п. вр. Босн., 26.

Дрѣвство и состояние представляется однимъ (болѣе нагляднымъ и характеристичнымъ) моментомъ изъ многихъ. *Навр. утѣсашъ изъ дому, когда изъ нему припадеши*

„Сначала всѣ къ нему ѣзжали,

Но такъ какъ съ задняго крыльца

Обыкновенно подавали

Ему доwego жеребца,

Лишь только вдоль большой дороги

Заслышать ихъ домашни дроги;

Поестукомъ оскорбася такимъ,

Всѣ дружбу прекратили съ нимъ. Ошѣг. II, 5.

„И поворотъ вѣна Мстиславъ съ дружиною отъ стрия своего“, Лавр.² 326.

Бдетиъ быстра: Ужъ темно: въ санни они садится;

Поди! Поди! Раздался крикъ.... Ошѣг. I, 16.

Въ летописномъ языкѣ: „Половци стояху на еной сторонѣ Трубежа искомчинеся. Святволодъ же и Володимеръ вбредоста въ Трубешъ въ Половцамъ. Володимеръ же хотѣ наредити полкъ, они же непослушаша, не удариха въ конь къ противнымъ. Се видѣвши Половци и побѣдоша“. Лавр.² 224. 1178. (Всеволодъ Юрьевичъ) иде къ Торжеку, въ волость ихъ (Новгородъ), и похощаше взять города, быша бо обѣщалися дати доли ему Новоторъжци, и неуправиша. Дружина же Всеволожа качаша влизю жаловатися: „мы нецѣловать ихъ приѣхали.“ И се рекше, *ударима въ конь* и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на *щитъ*, и товаръ взяша, а городъ пошроша весь. Лавр.² 366.

„Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Шутивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.... И рече ему буй-туръ Всеволодъ.... Сѣдлай, брате, свои бързныя помони, а мои ти готови, осѣдлай, у Курьска напередѣ“ Сл. о полку. „Всеславъ Смоленскъ ежше, и азъ *остѣ* съ Черниговци въ двою коню, и не застахомъ въ Смоленскѣ“. Поуч. В. Мономаха, Лавр.² 239.

Рюрикъ же посла къ великому князю Всеволоду, река: „брате и свате! Романко отъ насъ отступилъ и *крестъ цѣловалъ* къ Ольговичамъ; а, брате и свате, пошли *грамоты хрестынынъ поверзи* имъ, а самъ *пойди на конь*.... Всеволодъ.... ту зиму перестрянъ, на лѣто *вспде на конь* (синездоха: не онъ одинъ, а съ войскомъ, и метонимія) про свата своего и подъ Рюрикомъ твердя Кыевъ“. Лавр.² 392.

Изяславъ.... (поча) ся слати въ Угры... и въ Ляхы... и къ ческому князю.... прося у нихъ помощи, а быша всѣли на кони сами поля своими поити къ Киеву.... „Богъ вы помози, оже ми ся есте яли помогати; а язъ вы реку: „братъе, съ Рождества Христова полѣзите на кони“, и съ Рождества Христова полѣзоша на кони. Ип.² 268—9.

И тако скупя всю силу свою король и *полъзе на кони*, а ко Изяславу посла мужи свои река ему: „язъ ти есмь съ братомъ твоимъ съ Володимиромъ отселѣ *уже пошолъ*, а ты поиди оттолѣ, скупяся весь. Ипат.² 282.

Царь на мя Гредыйъ вѣставаеъ ратью, и сеѣ ми зимы и весны нелѣ на конь къ тобѣ всѣсти. ib 283. „яз ти на конѣ уже всидаю (у)же и сына Мстислава съ собою понмаю; а ты полѣзи уже на конѣ“. ib. 308. Половци же улюбивши думу его, *потоптавш*е роту его дѣля и *вспдоша на коня* и ѣхавше изѣхаша городъ Чюрнаевъ ib. 450.

„Не выдадите ли (бояръ), а я поилъ есмь конѣ Тъхверью, а еще Волховомъ напою. Новг. 41, Бусл. Оч. I, 89=нападу на Новгородъ.

(У) спало князю (у) умъ покоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. Хошу бо рече копие преломяти коонецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону. Сл. о П. Иг. „Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ“. Ипат.² 480. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ *шеломы выльяти*, Сл. о п. Иг. Половци же вжасошася, отъ страха невѣзмогоша и *стяга* поставити, по побѣгоша хватаючи конии. Ип.²

186—7. Хотемъ поринути стягъ, побѣгнути съ полкомъ своимъ въ Киевъ *ib.* 231; поверга стягы и посвачи къ жидовскимъ воротамъ *ib.* 232; Изяславъ приѣха въ Киевъ и тако ударя йу трубы, съзва Кляны, *Ип.*² 278. *Mr.* звивъ корогов, польск. *zwinał chorągiewkę*, бѣжалъ въ прямомъ и переносномъ.

Се бо Мстиславъ великий (и) наслѣди отца своего *потъ* Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много *пота утеръ* за землю Русскую, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу, за Яикъ. *Ип.*² 217.

Дорошенко... отгуля испаль ву Путивлю, алеже оному з двора зайшло непотѣшное, же жона оному *скачила черезъ плоть* з молодымъ, оставивши войну... самъ повернулъ до Чигирина, *Лѣт.* Самовидца, 100.

Бесѣда ср. Рум. *кувьнт*, *sermo alb.* *кувьнд id. kuvente*, *copvivium*, новогреч. *κοιβεραταζειν loqui*. *Mikl.* (*Die slav. elem. im Rüm.*) считаетъ рум. и новогр. слова албанскими, но это—лат. *copvettus*; срб. хорв. *диванити*, бесѣдовать отъ диван=соборъ, вијеће, разговоръ и *зборити*—говорить, бесѣдовать—отъ *збор*, собраніе, разговоръ. *Бесѣдовать*—значеніе рѣчи отъ значенія сидѣнья вмѣстѣ, отъ значенія общественнаго собранія, какъ въ серб. *збор* и *зборити*... Стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя, исподернуты бархатомъ; Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе... *Древ. ст.* 1818, 106; На томъ соколѣ кораблѣ сдѣланъ муравленъ чердакъ, въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ, На бесѣдѣ то сидѣлъ купавъ молодець *ib.* 3; при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорили *ib.* 149. *Бесѣдка*—скамья около дома.

Жены поссорятъ:

Ласно би се, брате, и женили,
 Ал'кяд туће сеје составимо,
 Туће ће нас сеје завадити,
 Башка ће нам двори поградити,
 Измеѣу нихъ трѣе посадити,
 И врозъ трѣе воду навратити,

Нека трње у висину расте,
Да се никад састат неморемо, Кар. II, 43.
Колико се браћа миловала
Под њима се добри воњи љубе, ib.
Појединце до два побратима
Напореде језде добри коње.
Напореде носе бојне кошља
Један другом бело лице љуби
Од милости до два побратима, ib. 215.
Ја немогу тебе оженити
Свињарицом ни говедарицом,
За те тражимъ Госпођу дјевојку
И за мене добра пријатеља.
Који ће ми сјести уз вољено,
Са којим ћу ладно вино пити, ib. 182.

Состояніе, какъ пребываніе въ средѣ: „Быть въ солдатахъ = въ оердцахъ.

Въ *niewugasly* неугасимый и т. п. отрицаніе вонкретнаго случая стало (метонимично) представленіемъ невозможности повторенія того же случая. Изъ зап. по р. гр. II,² 236.

Изображеніе чувства жестомъ.

Скорбь овладѣла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воссиякнулъ:
Горе! къ какому народу зашолъ я! здѣсь можетъ быть область
Дикихъ незнающихъ правды людской... Од. XIII, 128.

Ой вдарився возакъ Нечай по нолахъ рукою:

Ой придется разлучитись съ дѣтьми и жоною. Ант. ж

Драг. II, 57, 59.

Ой якъ ударивъ та возакъ Нечай та об стѣлъ булавою:

Ой тутъ мені возаку Нечаю наладати головою. ib. 73.

Махнувъ Нечай передъ себе правою рукою:

Ой придется разлучитись зъ жинкой молодою ib. 79.

Серб *махнути* се чега — „махнуть рукою на что“.

Царь с'удари рукою по колену:

Као мене до Бога много!

Сад да су ми два сестрица моја

Два сестрица, два Воиновица,

Сад бы они на мејдан изишли. Кар. II, 144, 149.

Въ области влр. нар. — *скривити носъ* — возгордиться; *ужимати зубы*, — превозноситься, дуться; *ужиматься* — церемониться; *ужима* — скромность, *обмыати зубы* — сибяться, улыбаться; *умилка* — улыбка, *умильный* — веселый. Бусл. Оч. I, 184. Сосѣдь надулся. Пушк. Оцѣг. II, 4. Облизываться, зариться на что; отойти съ неудачей, ни съ чѣмъ (удовольствоваться тѣмъ, что облизывался): „что, братъ, облизался?“ „Облизнись!“ (отвязъ); „стойти съ облизкемъ“. Мр. „облизня шймати“. (у Даля и вр.). „И ѣхажомъ (изъ Чернигова) сквозѣ поляки Половчский не (=нѣ) въ 100 дружинѣ и съ дѣтьми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци, стояще и отъ перевоза и зъ горѣ. Богъ и святыи Борисъ неда имъ мене въ користь: неврежени додохомъ Переяславлю“ Поуч. Моном. Лавр.² 240.

Громко воскликнулъ и въ бедра съ досады ударилъ руками Асій Гармонидъ и, ропщущій на небо, такъ говорилъ онъ. Ил., XII, 162, (*λεπλήγεται μερόν*), „вдарився“ по бедрамъ).

Показавъ шипъ, мр. „дулю дати“. „Руки въ боки, глаза въ потолокъ“ (Даль) = „нашъ братъ самородокъ тренъ-бренъ вальсикъ или романсикъ, и, смотришь — уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривить: „я молъ геній!“ Тургеневъ.

Такимъ образомъ мы доходимъ до положенія, что всякое изображеніе в. представленіе явленія (вещи, дѣйствія и состоянія, качества) въ видѣ одного изъ его моментовъ, въ томъ числѣ въ видѣ впечатлѣнія — есть метонимія. Ср. Бусл. Оч. I, 168.

Если при этомъ есть сближеніе разнородныхъ комплексовъ, то метафоричность совмѣщается съ метонимичностью. Названіе золота по цвѣту или блеску въ словѣ *золото*, а разное и повтореніе того же приѣма въ сочетаніи эпитета и опредѣляемаго *ожуто злато* суть метонимии. Представленіе муравейника кипящимъ котелкомъ или горшкомъ („Въ лѣсу котелокъ кипить, а убыли нѣтъ

и пр. Худяковъ, Велкр. загадки, Этногр. сб. VI, 82) въ загадкѣ, а равно сочетаніе подлежащаго со сказуемымъ „муравейникъ кипитъ“, опредѣляющаго съ опредѣляемымъ „муравьище кипучее“, суть не только метониміи, но и метафоры. Здѣсь можно разсмотрѣть явленія, которыя можно по синекдохѣ „отъ части къ цѣлому“ назвать „поэтическими эпитетами“ (см. выше стр. 211. сл.).

Дійствіе однимъ (болѣе нагляднымъ, характеристичнымъ) *моментомъ*. *Растъ*. „Діждавъ расту топтати“! Номись 95. „уже на рясть виліз 90. „Вже ёму расту нетоптати! (=на Божій дорозі) 158 „Топчу, топчу рясть, рясть, Богъ здоровья дастъ, дастъ! Дай Боже потоптати и того роуу діждати! (Топчучи весною рясть), ср. Номись 7. Отсюда „Бодай ти расту нетоптав! = Бодай ти зозулі нечувавъ! = Щоб на той годъ діждати сону топтати. Ном. 7. (Переходъ въ метафору).

Сонъ. „Сонъ головоньку клонить“ т. е. самостоятельное существо *сонъ* заставляетъ человѣка клонить голову; но въ названіи растенія *сонъ* (апепопе) онъ самъ склоняетъ свою голову (цвѣтокъ всегда склоненный внизъ) метафора.

Серб. „тако ме земля не нарадовала“. Посл. 298 (чтобъ нежилъ). Тако ме напријед ногама неносила 299. Тако ме приће сјутра у мртве очи нелубили. ів. Тако ми се крсна свијеџа неугасила (тако сви одъ мога рода непомрли и неимао ко крснѣ имена славити и у славу устаючи свијеџе палити) ів 304. Тако од мојега трага свијеџе неостало, 308.

Сотча (=притча) = поминованіе Ип.² 600 — 1. Тако ми троскотъ (poligonum aviculare) на огњиште неизниънуо 308. Тако сједу косу неплела на очино огњиште П., 310. Вольела бих сједу косу плести У призрену, нашеј царевини, Но ја поћи у Прилипа града, Маркова се незивати љуба Кар., II, 238.

Челядоньки въ дому, щожъ мени по тому.

Дала бъ же я білу руку, таъ незнаю кому.

Рувобитъе, ударить по рукамъ. „чоломкатись“. Били намъ чоломъ войти мѣста Кіевскаго и вси мѣщане“... 1506. Гр. С. А. З. II, 2 et passim — происхожденія независимаго отъ московскаго само-

державія. Серб. *поклонити* подарить, *пѣклонъ*—даръ. *Покоритъся* = поклониться; *повиновеніе* = покора, повлонъ. Капу скида, до земље се свија И краљици Божију помоћ даје К. II, 67.

„И оттолѣ мечь *взимають* Роговоложи внуци противу Ярославича внукомъ“. Лавр.², 285.

Здороватъся. Серб. *здравица* (см. Рјечн.). Добрѣдошлица, добрѣдошка, добродощница, чаша вина или ракије, што се даје ономе, кои дође за „добро дошао“. Ср. *цѣловати* привѣтствовать (Лавр.², 247—4 и пр.) поздравлять съ именинами, Лавр.², 249.

Ой поможи Боже на рушничку стати, Тогдѣ нерозлучить нѣ батько ни мати, Метл. 53. (дѣйствиѣ — составнымъ моментомъ) „Онѣда ѣу ти отворити врата, „Све полако да не чује тата. Ако л' чује са кривета тата; Биѣе тјесна ободвојим врата, ѣ Рајков. С. н. п. 24.

Сонлива, лѣнива = често јој је на јастуку глава и бијеле низ пенѣлере руке, ив 89. Покрыть дѣвкѣ голову (выдать замужъ); *ладить* кого по головѣ; *поставить кою на ноги* = вылѣчить (и метафора, *поправитъ состояніе, дать ходъ*).

Давай Богъ ноги? Нога моя не будетъ тамъ. Повлонную голову и мечь несѣчетъ (сначала метонимія, потомъ метафора).

Срб. прегорети = прежалити, *vergeschmerzen*, потомъ пожертвовать, лишиться съ *винитъ*.: Братъ говоритъ: „Сутра ѣе ме на муке метати“—„Не бој ми се, мој брате једини! У секе (=у меня) су до три мила сына, једнога ѣу прегорети за те“. Рајковиѣ С. н. п. 167. Мр. *розгорювати* (добыть горькимъ трудомъ), болг. спечѣли благо. „Удала се млада Видосава, за некога Дуку Сенковиѣа, Пушѣа Дуку у готову муку (т. е. „у богатство муком стечено“) Zima, 39.

Ся.: да... опытаешь, которы есть преслушалъ заповѣди его и *присягъ* къ невходнымъ безъ повелѣніа его (Кир. Тур. Калайд. Пам. 147.), т. е. вошелъ въ запретный виноградникъ. *Посыгъ*, — прикоснулся: „За пущенаго отъ жены по невѣжеству, (незнанію) *посыгшиа* (вышедшая за...) Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 191.

У древнихъ клявшіеся, какъ Ганнибалъ отцу Гамильяру въ ненависти въ Риму, прикасались къ алтарю, гдѣ совершалось жертвоприношеніе.

Страдати. Какъ въ русскомъ старинномъ „желѣти“ лишиться = Gdy kto orze y sieie rolie czudze, tedy nasiemia tego ma stradas. 1513. Lel. Кс. Ust. 61, et passim.

Переходъ мысли „ut e praecedentibus sequentia vel contra, intelligamus“ Квинтиліанъ относитъ къ синекдохѣ за томъ основаніи, что предшествующее и послѣдующее разсматриваются, какъ части одного дѣйствія. (Gerb. II,² 66), но это была бѣ синекдоха, если бы части эти были однородны.

Необходимо ли раздѣлять относящіеся сюда случаи такъ, чтобы называть одни отъ предыдущаго къ послѣдующему, другіе наоборотъ, потому что всякая метонимія есть переходъ отъ субъективно-перваго, предшествующаго, т. е. наиболѣе бросающагося въ глаза, обращающаго на себя вниманіе. И лишь посторонній наблюдатель можетъ разсуждать, что *λεύχαιον ὕδωρ* (Од. XII 172) есть послѣдствіе того, что люди стали грести. Для мысли самого говорящаго первымъ было то, что они вспѣнили воду.

Дѣйствіе—знакомъ (вещественнымъ, символомъ въ тѣсномъ смыслѣ). *Столъ* (столомъ брата своего). Тяжела, ты, *шапка* Мономаха; пожинай *лавы*. Здѣсь—легкій переходъ къ метафорѣ. „Да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй и въ насъ, въ братьи, оже вверже въ ны ножъ“. Лавр.², 253 ...къ Святополку: Что се зло створилъ еси въ Русьскѣй земли и ввергль еси ножъ въ ны? чему еси ослепилъ братъ свой? Лавр.², 253. Не хотимъ ти дати *стола* Володимерьскаго зане ввергль еси *ножь* въ ны, егоже небыло въ Русьскѣй земли ib. 264, (Давиду, бывшему виновникомъ ослѣпленія Василька). Сербск. „крв и ножъ“ (кад се хоѣе да важе да је ко с ким у великој омрачи или завади) Рјечн. „Нихто нерозлучить... Тільки насъ розлучить заступ та лопата... дубовая хата“. М. п.

Дѣйствіе—*мѣстомъ, гдѣ оно происходило*: „Убить подъ Бородинымъ“. „При Калкѣ одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалеѣ“. Пушкинъ.

Въ *формахъ* — выраженіе постоянного многократнаго дѣйствія прошедшихъ однократнымъ или будущимъ = *синекдоха*?

„Всѣ ме боли срце за ѣвојком....

Она носи чердан до појаса,

На чердану цекин до цекина,

Цекан звекну, моје срце јекну!

До цекина динар до динара,

Динар сијну, мое срце кину!

Н. Беговић. Серб. нар. пѣсня I, 95.

Свойство дѣйствія приписывается *времени* (ибо время = совокупность составляющихъ его дѣйствій) — „свободное время“. Скорый гонецъ: „До города Черкаського скоримъ часомъ пилною годиною прибувавъ“ Мет., 387. Якъ сі слова зачувавъ, так скоримъ часомъ пилною годиною до веріть откождавъ, Шкатулу зъ земли зъ королевськими листами вѣймавъ, сам на доброго коня сѣдав, скоримъ часимъ, пилною годиною до города Чигрина прибувавъ Мет., 388.

Моментъ, представляющій дѣйствіе, можетъ относиться къ нему, какъ *причина*: *жалованье, милостыня, милость*.

„*Жаловати*, какъ теперь (в. мр. см. З. о Ю. Р. I, 66), такъ и встарину — *любить*, и *жалованье* — *собств. любовь* и то, что дается по любви, а *нотомъ* и *безъ нея*, но такъ, что берущій не имѣетъ на полученіе юридическаго права, какъ напр. князь по отношенію къ царю татарскому (Новг. I, 78, 79, подъ 1338 г.), или получающіе „процъ“: „отъ явони пресвятыа Богородица явися жалованіа и процента людемъ много: слѣпнымъ, хромымъ, разслабленнымъ, глухимъ и инымъ“, ів. 105 (подъ 1413). Ср. *милостати*, любить; *милостыни*, даръ нищему; *помилованиє*, тоже.... согласно съ чѣмъ можно думать, что для древняго русскаго чловѣка „господи помилуй“, значило не только „прости“ но и „даруй“, какъ наоборотъ это послѣднее въ поль. значить и „прости“.

Милость въ Рус. Пр. есть то, что дается господиномъ закупу (госп. холопу)... Отсюда *милостыникъ*, закупъ или холопъ обельный. Въ стар. серб. *милость*, царское пожалованье и самая

жалованная грамота; въ нов. между проч. подарокъ по любви; ст. серб. *милостъникъ*, получившій царскую жалованную грамоту. Кажется, что тутъ тоже, что въ ст. русс., по перенесенное въ высшую сферу, такъ какъ въ числѣ милостниковъ есть лица знатныя. (Даниѣ. Рјечн.).

Доказательствомъ древности значенія *давать изъ милости* въ *миловати* служить то, что въ Р. Пр. это значеніе породило уже другое: просто „давать“, а съ *про* = лит. рга (*gerti*); нѣм. *ver.* (какъ въ „оже купецъ пропьется или пробіється, въ безуміи чюжь товаръ испорътитъ“) „терять давая“. Къ ист. звуковъ, III, 53 — 54.

Чауши се поклонише Марку:

„Божја г'помоћ, господару Марко!“

А Марко их омилова руком:

„Добро дошли, моја ћедо драга! Кар. II, 192.

Моментъ, изображающій дѣйствіе или предметъ, заимствованъ отъ дѣйствія или состоянія лица воспринимающаго. Такъ какъ при этомъ предметъ изображаемый можетъ олицетворяться, то относящіяся сюда случаи вмѣстѣ и метафоры: *жилой* домъ, *пьяный* медъ. Другіе примѣры — Изъ зап.², 236 — 7.

Либонь моѣхъ братиѣвъ на свѣтѣ немає,

Альбо ѣхъ порубано, альбо ѣхъ постреляно

Альбо у горду *тяжку* позаймано“, Ант. и Др. I, 117.

Ср. „з тяжкоѣ неволѣ втѣвати“. *ib.* 119. Буславевъ объ этомъ слѣдующее:

„Созерцаая природу, человекъ приписываетъ ей качества и дѣйствія своихъ возрѣній, *не по подобію* или *метафоръ*, а по врожденному своему стремленію сблизиться съ предметомъ наблюденія и познаванія, по свойству самого разума человеческого налагать отпечатокъ своей дѣятельности на все, чего коснется. Языкъ выражаетъ это дѣйствіе разума весьма просто, а именно: называетъ вещи не потому, что онѣ суть на самомъ дѣлѣ, а потому, какъ онѣ кажутся. Плавающіе по морю, конечно, знаютъ, что берега и горы стоятъ неподвижно, неплаваютъ; однако въ арханг. нарѣчій говорится: *берегъ всплываетъ, сопка*

всплываетъ, т. е. выказывается, появляется изъ - подъ горизонта. Такое выраженіе составилось не по уподобленію берега чему-либо плывущему, а по наглядѣ: потому что берегъ или сопка въ этомъ случаѣ дѣйствительно кажется всплывающими. Слѣдовательно, это вовсе не метафора, а скорѣе метонимія, и при томъ еще на самой начальной степени своего развитія, въ перенесеніи *кажущагося* впечатлѣнія на предметъ оное произведшій". Бусл. Оч. I, 168—9.

Здѣсь „врожденное сближеніе съ предметомъ познанія“, зависящее отъ „свойства разума“ налагать на все свой отпечатокъ отличается отъ *метафоры*, изъ чего слѣдуетъ, что метафора не есть *врожденный* способъ перехода мысли и независитъ отъ упомянутаго свойства разума. Вещи всегда называются по тому, чѣмъ они *кажутся*, и мыслятся такими, какими, *кажутся*, ибо то, что они *есть*, есть не сущность, а позднѣйшая измѣненная болѣе продолжительнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ видимость. Когда пловцы, зная, что берегъ стоитъ, говорятъ: „берегъ всплываетъ“, то тутъ именно и есть доступное сознанію заключеніе по аналогіи: *какъ плыву я*, такъ плыветъ на встрѣчу берегъ; тутъ и есть различіе между образомъ и значеніемъ, т. е. поэтичность метафоры. Но была ли эта сознательность, это различіе тогда, когда появилось это выраженіе?

Состояніе, характеръ—однимъ дѣйствіемъ изъ него вытекающимъ. Какова была до замужества:

„Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонушки!
Покуль батюшко меня замужъ невыдалъ... и далѣе
Якушк. Соч. 609.

Дѣйствіе представлено тѣмъ, что его производитъ (*органомъ, орудіемъ*): *Господареве очи коны гоје. Малор. „очицами гуся пасе“, „Да неоскудѣетъ рука дающаго“.*

Милош пева, вила му одпева:
Лепше *грю* у Милоша царско,
Јесте лепше него је у виле Кар. II, 216, 218.

Сердце — гнѣвъ. Гр. *χολος, χολή* — желчь, гнѣвъ. Имѣть на кого зубъ = срб. он има зуб на нега, замышляетъ ему зло. Сл. О нѣкоторыхъ символахъ, 29. „Да нонѣ отселѣ имемся въ (в. по) едино *сердце* (будемъ согласны = голосъ въ голосъ ср. волокъ въ волокъ) и блюдемъ Русскыѣ земли. Лавр.² 297; „видниши ли, не-помышль тебе, ходя въ твою *руку*“ = находясь въ зависимости, Л.² 249; неволя ни было пристати въ (сѣ)вѣтъ, ходяче въ руку, ib 257. — взяста *копьемъ* градъ, Л.² 258 = приступомъ.

„Щуръ тобі, некъ тобі, *осина* тобі.“ „Нехай ёму осичина“. Ном., 99, 69. (А щобъ ти на осинѣ повисився, ib. 73; „коломъ ёму въ спину“, якъ ще вмерло нечеловека).

Рука = пачеркъ, подпись (руку приложилъ); *сердце*, любовь (метонимія); (метафора) серденько мое до твоего пристало; М. 6.

Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномо-чье и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣй-ствияхъ, и связанные руки тамъ, гдѣ нужно способствовать имъ (?) Гёголь, Переп. IV, 718.

Голова въ значенія ума (или вмѣстилище вмѣсто вмѣстимаго). Забрать себѣ что въ голову, выкинуть изъ головы, потерять го-лову, (незнать, что дѣлать); безмозглый, *ула* нѣтъ, безъ сердца. См. гомер. *κῆρ, σπλάγχρον, φρένες, μυκτήρ* (ноздра) — иронія, *σφραγς* — запечатанность и *Ποσίνιτις*, уста и сердце.

Что *водка* дѣлаетъ! *Хмель* — опьяненіе (состояніе и дѣйствіе). *Медъ* (уже независимо отъ этимологическаго значенія = опьяняю-щій) = *μέθυ*: „въ меду немоужавши, многы бо вогубилъ медъ. Избор. 1076, 151... Медъ и жлицы — творять неразумныя. Лавр. 168. Съ моужатицею отинудь непосѣди и непобесѣдоуи съ нею въ *сими*, кѣда како отклонитьсѣ душѣ твоя на ню и дхъмь сво-имъ похлѣвненисѣ въ вагоубу зълѣ, ib. 175. Сербск. И под желу пију вино ладно, *у вину* ихъ санаъ преварио. *Жечам* трче и ра-кија виче, посл. (Zima 39). Обізвався козакъ на солодѣмъ *меду*.

Содержащее (въ пространственномъ отношеніи) представля-етъ *содержимое*: а) соудъ въ значеніи содержамаго.

„Богданъ прими златну купу вина,
Купу прими, а пити је неће.

Перенесеніе свойства содержамаго (его дѣйствія) на содержащее: „пить верькую чашу“.

б) *Мѣсто и время*—*вмѣсто содержащагося въ нихъ*. Страна—*вмѣсто народа*: „Почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ роано“. Лавр.² 247.

И плакашася по немъ (Володымирѣ Глѣбовичѣ) вси Переяславци.... бѣ бо впазъ добръ и крѣпкозъ на рати.... о немъ же Украина много пестона. Инат.² 439. „За тобою, Морозену, вся украиня владе“. Половци говорятъ: „возьмемъ села и поидемъ съ полономъ въ Половцѣ Л.² 340.

Куни свате ламну вору црну,
Гору црну и Бјелопамлиѣ, Кар. II, 534.

„Ту прислашася въ нему Чернии Клобуци и все Поросье. Лавр.², 230.

Святославъ же съ братьею.... совокупивше и Берендѣичѣ и Поросье и всю Русскую землю, полки поидоша отъ Кіева къ Вышгороду. Лавр.², 321.

„А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ“, Онѣг. I, 35.

„Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ умоенный,

Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля;

Нѣтъ, непошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою,

Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она гогавила пожаръ. Онѣг. VII, 37.

Тихо спитъ Одесса II. Соч.³, III, 187.

Отсюда видно, что обыкновенно эта метонимія соединяется съ олицетвореніемъ, въ чемъ и причина ея образности.

„Бывало лѣстивѣй замасъ сатто

Въ немъ злую храбрость выхвалялъ, Он., VI, 5.

„Были вѣчи Трояни, минули лѣта Ярославля.... Уже бо
братіе невеселая година встала... Сл. о Пол. Игор.

„И за могильною чертою
Къ ней (тѣни поэта) недомчится гимнъ *временъ*,
Благословенія племенъ. Он. VI, 37.

.... Два, три романа
Въ которыхъ отразился *откъ*,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно. Он. VII, 22.

Уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ „содержащаго въ значеніи со-
держимаго“ напр. „горькая чаша, легкомысленный Парижъ“, за-
мѣтно слѣдующее:

Представленіе *обстоятельствъ* и объектовъ *дѣйствія* свой-
ствами субъекта безотносительнаго (подлежащаго) или относитель-
наго (дополненія по отношенію къ опредѣленію):

а) сидѣтъ у *больной трудной* постелюшки. Изъ записокъ
по грам.² 144.

б) прилагательныя и причастія согласуемыя, замѣняемыя въ
позднѣйшемъ языкѣ нарѣчіями и дѣепричастіями.—Все то, что
свидѣтельствуетъ о болѣе конкретной имени въ древн. языкѣ¹).

Дѣйствующее въ значеніи *дѣйствія* или произведенія:

„Читалъ охотно Апулея

„А Цицерона нечиталъ. Онѣг.

(Выше этотъ примѣръ, какъ единств. въ значеніи множеств.,
частное въ значеніи общаго).

Полкъ, походъ, битва: „то было въ ты рати и въ ты плѣкы,
а сиден рати неслышано. Сл. о Пол. Игор.

„Бѣша бо многи на полку“. Лавр.², 70 = „въ битвахъ; отца
надѣзохъ съ полку пришедше. Лавр.² 239; дивно ли оже мужъ
умерлъ въ полку томъ Л. 245; воротилася опять на полчище, 288;
остася Изяславъ съ малою дружиною на полчищи, 323; мы, княже,
на полку томъ со Мстиславомъ небыли, 359; Кыянь одинѣхъ из-
гыбло на толку томъ 10 тысячъ, (1223), 424.

¹) См. III т. Изъ записокъ, 487 и др.

Отъ пом. *agentis* въ пом. *actionis*: *Перунъ* и *piorum*; *микро-радка*—болѣзнь и виновница болѣзней. Бусл. Оч. I, 169. У древнихъ обычно имя божества о вещи или явленіи, отъ нихъ зависящихъ: *Sine Cerere et Baccho friget Venus* (Terent.); *vario, incerto Marte, pinguis Minerva*, Gerb. II², 64.

Лицо—въ значеніи того, что ему принадлежитъ или иначе съ нимъ связано: „сосѣдъ погорѣль“. *Святой* вмѣсто его церкви и его изображенія ¹⁾. *Сила, душа, демонъ* въ значеніи лица.

Tὸν δε μετ' ἐισερόησα βίην Ἑρακλείην,

Ἐἶωλον αὐτὸς δὲ μετ' ἀθανάτοισιν θεοῖσιν

Ἐρέπεται ἐν θαλίῃ; καὶ ἔχει καλλίσφυρον “*Нβην*, Od. XI, 601 сл.

„Затѣмъ я увидѣлъ Ираклову силу, призракъ (одинъ), а самъ онъ среди безсмертныхъ боговъ „сладость блаженства“ вкушаетъ (Жуковский) и держитъ прекрасную Гебу“.

И у людей и у безсмертныхъ есть двойственность, ибо *сильный Гефестъ* = *сила* и *Гефестъ* = Гефестова сила: „Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила = *μένος* ‘*Нраίστοιο*, Od. VIII, 359; „возбудилъ Алкиноеву силу святую = *ἱερὸν μένος Ἀλκινόοιο*, Od. VIII, 385. „Телемакова сила святая блеснула „легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею. Одис. XVI, 476. См. ἱς *Τελεμάχοιο* etc. Lex. „Самъ, разсудокъ и сердце“. Од. XX, 10 слѣд. „Сказалъ своему сердцу“, Од. VI, 464. „Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ, Собственнымъ сердцемъ она незамыслила бѣ гнуснаго дѣла, Од. XXIII, 222.

Предводитель—вмѣсто *войска*: *Hannibal ante portas*.

Свойство—вмѣсто *лица*: „Яе обступяты нашего брата циганьске навождениє, такъ незнаєш, що й робить“. Квитка, Солд. патреть. (Gerb. II, 61, набор. *лицо*—типич. миеолог.—вм. дѣйствія и качества, ib. 64). Его стиховъ плѣнительная сладость... *младость, печаль, радость*, Пушки.

„Не всякое отвлеченное, означающее конкретныя вещи, слѣдуетъ принимать за метонимію. *Juventus* въ смыслѣ *juvenes, senes*

¹⁾ См. Изъ записокъ по русской граммат., т. III. Стр. 211 сл.

ctus = senes, servitium = servi, nobilitas = nobiles, *ἡλικία* = *ἡλικες*, *σοφιστία* = *σοφιστοί*, нѣм Jugend, Alter, Adel, показывають только то, что отвлеченныя употребляютъ, какъ собирательныя“.

„Напротивъ, за метонимию слѣдуетъ считать: tua calamitas вм. tu calamitosus (Phaed. 1, 3, 16), mediocritas mea“, „Ew. Majestät“, „meine Wenigkeit“, Gerber, II^a, 60. (Мюнхескія основанія этой метониміи—см. изъ записокъ по грамм. III, Hendiadys, „твой воръ“ и пр.). Но если метонимично такое обозначеніе одного лица, то почему не метонимично такое же обозначеніе многихъ лицъ, какъ собирательной единицы?—У Л. Зимы изъ серб. пѣсн. 44 стр.:

Јао, Јово, моје несудјење!
Што је, Јово, моје миловање?
Имам Имбра, обречење моје,
Обречење, моје несудјење
Милане, прво гледање!
Еј Стојане, све моје уздисање!

Хвалила се хвала материна
Овданъ (об?) везем, по сву ноџцу предем!
....Али хвала на кревету спава

ѢрѢев јој се по буњишту ваља, Рајков. С. н. п. 153.

Отъ дѣйствія, признака къ лицу. Слово = человекъ: Та нема цвѣту најсинішого надъ ту ожиновъку, та нема слова највѣрнѣшаго надъ ту дружиновъку (Метл. 243), въ поль. серб. vјага, vјера = человекъ вѣрный. О связи нѣкот. предст. 20.

„Туди пішла, поѣхала любая розмова“. „Славјо (v) слатко разговоре, Што ниј' чути пјесме твоје? Рајков. С. н. п. 102. Ој дјевојко, рано материна, Благо теби док те рани мајка, ib 89. О дјевојко, име племенито, ib.

Зафали се фала материна, Да обноџ преде, а дању везе. Код ја одо фали на пенѢере, Али фала на душеку спава, Давидовиџ, С. н. п. изъ Босне, 35. Ој дјевојко, бриго материна, Све се бринеш, да се удат неѢеш, ib. 45.

Мое сердце, милый, ая — не въ томъ смнслѣ, что дорогой, какъ для челоѡвѣка сердце, а въ смнслѣ любимаго *сердцемъ*. Срб. Богъ убио сваку милу мајку, која воли браца нег' *срданице* (Рајков. С. н. п. 168) — предпочитаетъ брата *сыну*, ношенному подѣ сердцемъ в. въ сердцѣ = въ утробѣ.

Вещество вмѣсто формы, вещество вмѣсто вещи (гомер. *χαλκός*, въ значеніи сѣкиры, жертвеннаго ножа и пр., *σίδηρος*, желѣзо, въ смнслѣ сѣкиры и всего желѣзнаго, *μέλιη*, ясень въ смнслѣ древка копья и всего копья; *δубъ*, лодка), если вещество бросается въ глаза больше, чѣмъ форма, или если форма безразлична (съ свинцомъ въ груди; въ шелку и бархатѣ, въ золотѣ; „все мое“, сказалъ булатъ). Подобнымъ образомъ цвѣтъ вмѣсто платья: зелено да сине на сукиномъ сынѣ.

Отъ послѣдовательности въ причинѣ — потому, понеже, зане.

Отъ общаго въ частному: *година* (погода), *погода* (буря); *вријеме* — ненастье, буря: на пут га заста *вријеме* — (непогода), Рајковић, 100.

Время — мѣстомъ. „Жизни даль“, Онѣг. V, 7. „За могилой, въ предѣлахъ вѣчности“, Он. VII, 11. *Покамѣста* — *покамѣсть*: „ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ мѣсть, какъ принесутъ ѣству третью, лебеда“. Котоших.² 9.

Пространство — временемъ: „до сихъ поръ, по сіе время“. Для выраженія „очень далеко, очень высоко“, а равно для выраженія интенсивности дѣйствія, качества — формула: *вище неба, више лъсу* стоячаго; *краица* злота, т. е. первоначально: высоко небо, а то-то выше: *Szeroko daleko mojej matki pole, Ale szerzej, dalej rascierzenie moje. Zej. Piesn. ludu polsk.*

Ой високо влен дерево мое, А ще вище два соколи літає. М. 115. Ой горе, горе, що чужа україна, А іще гірше невірна дружина. Ой високо влен дерево вѣється, А ще вище соколоньки грають, Об. мр. п. II, 732. „Високо се соколови грају, још су виша врата Цариграда, Шильбокъ (Schildwache) стоји сирота дивојка, Рајковић, Серп. нар. пѣс. 75. Високо се орле тица вије, Још су

виши Деанови двори, у двору је Деанова мајка.... ib 146. Сюда отнесенныя выше къ синекдохѣ выраженія для мною: не раз, не два (отрицаніе численнаго предѣла).

М е т а ф о р а .

Аристотель (Poet, 21): *μεταφορά δ' ἐστὶν ὀνόματος ἀλλοτρίου ἐπιφορά ἢ ἀπὸ τοῦ γένους ἐπὶ εἶδος, ἢ ἀπὸ τοῦ εἶδους ἐπὶ γένος, ἢ ἀπὸ τοῦ εἶδους ἐπὶ εἶδος, ἢ κατὰ τὸ ἀνάλογον*. Метафора есть перенесеніе посторонняго слова (т. е. слова съ другимъ значеніемъ по отношенію къ значенію искому: а) или отъ рода къ виду б) или отъ вида къ роду, в) или отъ вида къ виду, г) или по соотвѣтствію (сходству). а) и б)—синекдоха, в)—метонимія, г)—метафора въ тѣсномъ смыслѣ.

„Соотвѣтствіемъ называю (*τὸ δὲ ἀνάλογον λέγω*), когда второе такъ относится къ первому, какъ четвертое къ третьему. Тогда можно поставить вмѣсто второго—четвертое и вмѣсто четвертаго—второе“.

Напр. такъ относится *φιάλις* (чаша) къ *Διώνису*, какъ *щитъ* къ *Арею*, поэтому можно щитъ назвать *φιάλιомъ Арея*, а *фіаль* *щитомъ Діониса*. Или: *старость* относится къ *жизни*, какъ *вечеръ* ко *дню*; поэтому можно назвать вечеръ *старостью дня*. Иногда, говорить Аристотель далѣе, возможна метафора, хотя недостаетъ слова въ одномъ изъ отношеній. Такъ *солнце* относится къ недостающему слову для разсѣванія его лучей, какъ *сѣмя* къ *сѣмяню*; поэтому можно говорить о сѣяннѣ солнечныхъ лучей“ (Gerber II, 25—7).

Герберъ распространяетъ мнѣніе Аристотеля о возможности обоюдной замѣны соотвѣтственныхъ членовъ пропорцій въ метафорѣ и на другіе тропы.

„Какъ въ синекдохѣ и метониміи въ силу связи переноснаго значенія съ собственнымъ дана возможность взаимной ихъ замѣны; такъ существенная черта пропорціи, изъ которой вытекаетъ метафора, та, что каждый разъ эта пропорція даетъ возможность обра-

звать двѣ метафоры. Синеждохично говорится: „вѣрять волнамъ“ (= морю); и „море врывается въ корабль“ (= волны); вонзи ему свое оружіе въ сердце (= мечъ) и „нашъ мечъ повсюду господствуетъ“ (= наше оружіе).

Метонимично: „бнѣ любить бутылку“ (= вино) и „поставь сюда вино“ (= бутылку); „измѣнника ждетъ пуля“ (= смерть) и „шлемъ смерть въ ряды враговъ“ (пулю). Подобнымъ образомъ, если дана пропорція: лучъ (strahl): солнце=стрѣла: лукъ; то изъ нея вытекаетъ двѣ метафоры: *стрѣла солнца* и *лучъ (strahl) лука*.

„Само собою, что не при всякой пропорціи должны встрѣтятся обѣ метафоры. Въ настоящемъ примѣрѣ обычно „стрѣлы солнца“; а что легко могло бы быть сказано „strahl des bogens“ видно изъ того, что въ ср. врхн. нѣм. *stråle* значитъ именно „стрѣла“. (ib. 73—74).

Здѣсь именно видна слабость этого разсужденія, потому что *stråle* значитъ стрѣла и могло быть употреблено въ значеніи луча солнечнаго, подъ вліяніемъ мысли о солнцѣ, разящемъ лучами; но нѣтъ основаній представлять лукъ посылающимъ свѣтлые и теплые лучи, и потому нѣтъ основаній говорить о лучахъ лука. Такимъ образомъ въ синеждохѣ можно связать: „человѣкъ смертенъ“ (=люди), но нельзя связать: „люди вошли въ комнату“ вмѣсто „этотъ“ человѣкъ“.

Разсужденіе Аристотеля объ обоюдной замѣнѣ членовъ пропорціи въ метафорѣ было бы справедливо, если бы въ изыскѣ и поэзіи не было опредѣленнаго направленія познанія отъ прежде познаннаго къ неизвѣстному; если бы заключеніе по аналогіи въ метафорѣ было лишь безцѣльною игрою въ перемѣщеніе готовыхъ данныхъ величинъ, а не серьезнымъ исцаніемъ истины.

Въ дѣйствительности такая игра въ перемѣщенія есть случай рѣдкій, возможный лишь относительно уже готовыхъ метафоръ. Нужная, стало быть, единственно-хорошая метафора вытекаетъ всегда изъ случая, который у Аристотеля является какъ бы исключеніемъ, именно когда (говоря схематически) дана пропорція съ четвертымъ членомъ неизвѣстнымъ: $a : b = v : x$. Здѣсь $a : b$ — прежде

познаваемое, напр. *вода* и *ея капля*. Это — прочное основание дальнѣйшаго познанія. Затѣмъ входитъ въ мысль *жалость* (чувство), и спрашивается, какъ понять, представить, назвать слабую степень этого чувства. Отвѣтъ — „*капля жалости*“ (Пушк.) при поднятѣишемъ, чисто поэтическомъ пониманіи есть установленіе отношеній: *вода: капля = жалость: капля жалости*; при болѣе раннемъ мнѣи-ческомъ состояніи мысли это — уравненіе 2-го отношенія съ пер-вымъ: *жалость = вода* (основанное, можетъ быть, на томъ, что *жа-лость* рождаетъ *слезы*, причемъ — опять уравненіе *слезы = жалость*). Но изъ этого никакъ неслѣдуетъ, чтобы второе отношеніе нужно было для уясненія перваго; вѣдь въ первомъ отношеніи нѣтъ не-извѣстной величины.

Дѣло другое, если представить себѣ не въ видѣ ребяческой забавы взрослыхъ людей, а въ видѣ серьезнаго труда хотя бы и дѣтской мысли, слѣдующее: № (сестры Фаэтона): *плакали* по немъ = янтарь: *x* (каплевидные кусочки); *x* = слезы сестеръ Фаэтона.

Уже древніе замѣтили, что не во всѣхъ случаяхъ метафоры возможно перемѣщеніе и поэтому дѣлили метафоры на двухсторонніе, обоюдныя (*reciprocae*) и одностороннія (*unius partis*). Такъ можно назвать *τὸν στρατηγὸν — κυβερνήτην τῆς πόλεως* и наоборотъ *τὸν κυβερνήτην ἄρχοντα τῆς γῆς*; *gubernator auriga saginae, auriga — gubernator currus*. Но если говорится *sacumen montis*, то нельзя сказать „*sacumen hominis*“; или можно назвать *ὑπώρειαν τῆς Ἰδης — πόδα*, но нельзя *τὸν τοῦ ἀνθρώπου πόδα* назвать *ὑπώρειαν*, т. е. это можно было бы лишь въ случаѣ, если бы мы человѣка пред-ставляли горою. (См. Gerber, II², 78, Demetrius, Diomedes).

Квинтилианъ (*Instit. orat. lib. VIII cap. 6*) для этого общаго значенія (въ какомъ употребляетъ Аристотель *метафору*), вѣроятно, слѣдуя греческимъ риторамъ, употребляетъ слово *tropus*: „*tropus est verbi vel sermonis a propria significatione in aliam cum virtute mutatio*. Сюда онъ относитъ: *synecdoche*, (ut ex uno plures intelligamus, parte totum, specie genus, praecedentibus sequentia, vel contra), *μετωνομία*, (quae est nominis pro nomine positio, cuius vis est, pro eo, quod dicitur ponere) и то, что у Аристотеля есть

μεταφορά κατὰ τὸ ἀνάλογον, именно *metaphora v. translatio*. Объ этой послѣдней онъ говоритъ: „*metaphora brevior est similitudo... comparatio est, cum dico fecisse quid hominem ut leonem; translatio, cum dico de homine: leo est*“. Согласно съ этимъ и Цицеронъ (*De oratore*, lib III, cap. 38—9. Ср. однако Zima, 79).

Это опредѣленіе отношенія между сравненіемъ и метафорою остается неизмѣннымъ до нашего времени. Такъ Вакернагель: ¹⁾ при *сравненіи* (фигурѣ), рядомъ съ обычнымъ представленіемъ и его выраженіемъ, ставится другое представленіе и выраженіе, менѣе обычное, болѣе чувственное и наглядное; при метафорѣ (тропѣ) совсѣмъ устраняется обычное, менѣе чувственное представленіе и его выраженіе, а на мѣсто его становится его болѣе чувственный противень (*Gegenbild*). И такъ, однимъ словомъ, метафора есть сокращенное сравненіе. (*Poetik*. 520) Brinkman — *Die metaphor*, 1878, I, 23—5.

Можно бы возразить, что всякое совершившееся наименованіе даетъ намъ сравненіе двухъ мысленныхъ сочетаній: обозначающаго и обозначаемаго. Когда словесно выражается, какъ знакъ, такъ и обозначаемое, отношеніе между тѣмъ и другимъ можетъ быть, какъ синекдохично и метонимично, такъ и метафорично. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ грамматически выраженное сравненіе ведетъ не къ метафорѣ, а антономасіи.

„Зарѣцкій мой,

Подъ сѣнь черемухъ и акацій

Отъ бурь укрывшись навонецъ,

Живеть, какъ истинный мудрецъ,

Капусту садить, какъ Горацій,

Разводитъ утокъ и гусей

И учить азбукѣ дѣтей. Онѣг. VI, 7.

.... И путешествія ему (Онѣгину),

Какъ все на свѣтѣ, надобли;

Онъ возвратился и попалъ,

Какъ Чацкій, съ корабля на балъ. Он. VIII, 13.

¹⁾ *Poetik, Rhetorik und Stilistik*. von W. Wackernagel, Halle, 1886 r.

Тѣмъ не менѣе вѣрно, что сравненіе, какъ грамматическая форма, какъ словесное обозначеніе и образа и обозначаемого, включаетъ въ себѣ метафору, а не другіе тропы. Ибо: чѣмъ дальше образъ отъ обозначаемого, тѣмъ труднѣе будетъ пониманіе образа и тѣмъ необходимѣе прилагать къ нему обозначаемое; наоборотъ, чѣмъ больше средство знака и значенія, тѣмъ легче первый обходится безъ словеснаго обозначенія второго, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ синекдохи (напр. *рабъ* судьбу благословилъ) сравненіе есть лишь скоропреходящій моментъ процесса наименованія, моментъ, на которомъ мысль почти никогда неостанавливается, и который поэтому почти никогда не требуетъ особаго словеснаго выраженія. Въ случаяхъ „какъ Гораціи“, а также въ фигурѣ *exemplum*, явственное сравненіе вноситъ въ объясняемое новые признаки и потому до нѣкоторой степени метафорично.

Необходимость метафоры (или метафорическаго сравненія) связывается особенно наглядно въ тѣхъ случаяхъ, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденныхъ неопредѣленнымъ множествомъ дѣйствій, словъ и пр. Въ „Войнѣ и Мирѣ“ Л. Толстого Наташа, въ разговорѣ съ матерью, старается дать себѣ отчетъ во впечатлѣніи, которое на нее производятъ характеры Бориса Друбецкого, который за ней ухаживаетъ, и къ которому она какъ будто неравнодушна, и Пьера Безухова.

„Мама, а онъ очень влюбленъ (Борисъ)? Какъ на наши глаза? Въ васъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только несовсѣмъ въ моемъ вкусѣ: *Онъ узкій такой, какъ часы столовые...* Вы не понимаете? Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый...

—Что ты врешь! сказала графиня. Наташа продолжала:

—Неужели вы непонимаете? Николинъка (братъ) бы понялъ... Безухій тотъ синій, темносиній съ краснымъ, а онъ (Борисъ) четверугольный ¹⁾.

—Ты и съ нимъ (Пьеромъ) кокетничаешь, смѣясь сказала графиня.

¹⁾ Иначе понимали древніе: τετραγώνος (о человѣкѣ)—дѣльный, хорошій, солидный (Аристотель, у Gerb. II, 2 79), homo quadratus—приличный, хорошій (о строеніи тѣла—стройный).

—Нѣтъ, онъ франмасомъ, я узнала. Онъ славный, темносиній съ краснымъ. Какъ вамъ растолковать.... Соч.⁸, VI, В. и М. т. II, ч. III, 267—8 гл. 13.

Этого растолковать невозможно. Это понять можетъ только тотъ, кто продолжительною совмѣстною жизнью и обмѣномъ мыслей настроенъ гармонично съ Наташей, на кого Борисъ и Пьеръ съ одной стороны и привычные глазу вонъ тѣ столовые часы и темносинее съ краснымъ производятъ дѣйствія, сходящіяся въ темной глубинѣ воспріятія. Читателю остается замѣтить, что выдумать такое сближеніе трудно; его можно замѣтить въ себѣ и другихъ, потому что такъ бываетъ. Это необходимый приемъ, сводящій сложное на простое и дѣлающій это сложное *maniable*, такимъ, что имъ можно орудовать.

Порядокъ знака и значенія. Въ готовомъ, данномъ словѣ—сначала представленіе, потомъ значеніе. (Мр. п. XVI в. 18—9).

При созданіи слова (и сравненіи) знакъ берется изъ ближайшей обстановки внѣшней и внутренней (т. е. того прошедшаго и отдаленнаго, которое въ данную минуту близко нашей мысли); но для того, чтобы изъ этой обстановки взять именно то-то, и для того, чтобы взятое получило для насъ именно такое-то значеніе, нужно, чтобы предварительно это значеніе было въ насъ (не въ той ясности, которая достигается лишь послѣ представленія, а) въ видѣ хотя бы и темнаго вопроса. Ближайшіе поводы выбора образа съ одной и толкованія съ другой стороны могутъ быть различны.

„Какъ красиво!“ подумалъ онъ, глядя на странную точно перламутровую равнину изъ бѣлыхъ барашковъ—облачковъ.... Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта равнина.... Да вотъ такъ-то незамѣтно измѣнились и мои взгляды на жизнь!“ Л. Толстой, А. К. II, 64. и предыдущ. Т. е. явленіе внѣшней природы привлекаетъ къ себѣ вниманіе независимо отъ другого, господствующаго въ данную минуту интереса, которымъ будетъ направлено толкованіе этого явленія.

Другой примѣръ вопроса, прерывающаго ходъ мысли, выбора образа изъ воспоминаній подѣ влияніемъ этого хода и толкованія этого образа—Анна Карен. II, 156: .... „А какимъ образомъ знаніе сложенія и вычитанія и катехизиса поможетъ ему (народу) улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ.... къ бабушкѣ ходила, на мальчика крикса напала,... бабушка ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то“... Ну вотъ вы, сами говорите! Чтобы она не носила лѣчить криксу на нашестъ, для этого нужно... весело улыбаясь, сказалъ Свѣжскій.

Ахъ, нѣтъ!—съ досадою сказала Левинъ: это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами“....

По общему *содержанію значеній* уже древніе дѣлили метафору по дѣленію предметовъ на одушевленные и неодушевленные, изъ котораго вытекаетъ четыре рода метафоры: или перенесеніе остается въ предѣлахъ одушевленности и неодушевленности: а) отъ одушевленнаго къ одушевленному: *ἡρίοχος νῆος* въ зв. *ταύτης*; *Ποιμὴν λαῶν—βασιλεύς*; б) отъ неодушевленнаго къ неодушевленному: *οπέριμα πυρός* (Од. V, 490); или оно переходитъ за предѣлы этихъ разрядовъ: в) отъ одушевленнаго къ неодушевленному: *πῶς Ἰδης—ἐλώρεια*; *οὐθαρ ἀρούρης—τό γόνιμον*; г) отъ неодушевленнаго къ одушевленному; *σιδήρειον ἦτορ—σκληρόν* (Gerb. II, 79).

По отношенію къ формѣ метафора выражается а) членомъ предложенія, б) цѣлымъ предложеніемъ или нѣсколькими. Въ послѣднемъ случаѣ метафора имѣетъ форму или *аллегоріи* или *уподобленія*, (сравненія въ ироническомъ смыслѣ, Gerb. II, 95). Аллегорія—Матѣ. 3, 10; 3, 12.

Метафора, выраженная членомъ предложенія. Буславѣвъ говоритъ, что въ случаѣ метафоричности прилагательное и глаголъ отличаются отъ существительнаго тѣмъ, что „переносятъ свое значеніе не сами по себѣ (какъ существительныя), а только по отношенію къ существительнымъ, т. е. переносятъ свое значеніе, примѣняясь къ различнымъ предметамъ. Напр. *тухлый* (чуть слышный) *громъ*; *сочная* (глубокая), *сытая* (полная, покрывающая

мели) *вода*; *сладимый* (южный, обшцающий плодородіе) *оттерз*; *тпшшть* корову (донть), *замереть* (о листьяхъ), завянуть, поблекнуть. (Бул. Оч. I, 166).

Это различіе невѣрно. Какою бы частью рѣчи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту. Это вполне примѣняется къ примѣрамъ существительныхъ, приведеннымъ тамъ же (стр. 165): *чело*—полныя зерна, падающія впереди прочихъ; *щеки*, утасы по обѣимъ сторонамъ рѣби; *шея*, проливъ; *рогъ*, уголь, мысь; *грива*, роца, длинное, неширокое возвышеніе между двумя логами или пропастями; *хвостъ*, конецъ острова, лежащій ниже по теченію рѣви, и прочія названія частей тѣла чловѣка и животныхъ, употребляемыя въ переносномъ значеніи (многіе десятки подобныхъ примѣровъ преимущественно греч. и латинск. собраны у Гербера. „Die Sprache als Kunst“ 1, 344—350).

Вообще всякое значеніе узнается только по контексту. Понятіе о грамматической самостоятельности (напр. именит. самостоятельный) или относительно (какъ оно и принимается) или, невозможно, ибо слово можетъ быть только частью рѣчи, т. е. чѣмъ-то несамостоятельнымъ.

Такимъ образомъ, для пониманія слова *прѣболов*, *facies*, *лицо*, необходима помощь того ближайшаго или дальнѣйшаго грамматическаго цѣлаго, въ которомъ оно дано: *прѣболов* *vesis*; передняя часть судна, *facies* *progae*; *лицо* *ткани*, *лицо* *дѣла* (лицевая, показная его сторона).

Въ этомъ отношеніи метафоры, вошедшія въ языкъ, неотличаются отъ тѣхъ, которыя пока являются личными. Метафора въ части предложенія дѣлаетъ метафоричнымъ все то цѣлое, которое нужно для ея пониманія, т. е. напр. „хоть *каплю жалости* храня, (Пушк.): жалость—жидкость, которую хранить можно въ сосудѣ, каемъ, стало быть, представляется чловѣкъ.

Формы метафоры (въ синтактическомъ отношеніи).

Метафора можетъ заключаться во всякомъ членѣ предложенія, причемъ остальные, первоначально (т. е. до сочетанія) неметафоричные, становятся метафоричны.

Об'ясняемое выражено словом; оно есть (относительное) подлежащее при метафорическомъ а) предикативномъ атрибутивнѣ, б) приложеніи, в) обращеніи.

а) Метафора = предикативный атрибутъ: Гість першого дня золото, другого серебро, а третёго мідь, хоть до дому їдь.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть сомнѣніе, разрѣшаемое только произношеніемъ, находится ли передъ нами предикативный атрибутъ или приложеніе:

„Но наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ. Он. IV, 40.

Или: Но наше сѣверное лѣто—карриатура южныхъ зимъ; мелькнетъ и нѣтъ.

б) и в) Татьяна предъ окномъ стояла....

.... Задумавшись, моя душа, Он. III, 37.

Сюда мр. сердце, рыбка: „Подай рученьку, моє золото.... Серце дівчино, дорогой кришталю. Кармелю сердце,.. Ганнусю сердце, Мет. 6. Ой ти дівчино, повная рожа... Ой ти казаче, Хрепцатий барвинку.—Та вони, суки, торбу верали.—Дівчино моя, Переяславо, Дай мені вечеряти, моя ластівко, Мет. 5.

Такое приложеніе или обращеніе можетъ вытѣснить относительное подлежащее и стать на его мѣсто:

„Ој Омере, моје мило *перје!*
Ајд Омере, рано материна,
Аїде, рано, да те жени мајка;
Ти се мани Мериме дјевојке;
Льпшом ће те оженити маїка,
Льпшом Фатом, Атлагића *златом*. Кар. II, I, 267 (1891),

а дальше *злато* (т. е. Фата) уже какъ подлежащее в. дополненіе.

Неће мајка просити Мериму,
Нећ му проси Атлагића *злато*....
.... Пред њу теће Атлагића *злато*.... 258.

Ој Бога ти Атлагића *злато*....

Ајде, сними „*злато*“ (Фатиму) са коњица 269.

Сада ће ми моје злато (Мерима) рећи.... 270.
Леже злато (Фатима) у меке душеке, 270.
Момци сребро и древојке злато
Хоће сребро да се позлађује;
Неће злато сребро свакојако,
Веће хоће по избор ковати, Рајковић, Ср. н. п. 79.
Проћ се шћери челембуре (ср. „о јамборе, 38)
Јова.... У Јова је мајка жеравица,—
Ако му је мајка жеравица,
Ја сам млада студена водица,
Угасићу *живу* жеравицу, *ib.* 100 (ср. жива жеља, п. ч.
жеља — огонь).

Метафора въ приложеніи: ...но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейщюцъ
Перстами робкихъ ученицъ. Он. III, 31.
„И тайну сердца своего,
Завѣтный владъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно. Он. VII, 47.

Къ метафорическому приложенію можетъ примыкать даль-
нѣйшее развитіе заключеннаго въ немъ образа:

„Мој Даммоне, моје јасно сунце!
Льпо ти ме бјеше обосјао,
Ал' ми брже за горицу зађе.

Метафора—въ опредѣленіи, объясняемое—въ опредѣляемомъ.
Сюда метафорическіе эпитеты: *Ἄσβεστος ὄψ' ἐνῶρτο γέλωσ μακάροσι θεοῖσιν*, Jl. I, 599. Пушк. „сыпать острыя слова“, Он. I, 37; Ве-
селый снѣгъ, IV, 42. Въ волненіи бурныхъ думъ своихъ, IV, 34

Поэта *пылкій* разговоръ
И умъ его въ сужденьяхъ *зыбкой*....
Онѣгину все было ново;
Онъ охлаждающее слово
Въ устахъ старался удержать.... II, 15.

Метафора—въ подлежащемъ: „Тенерь ревнивцу то-то праздниѣ, Он. VI, 12. На всѣхъ различныя веряги, I, 44.

Метафора=подлежащее (относительное), при коемъ въ родительномъ стоитъ объясняющее:

„Но вы въ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня. Он. III, 31.

.... „Но вихорь моды....

Но мнѣнья свѣтскаго потокъ....

А милый полъ, какъ пухъ, леговъ....

Тавъ вапа вѣрная подруга

Бываетъ въ мигъ увлечена, IV, 21. *ib.*

.... Евгений былъ долженъ оказать себя

Не мячикомъ предразсуждений,

Не пылимъ мальчикомъ, бойцомъ,

Но мужемъ съ честью и съ умомъ. Он. VI, 10.

„Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ....

Чтобы прошло ланитъ пыланье;

Но въ персяхъ то же трепетанье

И не проходитъ жаръ ланитъ,

Но ярче, ярче лишь горить, III, 40.

„Не потерплю, чтобъ развратитель *Онемъ и вздохомъ и похвалъ* Младое сердце искушалъ. VI, 15. Условій свѣта свергнувъ бремя, I, 45. Яремъ барщины, II, 4; узы брака, II, 13. На самомъ утрѣ нашихъ дней, I, 45. Того змѣя воспоминаній, Того раскаянье грызеть, I, 46. Постылой жизни мишура, VIII, 46.

Вездѣ относительное подлежащее указываетъ на образность дополненія: въ „*капля жалости*“ изъ „*капля*“ видно, что жалость—какъ жидкость. Жажда знаній, VI, 31 = *thirst of knowledge, fames honorem, auri sacra fames* etc.

Есть ли это въ народной поэзіи?

Метафора въ глаголь. Метафоричное сказуемое заставляетъ представлять подлежащее согласно съ проистекающимъ изъ него дѣйствіемъ. Также вліяетъ оно на дополненіе: текутъ невинныя

бесѣды съ прикрасой легкой клеветы Он. VII, 47. Тщеславіе
кольнемъ надеждой Он. III 25. День протекъ, III, 36. Уланъ
умѣлъ ее плѣнить, VII, 8— 10.

Увы, Татьяна *унываетъ*;

Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ:

Ничто ея *незанимаетъ*,

Ея души *нешевелитъ*. IV, 24.

„Друзья мои, вамъ жаль поэта:

Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,

Ихъ несвершивъ еще для свѣта,

Чуть изъ младенческихъ одеждъ—

Увяль! VI, 36.

Ср. ....Младой пѣвецъ нашель безвременный конецъ:

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный

Увяль на утренней зарѣ,

Потухъ огонь на алтарѣ! VI, 31.

Кого жъ любить? кому же вѣрить?

Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣрить

Услужливо на нашъ аршинъ?

Кто клеветы про насъ *несчетъ*?

Кто насъ заботливо лелѣетъ? IV, 22.

Метафора—съ сказуемомъ простомъ:

З розуму звести (зъ ума), з глузду спасти, зсунутись.— Ой
чуде, чуде молода дівчина, та як сива голубка, М. 55.

Не дав мені Господь пари,

Та дав мені таку долю

Та й та *пішла за водою*.

Иди, доле, за водою,

А я піду за тобою

Дівчиною молодою Мет. 57.

Чи я въ тебе, моя мати, увесь хліб поїла,

Що ти мене, моя мати, та на вік *зайла*?

Чи я въ тебе, моя мати, усе плаття поносила

Що ти мене, моя мати, та на віки *затопила*?

Ой зав'язи, моя мати, та білим платкомъ очі
....Веди мене, моя мати, де вода холоднійша,
Топи мене, моя мати, а що я найкращійша. Мет. 263.

Ой годі мати сим очі вибивати. М. 265.

Ой мати моя, що ти гадала,
Що за нелюба світъ зав'язала....
....Ой мати моя, калиновий цвіт....

Що зав'язала за нелюба світ, М. 244.

Нікуди пійти поговорити,
Въ серці печалі та розділити.—

Ой жінко моя, піди до куми,

Піди до куми огню набери,

Изъ серця печаль з кумою розділи, Мет. 246.

Метафора—въ сказуемомъ составномъ:

Ганнусю серце, щожъ ти мені дала
Що мене до себе такъ причаровала?

А въ мене чари, чари готові: .

Білеє личко и чорні брови, Мет. 6.

Биле моје бјело лице

А мавѣије црне оѣи, Рајковић, 117.

Какъ чужая-то жена—лебедь бѣлая моя,

А своя шельма жена полынъ горькая трава,

Полынъ горькая трава, стрекучая крапива,

Стрекучая крапива, что во полюшкѣ росла,

Въ чистомъ полѣ на межѣ, на широкомъ рубежѣ.

Шейнъ Рус. нар. п. 353.

Метафора—въ дополненіи ближайшемъ и дальнѣйшемъ.

Die Kirche hat einen guten Magen,

Hat ganze Länder aufgefressen,

Und doch noch nie sich übergesse. Göthe.

Не говорить она: отложимъ;

Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,

Вѣрнѣе въ стѣти заведемъ...

А то, свучая наслажденьемъ,

Невольникъ хитрый *изъ оковъ*,
Всечасно вырваться готовъ. Он. III, 25.
Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей, IV, 7.

Метафора — въ обстоятельстве.

Изъ метафорическаго прилагательнаго можетъ выйти такое же нарѣчіе (пылко...); изъ метафорическаго глагола — дѣпричастіе („*Кня* враждой нетерпѣливой, Он. VI, 12); изъ дополненія — тоже; въ послѣднемъ случаю *творительный* превращенія и сравненія: „Съ вечера разорвался туманъ, тучи разбѣжались *барашками*, прояснѣло. Л. Толст. „Языкъ дѣвическихъ мечтаній въ немъ думы *роемъ* возмутилъ, Он. IV, 11. „*Горой* кибитки нагружаютъ, VII, 32.

Сюда метафоры для обозначенія общихъ понятій: *времени*—мѣстомъ, причины—соприкосновеніемъ, сходствомъ, подобіемъ, количества—величиной вещи и пр.: *Трохи (немного)*: Када ми се у недра ватио (говорить дѣвица) *Мрва* ти се не насмија мајко, Мрва своје не одсјекох главе, Рајн. С. н. п. 178.)

С р а в н е н і я .

По степени равновѣсія между образомъ и значеніемъ *метафорическое сравненіе* народной пѣсни предполагаетъ три формы:

- а) Грамматическій и лексическій параллелизмъ.
- б) Отсутствіе явственно выраженнаго значенія.

„Иногда короткая пѣсня заключаетъ въ себѣ только одинъ образъ безъ объясненія, такъ что можетъ возникнуть сомнѣніе, точно ли предъ нами поэтической образъ, а не прозаическая мысль, напр.:

Ой коби я була знала, що я твоя буду,
Выпрала бим сорочечку від чорного броду, Гол. IV, 453.

Что значить „прать сорочку“, видно напр. изъ слѣдующаго: жінка, що од живого чоловіка та... прала другому сорочку и все прочеє, Квитка, От тобі й скарб. Разборъ сборн. Головацкаго, 85.

в) Подчиненіе образа значенію. Сюда метафорическіе запѣвы. („Подчиненіе символическаго образа объясняемому (примѣненію, значенію) представляетъ нѣсколько видоизмѣненій: *сравненіе съ тѣснымъ смысломъ* при инверсіи, напр. „№ мається, якъ горохъ при дорозі“, *припѣвъ, запѣвъ*“, Объясн. млр. п. I, 237).

Сравненіе *ante*: „Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни: кто честолюбіемъ, кто картами или женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ нея (жизни), какъ умѣю,“ думалъ Пьеръ: „Только бы невидѣть ее, эту страшную ее,“ Война и Миръ, II, 438. (Ср. Калила и Димна: человекъ, висящій надъ змѣемъ и танущійся къ ягодамъ).

—Какъ солнце и каждый атомъ эфира есть шаръ, заключенный въ самомъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющій только атомъ недоступнаго человекѣу огромнаго цѣлаго: такъ каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли, и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человекѣу цѣлямъ общимъ. (Затѣмъ *цпи* жизни пчелы съ точекъ зрѣнія ребенка, поэта, пчеловода, ботаника и заключение):

„Чѣмъ выше поднимается умъ человѣческій въ открытіи этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность *конечной* цѣли. Человекѣу доступно только наблюденіе надъ соответственностью жизни пчелы съ другими явленіями жизни. Тоже нужно сказать о цѣляхъ исторической жизни народовъ, Война и Миръ, IV, (Приложенія 119—20).

Wie das Gestirn,
Ohne Hast,
Aber ohne Rast.
Drehe sich jeder
Um die eigne Last, Göthe, Xen. II, 43.

— *Какъ—носль.* Въ Москвѣ (Шьеръ) почувствовалъ себя дома, въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тихо, привычно и грязно, *какъ* въ старомъ халатѣ. В. и М. II, 432.

Еще (сверхъ того) Наташа была весела, потому что былъ человекъ, который ею восхищался: восхищеніе другихъ была та мазь колесъ, которая была необходима для того, чтобъ ея машина совершенно свободно двигалась. В. и М. IV, 392.

Москва была пуста, какъ пусты бываетъ замирающій, обезметочившій улей. (развитое сравненіе *ib.* 429—32, 39.)

(*Какъ—rost. Zima.* 75 сл. Сравненіе съ союзомъ соединительнымъ. *Zima*, 76. Сравненіе *ante* безъ союза, *Zima*, 78).

Метафора въ сравненіи съ *какъ*. Разстояніе между этой метафорой и метафорой въ опредѣленіи—невелико:

....поцілую

Да у тую губоньку да *золотую*

Да в той усочок, як *колосочок*

Да въ тії бривоньки чорні, як *шнурочок*

Да въ той видочок, повен як *урочок*. Мет. 5.

Ср. брови на шнурочку

Ой любив та кохав, собі дівчину мав, гей як у саду вишня
М. 23. Що любив и кохав, собі дівчину мав, як зіроньку ясну
М. 24. Моя врода, якъ певная рожа, М. 37. Въ хаті у неї, як у віночку, сама сидить, як квіточка, хліб випеченний, якъ сонце (Зап. о Ю. Р.).

„Я любив тебе, я кохав тебе, як батько дитину,

Извьялив себе, засушив себе, як вітер билину. М. 12.

Ой гуде гуде молода дівчина, та як сиза голубка. М. 55.

Сравненіе относится не къ сказуемому, а къ подлежащему въ слѣдующемъ:

„Бративи мої старші рідненькі,
Якъ голубоньки сивенькі!

Не добре ми.... починали, Мет. 346.

„За річкою за бистрою десь мій милий живе,
А до мене що вечера, як рибонька пливе. М. 87.

„Любилися, вохалися, як голубки в парі,
А тепер розійшлися, якъ чорніи хмари, ів 63.

Сравненіє съ як и затѣмъ обьясненіє:

Невтїшайтєся, мої вороженьки, моїй пригодї, що як моя пригодонька, як літня(я) роса: якъ сонечко зійде, а вітер повіє, роса опаде; оттак моя пригодонька навїк пропаде, Мет. 43. Ой женися, синку, да женися, небоже, да небери вдори (удівоньки) молодї, несуди тобі Боже. Ой женися, синку, ой женися, небоже, ¹⁾ ой бери, синку, молоду дївчину, поможи тобі Боже! Що(=бо) у вдови серце, да якъ зімнеє сонце: Ой хоть воно ясненько грїє, да холодний вітер віє; А въ дївчини серце да як літнеє сонце: Ой хоть воно хмарнесенько грїє, та тепленькій вітер віє, Мет. 240—1.

Разошлись Сава съ Моравой, Милад. 238. (Да) як ми любилися (Да) й обоє хорошї (А) тепер розошлися, як пил по дорозі, (Да) як ми любилися (Да) як голубів пара, (А) тепер разошлися, як чорная хмара. (Да) як ми любилися, як зерно въ орісі, А тепер разошлися, як туман по лісі. Да як ми любилися, як брат из сестрою, А тепер разошлися, як Дніпро з Десною (Черниг. губ.).

Дви се воде слијевали, По пољу се розл'јевале, То небиле двије воде, Већ то биле дви дјевојке за драгог се завадиле, Іедна другој говорила: Ој ти друго и недруго! Ајде да се искарамо, Да се право дијелимо: Теби ђурци и шиндељи, И све земље и градови, Мени драги у кошуљи. Ако ти је на то жао, Скини с њега и кошуљу, Рајнов. 84.

Славянскія сравненія. Образы въ гомерическихъ уподобленіяхъ нетолько берутся изъ воспоминанія, но и изображаются такими, посредствомъ частицъ, какъ *ὦ*; *δ'ὄτε*, какъ у позднѣйшихъ поетовъ:

¹⁾ Ср. та раувге мѣге; жалѣть=любить и милый=жалкій.

„какъ... такъ“, или безъ „какъ“, лишь съ постпозитивнымъ союзомъ: „то-то случилось: такъ“.... Воспоминанію придается большая или меньшая полнота чертъ дѣйствительности, большая или меньшая конкретность, которая однако у Гомера, согласно съ общимъ спокойнымъ характеромъ матери музъ *Μνημοσύνη* (вспоминаніе) и богини поэзіи *Μοῦσα* (вор. *ман*, мнить, помвить), никогда не доходитъ до отождествленія иносказательнаго образа съ выраженіемъ непосредственнаго воспріятія дѣйствительности.

Славянскія пѣсни (имѣю въ виду преимущественно лучшія изъ нихъ, восточныхъ и южныхъ славянъ, русскія и сербскія) употребляютъ сравнительные союзы въ краткихъ сравненіяхъ (усочокъ, якъ колосочокъ; бривоньки тонкі, якъ шнурочокъ и т. п.); но общая грамматическая форма развитыхъ сравненій въ этихъ пѣсняхъ есть *abundantior*, бессоюзіе. Развитость сравнительныхъ союзовъ въ славянскихъ языкахъ показываетъ, что бессоюзіе въ разсматриваемомъ случаѣ есть не необходимость, вынуждаемая скудостью мысли, какъ было нѣкогда до образованія чисто-формальныхъ союзовъ во всѣхъ арійскихъ языкахъ, а сознательный поэтический приѣмъ. Смыслъ, эффектъ этого приѣма тотъ, что образъ въ уподобленіи представляется не воспоминаніемъ, а *наличнымъ впечатлѣніемъ*. Кромѣ этого, впечатлѣніе наличности и конкретности образа можетъ установиться и другими средствами, напр. олицетвореніемъ, обращеніемъ къ нему, какъ къ лицу.

„Грушице моя, чом ти незеленая? Милая моя, чом ти не веселая?“ (Метл., О св. нѣкотор. представл., 1; О нѣкотор. символахъ въ слав. нар. поэзіи, 3—4 стр.).

Конкретность образа достигается различными средствами и въ томъ случаѣ, если этотъ образъ данъ преданіемъ, а не свѣжимъ недавнимъ воспріятіемъ. Сюда: *Изображаніе пути*, которымъ пѣвецъ приходитъ къ возможности вспомнить традиціонный образъ. Объясн. мдр. п. I, 2; „Ой зйду я на шпілечокъ, М. 79—80“. Вона ёго за ворота собаками випроводила, А по ёго сліду каменемъ покотила: Ой як мені важко сей камень котити, то так мені важко за Иваномъ жити, М. 115—6. „Ой возьму я снігу

въ руку“, О нѣкотор. симв. 33. *Изображеніе лица*, которое видѣть, которое дѣлаеть (Объясн. мдр. п. I, 11); *Изображеніе символическаго образа* конкретнымъ воспріятіемъ (ib. 9, 10); *изображеніе символа лица* или состоянія *въ видѣ его обстановки* (Объясн. мдр. п. 160—1, 179 сл. 242, Метл. 79). Чисто формальнымъ средствомъ такого изображенія можетъ служить соединительный союзъ, заставляющій насъ и образъ и его значеніе ставить на одну и ту же сцену:

Облак се вије по ведром небу
И лени Ранво по белом двору,
Опроштај иште од своје мајке, Кар. I, 16.
Одби се грана од јергована, И лепа Смиља од своје мајке,
Од своје мајке и од свег рода, Кар. I, 34.
Сунце намъ је на заходу, брзо ће нам заћ',
А невјеста на отходу, брзо ће нам поћ', ib. 35.
Тешво земљи, куда војска прође,
И девојци, која сама дође
Прво јој је јутро прекорено;
Да с ваљала, неби сама дошла, Н. Бег. I, 173.
Ой на дворі зілля,
А в хаті весілля =
Около двора јасење,
У овомъ двору весеље, Кар. I, 58.
Пала магла на Бојану,
А сватови на ливаду, ib. 67 =
Ужъ каѣъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска во ретиво сердце. —
„Зелененький барвіночку, стелися низенько,
А ти милий чорнобривий, присунься близенько.“
Ой горе, горе, що чужа україна,
А ще гірше невїрна дружина (Сравн.)
Синѣир-гвѣзѣ мука је велика
Да велика мука на јунака,
Тавница је гора од синѣира,

А зла памет горе од обоје

А зла жена горе од све троје, Н. Бег. С. н. п. I, 173.

Тешко вуку за ниме нелају, и јунаку за ним неговоре (послов.).—Има доста горе несјечене, и господе младе нељубене....
Ће се кујдивоја поћи, И мене ће мој сућени доћи, Кар. I, 376.

Мушка глава и пушњата грана:

Удри граном по зеленој триви,

Лист опаде, а грана остаде;

Онака је вјера у јунака:

Док пољуби: узећу те, драга!

Код пољуби: „док упитам баба“.

Бабо вели: „док упитам рода!“

А род вели: „док роди шеница!“

Иа да Бог да њему неродила,

Неродила чим шеница рађа,

Већ родила љуљем и кукољем! Петран. С. н. п. изъ
Босн. I, 180 — 1. Немој тако, казаћеш се, Маро! — Нећу
богме ни ојати, Јово: Још имеде горе неломљене И господе младе
неженене, ib. 183, Ср. ib 184—5.

Противопоставленіе сравнимаемыхъ:

Нечудим се мраку, ни облаку,

Ни Врбасу, што се често мути,

Већ мом драгом, што се на ме мути,

Кд да сам му нешто учинила,

Што сам другог очим' погледала, ib. 198.

Під тобою, селезеню, вода несхитнетця,

А з тобою, дівчинонька, нічка незмигветця. Мет. 58.

Тужан ти је данак без сунашца,

Тавна нојца без сјајна мјесеца,

А дјевојка, која нема драгог, ѣ. Рајн С. н. п. М. 5.

Переходъ обстановки въ *символъ*..

Ой заржи, заржи, вороний коню, та під круту гору йдучи,
Нехай зачує серце дівчина, сніданья готуючи.

Коничок заржав, козак засвистав, дівчина заплакала

Ой гай же, гай же, мій милий Боже, ой кому я до-
стануся! Мет. 55=Об'ясн. Млр. п. II, 591, гдѣ наобо-
ротъ — превращеніе символа въ обстановку. ..

Характерны для малорусскихъ сравненій *βραχυλογία, ἔλλειψις, ἀποσιώπησις*, т. е. послѣ образа — умолчаніе значенія и переходъ къ дальнѣйшей мысли, связанной съ подразумеваемою. ¹⁾ Что это сознательный приѣмъ, свойственный извѣстному роду пѣсень, видно изъ того, что и другія опущенія свойственны тому же роду. Такъ въ этихъ пѣсняхъ отсутствуетъ постоянно указаніе на то, кто го-
ворить. Это ясно или изъ обращенія „що ти, милий, думаєш, га-
даєш?“ или изъ содержанія рѣчи. Постоянно опускается „сказавъ“
и т. п.

Примѣры: Нема краю тихому Дуваю,
Нема впину вдовиному сину,
Що звів з ума дівку сиротину,
А ізвівши, на коника сівши:

(эл.л.) Зоставайся, слави набірайся. Мет. 15, ib. 99.

Ой гай мати, ой гай мати, ой гай зелененькій,
Віизджає з україни козак молоденькій.

Якъ віизджав, шапочку зняв, низенько вклонився:

Прощай, прощай, громадонько, може з ким сварився. ²⁾

Мет. 23.

Въ отличіе отъ этого думы всегда обозначаютъ, кто гово-
ритъ и почти никогда не опускаютъ самыхъ словъ „проволіає“ и т. п.

¹⁾ *Опущенія:* Куди хожу, куди хожу, а все понад воду:

Гей не прийде мій миленькій на мою пезгоду.

Головацкій II, 407. (Об'ясн. млр. п. I, 326).

Два голуба воду пили, а два колотили.

Бодай же тим тяжко, важко, що нас розлучили, Мет. 63. (Слово о П. II. 84 — 5).

„Перібреду бистру річку й половину ставу—Святий мене, козаченьку, невводь у славу“, Мет. 83, (Об'ясн. мр. п. II, 369 сл.). „У городі огірочок, зелений листочок—Небачила миленького, болить животочок“, М. 83.

²⁾ Сидить голуб на березі, голубка на вишні,

Скажи, скажи, серце мое, що маєш на мысли?

—А яж тобі божилася, що люблю як душу,

Тепер мене покидаєш, я плакати мушу. Мет. 63.

Тоді вдова теє зачуває, словами промовляє: ой сини ж мої, дити молоді, Мет. 345. „Тоді близький сусіда теє зачуває, до вдови словами промовляє: ой удово, старенькая жоно“... ів. 346 и еще дважды ів. „Оттоді ж то удовини сини один до 'дного *исти́ха* словами промовляли; то болший брат: (элл.) „Глянтеса, браття и пр. 353 ів.

Противоположеніє:

Ой війду я на горбочок,
Та гляну я на ставочок,
Пливуть качки в два рядочки,
Одна одну спережає,
Кожна собі пару має,
А я живу в Бога в карі
Не дав мені Господь пари, Мет. 57.

Ой на ставі дві качоньці, не можу их вігнати,
Не буду ж я за тобою, можу о тім знати;
Ой на ставі дві качоньці днює и ночує,
Не буду ж я за тобою, моє серце чує, Гол. II, 351.
Ой за яром брала я лён, всю долку сходила,
Нема того тай nebude, кого вірно любила, Мет. 61.
Попід мостом трава з ростом, що й кінь напасетця,
Небачила миленького, незрадила серця, Мет. 52.
У городі криниченька, ключка и відро;
А вже ж моїй дівчиноньки давно невидно (О нѣкот. симв.),
Ой виїду я за ворітчка, да рине вода, рине,
Несилуйте мене за нелюба, нехай вінъ изгине, Мет. 243.

Обьясн. мр. п. I, 4..

Киша пада, трава расте, гора зелени,
Састаје се гора с листом, а ја немам с ким, Н. Бегов.
I, 173.

Въ мр. пѣснѣ обычный параллелизмъ образа и значенія находитъ соотвѣтствіе въ размѣрѣ и напѣвѣ (въ своихъ протазисъ—1-й стихъ, аподозисъ—2-й). Парность стиховъ и ихъ законченность ведеть къ тому, что вся пѣсня—изъ паръ. Отсюда—пере-

становки, отсутствіе единства. Иначе въ серб. п., гдѣ пѣсня, иногда начинался со сравненія, тождественнаго малорусскому, оставляетъ его:

Цвати ружо, ја те брати нећу,
Рост' дјевојко, узет те нећу.
— Младо момче, молити те нећу:
Довеће ће мени дјевер доћи
А у јутру вићени сватови.
Ја ћу молит' кума и дјевера
Нек ме води крајем твога двора,
Твом се двору поклонити нећу
Твојој мајци назват Бога нећу, ђ. Рајн. С. н. п. 34.

Сравненіе въ видѣ пространственнаго сопоставленія:

Кити се њебо звјездама,
Зелено поље овцама....
Устани, душо Радојче!
Да видиш ките високе,
Кићено њебо звјездама,
Пред њими сунце и мјесец;
Да видиш ките низоке,
Зелено поље овцама,
Пред њими братац и сека, Петран. С. п. изъ Босн. I, 6.
Ладно вода, сува жећо моја!
О ђевојка, жива жељо моја!
Живом сам те жељом пожелно,
Од жеље ми срце испуцало,
Кајно земља од жаркога сунца,
Бог ће дати, киша ударити,
Те земља земљи саставити;
Срце моје састат се неморе,
Дов ми драго не доће у дворе, Петр. ib. I, 132—3.
Пошетао злато материно.
По бостану по свом ђулистану....
Она иде руменој јабуци—

Љуто цвили зелена јабука.

Питала је лијепа дјевојка:

Шта је теби, румено јабуко?

Говорила румена јабука:

Не питај ме, лијепа дјевојка!

Родила сам родом шећерлијем,

Свак ме бере, за свакога нисам.

Говорила лијепа дјевојка:

А јабуко! једне ти смо среће:

И ја млада-лијена дјевојка,

Свак ме проси, за свакога нисам.

Кога оћу, оног ми недаћу,

Кога нећу, и силом намећу, Петр. ib. I, 187.

По такој же схемѣ ib. 134—5: Разговоръ между соколомъ, которому господинъ за малую вину отрубилъ крыло, и дѣвицею, у которой подруга отбила милого:

Траву пасло шарено лељенче,

Сусрете га лијепо дјевојче:

„Куд ћеш, ће ћеш, шарено лељенче?“

—Непитај ме лијепо дјевојче!

Имадијах кошуту—јарана

Данас ми је ловци уловише.“

Ебему вели лијепа дјевојка:

А лељенче, едне ти смо среће!

Имадијах драго у махали,

Данас ми је друга премамила,

Да Бог даде, те се немамила, ib. 225—6.

О чардаче, мое летовање!

О пенџеру моје погледање!

Лијепо е с васке погледати,

Кад се роње у пољу шеница,

Кад се бере винова лозица,

Кад се јање у планини овце,

Кад се љуби момак и девојка, ib. 104.

Сравненіе влагається въ уста 3-му лицу:

Сиње море и дубине твоје!

Нико тебе препливат не море.

Веће вила на коњу љељену.

(Код су били на сред мора тиха)

Коњиц вили тио проговара:

А ти вило, по богу сестрице:

ће су мору највише дубљине?

ће ли небу највише висине?

ће ли вило (пољу) најшире ширине?

На ком пољу највише бојиште?"

Вила коњу тио проговора:

Коњиц љељен, мој по богу брате,

На сред мора (вар. под Измиром) најдубље дубине,

На сред неба највише висине,

На сред поља најшире ширине,

На Косову највише бојиште,

Ерицегови најбољи јунаци,

Сарајевке најбоље дјевојке, *ib.* 9.

Г'јепо ти је рано уранити

У мараму маглу покупити:

Колико је магли у марами,

Толико је вјере у јунаку.

Мушка вјера и разбјена здјела (не держитъ воды)

Мушка глава и шушњата грана:

Удри граном о зелену траву

Лист опаде, а грана остаде:

Етака је вјера у јунака. *h.* Рајн. С. н. п., 29.

У Ивана зелена ливада

Нит' кошена, нит' коња гажена,

Кроз њу текла вода некошена.

Грабила је Мара непрошена.

У руци јој бјела марамиди

А за главом румена ружица:

Много ј' бјеља Мара нег марама
Руменија него је ружица, ів. 77.

Разбѣгъ мысли. Конкретность образа, какъ въ гомерическихъ
сравненіяхъ = обозначается путь мысли (встану я):

Љепо ти је рано уранити
Пред зорицу на једну урицу,
У прозорје, када славуљ поје.
Славуљ виче: ајд' на воду, милче!
Ал' на воду, али на ливаду,
На ливади бунар вода хладна,
Крај бунара зелени се трава,
На травици лист артије б'јеле,
На артији црно слово пише
Црно слово, ал'је жалобито:
Грјехота је обљубит' дјевојку
Обљубити па је оставити,
Оставити па заборавити,

Јер је тешка дјевојачка клетва... ђ. Рајн. С. н. п. 22.

Изображеніе пути мысли въ сравненіяхъ съ какъ:

Је си љ' прош'о крај дућана,
Јес' ли видио лист папјера?
Онако је бјело лице...
Јеси л' прош'о низ горницу,
Јес ли видио триницу?
Онаке су црне очи.

—Јеси л' прош'о низ борице?

Јес ли видио пијавице?

Онаке су обрвице. Рајн. С. н. п. 75—6.

Модальныя формы сравненія: а) положительная—образъ пред-
ставленъ, какъ фактъ, за нимъ слѣдуетъ значеніе. Отношеніе
сходства между тѣмъ и другимъ просто признается: Ой, зійди,
зійди, зірочко та вечірняя, Ой вијди, вијди, дівчинонько моя
вірна, Мет. 81—2; „Чи я в лузі не калина була? (г-ритъ кали-
на); Чи я въ батька не дитина була (говорить дівчина). Въ видѣ

положительнаго сопоставленія можетъ быть выражено противоположеніе, всегда предполагающее сравненіе (Из-за горы високой гуси вилітають; Ще роскоши неазнала, а літа минають (О нѣкоторыхъ симв., 5)—здѣсь сравненіе только *роскоши*, какъ свободы, при-волья, съ высокимъ полетомъ и *противоположеніе* полета отсут-ствію роскоши. (Разб. п. Головацкаго, 85).

б) образъ ставится положительно, какъ воспріятіе, затѣмъ, какъ бы въ силу того, что дѣло разсмотрѣно вновь и лучше, онъ отрицается, съ тѣмъ чтобы на мѣсто его поставитъ его значеніе:

Сунашце се крајем горе краде;

То не било жарено сунашце,

Већ се Раде од матере краде. Рајн. С. н. п. 60.

Надви ее облак изнад дјевојак;

То небо облак изнад дјевојак',

Већ добар јунак тражи дјевојак', Кар. I, 2 тоже, ib. 54, 57, 58, 73. Сюда же въ Сл. о П. И. „тогда пуцашеть“. Кар. II, 14:

Два су бора напоредо росла,

Међу нима танковрха јела;

То не била два бора зелена,

Ни мећ' нима танковрха јела,

Већ то била два брата рођена и пр.

Ой у лузі, в лузі червона калина;

(Ой) тож не калина, молода дівчина,

Молода дівчина, що вірно любила, Мет. 94. М. Голов.

IV, 61, II, 30—1.

в) Образъ въ видѣ вопроса, затѣмъ его отрицаніе и значеніе.

Шта се сјаји кроз гору зелену?

Да л'је сунце, да л'је јасан мјесец?

Ни т'је сунце, ни ти јасан месец,

Већ зет шури на војводство иде, Кар. I, 13; сюда Кар. I, 37, 56, 540. Таковы начала эпическихъ пѣсень, Кар. II, 496, 245, 295, 319; Голов. IV, 532, I, 42—3.

Чи огонь горит, чи поломя палає

Чи на молоді віноє сяє?
Ні огонь негорит, ні поломя непаляє
Но на молоді віноє сяє. (Зап. ч. Под. губ.)
Вийшла она на подвір'є
И дивится в чисте поле:
„Ой Романе, Романоччу!
Що то в полі за димове?
Чи то вірли крилми б'ються,
Чи овчари с турми гонять?„
—Ой Олено, сестро моя,
Ні то вірли крилми б'ються,
Ні овчари с турми гонять,
Лиш то турки и татаре,
А всі твої суть бояре, Гол. I, 40—1. Въ вар. той же
п'єсни: „Що' то в полі туман кіптит?
Ци грім гремит, ци звін звенит?
Він до неї промовляє—
А сам тяжко издыхає:
Не туман то в полі кіптит,
Ні грім гремит, ні звін звенит,
Ай то твоє йде весильє, ів 41—2.
Ой одсуну кватирку... подивлюся,
Яж думала, що сонечко сходить,
Аж мій милий по риночку ходить.
За собою кониченьєа водить. Гол. IV, 188.

г) Сравненіє починається прямо съ отрицанія тождества образа со значеніємъ:

Не кукушечка, братцы, во сиромъ бору куковала,
Не соловьюшко, братцы, въ зеленомъ саду громко свищеть,
Добрий молодець въ неволюшкѣ слезно-горько плачеть.

Якуш. Соч. 555. Срав. ту же форму ів. 559, 597, 602, 604.
Mikl. Gramm. IV, 179. То в неділю рано пораненько не сива
озуля закувала, То вдова старенька жона из своѣго дома изхож-

дала, Вгору руки изнімала, Синів своїх вляла, провляла, за слёзами світа Божого не видала и на воротахъ звалилася, Мет. 350.

д) Безъ огня да огня мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтру мои мысли разнесли, Якушк., 606.

Не отъ витра, не отъ вихоря, да не отъ Божьей милости,
веряя пошаталася, ворота отворилися, широко размахнулись. Не
слыхала молодешенька, какъ бояре во дворъ взѣхали, Якушк. 666.

Asyndeton, attractio (перенесеніе изъ значенія въ образъ):

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавиць много на Москвѣ,
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую несмѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна,
Средь жонъ и дѣвъ блеститъ одна, Е. Он. VII, 52.

Къ изображенію самой точки зрѣнія на образъ, и самого
смотрящаго и того пути, какимъ онъ дошелъ до наблюденія, Мр.
п. XVI в., 19 (Объясн. мр. п. I, 2), 20, 26, 30, 37 сл. Влкр.
Якушкинъ, 524.

„Сюда относятся запѣвы. Ой піду я... Ой зійду я... Ой
сяду я... и пр. (Объясн., 2).

„Та вилетіла галка з зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні,
Вітер повиває, сосонку хитає...

Все эго передъ глазами; но *хитатись* = *хилитись* имѣеть
уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло
создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвца къ
самому себѣ: Не хилися, сосно, бо й так мені тошно“... „Лишь
позднѣе, подъ вліяніемъ привычки къ такому приему, можетъ по-
явиться намѣренное его употребленіе (для заполнения первой по-

ловини двустинія, для риемы) и разработка, варьированье начального символа чрезъ всю пѣсню или ея часть: „Не хилися сосно... Не хилися гѣлко, бо ѣ гае мені гѣрко, Не хилися низько, нема рѣду близько“. Исподоволь становится возможной та отда-ленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глазахъ самого народа становится образомъ безсмы-слицы:

Въ огороді бузина, а в Києві дядько;

Тим я тебе полюбила и проч. (Млр. п. 19).

Конкретность, определенность изображенія зависитъ отъ определенности точки зрѣнія. Для этого нужно указать, кто именно видитъ, кто считаетъ, кто дѣлаетъ изображаемое. Согласно съ этимъ определенія мѣста, времени, изображенія дѣйствія въ формахъ определенно-личныхъ поэтичѣ, чѣмъ въ формахъ безлич-ныхъ. У Гнѣдича—выраженіе; „Видно (сквозь туманъ) недалеко, какъ падаетъ брошенный камень“ оставляетъ неопредѣлимымъ, кому видно, что бросилъ камень, и потому менѣе поэтично, чѣмъ въ Ил. III, 12: *Τόσσον τίς τ' ἐπιλεύσσει, ὅσον τ' ἐπὶ λίαν ἴσιν*— настолько человекъ видитъ, насколько (онъ же) камень бросаетъ. = „И створи миръ Володимеръ съ болгары и ротѣ заходиша межю собѣ (=е), и рѣша Болгаре: „толи не будетъ межю нами мира, оли же камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути (грязнути), Лавр. Ипат. подъ 985. Это менѣе поэтично, чѣмъ „никогда“ въ млр. п: „Ой озми сестро піску в жменю.

...И огни ихъ несчетные (въ полѣ) горѣли,

Словно какъ на небѣ звѣзды веругъ мѣсяца яснаго сонмомъ

Ярко блестятъ, когда станетъ воздухъ безвѣтренъ... и

Видны всѣ звѣзды, и пастырь (дивуясь) душой веселится

Ил. VIII, 554.

(И) какъ когда со скалы видитъ тучу мужъ-пастырь,

Какъ она сходитъ на море подъ вѣяннемъ запада(буйнымъ)

И чернѣ смолы она издали ему кажется,

Какъ она сходитъ на море и ведетъ за собой страшную
бурю.

И содрогнулся увидя и загналъ свои овцы въ пещеру;
(отсюда Гнѣдичъ:)

Вслѣдъ таковы за Аяксами, юношей, пламенныхъ въ
битвахъ,

Къ брани кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги
густыя

Черныя, грозно кругомъ и щиты воздымая и копя.
Ил. IV, 276.

Пастухъ слышитъ ревъ горныхъ ручьевъ въ наводненіи, Ил.
IV, 452.

Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ
за нимъ совокупно

Всѣ устремилися: такъ за овномъ устремляются овцы,
Съ паствы бѣжа къ водопою; и пастырь душой весе-
лится, Ил. XIII, 489.

Словно какъ дубъ подъ ударомъ (крушительнымъ) Зевса
Кронида

Падаетъ съ корня, изъ древа (разбитаго) вьется зловон-
ный

Сѣрный дымъ; и стоитъ, какъ бездушный, паденія зри-
тель,

Близкій прохожій: „погибеленъ громъ великаго Зевса“:

Такъ ниспроверглася быстро на прахъ Пріамидова крѣпость
Ил. XIV, 414. = $\acute{\omega}\varsigma$; δ' $\acute{\upsilon}\theta'$ $\acute{\upsilon}\lambda\omicron$ $\lambda\eta\eta\eta\varsigma$ $\mu\alpha\tau\acute{\rho}\varsigma$ $\Delta\iota\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\xi\epsilon\rho\iota\lambda\eta$ $\delta\rho\acute{\upsilon}\varsigma$.

Уподобленія ¹⁾ въ гомеровскихъ поэмахъ, особенно въ Иліадѣ, гдѣ они многочисленнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ въ Одиссеѣ, не даромъ въ теченіе вѣковъ служили образцомъ преимущественно эпическимъ поэтамъ разныхъ народовъ. Они въ высокой степени поэтичны, совершенны, потому что въ такой же степени правдивы

¹⁾ Различаются: сравненія въ тѣсномъ смыслѣ (vergleichung) и уподобленіемъ (gleichniss) не свойствомъ значенія, т. е. не тѣмъ, что въ 1-мъ менѣе чувственное объясняется болѣе чувственнымъ, а во 2-мъ чувственнымъ и объясняющее и объясняемое, а лишь степенью конкретности образа. Въ 1-мъ образъ лишь намекъ, во 2-мъ картина.

и естественны. Они вполне удовлетворяют слѣдующему основному требованію мысли: такъ какъ цѣль образности есть приближеніе значенія образа къ нашему пониманію, и такъ какъ безъ этого образность лишена смысла, то образъ долженъ быть намъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ объясняемое имъ. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ изображаются событія не только не обычные, но преимущественно такія, подобныя которымъ мирнымъ слушателямъ вѣроятно никогда не случалось видѣть, напр. въ Иліадѣ, какъ шли на битвы Ахейцы и Троянцы, какъ ихъ было много, какъ блестяли ихъ панцыри, какъ ихъ строили вожди, какъ выдѣлялся такой-то, какую они подымали пыль, какой крикъ, какъ текла кровь, какъ падали головы и тѣла, какъ бѣжали Троянцы, какъ защищались Ахейцы у кораблей, какъ тѣ и другіе ровно держались въ битвѣ, какъ сыпались камни и проч. Нѣсколько рѣже изображаются столь же требующія объясненія душевныя движенія: каково было мужество Гектора, какъ обрадовались его приходу Троянцы на полѣ, какъ волновались страхомъ и пр. Ахейцы, какъ забывалъ о своей пользѣ Ахиллъ; или въ Одиссеѣ, какъ злился Одиссей на жениховъ, какъ обрадовалась ему Пенелопа и т. п. Въ отвѣтъ на эти вопросы Иліада даетъ рядъ картинъ приморской, горной, нелишенной лѣса мѣстности, картинъ по содержанію знакомыхъ пастуху, земледѣльцу, плотнику, охотнику, путнику, мореходцу, хозяйкѣ, почти всегда свидѣтельствующихъ о большой наблюдательности и трезвости мысли, лишь изрѣдка окрашенныхъ мифическими толкованіями: народъ всколебался, какъ морскія волны или нива, Ил. II, 144; зашумѣлъ, какъ море, II, 394; какъ когда волна идетъ за волной (у прибоа), разбиваясь шумно о берегъ, IV, 422; блескъ панцырей, какъ зарево лѣсного пожара на горахъ, II, 455; люди падали, какъ деревья, подгорѣвшія во время пожара, XI, 155; X упалъ, какъ подрубленное дерево; Арійцы высыпали на поле, какъ племена перелетныхъ птицъ съ крикомъ садятся у потока Каистра, II, 459; Троянцы шли съ крикомъ, какъ летятъ журавли III, 2; Ахейцевъ было много, какъ листьевъ и цвѣтовъ весною, густо, какъ мухъ въ пастушьемъ шалашѣ, когда молоко сливаютъ

въ посуду, II, 467; Вожди строили ихъ, какъ пастухи отдѣляютъ своихъ возъ отъ чужихъ, II, 474.

Въ Одиссеѣ наоборотъ два раза явленія мирной жизни сливаются съ образами, которые могутъ быть знакомы только воину и мореходцу:

Такъ объ Ахейцахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно разстроганъ
 Близъ Одиссея, и рѣсница его орошалась слезами.
 Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
 Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
 Снясь отъ дна рокового спасти согражданъ и семейство,
 Видя, какъ онъ содрагается въ смертной борьбѣ, и прижавшись
 Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
 Древками коней ее по плечамъ и хребту поражая,
 Въякую въ шлѣхъ увлажняютъ на работѣ и долгое горе;
 Такъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
 Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы, Од. VIII, 521.
 Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
 Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носая.
 Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
 Мало изъ мутнозеленой пучины на твердую землю
 Ихъ, утомленныхъ, избѣденныхъ острою влагою, выходятъ;
 Радостно землю объемятъ они, избѣжавъ потопленья.
 Такъ веселилась она (Пенелопа) возвращеннымъ любясь супругомъ,
 Рукъ блосвѣжныхъ отъ шеи его оторвать не вѣща сила, Одисс. XXIII, 238.

Иліада знаетъ краткія сравненія: „Такъ и они, пораженные (мощной) рукою Энея, рухнулись оба (на землю), подобные соснамъ великимъ, Ил. V, 559: *καλλεβέτην ἐλάτηαν εἰκόντες ὑψηλῆσιν*. Образъ „соснамъ великимъ“ чрезъ посредство *εἰκόντες* (подобные), согласующагося съ подлежащимъ, вносится въ значеніе этого послѣдняго, такъ что здѣсь имѣемъ сравненіе отличное по эффекту отъ „подобно соснамъ“. Ср. сравненіе въ атрибуѣ:—объ убитомъ Гекторѣ: Гнѣдичъ: (свѣжъ) онъ лежитъ, какъ росю умытый, нѣтъ слѣда отъ крови = какъ орошенный лежитъ, (какъ) омытый отъ крови. Ил. XXIV, 419.— „Теперь (же) ты мнѣ росистый и (какъ) недавно убитый... лежишь, подобный тому и пр.“ У Гнѣдича:

Ты жъ у меня, какъ росю умытый, покоишься въ домѣ,
 Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій.
 Легкой стрѣлою своею, налетѣвшій внезапно сражаетъ, XXIV, 757.

Но особенность гомерических пѣсень, сравнительно съ позднѣйшей поэзіей, состоитъ не въ такихъ сравненіяхъ, а въ томъ, что въ нихъ весьма часто образъ, которому нѣчто уподобляется, берется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ мысли, независимо отъ того, для чего онъ понадобился; берется неосвобожденный отъ обстоятельствъ, ненужныхъ для сравненія: „Паль онъ, какъ ясень (пышный), который на холмѣ далеко (путнику) видно, сѣченый мѣдью, зеленыя вѣтки въ землѣ преклоняетъ; такъ онъ упалъ (*πελάσσει*, аог. сог.). Ил. XIII, 178. „Свалился онъ, какъ когда *тотъ* (извѣстный) дубъ *свалился* (конкр. случай въ аор.). Или бѣлый тополь или гонкая ель, которую на горахъ плотники-мужи срубили вновь наточенными сѣкирами для корабля“. Ил. XIII, 389. Гяѣдичъ: „Паль онъ, какъ *падаетъ* дубъ или тополь серебряно-лиственный, или огромная сосна, которую съ горъ дровосѣки острыми веругъ топорами сѣкутъ, корабельное древо.“ — „И на пыльную землю паль онъ, какъ тополь. Въ низовьи большого болота онъ выросъ гладкій, на самой верхушкѣ лишь выросли вѣтви. Мужъ колесничникъ его блестящимъ желѣзомъ ссѣкъ, чтобы въ ободъ его для прекрасной согнуть колесницы. (И вотъ онъ) сохнетъ, лежитъ на брегѣ потока, Ил. IV, 482. — „Какъ еслибъ какая жена слоновую кость обагрила, Карская или Меонская,... для пышныхъ нащечниковъ конямъ, въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно жаждутъ обрѣсть, но лежитъ драгоценная царская утварь, должна быть и коню украшеньемъ и коннику славой,—такъ у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью бедра крутыя... Ил. IV, 141.

Уже этотъ послѣдній примѣръ показываетъ, что въ числѣ обстоятельствъ образа, второстепенныхъ по отношенію къ главному основанію сравненія (здѣсь бѣлая кость, окрашенная пурпуромъ), нѣкоторыя могутъ идти въ ходъ, какъ основанія второстепенныя, дорисовывающія сравниваемое. Такъ здѣсь изъ того, какъ многіе желали этихъ украшеній, но какъ они берегутся для царя и пр., видно, какъ дорога была пѣвцу кровь Менелая (Ср. Gerber, II, 115). Ср. также: Александръ—Гектору: Сердце у тебя, какъ

твердая сѣкира, вонзаемая въ дерево человѣкомъ, когда онъ искусно обтесываетъ корабельный брусъ, и (своею тяжестью) увеличивающая (силу) его удара.*)

Тѣмъ не менѣе въ гомерическихъ сравненіяхъ большое количество чертъ образа остается безъ употребленія, не даетъ возможности заключать о соответственныхъ чертахъ сравниваемаго. Черты эти неостаются тѣмъ не менѣе безъ дѣйствія на слушателя. Онѣ уравниваютъ ходъ его мысли съ медленнымъ теченіемъ мысли пѣвца; онѣ отвлекаютъ отъ главнаго, успокаиваютъ волненіе, которое могло бы быть произведено этимъ главнымъ. (Gerber, II, 108). Все это хорошо, потому что просто и необходимо. какъ прямое послѣдствіе естественной медленности теченія мысли. Поэтому изъ первоклассныхъ художниковъ другого времени, другого болѣе быстрого теченія мысли, лишь немногіе рѣшатся умышленно замедлять такимъ образомъ свою рѣчь. Къ такимъ, кромѣ явныхъ подражателей Гомера, какъ Виргилій, принадлежит Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ (соч. 3 изд. III, 10—11, фразы мелкали..., какъ мухи на рафинадѣ; 43, церковный хоръ — по поводу собачьяго лая; 90, Ноздревъ кричалъ, какъ поручикъ во время приступа; 93, овалъ лица ея круглился, какъ яичко...; 97—8, лицо, какъ тыква, изъ какихъ дѣлаютъ балалайки; 133, на лицѣ выразилось чувство, явленіе подобное появленію на поверхности водъ утопающаго; 173, Чичиковъ своимъ появленіемъ распространилъ радость... какъ когда пошутилъ начальникъ; 178, Чичиковъ стоялъ, какъ человѣкъ, который на улицѣ вспомнилъ, что позабылъ что-то дома; 198, гостыя вся обратилась вслухъ, какъ баринъ — охотникъ; 203, чиновники были ошеломлены, какъ

Гномическій аористъ: Ср. „Та й принала ёму на плече, зазираючи ёму у вѣчи, та такъ цяло, ніби той баранчикъ, що ёго хотять різати, а він жалібно двитця; так и вона зірнула на Василя, а слѣзинка неначе тая росинка на цвіточку, так у неї в очницях засіяла; та так жалібно, як тая сопілочка *заирала*, так вона ёго спитала: як же ти мене після сёго покинеш? Маруся, Квит. — Білш у неї (відьми) небуло ніякого хозяйства, та й на що їй? Чого забажала, то у ночі перекинулась чи собакою, чи кішкою, чи жабою, чи рибою, и чого їй треба, усёго достала, и е у неї, Ковот. Від-Квитка. — За брата бих цне очи дала, за драгста їрдан испод врата: Село проїдох, а драгога неїдох. Свiет проїдох, а брата ненаїдох, Рајновић, С. в. и. 74, ib 189.

школьникъ, которому засунули въ носъ гусара, Ср. также 258, 260—1.

Относительно того, что здѣсь умышленное подражаніе, сравн.: „Онъ (художникъ)... наконецъ оставилъ себѣ въ учителя одного божественнаго Рафаэля, подобно какъ великій поэтъ художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, *оставляя* (не думалъ ли онъ объ аог. *gnomic*?) наконецъ себѣ настольною книгой только Илиаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, чтобы не отразилось въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной вѣсти.“ Портретъ, Соч., 3 изд. II, 35.

У Пушкина въ Ев. Он. можно замѣтить нѣчто сходное съ гномическимъ аористомъ, настоящее изображеніе конкретнаго случая:

Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы

Перенесенъ колодникъ сонный;

Такъ уносились мы мечтой

Къ началу жизни молодой, I, 47.

Пора пришла, она влюбилась:

Такъ въ землю падшее зерно

Весны огнемъ оживлено, III, 7.

Съ *какъ*: Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,

Невинной прелести полна,

Въ глазахъ родителей, она

Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,

Незнаемый въ травѣ глухой

Ни мотыльками, ни пчелой, II, 21 (сравненіе дорисовы-

ваетъ) Но обыкновенно съ *какъ*—болѣе краткія сравненія:

„Дика, печальна, молчалива,

Какъ лань лѣсная, боязлива,

Она въ семьѣ своей родной

Казалась дѣвочкой чужой, II, 25.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима II, 22.

Такъ. Сравненія постпозитивныя: Такъ точно старый инвалидъ, Он. II, 18. Такъ рѣзвый баловень служака, — оущ. строфы въ Ев. Он. XI; III, 422 и XIII; такъ хищный волеъ, *ib.*; III, 40; IV, 10; Смѣнить неразъ младая дѣва мечтами легкія мечты; Такъ деревцо свои листы мѣняетъ съ каждою весною, IV, 16.

Смѣшеніе сравненія съ метафорой.

Со случаями ассимиляціи фонетической и синтактической сходны случаи частнаго сліянія образа и значенія, сліянія прогрессивнаго, а) когда въ результатъ сравненія является метафора, или регрессивнаго б) когда постпозитивный образъ вноситъ нѣкоторыя черты въ сравниваемое:

а) Оно (Аи) своей игрой и пѣной,

Подобіемъ того-сего,

Меня плѣняло: за него

Послѣдній бѣдный лептъ бывало

Давалъ я...

Но измѣняетъ пѣной шумной

Оно желудку моему,

И я бордо благоразумный

Ужъ нынче предпочелъ ему.

Къ аи я больше неспособенъ;

Аи любовницѣ подобенъ,

Блестящей, вѣтренной, живой

И своенравной и пустой...

Но ты, бордо, подобенъ другу,

Который въ горѣ и въ бѣдѣ

Товарицѣ завсегда, вездѣ,

Готовъ намъ оказать услугу,

Иль тихій раздѣлить досугъ.

Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ! Он. IV, 45—6.

Сюда же Он. V, 32, (кристалль—фіяль).

б) И меркнетъ милой Тани младость:

Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день, Он. IV, 23.
Недвижимъ онъ лежалъ и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылеть раненъ;
Дымясь изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одво мгновенье
Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь;
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и *тихо* и *темно*;
Замолкло навсегда оно,
Закрѣты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяѣнъ нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропалъ и слѣдъ. Он. VI, 32.
Блаженъ, ко смолоду былъ молодъ
...Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой, VIII, 11.

Мечты — листья, Онѣг. IV, 16.

Люби всѣ возраста покорны,
Но юнымъ дѣвственнымъ сердцажъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они (поля, сердца) свѣжѣютъ
И обновляются и зрѣютъ,
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и *безплодный*

На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ. VIII, 29.
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто непомнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память *пронеслась*,
Какъ дымъ по небу голубому, VII, 14.

При большей степени сліянія образа и значенія уже нѣтъ слѣдовъ прогрессивности или регрессивности вліянія образа. Оно произошло за сценой и мы видимъ только результатъ:

„Увы на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ. Он. VI, 38.

Ср. раздѣльные сравненія поколѣвій и листьевъ—Ил. VI. 145; XXI, 463 сл.

Postposit. asyndeton: Wein macht munter geistreichen Mann; Weihrauch ohne Feuer man nicht riechen kann. Göthe, Xenien, IV, 67. „So sei doch höflich!“ — Höflich mit dem Pack? Mit Seiden näht man keinen groben Sack., ib. V, 82. — Sollen dich die Dohlen nicht umschrein, musst nicht Knopf auf dem Kirchthurm sein, ib. V, 73. Сравн. postp. asyndeton (=примѣненіе басни, притчи): „Посланный отъ Нерона... принесть Петронію повелѣніе Цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи... Флавій Аврелій спросилъ его (Петронія), долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и нестрашитъ ли раздражать, цесаря ослушаніемъ?— „Я не только недумаю ослушаться его“, отвѣчалъ Петроній, „но даже намѣренъ предупредить его желаніе. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ

ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи“. Пушки. Изд. Общ. IV, 382.

Виды метафоры, со стороны качества образа и отношенія къ значенію. ¹⁾

Проволокоица, personificatio, олицетвореніе. Въ языкѣ сюда—женскій и мужескій родъ въ примѣненіи къ названію предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и глагольное сказуемое, приписывающее такимъ предметамъ дѣйствіе.

Звательный именъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ и 2-е лицо:

Ой гаю мій гаю, густій, непрогляну,
Що на тебе гаю, и вітер не віє...
Ніч моя темная, зоря моя ясна!
Яка моя доля нещасна!

Старый солдатъ, служитель при корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета (1852—4 г.), заправляя свѣчу въ ночникъ и зажигаая её: „Щож ти не горим? Гори-ж, гори!“

„На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шолку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, непопадалъ, и потому сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „не лѣзетъ варварка! уѣла ты меня шельма этакая!“ Гоголь, Шинель. Сербск. Пушко шарко, и отац и мајко.

Въ нѣмецк. стихотвореніи 1300 г., играющій въ вегли—къ шару: „louf Kugel vrouwe! zouw din (eile), liebiu frou, nu zouwe!“ Въ пѣснѣ Christian'a von Hamle: „Her Anger, waz ir iuch fröiden muostent nieten, dó min frowe kom gegân!... Erloubet mir, her Grüener Plân, daz ich míne füe e setzen müeze dá mín frowe hát gegân.“

¹⁾ Метафора, особенно развитая, (сравненіе, аллегорія) бросаетъ отсвѣтъ на сравниваемое, которое она изображаетъ то милымъ, то противнымъ, то важнымъ, то ничтожнымъ и пр. Герберъ.

Вообще „быть можетъ, никто не пользовался въ такой мѣрѣ олицетвореніемъ, какъ нѣмецкіе и романскіе средневѣковые поэты“ У Нѣмцевъ: Frau Minne, Frau Ehre, Frau Welt, Frau Abenteuer и т. п. Wackernagel Poetik 524—5.

Печушка матушка! Кабы я на тебѣ, а ты на конѣ, послужилъ бы Богу и государю! (*Олицетвореніе* — въ уменьшительныхъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ. Домъ нашъ *глазами* стоитъ въ рѣкѣ (окнами, лицомъ) Арх.

Ты пади, *стрѣла*, не на воду, не на землю,

Ты пади, *стрѣла*, во дубъ-древо,

Изъ сыра дуба въ сиза голубя

Сизу голубю пади ты во право око!, Кир. П. в. III, 18

Ты *тулупъ* ли мой, тулупчикъ, шуба новая!

Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать лѣтъ:

Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи. Кир. П. в. II, 1.

Что дѣйствительно сказуемое чувствуется, какъ дѣйствіе, результатъ воли подлежащаго:

„У воротъ вереюшка

Не видась а повидась;

Не *сама* завивалась,

Завивали плотнички,

Плотнички московскіе,

Топоры королевскіе.

На Ивану кудерцы

Не видись а повидись;

Не сами завивались

Завивала матушка...

Стан. Темижбекская, Кубан. Обл. (Сб. мат. для описанія Кавк., вып. III, 62).

Ты береза-ль моя да моя кучерявая!

Ты нестой, ты нестой надъ быстрой рѣкой.

Эта рѣчущка *бѣжитъ* неутомится,

Она врозь разольется... *ib.* 74.

Морозъ лютый сапожки стиская,

Бѣлый снѣжокъ въ глаза порошокъ, ib 83,

—Ой ходитъ сонъ коло вѣкон,

А дремота коло плота. М. 2.

Сюда съ умомъ, безъ ума.

„Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ

Внимая звонкій голосъ ихъ,

Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,

Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ. Он. III, но

...И того ль искали

Вы чистой пламенной душой,

Когда съ такою простотой,

Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали? IV, 15

Next day she made a desperate and feeble attack, presenting her self at shrublands lodge-gate and tbreatening that *she* and *soorru* would sit down before it; and that all the world should know, how a daugkter treated her mother (о матери, которая была принуждена оставить домъ дочери). Теккерей.

Личное творчество строить на основаніи языка, въ томъ же направленіи.

Задумчивость, *ея подруга*

Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,

Теченіе сельскаго досуга

Мечтами украшала ей, Он. II, 26.

Привычка усладила горе,

Неотразимое ничѣмъ, II, 32.

Потомъ увидѣлъ онъ,

Что и въ деревнѣ сдука та же...

...Хандра ждала его на стражѣ,

И бѣгала за нимъ она,

Какъ тѣнь, иль вѣрная жена, I, 14.

Ему припомнилась пора,

Когда жестокая хандра

За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,

Поймала, за воротъ взяла

И въ темный уголь заперла, VIII, 34.

Читаю мало, много сплю,

Летучей славы не ловлю... I, 55.

Развратъ, бывало, хладнокровный

Наукой славился любовной,

Самъ о себѣ вездѣ труба

И наслаждаясь нелюба, XVII, 7.

Ея постели сонъ бѣжить IV, 23.

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва

Прядеть, и, зимнихъ другъ ночей,

Трепещитъ лучина передъ ней IV, 41.

Настали святки. То-то радость!

Гадаеть вѣтренная *младость*,

Которой ничего не жаль,

Передъ второй жизни даль

Лежить свѣтла, необозрима;

Гадаеть *старость* сквозь очки

У гробовой своей доски,

Все потерявъ невозвратно;

И все равно: *надежда* имъ

Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ, V, 7.

Столы зеленые раскрыты;

Зовутъ задорныхъ игроковъ—

Бостонъ, и ломберъ—стариковъ,

И вистъ, до нынѣ знаменитый,

Однообразная семья,

Всѣ жадной скуки сыновья. V, 35.

Улыбкой ясною природа

Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года, VII, 1.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,

Весна, Весна! пора любви!... VII, 2

...Но лѣто быстрое летить.

Настала осень золотая.

Природа трепетна, блѣдна,

Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ Сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; блоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ *матушки* зимы. VII, 29, 30.
Увы невѣста молодая
Своей печали *неотрна*.
Другой увлекъ ея *вниманье*,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить, VII, 8—10.

Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій па бильярдѣ отдыхалъ,
На смятомъ банапе лежалъ
Манежный хлыстикъ... VII, 17.

Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спить
Надъ отуманенной рѣкою, VII, 20.

Мосты чугуныиыя чрезъ воды.
Шагнуть широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ *дерзостныя* своды. VII, 42.

Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели поднимаетъ, VII, 43.

Въ бесплодной сухости рѣчей
Вопросовъ, сплетень и вѣстей

Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой, VII, 48.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоять Бешту остроконечный
И зеленѣющей Машукъ,
Машукъ, *податель* струй цѣлебныхъ. Пушкинъ.
Что устрицы? Пришли! О радость!
Летить обжорливая младость
Глотать изъ равовинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ, ib. 186.

Муза и проч.—у Пушкина:

Въ тѣни близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться *муза* стала мнѣ. Он. VIII, 1.

Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней, I, 45.

И водъ веселое стекло
Неотражаетъ ликъ Діаны, I, 47.
Онъ святъ для внуковъ Аполлона, I, 49.

Быть можегъ въ Летѣ немотонетъ
Строфа, слагаемая мной, II, 40.

Поклонникъ мирныхъ Аовидъ, II, 40.

И, Фебовы презрѣвъ угрозы,

Унижусь до смиренной прозы, II, 13;

Гименъ, III, 50; *Лель*, V, 10; Грація, VII, 46; Мельпомена, VII, 50

Аллегорія, иносказаніе, въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ всѣ случаи различія между образомъ и значеніемъ. Стало быть, неговоря уже о возможности примѣненія этого слова къ другимъ искусствамъ, въ области словесности, аллегорія совпадаетъ съ

поэзіей вообще. Затѣмъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подѣ *аллегоріей* разумѣютъ сліяніе нѣсколькихъ метафоръ. Cic De oratore: Jam cum confluerunt plures continuae translationes, alia plane fit oratio: itaque genus hoc Graeci appellant *αλληγορίαν*, Gerb. II, 2 92.

Аллегорія въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ есть метафора не только а) *сложная* (метафора въ одномъ словѣ, какъ „пониманіе“, „волненье“, „плѣнительный“, и въ одномъ предложеніи или сочетаніи предложеній, напр. пословица, можетъ аллегоріей и называться), но и б) *полная*, т. е. такая, въ словесномъ выраженіи которой нѣтъ явственныхъ указаній на ея значеніе (*полная*, т. е. такая, которая въ цѣломъ другого значенія, кромѣ метафоричнаго, не имѣетъ. Такимъ образомъ „Его язвительныя рѣчи *вливали* въ душу *хладный ядъ*“ (Пушк. Демонъ) есть метафоричное изображеніе дѣйствія *рычей*, а въ цѣломъ не аллегорично).

Такимъ образомъ у Пушкина (Онягиня VIII, 1—7) развитое олицетвореніе поэзіи въ цѣломъ не есть аллегорія, такъ какъ лицо самого автора, мѣсто и люди, среди которыхъ является его муза, его подруга, не метафоричны. Точно также по неметафоричности субъекта („кто“) не есть аллегорія слѣдующее:

„Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, недопивъ до дна
Бокала полного вина;
Кто недочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онягинимъ моимъ. Он. VIII. 51.

Примѣръ аллегоріи у Вакернагеля (Poetik): „Die Römische Dichtkunst war aus Griechischen Samen in den Garten eines Kaisers verpflanzt, wo sie, als schöne Blume da stand *und* blühte“ есть неполная метафора, такъ какъ образность атрибутовъ неполнѣ заслоняетъ прозаическое значеніе субъекта „римская поэзія“.

Ст. Пушкина „Дорожныя жалобы“ по отношенію образа (дорожныя неудобства) къ болѣе общему однородному значенію— метонимично; но отчасти сходное съ нимъ „Телѣга жизни“ аллегорично, не потому, что на значеніе его не указываетъ въ немъ

самомъ ничто, и что это загадка, разгадка коей—въ заглавіи „Телѣга жизни“ (ибо въ такомъ случаѣ множество образовъ, понимаемыхъ иносказательно—„грязь блеститъ на солнцѣ“ и т. п. были бы аллегоричны); а потому, что весь образъ другого значенія, кромѣ метафоричнаго, неимѣетъ: нѣтъ другой телѣги съ ямщикомъ-временемъ, кромѣ телѣги жизни.

Такимъ образомъ аллегорія—фантастическій образъ, созданный или взятый ad hoc, только ради значенія. Общее дано *ante*. Тѣмъ неменѣе аллегорія можетъ быть необходима для мысли, насколько она даетъ частныя опредѣленія этого общаго. Холодныя аллегоріи—ненужныя.

Фантастичность цѣлаго совмѣстима съ реальностью, мѣстностью и историчностью чертъ. Въ этомъ отношеніи „Телѣга жизни“ со своимъ русскимъ (до эманципаціи) сѣдокомъ и ямщикомъ:

„Съ утра садимся мы въ телѣгу,

Мы рады голову сломать

И, презирая лѣнь и нѣгу,

Кричимъ: пошелъ е-на мать“

выше, чѣмъ Гете „An schwager Kronos“ (сравнить).

Въ аллегорію можетъ входить олицетвореніе (ямщикъ—время, Кронось).

Аллегорія въ частномъ смыслѣ—отвѣтъ на вопросъ „какъ бываетъ“, „какъ есть“; басня—на вопросъ „какъ быть“.

Эту разницу могъ имѣть въ виду Лессингъ, говоря, что басня „ein bild“. Однако „медвѣжья услуга“ „волчьи доводы“ (Волкъ и ягненокъ)? — Die Fabel sagt: so geht er zu in der Welt. (Gerb. II, 463—4). Но въ аллегоріи *обычность* внесена въ самый образъ. (см. Ев.).

Образъ аллегоричный неестъ непременно фантастичный.

Стихотвореніе Пушкина „Аріонъ“ аллегорично потому, что самъ авторъ представленъ мифическимъ пѣвцомъ, участникомъ поѣздки, въ родѣ похода Аргонавтовъ, начавшейся крушеніемъ.

Ближайшій смыслъ стихотворенія объясняетъ обстоятельство жизни автора (близость его къ потерпѣвшему крушенію 14 дек. 1825 года).

Сложность образа соответствует сложности вопроса (выраженного или невыраженного), на который образ служит отвѣтомъ. Иначе: должно быть соотвѣтствіе между психологическимъ подлежащимъ и сказуемымъ (какъ и между грамматическими).

На вопросъ *каково N, что и какъ оно дѣлаетъ*, служитъ отвѣтомъ *метафора* въ части предложенья и (сравненіе) въ части періода. X (неизвѣстное) здѣсь оказывается однимъ понятіемъ. Сюда—притча.

Вопросы *почему и для чего, а равно слѣдуетъ ли, должно ли?* — т. е. вопросы о причинѣ и цѣли таковы, что неизвѣстное въ нихъ по разъясненіи можетъ оказаться только отношеніемъ мысленныхъ единицъ. Отвѣтъ на эти вопросы неимѣщается въ грамматическое единство (т. е. предложеніе или грамматическое сочетаніе предложеній) и составляетъ по отношенію къ вопросу нѣчто самостоятельное, ибо винословное сочетаніе предложеній (съ *потому что, ибо*) включаетъ въ себѣ и повтореніе вопроса. Такимъ образомъ если отвѣтъ на *почему, для чего* метафориченъ, то онъ составляетъ особую сложную метафору: аллегорію, басню, притчу. ¹⁾

¹⁾ тѣк. (ткну) притча—подобіе. Тѣмъ, равенъ, сверстень: „съ точными и меньшими любовь имѣти (Лав. 101. 9). Точно—именно равно. „Хочешь ткнути (напастъ ср. ротукаѣ сіѣ) на пѣшіе, Л. 140. 21. Угри же королевы то уарѣша Володимерови полки, ту же не постряпуче поткнуша къ нимъ, Лав. 145. 9. Вышедшимъ же пѣшимъ изъ города стрѣлялся, и потяну нанъ (авп. мн.) съ дружиною—съ Половци. 145—35 *Тяжуги* на... атаковать Ип. 47—5; 61—82; 62—1. *потянутися, случитися* Ип. 48. 13; 148, 24. *подътыкати*—побуждать. И. п. 139, 32.

См. Мясл. слово съ тѣк—*тѣць*—(Ст. славянск. тѣкмежъ, partum ср. съ Чеш. *gowzati*, Нѣм. *vergleich*, тѣчнъ, равенъ, сходенъ ср. съ „точь въ точь“.

Притыкати сравнивать: „да не зазирайте мене, братыѣ, понеже во псѣхъ *притѣчю* (сравню съ собаками), вы бо мя нудите оттуду притѣча приносати... аще вы глаголю о члѣцѣ *критъ*, то вы речете: тѣ бо мощьнѣ бѣ и зѣло свальнѣ; да сего цѣща (=ради) ни члѣцѣ васъ *притѣчю* (сравню; съ мѣсти над. предмета, съ кониъ сравн.) въ звѣрній, (genit partit.) псѣхъ, тѣ же такомо авѣри же въ естѣствѣ своимъ того смысла не имать, нъ наказаніемъ члѣцымъ такъ (=таково) биваетъ (Златоуструй до 1200 г. Срезн. Пам. Изв. X, 534). „Или Русьскому гостю *притѣча* ся пригодить въ Ризѣ... никако же его въ дѣбу въсадити (Догов. 1230. Изв. Кт, 600.). Притѣча—убить или ранить в т. н. Ср. Мр. пригода. Ср. Притча Бусх. Очер. 18, 122, 198.

Въ догов. 1229 по Сп. Д. (Русс. Лив. Акты, Прил.): Въ того не дал, аче кого притча приметъ, ли лодья уразится... По сп. А. Оу кого ся вибнѣтъ оучавъ, а любо чельнъ, Бѣъ того не даль...

Евангельская притча. Подъ параболой (*παραβολή*) въ Евангелии разумѣется, во-первыхъ, всякое сближеніе, иносказаніе, напр.: отъ смоковницы возьмите подобіе (*από δε τῆς συκῆς μάθετε παραβολήν*): когда вѣтвь (*κλάδος*, можетъ быть, скорѣе почка) становится сочна и пускаетъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ, когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ (кончина вѣка) Мате. 24, 2—3.

Во вторыхъ, сближеніе, уподобленіе, назначаемое для непосвященныхъ, таинственный смыслъ коего требуетъ разъясненія и посвященнымъ: вамъ дано знать тайны (*τὸ μυστήριον*) Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ (*τοῖς ἔξω*) все бываетъ въ притчахъ (*ἐν παραβολαῖς*), такъ что они своими глазами смотрятъ и не видятъ, своими ушами слышатъ и не разумѣютъ... (Ученикамъ): Непонимаете этой притчи? И какъ же вамъ понять всѣ притчи?, (По поводу притчи о сѣятелѣ) Маркъ 4, 11, 3.

Загадочность и необходимость толкованья, которое и прилагается къ нѣсколькимъ притчамъ, вытекаетъ изъ свойства вопроса, отвѣтомъ на который служить евангельская притча. Этотъ вопросъ есть не „почему“ и „для чего“, не частный случай, требующій теоретическаго оправданія, какъ выше, не вопросъ о связи понятій; а о составѣ очень сложнаго понятія, каково понятіе Царствія Божія.

Приближеніе къ извѣстному нравственному совершенству есть приближеніе къ царствію Божію: „книжникъ сказалъ:... одинъ Богъ... и любить его... и любить ближняго... это больше всѣхъ всесоженій и жертвъ: Иисусъ сказалъ ему: недалеко ты отъ Царствія Божія. Маркъ 12, 32—4.

Въ Гр. 1504 (С. г. гр. № 140): глѣсомъ къ березе къ вончей, что стоятъ на меже на сутокехъ.. Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ (т. е. какъ и чѣмъ ни попало), —многи притчи отъ того бывають: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнуть и персть, и главоболіе и зубная болѣзнь, а у беременныхъ женъ и дѣтямъ повреженіе бываетъ въ утробѣ, Домостр. 88. А въ конюшне и у сѣна и у соломы одволчиво изъ оонаря огня не выматъ, всякія для притчи, Домостр. 24.

—Притчати (ити?) вазнь (fortuna)и звѣздамъ неразумнѣ притчати, яко же и форть и родъ и лучны несмыслнѣ вѣрують (Изборникъ Святосл. Бусл. Матер. 9. Здѣсь есть усиленіе предшествующей ф. и) Срб. враг *потамне* (под-тъкнути) ову маѣху, да није могла своју паштерку колико крв на очима виѣети, Кар. Припов. 164.

Притча, parola, parabola, Mikl. II, 79.

Понятія о нравственномъ совершенствѣ объективируются въ Богѣ. Приближаться къ Богу значитъ становиться сыномъ Божиимъ: любите враговъ вашихъ; да будете сынами Отца Вашего небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми... Матѣ. 5, 44—5.

Затѣмъ подѣ приближеніемъ Царствія Божія, можно разумѣть наступленіе общественнаго порядка, возникающаго изъ распространенія сыновства Божія.

И вотъ на вопросъ „что есть Царствіе Божіе“ иногда въ началѣ лишь подразумѣваемый, иногда заключенный въ началѣ отвѣта, (чему уподобимъ царствіе Божіе, или какою притчею изобразимъ его?) Маркъ 4, 30: „Оно какъ зерно горчичное, которое, когда сѣется въ землю, есть меньше всѣхъ сѣмянъ въ землѣ; а когда посеяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злаковъ, и пускаетъ большія вѣтви, такъ что подѣ тѣнью его могутъ укрываться птицы небесныя“.

Б А С Н Я . ¹⁾

(Lessing. Abhandlungen über die Fabel 1795. S. Werke, Leipz. 1867).

Басня въ сборникѣ, на бумагѣ, въ устномъ произношеніи (№, скажи басню!)—ни на что ненужна, празднословіе. Но басня является и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о слезахъ, о крови, о головѣ, о судьбѣ обществъ, гдѣ не до шутокъ и празднословія. ²⁾ Наблюдать такіе случаи въ дѣйствительности трудно, потому что ихъ нѣтъ, когда мы способны къ наблюденію, и появляются они тогда, когда намъ не до наблюденія; но есть приблизительно вѣрныя изобра-

¹⁾ Печатаемые наброски были конспектомъ частнаго курса лекцій, читанныхъ на дому. Программа первой вступительной лекціи: *Отношеніе поэтической произведенія къ слову*. Начать съ басни для методологическаго удобства. Условія правильнаго наблюденія: устранить по возможности предразсудки. Примеры предразсудка въ наукѣ: перенесеніе прежнихъ обобщеній въ новое изслѣдованіе (миръ въ наукѣ). Примеръ изъ зоологій: неизмѣлимость видовъ и Дарвинъ. Въ приложеніи къ баснѣ—что есть отвлеченность?

²⁾ Неприятный человѣкъ—безвременная басня: „онъ всегда будетъ на устахъ невѣжды“.—„Притча изъ устъ глупца отвратительна, ибо онъ не скажетъ ее въ свое время“. Сирахъ, 21, 19—20.

женія. Это тоже отвлеченія, но слабѣйшія и болѣе близкія къ дѣйствительности.

Примѣры политической басни: *басня* Иовама, Кн. Судей, гл. IX; *басня* Наована, Кн. царствъ, II, 12. *Стезихоръ* (б. о конѣ, оленѣ и человѣкѣ = о Филарисѣ и гимерцахъ, Lessing Phedr. IV, 4 Equus et arer). *Пушкина*, Капитанская дочка, гл. XI, сказка калмычьи о воронѣ и орлѣ—Пугачева). Отсюда два элемента басни: образъ и примѣненіе. ³⁾

Свойства образа.

1. Это не эмблема, не образъ въ тѣсномъ смыслѣ, не сравненіе только (суховерхое дерево, капля, висящая на листу и пр.). Тургеневскіе *Necessitas* и пр., *Два брата*, *Сфинксъ*, *Камень* (стихотворенія въ прозѣ)—все это субъекты отсутствующихъ предикатовъ. Съ точки соответствія между подлежащимъ и сказуемымъ, у Тургенева *l. c.* сказуемое = программа для живыхъ картинъ, которыя неотвѣчаютъ ни на какой постоянный вопросъ. Подлежащее у него соответственно этому не конкретный случай, требующій рѣшенія, которое дается обобщеніемъ, а готовое обобщеніе, нетребующее отвѣта, а уже заключающее его въ себѣ.

Образъ въ баснѣ долженъ быть не однимъ моментомъ, а рядомъ моментовъ (представляющихъ единство, о чемъ ниже), потому что объясняемое басни есть сложное явленіе, (разлагаемое) состоящее изъ одного или многихъ дѣйствующихъ лицъ, производящихъ дѣйствіе. Эмблема соответствуетъ только субъекту, а не сложности объясняемаго. Изобразительныя искусства (скульптура, живопись) только заставляютъ догадываться о дѣйствіи, а не изображаютъ его. Примѣры—это *леса*, *волкъ*, *медведь*.

2. Образъ басни долженъ быть дѣйствіемъ, измѣненіемъ или рядомъ измѣненій, представляющихъ единство. Примѣръ отсутствія единства, Phaedr. IV, 11. Воръ и лампадка. V, 3. Лысый и муха.

3. Басня, будучи дѣйствіемъ (что предполагаетъ дѣйствующее лицо *v.* лица—*подлежащія* и дѣйствія—*сказуемая*), вся въ цѣ-

³⁾ Разборъ этихъ басенъ сдѣланъ въ соч. „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“. А. Потебня.

ломъ есть отвѣтъ на запросъ, дѣлаемый сознанию новымъ конкретнымъ явленіемъ, т. е. есть постоянное сказуемое перемѣнчивыхъ подлежащихъ.

Если бы дѣйствующія лица басни (и обстоятельства, напр. мѣстность и пр.) привлекали къ себѣ вниманіе, возбуждали сочувствіе или неудовольствіе настолько, насколько это бываетъ въ животномъ или человѣческомъ эпосѣ, повѣсти, романѣ, то басня перестала бы быть собою, т. е. быстрымъ отвѣтомъ на вопросъ.¹⁾ Для того чтобы обширное поэтическое произведеніе стало такимъ отвѣтомъ, нужно, чтобы оно отодвинулось въ даль, всё его подробности исчезли, и остались лишь нѣкоторыя общія очертанія: Парисъ похищаетъ Елену. Менелай и Агамемонъ ведутъ грековъ подъ Трою. Гибнетъ Патровлъ, Ахиллъ и много грековъ отъ оружія и заразы. Гибнетъ Троя... Вотъ басня на тему: „*delirant reges, plectantur Achaei*“, „пани скубутьца, а у муживів чуби трицать“, но богатство содержанія исчезло.²⁾

Пользоваться такъ сложными поэтическими произведеніями можно и должно; но, очевидно, такое пользованіе предполагаетъ другое, исключительно свойственное этимъ произведеніямъ и отличное отъ пользованія баснею.

Такимъ образомъ басня, ради годности своей къ употребленію, не должна останавливаться ни на характерѣ дѣйствующихъ лицъ, ни на изображеніи сцены. Отсюда—требованія относительно изложенія. Двѣ манеры: 1) древніе, преимущественно греки, и 2) Лафонтенъ съ подражателями и переводчиками. Отсюда—важность *животныхъ* въ басняхъ (= *фигуры* въ шахматахъ). Очеловѣченіе міра несоздано баснею, а предпологается ею, какъ нѣчто готовое. Gerber II², 463—5, ib. о необходимости эзоповаго яз.).

¹⁾ Пушкинъ—Сапожникъ (1829) и Квитка—Салдацкій патреть. Лермонтовъ—Три пальмы (караванъ).

²⁾ Почему аллегорическій образъ не можетъ быть развитъ въ обширное произведеніе безъ утраты своего дѣйствія, т. е. эстетическаго достоинства? Внутреннее, противорѣчіе между метафоричностью образа и его конкретностью, Gerber II², 488. Опѣнка аллегорической живописи: область живописи—символика, метонимія, но не метафора.

Рядъ дѣйствій въ баснѣ долженъ прекращаться, какъ скоро явилась возможность примѣненія. Басня *Старикъ и смерть* оканчивается: „*Помоги поднять бремя!*“ Но, говоритъ Лессингъ, съ концомъ басни некончилось событіе: исполнила ли смерть просьбу? оставила ли она старца въ живыхъ? и пр.—*Турухтанъ и море* (Strandläufer)—„море унесло яйцо турухтана“—(первая половина и собственно конецъ басни.)—„Турухтанъ мстить, доходить до царя птицъ Гаруды и Вишну“—(вторая половина, 2-я басня), но примѣненіе первой и второй половины различно, а въ цѣломъ басня неможетъ имѣть примѣненія. (Объясн. мр. п. 1, 256).

4. *Конкретность дѣйствія.* Что будетъ, если превратить въ общія положенія басни: Пугачева (орелъ и воронъ); Обезьяна и дѣтеныши; Страусъ, прячущій голову; басню Нааана?

а) Если дѣйствія, приписываемыя лицу или лицамъ сказки, басни, суть свойства не родовыя, а частныя, то при обобщеніи получается нелѣпость: всѣ богатые (=каждый богатый) для своего гостя отнимаютъ овцу у бѣднаго.—Если бы Нааанъ сказалъ Давиду: нѣкоторые богатые и пр., то Давидъ могъ бы отвѣтить: „да, вѣроятно, есть гдѣ-либо, но съ какой стати ты говоришь мнѣ это? И если бы Нааанъ сказалъ: „ты одинъ изъ нихъ“, то можно возразить: „это еще нужно доказать.“ Такимъ образомъ басня превратилась бы въ изслѣдованіе.

б) Если единичный образъ (=дѣйствіе) можетъ быть обобщенъ безъ перехода въ абсурдъ, то по обобщеніи мы получаемъ научное положеніе: „говорятъ, обезьяны производятъ по два дѣтеныша. Одного изъ нихъ мать любитъ и лелѣветъ, другого ненавидитъ и пренебрегаетъ. Странно, что любимаго мать удушаетъ своими ласками, объятіями, тогда какъ нелюбимый благополучно дорастаетъ до совершеннолѣтія.“ Fab. Aesop., 263 (Less.—71).

Такимъ образомъ получается прозаическое, научное обобщеніе.

Почему такія положенія: „ласточки“ возвращаются весной и проч. (Іоан. Экз.)—научны? Свойство научнаго обобщенія состоитъ въ томъ, что оно ведетъ мысль къ частностямъ, въ немъ заключеннымъ, но не къ частностямъ другого круга.

Поэтому для установления связи между таким обобщением и явлением другого порядка нужно большее усилие мысли, чѣмъ для установления связи между единичными явлениями, которыя при правильномъ обобщеніи были бы разнесены по различнымъ разрядамъ. Съ увеличеніемъ этого усилія уменьшается способность объясненія частнаго общимъ другого порядка. Отсюда необходимость, принимая объясняющее для инороднаго (общаго или частнаго), называть это послѣднее и указывать на его отношеніе къ первому (*παράβολή* = сравненіе, *παράβállω*, бросать, власть подлѣ, сближать съ). Это *πρὶν ἄλλα*, *πρὶν ἄλλω* (иное значеніе получило слово *πρὶν ἄλλω*). ¹⁾ „И отъ ластовиць не вѣроуеши ли, ꙗже оу тебѣ щѣбъчетъ вѣсе лѣто зѣло краснѣ? и зимѣ пришьдѣши отидеть отъ тебѣ, и за короу залѣзъши приплатитѣтисѣ доубоу, и перѣ свѣржеть; годуу-же веснѣноуоумоу пришьдѣшоу пагы сѣ обржеть перѣмъ, ꙗко и навѣ из гроба исходѣщи, весна бо еи вѣстаніе принесеть, и много пагы глѣ и щѣбъчетъ, тѣмъ не рекоуци: члвчине! отъ мене вѣроуи во вѣскрѣсении. (I. Экз. Калайд. 137).

Здѣсь общее, объясняющее, представлено, какъ постоянно повторяющееся явленіе: „каждый разъ какъ наступитъ пора, каждая ласточка“ и пр.

¹⁾ *Πρὶν ἄλλα*—сравненіе (=послѣ сравниваемого): „Яко же и дымъ отъ дрѣва и отъ огнѣ възидеть горѣ рѣдкѣ и слабѣ, таче яко възидеть на высость, яко облакъ се сътънетъ и оудебелитъ; тако же и водноѣ ієсѣство и родъ Бѣ възвышнѣ съте. и дебели, оутврѣдивѣ. А яко же по истинѣ е прѣтѣча си, свидѣтельствуеть Исая глѣ, яко же и бо ави дымъ оутврѣдѣ се. Иоан. Экз. Шестод. 34. Небо ледѣ, а подѣ нимъ оговѣ солнца: „Есть же и прѣтѣча тому“: оловяный котелъ съ водою подѣ углями, ів. об. 34 ів. 170, об. 171. Кака доброта ест бес приклада творѣча и славна и дивна и чудна, Шестодн. 19.

Приклоненъ—подобнѣ (ср. сходенъ). Въ Библии 1499 г. (Бусл. Мат. 51.): и бо; ровѣ (=е) не прик(л)онѣни вѣхъ его и елне (sic) не бысть приклонѣно отраслехъ его и сосны не подобны отраслехъ его, 81, 8: вѣсе дрѣво еже въ рай Божіи не бысть приклонно ему въ добротѣ его, ів.

Ой білая паутина по тину повилась,
Маруси з Ивановъ помялась помялась,
Які руки, такі ноги, така й голова,
Узійшлися, обнялися-люба й розмова.

Област. вкр. *суразица*, сходство, подобіе, противенъ, Бусл. Оч. I, 180.

Противу: Золъ бо человекъ противу бѣсу, и бѣсъ того не замислитъ. Ип. 99 (371). У Котошихина: противъ того, какъ=согласно съ тѣмъ. подобному тому какъ.

„Возможность есть видъ всеобщности“, напริมѣръ избраніе, назначеніе кормчимъ наиболѣе опытнаго изъ корабельщиковъ, рядомъ съ чѣмъ—возможность назначенія кормчаго по жребію. Въ реторикѣ Аристотеля: „назначать правительственное лицо по жребію все равно, какъ если бы владѣлецъ корабля, нуждаясь въ кормчемъ, вмѣсто того чтобы выбрать для этого наиболѣе годнаго изъ своихъ корабельщиковъ, взялъ такого, на котораго упадетъ жребій“. (Lessing).

Что можетъ быть, можетъ и не быть, почему объяснительная сила возможнаго меньше силы дѣйствительнаго. Отсюда—превращеніе притчи (*παράβολή* Аристотеля съ *ὄψις*, *εἰ τίς*) въ басню (*λόγος*), въ коей дѣйствіе изображено, какъ дѣйствительное и единичное.

Отношеніе образа къ объясняемому: а) образъ есть постоянное сказуемое къ переменчивымъ подлежащимъ = постоянное средство аттракціи измѣчивыхъ апперципируемыхъ. *Примѣры*: басня Стезихора, Лягушки просяція царя (Эзопъ; Федръ относитъ къ Пизистрату); Осель и пастухъ (Федръ I, 15): патриотизмъ. „Слонъ и моська“, Крыловъ; „Дуракъ“, Тургеневъ, Стих. въ прозѣ; Арабъ и верблюдь, *Vabrius*. Цыганъ: ори, мели, їжь. — Отсюда—вѣчность басни; предѣлы ея существованія.

б) Образъ есть нѣчто гораздо болѣе простое и ясное, чѣмъ объясняемое, что легко увидѣть на примѣрахъ хорошей басни.

Когда, указывая на вещь, называютъ ее по имени, то будемъ говорить понятнымъ языкомъ, никто неспроситъ, что значить это названіе. Когда басня рассказывается по поводу извѣстнаго говорящимъ частнаго случая, то, буде она хороша, т. е. ясна, никто неспроситъ, къ чему она и что она значить. Мужъ и жена замечались о томъ, какъ устроить они свою жизнь, когда выиграютъ въ лотерею 200 тысячъ, заспорили и наговорили другъ другу колкостей. Но тутъ вспомнился имъ цыганъ, его будущая корова съ теленкомъ и сынъ, котораго онъ ударилъ: „не їзь (ва теленкъ), спинку переломилъ?“ И они разсмѣялись.

Вотъ она рѣшительница спора. Вотъ случай прозаическаго, осязаемаго значенія поэзіи.

Но разъ оторванный отъ своего ворня поэтическій образъ ходитъ по людямъ, какъ готовое сказуемое еще неизвѣстныхъ подлежащихъ, разъ возникаютъ профессиональные хранители и распространители этихъ образовъ, — возникаетъ и стремленіе пояснить, на что этотъ товаръ можетъ быть пригоденъ. Такое поясненіе происходитъ трояко: или словесно выраженнымъ указаніемъ на частный случай, сходный съ рассказаннымъ въ баснѣ; или приведеніемъ общаго положенія, на которое указываетъ басня; или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Примѣръ послѣдняго случая — басня Крылова „Ворона“ (въ павлиньихъ перьяхъ).

Двойная (сложная) басня. Если частный случай *А*, по поводу котораго сказана, или къ которому примѣнена уже готовая басня *Б*, будетъ изложенъ такъ, что самъ по себѣ находитъ примѣненіе, т. е. самъ по себѣ составляетъ басню, и если это изложеніе *А* будетъ приступомъ въ *Б*, то получится поэтическая форма, которую Лессингъ называлъ составною басней (*zusammengesetzte fabel*).

Очевидно, не точно выраженіе Лессинга, что „одна и та же басня можетъ быть (смотря по способу обработки) то простою, то сложною“, ибо сложность здѣсь именно и состоитъ въ томъ, что въ составной баснѣ является новый актъ творчества, такъ какъ въ ней не одна басня, а двѣ.

Примѣръ. „Волкъ и мышонокъ“, Крылова: волкъ утащилъ овцу, мышонокъ стянулъ у него кусочекъ мяса, и волкъ закричалъ: караулъ! Разбой! Держите вора!

Такое жъ въ городѣ, я видѣлъ, приключилось:

У Климыча судьи часишки воръ стянулъ,

А онъ кричитъ на вора: караулъ!

Ср. у Бабрія: Левъ отнял у волка овцу, волкъ взвылъ, сталъ жаловаться, что незаконно отнимаютъ у него его собственность. — „Зеркало и обезьяна“, Крылова:

Про вятки Климычу читаютъ,

А онъ уградкою виваетъ на Петра

Лафонтенъ: *Le coq et la perle* — полный параллелизмъ: во 2-ой пол. *Un ignorant hérita d'un manuscrit.*

Лессингъ: простая (азоповская) басня („Львицу попрекають (по нѣкоторымъ версіямъ именно свинья), что она родила только одного дѣтеныша“: „Да, одного, но льва“) становится составною по присоединеніи къ ней слѣдующаго: „я“, говорилъ стихоплетъ поэту, „сочиняю по семи трагедій въ годъ! А ты? Въ семь лѣтъ одну!“ — Да, одну, но Аталію (Расинъ).

Въ составной баснѣ баснописецъ пользуется простой басней такъ же, какъ пользуется ею въ ея первобытномъ состояніи, съ тою разницею, что въ этомъ состояніи басня приходитъ на мысль по поводу частнаго житейскаго случая, а въ составной баснѣ наоборотъ.

Соединеніе мотивовъ можетъ быть въ различной степени различно. Чѣмъ общѣ образъ *A* и чѣмъ становится неопредѣленнѣе кругъ, количество его примѣненій, тѣмъ нужнѣе становится вмѣшательство самого автора, выражающееся въ сопоставленіи *A* съ *B*, которое суживаетъ кругъ примѣненія. Напримѣръ, бас. Гребенки, „Ячмень“: пустые и полные колосья ячменя, склонившіеся „мови неграмотніи передъ великимъ паномъ и пр. Въ этой баснѣ сопоставленія *A* (колосья) съ *B* (неграмотными), затрудняютъ примѣненіе *A* къ скромности достойныхъ и высокоумію ничтожныхъ и ненужныхъ людей, ограничивая примѣненіе отношеніями земледѣльца къ состояніямъ и званіямъ чужезднымъ при дурномъ состояніи общества.

Обобщеніе. Лессингъ (*Abhandlungen über die Fabel*): если извести всеобщее нравственное (т. е. относящееся къ человѣческой жизни, а не внѣшнему, физическому міру) утвержденіе (*Satz*) къ частному случаю и рассказать этотъ случай, какъ дѣйствительный (какъ событіе, а не въ смыслѣ примѣра или сравненія), и при томъ такъ, чтобы этотъ рассказъ служилъ къ наглядному познанію общаго утвержденія, то такое сочиненіе будетъ басня. ¹⁾ Выходитъ такъ, что какъ будто сначала существуетъ въ мысли общее утвержденіе „лестъ гнусна“ и пр., затѣмъ въ баснѣ оно изво-

¹⁾ Wenn wir einen allgemeinen moralischen Satz auf einen besondern Fall zurückführen, diesem besondern Falle die Wirklichkeit ertheilen, und eine Geschichte daraus dichten, in welcher man den allgemeinen Satz anschauend erkennt: so heisst diese Erdichtung eine Fabel.

дится къ частному случаю, какъ говорить Лессингъ, или умышленно скрывается за иносказаніемъ, переряживается въ иносказаніе, какъ говорили оспариваемые имъ авторитеты (*La fable est une instruction déguisée sous l'allégorie d'une action, De la Motte; La fable est un petit poëme, qui contient un précepte caché sous une image allégorique, Richer*).

Въ примѣненіи къ языку это значило бы, что слово сначала означаетъ цѣлый рядъ вещей, дѣйствій, качествъ, а потомъ въ частности эту вещь и пр., при чемъ является вопросъ: какимъ образомъ возникло общее? Но общее возникаетъ изъ частнаго. Добываніе общаго усиліями мысли столь трудно и продолжительно, что многіе языки, а тѣмъ болѣе многіе отдѣльные люди, извѣстныхъ обобщеній немогутъ выразить, потому что ихъ не знаютъ.

Въ примѣненіи къ баснѣ нужно бы, въ случаѣ вѣрности Лессингова опредѣленія, предположить, что сочинитель или примѣнитель ея стоитъ самъ на высотѣ абстракціи, что цѣль его возвести на эту высоту слушателя, и что средства, избираемыя имъ, достигаютъ этой цѣли.

Случаи дѣйствительнаго примѣненія басни показываютъ, что цѣль рассказчика—опредѣленіе точки зрѣнія на дѣйствительный частный случай (*A*, психологическое подлежащее) посредствомъ сравненія его съ другимъ частнымъ же случаемъ, рассказываемымъ въ баснѣ (*B*, психологическое сказуемое). Указаніе случая *A* другимъ лицомъ (не авторомъ) можетъ быть ошибочно (разумѣется не тотъ случай: „на ворѣ шапка горитъ“). Но утвержденіе, что авторъ писалъ безъ „натуры“, справедливо только относительно повторителей, собирателей, пишущихъ по рецепту, на тему. „*Suspicione si quis errabit sua Et rapiet ad se, quod erit commune omnium Stulte nudabit animi conscientiam. Huic excusatum me velim nihilominus* (но пусть этотъ меня не вивить): *Neque enim notare singulos mens est mihi, Verum ipsam vitam et mores hominum ostendere. Phaedri, Fab. III, Ad Eutychem, 45—50.*

Разъясненіе достигается тѣмъ, что изъ *A* выдвигаются впередъ лишь черты, находящія соотвѣтствіе въ *B*. Слѣдовательно,

а) обобщеніе является, какъ нѣчто послѣдующее, какъ результатъ сравненія частностей; б) оно остается прикрѣпленнымъ въ частному случаю и относительно частнымъ, а до того обобщенія, которое выставляють въ началѣ или въ концѣ басни баснописцы, ни примѣняющему, ни слушающему басню дѣла нѣтъ. Отсюда происходитъ, что и позднѣйшій баснописецъ, продавецъ басни (читатель готовой басни), которому, наоборотъ нѣтъ дѣла до ея дѣйствительнаго примѣненія, а есть лишь—до возможнаго примѣненія, находитъ эту возможность не тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, выставляетъ обобщеніе лишь слабо связанное съ басней. Такъ, книгопродавецъ, рекомендующій книгу покупателю, можетъ быть не только пристрастнымъ, но и плохимъ цѣнителемъ.

Геродотъ (I, 141): Киръ послалъ къ Іонійцамъ пословъ съ предложеніемъ возстать противъ Лидійскаго царя Крева. Тѣ отказались, и уже когда Персы завоевали Лидію, а Киръ былъ въ (столицѣ Лидіи) Сардахъ, они вмѣстѣ съ Эолійцами отправили пословъ въ Сарды, предлагая подчиниться ему на тѣхъ же условіяхъ, какія были приняты царемъ Лидійскимъ Крезомъ. Киръ выслушалъ ихъ предложеніе и рассказалъ имъ басню: „Флейщикъ, видя рыбъ въ морѣ, сталъ играть, думая, что привлечетъ ихъ на берегъ. Надежды его были обмануты. Тогда онъ взялъ сѣтъ, закинулъ ее, вытащилъ полную рыбъ и, видя, какъ онѣ бились, сказалъ: „полно плясать! Вѣдь вы не хотѣли плясать во мнѣ, подъ звуки моей флейты“. Бабрій, пересказывая эту басню, безъ примѣненія и съ небольшимъ измѣненіемъ („теперь вы пляшете безъ игры; лучше было плясать, когда я вамъ игралъ“), замѣчаетъ: „безъ труда, незакидывая сѣти, ничего недобудешь; но если ты закинулъ и удачно поймалъ, что хотѣлъ, тогда (надѣ пойманнымъ!) умѣстна насмѣшка и шутка“. Но вѣдь трудъ былъ въ обѣихъ случаяхъ только разнаго рода (игра на флейтѣ и закидываніе сѣти). Смыслъ басни вовсе не въ томъ, а скорѣе: „полюби насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ всякъ полюбитъ“. „Ой як би дівчинонька трошки богатенька, взяв би тебе за рученьку повів до батенька. Ой як би я, козаченьку, трошки богатенька, наплювала б

я на тебе и на твоего батенька! Ср. „И посласта къ Ярославу“: миръ съ нами възми, а вкрестъ къ намъ целуй, а крови непроливай.“ Отвѣщавъ же Ярославъ (рече): мира нехощу... далече есте шли и вышли есте, аки рыба на сухо“. 1216, Лавр.², 469.

Баснописецъ; примѣняющій въ баснѣ обобщеніе, бываетъ похожъ на продавца игрушекъ, который могъ бы наставить ребенка, сказавши: это кукла, ею играютъ такъ-то. Примѣняющій басню похожъ на ребенка, который никому необъясняетъ, а играетъ кувлой; или игрока, который беретъ флейту и играетъ ту или другую пѣсню.

Совпаденіе бываетъ, когда продавецъ вмѣстѣ и мастеръ и игрокъ (Щедринъ „Игрушечныхъ дѣлъ мастера“). Конечно, и объясненіе продавца и обобщеніе баснописца могутъ быть болѣе или менѣе точны; но изъ того, что оно у извѣстныхъ баснописцевъ, людей умныхъ, бываетъ нерѣдко неточно и ошибочно, слѣдуетъ, что это обобщеніе есть не нѣчто данное, а выводимое изъ частнаго случая басни, при томъ съ усиленіемъ, которое можетъ принимать ложное направленіе. Такъ, Федръ (I, 1) говоритъ, что басня „Волкъ и ягненокъ“ „мѣтитъ на людей, которые обманомъ и хитростью тѣснятъ добрыхъ“. Это значитъ—попасть пальцемъ въ небо! Ни обмана, ни хитрости нѣтъ. Для такого обобщенія довольно: волкъ подкараулилъ ягненка и съѣлъ. „Батте“, говорятъ Лессингъ, „говорить, что нравоученіе вытекающее изъ этой басни „que le plus faible est souvent opprimé par la plus fort.“ Какъ мѣло! Какъ ошибочно! Если бы басня должна была научать только этому, то поэтъ выдумалъ *fictae causae* волка совсѣмъ понапрасну, совсѣмъ отъ скуки (*für die Langweile*). Его басня говорила бы гораздо больше, чѣмъ онъ ею хотѣлъ сказать и была бы другая. „Нравоученіе ея (Fab. Aesop. 230): *οἷς κράτιστα ἀδικεῖν, κατ' αὐτοῖς οὐ δικαιολογία ἰσχύει*“. Кто хочетъ обидѣть невиннаго, тотъ постарается сдѣлать это *μετ' εὐλόγου αἰτίας*; онъ найдетъ предлогъ, но ничуть неизмѣнитъ намѣренія, если этотъ предлогъ будетъ посрамленъ (Lessing, l. c. 64). Это обобщеніе

совпадаетъ съ Крыловскимъ. „У сильнаго всегда безсильный вынотать“, если къ нему прибавить черту самой басни:

Ягненка видитъ онъ (волкъ), на добычу стремится,
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

У Лафонтена: *La raison du plus fort est toujours la meilleure.*

„Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня, но возри на мя, господине мой, яко мати на младенца“, Слово Дан. Зат. Последнее сравн. съ Эзоп. у Бабрія, 16.

Обобщеніе частнаго случая можетъ ити безъ помѣхи до высочайшихъ ступеней. Басня отдѣльно отъ примѣненія въ этомъ отношеніи похожа на точку, чрезъ которую можно провести безконечное число линій. Только примѣненіе басни къ частному случаю опредѣляетъ, какія изъ ея чертъ должны быть сохранены въ обобщеніи, если это обобщеніе должно сохранять связь съ самой баснею. Это опять таки указываетъ, что сначала басня и ея примѣненіе, а потомъ обобщеніе и нравоченіе. Это показываетъ и упомянутое выше побужденіе къ составленію двойныхъ басенъ, „*Мужикъ и аистъ*“ (Бабрій, 13). Поселянинъ разставилъ на своемъ полѣ сѣти на журавлей, которые опустошали его посѣвы. Съ журавлями попался въ сѣти и хромой аистъ. „Я, говорить, не журавль, я посѣва не порчу; я, можешь видѣть по перьямъ, аистъ, самая добродѣтельная птица: кормлю отца, берегу его въ болѣзняхъ“. А мужикъ: „какъ ты живешь, аистъ, того не знаю, а знаю, что я поймалъ тебя съ опустошителями моихъ полей. Потому, съ кѣмъ попался, съ тѣмъ будешь и повѣшенъ“. Какія обобщенія? Смотря по примѣненію, по точкѣ зрѣнія примѣняющаго: съ кѣмъ кто попался, съ тѣмъ и отвѣчаетъ“ (*mitgefangen, mitgehungen*); „дурное общество опасно“, „человѣческая справедливость умышленно близорука и своекорыстна“, невинный неизбежно страдаетъ съ виновнымъ, „нѣтъ правды на свѣтѣ“ или наоборотъ: „справедливо, чтобы при соблюденіи высшихъ интересовъ не обращать вниманія на вытекающее отсюда частное зло и пр.“ Согласно съ этимъ, кто предлагаетъ басню въ ея отвлечен-

номъ видѣ, по настоящему долженъ бы снабжать ее не однимъ, нерѣдко произвольнымъ обобщеніемъ, а указаніемъ на возможность многихъ ближайшихъ обобщеній.

„Дикія козы“. Эзоповская басня, у Бабрія, 45: Зевсъ ниспослалъ снѣжную вьюгу. Спасаясь отъ нея, пастухъ думалъ загнать своихъ покрытыхъ снѣгомъ козъ въ горную пещеру—она была необитаема—и засталъ тамъ уже другихъ козъ дикихъ, которыя были и многочисленнѣе и больше и сильнѣе его козъ. Тогда онъ принесъ дикимъ листьевъ, а своихъ оставилъ на дворѣ и впроголодь. Когда же выяснилось, то онъ нашелъ, что свои мертвы, а дикія ушли въ горы по лѣснымъ дѣбрямъ. Онъ вернулся домой безъ козъ, достойный осмѣянія. Изъ погони за лучшимъ онъ потерялъ свое“. Въ другой версіи эзоповской басни: „ненадобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужого“. Обобщенія слабо связаны съ басней; они имѣютъ въ виду пастуха, а не козъ и приписываютъ пастуху жадность. Отсюда такое обобщеніе одинаково приложимо и къ баснѣ „собака съ кускомъ мяса, идущая черезъ рѣчку и пр.“ Кеневичъ опровергаетъ мнѣніе, что басня была написана Крыловымъ по поводу дарованія конституціи царству польскому тѣмъ, что она появилась почти 10 лѣтъ спустя послѣ этого событія. Но подобнаго рода примѣненіе возможно, и въ такомъ случаѣ мораль жадности, властолюбія и пр. можетъ быть замѣнена другою.

„Лягушка и волъ“. Федръ I, 24: „Слабый, разыгрывающій могущественнаго, гибнетъ“. Горацій, Ляфонтенъ, Крыловъ имѣли въ виду такія же обобщенія, предполагающія примѣненія къ случаю, „когда (Крыловъ) жить хочетъ мѣщанинъ, какъ именитый гражданинъ, а сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ“. Бабрій „себѣ повредишь и не успѣешь, подражая тому, кто далеко тебя превосходитъ“ примѣняетъ къ баснѣ: у ящерицы лопнулъ поперекъ (потрескалась спина), когда она задумала сравниться по величинѣ съ дракономъ. Но въ баснѣ „Жаба и волъ“ (Бабрій, 28) жаба силится раздуться въ вола не изъ зависти, а узнавъ, что онъ раздавилъ ея дѣтеныша, слѣдовательно, собираясь мстить.

Если исходная точка въ баснѣ есть общее, то частное будетъ относиться къ этому общему, какъ примѣръ или доказательство. Такъ смотрятъ на это баснописцы.

Нянька и волкъ. Бабрій, 16: „Нянька говорила плачущему ребенку: „неплачь, а то волку отдамъ“. Волкъ принялъ это за правду и долго ждалъ, пока наконецъ дитя затихло и уснуло. Тогда волкъ ушелъ голодный. Дома волчица спрашиваетъ у него: „какъ же это ты на этотъ разъ ничего не принесъ?“ — „Какъ было и принести, когда я повѣрилъ женщинѣ“. Доказываетъ ли басня общее положеніе? Баснописцы называютъ басню примѣромъ и доказательствомъ.

Федръ I, 3: *Graculus Superbus et Pavo:*

Ne gloriari libeat alienis bonis

Suoque potius habitu vita degere,

Aesopus nobis hoc exemplum prodidit.

id. I, 5. *Vacca et capella, ovis et leo:*

Numquam est fidelis cum potente societas.

Testatur haec fabella propositum meum („львиная доля“)

id. I, 9. *Passer ad leporem consiliator:*

Sibi non cavere et aliis consilium dare

Stultum esse paucis ostendamus versibus.

id. I, 12. *Cervus ad fontem:*

Laudatis utiliora, quae contempseris,

Saepe inveniri, haec testis est narratio.

id. I, 15. *Cornix astuta (бросаешь камушки въ кувшинъ съ водой):*

Haec re probatur, quantum ingenium potest:

Virtute semper prevalet sapientia.

id. I, 17. *Asinus ad Senem pastorem:*

In principatu commutando saepius

Nil praeter domini nomen mutant pauperes

Id esse verum parva haec fabella indicat.

id. I, 21. *Canis parturiens:*

Habent insidias hominis blanditiae meti:

Quas ut vitemus, versus subjecti monent.

Крыловъ. Рожа и огонь:

Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.

Чтобъ эту истину понять еще ясный,
Послушай басенъки моей.

Обезьяны: А безъ ума перенимать

И, Боже сохрани какъ худо!

Я приведу *примѣръ* тому изъ дальнихъ странъ.

Червонецъ: Объ этой истинѣ святой

Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,

Да важно говорить не всякому пристало,

Такъ съ шуткой пополамъ

Я басней *доказать* ее намѣренъ вамъ.

Волкъ и лисица: Охотно мы даримъ,

Что намъ пенадобно самимъ.

Мы это басней пояснимъ,

Затѣмъ что *истина сноснѣе вполоткрыта.*

(Подъ истинной разумѣется развѣ частный случай?)

На это басню вамъ скажу я,

Какъ умѣю....

Чтобы тебѣ живѣй представить,

Какъ на себя надѣянность вредна,

Позволь мнѣ басенъкой себя ты позабавить...

По своему баснописцы правы, потому что подъ *примѣромъ, прикладомъ, притчей, параболой, доказательствомъ* разумѣютъ значенія, предшествующія болѣе новымъ теоріямъ познанія. Для нихъ, какъ и средняго человѣка вообще, доказывать значитъ наводить на мысль. Напр. путешествія полезны, потому что, путешествуя, мы видимъ новыя вещи и приобрѣтаемъ новыя познанія. „Необнаженный мечъ неможетъ оказать своей вѣрности, и перо, неисписавъ нѣсколькихъ листовъ, — своего краснорѣчія. — Небо для непрестаннаго движенія находится выше всего прочаго, а земля поэтому недвижима служитъ къ хожденію всѣмъ тварямъ. — Когда бы деревья могли переходить съ одного мѣста на другое, то они

неимѣли опасаться ни пилы, ни топора (Калила и Димна). Политич. и нравочит. басни Шильпая, пер. Волк. 1762, 21.

Въ другомъ смыслѣ понимается примѣръ и доказательство въ точныхъ знаніяхъ.

Совершеннѣйшій образецъ научнаго обобщенія есть ариѳметическій итогъ, получаемый изъ сложенія единицъ. Научное доказательство есть непременно доказательство общаго положенія. Какъ повѣрка итога состоитъ въ дѣйствіи обратномъ тому, коимъ онъ полученъ; такъ вообще научное доказательство есть разложеніе общаго положенія на частности, изъ которыхъ оно состоитъ. Повторяя трижды обобщеніе 7, получимъ 21 ($7+7+7=21$ или $3 \times 7=21$). Доказательствомъ вѣрности 21, какъ результата этихъ дѣйствій, служатъ $\frac{21}{3}=7$ и $\frac{21}{7}=3$.

Такимъ же образомъ доказательство равенства треугольниковъ, въ коихъ одна сторона съ прилежащими въ ней углами равны, можетъ состоять лишь въ разложеніи положенія. Въ понятіи равенства угловъ A и a , B и b заключено то, что стороны ихъ при наложеніи покрываютъ другъ друга. Въ понятіи прямой линіи, уже заключенномъ въ понятіи треугольникѣ, находится то, что пересѣченіе ихъ можетъ послѣдовать лишь въ одной точкѣ. Такимъ образомъ точки пересѣченія сторонъ AB , BB , av , bv , B и v совпадутъ.

Совершенное доказательство, т. е. разложеніе общаго положенія (суммы) безъ остатка, *можетъ* имѣть мѣсто только въ той области знаній, въ которой единица идеальна и равенство слагаемыхъ единицъ безусловно. Такова математика въ предѣлахъ конечныхъ величинъ и логика настолько, насколько она есть обобщеніе математическихъ приемовъ мышленія. Во всѣхъ другихъ областяхъ знанія доказательство имѣетъ тотъ же характеръ, при меньшей точности.

Всѣ люди смертны, т. е. были и будутъ. Отдѣльные случаи дѣлаютъ это положеніе въ высокой степени вѣроятнымъ. Но понятіе „всѣ люди“ неразложимо безъ остатка. Прошедшее и будущее намъ неизвѣстно. Было бы убѣдительнѣе доказывать необхо-

димось смерти не отдѣльными случаями, а разложеніемъ понятія *человѣкъ*, какъ органическое живое, и доказательствомъ, что въ понятіи органической жизни заключена необходимость смерти; но и здѣсь точность встрѣчаетъ препятствія: что такое жизнь? смерть? Во всякомъ случаѣ—нѣчто менѣе опредѣленное, чѣмъ $3 \times 7 = 21$.

Точность доказательства уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается неопредѣленность числа слагаемыхъ и неравенство ихъ между собою. Неравенство людей по отношенію къ смерти можно безъ большой ошибки счесть равнымъ нулю; но разница между ними будетъ огромна по отношенію къ опредѣленному сроку жизни, напримѣръ 120 годамъ. („Число лѣтъ челоуѣка много если 100 лѣтъ, Кп. Прем. I. с. Сирах. 18,8). Поэтому болѣе менѣе точное доказательство нравственнаго правила въ родѣ „съ сильнымъ неборись, съ богатымъ нетяжись“ возможно лишь послѣ опредѣленія, что мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ подъ слабымъ, бѣднымъ и подъ богатымъ, сильнымъ.

Научный примѣръ отличается отъ научнаго доказательства, лишь какъ часть отъ цѣлаго, состоящаго изъ такихъ же частей. Совершенное обобщеніе (=законъ) и состоитъ именно въ томъ, что для полученія его изъ отдѣльныхъ случаевъ берутся только равныя доли. Поэтому для *поясненія обобщенія безразлично, какой примѣръ ни взять*; напр. можно взять любой треугольникъ для поясненія равенства угловъ 2 прямымъ; любую птицу—въ примѣръ того, что подъ птицей мы разумѣемъ животное, обладающее симметрическимъ строеніемъ тѣла. Безразличіе примѣра увеличивается по мѣрѣ увеличенія несовершенства обобщенія. Напр. по отношенію къ обобщенію „всякое нынѣшнее русское слово, кончающееся на согласный звукъ, потеряло на концѣ гласный“ иные примѣры могутъ вызвать сомнѣніе въ его правильности, возбуждая вопросы: возникли ли иныя русскія слова уже въ то время, когда законъ гласности окончаній уже недѣйствовалъ? не заимствованы ли въ это время иныя изъ русскихъ словъ изъ другихъ языковъ, въ которыхъ небыло закона гласности окончаній?

Мы говоримъ: такое-то положеніе подтверждается фактами. Въ этомъ случаѣ подъ фактомъ разумѣемъ то, что выше названо примѣромъ, такъ что мы можемъ повторить сказанное о примѣрѣ другими словами: *обобщеніе* (или, перенося вовнѣ, *законъ*), *одинаково выражается во всѣхъ фактахъ, послужившихъ для его построенія*. Еще иначе: *фактъ* въ этомъ смыслѣ возникаетъ *одновременно со своимъ обобщеніемъ или закономъ*. Причина, по которой мы считаемъ такой фактъ (напр., равенство угловъ 2-мъ прямымъ въ треугольникѣ А) за единицу, заключается въ томъ, что онъ обособленъ отъ другихъ такихъ же признаками, невошедшими въ обобщеніе, (напр., въ данномъ примѣрѣ величина угловъ и сторонъ). Сдѣленіе признаковъ, частью вошедшихъ въ обобщеніе, частью невошедшихъ въ него, можемъ назвать, въ отличіе отъ вышеупомянутаго факта—примѣра, *конкретнымъ фактомъ*. Чѣмъ больше его конкретность, тѣмъ въ большее число обобщеній могутъ входить составляющіе его признаки. Понимая фактъ въ этомъ смыслѣ, мы можемъ сказать, что *обобщеніе, законъ постояненъ, неподвиженъ, а факты измѣнчивы*.

И такъ, въ какомъ смыслѣ басня можетъ служить доказательствомъ общаго положенія?

„Эта басня учитъ, мой сынъ, быть кроткимъ. Увѣщаніе дѣйствуетъ лучше силы“ (Бабр. 18, Гребенка, XVI). Чтобы доказать это по правиламъ арифметической повѣрки ($3 \times 7 = 21$ п. ч. $\frac{21}{3} = 7$), хотя и приблизительно, нужно бы показать значительное число случаевъ изъ (непремѣнно) человѣческой жизни, которые подтверждаютъ это правило. Въмѣсто этого Бабрій приводитъ рассказъ: „Солнце и Борей заспорили, кто изъ нихъ сниметъ плащъ съ человѣка, шедшаго по полю. Борей думалъ взять силой, но чѣмъ сильнѣе онъ дулъ и чѣмъ холоднѣе становилось человѣку, тѣмъ болѣе онъ закутывался, пока наконецъ непришелъ въ затишь за скалою. Тогда выглянуло солнце, пригрѣло. Человѣку стало жарко, и онъ скинулъ плащъ. Борей призналъ себя побѣжденнымъ. (Противоположное этому: басня Кира; Коть и Поваръ, Крылова).

Дерево и клинья, Вавг. 38: Дровосѣкъ, чтобъ срубить сосну и чтобъ облегчить себѣ работу, сталъ колоть её, засадивши въ расщепъ деревянные клинья. Сосна простонала: „жаловаться ли мнѣ на топоръ (жельзо), когда мои собственныя дѣти, деревянные клинья, разрываютъ меня, проникая въ мое сердце?“ Басня должна показать намъ, что чужіе немогутъ намъ сдѣлать столько зла, какъ близкіе.

Дубъ и трость, ib. 36. Буря вырвала съ корнями огромный дубъ и съ горы сбросила его въ рѣку, по плоскимъ берегамъ которой росъ тростникъ. И сталъ дубъ дивиться, что буря, вырвавши его, невырвала тонкаго камыша. А камышъ и говорить: „недивись: ты спорилъ съ бурей и побѣжденъ, а мы гнемся и отъ легкаго вѣтерка“. Эта басня учитъ: съ сильнымъ лучше не спорить, а покориться. (Противоположное: Куликъ и море—въ Панчатантра, ср. Экклезіастъ IX, 13—6).

1. Уже выше было показано, что басня неможетъ быть доказательствомъ отвлеченнаго положенія потому, что она служитъ средоточіемъ многихъ отвлеченныхъ положеній, что каждый разъ она доказываетъ гораздо больше, чѣмъ требуется. Согласно со сказаннымъ о двухъ значеніяхъ факта, рассказъ ея есть фактъ не отвлеченный, а конкретный. Отсюда неравенство ея съ другими, почему она неможетъ быть примѣромъ.

2. Рассказъ басни есть фактъ неоднородный съ фактами, лежащими въ основѣ обобщенія, т. е. этотъ рассказъ есть такое же *иносказаніе* по отношенію къ обобщенію, какъ и по отношенію къ частному случаю, къ которому примѣняется басня. Т. е. правильное обобщеніе этого иносказанія, если бы оно было возможно никакъ немогло бы дать въ результатъ общаго положенія, доказательствомъ коего яко-бы служить басня.

Какая же связь между правоученіемъ и басней? Непосредственной нѣтъ, но иносказательный рассказъ басни служитъ средоточіемъ многихъ частныхъ случаевъ, къ коимъ примѣняется. Примѣненіе съ одной и той же точки устанавливаетъ равенство между этими случаями и возводитъ ихъ къ отвлеченію. Такимъ образомъ

разсказъ басни по дѣйствию его можно сравнить съ магнитомъ, который группируетъ желѣзныя опилки.

Происхождение басни.

Nunc, fabularum cur sit inventum genus,
Brevi docebo. Servitus obnoxia (боязливая)
Quia quae volebat non audebat dicere
Affectus (скорбь) proprios in fabellas transtulit
Calumniamque (обвинение въ клеветѣ) fictis elusit
(уклониться, увертываться, отъ удара) josis.
Phaedri, Fab. III, Ad Eutychem, 33 сл.

Далѣе: Illius (Aesopi) porro ego semita (v. semitam) feci viam
(пошелъ по его тропѣ, v. стезю превратилъ въ дорогу)
Et cogitavi plura, quam reliquerat.
In calamitatem (на в. бѣду) deligens quaedam meam.
Quod si accusator alius Sejano foret,
Si testis alius, judex alius denique,
Dignum faterer esse me tantis malis.

Nec his dolorem delinirem remediis, ib. 34—44.

(Еслибъ былъ другой судья. чѣмъ Сеянъ, любимецъ Тиберія, или по другому толкованію: „еслибъ... у Сеяна былъ другой судья, чѣмъ Тиберій, который его низвергъ). Во всякомъ случаѣ одинъ изъ поводовъ къ иносказанію — подцензурность. Между прочимъ и самъ подцензурный баснописецъ изображенъ въ 1-ой баснѣ I-ой книги Федра: „Волкъ и ягненокъ“ съ поясненіемъ:

Haec propter illos scripta est homines fabula, Qui fictis causis innocentes opprimunt. (Съ нагойной правдой въ люди некажись, Даль, Пос. 193). „Nuda veritas“ не мила знатнымъ, она заимствуетъ для представленія имъ одежду у Вымысла. (Басня Измайлова „Происхождение и польза басни“, Сочин. изд. Смирдина, I, 3). Такая одежда нравоученія могла быть въ самомъ дѣлѣ необходима передъ скорымъ на руку властнымъ деспотомъ (Benfey, Ranschatantra, I, XVI).

Но: а) басня появляется и тамъ, гдѣ нѣтъ страха наказанія, гдѣ — цѣли теоретическія, которыя помогутъ вызвать ни въ комъ раздраженія;

б) басня есть средство познанія, обобщенія, нравоученія и, какъ средство, предшествуетъ общей истинѣ, которая при томъ не всегда горька.

в) басня принадлежитъ къ обширному роду иносказаній— поэтическихъ произведеній. Поэтому подцензурность можетъ только портить иносказаніе, замедлять и ослаблять его дѣйствіе, а не создавать его.

Въ чемъ состоитъ пользованіе готовою баснею (пословицею)? Примѣненная къ дѣйствительному случаю, она дѣйствуетъ мгновенно или вовсе не дѣйствуетъ. Когда дана въ отвлеченномъ видѣ, то требуетъ, чтобы слушатель и читатель изъ своихъ воспоминаній напелъ извѣстное число *возможныхъ* примѣненій. Это требуетъ времени. Отсюда совѣтъ Тургенева читать его стихотворенія по одному, по два. Отсюда ошибка тѣхъ, которые безъ спеціальной научной цѣли читаютъ сборники пословицъ и т. п. быстро, подрядъ (ср. осмотръ картинныхъ галерей).

Евангельскія аллегоріи. Вопросъ „должно ли дѣлать?“ въ частномъ случаѣ вызываетъ отвѣтъ метафорическій, въ видѣ общаго положенія:

Фарисеи сказали ученикамъ его: „почему (т. е. по какому побужденію, стало быть, для какой цѣли) учитель вашъ ѣсть съ мытарями и грѣшниками? Иисусъ же, услышавъ это, сказалъ: „не здоровымъ нужно врачи, а больнымъ“. Матѳ. 9, 11—12. Примѣняя это общее къ частному, получимъ: Иисусъ—врачъ, грѣшники—больные, но этимъ еще не опредѣленъ способъ исцѣленія, а потому слѣдуетъ разъясненіе: „Пойдите, научитесь, что значитъ „милости хочу, а не жертвы“ (Осіа 6, 6); ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (*εις μετανοιαν*, къ перемѣнѣ образа мыслей).

— Приходятъ къ нему ученики Іоанновы и говорятъ: „почему мы и фарисеи постимся много, а твои ученики не постятся? Матѳ. 9, 14. (Слѣд. должно ли ученикамъ Христа поститься?).

На это—два отвѣта: а) могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго (*οἱ υἱοὶ τοῦ θυμῆρονος*), пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ постыться, Матѣ. 9, 15 = не время; = одинъ тому часъ, що батько въ плахті; б) И (= при томъ же) никто заплаты изъ новой ткани непришиваетъ въ старой одеждѣ, ибо заплата отдеретъ (и) отъ стараго, и выйдетъ еще худшая дыра.

И не вливають молодого вина въ старые бурдюки, а нето прорываются бурдюки, и вино вытекаетъ, а бурдюки пропадаютъ; а новое вино вливають въ новые бурдюки, и то и другое сберегается, Матѣ. 9, 16—7 = новое ученіе несомвѣстимо со старымъ взглядомъ на значеніе поста.

— Предвидя, что Иисусъ исцѣлитъ сухорукаго въ субботу, лукаво спрашиваютъ:

„Можно ли исцѣлять въ субботы? Онъ же сказалъ имъ: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, невозьметъ ея и невытащитъ? (= всякій это сдѣлаетъ). Матѣ. 12, 10—11. (Изъ однородности этихъ случаевъ уже вытекаетъ отвѣтъ: „слѣдуетъ“; но къ этому присоединяется приемъ, называемый *ἐπιδιόρθωσις*, *correctio* (Zima, 152) = говорящій беретъ назадъ сказанное, чтобы поставить на его мѣсто болѣе сильное; формула „но что я говорю? Это не то, а то“): Насколько же человекъ лучше овцы? И такъ можно въ субботы дѣлать добро, Матѣ. 12, 12.

„Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человека, но то, что выходитъ изъ устъ“.

Тогда ученики сказали ему: знаешь ли, что фарисеи, услышавъ слово сіе, соблазнились? Матѣ. 15, 11—2. (т. е. слѣдуетъ ли руководиться мнѣніемъ фарисеевъ?). Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: „всякое растеніе, которое не отецъ мой небесный посадилъ, искореняется“. Матѣ. 12, 13.

Оставьте ихъ: они слѣпые вожаки слѣпцовъ, а если слѣпецъ ведетъ слѣпца, то оба упадутъ въ яму. Матѣ. 15, 14 (= т. е. каждый разъ, всегда).

— Хананеянка, у которой дочь была блѣсноватая, кланялась ему, и говорила: „Господи, помоги мнѣ!“ (*Слѣдуетъ ли иначе?*) Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ, Матѣ. 15, 23, 25—6 (дай прежде насытиться дѣтямъ, Маркъ, 7, 27); „я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, Матѣ. 15, 24). — Она сказала: такъ, Господи, но и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ ихъ, Матѣ. 15, 27. (псы подъ столомъ ѣдятъ крохи у дѣтей, Маркъ, 7, 23).

— Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ. (*Какъ быть?*)—Если рука твоя или нога твоя соблазняютъ тебя, отсѣки ихъ и брось отъ себя; лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногами быть ввержену въ огонь вѣчный. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геену огненную, Матѣ. 18, 7—9; образы напоминаютъ сказку о Лихѣ одноглазомъ, Ае. III, № 14).

— Непрезирайте ни одного изъ малыхъ сихъ (=дѣтей, ср. Матѣ. 28, 1—6) Какъ вамъ кажется? *Если* бы у кого было 100 овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась, то не оставитъ ли 99 въ горахъ и не пойдетъ ли исвать заблудшейся? И если случится (найти ее, то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о 99-ти незаблудившихся.

Такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ. Матѣ. 18, 10—4.

— Слѣдуетъ ли поступать по дѣламъ книжниковъ и фарисеевъ?... По дѣламъ ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ. Связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами нехотятъ и пальцемъ двинуть ихъ, Матѣ. 23, 3—4.

— Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря, Матѣ. 9, 36. (Что дѣлать? Оставаясь при томъ же образѣ, въ смыслѣ ib.

37—8, можно бы ожидать отвѣта: нужно просить владѣльца стада, чтобы онъ выслалъ пастуховъ. Но образъ измѣняется.)

Жатвы много, а рабочихъ мало. И такъ просите господина жатвы, чтобы выслалъ рабочихъ на жатву свою.

Эти образныя всеобщія (утвердительныя или условныя гипотетическія) сужденія легко превращаются въ басни, т. е. въ повѣствованія о конкретныхъ случаяхъ, повѣствованія, изъ которыхъ они и возникли, напр. Матѳ. 15, 25—6:

Бѣднякъ несъ хлѣбъ своимъ дѣтямъ. У воротъ встрѣтили его собаки и стали къ нему ластиться. А онъ ихъ и говоритъ: „какъ ни жалъ, а нельзя же мнѣ накормить васъ, и оставить олодныхъ дѣтей?“ Понесъ хлѣбъ въ избу, посадилъ дѣтей за столъ и далъ имъ хлѣбъ. Дѣти стали ѣсть, крохи падали подъ столъ, а собаки ихъ подбирали.

Сюда—*пословицы*, въ которыхъ рассказъ басни (не заключительное изрѣченіе только) передаетъ въ видѣ обобщенія: До поры и ведра по воду. До поры жбанъ воду носитьъ. Пуганая ворона и куста боится. Кошку бьютъ, а невѣсткѣ замѣтку даютъ. Сердитая собака волку корысть. ¹⁾

П О С Л О В И Ц А.

Переходъ басни въ пословицу. При обычномъ (первоначальномъ) изложеніи басни тонъ повышается къ концу, и сила рѣчи падаетъ на конечное изреченіе. Такой ходъ и долженъ быть удер-

¹⁾ Басни въ видѣ ибси; (ср. Стрекоза и муравей):

Грлица је просо брала
И набрала три амбара.
К њој долази вијоглава:
Дај ми, грло, једно зерно!
— Недам, богме, ни једнога!
Бијаш (s.) брати, неспавати.
Ја сам брала, и јесам спала.
Куд су кола шкрипутали,
Туд је грла скакутала:
Неће зрно, нећ) влат
У том грли пуи је врат, Н. Богов. С. н. п. I, 168.

жанъ при продолжительности разказа и при его совершенной неизвѣстности слушателю. Но при повтореніи возможенъ обратный порядокъ.

„Хотя де и рано, а знать почевать“, сказала лиса, попавши въ капканъ (въ яму).— „Чѣмъ мясу ревѣть, анъ дерево скрипитъ“, сказалъ погонщикъ, разсердившись, что волю тянутъ тяжелый возъ молча, а возъ скрипитъ“ *Vabgius*, 52. (Ср. худое колесо пуще скрипитъ, Даль 257).

„Ако коза лаже, рог нелаже“, (сказалъ хозяинъ въ отвѣтъ на оправданіе пастуха, который швырнулъ въ возу камнемъ и сломалъ ей рогъ, Карадж. Посл. ¹⁾)

Personam tragicam forte vulpes viderat:

O quanta species, inquit, cerebrum non habet, Phaedri I, 7.

„Мы пахали!“ — „Ори, мели, іжы!“ и пр.

— Арабъ, въюча верблюда, спрашиваетъ: „лучше ли тебѣ на гору или подъ гору?“—А развѣ ровная дорога уже залегла?, *Vabr.* 8.

— „Кисельъ виноградъ“, зубы терпнуть, „еще не пора“, — сказала лисица, когда немогла достать слѣлой кисти, *Vabr.* 19, *Кар. П.* 133.

„*Вала нам* је све једно, немамо никаква посла ни вод куће, казали пси болесном коњу, кад су они чекали више њега, док липше, а он им говорио, да иду кући, јер он неће липсати“, *Кар. Посл.* 31.

„Валъа да је нестало воде или дрва“, казао магарац, кад су га позвали на свадбу“ = „Случается, богатый у бѣднаго поступится. Подумаешь, денегъ даетъ, анъ его молотить зоветь“.

„Зна Бог, чије масло у кандилу гори“ (сказалъ примѣрно, человекъ, узнавши въ церкви лампадку, которую у него украли).

„Знаду пси за миръ?“ сказала убѣгая лисица. Она уговорила вуръ сойти съ сѣдала, потому что объявленъ миръ между всѣми животными, а пѣтухъ добавилъ: „вотъ наши собаки бѣгутъ съ такими вѣстями. *Кар.* 93.

¹⁾ Пословицы изъ пѣсень о Маркѣ Кралевичѣ и пр., *Буслаевъ, Очерки I*, 38 сл.

„Ко је мој, близу рупе стој“, казао стари миш осталим мишима, кад су се с мачком мирили, Бар. 141.

„Не гризеш ти мене уши, веће онај што се вије изнад мене“, казао зец жаби, кад му је гризла уши, а он од орла није смио да се макне.

„До пору у норы, а въ пору такъ въ нору“, (сказала мышъ на вопросъ, какъ она поживаетъ).

„Держалась кобыла за оглобли, да упала“ (отвѣтъ на ободреніе: держись), Даль, 39.

„Не к Різду иде, а к Великодню“ (сказалъ цыганъ...); „кому своромно, а намъ на здоровье“ (Даль, 150). „Оскоромишься, вотъ Евстафій!—Не оскоромлюсь, мышъ Настасья! — „Буде хочешъ въ рай, передайся къ намъ“, Дал, 168.

— Приѣмъ Самуэля Уэллера (Записки Пиквикскаго клуба):

„Если судьба, такъ сказать, поставила васъ на общественную стезю, выдвинула на публичную дорогу, такъ ужъ тутъ на каждомъ шагу окружены вы такими соблазнами, о которыхъ и понятія неимѣетъ несвѣтскій человѣкъ“, сказалъ аристократическій лакей. — Вотъ этакъ бывало точъ въ точъ, говаривалъ мой старый дядя, когда началъ таскаться по трактирамъ.

— Не прикажете ли, почтеннѣйшій, почистить немного вашъ фракъ? Я позову слугу. — Благодарю за ласку, любезнѣйшій, возразилъ Самуэль. Если мы станемъ себя чистить, небезпокою слугу, то это всѣмъ доставитъ удовольствіе, какъ выразился однажды школьный учитель, когда молодые джентльмены неизъявили желанія быть высѣченными слугою“.

Эта форма знакома и нѣмецкому простонародію: „Aller Anfang ist schwer, sprach der Dieb und stahl zuerst einen Amboss“. — „So leb der den wohl!“ säd de Pastor tauh'n (zu einem) Def, de schull hängt warden (Simrock, Sprichw., у Geiger, II, 77).

(Пословица или поговорочное выраженіе приписывается лицу, въ устахъ котораго, для него самого, или только для посторонняго, это выраженіе имѣетъ ироническій смыслъ. По Герберу это

παράβολή, которую Аристотель называет *μεταφορά ἀπ' εἶδους ἐπ' εἶδος*, т. е. метонимія).

Самуэль Уэллеръ—22-й нумеръ спрашиваетъ сапоги.— Скажите вы ему, сорока вы моя, что на все бываетъ свой чередъ, какъ говаривалъ одинъ ученый, собираясь ити въ кабакъ.—

— Я пособилъ вамъ изловить этого каналью. Распробестія, серъ, провалъ его побери! Въ одно ухо влѣзеть, въ другое вылѣзеть, какъ говаривала моя тетка, когда сверчокъ забился ей въ ухо.—

— Стало быть, теперь можно повести рѣчь насчетъ того дѣла...—Ведите, серъ, готовъ слушать васъ, серъ, какъ говорилъ одинъ ученикъ своему учителю, когда тотъ съѣздилъ его линейкой по головѣ.

Вотъ это, сударь мой, значить дѣйствовать по правилу или по принципу, какъ говаривалъ одинъ заимодавецъ, когда бывало просили его возобновить отсрочку платежа.

Дальнѣйшій ходъ: опускается рассказъ, остается только изреченіе.

Другой приемъ — содержаніе басни становится пословицей:

Ругался котель горшку! Кобыла съ волкомъ тягалась... Фомка (воръ) и на долото рыбу удить, Д. 150. Ругала се сова сѣници: „иди кучко главата, Кар. П. 272. Куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней (= жаба, Кар. П. 34). Даль, 170. Безъ перевасла и вѣникъ рассыпался, Д. 249. Сама (мышь) залѣзла въ кувшинъ и кричить: „пусти!, Д. 211. Собака на сѣнѣ лежитъ, сама неѣстъ и другимъ недаетъ. — Бодливой коровѣ Богъ рогъ недаетъ.

Содержаніе басни можетъ быть передано въ пословицѣ не какъ конкретный случай (повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. — Бив циган матір, щобъ жінка бо-ялась); въ пословицѣ остается не сокращеніе самаго образа, заключеннаго въ баснѣ, а выводъ, обобщеніе, житейское правило, добытое *при помощи этого образа* или при помощи второго образа въ двойной баснѣ. Такимъ же образомъ сжимаются въ по-

словницу и другіе рассказы, не басни въ тѣсномъ смыслѣ слова (сказки, комедіи, романы). Непремѣнный признакъ этого случая тотъ, что въ обобщеніи остается слѣдъ образа. Въ противномъ случаѣ получается другой видъ поговорицы, безобразное прозаическое изреченіе нравственнаго содержанія, связь коего съ извѣстнымъ образомъ неможетъ быть доказана. („На худо — дурака станеть“, береги денежку и проч.). Напр. на Бога надѣйся, а самъ не плошай. — „*Богу молись, а къ берегу гробишь*“, Д. 6. = Богу се моли, а к бригежу гроби, Кар. „Махни и ти рукама махни“, казао св. Никола чѣку, воји је био пао у воду, па само викао: „помози свети Никола!“ а није гледао да плива или от воде да се отима. Кар. 176. = Вавг. 20: воловій возъ застрялъ въ грязи. Мужикъ сталъ звать на помощь Геракла. Гераклъ явился и сказалъ: берись за спицы (поворачивай колеса), воли (остомъ) воловъ. Потрудись, а тамъ ужъ молись богамъ. Не то, и молитва не въ прокъ“.

— Что отвлеченное, прозаическое въ общемъ (поэтическое лишь въ словесныхъ элементахъ) „счастье дороже ума (богатства)“ (Д. 42), произошло при помощи поэтическаго образа, это вѣроятно; но что таково происхожденіе „счастье дороже (лучше) богатства“ (Д. ib.), это достоверно. Ср. Ае. Сказ. II, № 6; V, № 11; VI, № 13, про дурня или про Оому Беренникова.

Способность поэтическаго произведенія сжиматься ли въ поговорицы или выдѣлять ихъ изъ себя условлена не одною степенью ихъ художественности. По замѣчанію Буслаева, Грибоѣдовъ и Крыловъ дали обществу нѣсколько поговорицъ; между тѣмъ какъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія лучшій нашъ поэтъ, ни одной (Оч. I, 136).

Рядомъ съ поговорицей изъ большого поэтическаго произведенія, сжатого до одного-двухъ предложеній, во всякомъ случаѣ, до одной синтактической единицы (максимумъ — періода) стоятъ поговорицы, болѣе-менѣе непосредственно коренящіяся въ наблюденіи, возникающія изъ прозаически выраженнаго частнаго случая или обобщенія:

„Сухая ложка ротъ дереть“; „безъ поджога дрова негорятъ; Тедна палица ни пред царем негори, Кар. 112; неподмазанное колесо скрипитъ; кто чесноку поѣлъ, самъ скажется (ср. на ворѣ шапка горитъ); снѣгу нѣту, слѣду нѣту, Д. (=непада снѣг да помори свиѣт, веѣ да свака звѣрка своѣ траг покаже=није дошло вриѣеме да погинемо, него да видимо, ко је ваков, Кар. 207). Не выносить сору изъ избы, Даль, Посл.

Какимъ образомъ простое (прозаическое) житейское правило или наблюдение обращается въ пословицу? *Пословица—сравнение*. Важное значение здѣсь имѣетъ ассоціация представленій такихъ, какъ напр. шумъ—рѣчь, шумъ—пѣна—соръ, щепка, щепень и пр. (См. О связи нѣкоторыхъ представленій въ языѣ. Воронежъ, 1864. Отд. отд. Фил. зап.).

Прямое значение изреченія при превращеніи его въ пословицу становится образомъ. Образъ соединяетъ между собою частные случаи, къ коимъ примѣняется, даетъ возможность обобщенія; замѣняетъ собою эти случаи ¹⁾.

Поговорка относится къ *пословицѣ*, какъ поэтическая эмблема (см. выше) къ баснѣ. Пословица, какъ и басня, служитъ отвѣтомъ на вопросъ, возбуждаемый житейскимъ случаемъ, расчлененнымъ на одно или нѣсколько дѣйствующихъ лицъ съ ихъ качествами, одно или нѣсколько дѣйствій съ ихъ признаками и условіями. Поговорка, какъ эмблема, есть образъ не этого сѣбленія лицъ и дѣйствій а отдѣльно взятаго лица, качества, дѣйствія. Она есть элементъ пословицы, частью происшедшій изъ нея (остатокъ, продуктъ сгущенія), частью недоразвившійся до нея. Напр., „свинья подъ дубомъ“, „собака на снѣгѣ“, волчій ротъ—лисій

¹⁾ Къ этимологій „слово, пословица“: 1478. И быше въ нихъ (новгородцевъ) *не-пословица* и многа брани, мнози бо велможи и болре перевѣтъ имѣаху книзу великому и того ради невольна въ единомыслии быти, и всташа чернь на болръ, а болре на чернь, Пск. II, II. С. V, 38. Того же лѣта (1367) по грѣхамъ нашимъ не бѣша *пословици* Псковичемъ съ Новгородци, Нов. I, 88. *Служь и слово*: лит. *giv-dėi*, слышать, *givus, aus слава*, хвала; мар. Кролевецкаго у. Черн. губ.: „у молодикахъ вун и геть такі любив скленного бога, а пуд старость *смиге* и въ рот небрав... горляки вже *смиге* неаживав, Рудченко, Сказки, I, 74, 77. Многи труды и подвиги подѣлахъ отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ *пословицъ*, перевода на русскую рѣчь, Макар. въ предисл. къ Минеемъ.

хвость, „похилеє дерево“ (ср. на похилеє дерево и кови скачуть), волкъ въ овчарнѣ; мѣдной посуды — крестъ да пуговица и пр. = бѣденъ, Даль, 63—4 (ср. глупъ, пьянъ и пр. *ib.*); „тянуть лямку“ (тереть лямку = лямка—ремень *v.* тесьма черезъ плечо для тяги) сравнительно съ „тяни лямку, пока невывопають лямку“, Даль 223; „снимать пѣнки“ (онъ и съ дерьма пѣнки снимаетъ; у Щедрина — газета пѣнкоснимательница; *Sie reitschen den Quark, ob nicht etwa Creme daraus werden wolle, Göthe, Sprüche.*); „везеть“ (счастье везеть дураку, Д. 39); „убилъ бобра!“ (не убить бобра, ненажить (не видать) добра, Д. 26); сказать, сдѣлать „какъ съ печи“ (какъ дурень съ печи); *съ дуба* (наше *авось* не съ дубу сорвалось); съ дуру, какъ съ дубу; ни тпру, ни ну; прийти, стать въ тупикъ; (это нашему брату) на руку, по-нутру; слѣдъ простылъ, поминай какъ звали.

Черезъ поговорку доходимъ до слова, какъ поэтического произведенія.

Приголубить: (1178, Мстиславъ Романовичъ) приложися къ отцемъ своимъ и дѣдомъ своимъ, отдавъ общій долгъ, его же несть убѣжати всякому роженому. Нѣбѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его нехотяшеть ни любяшеть; (по) всегда бо тосняшеться на великая дѣла; но преставися унъ... И плакашеться по немъ вся земля. Русская, неможе забыти доблести его; и чернїи клобуци вси немогутъ забыти приголубления его“, Ипат. 414. Ср. *голубой, сорочить, згокату, вороной, проворонить*; млр. *líva, ластовиння; осовѣтъ, тѣтушитъся, разсобачитъся, нажомутатъ* на кого.

Мать и мачиха — *tussilago farfara*, (О нѣвот. символ. 34); *Братки*, братъ и сестра, Иванъ да Марья, полуцвѣтъ, *viola tricolor*. Вѣр. *дрема, lychnis flos cuculi, lychnis viscaria*, млр. смѣлка, (Къ ист. звук. III, 34). *Сонъ, pulsatilla patens, puls. pratensis* (= млр. прострѣлъ). *Люби мене не покинь* — *lathyrus silvestris*. *Забудьки*—*arthemisia vulgaris*, Зап. югозап. отд. 112 (чернобилъ). *Carduus nutans*, чертополохъ; *hypericum perforatum*, звѣробой. (О купальскихъ огняхъ, 15). *Человичий вік, hemerocallis fulva*. *Нечуй вітер*, *hieracium filorella* = низкѣ, нечує вітру, цвѣте при самій

земли, Зап. югозвн. отд. 124. *Переступень*, нечіпай-зілля, *bigonia alba*; *перекоти-поле*, *gipsophila paniculata*; *материнка*, *oryganum vulgare*. = *Вовнянка*, *agaricus pectator*, лит. *wilnytis*, лот. *wilnis*.

Этимологически неясны названія растений:

Грибъ, лит. *grybas* (жм. *grėbas*), *gribti* — хватать, брать; производ. *graibyti*, *grybteriti* (ср. грибы *брать*). *Груздь*, *agaricus ripperatus* (горьковатъ, а лит. *gruzdu*, *ėti*, лот. *gruzdu*, *ėt*, *schwellen*, *ohne flamme brennen*, лит. *gruzdumi*, *вышкварка* (сальная).

Девясиль, млар., влр. *девесиль*, *inula helenium* (у Даля также — *девесиль бѣлый*, *carlina vulgaris* (млар. *одхасникъ*); *одхасникъ-valeriana officinalis*; „од пропасниці корінь, носить на шиї“, од порухи корінь, пьють у горильці; поль. *dziewiosil*, *dziewiesil*, *chamaeleon*, *ebergwurz*; (*dziewięsil* у Кохановскаго и др. пис. XVI—XVII в. *великанъ*, *гигантъ*); серб. *девесиль*, м. *девесиље* ср. некакви травы, од које кажу да стока у пролеће точи крвьу; Лит. *debesyłas*, м. *ai*, *alant*, *schwarzwurz*, *symfhytum officinale* (по др. *alant*, *inula helenium*; Лит. *dewin-wiru-spėks*, *verbascum thapsus* (=поль. *dziewanna* „dla dziwnej mocy tak zwano“; чеш. *diwizna*, млар. *дивина*; млар. *горицвіт* серб. *гѳроцвијет*, *adonis vernalis*).

Щиръ, — *ещь*, *иця*, *ій*, *amaranthus blitum*, а. *paniculatus*, а. *retroflexus*), а. *caudatus* — красный; серб. *штир*. *Гадючий просурень*, *bulbocodium ruthenicum*, *просуринка*, *просурень*, *просерень* (*дристокозъ*), *сиротень*, *crocus reticulatus*. *Папороть*; *буркунъ* (*melilotus officinalis*). *Пазубникъ* (Ворон. бес. 1761, 238) *fragaria vesca*, ср. *паземки* (Курск. губ.) *roziomki*, млар. *суница* (полунница — *frag. collina*, *клубника*). *Скорода*, *allium roseum* „ядимъ вмѣсто луку“ (Ворон. бес. 1861, 247): *Скард*, *Fłck I*, 205, *охордов*, *охородов*, *чеснокъ*; млар. *скорѳда*, *лісове зілля*, *saxeg digitata*.

Чертополохъ, *eryngium planum* — „отъ шутовъ“: отъ нечистаго, когда овладѣтъ челоуѣкомъ, владуть въ углы избы или подъ подушку“. Ворон. г. (Ворон. бес. 1861, 238). млар. *бодякъ*, *ріпяхъ* (= *carduus nutans*).

Млр. *ves*, м. ювр. вѣх, у Даля *vesa*, *vesa cicuta virosa*, крикунъ (О купал. огняхъ, 16). Ср. Fick, сскр. виша, м. сокъ, ядъ).

Субъективныя средства изобразительности.

Изобразительность достигается или качественно, указаніемъ признака вещи в. дѣйствія, или указательно, опредѣленіемъ отношенія говорящаго къ предмету рѣчи. (Это дѣленіе соотвѣтствуетъ дѣленію состава словъ на элементы качественные и указательные). Последнее субъективно въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Опредѣленность отношенія говорящаго къ предмету рѣчи заставляетъ и слушателя относиться къ этому предмету также. Сюда

а) Изображеніе интенсивности качества чувствомъ, которое оно пробуждаетъ. „*Чи-мало*“ = много, собств. *мало-ли*? Или вопросъ съ отрицаніемъ: чи не лён же то був, чи не врода его? Срібнеє корінначно, золотеє та насіячно, шовковий лёнъ — „Чи не сучого сина хлопець?“

Сюда случаи, отмѣченные въ сочин. о колядкахъ (Объясненія малор. и сродн. н. пѣс. т. II, 409—412):

Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,

Такъ что дивилися люди, его подходящаго вида, Од. XVII, 63

Тотъ же приемъ примѣняется къ изображенію множества, величины и всякаго интенсивнаго качества. Это качество вызываетъ чувство, которое выражается восклицаніемъ:

(У некаква Леке капетана)

Кажу чудо Росанду ѳевојку.

Іа каква је, јада недопала!...

Кој' видно вилу на планини,

Ни вила јој, брате, друга није, Кар. II, 223.

Отнесеніе таково восклицанія, превращеннаго въ эпитетъ, къ предмету, возбуждающему чувство, и къ другому, связанному съ первымъ, объясняетъ ругательные эпитеты, неоправдываемые ходомъ изложенія:

А да видим злосретне пунице!

Она носи од злата кошуљу.

(Затѣмъ описаніе удивительной сорочки. Удивленіе и извлечение восклицаніе: „зла јој среџа). Кар. II, 550.

Доведе му без биљсте вранца...

Но се пусникъ къ земљи увијаше

Од чистога и сребра и злата, ib 549.

А каква је, родила је курва!

Искићена човом веденичком,

Начичана сребром бијелијем

Испуњена златомъ жежењем

А од себе дивна и угледна

Љепша цура, но бијела вила, Кар. IV, 62.

Сюда не каждый звательный падежъ обращенія, а лишь восклицаніе, какъ средство изображенія качества. Точно также не всякій вопросъ есть фигура, какъ у Зимы, а опять таки только изображающій качество (ср. чималий, чи мало?). Къ восклицаніямъ въ упомянутомъ смыслѣ — проклятіе, благословеніе (хороша, бодай II; а бодай васъ)

б) Представленіе предмета знакомымъ, извѣстнымъ, предстоящимъ воображенію, посредствомъ мѣстоименія указательнаго *въ смыслѣ члена*. См. мое слово о П. И., 72: „а злата и сребра ни мало того потрепати“ и слѣд.:... је код нас чудан адет пост'о (тао).

Кад умире под прстен дјевојка,

Не копа се у *то* ново гребље,

Већ се баца у *то* сиње море Кар. II, 23.

Ал' га (чеда) мајка неговат' не може,

Већ му сави вѣнге и кошуље,

Па га зали у олово тешко,

Па га баца у то море сиње:

„Носи, море, са земље неправду“, Кар. II, 71.

Баца Симу у камену кулу,

А кључеве у то море сиње ib 74.

У Момчила сестра Јевросима,

Готови му то господско јело,
Прије њега јело огледује, *ib.* 106.
Одасује мукадем-појаса,
А пињале остре за појаса,
И ту бритву сабљу припасује, *ib.* 281.
Оплетоше мрежу племениту,
Бадише је у *то* сиње море, Петран. С. н. п. I, 20.
Да донесе много сухо злато,
Да саплете *ону* ситну мрежу,
Ситну мрежу од сухога злата,
Да је баци у тихо Дунаво
Да увати рибу златнокрилу.
Да јој узме *оно* десно крило,
Опет рибу у воду да пусти,
Крило да да госпођи краљици,
Нек изеде оно десно крило,
Једнак ће му трудна заходити, Кар. II, 52.
Дукат (=па) узме деба бијелога
Други дукат вина и ракије
Трећи дукат сваке ђаконије
И убаве оне јасне свеће, *ib.* 97.
(џеш) свилу прести, на свили сједити
А носити диву и кадиву.
И још *оно* све жежено злато.
А какав је Скадар на Бојани!
Кад погледаш брду изпод града,
Све порасле смокве и маслине
И још они грозни виногради, *ib.* 105.
А допаде краљу Вукацине,
Удари га *оним* бојним копљем, *ib.* 113 (о вонѣ неупо-
миналось).
Узех њега за бијелу руку
И баш ону за ногу десницу
Бацих њега у воду ситницу, *ib.* 347.

Али Марков сово јогуница,
Као што је и његов господар:
Онъ не даде утве златокриле,
Већ сокола шчепа везирева,
Па му просу *оно* сиво перје, *ib.* 427.
Иза њега болест ударила
У Жабљака у постојбину му,
Мучна болест, оне красте велье, *ib.* 528.
Пише књигу и шиље чауша
До Призрена града бијелога
До *онога* протопоп—Недељка, *ib.* 190.
Кад се жени Смедеревац ћуро,
На далеко запроси ћевојку,
У лијепу граду Дубровнику,
У *онога* краља Мијаила
По имену Јерину ћевојку, *ib.* 469.

Болг. се разигра оно (неупомянутое выше) славо море и пр.
Милад. 65. Начало пѣсни:

Јарко сунце на пут полазише.
За њим мила мајка пристојаше:
Јарко сунце! куд ћеш на конаке?
Ко ће теби вечерицу дати?
Ко ће теби ложницу стерати?
Ко ће теби рано пробудити,
Да огријеш земљу и градове
А и *оноу* млагу сиротицу,
Голу босу и неопасану? Петран. С. и. п. I, 1.

Въ млр.—поэтично употребленіе мѣстоименія въ нар. п.:

Та в неділеньку рано
Чогось теє море грало.
Тамъ Марьечка потопаала,
Къ собі батенька бажала, свад. п.

Къ тому же состоянію мысли (т. е. къ живому представле-
нію того, что еще невысказано) относится употребленіе мѣстоиме-
нія, какъ указанія не на предыдущее, а на послѣдующее:

Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму, Он. V, 4.
Покажѣсть упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья, Он. II, 39.

Въ млр. *той* и пр.—въ сравненіяхъ при *як*, *мов*, *неначе*.
Этимъ оправдывается разумность сравненія, ибо такимъ образомъ
то, съ чѣмъ вѣчто сравнивается для уясненія, оказывается само
яснымъ для говорящаго, стоящимъ передъ его мыслью: ...таке
задѣрне собі було, що до всякого так у вічи й лізе, як тая оса,
Кв.; вони гудуть, як тиї бджоли, ів. Бóльшая конкретность та-
кого представленія видна изъ сравненія его съ болѣе отвлечен-
нымъ, съ *буває*: як вода, буває, греблю прорвавши, и біжить, и
шумить, и реве и клекоче; такъ и Настуся як з ким зчепиться,
Кв. Снід.

Якъ тая оса. Въ сербскомъ указаніемъ на такое конкретное
преставленіе образа служитъ составной сравнительный союзъ
како-но (= *како-оно* — первоначальный смыслъ *оно* виденъ изъ
сходства съ имѣющимъ лишь временное значеніе млр. *як ось*,
какъ вотъ):

Одви се Мара од рода,
Како-но чела од роја;
Приви се Петру делији
Како но свила к јумаку, Кар. П. I, 34.

Кано: Вије л'му се б'јело перје око калпака,
Кано свила припредена око вретена, ів. 43.

Кан'да, что соотвѣтствуетъ гомерическому $\omega\zeta$ съ сослагатель-
нымъ, *какъ будто бы*:

Ај ђевојко, душо моја!
Што си тако једнолика
И у пасу танковита?
Кан'да с'сунцу косе плела
А мјесецу дворе мела. Кар. I, 161.

в) *Дат. поэтич.* Такую же роль, какъ мѣстоименіе указательное при существительномъ, играетъ дательный мѣстоименія личнаго при сказуемомъ. См. Малор. пѣсня по списк. XVI, в. 6—12. Съ этимъ сродно обращеніе среди повѣствованія къ слушателю:

Ал'ето ти војске на алаје:

Све коници под бојним копльима,

Пред њима је Бошко Југовићу,

На алату, вас у чистом злату,

Крстат га је барјак повлопио,

Побратиме! до коња алата... Кар. П. II, 290.

Ахъ, *братимы*, какъ я былъ доволенъ... Он. VII, 36.

г) Определеніе отношенія говорящаго къ предмету, именно *сочувствія предмету*, презрѣнія и т. п.: а) посредствомъ уменьшительныхъ — ласкательныхъ формъ, б) посредствомъ эпитетовъ (собств. аппозицій), неимѣющихъ объективной изобразительности: „на сестру, мов на наймичку, кричить и недає їй, *сердешній*, добре ні за віщо взятись, Кв.“ Шкож, Маруся? И вона, сердешна, щось змінилась... Кв. Та як се промовив, так аж трохи невпав из ослона на спину: голова ёму закрутилась, в очах потемнило и зовсімъ стуманів, бідаха, Кв.

Сви сватови коње разиграше,

Стаде играт змија Ластавицу.

Колико је њега ражљутила

У Призрену истрла калдрму

И Призрена редом покварила,

Баш се *курвић* поградити неће

За пунијех дванаест година,

Што је цару квара учињено, К. П. II, 58.

Іа би каил пред тамницу доћи,

Ал'је *пуста* синоћ затворена,

И кључеви днору однешени, ів. 98.

Он потеже сабљу од бедрице,

Ал'се *пуста* неда извадити,

Као да је за коре прирасла, ів. 110.

„Каква је, *клет*а! неможе се човјек погледати“.

На ногама гађе шаровите,

Какве су јој клете искићене! Рјечн.

Курвић = млр. скурвий син, въ смыслѣ не только осужденія, но и одобренія, удивленія, собств. подлецъ. Вызовъ на поединовъ:

...Но ако ти мајка није курва,

Ходи, доћи на вучко збориште... К. IV, 118.

Стаде Мато подагонит овце,

Но му вика Бошковић Смаиле:

„А небајсе Стојковичу Мато!

Дал' нијесмо вјеру уфатиме?“

Но *ми* Мато ријеч проговарв:

О Смаиле, родила те курва!

Лијепу смо вјеру уфатили,

Ал' је танка вјера у турака,

Ка' од вука конач у везитку“ IV, 121.

Т. о. однородно съ серб. *курвић*, влкр. подлець, шельма, о женщицѣ безъ отгѣнка осужденія. При всей видимой грубости это однородно со слѣдующимъ:

Татьяна предъ окномъ стояла;

На стекла хладныя дыша,

Задумавшись, *моя душа*,

Прелестнымъ пальчикомъ писала

На отуманенномъ стеклѣ

Завѣтный вензель *О* да *Е*, Он. III, 37.

Мр. А вже сам-здоров, Евграпе, знаєш, що лежачи не в Юрусалим заїдеш“ Гул. Артем. („здоровъ“ указываєтъ на вѣрованіе, что *самъ*, упомянутое не въ добрый часъ, можетъ быть вредно для лица).

γ) Посредствомъ вводнаго предложенія (*παρένθεσις*), если это предложеніе выражаетъ не постороннія обстоятельства дѣйствія, а чувства говорящаго.

Скочи Іован од земље на ноге

(А нема му до петнаест љетах)

И Лабуда свога извадио, Zima, Fig. 201.

д) *Апостроф*, *avergio*, въ томъ смыслѣ, что повѣствователь, какъ бы отворачиваясь отъ дѣйствія, обращается къ лицу (и предмету), о которомъ *рѣчь*, представляя его присутствующимъ, 2-мъ лицомъ (отъ этой фигуры слѣдуетъ отличать обращенія къ одушевленнымъ наличнымъ предметамъ, (Kolb. Pokucie II, 35, bis, 63, 97).

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Приюты счастливыхъ созданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искунитель роковой, Он. III, 15.

Въ сочетаніи съ олицетвореніемъ:

Увяль! Гдѣ жаркое волненье ...и шр.
...И страхъ порока и стыда
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой! Он. VI, 36.
Но ты, бордо, подобенъ другу, Он. IV, 46.

Цѣлый рядъ апострофъ представляетъ то мѣсто VII главы 1-ой ч. М. душъ, гдѣ Чичиковъ разсматриваетъ списки мертвыхъ душъ: „когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые точно были когда-то мужиками“, то какое-то странное непонятное ему самому чувство овладѣло имъ... Смотря долго

на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: „батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные, подѣлывали на вѣку своемъ, какъ перебивались?“ и т. д.

Третье мило вмѣсто второго — случай противоположный апострофѣ, но того же характера. Здѣсь собесѣдникъ принижается, приравниваясь къ вещи. Какъ явленіе язычное, это характеристично для нѣмецкаго языка — *er* пр. вм. *du*:

Such er den redlichen Gewinn,
Sei er kein schellenlauter Thor, Göthe.
Sah wieder preussisches militär,
Hat sich nicht verändert...
Sie stelzen noch immer so steif herum,
So kerzengrade geschniegelt,
Als hätten sie verschluckt den Stock,
Womit man sie einst geprügelt.
Ia ganz verschwand die Fuchtel nie:
Sie tragen sie jetzt im Innern;
Das trauliche *Du* wird immer noch
An das alte *er* erinnern, Heine, Deutschland, III.

Въ русскомъ такая замѣна есть фигура только личная. Такъ въ упрекахъ, выговорахъ и т. п.

А тут зверху жінка нападає, так що бідному Тихонові и просвіту нема: Сякий такий лисий дідуга! Ум відстарів. Пооббїрав діточок и мене на старости, та всеж попроцвиндрював на той хлїб. Тут би у такий голодний год и заробити копійчину, а він людям єго дурно роздає... Тютю дурний! Чи бачивъ хто такого дурня? Чорзна кому роздає и в ранці и в вечері, а ми уся єго сімья, голудуємо, та їмо відважений пай, мов рештанти... Оттак ти одурій на старости! „То Тихон було слухає, слухає, далі схопить себе за голову, та“: А вже ж мені ся морока, скаже, та мерщій з хати... Кв. Добре роби.

Обращенія къ неодушевленнымъ предметамъ отвлеченнымъ, въ велик. пѣсн. (Сб. матер. для описанія кавк. III, Станица Темизбекская, Куб. области):

Ты черемуха, черемуха мал,
Черемуха-душа-аленькій цвѣтокъ, 49.
Трава моя, травушка, зеленый лужокъ,
Я по тебѣ, травушка, я ненахожусь, ib.
Ой садовая (ое) моя яблочка...
Откатилася прочь отъ яблонки, 58.
Ой же ты, солнышко ясное... 59.
Долина долинушка
Долина широкая! 60.
Березничакъ листоватый! 60.
Не стой верба надъ водою
Хоть стой не стой развивайся.
Ужъ вы горы мои, горы крутыя,
Вы позвольте горы для васъ постояти, 73.
Старона ль ты моя вотъ староношка... 74.
А молодость, молодость
Дѣвичья красота,
Молодецкая сухота!
При чемъ (з) тебе молодость
При старости вспомнать?
Вспомнать тебе, молодость,
Тоскою — кручиною,
Великой печалью, 79.
Ой да ты полыня, ты моя полыня,
Полынюшка, трава горькая!
Да не я вотъ, моя полынюшка,
Да не я али тебе сѣяла,
Да сама вотъ, моя полынюшка,
Да сама жъ ты уродилася,
Занимала вотъ, моя полынюшка
Землю самую ни лучшую, 80.
Ой да вы ночи мои,
Ночи мои темныя!
Не могу то я васъ али мои ночушки

А я васъ проспать — прождать
А я васъ — продумати... 80.
Бодай тебе, рѣченька,
Бодай тебе, быстрая,
Желтымъ пескомъ
Пескомъ занесло! 82.
Туманы мои темные!
Да ты скука ты, моя скука,
Чужа дальня сторона!
Разлучила ты меня, моя скука,
Съ отцомъ съ матерью далеко, 86.

Обращеніе къ предметамъ, какъ средство конкретности ихъ изображенія въ млр.—(въ сравненіяхъ): „Грушице моя“ и пр... Въ влкр. и для изображенія обстановки: Вы, морозы... Якуше. Соч. 561. Ужь вы, горы, 573, 604 (bis) 606, 668, 617.— Лучина,... Якуше. 619, Вы, туманы, 632, 660, 683, 689. Въ сравненіяхъ — Якуш. 585, 602. Обращеніе къ отвлеченнымъ предметамъ: „Ужь ты воля, Якуш. 580; Ахъ женитьба, 596; Куравушка, 604. Ужь ты зимушка, 604; Ахъ ты, ночь, 606. Сторона, 622, 650; Коровать, 623. Полоса, 637; Заря, 661, сборы 667.

Обращеніе къ двумъ-тремъ предметамъ, безъ опредѣленія ихъ отношеній (asyndeton, слѣдствие аффекта):

Выйде Филя, древле прегордый, надѣяся обнять землю, потреби море, со многими Угры. Рекшу ему: „единъ камень много горнцевъ избиваетъ“, а другое слово ему рекшу прегордо: „острый мецю! борзый коню! многая Руси!“ Богу же того ветерпяцю во ино время убьенъ бысть Давиломъ Романовичемъ древле прегордый Филя.“ Иш.² 492 подъ 1217=

(Вдова) Бѣла сына породила,

И уповішы говорила:

О мѹой сыну бѣлюсѣньки!

Муй'о душко байструсѣньки

Ой чи цебе утопци,

Ой чи цебе й годоваци? Заблудовскій, Этн. сб. III, 95.

Ой піду я піду понад Дунаями...

Ой тамъ козаченько коня напуває,

Коня из припоя, самъ заплавав стоя:

Головонько моя! Стороненька чужа! Чуб. V, 379.

У Гомера — въ силу сочувствія пѣвца — Гекторъ вызываетъ на поединокъ. Ахейцы молчатъ. Тогда Менелай упрекаетъ ихъ, называя между прочимъ Ахейянками, и вооружается:

Ἴβδα κέ τοι, Μενέλαε, φάνη βίοτοιο τελευτή

Ἐκτορος ἐν παλάμῳιν, ἐπεὶ πολὺ φέρτερος ἦεν

Εἰ μὴ ἀναΐξαντες ἔλον βασιλῆες Ἀχαιῶν, II. VII, 104.

„Тогда бы тебѣ, Менелай, пришелъ (явился) конецъ жизни, въ рукахъ Гектора, потому что онъ былъ многимъ сильнѣе, если бы вскочивъ не удержали цари Ахейевъ.“

Пандаръ стрѣляетъ въ Менелая. — „Но тебя, Менелай, не оставили жители неба, вѣчные боги и пр. ib. IV, 127. Такія обращенія къ Менелая — Ил. IV, 146, XIII, 603, XVII, 679, 707, XXIII, 600. Къ Патроклу — XVI, 20, 584, 693, 744, XVI, 787, 812, 843. Къ Ахиллу — XX, 2. Къ Мелвиппу XV, 582. Къ Фебу — XX, 152. Въ Одиссеѣ — къ Эвмею XXII, 55, 165, 442, 507; XV, 60, 135, XVII, 512.

La Roche въ примѣчаніи къ Илиадѣ (IV, 127) замѣчаетъ, что апострофа „hat nur formele Ursache und nicht ihren Grund in der Theilnahm, welche der Dichter für diese Persönlichkeit erwecken will (Homer's Ilias, I, 1—4, 449). Мнѣ неясно, какія могутъ быть формальныя причины. Конечно, не размѣръ, который можетъ стѣснять лишь плохихъ стихотворцевъ. Психологическое же побужденіе — не желаніе возбудить сочувствіе, а личное отношеніе пѣвца къ предмету.

Апострофы въ началѣ пѣсень — см. Малор. п. по сп. XVI, 6, 15. Млр. Серб. Болг. звательный падежъ вмѣсто именительнаго именъ собственныхъ личныхъ можетъ быть случаевъ вытѣсненія именительнаго зательнымъ, предполагающимъ зательный при именительномъ. Объясненіе этого явленія требованіемъ размѣра скорѣе всего могло бы быть примѣнено къ сербскому десятисложному стиху; но ср.

Каква ј'врасна Каица војводи, Кар. II, 463.

Болг. Болен лежит Станковине Дуко

Сине мои, Станковине Дуко...

Проговоре Станковине Дуко, Мил. 65—7. ¹⁾

Анафора. У Гоголя: „Другъ мой, храни васъ Богъ отъ односторонности. Съ нею всюду человекъ произведетъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, на свѣтѣ, словомъ — вездѣ! *Односторонній* человекъ самоувѣренъ, *односторонній* человекъ дерзокъ, *односторонній* человекъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. *Односторонній* человекъ ни въ чемъ неможетъ найти середины. *Односторонній* человекъ неможетъ быть истиннымъ христианиномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ: односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человекъ еще на дорогѣ къ христианству, но недостигнулъ его, потому что христианство даетъ уже многосторонность уму. Словомъ, храни васъ Богъ отъ односторонности“. Выбр. мѣста изъ переп.

Эпифора — точное повтореніе вышеупомянутыхъ словъ. Какъ въ народномъ эпосѣ вмѣсто ссылокъ и указаній на вышеизложенное — буквальное повтореніе его (что образнѣе и поэтичнѣе); такъ Гоголь — въ предѣлахъ періода, когда рѣчь становится болѣе одушевленной, (затѣмъ, какъ манера): „Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣры или даже, просто, неприготовленные проповѣдователи Бога, державшіе приносить имя его неосвященными устами“, Гог. Пер.

„Хотѣлось, чтобы... предсталъ какъ бы невольно весь русскій человекъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, до-

¹⁾ Однородн съ апострофомъ случаи *representatio* (Zima, 135 сл.): а) настоящее вмѣсто прошедшаго и будущаго б) приближеніе прошедшаго (выраженіе прошедшаго къ наглядности посредствомъ нарѣчій:

Отде прійшовъ до мене тай каже...

в) указательное мѣстоименіе о предметѣ неупомянутомъ выше: и још оно све жежено злато.

Къ формальнымъ средствамъ изобразительности относится фигура *диалогизмъ* (Zima, 145—8), сходная съ *dat ethicus* (дѣлающимъ воображаемаго слушателя участникомъ повѣствованія). Это (*диалогизмъ*) субъективно въ томъ смыслѣ, что говорящій передаетъ не дѣйствительный разговоръ (какъ у Зими, 147), а лишь приближаетъ къ этой формѣ (самъ ли спрашивая и отвѣчая, или вводя другія лица), какъ болѣе изобразительной.

ставшихся на его долю преимущественно передъ другими народами, и со множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно предъ всѣми другими народами, ib.

„Я питалъ втайнѣ надежду, что чтеніе „М. Д.“ наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственныя записки; что многіе почувствуютъ даже нѣкоторое обращеніе на самихъ себя, потому что и въ самомъ авторѣ, когда писаны были „Мертвыя Души“, произошло нѣкоторое обращеніе на самого себя“, ib. Это эпифора — прибавка. *Namque ego, crede mihi, si te modo pontus haberet, Te sequeret, conjux, et me quoque pontus haberet, Ov. M. I, 361.*

„Все перессорилось: дворяне у насъ между собою, какъ кошки съ собаками; купцы между собою — какъ кошки съ собаками, мѣщане между собою — какъ кошки съ собаками; крестьяне, если только неустремлены побуждающею силою на дружескую работу, между собою, какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди между собою въ разладѣ; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда когонибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать“. Переп.

„И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ онъ меня хотя отчасти узвать *мерзости*, какъ мои собственныя, такъ и моихъ бѣдныхъ собратьевъ. *И если* есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойственнаго не всѣмъ людямъ, такъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это отъ того, что *всматривался я побольше въ эти мерзости. И если* наконецъ приобрѣлъ любовь къ людямъ немечтательную, но существенную, такъ это все же наконецъ отъ того же самаго, что *всматривался я побольше во всякія мерзости*. Переп.

Такое соединеніе единоначатія (*ἀναφορά*) и единоокончанія (*ἐπιφορά*) называется *συμπλοκή* — сплетеніе. (Wackernagel).

Πολύπλοτος есть собственно повтореніе того же имени въ разныхъ падежахъ (*πῶσις* — *casus*), затѣмъ — служить названіемъ и для повторенія глагола въ разныхъ формахъ.

Et superesse videt de tot modo millibus unum,

Et superesse videt de tot modo millibus unam Ov. Met. I, 325.

(Соединение *ἀναφορά* и *πολύπτωτον*).

*τῆς δ' ἄρ' ἀκουούσης ῥέε δάκρυα, τήκετο δὲ χρῶς
ὡς δὲ χιῶν καταήκετ' ἐν ἀλευρόλοιον ὄρεσσι,
ἦν τ' Εὐρος κατέτηξεν, ἐλήν Ζεφυρος καταχέυη
τήχομενος δ' ἄρα τῆς ποταμοὶ πλήθουσι ῥέοντες
ὡς τῆς τήκετο καλὰ παρήϊα δάκρυ (collect) χεοῦση;*
Od. XIX, 204 (Wackernagel).

... „А добродѣтельный человѣкъ все-таки невзять въ герон. И можно даже сказать, почему *невзять* (*ἐπίξευξις* — прибавка, повтореніе безъ опредѣленнаго мѣста): *потому* что гора наконецъ дать отдыхъ бѣдному *добродѣтельному* *человѣку*, *потому* что праздно вращается на устахъ слово „*добродѣтельный* *человѣкъ*“; *потому* что обратили въ лошадь *добродѣтельнаго* *человѣка*, и нѣтъ писателя, который бы неѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго *человѣка* до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго *человѣка*. Нѣтъ, пора наконецъ припречь и плутоватаго. И такъ припряжемъ его, плутоватаго *человѣка*“! М. Д. III. (Это соединеніе *ἐπίξευξις*, *ἀναφορά*, *πολύπτωτον*, *ἐπιφορά*, все вмѣстѣ *συμπλοκή*). Ср. повторенія въ рѣчи мужиковъ, М. Д. III гл.

„А теперь не забывайте ни на мигъ, что все это вамъ дѣлается для *покупки* твердаго характера, а эта *покупка* покамѣстъ для васъ нужнѣе всякой другой *покупки*, и потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ“. Переп.

Гипербола и иронія.

„Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите за двери!“

„Какъ! дворянина?“ закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. „Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глумнымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего!“ (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена).

Гипербола (*ὕπερβολή*—преувеличеніе)—фигура по отношенію къ метафорѣ; она не можетъ быть соподчинена съ тропами. Сюда Вакернагель ¹⁾ относитъ и *pluralis majestaticus*: *Мы* = я, *Вы* = ты.

Гипербола можетъ быть принимасма и за родовое названіе, какъ вышеупомянутаго случая, такъ и противоположнаго *λιτότης* ²⁾ (мáлить) — уменьшенія. Послѣднее есть тоже общее названіе. Въ частности *λιτότης* принимается въ транзитивномъ смыслѣ и есть выраженіе взгляда на 3-ье лицо, между прочимъ и презрѣнія къ нему; между тѣмъ *ταλείωσις*; *униженіе*, и *μείωσις*, *умаленіе*, принимается въ рефлексивномъ смыслѣ, когда лицо говоритъ о себѣ, напр. Давидъ Саулу: „Противъ кого вышелъ царь Израильскій? За кѣмъ ты гоняешься? За мертвымъ псомъ, за одною блохою?“ I, Кн. Цар., 24, 15 (Wackernagel, 530). Сюда же разныя историческія самоуниженія, какъ *captatio benevolentiae*: „Холопишко твой №“, „Padam до пѣг“ и пр.

Гипербола есть результатъ какъ бы нѣкотораго опьяненія чувствомъ, мѣшающаго видѣть вещи въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Поэтому она рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство не можетъ увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновеннымъ враньемъ.

¹⁾ W. Wackernagel, *Poetik, Rhetorik und Stilistik*, II—aufl. 529—30, сл.; А. Потебня. Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, множественное гиперболическое, стр. 1—15. От. от. Ф. Зап. 1887.

²⁾ L. Zima (*Figure u našem narodnom pjesničtvu*) *λιτότης* относитъ къ эвфемизму, отличнo отъ преувеличенія (*Dobro nye, moj brate* вм. *zlo je*) 61—2.

Слово о полку Иг.: „Великий княже Всеволоде“, ты бо можеши Волгу веслы расхропяти, а Донъ шелома выльяти... Галичскый Осмомысле Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокванѣмъ столѣ... меча бремены чрезъ облакы. — Въ народной поэзіи и языкѣ: „колосъ отъ колоса“ [неслышать человѣческаго голоса]; шапками закидаемъ... — Съ комическимъ эффектомъ: степени родства [десятая вода на 'киселѣ и пр.]; бѣдность [мѣдной посуды — крестъ да пуговица, рогатой скотины — тараканъ да жуковица]. *Величанье*, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень, 61:

Ой якъ вона (дівчина) заговорить — як у дзвони дзвонить
Ой якъ вона засмієцьця — в Полтаві слинецьця.

У мене дівчина, дівчина рибчина:

Ой якъ заговорить, як у дзвін задзвонить

Ой якъ засмієцьця, Дніпро розільєцьця, В. Е. 1881, іюль, 403.

Въ повѣсти Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ“: „За послѣднее время у него (у Чернаго) новая пѣсня, да вѣдь какія пѣсни! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду неслыхивали этой пѣсни.... Вздохну, Дунай всколыхну

Всколыхну ли Дунай рѣку.

Что не къ морю вода подымалася,

По желтымъ пѣскамъ расплескалася,

Въ зеленыхъ моряхъ разливалася:

По дѣвушкѣ душа встосковалася... ¹⁾

Очевидно, что эта новая пѣсня, если не цѣликомъ стара, то составлена изъ древнихъ элементовъ, древнѣе Слова о Полку Игоревѣ, но душа могла быть въ ней новая. Ср. Сербск. п.

Дјевојка је крај горе стојала

Сва (вся) се гора од лица засјала

И од лица и зелена вјенца, Н. Рајн Сrp. н, н. 12 и др.

¹⁾ Ср. Вакарнагель. „Гиперболу можно употребить въ обоихъ случаяхъ, (какъ для возмншеннаго, такъ и для смѣшнаго. И поэтому-то самому она яляется смѣшной, когда должна быть возвышенной. (Рамлеръ). Настоящее мѣсто и мѣра опредѣляется лишь счастливымъ тактомъ. Poetik, 530.

Кад уздахну, вас (весь) Будим устану,
Када јекну, вас ми Будим злекну.
И по вули рафи (полви) и долафи (агтогиш, оршак)
И по рафим зафи (блюдечки) и филджана
По долафим балајли ленћери (оловяные умывальники) Кар.
С. н. п. из Херцег. 132—3, 216.
Сузами (слезами) је море замутила
А јадима оставила лаћу (остановила лодку), Караджић, Прјесме,
I, 556—7 (ср. Мое Слово о Ш. Иг. 10)
Колико се старац наљутио (старикъ разсердился)
Из очију му крвца (кровь) покапала, Чубро Чојк. 312.

У страха глаза велики. Ибро увидѣлъ спящаго Стојана.
Вићохъ змаја под јелу зелену
На прси (груди) му црна (черная) овца лежи (раскры-
тая, волосатая грудь)
А у зубе врано (черное) јагње држи (усы)
По прсима сјају му се очи (тове, пуци),
Ка звијезде по небу ведроме.
Прислонио до јелу лубарду (пушку), Чуб. Чојк. 313.
Ср. анекдотъ „О жидѣ и волкахъ“.
[Печаль]: Невесело Лајчић Мустајбеже
Низ кобилу објесно брке, Чуб. Чојк. 118.

Въ Кіевской лѣтописи подъ 1618 г.: „Южь у кронивахъ
полскихъ (и) русскихъ читаемъ, же ледве зъ матви своее дитя
на светъ отворило ворота зъ живота, „татарове едутъ“ закричало,
и также правдою того жъ року стало, же по всей Полци землю
спустошили вширь и надолжь и назадъ вцале вернули“. Сборн.
лѣтописей, относящихся до ю.-в. Руси. К. 1888,—87. Это пред-
сказаніе есть въ основѣ фактъ, выраженный гиперболически. Какъ
и въ дѣтской игрѣ:

„Комашки... ховайте подушки! Собаки брешутъ, татары ідуты!

Мн. ч. существительныхъ для возвеличенія, идеализаціи предмета: Вы примайте ярлыки распечатавайте

Поскорѣ того прочитывайте. Кир. П. IV, 40.

Ср. серб. *крсти* въ пѣснѣ объ обрѣтеніи честнаго Креста Г.:
Гдѣ су сади наши часни крсти...

Гдѣ су сади наши часни крсти...

Наши с' крсти у земли јеврејској, Кар. П. 35. (Знач. множ. числа, 8—13).

У Пушкина — рѣдко, да и то въ слѣдующемъ случаѣ, какъ аллюзія на слова извѣстнаго вряля:

За то зимы порой холодной

Ѣзда пріятна и легка.

Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,

Дорога зимняя гладка.

Автомедоны наши бойки,

Неутомимы наши тройки,

И версты, тѣша праздный взоръ,

Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ, Он. VII, 35.

Прим. А. С. П.: „Сравненіе заимствовано у К*, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К*... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ кн. Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высуаувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Гоголь (М. Д. Изд. 1874, т. III, 266 — 7) — безъ всякой ироніи: „знать у бойкаго народа ты (тройка) могла только родиться,—въ той землѣ, что нелюбитъ шутить, а ровнемъ — гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарядитъ тебѣ въ очи.

Чувство, лежащее въ основаніи *pluralis majestatis*, *мы*, есть то, когда человѣку кажется, что его я разрастается до сліянія съ государствомъ, сословіемъ, классомъ. Въ этомъ раздутомъ состояніи „я“ легко подвержено оскорбленіямъ. На это состояніе указываетъ Гоголь.

„Россія такая чудная земля, что если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ“, Носъ II, 66. (изд. 1874 г.).

„Въ департаментѣ... но лучше неназывать, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода должностныхъ сословій. *Теперь* уже *всякій* (гиперб.) частный человекъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество.

Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитана исправника, непомню какого города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнуть государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ въ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романическаго сочиненія, гдѣ черезъ каждые десять страницъ является капитанъ исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. И такъ, возбѣжаніе всякихъ неприяностей, лучше департаментъ о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*, Шивель“ соч. II, 89.

Ср. М. Д. т. III, стр. 263 — 5 (изд. 1874 г.) — книга оскорбительная *для отечества*: Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накаплиютъ себѣ капиталы, устраивая судьбу свою насчетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по ихъ мнѣнію *оскорбительное для отечества*, появится *какая-нибудь книга*, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: Да хорошо ли выводить“...

Относительно „теперь“ ср. въ Перепискѣ: „въ *последнее время*, какъ бы еще нарочно, старался русскій человекъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ, и мелочь раздражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ“, 1847, Выбр. м. изъ пер. 647. ¹⁾

¹⁾ 2-е письмо по поводу М. Д.

Въ силу того же чувства своего величія, происходятъ обвиненія людей другого соціальнаго или политическаго направленія въ измѣнѣ отечеству; отождествленіе нѣкоторыхъ мнѣній съ наукой и обвиненіе несогласныхъ съ нами не въ ошибочности мнѣній (что, сопровождаемое доказательствами, всегда умѣстно), а въ „ненаучности“ и даже въ оскорбленіи науки, какъ будто наука намъ мать, жена или сестра, честь которой мы обязаны защищать, такъ какъ безчестье ея упадетъ на нашу голову.

Чувство оскорбленія раздутаго „я“ проявляется, смотря по обстоятельствамъ, замкнутымъ страданіемъ или дѣйствительнымъ оскорбленіемъ мнимыхъ оскорбителей:

„Отрывокъ изъ статейки г-на Писарева.... показываетъ, что молодые люди плюются; — погоди еще не такъ плеваться будутъ! Это все въ порядкѣ вещей — и особенно на Руси не диво, гдѣ мы всѣ такіе деспоты въ душѣ, что намъ кажется, что мы не живемъ, если не бьемъ кого-нибудь по мордѣ. — А мы скажемъ этимъ юнымъ плевателямъ: „на здоровье!“ и только посоветуемъ имъ выставить изъ среды своей, хотя такихъ плохихъ писателей, каковы были тѣ, въ кого они плюютъ! — 1862 Тургеневъ, 1-е собр. писемъ 99.

Ложь и гипербола. Ср. сцену изъ Фауста:

Meph. Wir legen nur ein gültig Zeugnis nieder,

Dass ihres Ehherrn ausgereckte Glieder

In Padua an heil'ger Stätte ruhn.

Faust. Sehr klug! Wir werden erst die Reise machen müssen!

M. Sancta simplicitas! Darum ist's nicht zu thun;

Bezeugt nur, ohne viel zu wissen.

F. Wenn er nichts Bessers hat, so ist der Plan zerrissen.

M. O heil'ger mann! Da wärt Ihr's nun!

Ist es das erste mal in eurem Leben,

Dass Ihr falsch Zeugnis abgelegt?

Habt Ihr von Gott, der Welt und was sich drin bewegt,

Won Menschen, was sich ihm in Kopf und Herzen regt,
Definitionen nicht mit grosser Kraft gegeben?

Mit frecher Stirne, kühner Brust?

Und wollt Ihr recht ins Innre gehen,

Habt Ihr davon, Ihr müsst er grad'gestehen,

So viel als von Herrn Schwerdtleins Tod gewusst!

F. Du bist und bleibst ein Lügner, ein Sophiste.

M. Ja, wen man's nicht ein bisschen tiefer wüsste.

Den morgen wirst, in allen Ehren,

Das arme Gretchen nicht bethören,

Und alle Seelenlieb' ihr schwören?

F. — Und zwar von Herzen.

M. — Gut und schön!

Dann wird von ewiger Treu und Liebe,

Von einzig überallmächtigem Triebe—

Wird das auch so von Herzen gehn?

F. Lass das! Es wird!—Wenn ich empfinde,

Für das Gefühl, für das Gewühl

Nach Namen suche, keinen finde,

Dann durch die Welt mit allen Sinnen schweife,

Nach allen höchsten Worten greife

Und diese Glut, von der ich brenne,

Unendlich, ewig, ewig neuere,

Ist das ein teuflisch Lügenspiel? *F.* I. 106.

Мефистофель. Она добыть отъ насъ свидѣтельство бѣ хотѣла

О томъ, что брeнное ея супруга тѣло

Въ могилѣ, въ Падуѣ, изволятъ почивать.

Фаустъ Умно! Такъ съѣздить мы должны туда сначала?

M. Sancta simplicitas! Еще недоставало.

Свидѣтельство и такъ ты можешь подписать.

Ф. Ну, значить, новый планъ должны мы сочинять.

M. О, мѣжъ святой, ужель вы всѣхъ другихъ честнѣй

Хотите быть? Ужель ни разу не давали

Свидѣтельствъ ложныхъ въ жизни вы своей?

О Богъ, о землѣ, о томъ, что скрыто въ ней,
О томъ, что въ головѣ и сердцѣ у людей
Таится—вы давно ль переважно толковали
Съ душею дерзкою, съ безсовѣтнымъ челомъ?
Но если глубже лишь мы вникнуть пожелаемъ,
Окажется сейчасъ, что знали вы о томъ
Не болѣе, чѣмъ мы о мужѣ Марты знаемъ.

Ф. Софизмы лживые ты любишь говорить!

М. Да, если глубже не судить!
Не завтра ли, душа святая,
Бѣдняжку Гретхенъ надувая,
Въ любви божиться станешь ты?

Ф. И отъ души!

М. Ну, да, конечно,
И въ вѣчной вѣрности, и въ вѣчной
Любви и страсти безконечной—
И все отъ сердца полноты?

Ф. Пусть такъ! Когда я весь пылаю
И страсти пламенной моей
Напрасно имя подбираю,
Весь міръ стремленьемъ обнимаю
И рѣчи въ пламя облекаю,
И жаръ, которымъ я сгораю,
Я вѣчнымъ, вѣчнымъ называю—
Ужели и тогда солгу я передъ ней? (Пер. Н. Холодковского)..

Ложь относится къ гиперболѣ, какъ иронія къ комизму.

Хлестаковщина. Гоголь къ Максимовичу, 1834: „Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ,“ изд. Кулиша V, 198. Погодину (1834): Я весь теперь погруженъ въ Исторію Малорусскую и всемірную.... Мнѣ кажется, что я сдѣ-

лаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская Исто-
рія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, ей быть нельзя.
Мнѣ попрекають, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, не-
исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна,
ib. 196. Объ ней же ib. 212.

Погодину (1834): „Я на время рѣшился занять здѣсь ка-
еэдру исторіи, а именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого же-
лаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ толь-
ко, чтобы ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно,
если бы ты отнялъ у какого-нибудь слушателя тетрадь записы-
ваемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ... при-
слалъ бы черезъ Редькина мнѣ теперь же. Изд. Кул. V, 221.
Еме же 1834: „Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочув-
ствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣши-
тельно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня неслушаетъ,
ни на одномъ ниразу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая
истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художни-
ческую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушате-
лей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю вдаль и вижу его
въ той системѣ, въ какой оно явится вылитой чрезь годъ. Хоть
бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ без-
цвѣтный, какъ Петербургъ. Кул. V, 228.

Максимовичу, 1825: „Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, ко-
торая, думаю будетъ состоять томовъ изъ восьми, если не изъ
деяти. Авось либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ:
А нужно бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-нибудь хорошимъ
ib. 231.

Погодину 6-го декабря 1835 г.: „Я расплевался съ универ-
ситетомъ. Неузнанный я взомель на кафеэру и неузнанный схожу
съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что
общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти
полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищ-
ницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній
кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужа-

сающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до поваго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и пр.... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!... (изд. Кул. V, 247).

Матери 1830: Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидно, что я бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ превратили засѣваніе хлѣба и *стотъ* только картофель... Картофель въ *милліонъ* разъ родится болѣе всякаго хлѣба... Муки, по расчисленію прагтиковъ, картофленой выходитъ съ 1-й десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба. Доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей.... Кул. V, 168—9.

Къ сестрамъ 1836. (какъ говорятъ съ дѣтьми): на пароходѣ „у каждаго изъ насъ небольшая комнатка, никакъ не больше орѣховой скорлупки“. ....Въ Любекѣ „улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ... ib 263.

Въ Генуѣ улипы есть такъ узеньки, что двумъ человѣкамъ нельзя пройти въ рядъ. 288. Гог. изд. Кул. VI, 121, 122, 136,—7, 155, 158, 372.

„*Болѣзнь* моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда еще со мною не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступающее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина; всякое незначительно пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какою не въ

силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, и потомъ слѣдовалъ обморокъ, наконецъ совершенно сонambuлистическое состояніе. Гог. изд. Кул. V, 462 (1842 г.) см. еще ib VI 121.

Въ Ревизорѣ (д. III, явл. V) городничій и Артемій Филипповичъ просто лгутъ сознательно и, такъ сказать, трезво; но Хлестаковъ, подѣ влияніемъ хорошаго завтрака и подобострастія чиновниковъ, присутствующихъ дамъ, доходитъ до опьяненія ложью (д. III, явл. VI). Случайно обмолвившись правдой, онъ за это самъ уличаетъ себя во лжи: ... „Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ, скажешь только кухаркѣ: „на, Мавруша, шинель“.... „Что же я вру, я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ“... „Пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ бывало,— нѣтъ мудрено! Кажется и легко на видѣ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видать, нѣчего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю?... Во дворецъ всякій день ѣзжу и меня *завтра* же произведутъ *сейчасъ* въ фельдмаршалы (поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).

Хлестаковъ. „Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ, потому что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочно вина. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, ...фраза или реченіе есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому долженъ выразаться отрывисто.... Къ концу... начинаетъ его разбирать... онъ долженъ *раскричаться* и выражаться еще неожиданиѣе и чѣмъ дальше тѣмъ громче. Щепкину, Кул. V, 257.

Въ переписькѣ съ друзьями (4 письма по поводу М. Д.) (Соч.³ IV, 654): я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставлялъ другихъ надъ ними посмѣяться. Я оторвался отъ многого уже тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостью, которая всѣмъ видна, и когда, повѣряю себя на исповѣди передъ тѣмъ, кто повелѣлъ мнѣ быть въ мирѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ, но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ нихъ оторваться...

Стилистическихъ своихъ грѣховъ онъ однако казнилъ мало. Такимъ образомъ гиперболичность составляетъ довольно видную черту его слога.

Въ М. Д. (Соч.³ III): тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть, порывается къ верху, закидывая голову, а онъ, (контрабасъ) одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжать стекла. 43.

„Ребята, впередъ!“ кричитъ онъ, (поручикъ) порываясь, непомышляя.... что миллионы ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ... 90.

....„Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“. 150.

— „А ваше какъ здоровье?“

— „Слава Богу, непожалуюсь, сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что было жаловаться; скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ. 153.

„Выставь ему вѣдму — старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, передъ которою желѣзо есть милосердіе, которая

ни крохи чувства неотдасть назадъ и обратно. О, еслибъ ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома Мерт. Д.! Переп. IV, 636.

...„Все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ быть *отъ самаго созданія свѣта* небыло употреблено столько времени на туалетъ.... Цѣлый часъ былъ посвященъ на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ (Чичиковъ) М. Д. 771.

„Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудилъ на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просовья, что стало мочи: „кто идетъ? Но, увидѣвъ, что никто нешелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ въ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ. Послѣ чего, поставивши алебарду, опять заснулъ по уставамъ своего рыцарства. 189.

Коляска... „Стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Соч. II, 125.

Просто пріятная дама: Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго просто нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки. .. Словомъ неподобно! Можно сказать рѣшительно, что *ничего еще болше небыло подобнаго въ свѣтѣ.*“ 193.

„Началъ онъ заводить между ними какіе-то вявшіе порядки, требовалъ... чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ неходили, какъ попарно.... 280.

„*Портретъ.* Садясь писать, онѣ (дамы) принимали такія выраженія, которыя приводили въ изумленіе художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая мечтательность, третья во что бы то ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался наконецъ въ одну точку, не больше булавочной головки“... (Соч. II, 30).

„Ничего не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанныя куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.“ *ib.* 41.

„*Невскій проспектъ*... Какъ чисто подметены его тротуары и, Боже, сколько, ночь оставило на немъ слѣдъ свой! И неуклюжій, грязный сапогъ отставного солдата, подъ тяжестью котораго, кажется трескается самый гранитъ, и миниатюрный, легкій какъ дымъ башмачокъ молодой дамы.... Начнемъ съ самаго утра, когда *весь* Петербургъ пахнетъ горячимъ только что выпеченнымъ хлѣбомъ и *напоиены* старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салопахъ, совершающихъ (салопахъ?) свои *назды* на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ.... По улицамъ плетется нужный народъ; иногда переходитъ *ее* (улицу?) русскіе мужики... въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ Еватериненскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Н. Проспектъ. Соч. IV 155.

„Мальчишекъ въ пестрядинныхъ халатахъ, съ пустыми штотами, или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ милліонами по Невскому проспекту. *ib.* 156.

Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ... ослѣпляютъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужскаго пола. Здѣсь вы встрѣтите таліи, какія вамъ даже неслились никогда: топенькія, узенькія, таліи никакъ нетолще бутылочной шейки.... Сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, непереломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. *ib.* 157—8.

„Онъ *лжетъ* во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою *наляжетъ* на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, мириады каретъ валяются съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда

самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ *ib.* 191.

...„За то вышло что-то чудное. Это не переводъ (Одиссея Жуковск.), но скорѣе возсозданіе, воскрешеніе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналь. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера, сталъ какъ бы какимъ-то зрительнымъ выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, свозъ которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе высказываются всѣ безчисленные его (?) сокровища. Переп. IV, 587.

Она (Одиссея) вновь даетъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы должны помнить, которую всегда забываемъ, а именно: *по тѣхъ поръ не приниматься за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ понять и удержать все въ памяти.* *ib.* 591.

Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго потрясающаго *маса*, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „непроизноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви *ib.* 597.

Все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положило, чтобы онъ (Михаилъ Феод. Романовъ) былъ на престолѣ. *ib.* 611.

Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями *вспахъ* курсовъ наукъ его умъ заставишь только *слишкомъ* немного уйти впередъ. *ib.* 619.

Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: *все* тебя выслушаетъ отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и

выслушаетъ съ такою любовію, съ какою невыслушивается *ни* *отъ* какой землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества, и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она во все нелюбитъ правды. *ib.* 621.

— Еще *вся* книга (M. D.) неболѣе какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать *всѣ* промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. *ib.* 652.

— Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы *всѣ* до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у васъ ни есть, отбавитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя незнающимъ ровно ничего и поѣзжайте, какъ въ новую дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. *ib.* 662.

— Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни приютовъ, непрошумѣла нигдѣ дальше своего города, неимѣла *даже* никакого вліянія на своего мужа, и не входила ни во что собственно правительственное и оффиціальное, а между тѣмъ до нынѣ *никто* въ городѣ не можетъ о ней вспомнить безъ слезъ и *вскакъ*, начиная отъ вупца *до послѣдняго бобыля* до сихъ поръ еще повторяетъ: „нѣтъ nebudeтъ другой никогда княгини О***!“ А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать; тоже самое общество, которое вы считаете испорченнымъ *на вѣки*. *ib.* 668.

Ваше (губернаторши) вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать *все* до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. *ib.* 668.

„Не только высшее правительство, но даже *всѣ* до единого частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу *всего* есть та,

что священники стали нерадиво исполнять свои должности". Ib. 677—8.

— „Вотъ сколькою условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи (Жук.) вышелъ не рабская передача, но послышалось бы въ немъ слово живо и *вся Россія* приняла бы Гомера, какъ родного" ib. 586.

...Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я собираю въ головѣ всѣ крупныя черты характера, собираю въ тоже время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавы, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ, когда соображу все отъ мала до велика, ничево не пропустивши. Ib. 820.

...„Мертвыя души не потому такъ *испуали Россію*, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь ея раны...ib. 650.

...Русь! Чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таятся между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ *все, что ни есть въ тебѣ*, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, и уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необычайный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли неродиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразаясь въ глубинѣ моей, неестественною властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

— Держи, держи, дуракъ! кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! кричалъ скакавшій на встрѣчу фельдъегерь, съ усами *въ аршинъ*.

„Не видишь лѣшій, дери твою дупу, казенный экипажъ!“ И какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка. М. Д. III. 237—8.

Это—гениальное мѣсто, начиная отъ 236 ст.; „Бричва...“ Движеніе брички Чичикова превращается въ полетъ мысли автора по Руси „изъ... прекраснаго далека“.

Не одно молодое сердце тутъ дрогнуло и расширилось и почувствовало въ себѣ „силы необъятныя“ (Лермонтовъ), какъ самъ авторъ. Оно прекрасно въ глазахъ того, кому сообщается гиперболическое настроеніе автора, и кому поэтому покажется смѣшнымъ вопросъ, имѣлъ ли право авторъ быть въ такомъ настроеніи и выражать его. Оно прекрасно и по тому, какъ неожиданно обрываетъ занесшуюся мысль холодная дѣйствительность; по той рѣзкости, съ которой этимъ выставлена противоположность вдохновенной мечты и отрезвляющей яви.

Но можетъ случиться, что красота этого мѣста для насъ не существуетъ, и что его гиперболичность для насъ бессильна. Тогда болѣе холодныя объясненія автора насъ не разогрѣютъ, какъ и вообще красота прозаическими объясненіями не можетъ быть доказана.

Гоголь дѣлаетъ ошибку, стараясь оправдаться передъ тѣми, которые обвинили его за это лирическое отступленіе. Онъ только подтверждаетъ своимъ оправданіемъ, что средства поэта и прозаика различны, и что поэтъ, стараясь говорить прозаически, нерѣдко беретъ фальшивыя ноты. Единственное идущее къ дѣлу въ его оправданіи, это—то, что онъ не обманывалъ, а говорилъ подъ влияніемъ истиннаго чувства. Остальное только подтверждаетъ его наклонность къ гиперболичности, въ частности къ колебаніямъ между противоположными чувствами могущества и самосокрушенія, самоуничженія, что грубо выражается пословицей: „какъ пьянъ, то и капитанъ, а какъ проспится, и свиньи боится“. Объясненіе также гиперболично, какъ и лирическое отступленіе, но оно подмѣняетъ чувство „страшной силы“ и „власти“ чувствомъ сокрушенія о грѣхахъ.

...„Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, видя въ немъ признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, *досель еще несмысланной* (гиперб.) ни

въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время, оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однообразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностью пространствъ и грустною пѣснею весущаюся по всему лицу земли Русской, отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у ней самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, т. е.: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него! Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслыханное хвастовство, между тѣмъ какъ они ни то, ни другое. Это просто *нескладное* (*λιτότης*) выраженіе истиннаго чувства (того-ли, о которомъ рѣчь дальше).

„Миѣ и до нынѣ кажется тоже. Я до сихъ поръ немогу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни .... Кому, при взглядѣ на эти пустынные, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, нечувствуется тоска; кому въ звукахъ нашей пѣсни неслышатся *болѣзненные* *утреки* *ему самому*, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ. Разберемъ дѣло, какъ оно есть.“

„Вотъ уже полтора ста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ *ось* (гип.) средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются *также* (гиперб.) пустынны и грустны и безлюдны наши пространства, *также* безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ приѣмомъ братьевъ, но какою то холодною, занесенною вьюгою, почтовою станціей, гдѣ видится одинъ, ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей!“ Отчего это?

Кто виновать? Мы или правительство? Но правительство все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтелемъ тому цѣлые томы постановленій... А какъ на это было отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи.... Куда ни обращусь, вижу, что виновать примѣнитель, стало быть нашъ же братъ“... (*λιτότης*).

Но какимъ же образомъ произошло то, что „не такъ ли и ты Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымитса подь тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаеъ и остаеътса назади. Остановился пораженный чудомъ созерцатель“ и пр. (М. Д. I, 267)? — И неужели онъ дивится только изданію неисполняемыхъ законовъ?

„Не знаю, много ли изъ насъ такихъ, которые сдѣлали *все*, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать откровенно передь цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ неможеът попрекнуть ни въ чемъ Россія; что неглядитъ на нихъ укворизненно всякій бездушный предметъ съ ея пустынныхъ пространствъ; что все ими доводно и ничего отъ нихъ неждеът.

Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно (*λιτότης*), можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную.... Ну хоть бы и это мое сочиненіе.... „Мертвыя души“, произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, какъ слѣдуеът?.... кто виновать?.... Я почувствовалъ *презрѣнную слабость моего характера, мое подлое малодушіе, безсиліе любви моей* (*λιτότης*), а потому и услышалъ болѣзненные упреки себѣ во всемъ, что ни естъ въ Россіи (гип.) Но высшая сила меня подняла: поступковъ нѣтъ неисправимыхъ, и тѣже пустынные пространства, нанесшія тоску мнѣ на душу, меня восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ.

Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: „Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда естъ мѣсто, гдѣ развернуться ему!“ Въ Россіи теперь на всякомъ шагѣ можно сдѣлаться богатыремъ (гип.) Всякое званіе, мѣсто требуетъ богатырства. Каждый

изъ насъ (гип.) до того опозорилъ святѣню своего званія и мѣста (lit.) (всѣ мѣста святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы вознести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ невозможно и только одному Русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ и *только* его душѣ знакомо богатырство. Вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность". (1843). Переписка, т. IV 645—9.

Подъ формулу колебанія между противоположными чувствами самоуниженія и самовозвеличенія и противоположными поэтическими ихъ выраженіями (гипербола и литотесь) подводятся многія важныя явленія въ развитіи русскаго общества и русской литературы. Какое исходное чувство въ отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ быть, трудно рѣшить, но одна противоположность порождаетъ другую.

Еще задолго до ближайшаго столкновенія съ западомъ, въ русскомъ народѣ и московскомъ правительствѣ возникло высокомеріе, стремленіе къ величію. Котошихинъ: „Россійскаго государства люди породю своею спесивы и необычайны ко всякому дѣлу, повеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго неимѣють и неприемлють, кромѣ спесивства и безстыдства, и ненависти и неправды...

...Для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылають, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычай, и вольность благую, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія неимѣли и немыслили. „Котошихинъ. О Россіи въ царств. Алекс. Мих.“ 42—3.

Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ не закоренѣлую спесь, способную выдержать всякое испытаніе, а спесь неустойчивую, готовую при первомъ случаѣ превратиться въ малодушіе и уныніе. Уже здѣсь намекъ на многое, что случилось послѣ и случается до

нынѣ. Много благородныхъ душъ, способныхъ сливать свою жизнь съ жизнью общества, истерзались и погибли въ непрестанныхъ переходахъ отъ опьяненія національною гордостью къ похмелью національнаго униженія. Эти колебанія исключали спокойное чувство человѣческаго достоинства, братское отношеніе къ другимъ народностямъ и спокойный трудъ, личное счастье. Въ поэзій и исторіи они исключали спокойное, объективное изображеніе жизни съ ея добромъ и зломъ. Эти колебанія сказываются въ литературѣ въ переходѣ отъ торжественной оды къ сатирѣ. Гоголь совмѣщаетъ въ себѣ противоположныя настроенія, свойственныя той и другой. Это заставляетъ его и въ Русскомъ и въ Россіи видѣть крайности.

„Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ (М. Д.) выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ вѣзкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены.... чтобы.... предстала.... весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, *преимущественно передъ другими* народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также *преимущественно* предъ *всѣми* другими народами. Я думаю, что *лирическая сила*, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а *сила смѣха*, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ“. Авторская испов. IV 808.

....Но..... можетъ быть въ сей же самой повѣсти почувются иныя еще доселѣ небранныя струны; предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа; пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, каковой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія; и мертвыми поважутся предъ ними *всѣ* добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ

мертва книга передъ живымъ словомъ! подымутся русскія движенія.... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ.... М. Д. С. III 240.

Ничего еще не было подобнаго въ свѣтѣ. „Никогда еще не было“ etc. Что часто говорится о постороннемъ, то примѣняется и къ себѣ. Сюда — мѣста, гдѣ Гоголь считаетъ себя *исключительно личностью* со своимъ особымъ Богомъ. Такія утвержденія теряютъ свою гиперболичность и обнаружатъ долю истины въ нихъ заключенную, если будутъ примѣнены ко всѣмъ: всѣ, великіе и малые, единственны въ своемъ родѣ и находятся въ исключительно интимныхъ отношеніяхъ къ своему Богу, если его имѣютъ. *Своя страна и народъ—исключительная страна и народъ.* М. Д. С. III, Ср. ib. 171 и сл.

— Душа жены—хранительный талисманъ для мужа.... и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его на вѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда невыражались женскія строки... Переп. IV, 573.

Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у (самого) Жуковскаго во всемъ, что онъ ни писалъ доселѣ, и даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигла до такой полноты русская рѣчь. Тутъ заключались *всѣ* ея извороты и обороты во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. *Безконечно* огромные періоды, которые у всякаго другого вышли бы вялы, темны, и періоды сжатые краткіе, которые у другого были бы черство обрублены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что кажется, какъ бы пропалъ всякій слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самаго переводчика, IV, 592.

Крайности возрѣній Гоголя на русскій народъ могли быть только усилены вліяніемъ славянофиловъ. Они въ Гоголѣ органичны. ¹⁾

Успѣхъ общества и вмѣстѣ заслуга Пушкина въ томъ, что онъ нашелъ настроеніе и языкъ для спокойнаго изображенія жизни, спокойнаго чувства собственнаго достоинства и достоинства другихъ, спокойной любви къ своему безъ ненависти и презрѣнія къ чужому. — Гоголь. 1842 г. „Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу застать васъ не за Ж. П. Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа.“ Изд. Кулиша V, 463.

Въ нѣсколько разъ. Какъ бы чувствуя свою наклонность къ гипперболѣ, и какъ бы стараясь ей противодѣйствовать, Гоголь любитъ сводить къ опредѣленному *нѣсколько* (по возрѣвію русск. яз.—отъ 2 до 4) неопредѣленныя выраженія интенсивности качества, вдвое, вдесятеро, во сто разъ, на *гораздо* (*многимъ*), и тѣмъ опять впадаетъ въ гипперболу.

— „Эти небольшіе ростовщики бывають въ нѣсколько разъ безчувственнѣе *всякихъ* большихъ. Портретъ. II, т. 45.

... „Обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе *всякихъ* мечтаній IV, 572—3.

... „Мѣрами непринудительными и насильственными, но сильнѣйшими въ нѣсколько разъ *всякихъ* насильственныхъ. 729.

... „Съ вашей робкой неопытностью вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная.“ *ib.* 576.

... „Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ *ib.* 625.

... „Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ.“ *ib.* 638.

¹⁾ См. переписка т. IV, 586, 588, 600, 611, 671, 705. Хотя и возстаютъ противъ къвасного хвастовства. *ib.* 601, 656.

...„Вы изумитесь потомъ, когда увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ пріютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній. *ib.* 678.

...„Ругни его (мужика) при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него *въ нѣсколько разъ* полезнѣе *всякихъ* подзатыльниковъ и зуботычекъ.“ *ib.* 685.

...„Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что внѣ и вокругъ насъ. *ib.* 708. Я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ *тысяча* путей для него. Соч. изд. Кулиша. V, 109.

Гиперболичность видна тутъ въ томъ, что гдѣ можно, понятие о предметѣ, низшемъ по качеству, представляется всеобщимъ, („всякихъ“) и что разсмотрѣнный оборотъ встрѣчается въ сильной, внушенной гиперболическимъ чувствомъ рѣчи.

Чичик... „Меня обнесли враги.“ Генераль губернаторъ Чичикову:

— Васъ неможегъ никто обнести, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можегъ выдумать послѣдній лжецъ (гиперб.). Вы во всю жизнь, я думаю, недѣлали небезчестнаго дѣла (гиперб.) Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь. (гиперб.) Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей. И это мало еще, потому что хуже ты въ *нѣсколько разъ*, чѣмъ тѣ, что въ армякахъ и тулупѣ, а вѣдь ты...“ Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго дыму съ пламенемъ... III, 392—3.

Это примѣръ связи гиперболы съ сильнымъ чувствомъ и вмѣстѣ примѣръ отсутствія объективности слога. Губернаторъ говоритъ языкомъ самого Гоголя. Ср. письмо къ Генераль губернатору бывшему и будущему IV, 712.

[Превосходная степень]: (Героя) выработались (у меня) из познанія природы человѣческой *юраздо полтѣйшаго*, чѣмъ какое было у меня позже. Соч. IV, 813; угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись *самыя мельчайшія* подробности его вѣщности, *ib.*; внига *несравненно люботытнѣйшая* Мертвыхъ Душъ, IV, 644. Словомъ можно было сдѣлать (много?) нападеній *несравненно дѣльнѣйшимъ*, выбрать меня больше, нежели теперь бранять, IV, 645. Теперь переводъ *первѣйшаго* (превосход.) поэтического творенія производится на языкѣ *полтѣйшемъ* и *богатѣйшемъ* всѣхъ европейскихъ языковъ, IV, 586; ты умѣлъ предпочесть его (званіе свое) другимъ *оыоднѣйшимъ* должностямъ, IV, 579.

16 марта 1837 г. Шлетневу о вліяніи Пушкина. „Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я невоображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе, вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы.“ Соч. изд. Кулиша, V, 286—7.—
30 марта 1837 г. Погодину: „Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ Русскій, какъ писатель, я...я и сотою доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его *стикое* и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. Соч. Изд. Кул. V, 268.“

Иронія не однородна съ тропами (синекдоха, метонимія, метафора), во-первыхъ, потому, что съ одной стороны можетъ вообще обходиться безъ образа (напр. быть чистымъ формальнымъ утвержденіемъ вмѣсто отрицанія: „да, какъ же!), съ другой—неисключаетъ троповъ, можетъ быть антономасіей (Новѣйшій Регуль, Пушки. Онѣг. VI, 5) метафорой, въ частности аллегоріей. Во вторыхъ, въ ироніи X, искомое—не объективные признаки значенія, какъ въ тропахъ, ибо значеніе въ этомъ смыслѣ сознается говорящимъ до выраженія въ формѣ ироніи, а выраженіе чувства, сопровождающаго это значеніе. Такимъ образомъ иронія въ отличіе отъ троповъ, не есть средство познанія свойства явленій.

Eipovēia, отговорка, какъ предлогъ уклониться отъ чего; лукавое притворство, когда человекъ прикидывается простакомъ, незнающимъ того, что онъ знаетъ.

Въ этомъ смыслѣ—иронія Сократа, діалектической приѣмъ коего состоялъ въ томъ, что онъ начиналъ изслѣдованіе вопроса, становясь самъ на точку незнанія, на которой стоялъ собесѣдникъ. Греческіе риторы ограничили значеніе термина, приурочивши его къ тому случаю мнимаго познанія, когда нѣчто обозначается своею противоположностью. (ср. Wackernagel. 402—3).

Какъ всегда, отрицаніе предполагаетъ утвержденіе, такъ и здѣсь побужденіе къ такому представленію состоитъ, съ одной стороны, въ ожиданіи того, что нѣчто должно быть таково-то, ожиданіи, которое въ силу инерціи мысли сохраняетъ свою видимость и тогда, когда противорѣчіе дѣйствительности разомъ подрываетъ его основанія.

Изъ того, что Эвмей принялъ и угостилъ неузнаннаго имъ Одиссея, слѣдуетъ для Эвмея, что онъ отпустить гостя съ миромъ и тѣмъ наживетъ добрую славу и спокойную совѣсть; но гость предлагаетъ ему завладѣть: если Одиссей возвратится, ты дашь мнѣ платье и отправишь на родину; если нѣтъ, ты меня сбросишь съ утеса, чтобъ другимъ лгать было неповадно.

При спокойномъ состояніи духа, или если бы гостепріимство, имъ оказанное, было меньше, на это Эвмей могъ бы отвѣтить

простымъ отказомъ: нехочу тебя убивать ни въ какомъ случаѣ, чтобъ ненажить дурной славы; но подѣ влияніемъ упомянутаго ожиданія онъ отвѣчаетъ ироніей:

„Другъ, похвалу бѣ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь, и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться!
Одис. XIV, 402.

Отъ Алкиноя, какъ гостя въ домѣ Телемаха, младшаго по лѣтамъ, ожидается деликатность и отеческая заботливость о пользѣ хозяйской, напр. чтобы хозяйское добро даромъ не пропало; но онъ, гость непрощенный и немилый, самъ нахальный дармоѣдъ, ругаетъ слугу дома Эвмея за то, что онъ съ согласія хозяина позволилъ бродягѣ просить въ домѣ милостыню. (Од. XVII, 375).

Это вызываетъ Телемаха:

„Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный печешься,
Другъ Алкиной, выгоня своимъ повелительнымъ словомъ,
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ, но будетъ ли Дій
тѣмъ доволенъ. Од. XVII, 397.

Иронія, соединенная съ ядовитой насмѣшкой — *σαρκασμός* (*σαρκάζω*, терзаю тѣло, *σάρξ*). Одисс. XVII 195, 290.

Смерть — бракъ: понавѣ собі павянку.

Какъ способъ доказательства и убѣжденія, иронія есть доведеніе даннаго въ образѣ до абсурда съ тѣмъ, чтобы ярче выставить дѣйствительность или необходимость значенія.

Въ слѣдующемъ наставленіи молодымъ иронической образъ вызванъ житейскимъ опытомъ, показывающимъ (какъ думаютъ не совсѣмъ вѣрно), что „больше въ лѣсу кривого, чѣмъ прямого“, что супружеское согласіе, какъ вообще добродѣтель — рѣдко: „після сѣго староста звелівъ посватанним, щобъ кланялись перш батькові у ноги тричі, а якъ поклонились у третє та й лежать, а батько їмъ и каже“:

„Гляди жъ зятю, жінку свою бий и вранці и ввечери, и встаючи и лягаючи, и за діло и безъ діла, а сварись зъ нею по всяк час. Несправляй їй ні плаття, ні одежі; дома не сиди, таскайся по шинках та по чужих жинках; то съ жинкою у п'арці, и зъ діточками як раз пійдете у старці. А ты дочко, чоловіку неспускай и ни въ чім ёму неповажай; коли дурный буде, та поїде въ поле до хліба, а ти йди у шинок, пропивай останній шматокъ; пий, гуляй, а він нехай голодує; та и впечі віколи нехлопочи: нехай паутиннем застелеться п'ічь. От вам и вся річь. Ви вже не маленькі, вже сами розум маєте, и що я вам кажу, и як вам жити знаєте“. Квитка. Маруся.

От неп'яні учора були? Замість говіння великдень справляють.... Кв. I, 244.

Отъ уже не зрадовалась Івга! И плаче, и регочется, и кидається губернаторові в ноги, и руки ловить ціловати ёму II. 252.

Ср. Бр. изъ избы сору не выноси. „Свекоръ даєть невѣсткѣ такое ироническое и двусмысленное наставленіе: „ты дачушка, паша избу (подметая) шумки (сметье, соръ) за окно не выбидывай (и не выноси сору, не сплетничай); я, дождавшись Св. Петра, сбіяру талаку и самъ шумку вывязу“. О связи нѣкотор. представл. 16 и примѣч.

Простое отрицаніе въ восклицаніяхъ усиливаетъ положительное значеніе: „И Василь же нехитрый! Коле володу, та чи вдарив обухом разъ або два, тай зірк на комір'ячу дверь. Такъ як раз и є: тамъ Хвекла визірнула“... „Отъ тобі й скарб“, Кв. II, 160 (Кулішъ) ів. 162.

Вийшла одна: неступає вамъ здрібна, ні! Хтось гадав би, що незнати що; вийшла друга: так вам и подюндюжилася“.... Хведьк.... Люба-згуба.

Танецъ завівъ Илашъ с Калиною, а парубки каждай собі по дівці, та гай за Илашем, так и разносяться! А топірці не літають, ні! Аж за очи ловлять, так блищать на сонці.... А дівочки вам не розпустні, ні! Навіть и ні в той б'ів, що мами ззаду ди-

вляться та лишь собі на носі нарубують, кільки би то донецці кулаків дома усипати, або таки ще дорогою, вертаючи с храму.... ів.

Але коні нержуть вам, ні! Аж страшно якось слухати; але ненонче їх було й чути, бо парубки негрімають вам с пістолєм, ні! Одні с хати вріз вікна, а ми знов відси з надвіря, аж гори відзиваютьця, таке грімаємо! А музика в хати не тужить, ні! аж мороз иде тілом, ів....

На вопросъ: будетъ ли то-то? дается утвердительный отвѣтъ, но подъ невозможными условіями:

Коли, брате, въ гості будеш? и пр.

— Овако ти могу дуовати;

Да созидам кулу од камена,

Да те бацим у камену кулу.

Пак да кључе у море забацим;

Када кључи изъ мора изаџу.

Онда ћеш се грека опростити, Кар. II, 74.

12 владыкъ и 300 монаховъ соглашаются отпустить царю грѣхъ (онъ билъ своихъ родителей) за дары. Тогда царь къ 300 дьячкамъ (ученикамъ):

Ћеца муче, ништа не говоре,

Но бесједи самоуче ћаче,

Неговори цару по хатеру,

Већ говори Богу по закону:

Круно наша, царе Константине!

Лако ћемо тебе дуовати:

Ти начини лучеву ћелију,

Намажи је лојем и катраном,

Затвори се, царе, у ћелију,

Запали је са четири стране,

Нека гори с вечер' до свијета,

Ак' останеш, царе, у ћелији,

Онда си се грија остајао, Кар. II, 91—2.

Ср. Thannhäuser исповѣдуются папѣ:

„Ich bin gewesen ein ganzes Jahr
Bei Venus, einer Frauen,
Nun will ich Beicht' und Buss' empfang
Ob ich möcht' Gott anschauen.
Der Papst hat einen Stecken weiss,
Der war von durren Zweige:

„Wann dieser Stecken Blätter trägt,
Sind dir deine Sünden verziehen. (Гейне Die Götter in Exil).

Онѣгинъ „получилъ... докладъ, что дядя при смерти въ по-
стелѣ и съ нимъ проститься былъ бы радъ.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ“. I, 42.

„Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣ мнѣ домашній кругъ.
Гдѣ я могу...“—Опять *эклога*, Он. III, 2.
Развратъ... наукой славился любовной.

Но эта *важная* забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянь. Он. IV, VIII.

... И вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ—предъ нимъ собранье
Хранить глубокое молчанье...
Его привѣтствуютъ“ и пр.
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый шьетъ. *ib.* V 23.
Ihr edlen Deutschen wisst noch nicht,
Was eines treuen Lehrers Pflicht
Für euch weiss zu bestehen;
Zu zeigen, was moralisch sei,

Erlauben wir uns frank und frei,
Ein Falsum zu begehen.

Hiezu haben wir Recht und Titel:
Der Zweck heiligt die Mittel.

Verdammen wir die Iesuiten,
So gilt es doch in unsern Sitten. Göthe, Xen. V 82.

Ich hielt mich von Meistern entfernt;
Nachtreten wäre mir Schmach!
Hab'alles von mir selbst gelernt".
Es ist auch darnach! ib. VI, 85.

Иронія—фигура. Она может обходиться вовсе без троповъ: „хорошо!“, „кавже!“, „эге!“; может заключать тропъ: вона у насъ процвітає, якъ *макуха* під лавою“ (богомільячко знає, як жидівська кобила).

Въ силу большого разстоянія между представленіемъ и значеніемъ, иронія формальной противоположности (отрицанія того, что утверждается или замѣны представляемого ею вещественной противоположностью, напр. *добрый* вмѣсто *злой*) есть иносказаніе. Въ частности иронія можетъ заключать въ себѣ другіе тропы, напр. ироническую антономасію, аллюзію. Онѣг. VI, 5:

И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго сваясь,
Какъ зюзя пьяный, и французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Верн
Въ долгъ осушать бутылки три.

Въ тѣсномъ смыслѣ метафорична та иронія, въ которой представленіе берется изъ круга мыслей, неизмѣющаго видимой связи съ обозначаемымъ.

Ударъ оружіемъ—поздравленіе, пожеланіе, сюрпризъ, подарокъ:
три грабителя хотять вымѣнять коня у Милоша, а когда онъ на это несогласуется, грозятъ отнять силу:

Ал говори Милош Воинович:

„Сила отме земљу и градове,
Камо л' мене коня отет' неће!

Волимъ дати коня по размјену,
Јер немогу пјешке путовати.

....Они мисле, бакрачлију (стремя) скида,

Ал он скида златна шестоперца,
Те удари њаковицу Вука.

Колико га лако ударио,
Три пута се Вуче преметнуо.

Вели њему Милош Воинович:

„Толики ти родили гроздови

„У питомой твојој њаковици!“ Кар. П. II, 142 и дальше.

Удри брата по бедри лијевој;

Колико го лако ударио,

На бедри му сабљу пресијече

И под сабљом од чохе чокшире. Чуб. Чојк. 60.

Можно при этомъ думать о пожеланіи въ родѣ того, какъ полагайникъ, ударивши ожогомъ по бадняку, чтобъ посыпались искры, говорить: „оволико говеда, оволико коня и пр.

Видну Милош изъ грла бијела:

„Ето тебе, од шта се ненадаш“

Па он пусти злата шестоперца;

Колико га лако ударио,

Из бојна га седла избацио Кар. ib. 153.

Па се сташе даривати даром,

А њинијем даром немилијем:

Из пушака црнијех крушака, ib. 561.

Пьянъ—мертвъ, Мое слово о П. И. 64. Небогата (ир.) Зап. о Ю. Р. I, II. Невелику зазнобу. ib. 20.

Случаи, когда ироничность появляется только для слушателя (самообольщение, сумашествие) Zima 53—4. (Это къ положенію, что отрицаніе изъ утверждєнія).

Mimezis, Zima 54.—N пришоль,—какже! пришель! *Χαριεντιομός* мнимодоброжелательная иронія, Zima 58 и др. виды ироніи ib. 59—60.

На казаку бідному нетязі сапьянці
Видни пѣти и палці,
Де ступить—босої ноги слід пише.
А ще на казаку бідному нетязі шапка-бирка:
Зверху дїрка,
Шовкомъ шита, буйним вітром підбита,
А околиці давно немає. М. 377.

(Отрицаніе) Не плач, мате, нежурися!

Недуже го порубано,
Недуже го постріляно:
Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
А ніжечки на чашечки,
Бїле тіло якъ макъ мїлко!
Неплач мати, нежурися,
Бо вже сына поховано,
Вже му хату збудовано,
Без дверь хата, без віконець... Гол. I 24. Ср. ib. 99; III, 8.

Битва—пиръ; свадьба (О нѣкотор. символахъ 14 —6), завтракъ:

Ми смо вама сигурали ручак:
Из пушаках црнијех крушаках,
Од ножевах црвеного вина. К. II. IV 114.

Турокъ, у котораго Марко хотѣлъ купить саблю своего отца Вукашина, оказался убійцею этого Вукашина. Марко убиваетъ турка и бросаетъ его тѣло въ рѣку, беретъ саблю и свои деньги. На вопросъ, куда дѣлся этотъ турокъ, Марко отвѣчаетъ:

„Проґите се, турци јаничаре,

„Узе туре гроше и дукате

„Паџ отиде морем трговати“.

Сами турци међу собом зборе:

„Тешко турком тргујући с Марком. Кар. II, 348.

Смeрть—бракъ.

— „Некажи, вѣню, що я втопився,

„А важи, коню, що я женився,

„Круті береги—бояре мої,

„Холодна вода—да то молода....

Братъ будто бы хочеть жениться на сестрѣ, которую сватають многіе. Она идетъ топитья.

„Кад зе дошла мору на обалу

Осврте се на четири стране,

Сузе рони, потијо говори:

„Ој брегови, моји деверови!

„Обалоце, моје јетрвице,

Крекушице (родъ рыбы), моје заовице! Кар. I 534.

Убитому турку, который передъ тѣмъ похвалился:

„Без ђевојке сан боравит' нећу,

„Хоћеш, мујо, лијепу ђевојку?

„Ето тебе лијеле ђевојке,

„А ђевојке зелене травице.

— Понявъ собі панянку Гол. I 98, 100, 101, III, 7 Богишић Нар. п. 61, 65.

Особаго рода стилистическая иронія происходитъ при сознаниі (самимъ говорящимъ, или лишь слушающимъ) противоположности между высокимъ слогомъ словесной оболочки и пошлостью или низостью мысли. Если словесная форма такой ироніи сохраняетъ явственные слѣды того произведенія или того рода произведеній, изъ коего она взята, то получается пародія, все равно, пародируется ли самое произведение, или же пародія служитъ средствомъ представленія въ комическомъ видѣ лицъ и событій, немѣющихся связи съ упомянутымъ произведеніемъ.

Ср. начало думы о бурѣ на Чорномъ морѣ и Алексѣѣ Поповичѣ:

„На чорному морі на білому камені
Ясненкій сокіл жалібно квилить, проквиляє
Смутно себе має, на чорнеє море спилна поглядає,
Що на чорному морю недобре ся починає...
... А из низу буйний вітер повіває.
А по чорному морю супротивна хвиля вставає,
Судна казацькі на три части разбиває....

Могла быть подобная дума о крушеніи турецкаго корабля, на которомъ были козаки-невольники—(ср. Антоновичъ и Драгомановъ. I, 89, Дума о Самойлѣ Кошкѣ). Отсюда:

„На синѣму морю, під припичком долі
Да тамъ куца собака обметицю Іла.
Де невзялась з помийниці супротивна хвиля,
Тому куцому собаці при самій сраці хвіст одкрутила.
А я сильне злякався,
На темні луга, на густі ліса, на дикі степа
На ніч у вуточок сховався.
Черезъ комін поглядаю,
Тамъ вареники невілники в сметані потопають,
А я на їх велике милосердіє маю....

(Вѣроятно: по два, по три у руки забираю, у рот покладаю). Чуб. V, 1170.

Церковно славянск. яз.:... Горе мені, пане сотнику! казав Пістряк, мимошедшую седмицю глумляхся з молодицями по шиночкам здешной палестини и, вечеру сущу минувшаго дне, бих неподвижен, аки влада, и нім, аки риба морская и пр.“ Конот. в. Кв. I, 185.

Сарказмъ—насмѣшка злобая или горькая, когда тотъ, надъ кѣмъ смѣются, или вмѣстѣ и тотъ, кто смѣется, находятся въ положеніи, менѣе всего располагающемъ къ смѣху.

По винѣ Ивана Черноевича и стеченію многихъ обстоятельствъ, свадьба его сына Максима, которая могла бы быть его гордостью, обратилась въ гибель для многихъ, несчастье и позоръ для него и его сына.

Онъ ищетъ на побоищѣ своего сына и находитъ племянника, человѣка, который одинъ только своимъ разумнымъ совѣтомъ хотѣлъ отвратить несчастье.

„Залуду га Иванъ находио:
У крви га познат, не могаше,
Мимо њега јунак пролазаше;
А виѣ га Јован—капетане
Те ујаку Иву проговара:
„Мој ујаче, Црнојевић Иво!
Чим си ми се тако понесао:
Или снахом или сватовима,
Ил' господским даром пријательским,
Те непиташ несретна сестриѣа,
Тесу ли му ране досадили?“
Виѣ Иван, па сузе просипље,
Из крви га мало исправно:
„Мој сестриѣу, Јован-капетане!
Тесу л' твоје ране за видање?...
— Проѣи ме се, мој ујаче Иво!
Камо очи? њима негледао
Оваке се ране невидажу. Кар. II, 562—3.

Смѣшное. Уже выше, говоря о сарказмѣ, пришлось поневолѣ употреблять слово „насмѣшка“, „смѣяться.“ Это указывает на средство ироніи и смѣшного, впрочемъ непростирающееся до тождества. Это средство помогаетъ выдѣлить изъ смѣшного въ обширномъ смыслѣ, т. е. того, что производитъ смѣхъ, смѣшное эстетическое, входящее въ область искусства, подлежащее разсмотрѣнію его теоріи.

Смѣшное эстетическое есть то, въ которомъ смѣхъ причиняется извѣстнымъ сочетаніемъ мыслей, вызваннымъ въ томъ, который смѣется, поступками, словами, дѣйствіями другого или самого автора, который въ этомъ случаѣ смотритъ на себя, какъ на постороннее лицо. Эстетическое смѣшное есть одно изъ доказательствъ, что теченіе мыслей есть пространственное движеніе.

Подобно всѣмъ тропамъ и всякому пониманію, смѣшное есть процессъ, т. е. состоитъ въ смѣнѣ мысленныхъ актовъ: подобно ироніи, смѣшное есть дѣйствіе неоправданнаго *ожиданія*, известнаго столкновенія положительнаго и отрицательнаго и наоборотъ.

Но въ ироніи говорящій ни на мгновение незаблуждается относительно значенія образа, т. е. того, что онъ говоритъ (или въ ироніи движеній — значенія жеста, въ ироніи живописной — фигуры); слушатель (или зритель) въ этомъ раздѣляетъ его настроеніе.

Въ смѣшномъ говорящій (въ метономичномъ смыслѣ слова) заблуждается относительно значенія образа; слушающій въ первое мгновение раздѣляетъ его настроеніе, но затѣмъ быстро, неожиданно для самого себя, исправляетъ свое заблужденіе, что производитъ въ немъ фізіологическое явленіе смѣха. Быстрота смѣны ожидаемаго болѣе или менѣе противоположнымъ есть непремѣнное условіе смѣха. Поэтому отъ повторенія смѣшное перестаетъ быть смѣшнымъ.

Отъ этой мимолетности смѣшного зависитъ, что при научномъ его анализѣ особенно очевидно, что мы анализируемъ лишь мертвый препаратъ.

Мефистофель говоритъ это о логикѣ, химіи и затѣмъ о наукѣ вообще:

Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist herauszutreiben;
Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige Band. Göthe, Faust, I,
(сцена со студентомъ).

Разница тутъ съ точкой зрѣнія Мефистофеля лишь въ томъ, что тутъ и безъ нашего желанія, наперекоръ ему, жизнь улетучивается сама собою.

Присутствіе лиричности, наличность чувства, выражаемаго тономъ рѣчи (восклицаніемъ), отличаетъ малорусскіе случаи, какъ „отъ уже и незрадовалась N!“ отъ того явленія, что сліяніе от-

рицательной частицы со словомъ даетъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ „не отрицаніе значенія, а превращеніе его въ противоположное“ *ne* (слитное) *dient nicht zur Negierung eines Begriffes, sondern zur Verkehrung derselben in sein Gegentheil*“, Mikl. Synt., 175).

Собственно отрицаніе не создаетъ новаго значенія: Ср. *нетель*, млр. *неслухъ*, *неукъ*, *немоць*. Но если слово безъ отрицанія уже получило значеніе хорошаго и высокаго качества, то съ отрицаніемъ оно получаетъ значеніе дурного и низкаго: млр. *слава*—*неслава* (безславіе), *доля* (=добро)—*недоля*, вкр. *толки*—*безтолковье*, млр. *година*—*негода*, вкр. *погода*—*непогода*, млр. *бути*—*изнебутися*, *воля*—*неволя*, *путный*—арханг. *непутъ* (безпутный человекъ).

Расширеніе кругозора литературы, переходъ отъ избраннаго общества чувствъ, ему доступныхъ, къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе ложнаго классицизма и риторичности проникаетъ къ намъ въ видѣ *пародіи* (Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій). Еще удерживается остовъ классическаго произведенія (Энеида, оды Горація), еще помнится напыщенность декламации, которая одна считалась соотвѣтственной важности этихъ произведеній, но въ эти формы влагается непосредственное наблюденіе явленій народной жизни, и языкъ отвлеченный замѣняется живымъ. Даже для того, чтобы пародировать народную жизнь, противопоставляя ее возвышенности классицизма, нужно знать эту жизнь и мало того—любить ее. Ибо бессознательно эта простонародная жизнь, эготъ языкъ были извѣстны и писателямъ, какъ Лазарь Барановичъ, однако они ее неизображали, или изображали мало, неполно, неуклюже. (Петровъ, Оч. уст. укр. лит. 29). Самая форма пародій измѣняетъ Котляревскому (Низъ и Эвріаль).

Пародія. Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше благодарить Георгіевскихъ кавалеровъ за молодецкую службу.

Министръ юстиціи изволилъ благодарить чиновъ судебного вѣдомства за ухарскую службу.

Министръ народнаго просвѣщенія изволилъ благодарить профессоръ университета за лихое чтеніе лекцій и студентовъ за заливатское ихъ посѣщеніе.

Архіерей — настоятеля N-ой церкви за бравое и хватское исполненіе имъ обязанностей.

Отділъ третій.

М И О Ъ.

Мышленіе поэтическое и мнѣическое.

Отношеніе пониманія къ поэтическому образу двояко: а) Можно признавать образъ лишь средствомъ объясненія и въ объясняемомъ пользоваться лишь нѣкоторыми чертами образа, отбрасывая другія.

б) Можно цѣликомъ переносить образъ въ значеніе. При этомъ два случая: а) Или мы приписываемъ такое пониманіе только поэту, сами же дѣйствительно или мнимо стоимъ на болѣе возвышенной точкѣ; б) или мы сами такъ понимаемъ, причемъ поэтъ можетъ стоять или наравнѣ съ нами, или выше.

Къ а) относятся упреки Бѣлинскаго Пушкину, вытекающіе изъ предположенія: что Пушкинъ „не смотрѣлъ на предметъ глазами разума“, что онъ навязывалъ свои личные ошибочные взгляды, какъ правила, т. е. при всемъ талантѣ, будучи менѣе уменъ и образованъ, чѣмъ Бѣлинскій, выдавалъ неправду за истину. (О стихотвор. „Чернь“ — Бѣлинск. соч. VIII 398 — 400, о стих. „Поэтъ“ ib. 400—2; „Родословная“, ib. 647—54).

Упреки Пушкину за дворянскую спесь тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго было гораздо больше барства въ укоризненномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ въ воззрѣніяхъ Пушкина: Мужицвій міръ „слишкомъ доступенъ для всякаго таланта.... такъ тѣсенъ, мѣлокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ недолго будетъ воспроизводить его“ (Бѣл. соч. VIII, 512 и 521). „Русскій поэтъ можетъ показать себя истинно-національнымъ поэтомъ, только изображая.... жизнь образованныхъ сословій“ (ib. 520).

б) Поэтъ, какъ выше, можетъ невыдавать своего образа за законъ, но образъ, помимо его воли, въ силу уровня пониманія, изъ символа становится образцомъ и подчиняетъ себѣ волю понимающихъ:

„Марлинскій теперь устарѣлъ, никто его нечитаетъ, и даже надъ именемъ его глумятся; но въ 30-хъ годахъ онъ гремѣлъ, какъ никто, и Пушкинъ, по понятію тогдашней молодежи, не

могъ итти въ сравненіе съ нимъ. Онъ не только пользовался славою перваго русскаго писателя; онъ даже—что гораздо труднѣе и рѣже встрѣчается—до нѣкоторой степени наложилъ свою печать на современное ему поколѣніе. Герои а la Марлинскій попадались вездѣ, особенно въ провинціи и особенно между армейцами и артиллеристами. Они разговаривали, переписывались его языкомъ; въ обществѣ держались сумрачно, сдержанно, „съ бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови“, какъ лейтенантъ Бѣлосоръ, въ „Фрегатѣ Надеждѣ“; женскія сердца „пожирались“ ими. Про нихъ сложилось тогда прозвище „фатальный“. Типъ этотъ, какъ извѣстно, сохранялся долго, до временъ Печорина. Чего, чего небыло въ этомъ типѣ? И байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона; вѣра въ судьбу, въ звѣзду, въ силу характера, поза и фраза—и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствительная сила и отвага; благородныя стремленія—и плохое воспитаніе, невѣжество; аристократическія замашки—и щеголянье игрушками. Тург. „Стукъ, стукъ, стукъ“¹⁾.

Языкъ объективируетъ мысль. Чтобы дойти до мысли о нашемъ я, какъ о нашей душевной дѣятельности, какъ о чемъ-то немислимомъ внѣ этой дѣятельности, нуженъ былъ длинный окольный путь. Онъ шелъ черезъ наблюденіе тѣни, отраженія человѣческаго образа въ водѣ, сновидѣній и болѣзненныхъ состояній, когда „человѣкъ выходитъ изъ себя“ въ созданію понятія о душѣ, какъ двойникѣ и спутникѣ человѣка, существующемъ внѣ нашего я, о душѣ, какъ человѣкѣ, находящемся въ насъ, о душѣ, какъ болѣе тонкой сущности, лишенной тѣлесныхъ свойствъ (см. ниже

¹⁾ Вліяніе повѣстическаго образа, примѣненіе къ себѣ J. Jaque Rousseau „Confession“ Толстой „Юность“, соч. I. 392 и слѣд.

Вліяніе романовъ—Онѣгянъ, II 29, III 9 и слѣд. „Довласовъ обветшала слава“ Онѣг. IV 7.

Rousseau: (читая Плутарха) je me croyais Grec ou Romain; je devenais le personnage, dont je lisais la vie: le récit de traits de constance et d'intépidité, qui m'avaient frappé, me rendait les yeux étincelans et la voix forte. Un jour que je racontais à table l'aventure de Scevolâ on fut effrayé de me voir avancer et soutenir la main sur un rechaud pour représenter son action (Les Confessions, livre pr. 1712—1719).

миѣнческое мышленіе и умозаключенія въ области метафоры и метониміи).

Этотъ путь заключаетъ въ себѣ, какъ частность, измѣненіе взглядовъ на отдѣльную мысль, какъ одно изъ проявленій нашего я. Чтобы дойти до убѣжденія, что доля мысли, связанная со словомъ — лично- и народно-субъективна; что она есть средство къ созданію другой, слѣдующей мысли и потому отдѣлима отъ этой послѣдней; что познаніе можетъ быть представлено, какъ безконечное сниманіе покрововъ истины: нужно было прежде всего поколебать эту мысль передъ собою и сознать, что она существуетъ. Слово даетъ не только это сознаніе, но и другое, что мысль, какъ и сопровождающіе её звуки, существуетъ не только въ говорящемъ, но и въ понимающемъ.

Если и намъ нужны усилія для того, чтобы представить себѣ, что слово есть извѣстная форма мысли, какъ бы застекленная рамка, опредѣляющая кругъ наблюденій и извѣстнымъ образомъ окрашивающая наблюдаемое; если эти усилія могутъ быть вызваны лишь богатствомъ опыта, наблюденіемъ измѣнчивости міросозерцаній по времени и мѣсту, изученіемъ чужихъ языковъ: то при меньшемъ запасѣ мысли и меньшей способности къ отвлеченію ничто подобное невозможно. Напротивъ, было необходимымъ перенесеніе свойства средства познанія въ само познаваемое, бессознательное заключеніе отъ очковъ къ свойствамъ того, что сквозь нихъ видно.

Слово было средствомъ созданія общихъ понятій; оно представлялось неизмѣннымъ центромъ измѣнчивыхъ стихій. Отсюда чрезвычайно распространенное, быть можетъ, общечеловѣческое заключеніе, что настоящее, понимаемое другимъ, объективно существующее слово есть сущность вещи; что оно относится къ вещи такъ, какъ двойникъ и спутникъ къ нашему я. Противнемъ этого вѣрованія служитъ другое не менѣе распространенное, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, римлянъ, въ средніе вѣка въ Европѣ, у славянъ и у дикарей новаго свѣта (Спенсеръ, Основы социологіи, I, 263), что къ изображенію человѣка переходитъ часть его

жизни, что между первымъ и вторымъ есть причинная зависимость, такъ что власть надъ первымъ, вредъ, причиняемый ему, отзывается на второмъ. Вѣрованіе это доходитъ вплоть до нашего времени (см. ниже мѣны и вѣрованія: 1) имя важнѣе вещи — лучшій журавель въ небі, ніж синица въ руках; 2) обычай сврывать имя отъ злыхъ людей; 3) давать ребенку имя, охраняющее его; 4) обычай у женщинъ произносить имя мужчины и 5) разные заговоры, основанные на вѣрѣ въ силу слова). При помощи слова создаются абстракціи, необходимыя для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ служащія источникомъ заблужденій.

„Не одинъ изслѣдователь, чувствующій себя на высотѣ XIX вѣка, относится съ высокоумной улыбкой къ средневѣковымъ номиналистамъ и реалистамъ и не можетъ понять, какъ люди могли дойти до признанія отвлеченій человѣческаго ума за реально существующія вещи. Но бессознательные реалисты далеко еще невымерли даже между естествоиспытателями, а тѣмъ болѣе между изслѣдователями культуры“. (Paul Principien, 13). Т. о. и въ наше время отвлеченія, какъ религія, искусство, наука разсматриваются нерѣдко, какъ субстанціи, нерасчлененныя и несведенныя на личныя психическія явленія и ихъ продукты. Конечно, практическія послѣдствія такихъ взглядовъ съ теченіемъ времени мѣняются. Нѣкогда жгли и истязали для пользы религіи, въ угоду Богу, недумая, что жестокое божество, требовавшее крови, было лишь ихъ собственное (говоря мифологично) жестокое сердце. Теперь съ разномыслящими поступаютъ нѣсколько иначе. Ученые еще нерѣдко признаютъ то или другое оскорбленіемъ науки или мягче — ненаучнымъ, вмѣсто того чтобы признать лишь несогласнымъ съ ихъ мнѣніемъ ¹⁾).

„Великое преобразование зоологіи въ послѣднее время въ значительной степени состоитъ въ признаніи того, что реальное бытіе имѣетъ только особи; что роды, виды, классы суть лишь

¹⁾ Wie einer ist, so ist sein Gott; Darum ward Gott so oft zum Spott, Göthe Spr. 60.

обобщенія и раздѣленія, произведенныя человѣческимъ умомъ и подлежащія произвольнымъ измѣненіямъ; что родовыя и индивидуальныя различія различны только по степени, а не по существу. (Paul Principien, 231). Подобное воззрѣніе должно лежать и въ основѣ изученія языка, чему положилъ начало Вильгельмъ Гумбольдтъ. „Языкъ есть дѣятельность“ (т. е. отдѣльной личности). Наибольше реальное бытіе имѣетъ языкъ личный. Языки племени, народа суть отвлеченія, и подобно всякимъ отвлеченіямъ подлежатъ произволу.

Впрочемъ нельзя не признать разницы между дожившими до нашихъ дней въ наукѣ отвлеченіями, какъ названія душевныхъ способностей: разумъ, воля, чувство и обособленіями вполне миеологическими.

Нѣкоторые ученые въ стремленіи къ болѣе точному опредѣленію вліянія языка на образованіе мѣа доходятъ до того, что видятъ это вліяніе только въ мѣахъ этимологическихъ. Но мѣа сроденъ съ научнымъ мышленіемъ въ томъ, что и онъ есть актъ сознательной мысли, актъ познанія, объясненія x посредствомъ совокупности прежде данныхъ признаковъ, объединенныхъ и доведенныхъ до сознанія словомъ или образомъ A .

Миеическое и немиеическое мышленіе апіорны въ томъ смыслѣ, что предполагаютъ прежде познанное (нами самими или предшествующими поколѣніями), сохраненное для настоящаго мгновенія посредствомъ слова и изображенія. Самое изображеніе становится объясняющимъ лишь при помощи слова. Слово существуетъ на ступени развитія низшей, чѣмъ та, на которую указываютъ простѣйшіе доходящіе до насъ мѣа.

Каждый разъ, когда новое явленіе вызываетъ на объясненіе преждепознаннымъ, изъ этого прежняго запаса является въ сознаніи подходящее слово. Оно намѣчаетъ русло для теченія мысли.

Разница между миеическимъ и немиеическимъ мышленіемъ состоитъ въ томъ, что чѣмъ немиеичнѣе мышленіе, тѣмъ явственнѣе сознается, что прежнее содержаніе нашей мысли есть только

субъективное средство познанія; чѣмъ миѳичнѣе мышленіе, тѣмъ болѣе оно представляется *источникомъ* познанія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мышленіе, чѣмъ первообразнѣе, тѣмъ болѣе апріорно.

Въ словѣ различаемъ значеніе и представленіе. Поэтому вліяніе слова на образованіе миѳа двояко.

Перенесеніе значенія слова въ объясняемое сходно съ тѣмъ случаемъ, когда видимый образъ становится миѳомъ. Напримѣръ:

„Я помню, говоритъ Тейлоръ, что ребенкомъ я думалъ, что увижу въ телескопъ на небѣ созвѣздія красными, желтыми, зелеными, какими мнѣ ихъ только что показали на небесномъ глобусѣ“ (Первоб. культ. I 282). Ребенокъ ожидалъ увидѣть на небѣ то, что онъ видѣлъ на глобусѣ. Но на глобусѣ могли быть изображены одни созвѣздія и неизобразены другія, и изображенія могли быть окрашены тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Этимъ опредѣлилось содержаніе миѳа.

Такимъ же образомъ, заключая отъ словъ къ небеснымъ типамъ или первообразамъ вещей въ духѣ Платона, очевидно можно было перенести на небо только тѣ обобщенія, которыя были даны въ языкѣ. А такъ какъ содержаніе языка народно- и лично-субъективно, то въ такой же мѣрѣ субъективны и миѳы такого рода.

Намъ можетъ казаться, что такіе миѳы независимы отъ вліянія языка, лишь до тѣхъ поръ, пока наше наблюденіе не выходитъ за предѣлы одного языка или остается въ кругу языковъ близкихъ по содержанію. Болѣе обширное сравненіе и болѣе внимательное отношеніе къ содержанію миѳовъ должно показать, что подъ вліяніемъ извѣстнаго языка извѣстные миѳы вовсе не могли бы образоваться, и что входящіе въ нихъ признаки различными языками группируются различно. Т. о. достаточно внимательнаго сравненія оригинала поэтическаго произведенія съ переводомъ, чтобы убѣдиться, что общее тому и другому есть отвлеченіе неравное содержанію ни подлинника, ни перевода.

М. Д. Деларю, носившій очки, говорилъ сыну ребенку (Д. М. Деларю) о всевидящемъ Богѣ. Ребенокъ замѣтилъ: „какіе жъ

должны быть у Бога очки!“ Такой миѣ могъ быть созданъ всякимъ ребенкомъ, въ языкѣ коего было слово *отецъ* и слово *очки*. Казалось бы, что черты національности и класса въ этомъ миѣ невыражены. Однако условіемъ легкости, съ какою понятіе, связанное съ *отецъ*, перенесено на Бога, могло быть здѣсь то, что и въ просторѣчій этихъ людей для *patet* было слово *отецъ* (а не батюшка), и въ молитвѣ сказано „отче нашъ“. Для малоросса-ребенка встрѣтилось бы нѣкоторое затрудненіе въ томъ, что отецъ для него *батько*, *тато*, а Богъ—*нѣтъ*.

Очевидно, что въ такого рода миѣахъ нѣтъ никакого забвенія первоначальнаго значенія словъ, нѣтъ никакой „болѣзни языка“.

Другого рода миѣны создаются *подъ вліяніемъ внешней и внутренней формы словъ, звуковъ и представленія*.

А) Вторичные календарные миѣы и обряды.

Требуется объясненія свойство дня, его значеніе для полевыхъ и др. работъ, его вліяніе. Объясняющіе запасы мысли это—наблюденіе и опытъ земледѣльца, пастуха, хозяйки и т. д. При этомъ—миѣическое возрѣвіе на слово, какъ на правду и сущность. День можетъ носить названіе только соотвѣтствующее его значенію и если онъ называется такъ-то, то это даромъ. Иностранное происхожденіе и случайность календарныхъ названій не признается. Звуки этихъ непонятныхъ названій напоминаютъ слова родного языка, наиболѣе связанныя съ господствующимъ содержаніемъ мысли и такимъ образомъ служатъ посредниками (*tertium comparationis*) между объясняющимъ и объясняемымъ. Будь звуки календарныхъ названій другіе, то и слова и образы, вызываемые ими, хотя и принадлежали бы къ тому же кругу мыслей земледѣльца и пр., но были бы другіе. Это—вліяніе формы языка. Бываетъ и то, что первоначально данные звуки календарныхъ названій невызываютъ въ памяти подходящихъ туземныхъ словъ; въ такомъ случаѣ эти звуки безсознательно видоизмѣняются и приспособляются къ господствующему содержанію мысли. Это—вліяніе на языкъ.

2-го февраля, на Срътеніе зима съ лѣтомъ встрѣтились, Даль 279.—Они олицетворяются, Чуб. III, 6.

24-го февраля. Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя „Птица гнѣздо обрѣтаетъ“ Д. 973. Мр. „Обертеніе“—„чоловік до жінки бертається“—начинаетъ ее больше любить (Ч. IV, 7).

8-го апрѣля на Руфа—„дорога (путь) рушится, Даль.

12-го апрѣля—Василій Парійскій—землю парить, Д.

1-го мая—Еремѣя—запрягальника, яремника.

2-го мая—Бориса и Глѣба. Боришь-день (у Даля—борис-день)—барышь-день (что-нибудь продать, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ), Д.—Мр. „на Глѣба Бориса—за хлѣб неберися“.

10-го мая Симона Зилота: копать зіля (цѣлебныя травы), исвать кладовъ (золота), Чуб. IV, 184.

11-го мая Обновленіе Царяграда—неработать въ полѣ, чтобы царь градъ невыбилъ хлѣба, Аѳ. II. В. I. 319.

21-го мая Константина и Елены (Олены)—сѣять ленъ, Даль, Чуб.

16-го іюня Тихона—солнце идетъ тише, пѣвчія птицы затихаютъ, Д.

19-го іюля Мокрины. Если мокро, то и осень мокра.

1-го августа Маквавѣевъ (Маковія—мр.)—макъ вѣять.

1-го ноября—Козьма съ гвоздемъ „закуеть“ (морозъ) Д.

11-го ноября Ѳедоръ Студить—землю студить и т. д. Въ формальномъ отношеніи календарныя мѣся не составляютъ особаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи безразлично, принесено ли слово, дающее поводъ къ созданію мѣся, извнѣ, выросло ли оно на почвѣ родного преданія; относится ли мѣся къ опредѣленному дню и пр. или къ случаю, несвязанному съ такимъ днемъ.

Пролистае гора Буковица

Закукае црна кукавица,

Доћи не намъ светителю цурпу

У зелену, на коњу зелену,

Донијеће свакојако цвѣће

Понајбоље млаѣне ѣвојке. Беговић. С. н. п. I, 107.

— *Qui pro quo*—въ значеніи предлога. Въ мр. предлоги съ и *ez* имѣють одну звуковую форму. Этимъ дана возможность заключенія по сходству отъ *sходити*—всходить въ *sходитись*—сходиться: „Як сей лён *изиходитъ*, такъ щоб до мене усі люде *изиходилися*, та мене сватали“ — примовляють дівчата, миючись зеленим лёном з тих зернят, що птиця упустила з рота на перехресті“. Ном. № 255.

Покровъ Пресв. Богородицы 1-го окт.—„О миѣнч. значеніи нѣкотор. обрядовъ“, 80—1: Св. Покр. покрый меня молоду. Въ „судный день“ жидовскій, который называютъ „*стояннй*“ несѣють, нето много будетъ пустыхъ *стоячихъ* колосьевъ, *Stecki Wołyn*. I. 60.

В) *Миѣны историческіе* объясняютъ происхождение племенъ, городовъ, заселеніе мѣстностей, происхождение учреждений и т. п. Общее стремленіе поэтического мышленія представлять неопредѣленное и общее—конкретнымъ направляется даннымъ собственнымъ именемъ. Названіе этихъ миѣновъ эпонимическими неотличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ отыменныхъ.

Дѣйствительныя отношенія расъ представляются сродствомъ ихъ родоначальниковъ. Сюда греческое сказаніе о братьяхъ-близнецахъ Данаѣ и Египтѣ, родоначальникахъ Данаевъ, гомеровскихъ грековъ и Египтянъ (*Ἕλλην* имѣлъ трехъ сыновей: *Ἄχιλλος*, *Δῶρος*, *Φοῖβος*; у послѣдняго два сына: *Ἀχαιοὶ* и *Ἴων*).—Еврейское сказаніе въ X кн. Бытія о сыновьяхъ Ноевыхъ: Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, какъ родоначальникахъ народовъ. Польское сказаніе о Лехѣ, Чехѣ и Руси.—Бяста два брата в Лясѣх, Радим, а другій Вятко и пришедша сѣдоста Радимъ на Сѣжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. Лѣт. ¹⁾).

---

¹⁾ *ичи*. Въ XIV вѣкѣ уже очень часто встрѣчаются названія селъ на *ичи*. Въ Черниговской грамотѣ 1361 (Ак. отн. до Ю. и З. Р. № 1, сооб. Зубр.): „приселки Пачковичѣ и Жолновичѣ, Комаровичи село, Узваторовичи село, Неѣловичи село, Верховичѣ село (Перемышльи 3. села), село Бурковицы; 1437 (А. Ю. и З. Р. I № 19) Митивичи, Ходарковичи, *ib.*; Ониполовици. Н. I 36, 37 (1, 8).—Володимеричи, Ил.² 468).

О 3-хъ братьяхъ Кий, Щевъ и Хоривъ, и сестрѣ ихъ Лыбеди, по именамъ которыхъ названы Киевъ, Щековица и Хоревница и Лебедь.— „Иви же несвѣдуще рекоша, яко Кий єсть перевозникъ былъ, у Києва бо бѣше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху; на перевозъ на Києвъ“. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царю городу; но се Кий княжаше в родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, яко же сказаютъ, яко велику честь приялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему вспять приде къ Дунаеву, възлюбилъ мѣсто и срубилъ градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ и недаша ему ту близъ живущи; еже и до нынѣ наричють Дунайци городище Киевецъ“. .I.² 9.

Переяславль, въ догов. 907, Лавр.² 30—1 и догов. 945 (Игоря), а подъ 932 г. (Лавр.², 121): „Володимеръ... заложилъ городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане переяславу отроко—тъ“.

Каковъ бы ни былъ въ частности способъ перехода отъ образа къ значенію (то есть по способу ли называемому синекдохой, или по метониміи, метафорѣ), сознание можетъ относиться къ образу двойко: 1) или такъ, что образъ считается объективнымъ и потому цѣликомъ переносится въ значеніе и служить основаніемъ для дальнѣйшихъ заключеній о свойствахъ означаемого; 2) или такъ, что образъ разсматривается лишь какъ субъективное средство для перехода къ значенію и ни для какихъ дальнѣйшихъ заключеній неслужитъ.

Первый способъ мышленія называемъ *миогическимъ* (а произведенія его мифами въ обширномъ смыслѣ), а второй—собственно *поэтическимъ*. Этотъ второй состоитъ въ различеніи относительно субъективнаго и относительно объективнаго содержанія мысли. Онъ выдѣляетъ научное мышленіе, тогда какъ при господствѣ перваго собственно научное мышленіе невозможно. Это дѣленіе должно быть предпослано болѣе частнымъ дѣленіямъ троповъ, ибо оно показываетъ, что качество тропа измѣнчиво.

Примѣръ — „горючее сердце“. Отвлекаясь отъ того, что *сердце*, въ смыслѣ душевныхъ движеній, есть переходъ отъ орудія въ дѣйствию (метонимія), для поэтическаго (нашего) мышленія *горючесть* сердца есть *метафора*. Если же приписать горючести собственное значеніе, это будетъ обозначеніе предмета по признаку въ немъ заключенному, мыслимому въ немъ *implicite*, слѣдовательно, отъ части къ цѣлому, *синекдоха*. Эта послѣдняя въ слѣдующемъ:

27-го іюня 1547 г., на другой день послѣ 3-го изъ большихъ пожаровъ, случившихся въ Москвѣ, царь поѣхалъ въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ—отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло. 26 числа.... собрали въ Кремль черныхъ людей и начали спрашивать: „кто зажигалъ Москву“? Въ толпѣ закричали: „княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и людьми волховала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: отъ того Москва и выгорѣла“. Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ неуминяли“. (Солов. Ист. Росс. VI¹, 54—5).

Для поэтическаго мышленія въ тѣсномъ смыслѣ тропъ есть всегда скачекъ объ образа къ значенію. Онъ, правда, облегченъ привычкою мысли, но какъ могла образоваться эта привычка? Она произошла лишь вслѣдствіе того, что первоначально разстояніе между образомъ и значеніемъ было весьма мало.

Характеръ миѳическаго мышленія.

Когда современный человекъ пользуется поэтическимъ образомъ *лишь какъ средствомъ* для новаго и новаго построенія и преобразованія мысли, то онъ этимъ обязанъ известной степени своей способности къ *научному* мышленію, т. е. способности къ *анализу и критикѣ*.

Анализъ состоитъ въ разложеніи конкретныхъ (сложныхъ) воспріятій и созданій мысли на исключаютія другъ друга стихіи съ цѣлью новаго, болѣе удобнаго для мысли ихъ сложенія. Его успѣхи сопровождаются усиленіемъ способности сомнѣнія въ истинности данной группировки. Всякое новое сочетаніе мысли служитъ средствомъ для повѣрки прежнихъ сочетаній и побужденіемъ искать новыхъ воспріятій и приводить ихъ въ связь и согласіе съ прежними.

Накопленіе и обобщеніе результатовъ такой работы мысли дѣлаетъ возможной *исторію*, которая даетъ и поддерживаетъ убѣжденіе, что міръ человечества въ каждый данный моментъ субъективенъ; что онъ есть смѣна міросозерцаній, истина коихъ заключается лишь въ ихъ необходимости; что мы лишь потому можемъ противопоставлять наше воззрѣніе, какъ истинное, воззрѣнію прошедшему, какъ ложному ¹⁾, что намъ недостаетъ средствъ для повѣрки нашего воззрѣнія.

Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ отличать наше воззрѣніе и мышленіе, какъ аналитическое и критическое отъ „мышленія миѳическаго“.

¹⁾ *Wagner*:

. . . . . es ist ein gross Ergötzen
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen,
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht.
Und wie wir's dann zu letzt so herrlich weit gebracht.

Faust. O ja, bis an die Sterne weit.

(... большое наслажденіе повсюду наблюдать различный духъ времени—и какъ жилъ человекъ, и какъ здѣсь мыслилъ онъ, и далеко ль теперь развито просвѣщеніе. Ф. О., да, ужасно далеко! Пер. П. Холодковскаго).

Человѣку для объясненія молніи показали искру, добытую при помощи электрической машины. Если онъ достаточно подготовленъ къ разложенію и обобщенію мыслей, то опытъ будетъ ему на пользу, и онъ воспользуется опытомъ въ такомъ родѣ, какъ мы пользуемся стихотвореніемъ: „*Ночь пролетала надъ міромъ*“¹⁾). Въ противномъ случаѣ, если онъ неотвергнетъ вовсе сравненія, въ немъ между мыслями А (электрическая машина съ искрами) и Б (облака съ молніей) произойдетъ нѣкоторое уравненіе: именно, онъ можетъ предположить, что въ облакахъ есть электрическая машина (но гораздо большая) и лицо, приводящее ее въ движеніе.

Мы пользуемся, какъ метафорою, образомъ.

(der Köllner Dom).

Er wird nicht vollendet, trotz allen Geschrei

Der Raben und der Eulen,

Die, alterthümlich gesinnt, so gern

In hohen Kirchstürmen weilen.

(Heine, Deutschland).

Но возьмемъ вѣрное наблюденіе: „Галки гвѣздятся и садятся на колокольнѣ“, и предположимъ *отсутствіе другихъ наблюденій*, показывающихъ „что колокольня удобна галкамъ тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими высокими нежилыми постройками, нѣкоторыми деревьями и пр.; что птицамъ немогутъ быть приписываемо то, что въ человѣкѣ мы называемъ нравственнымъ религіознымъ настроеніемъ. (Плиній говоритъ о

Ночь пролетала надъ міромъ, сны на людей навѣвал;
Съ темнолазуревой ризы сыпались звѣзды сверкал.
Старые, мощные дубы, вѣчнозеленныя ели,
Грустныя ны листовою ночи на встрѣчу шумѣли.
Радостно волны журчали, образъ ея отражал,
Рожь наклонилась, сивльѣ пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ и соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь, въ воздухъ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко ночь, надъ землею пролетая;
Съ темно-лазуревой ризы сыпались звѣзды сверкал.

Плещеевъ

религія словъ). Тогда въ членахъ сочетанія галокъ и церковной колокольни произойдетъ извѣстное уравненіе: галки садятся на колокольню, потому что на ней крестъ, колокола, потому что онѣ любятъ *церковь*, потому что она именно, какъ *церковь*, имъ полезна.

Отсюда одинъ шагъ, напримѣръ, до доказательства необходимости христіанскихъ основъ воспитанія примѣромъ галокъ, гнѣздящихся на колокольнѣ.

Отсутствіе критики. Ребенокъ все принимаетъ за правду. Ибо что нужно для того, чтобы признать за „диво дивное на святой Руси небывалое“, т. е. за невозможное то, что

У насъ по морю ковыла растеть,
Тамъ косцы ходять, ковылу носить,
По темномъ лѣсу рыба плаваеть
По поднебесью тамъ медвѣдь ходить
Щуку-рыбу ловить?

Нужно знаніе закона, т. е. общностей: ковыль (вообще) растеть (вообще) въ степи (вообще). А ребенокъ можетъ незнать даже частныхъ, изъ которыхъ слагается обобщеніе.

Еще болѣе усилій мысли нужно для того, чтобы держать раздѣльно изображеніе и изображаемое, сцену и дѣйствительность, тамъ, гдѣ изображаемое само по себѣ болѣе менѣе вѣроятно.

Разсказываютъ про случаи, когда извѣстнаго рода публика во время представленія фокусника забывала, что ее здѣсь только забавляютъ, принимала за серьезный вызовъ то, что фокусникъ давалъ заряжать ружье пулею и стрѣлять въ себя. „Ага! а что, моль, надулъ?“—когда фокусникъ падалъ, прозвенный забытымъ въ дулъ шомполомъ. Такая публика еще и въ наше время смѣшиваетъ актера на сценѣ съ изображаемымъ имъ злодѣемъ. Зная это, актеръ привыкшій къ одобренію, неберется за несимпатичныя для публики роли. Во время польскаго возстанія, поляковъ въ „Жизни за Царя“ прогоняють топотомъ и свистомъ со сцены.

W 1664 „pozwolono (Francuzom) na teatrze publicznym w Warszawie tryumf czynić z otrzymanego nad cesarzem zwycięstwa... zeszło się ludzi kupa i na coniach pozjeżdżało się na owo... widowisko..... Skoro już, jakoby po zniesieniu wojska... prowadzą w łańcuchach cesarza.... koronę cesarską już nie na głowie mającego, ale w rękach niosącego i w ręce królowi Francuskiemu onę oddającego. Wiedzieli tedy, że to był Francuz znaczny, który osobę cesarską, w łańcuchu idącą reprezentował, i potrafił w twarz jego i warzę tak też jako cesarz wywracał; począł jeden z Polaków konnych wołać na Francuzów:

„Zabijcie tego takiego syna, kiedyscie go już porwali. Nie żywcie go, bõ jak go wypuscicie, będzie się mścił, będzie wojnę mnożył, będzie krew ludzką roslewał, a tak nie będzie nigdy miał swiat pokoju. Skoro zaś go zabijecie, król Jmśc francuski osiągnie cesarstwo, będzie cesarzem, będzie, da Pan Bóg, i naszym królem Polskiem. Naostatek, jeżeli wy go nie zabijecie, to ja go zabije“.

Porwie się do łuku, a nałożywszy strzałą, jak utnie pana cesarza w bok, to aż drugim bokiem żelazce wyszło, i zabil. Dru-dzy Polacy do łuków; kiedy wiedzmy szyc w owę kupę, naszpikowano Francuzów dużo“ — (Pamiętki Paska, 245 ¹).

„Нравственное чувство такъ значительно воспитывается эпическою поэзією, что слушатели всегда живѣе увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно такъ и теперь люди простые, а также дѣти, неумѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ

¹) W Warszawie na odkrytej scenie uстроено было французами представienie по поводу победы надъ австрійцами. Войско разбито, австрійскій императоръ въ оковахъ вручаетъ королю французскому корону. Известно было, что австрійскаго императора представлялъ знатный французъ, очень удачно выбранный для этой роли. Одинъ изъ конныхъ поляковъ сталъ кричать французамъ: „Убейте его такого сына, разъ ужъ захватили его. Не оставляйте въ живыхъ, потому что, если отпустите его, будетъ мстить затѣвать опять войну и кровопролитие и не дастъ людямъ покою. Разъ его убьете, король французскій получитъ его корону, а тамъ, дастъ Богъ, и нашимъ королемъ станетъ. Наконецъ, если вы его не убьете, то я его убью“. — Схватилъ лукъ, наложилъ стрѣлу и какъ влѣпнть цесаря въ бокъ, такъ жезъзко вышло въ другомъ боку, убилъ. Другіе поляки — за луки и какъ начали перешивать эту кучу, много французовъ было пронизано.

въ сказкѣ, или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ. Чтобы похвалить эпическій рассказъ, простой народъ неупотребитъ выраженія, по нашимъ понятіямъ приличнаго художественному произведенію: *хорошо* или *прекрасно*, а скажетъ: *правда*. Для него, по пословицѣ, пѣсня — былъ“. (Булсл. Эп. п. Оч. I, 57). Очевидно, что если таковы между прочимъ дѣти, то это неможетъ зависѣть отъ того, что въ нихъ нравственное чувство воспитано эпическою поэзію. Это должно быть свойствомъ болѣе первообразнымъ.

Такъ же, какъ и „нравственное чувство“, не подходитъ къ разсматриваемому явленію терминъ „вѣра въ чудесное“, ибо „чудо“ предполагаетъ нормальный порядокъ, а дѣло здѣсь именно въ неспособности различенія того и другого.

„Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною непосредственною жизнью эпическая поэзія. Когда человекъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ 40 пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско,—эпическая поэзія въ немъ убита ¹⁾. А множество призаковокъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются...“ „Мой провожатый слушалъ... былину (про 40 каликъ) съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней рассказывается, какъ если бы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполне достоверномъ. Тоже самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимую для записыванія, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполне живетъ мыслью въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: „каково, братцы, три мѣ-

¹⁾ А романъ?

сяца прожить въ землѣ!“ или: „вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрость!“ Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодеъ объясняетъ дѣло весьма просто: „*встарину де люди были вовсе не такіе, какъ теперь*“. Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженія нѣкотораго недоувѣрія; и тотъ и другой не только грамотные, но и начетчики...“ „И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрить, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ... но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца“. (Гильф. Был. XI—XIII).

Т. о. уже малая степень грамотности приводитъ къ результатамъ, достигаемымъ въ большей мѣрѣ болѣе обширнымъ знакомствомъ (хотя бы и невозводимымъ въ теорію) съ различными измѣненіями того же языка и съ языками иностранными, именно къ сознанію раздѣльности *слова* (со включеніемъ той доли мысли, которая отъ него неотдѣлима) и *мысли* (т. е. всей остальной); къ сознанію того, что содержаніе слова можетъ быть лишь субъективно, т. е. что самое существованіе слова неестъ доказательство истинности его содержанія.

Между тѣмъ на ступени развитія онежскихъ, сербскихъ, болгарскихъ пѣвцовъ, сравнительно уже очень высокой, предполагающей многотысячелѣтнюю культуру, именно этимъ доказательствомъ устраняется сомнѣнье: если бы этого небыло, то и неговорилось бы. Въ силу такого хода мысли чеш. поль. *praviti, prawić*—говорить, рассказывать, вр. *рѣчь* сама по себѣ правда:

Тото ты, дѣвушка, неправду баишь

Неправду баишь, не *рѣчь* говоришь;

наоборотъ:

Правду баишь, *рѣчь* говоришь.

Шейнъ, Р. н. п. 168.

Въ заключеніи болг. и серб. пѣсенъ:

От юнаци песма останало

Да се пее, да се приказуве

Това, брате, поотдавна било,
Дур не било, небн сѣ славило.

Милад. 275.

И то било, кад се поминало

Чуб. Чојк 117.

Што бивало, вазда се пјевало, ib. 114, 211.

Чудесное событіе, признаваемое удивительнымъ, почему пѣсня и начинается съ „Мили Боже, чуда великога!“ — тѣмъ не менѣе въ свое время было:

То је било, када се чинило

А сада се тек приповиједа.

Кар. II 129.

Сомнѣніе, если и выражается, то очень робко:

Бјела вила, не знам је ли било,

А да није, што би се зборило?

Ни ту био, ни казат' умно.

Лажу чуо, а ја полагајем:

Ониј лаже, који мени каже.

Чуб. Чојк. 255.

(Мр. „коли люде брешуть, то ѿ я з ними“).

Квитка имѣлъ, повидимому, много случаевъ наблюдать эту вѣру въ авторитетъ слова.

Его „Герой очаковскихъ временъ“ (дѣйств. между 1786 г. и 96), духовный потомокъ сотника Забрѣхи въ „Конотопской вѣдьмѣ“, отца, который, можетъ быть, научилъ бы его другому или по крайней мѣрѣ удалилъ бы изъ домашней среды, непомнилъ и воспитался подъ вліяніемъ матери, твердо вѣровавшей въ тяжелые дни, понедѣльники, въ святія пятницы и окружавшей сына бабусями, шептухами и рассказчицами. Одна изъ нихъ „убѣдила вѣрить питомца своего, что *невозможно того выдумать, чего небыло на свѣтъ*“. „Что вы ни расскажете, говорила она, все это когда-нибудь было“. Это становится его догматомъ. На службѣ ему и въ голову неприходитъ скрывать, что „если бы этого (на пр. вѣдьмы) небыло, никто бы и неговорилъ, потому что нельзя вы-

думать того, чего небыло когда-нибудь. Что хотите скажите, это будет не выдумка, а было прежде и было непременно“ (разсвязь о провалившемся городѣ“. Кв. III², 271).

Стараясь расширить свои уже значительныя свѣдѣнія о колдовствѣ, кладахъ и т. п., онъ знакомится между прочимъ съ нѣкиимъ Маркомъ Квашею“. Сколько этотъ мужичекъ зналъ истинныхъ, справедливыхъ событій съ кладами и другими колдовствами! Еще дѣдъ, отецъ разсказчика, а потомъ и онъ самъ все это слышалъ отъ какого-нибудь „добраго человѣка“, Богъ знаетъ откуда шедшаго и ночевавшаго у нихъ, и *божлившаюся*, что все это есть истинная правда. *Какъ же неповѣрить, если онъ божился?*“.

Эта черта, т. е. вѣра свидѣтелю, безъ вопроса о степени его достовѣрности, о количествѣ и достовѣрности посредниковъ между ними и событiемъ, повторяется у Квитки не разъ: ключница разсказывала, что Гаркуша оборотился мышью, кукушкою и проч. „*Божился*“ человѣкъ, что всему этому правда; а это онъ разсказывалъ кузнецу, что ѣздилъ въ городъ покупать уголья, незнаю изъ какого-то села, а кузнецъ разсказывалъ Ульянѣ Ведмедихѣ, я таки ее и незнаю, и не видала, а говорятъ, немного запиваетъ; однако же она, трезвая бывши, разсказывала въ нашей слободѣ, незнаю таки именно кому...“ (Квитка, III, 181).

При врожденномъ благородствѣ, Романъ Тихоновичъ, вѣрующій въ вѣдмъ, какъ Донъ-Кихотъ въ истинность содержанія рыцарскихъ романовъ, становится чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Кихота. Уже на службѣ, гдѣ онъ за свою вѣру былъ посмѣшищемъ товарищей, онъ пытался при случаѣ искоренять зло на свѣтѣ посредствомъ истребленія вѣдмъ, отъ которыхъ-де оно все происходитъ. По выходѣ въ отставку, онъ рѣшаетъ: „даромъ жить нельзя на свѣтѣ; надобно дѣлать доброе, сколько можемъ. Потрудился на службѣ, билъ турковъ, бралъ у нихъ города, буду и въ отставкѣ полезнымъ для людей: начнемъ истреблять волшебство; переведемъ, уничтожимъ колдуней“. (Квитка, III, 310).

Его Санчо-Кирюшка и другіе окружающіе пользуются этимъ настроеніемъ для своихъ выгодъ.

Возможность такого лица подтверждается судебнымъ показаніемъ, даннымъ въ 1727 г. человѣкомъ лѣтъ 40 Семеномъ Калениченкомъ, по прованію Упиремъ. Прованіе это отъ того, что по его словамъ „онъ упиромъ родился“; „когда онъ зародился, то того жъ часу въ свѣтѣ позналъ всѣ вещи, и бабу свою приемицу Горпину Демчиху заразъ позналъ, что она вѣдьма“. Такія открытія дѣлалъ онъ въ теченіе всей своей жизни, при томъ, какъ „прирожденный“—на пользу людямъ. Войсковая Енеральная канцелярія признала его человѣкомъ „несостоятельнаго ума“. Если мы, вмѣстѣ съ издателемъ (Линниченко, „Два дѣла о волшебствѣ“ Киев. Ст. 1889 г. Окт.) признаемъ его душевно больнымъ, визионеромъ, то все же характеръ видѣній будетъ свидѣтельствовать о томъ, какого рода возрѣніемъ проникнута была его среда.

— Возвращаясь къ произведеніямъ устной поэзіи замѣчу, что хотя въ числѣ ихъ есть сказка, признаваемая въ отличіе отъ пѣсни „складкой“, и пародія, и т. п. произведенія, имѣющія цѣлью только эстетическое наслажденіе; тѣмъ не менѣе до нынѣ весьма замѣтно возрѣніе на такіа произведенія, какъ на серьезное дѣло:

Слово есть дѣло; человѣкъ не можетъ понять, что пѣсня можетъ быть только искусственнымъ воспроизведеніемъ душевнаго состоянія, а не непосредственнымъ его выраженіемъ. (Steinth. Das Epos, Z. f. Vps. V, 6. Поэтому мужскую пѣсню прилично пѣть только мужчинѣ, весняку—только дѣвушкѣ, свадебную—только на свадьбѣ, заплачку—только на похоровахъ; знающій заговоръ соглашается сообщить его лишь посвященному, не для профанаціи, а для серьезнаго употребленія. Съ этимъ приходится считаться собирателямъ. Бываютъ случаи въ родѣ того, что когда въ Италиіи собиратель проситъ дѣвушку спѣть ему пѣсню (а пѣсни тамъ преимущественно любовныя), то она принимаетъ это за ухаживанье съ его стороны, за просьбу полюбить его (Steinth. ib.), ибо не можетъ понять, эстетически или научно, отвлеченнаго отъ личнаго состоянія интереса.

Отношеніе теоріи словесности къ мифологіи сходно съ отношеніемъ ея къ исторіи словесности.

Мифологія есть исторія мифическаго міросозерпанія, въ чемъ бы оно ни выражалось: въ словѣ и сказаніи, или въ вещественномъ памятникѣ, обычѣ и обрядѣ. Теоріи словесности мифъ принадлежитъ лишь какъ словесное произведеніе, лежащее въ основаніи другихъ болѣе сложныхъ словесныхъ произведеній. Когда мифологъ, по поводу частныхъ вопросовъ своей науки, высказываетъ взгляды на ея основанія, именно *опредѣляетъ приемы мифическаго мышленія* посредствомъ слова; рѣшаетъ, есть ли мифъ случайный и ложный шагъ личнаго мышленія, или же шагъ необходимый для дальнѣйшаго развитія всего человѣчества, (M. Mull. Ess. II, 338),—то онъ работаетъ столько же для исторіи (языка, быта и пр.), сколько для психологіи и теоріи словесности.

Уже въ древней Греціи мифы вызвали пытливость ума величайшихъ мыслителей, но никогда мифы, созданія древнихъ или отдаленныхъ по мѣсту и низкихъ по степени развитія народовъ, не были предметомъ столь настойчиваго систематическаго изученія, какъ въ нашъ XIX вѣкъ. Неговоря уже о массѣ собирателей сказокъ и другихъ подобныхъ произведеній у всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра, трудно указать кого-либо изъ извѣстныхъ психологовъ, филологовъ, историковъ культуры, неосвящавшаго значительной доли своихъ трудовъ на изслѣдованіе мифологическихъ вопросовъ. Это потому, что основной вопросъ самопознанія: „что такое я“ сводится для современнаго человѣка на историческій вопросъ: „какъ я (какъ одинъ изъ множества) сталъ таковъ?“ (M. Mull. Ess. II, 4). Стремленіе къ самопознанію привело къ осознанію связи я съ настоящимъ и прошедшимъ человѣчества, зависимости культуры отъ некультурности, къ изученію объективныхъ отложеній человѣческой мысли, между прочимъ, въ языкѣ и словесныхъ произведеніяхъ.

Что такое мифъ не въ древнемъ значеніи слова (у Гомера *μῦθος*—слово, какъ противоположное дѣлу—*ἔργον*, рѣчь, рассказъ, разговоръ, приказаніе, и содержаніе, предметъ рѣчи (ср. *вещь*);

позднѣе, напр. у Платона, какъ и λόγος, — баснословный, вымышленный или дошедшій по преданію рассказъ, M. Mull. Ess. II, 65), а въ томъ значеніи, какое это слово получило въ наше время?

Очевидно, слишкомъ широко и слишкомъ узко опредѣленіе: „Die Darstellung einer Naturerscheinung in Form einer Erzählung, die Ausprägung einer Idee in einer veranschaulichender geschichtlichen Begebenheit macht gerade das Wesen der Mythos aus“ (Mor. Carriere, Die Poesie², 46) ¹).

Съ одной стороны стихотвореніе Плещеева „Ночь пролетала надъ міромъ“ было бы безусловно миеомъ; съ другой — точное пониманіе выраженія: „солнце садится“, т. е. на престолъ и т. п., περί ἡλίου δουμάς, ἦν ἡλιος ἐπὶ δουμάς, около (времени) погруженія солнца (въ океанъ: ἡέλιος δ' ἄρ' ἔδου, солнце погрузилось, т. е. ἔδου πόντον (въ море), M. Mull. Ess. II, 73), небыли бы миеами, если *нераспространять* понятія „историческое событіе“ на всякое выраженіе воспріятія.

При опредѣленіи миеа въ современномъ значеніи этого слова, едва ли можно миновать М. Мюллера, ученаго болѣе многихъ другихъ старавшагося уяснить этотъ вопросъ и невольно болѣе другихъ подавшаго поводовъ къ одностороннему его пониманію.

Онъ употребилъ выраженіе: „миеологія — болѣзнь языка“, которое за нимъ повторяли, признавая или опровергая, многіе другіе, не всегда обставившіе это выраженіе тѣми ограниченіями и оправданіями, какими оно обставлено у Мюллера. Для разясненія истины нужно обратиться къ самому М. Мюллеру. Примѣры:

Πάν (р. Πᾶρος, в. Πᾶνα), пастушескій Аркадскій богъ, ухаживалъ за нимфой Πύτος (сосна, ель). Βορρέας превенвалъ ее къ Пану, сбросилъ ее со скалы, при чемъ она превратилась въ ель (и пр. Ess. II, 144). — Заключение отъ Κρονίων, Κρονίδες къ Κρόνος (ib. 137). О Селенѣ и Эндиміонѣ ib. 73—5.

„Какъ скоро слово, первоначально употребленное въ метафорическомъ значеніи, начинаетъ употребляться безъ вполнѣ яснаго

¹) Сущность миеа составляетъ представленіе явленія природы въ формѣ разсказа, выраженіе идеи, въ видѣ историческаго событія.

пониманія тѣхъ шаговъ, которые повели его отъ первоначальнаго значенія къ метафорическому; появляется опасность, что оно станетъ употребляться миеологично. Каждый разъ, когда шаги эти забыты и на ихъ мѣсто поставлены искусственные, мы имѣемъ передъ собою *миеологию*, или, если мнѣ позволено такъ сказать (*wenn ich so sagen darf*) *eine krankgewordene Sprache*“ (M. Müll. Vorles. II 338).

„Подъ миеологіей разумѣю всякій случай, въ которомъ языкъ, ставши независимой силой, воздѣйствуетъ на духъ вмѣсто того, чтобы согласно съ его собственною (настоящею) цѣлью служить только осуществленіемъ и внѣшнимъ выраженіемъ духа“, ib. 482.

„Во всѣхъ такихъ случаяхъ (когда изображеніе, понятое, такъ сказать, буквально, порождаетъ миеъ) *первоначальное значеніе слова или образа гораздо возвышеннѣе*, достопочтениѣе, религіознѣе, чѣмъ то удивительное окаменѣніе, которое возбуждаетъ интересъ склонной къ предрассудкамъ толпы, ib. 509.

„Въ случаяхъ, когда *ιταί* (моленія) называются дочерьми Зевеса (и сестрами Аты, *Ἄτη* — бѣда, несчастье), мы едва ли стоимъ уже въ область чистой миеологій. Ибо Зевсъ у Грековъ былъ защитникъ умоляющихъ — *Ζεὺς ἰκετήριος* — и молитвы называются его дочерьми, какъ мы свободу называемъ дочерью Англій. Такія выраженія могутъ быть миеичны, но еще не миеы. Существенный характеръ миеа тотъ, что *миеъ уже непонятенъ въ данномъ языкѣ* (M. Müll. Ess. II, 66).

„Чтобы извѣстныя имена стали миеологичны, нужно, чтобы коренное ихъ значеніе затемнилось и пришло въ забвеніе въ данномъ языкѣ“ (ib. 69).

„Миеологія есть только фаза, при томъ неизбежная, въ развитіи языка, если принимать языкъ не за чисто внѣшній символъ, а за единственное возможное воплощеніе мыслей“... *Это состояніе языка* „можно по истинѣ назвать *дѣтскою болѣзнию*, которую рано или поздно долженъ испытать самый здоровый организмъ“... *Это языкъ въ состояніи самозабвенія* (*die Sprache im Zustande des Selbstvergessens*). И если представимъ себѣ, какъ велико въ древ-

нихъ языкахъ количество именъ для одной и той же вещи (*πολυωνομία*), и какъ часто одно и то же слово прилагается къ совершенно различнымъ предметамъ, то это самозабвеніе языка непокажется намъ удивительнымъ“ (ib. 146—7).

„Я не разъ утверждалъ и пытался доказывать, что многія явленія въ миеологіи и религіи, на первый взглядъ неразумныя и непонятныя, объясняются вліяніемъ языка на мысль. Но я *никогда неговорилъ*, что все миеологическое можетъ быть объяснено такимъ образомъ; что все неразумное основано на *словесномъ* недоразумѣніи (*auf einer sprachlichen Missverständniss*), что *вся миеологія* есть лишь болѣзненный процессъ языка. Извѣстныя миеологическія загадки могутъ быть, какъ я доказалъ, разгаданы при помощи средствъ языкознанія; но миеологію, какъ цѣлое, я представлялъ всегда замкнутымъ періодомъ, неизбѣжнымъ въ ходѣ развитія челоуѣческаго духа, увлекавшимъ въ свою сферу все, до чего въ данное время могло касаться мысленіе“ (ib. 200).

„Не все въ миеологіи объясняется болѣзненнымъ процессомъ языка“ (ib. 207). „*Миеологія неизбежна*; она необходима, заключенная въ самомъ языкѣ, если въ языкѣ мы признаемъ внѣшнюю форму мысли. Однимъ словомъ, миеологія есть тѣнь, падающая отъ языка на мысль, тѣнь, которая исчезаетъ до тѣхъ поръ, пока языкъ неуравняется вполне съ мыслью, что никогда неможетъ случиться. Правда, въ древнѣйшее время исторіи челоуѣческаго духа миеологія болѣе выступаетъ наружу, но она исчезаетъ никогда вполне. Миеологія есть и теперь, какъ во времена Гомера, но мы ее незамѣчаемъ, потому что живемъ въ ея тѣни и потому что почти всѣ боятся полдневнаго свѣта истины“.

„Миеологія въ высшемъ смыслѣ слова есть власть языка надъ мыслью во всевозможныхъ областяхъ духовной дѣятельности; я готовъ назвать всю исторію философіи отъ Фалеса до Гегеля непрерывной борьбою съ миеологіей, однимъ продолжительнымъ протестомъ мысли противъ языка“. „Это требуетъ нѣкотораго объясненія“.

„Со времени Вильгельма Гумбольдта всѣ серьезно занимающіеся высшими задачами языкознанія пришли къ убѣжденію, что

мысль и языкъ нераздѣлимы, что языкъ безъ мысли также невозможенъ, какъ мысль безъ языка; что то и другое относятся другъ къ другу какъ душа и тѣло, сила и функція, сущность (содержаніе) и форма“.

„Возраженія противъ этого обыкновенно возникаютъ лишь изъ недоразумѣній. Во 1-хъ, подъ языкомъ разумѣтся дѣятельность, рѣчь, какъ она возникаетъ и умираетъ съ каждымъ словомъ. Во 2-хъ—не одинъ членораздѣльный языкъ, но и менѣе совершенные символы мысли: движенія, знаки, образы (слово *три* и поднятіе 3 пальцевъ). „Все, что мы утверждаемъ, это—что безъ какого-либо рода знаковъ дискурсивное мышленіе невозможно, и что въ этомъ смыслѣ языкъ или *lóyos*—единственно возможная реализація человѣческой мысли“. „Въ 3-хъ, частіи недоразумѣнія въ томъ, что думаютъ, будто если можно думать только при посредствѣ языка, то языкъ и мысль одно и то же“. Но... содержаніе не можетъ существовать безъ формы и наоборотъ, однако возможно отличить форму отъ содержанія (*wesen*). Также отличаемъ мысль отъ слова, внутренней *lóyos* отъ внѣшняго.

„Мы идемъ и далѣе. Мы утверждаемъ, что языкъ, принадлежа прошедшему, необходимо воздѣйствуетъ на мысль, и мы признаемъ въ этомъ возвратномъ дѣйствіи, въ этомъ преломленіи лучей языка дѣйствительное разрѣшеніе старинной загадки миеологии“. (Ess. II, 399—401).

— „До раздѣленія Арійскихъ племенъ былъ корень *свар* v. *свал*—сіять, блестѣть, грѣть. Онъ находится въ греческ. *σελας*—блескъ, *σελήνη*—луна; въ авс. *swélan*—горѣть, нов. впр. *schwöl*. Въ скр. отъ него сущ. *свар*, означающее иногда небо, иногда солнце (=лат. *sol*, гот. *sauił*, аглс. *sol*). Вторичная форма отъ *свар* скр. *сурја* (вм. *свѣрја*)—солнце (= *ἥλιος*).

„Всѣ эти имена были первоначально предикативны; они означали свѣтлый, ясный, милый. Но какъ скоро было образовано имя *свар* или *сурја*, оно, въ силу неодолимаго вліянія языка, стало именемъ не только живого, но и мужскаго существа. Всякое существительное въ скр. должно быть или муж. или жен. р. (сред.

родъ первоначально ограничивался только именительнымъ), и *сърјас*, какъ сущ. м. р. разъ навсегда запечатлѣно языкомъ, какъ имя муж. существа, какъ будто оно было именемъ воина или царя. Въ другихъ яз., въ коихъ имя солнца—ж. р., и солнце согласно съ этимъ становится женщиной, царицей, невѣстой мѣсяца, однимъ разомъ измѣняется вся миеологія, со всѣми любовными исторіями свѣтилъ“.

„Вы можете сказать, что все это есть не столько вліяніе языка на мысль, сколько мысли на языкъ, что (грам.) родъ словъ отражаетъ только особенность дѣтскаго ума, который можетъ понять нѣчто, лишь какъ живое, мужское или женское. Ребенокъ, ушибшись объ стулъ, бьетъ его и ссорится съ нимъ. Стулъ для него не вещь, а лицо... Но это служить лишь подтвержденіемъ правильности взгляда на вліяніе языка на мысль; ибо эта склонность (къ одушевленію), хотя по своему началу ненамѣренная и составляющая результатъ бессознательнаго мышленія, скоро ставши лишь модою въ языкѣ, стала съ неодолимою силою обратно дѣйствовать на духъ.

Однимъ словомъ, какъ скоро *сърјас* или *ηλιος* является существительнымъ мужеск. рода, мы находимся уже въ самой гущинѣ миеологіи. Мы недошли еще до Гелиуса, какъ бога—это гораздо поздняя ступень мысли;... но мы дошли, по крайней мѣрѣ, до первыхъ зародышей миеа. Въ гомерическомъ гимнѣ Гелиусъ Гелиосъ называется еще не бессмертнымъ, а лишь подобнымъ бессмертнымъ богамъ (*εἰκελος ἀθανάτοισι*); но онъ называется чадомъ *Εὐρυφασσα*, сыномъ Гиперіона, внукомъ Урана и Геи“.

„Все это есть миеологія; это старый языкъ, пошедшій далѣ своей первоначальной цѣли“ (*alte Sprache die über ihre erste Absicht hinausgeht*, Ess. II, 480—10).

Мнѣніе М. Мюллера и послѣдователей, что миеъ есть нѣкоторымъ образомъ болѣзнь языка, въ состояніи самозабвенія, и что, слѣдовательно, первоначальное значеніе слова (а стало быть, и связанной съ нимъ мысли, гораздо возвышеннѣе миеа, уже давно вызывало возраженія:

1) Предполагаемое возвышенное состояніе мысли и послѣдующее ея паденіе являются немотивированными ¹⁾ и противорѣчащими теоріи постепеннаго развитія мысли.

2) Они противорѣчают утвержденію самого М. Мюллера о первоначальной конкретности языка: „миеологи утверждаютъ, будто бы варварскіе народы, приобрьвъ уже извѣстные символы для выраженія отвлеченій (путемъ ли развитія, или путемъ произведенія отъ сверхъестественно полученныхъ ими корней, что, повидимому, вѣрнѣе съ точки зрѣнія миеологовъ), а слѣдовательно, приобрьвъ уже соотвѣтственную способность къ отвлеченному мышленію, вдругъ начинаютъ лишать свои словесные символы ихъ отвлеченности“ (Спенсеръ, Осн. соц. I, 488). Съ одной стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы обладали языкомъ, составившимся изъ корней такимъ образомъ, что отвлеченная идея о *покровительствѣ* предшествовала конкретной идеѣ объ отцѣ. Съ другой стороны, намъ говорятъ, что древніе Арійцы, явившіеся послѣ этихъ первобытныхъ Арійцевъ, „немогли говорить и думать иначе, какъ съ помощью“ личныхъ (?) фигуръ;... такъ что та же раса, которая произвела свои конкретныя слова изъ абстрактныхъ, описывается намъ, какъ такая, которая была доведена до... космическихъ миеовъ („старѣющее солнце“, солнечный закатъ и пр.) своею неспособностью выражать абстракты иначе, какъ въ конкретныхъ терминахъ! (ib. 490—1).

Возраженія эти могутъ внушить сомнѣніе въ правильности разсужденія людей, заключающихъ отъ языка; и однако справедливость требуетъ признанія послѣдовательности и необходимости

¹⁾ Допустимъ на минуту, что единственнымъ источникомъ миеическихъ представлений были превращенія и шорча языка, забвеніе первоначальнаго кореннаго значенія словъ; мненъ въ такомъ случаѣ будутъ явленіемъ относительно позднѣйшимъ, и спрашивается: откуда и вълѣдствіе какихъ жизненныхъ причинъ въ человѣчествѣ явилось стремленіе придавать реальное бытіе прежнимъ *поэтическимъ* метафорамъ? Откуда эта прежде небывалая расположенность ума къ созданію миеовъ? Или человѣкъ по шѣрѣ уснѣховъ и опыта жизни утрачивалъ прежній разумный взглядъ на природу... отъ первоначальнаго свѣта все далѣе уходилъ въ мракъ умственныхъ блужденій, все болѣе и болѣе становился ребенкомъ? Эта мысль стоитъ „въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ ходомъ исторіи и движеніемъ разумной органической жизни“. (Котлярев. Разб. соч. Ае. II. В. Ст. 15—16).

въ разсужденіи этихъ людей. О существованіи конкретныхъ значеній $\text{D}\hat{\nu}\hat{\alpha}\hat{\upsilon}\hat{\varsigma} = \text{Ze}\hat{\upsilon}\hat{\varsigma}$, $\text{C}\hat{\upsilon}\hat{\rho}\hat{\eta}\hat{\varsigma} = \text{H}\hat{\eta}\hat{\lambda}\hat{\iota}\hat{\omicron}\hat{\varsigma}$, патер = πατὴρ они да и всѣ остальные могутъ заключать только изъ существованія этихъ словъ; а анализъ этихъ словъ показываетъ въ основаніи этихъ словъ корень *диѡ*, свѣтитъ, *свар*, свѣтитъ, *па*, охранять, имѣющие, *повидимому*, лишь отвлеченное значеніе. Пока эта послѣдняя видимость неустранена, до тѣхъ поръ и выводимыя изъ нея заключенія о первобытно высокомъ развитіи мысли и ея паденія обязательны. Для устранения этихъ заключеній существуютъ попытки устранить самую видимость, лежащую въ ихъ основаніи, устранить миѡъ, состоящій въ принятіи корня, какъ результата личнаго анализа, какъ субъективнаго произведенія мысли, за выраженіе объективнаго явленія. (Изъ зап. по р. гр. 2 изд. I, 21—24.

Дѣло въ томъ, что отвлеченное значеніе корней кажется намъ такимъ потому, что есть слѣдствіе нашего собственнаго отвлеченія; оно есть *перенесеніе нашей субъективной мысли въ объектъ* (т. е. миѡъ), необходимое лишь до тѣхъ поръ, пока нами не сознается субъективность этой мысли. При этимологическомъ анализѣ мы принимаемъ *а*, представленіе слова *Б*, признакъ общій ему со словами *В*, *Г* и пр., стоящими съ *Б* на одномъ уровнѣ производности за существующій въ первообразномъ словѣ *А*. Если это *А* намъ дано (т. е. не есть только результатъ анализа), то мы убѣждаемся, что *а* въ немъ отдѣльно не существуетъ, но возникаетъ одновременно съ произведеніемъ *Б*, *В*, *Г* отъ *А*. Но если само *А* со стороны значенія намъ недано, какъ бываетъ со всѣми корнями, тогда мы приписываемъ ему *а*, какъ значеніе: изъ сравненія $\text{D}\hat{\nu}\hat{\alpha}\hat{\upsilon}\hat{\varsigma}$ —небо, богъ неба, день, $\text{d}\hat{\epsilon}\hat{\nu}\hat{\alpha}\hat{\varsigma}$ —богъ, *дина-с*—день, $\text{d}\hat{\eta}\hat{\lambda}\hat{\omicron}\hat{\varsigma}$ —ясный и пр. заключаемъ, что эти значенія обозначены признакомъ свѣтлости, и этотъ признакъ переносимъ въ предполагаемое первообразное *диѡ*.

Поправку въ наше сужденіе мы вносимъ изъ наблюденія надъ ближайшимъ, т. е. изъ правильнаго наблюденія надъ развитымъ состояніемъ языка, а не изъ наблюденій надъ отдаленными низшими ступенями развитія. Ибо, пусть тысяча путешественниковъ

утверждаютъ намъ, что дикари неспособны мыслить отвлеченные признаки; но каждый разъ, когда мы по вышесказанному способу начнемъ отыскивать корни ихъ языковъ, въ результатѣ мы получимъ отвлеченность. Ошибочность нашего заключенія станетъ ясна лишь тогда, когда изученіе нашего языка покажетъ намъ, что отвлеченный признакъ въ словѣ непервообразенъ.

Т. о., когда понятъ источникъ взгляда, что первоначальное значеніе словъ предикативно, т. е. отвлеченно, устраняется и необходимость этого взгляда, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ мнѣніе М. Мюллера, что мифологическая религія предполагаетъ разумную, какъ больное тѣло, предполагаетъ здоровое. См. Vorles. II (10 vorl.) 386—7, 389, 390, 395.

Котляревскій (I. с. 17), справедливо отвергая порчу языка, какъ источникъ первоначальныхъ мифовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что языкъ, какъ сила дѣйствующая (что это? не дѣйствующая сила не существуетъ), оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія мифическихъ представлений; онъ оказалъ сильное вліяніе на мифы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происшедшее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ второй періодъ въ исторіи мифологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшаго періода первичныхъ мифическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы! Подобнымъ образомъ говорить и де-Губертатисъ: „Двусмысленность (словъ,—по Куну точнѣе—полионимія и омонимія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи мифовъ; но сама эта двусмысленность не всегда можетъ быть объяснена безъ предполагаемаго предварительнаго существованія такъ сказать живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно не знаетъ, что *парвата* на языкѣ. Ведъ означало и гору и облако.. Двусмысленность словъ обыкновенно шла по пятамъ

вслѣдъ за аналогіею виѣшнихъ образовъ, представлявшихся перво-бытному человѣку. Когда онъ еще не называлъ облака горою, онъ уже видѣлъ его горою. Послѣ смѣшенія образовъ смѣшеніе словъ становилось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему виѣшняго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій) новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло выростать цѣлое дерево мифическихъ генеалогій“ (Die Tiere in der indogermanischen Mythologie, 601).

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ мифологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея не можетъ выйти жизнь; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи мифа, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ— одного слова), какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (*tertium comparationis*) и значенія (=психологическаго подлежащаго, т. е. того, что подлежитъ объясненію) для меня совершенно немислимо, какъ можно предположить когда-либо существованіе мифа помимо слова, и какъ, кромѣ первыхъ недосягаемыхъ для нашей мысли ступеней человѣческаго развитія, можно думать, что послѣдующій мифъ могъ создаться безъ помощи предшествующаго мифа—слова. Если бы человѣкъ сначала смѣшалъ образы облака и горы, а потомъ создалъ мифъ, то получилось бы не объясненіе облака горою, а объясненіе облака-горы въ ихъ нераздѣльности чѣмъ-либо другимъ. Существенная черта мифа, какъ апперцепціи въ словѣ (Штейнталь), есть именно то, что отождествленіе или чистое сліяніе объясняющаго и объясняемаго не предшествуетъ объясненію, а слѣдуетъ за нимъ. Дѣти „немовлята“ и животныя могутъ имѣть „живописныя аналогіи“, т. е. и въ нихъ извѣстныя сочетанія элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другими сочетаніями, но мифовъ они еще не создаютъ.

**Конкретность мышленія (вещественность изображенія,
слова. Эвфемизмъ).**

Общая форма человѣческаго мышленія состоитъ въ объясненіи вновь познаваемаго (подлежащаго) прежде познаннымъ (сказуемымъ). Отъ состава и степени разложенія на признаки того, что познано прежде, зависятъ качество объясненія.

Въ языкахъ, какъ наши, стоящихъ на высокой ступени развитія, формально различающихъ названія вещей и ихъ качествъ и дѣйствій, предложеніе состоитъ изъ дифференцированныхъ, непохожихъ другъ на друга членовъ. Согласно съ этимъ у говорящихъ такими языками возможно сужденіе аналитическое, сложенное по формулѣ: *X* (вещь, совокупность признаковъ) имѣетъ признаки или дѣйствія *a*, *b*, *c*, нетождественныя съ самою вещью и исключающія другъ друга.

Такое состояніе языка и мысли возникло изъ другого, при которомъ члены предложенія однородны (такъ какъ еще нѣтъ частей рѣчи), болѣе менѣе близки къ нынѣшнему существительному, а сужденіе синтетично, т. е. сложено по формулѣ: *X* (вещь) есть *A* (вещь), какъ если бы вмѣсто нынѣшняго: „эта раковина—морская“ сказать и подумать „раковина—море“.

Взаимное отношеніе членовъ такого сужденія будетъ видно изъ слѣдующаго.

Европейскій путешественникъ „немогъ убѣдить эскимосовъ, что нитяная ткань, изъ которой была сдѣлана его одежда, не шкура какого-либо звѣря. Стекло они принимали за ледъ, сухари—за копченое мясо“. Фиджійцы до появленія Европейцевъ не знали металловъ, и тростникъ былъ единственною извѣстною имъ вещью, сколько-нибудь похожею на ружейный стволъ. Поэтому вполне разуменъ былъ вопросъ, обращенный ими къ путешественнику: „Если бы ваша страна небыла страной чудесъ, то какъ бы вы могли добыть въ ней топоры, коими срублены деревья, изъ коихъ сдѣланы стволы вашихъ ружей?“ (Спенс. Осн. соціол. I, 112—3).

Однородны съ этимъ объясненія отдаленныхъ явленій природы близкими къ человѣку вещами: извилистая молнія—змѣй, прямо падающая — стрѣла, копье; громъ — стукъ колесницы или топотъ стада, небесный сводъ—ледяной или мѣдный, туча—гора, пещера (на пр. скр. *aggi* м. камень, гора, облако, причемъ, по замѣчанію издателя санскритскаго словаря, второе и третье значенія едва различимы въ случаяхъ, гдѣ рѣчь—о разрушеніи богами облачныхъ твердынь и возвращеніи загнанныхъ туда демонами коровъ); туча же—корова, а дождь—ея молоко; солнце—колесо и пр.

Если мысль подготовлена къ сужденіямъ аналитическимъ, то выраженіе „солнце-колесо“, являясь въ первый моментъ пониманія метафорой, въ концѣ приводитъ къ тому, что изъ многихъ признаковъ колеса для объясненія природы солнца остается только одинъ—очертаніе, колесообразность, сходство его съ колесомъ въ этомъ одномъ отношеніи. Ср. „Ой зійди, зійди, ясен місяцю, як млиновеє коло“.

Если же содержаніе сказуемаго „колесо“ еще неразложимо, то между нимъ и подлежащимъ устанавливается отношеніе равенства многихъ признаковъ, во время сужденія кажущихся главными: въ солнцѣ, какъ въ обыкновенномъ колесѣ, есть ободъ, спицы, ступица; оно на оси (изъ чего слѣдуетъ, что оно часть колесницы, везомой и управляемой и т. д.).

При этомъ происходитъ разложеніе сказуемаго, сходное не съ химическимъ разложеніемъ на исключаютія другъ друга стихій, а съ механическимъ дѣленіемъ на части: колесо есть нѣчто простое (т. е. болѣе извѣстное), земное или небесное. Затѣмъ мысль можетъ остановиться на отличіяхъ послѣдняго отъ перваго.

Существованіе въ языкѣ частей рѣчи, означающихъ признаки, выдѣленные изъ комплексовъ, даетъ только возможность аналитическихъ сужденій, но не ихъ всегдашнюю необходимость для всякаго говорящаго этимъ языкомъ. Такъ въ теченіе тысячелѣтій послѣ появленія глаголовъ, прилагательныхъ и чисто формальныхъ словъ, подъ выраженіями, которыя намъ кажутся на первый

взглядъ выражающими сужденія аналитическія, сохраняются воззрѣнія миѣическія, вполне подходящія подъ образецъ: „солнце-колесо“.

Я останавлиюсь на разсмотрѣніи того, каковы могутъ быть миѣическія сужденія, предполагаемыя аналитическими: человекъ дышетъ, плюетъ, источаетъ кровь, (женщина)—мѣсячное, оставляетъ слѣды, производитъ экскрементъ, смотритъ, говоритъ и др. под.

Нижеприводимые примѣры будутъ имѣть и другую цѣль, кромѣ упомянутой, именно—показать, какъ сочетаніе въ сужденіи парныхъ субстанцій ведетъ къ установленію дуализма въ міросозерцаніи, въ коемъ преобладала конкретность, и въ коемъ твердое *убѣжденіе* въ тождествѣ мысли съ мыслимымъ, (все равно, будетъ ли мысль наша или чужая), въ объективности мыслимаго равнялось лишь субъективности этого мыслимаго (см. выше—отсутствіе критики стр. 410).

Т. о. это свойство есть вмѣстѣ и полная вѣра въ авторитетъ и полное отсутствіе сознательнаго стремленія къ личному изслѣдованію.

Прогрессъ мышленія состоитъ въ выдѣленіи изъ міра (т. е. изъ совокупности мыслимаго) свойствъ вносимыхъ нашимъ я и въ противоположеніи этого я міру. Чѣмъ далѣе отъ насъ къ прошедшему, тѣмъ слабѣе это выдѣленіе и противоположеніе. Чѣмъ болѣе субъективны продукты мышленія, тѣмъ непоколебимѣе вѣра въ ихъ объективность.

Конкретность миѣическаго мышленія. Языки, формально различающіе названія дѣйствій, качествъ вещей, предполагаютъ состояніе, когда слово со стороны своего значенія (не представленія) есть совокупность признаковъ, а двухчленное предложеніе есть сочетаніе двухъ такихъ единицъ, какъ если бы сказать *раковина море*. Если почему-либо изъ совокупности признаковъ предмета *а, б, в...* выдвигается признакъ *г* и возникаетъ вопросъ, который мы на своемъ языкѣ называемъ вопросомъ о зависимости и причинѣ *г*, то отвѣтомъ будетъ служить не установленіе связи между однимъ или нѣсколькими избранными признаками и *г*, не

завлюченіе „если есть *a*, то есть и *i*“ или наоборот, а заключеніе близкое къ повторенію исходнаго момента мышленія, отличное отъ него, такъ сказать, только акцентуаціей большей связи одного изъ признаковъ: „если есть *x* съ признаками *a*, *b* и преимущественно *a*, то есть и *i*“. Спенсеръ (Осн. соц. I, 114,5) объясняетъ это примѣромъ, который я нѣсколько видовзмѣню по воспоминаніямъ своего дѣтства. Я зналъ, что раковина, лежавшая у насъ на столѣ,—морская, что море шумитъ и что, если приложить раковину къ уху, слышенъ шумъ; и вотъ на невыраженный словами вопросъ „отчего шумитъ раковина“ явился отвѣтъ въ видѣ мысли о видѣ раковины и шумѣ моря.

Доказательствомъ, что въ отвѣтѣ являлись именно видимые признаки раковины, служитъ то, что когда послѣ я убѣдился, что такое же дѣйствіе производитъ и приложенный отверстіемъ къ уху стаканъ, непохожій на раковину и неимѣющій связи съ моремъ, и что стало быть шумъ раковины зависитъ отъ свойствъ, которыя ей общи со стаканомъ, я все-таки при опытахъ со стаканомъ представлялъ себѣ знакомую раковину и море.

Т. о. неразложенность комплексовъ, нестрогое отдѣленіе этихъ комплексовъ отъ другихъ необходимо влечетъ за собою заключеніе по формулѣ *cum hoc ergo propter hoc*.

Я зналъ мушка въ Васищевѣ, который былъ твердо убѣжденъ, что муравьи, ползающіе по стволамъ растений, разводятъ тлю на ихъ верхушкахъ, и что поэтому для уничтоженія тли надо уничтожать муравейники.

Господствомъ такого способа заключенія, убѣжденіемъ что *всякое свойство предмета присутствуетъ во всѣхъ ея частяхъ*, (что, такъ какъ предметъ нестрого ограниченъ отъ случайной обстановки, то свойство предмета сообщается тому, съ чѣмъ оно приходитъ въ соприкосновеніе) характеризуются цѣлые продолжительные періоды жизни человѣчества.

Сюда относятся свойственныя дикимъ и полудикимъ, отчасти—низшимъ слоямъ цивилизованныхъ народовъ вѣрованія, что тѣло и по смерти сохраняетъ свойства живого существа, что каждая

его часть имѣть всѣ или важнѣйшія свойства живого существа; что обладаніе частью тѣла, имѣвшаго при жизни такія-то свойства, даетъ обладаніе этими свойствами ¹⁾).

Таковъ обычай ѣсть мясо дикаго звѣря, врага, умершаго родственника, чтобы имѣть ихъ храбрость и т. п. (Спенс. Осн. соц. I, 115, 260), вѣрованія въ амулеты съ частями тѣла животныхъ и людей (ib. 364—5); чары на слѣдь, рубашку, потъ, волосы, ногти, объѣдки, соръ (ib. 262, 341). Вѣрованія, связанныя съ изображеніемъ и словомъ по ихъ важности должны быть разсмотрѣны особо.

Дыханіе (halitus)=*душа* (anima). Animae leonis virus (вонь) grave, ursi pestilens; contacta (ср. р. мн.) halitu ejus nulla fera attingit ociosque putrescunt adflata reliquis (чѣмъ остальное). Hominis tantum (animum, halitum) natura infici (чтобы портилось) valuit pluribus modis, et ciborum ac dentium vitiis (отъ дурной пищи, дурныхъ зубовъ)... Sed maxime senio (отъ старости).

... Dolorem sentire non poterat. (= potest, какъ выше XI, 90, о крови „magna in eo vitalitatis portio; emissus spiritus secum trahit, tactum tamen non sentit“), tactu sensuque omni carebat (= caret), sine quibus nihil sentitur; eadem (anima) commeabat (= commeat — выходитъ и входитъ), recens adsidue, exitura supremo (выйдетъ изъ тѣла послѣдняя) et sola ex homine superfutura (одна только отъ всего человѣка и останется); denique haec trahebatur (= trahitur) e caelo. Hujus quoque tamen reperta poena est, ut neque id ipsum quo vivitur in vita juvaret (но несмотря на это и въ немъ [дыханіи, w. для него?] нашлось наказаніе, чтобы даже то, чѣмъ человѣкъ живетъ, недоставляло въ жизни удовольствія (объ испорченномъ отъ пищи и вина дыханіи). Parthorum populi hoc praecipue (особенно страдаютъ этимъ) et a juvena propter indiscretos cibos; namque et vino foetent ora nimio; sed sibi proceres medentur (пособляютъ себѣ) grano Assirii mali (лимона),

¹⁾ Въ сказкахъ русск. серб. нар. богатырь оставляетъ вмѣсто себя свою вещь (ножь, рукавицу); въ случаѣ, если ему грозитъ смертная опасность, изъ нихъ течетъ кровь: „Ты то ви мене доглядаете, що допустили он стѣли з мене крови вибгги“. (Мажж.).

cujus est suavitas praecipua, in esculenta addito. Elephantorum anima serpentes (—es) extrahit, cervorum—urit. (Pl. XI, 115).

Душа (дыханіе) пахнетъ, запахъ—душа вещи:

„Стару душа мирише

Ка ј' но лети цвилика (=вонючая трава)..

... Младу душа мирише

Кај' но вита ружице.

(К., Ристаћ, С. н. п. 27).

Ал бесједи Мерима девојко;

„ћул мирише, моја мила мајко,

ћул мирише око нашег двора,

Чини ми се Омерова душа (=умершаго).

Кар. С. н. п. I 246—7.

Ој девојко душо моја,

Чим миришу њедра твоја?.....

... Моја њедра немиришу

Нити дуњом, ни неранчом

Нити смиљем, ни босиљем,

Веће душом девојачком.

Вар..... Нити паром од јунака

Него паром девојачком.

ib. 407—8.

Тѣмъ, что запахъ—душа, объясняется вѣрованіе, что природа человѣка переходитъ на его одежду и другія вещи. (Спенс. Осн. соц. I, 331).

Смазъ—въ связи съ вѣрованіемъ въ человѣчка въ зрачкѣ и въ двойную душу:

„In... Africa familias quasdam effascinantium Jsigonus et Nymphodorus (tradunt), quorum laudatione intereant probata (овцы), arescant arbores, emoriantur infantes; esse ejusdem generis in Triballis et Jlyriis adjicit Jsagonus, qui visu quoque effascinent, intermantque, quos diutius intueantur, iratis praecipue oculis, quod eorum malum (какоео отъ нихъ [очей, людей] происходящее зло) facilius sentire puberes. Notabilius esse (въ особенности замѣча-

ко образу ль имѣть, или къ самому Богу? подобнѣ и предъ иными образы, и какъ моленье свое простираеть? такожде и съ каковымъ намѣреніемъ и свѣщи предъ иконы поставляетъ, иконѣ ль той честь твоя, или самому изображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣщу поставляетъ?“ (Русск. Достопам. I, 187).

„Мнѣ, государь, сіе зритца вельми неправо, что въ церк-вахъ свѣщи поставляютъ всякой челоувѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковные иконы и двадцатые доли свѣчъ непоставляютъ“, ів.

Изображеніе. У Черемисъ „собравшіеси на поминки моются въ банѣ, моютъ и покойника, подѣ видомъ липовой палки“. (Смирновъ „Черемисы“, Изв. Общ. Археолог. при Каз. У. VII, 123).

Присутствіе покойника на поминкахъ у Черемисъ представ-ляется въ разныхъ мѣстахъ различно... Въ Царево-Ковшайскомъ у. лицо, назначенное заживо покойникомъ, надѣваетъ его празд-ничную одежду. Родные привѣтствуютъ его: „А ты уже пришелъ на свой праздникъ? Войди въ избу пировать съ нами. Завтра, пе-реночевавши, уйдешь“. Ряженого принимаютъ, какъ настоящаго покойника. Вдова зоветъ его мужемъ, дѣти—отцомъ. Онъ дер-житъ себя какъ настоящей глава семейства. Онъ ѣсть, пьетъ, пляшетъ наравнѣ съ другими, хотя нѣсколько своеобразно. Онъ рассказываетъ, какъ ему на томъ свѣтѣ хорошо живется, какъ онъ видится съ ранѣ умершими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ того же уѣзда роль ряженаго исполняетъ свитокъ одежды покойнаго: онъ кладется на почетномъ мѣстѣ, къ нему обращаются, какъ къ живому лицу, съ нимъ пляшутъ по очереди пирующие... Въ Ма-карьевскомъ у. Нижегородской г. одежда умершаго развѣшивается на стѣнѣ, и родные только посматриваютъ на нее, когда ѣдятъ (ів. 194—5).

Слово. Чѣмъ далѣе въ прошедшее, тѣмъ менѣе въ языкѣ словъ отвлеченныхъ и формальныхъ, которымъ ничто несоотвѣт-ствуетъ въ чувственномъ воспріятіи. Первоытное слово должно было соотвѣтствовать безразличному комплексу вещи и ея дѣй-ствія или качества. Отсюда понятно, что слово (нераздѣлимая для

первобытнаго сознанія совокупность звука и значенія), сопровождавшее и доводившее до сознанія упомянутыя вѣрованія, должно было, при господствующей конкретности мысли, представляться такимъ же противнемъ вещи, какъ и ея тѣнь и отраженіе. Въ словѣ должна была присутствовать доля жизни, заключенной или предполагаемой въ соотвѣтствующей вещи.

По мѣрѣ того какъ возникало вѣрованіе, что болѣе тонкая, менѣе осязаемая половина явленій есть болѣе важная, что тѣнь, душа, двойникъ, доля суть причины жизни, сна, болѣзни, смерти; что во вѣчеловѣческой половинѣ явленій, боги, ихъ духовная половина, суть ихъ производители—должно было возникнуть убѣжденіе, что слова суть духовныя сущности вещей. Даже болѣе: доступныя древнему человѣку наблюденія надъ словомъ могли въ значительной степени содѣйствовать возникновенію вѣры въ духовные первообразы и причины явленій. Ибо разъ было замѣчено, что слово, на пр. имя извѣстнаго лица, появляется, т. е. произносится каждый разъ, когда появляется это лицо, и когда оно не появляется, а лишь вспоминается; что слово, т. е. его ближайшее содержаніе (представленіе) остается неизмѣннымъ (при всѣхъ измѣненіяхъ) происходящихъ въ называемомъ, напр. сидитъ ли онъ, или спитъ, отсутствуетъ ли или умеръ; что оно властно, т. е. на него отзывается человѣкъ—разъ это было замѣчено, можно было отсюда вывести подтвержденіе того, что и душа есть тоже относительно неизмѣнная сущность.

Какъ бы ни было, но весьма распространены доходящія и до нашего времени мнѣя о словѣ, вѣрованія, что *слово—сущность вещи*.

Слово вещественно. Коновчиха: „Два дні свого сина клене проклинає“, на 3-й—„дай мені, Боже, „сі слова перед собою мати“, т. е. видѣть ихъ передъ собою на томъ свѣтѣ и казнитья ими. (Изъ думы объ Ив. Коновч.). На томъ свѣтѣ напр.: „Хто старцям милостиню подавав, то все те перед ім и лежить: чи шматов хліба, чи кільце ковбаски, чи сала кришеник, то таь на столахъ и лежить“ (З. о Ю. Р. I, 306). „Ко што ђеза, предан-

пада“, Посл. 159). „Мнѣ что за дѣло, какая ты? Твое передь тобою“ (Островскій).

Слово течетъ изъ усть, какъ слюна. Какъ слово = человекъ (ein Wort, ein Mann, „Нема слова найвірнішого надъ ту дружиньку“), такъ слюна въ извѣстной сказкѣ. Сюда: „Новый срубъ хаты, еще недостроенный.... Тамъ дѣти забавлялись „стрибаньемъ“, бросаясь сверху на кучу пѣску, сுவѣрно отплевываясь каждый разъ.... „Поволі, діти, поламаете ноги!“—Ні, дядьку!“.... и снова по очереди выговаривали магическія слова: „тъфѹ, слинко! ти ся забий, а я ні!“ Плевки падали на землю, а дѣти, слѣдомъ за ними, нисколько неколеблясь, скакали тудажъ“ (Петкевичъ, Сельск. недоразум. К. Ст. 1889 г. янв. 177).

— „О связи нѣкоторыхъ представленій“, 81—4. Сорока, вѣщая птица (соб. *вѣщница*—сорока, тоже—болтуня, серб.—*вѣщница*—вѣдьма) создана чортомъ (Чуб. I, 62) именно изъ плевка (Кар. Припов. № 18, Пјес. II, 84).

Превращеніе слюны въ мудраго *Квасира*, его крови—въ божественный потокъ, дающій даръ поэзіи и мудрость, и опять въ слюну (Grim. Myth.² 853; Бусл. „Объ эпич. поэзіи“; Аван. „П. В.“ I, 393 и сл.).—„Кровь не вода“ но вода—кровь; загадки (вриница): „На серед села зарізано вола, в кождїй хатці по боватці“; (рѣка): „Ковець села забито вола, до кождої хатки тянуться вишени“.

Слюна-напраслина: „Ежели кто плюя попадетъ себѣ ненарочно на платьѣ, то оно значить.... (обнову) или терпѣть напраслину“ (Абевега 267).

Вр. *слотитъ*—врать. Ср. съ сербск. „*блутити*“, будалити, говорити којешта без прилике, ungereimt reden; *блутити*.... који много говори којешта, der ungereimt redet. *Блуна*—eine einfältige person. Чеш. bliwou, болтунъ. (При *блут*—*блутити*, sich eikeln: *блутити* ми срце (напр. код човјек једе много грѣха).

Рѣчь, слюна (напраслина)—рѣка, вода (Разб. п. Голов. 64—76).

Вода—правда (Объясн. мр. п. I, 182—7; Разб. п. Голов. 65). Отсюда гаданіе: если вода удержится въ рѣшетѣ и т. п., то тото сбудетъ, то то правда: Владиславъ Германъ такъ гадалъ объ удачѣ

набѣга: вѣдунья несла передъ войскомъ въ рещетѣ воду, и вода невыливалась, что предвѣщало удачу. Такъ доказывалась и истинность (Gr. Myth. 643—4).

— „Extat (есть еще, дошла) Tussiae vestalis incestae (обвиненной въ нарушеніи цѣломудрія) psecutio, qua usa, aquam in scibro tulit anno urbis DCIX. (145 до Р. X.)“, (Pl. XXVIII, 3).

Въ сказкѣ отецъ приказываетъ дочери лить воду въ дырявый повѣшенный на гвоздѣ сапогъ. Если вода удержится, — онъ женится. И вода точно невытекала (Gr. „K. und Hausmärchen I, № 13).

Слово — крылато, оно — птица:

„*Ἐλτα πτεροῦντα. Ποῖον σε ἔπος φύρεν ἕρκος ὀδόντων*“ (Иліада и Одиссея).

Слово не воробей, а упустивши непоймаешь. Пѣсня — птица, соколъ (Объясн. мр. п. I, 118).

Гриммъ (Myth. 1177) приводитъ ирландское повѣрье, что изреченное проклятіе должно упасть на кого-либо. Оно носится 7 лѣтъ въ воздухѣ и каждое мгновеніе можетъ спуститься на того, на кого было направлено; если его налагаетъ ангелъ хранитель, то проклятіе принимаетъ видъ несчастья, болѣзни или искушенія и бросается на него (такъ что проклятіе замѣщаетъ собою двойника).

Такъ же и Пентамер. выражается: „у провлятіи старухи выросли крылья, и они взлетѣли къ небу“ (Перев. Либрехта, I, 222).

„Нехай хмара на татары, а сонечко на хрестяни“. Такъ: „Неходи на эту службу... Ну какъ... иди это слово отъ насъ къ проклятымъ туркамъ... ну какъ тебя убьютъ“. (Герой очак. врем.“ Кв.² III, 266).

„Молитва йде до Божого престолу у золотий ковчег, там перепалюється, а до Бога йде сама чиста хвала“ (Манж.).

Уроки опасны для здоровья, особенно если ихъ *заспать*, т. е. заснуть, неотогнавши ихъ. Они вещественны, почему мать, укладывая дитя ко сну, *высасываетъ* ему урокъ изо лба и сплевываетъ на всѣ 4 стороны свѣта, приговаривая: „хто ті (тя) врік, най ті (тебя) урокъ) взне“ (возьметъ), (Kolb. Pок. III, 132).

Слово — мысль. Гадать — думать, дума (болг. слово). (Бул. Оч. I, 2). Въ словѣ впервые сознается мысль.

Словесенъ — исполненъ мысли, разуменъ (вѣщъ). Напротивъ *мълчати* сродно съ лот. *milkis* — дуракъ и скр. *муркта* — глупый *мурчѣа* — глупость.

Если бы съ точки зрѣнія дуализма представить себѣ *мысленіе*, то быть можетъ получилось бы представленіе въ видѣ *восторга*:

(О различіи души чловѣка и животнаго). „Всѣ бо животнѣ долоу гледаѣтъ и къ земли, и къ водѣ, оттоудбу бо и створенѣ, и члѣкъ єдинѣ на висость зрѣтъ и тварию бо єсть Бѣжяма роукама такъ створенѣ, да и дѣша єго бесплѣтна соущи и всю мысль, и разоумъ чєжичьство имоущи въ горѣнии твари, рекѣше выше нѣбѣ, иже єсть оустрои на тѣ же дѣйствы бесплѣтными и мыслями въземлетъ си оумъ, и тамо вьсходитъ. Или небоудеши самъ исхоусилъ, члѣче, другѣици на мѣлѣвъ стоє, како ти се въземлетъ оумъ выше небесѣ и акы боголѣпная та мѣста виде се створиши и сладкая, и славная, и свѣтлая, и съ тѣми стѣми радуєсе хвалиши Бѣа въ красныхъ тѣхъ мѣсьтѣхъ, и поворъ дивнѣ видѣши и весельство? Да како оубо оумъ съ и дѣша, въ брєннѣмъ семъ тѣлєсе се (=съ) привезанъ и храмъ надъ собою имѣє покровъ, и надъ тѣмъ пакы въздохъ, и єтеръ, и нѣбса вѣса, и тамо мыслию възыдеши къ Б-оу невидимоуєму? како лм ти сквозѣ храмъ пролѣта оумъ, и всю тоу висость, и нѣбса скорѣє мѣженія очнаго прилетѣвъ, тамо бытѣ, не ставе се ни чимъ же? Чимъ то оубо будєши прошєлъ? Или силою безсловєсною и скотныє душе, яже єсть смрѣтна, кровь бо єсть или бесплѣтноу (=ою), ню же єсть подоба, и разоумичными дѣйствы и силами съмыслныє своєє дѣше и разоумичныє? Да аще речєши: „скотнѣю и бесловєсныхъ дшею“ то оуже можєтъ и конь и волъ и всака птица, ти нехотє єдиногю живота члѣча приєти разоумичноу и размыслноу имуща дѣшу, несвѣдами имаши приєти и нехотє. Да єлѣма же то роужно єсть тако помышлѣти и примати... да ноужда єсть глаѣти яво же бесплѣтными и разо-

умичными дѣйствы съмыслныѣ дѣше то можетъ быти, кже на нѣбо възити, неставецю се ничимъ же оумоу члюю“. (I. Э. Шест. 198—9).

Истоупъ, — лѣннѣ. „Вложи Бъ истоупленнѣ на Адама, и оуспе... сѣнъ истоупъ глѣть се, имъ же акы внѣ себе стоить члѣкъ; вѣноутрь кс дѣша, то же нѣс вноутрь, и нечюкѣтъ, неразоумѣйтъ, слышещи неслышитъ; яко же днес глѣмъ: „истоупъ приѣмлетъ, иже внѣ вещи бывъ, тако и дѣша, кгда внѣ будеть чювѣства, въ истоупѣ ксть“ (ib. 250, 3—4).

— *Слово-правда. Правити*—говорить.

Съ древности и до нашего времени ученые склонны объяснять вѣру въ силу слова, принимая частный случай за общее, именно думая, что вѣра въ силу слова связана съ вѣрою въ участіе боговъ. Такъ Плиній: „Вѣримъ и теперъ, что наши весталки молитвою (=заговоромъ) удерживаютъ на мѣстѣ бѣглыхъ рабовъ, если они еще невышли за городъ (Римъ). Разъ допустивши это, нужно признать, что боги выслушиваютъ нѣкоторыя просьбы или побуждаются извѣстными словами“ (Pl. N. N. XXVIII, 3).

Конечно, въ разныя времена было и есть вѣрованіе, что слово служить только посредникомъ между молящимся и Богомъ; но это неможетъ быти общимъ основаніемъ разсматриваемаго вѣрованія. Слово становится дѣломъ не только въ молитвѣ, но и будучи произнесено случайно и безъ умысла; не только въ случаѣ, когда предполагается, что злобное божество ловить ошибки говорящаго, чтобы причинить ему вредъ, но и тогда, когда нѣтъ мысли о чемъ-либо подобномъ, о какомъ-либо постороннемъ существѣ, кромѣ самого слова. Вѣрованіе состоитъ въ томъ, что слово само есть существо.

Плиній: „Болѣе умные поголовно съ пренебреженіемъ относятся къ вѣрѣ въ силу слова и заговоровъ, но вообще жизнь ежедневно имъ вѣритъ, неощущая ихъ послѣдствій. Такъ людямъ кажется, что безъ моленій нельзя ни съ пользою принести жертвы, ни какъ слѣдуетъ посовѣтоваться съ богами. При этомъ одни слова при жертвахъ для полученія чего, инныя при жертвахъ для

отвращенія, инья при обсужденіи. Мы видали, что верховные савновники совершали моленія (точно) опредѣленными словами, а чтобъ небыло что изъ словъ пропущено или несказалось равьше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ при этомъ одинъ читалъ (молящемуся) по писанному, другой слѣдилъ (за вѣрностью повторенія), третій приказывалъ (окружающимъ) молчать, а флейщикъ игралъ, чтобы молящійся не услышалъ чего-либо посторонняго; ибо замѣчено, что коль скоро помѣшали (ему) услышанныя имъ зловѣщія слова (*di-gae*), или онъ самъ ошибся, тотчасъ въ стоящихъ у мѣста жертвоприношенія животныхъ исчезали или (наоборотъ) удваивались верушки (*capita*) печени или сердца“. (*Plin. H. N. XXVIII, 3*).

Въ заключеніи заговора: „Будьте слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата... Нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора и неизмѣните ихъ ни хитрецу, ни мудрецу“ (*Майк. Вр. закл.—З. Г. Общ. по этв. II, 431*).

Лѣкарство становится дѣйствительнымъ отъ сопровождающаго слова: „*Pecudis lien recens magicis praeseptis super dolentem lienem extenditur, dicente eo, qui medeatur, lieni se remedium facere*“. (*Pl. XXX, 17. Ср. ib. XX, 53*)—ѣсть отъ селезенки мяту, говоря: „хочу лѣчить селезенку“.—*Ср. Номис №№ 255—7 и слѣдующій, 324*.

Урокъ, слазъ:

„*In... Africa familias quosdam effascinantium Isogonus et Nymphodorus (fradunt), quorum laudatione intereant probata (гр. овцы), arescant arbores, emoriantur infantes* (для предотвращенія этого не только въ Африкѣ дѣтямъ повязываютъ амулеты *Fascinosa* [*pro deo habitus phallus*]; (откуда у насъ при встрѣчѣ съ попомъ между прочимъ братья за яйца).

Нынѣ на Покутъѣ: Не каждый въ одинаковой степени имѣетъ силу *урекать* и силу глаза („не каждый має однако поскудні очи“). Кто нехочетъ никого *урекать*, тотъ, говоря о комъ-либо, прибавляетъ „ні-вроку“. Безъ этого слова особенно *похвала* по-дѣйствовала бы и безъ желанія говорящаго. (*Kolb. III, 132*).

— У Черемисъ старицъ посредникъ (вѣдунъ) въ концѣ молитвы: „Мы дѣти, мы ребята ползающіе еще подъ дымомъ; можетъ быть что нужно было сказать раньше, мы сказали послѣ, а что нужно было сказать послѣ, сказали раньше; дай намъ ума“. Въ Козьмодемьяновск. у. въ былое время варты (посредники) просили мать огня передать ихъ молитву богу въ исправленномъ видѣ: „Мать огня, ты пересказывай; что не ладно, поправь“. (Смирновъ „Чермисы“ Изв. Об. Арх. и Э. при Каз. у. VII, 162). Въ черемис. молитвахъ объ огнѣ: „Огненный духъ! у тебя длинныя ноги и острый языкъ, очистивши ваши жертвы, принеси ихъ къ богамъ“ (ib. 147).

Сказка сказка:

Курья заложили эту церковь, поень взяли лопатомъ изъ-подъ угла земли и сказали: „что ни дешь, то по пекельнику блень!“ А плотники услышали, да и поворить себѣ бѣть нешли, не такы: „что ни пекъ, то возми поень“. Такъ и вышло: поень не было съвъ же свята заклято. (Бул. у. Иванова).

На Курья вѣдьма собирала „кѣльменомъ“ колотенку рѣку съ курьянскаго издѣлѣна въ поидѣльскѣ дѣлѣнѣ. Увидѣвъ это, черемисскы поидѣльскы къ ней носкѣнѣ: свани, „обережъ поидѣльскы: и кѣльменомъ“ и сказали: „да съ рѣку, то на поень, а по те себѣ берѣж, то дай шонъ“. Повторили въ бѣстѣе и слова урѣдилы, поидѣльскы поидѣльскы шонъ на тѣжнѣкъ мѣстѣ, и поидѣльскы въ все рѣкуля малое струйка. Коль Гл. III 118.

В. урѣдилы:

„Не вѣдѣнъ си кто дѣлѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы.“

„Да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы.“ Коль Гл. III 118.

„Да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы, да вѣдѣнъ естъ отъ поидѣльскы.“

„Вы можете (этой) малюткѣ сказать все. Она скорѣе дастъ себя изрубить, чѣмъ выдастъ своихъ друзей; „пошла, шедьма, чтобъ тебя отъ церкви отлучили, будь ты проклята, плутовка“, прибавилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, потому что, будучи, какъ и многіе другіе бандиты, суевѣренъ, боялся сглазить (т. е. изурочить) ребенка, благословляя или хваля его. Извѣстно, что враждебныя силы апосchiatura'ы (невольный сглазь у. урокъ) имѣютъ дурную привычку дѣлать противное нашимъ желаніямъ“ (ib.).

Какъ въ извѣстной сказкѣ изъ слюны создается говорящая птица, такъ въ германскомъ мифѣ въ Эддѣ изъ нея человекъ:

„Асы и Вилы заключили миръ и положили ознаменовать его весьма страннымъ обычаемъ: и тѣ и другіе наплевали въ одну посудину, въ которой и смѣшались ихъ слюны, точно такъ, какъ въ отдаленныя среднія времена смѣшеніемъ крови освящаютъ примиреніе... Знаменіе мира... должно было сохраняться навсегда; боги сотворили изъ нихъ разумнѣйшаго изъ людей по имени Квасира. Квасиръ много исходилъ по свѣту, уча людей мудрости; наконецъ пришелъ въ жилище двухъ чародѣевъ-карликовъ, отъ которыхъ ему и смерть приключилась: убивъ Квасира, надѣлили они его кровью два сосуда и одинъ котель, потомъ подмѣшали въ кровь меду, изъ чего и составилъ драгоцѣнный напитокъ, который сообщалъ даръ поэзіи и мудрость всякому, кто попробуетъ его. Послѣ того этотъ вѣщій медъ былъ предметомъ многихъ распрій до тѣхъ поръ, пока выпилъ его весь въ три глотка Одинъ, и тѣмъ неспасъ его изъ рукъ враговъ. Потомъ на пользу Асамъ и людямъ вѣщимъ онъ выплюнулъ его, такъ что этотъ драгоцѣнный напитокъ опять сталъ слюной, чѣмъ былъ съ самаго начала“ (Gr. Myth. 855). (Буслаевъ, Эп. п. 18. Ас. II, Возз. I, 393 сл.).

Упомянутое здѣсь превращеніе слюны въ кровь находить соотвѣтствующія явленія въ томъ, что какъ въ норвеж. (Бусл. ib.), такъ и въ нѣм. сказкахъ не только слюна, но и капли крови говорятъ за того, кому принадлежать. (Grim. Märchen, I, 286, II, № 89, III, 06).

Извѣстно и повсюду распространено вѣрованіе въ таинственную силу слова въ заговорѣ и заклятїи. Приводимъ нѣсколько стиховъ изъ Овидія и Виргилія. Сокомъ Летейской травы Язонъ усыпляетъ змѣя (draco), сторожа золотого руна:

„Verba qui ter dixit placidos facientia somnos
Quae mare turbatum, quae concita flumina sistant“.

(Ov. Met. VII, 150 сл.).

Послѣдній стихъ ср. съ извѣстнымъ припѣвомъ русской бы-бины, гдѣ такая сила утишать море приписывается поэзіи: „То старина, то и дѣянье, какъ бы синему морю на утишенье“. (Др. рус. ст.).

Вспомнимъ, что и поэзія и заговоръ въ латин. носятъ одно имя, carmen.

„Vipereas rumpo verbis et carmine fauces;
Vivaque saxa ¹⁾, sua convulsaque robora terra,
Et silvas moveo, jubeoque tremiscere montes,
Et mugire solum, manesque exire sepulcris.
Teque luna traho, quamvis Temesaea labores
Aera ²⁾ tuos minuant. Currus quoque carmine nostro
Pallet avi, pallet nostris Aurora venenis“ (Ov Met VII

203 сл.). Ср.—Сила заговора—Virg. ecl. VIII, 68 сл.) ³⁾.

Заговоръ, который у всѣхъ народовъ нашего племени рано или поздно сводится на параллельныя выраженія въ родѣ слѣд.:

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni, sic nostro Daphnis amore“ (Virg.

ib. 70), безъ сомнѣнія есть молитва.

Распоясанная, босоногая, съ распущенными по плечамъ волосами, совсѣмъ какъ у нашихъ вѣдьмъ, Медея, выходя чаровать, обращается къ богамъ:

¹⁾ Ср. „И камен би рижча подигао“ (кад ко лижено или жалостливо говори) К. С. Посл. 101.

²⁾ Въ Темесѣ въ Брутинъ—были мѣдные рудники. Temesaea aera—трубы и др. орудія, коими производили шумъ.

³⁾ (Сила слова — Аѳ. П. Возвр. I 410 —13, 423—7).

„Nox, ait, ...astra... princeps Hecate, ...Tellus
Auræque et venti, montesque, amnesque, lacusque,
Dique omnes nemorum, dique omnes noctis adeste“.

(Ov. Met. VII 180).

Сила слова можетъ быть поэтому чѣмъ-то зависимымъ отъ нравственной силы, съ которою произносится, или отъ сопровождающихъ его обрядовъ; но самостоятельность его видна въ томъ, что какъ бы ни могущественны были порывы молящагося, онъ долженъ знать, какое именно слово слѣдуетъ ему произнести, чтобы произвести желаемое. Съ тѣмъ, что извѣстныя слова имѣютъ особенную силу, связана таинственность, съ которою они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Таинственная связь слова съ сущностью предмета неограничивается одними священными словами заговоровъ: она распространяется на многія слова обыкновенной рѣчи. Вліяніе ихъ обуславливается не интенціею говорящаго; не только неслѣдуетъ называть зла, потому что и само можетъ приключиться („Не зови зло, јер само може доћи“ Ср. п. 193), но и съ самимъ невиннымъ намѣреніемъ, въ самомъ спокойномъ разговорѣ неслѣдуетъ поминать извѣстныхъ существъ, или, если рѣчь обойдется безъ нихъ, то обычныя и законныя ихъ имена нужно замѣнять другими, произвольными и неимѣющими той силы.

„Болѣзни, говорить Гриммъ, особенно если соединены съ ними чирьи или желваки (geschwüre und beulen) называютъ „ding“, потому, что настоящаго имени боятся и неохотно его произносятъ“ (Deutsche Wörterb. подъ сл. Ding). Такъ и у славянъ, какъ видно изъ слѣдующаго: Въ серб.: „Мање, више, свак има свог *врана*“ (Срп. п. 175). (Ср. „кажду ма swego móla, соgo gruzje; луж. kóždy ма swoje huru); *врана*, говорить Караджичъ, поставлено вмѣсто *врага*, чтобы неупоминать этого имени, хотя здѣсь, прибавимъ, оно значитъ вовсе не чорта. Этимъ же можно объяснить между прочимъ, отчего въ врс. нарѣчій такъ много названій чорта (напр.—шутъ, обломъ).

У Гуцуловъ рѣдко употребляются слова *портъ*, *дідько*, потому что говорятъ эти слова— „*мислословити*“¹⁾, а это „грѣхъ великій“.— Вмѣсто этого— „*щезун*“, или выраженіе: „*він* (*v. том*) *щез-би*“: „Якъ *він-щезби* уздрів *Јеву*, тай *петає...*“ „На томъ місци мож видіти того-щез-би въ *ночи...*“ „*Він-щез-би* пішов та *вмив* сі та й *бридзнув* поназадъ себе з *рук* воду, а *віттак* як сі *обернув*, та *подивив* сі *туди*, *куди* *бридзнув* *водов*, то *вздрів* тільки там *тих-щезли-би*, *кілько* *крапок* *води* *бридзнув*“. (Такъ созданы были черти, почему грѣхъ, умывшись, отряхивать съ рукъ воду, а не обтирать, потому что, кто это дѣлаеть, тотъ творить чертей).

„*Тот-старий-щезби* загадавъ бути ше *старшіцим* від *Бога...* *Пан-Біг* *мусів* *бити* сі з *ним-щез-би...* *Зачели* *они-щезли-би* *ангелів* *перемагати...*“ (Kolb. Rok. III, 81—3).

Если при дѣтяхъ упомянешь про *жабу* (въ какомъ бы ни было смыслѣ), то женщины, перебивая, говорятъ: „*одгризла* ти *уши*“ (Срп. п. 232). „Если кто при ребенкѣ произнесетъ слово *жаба* (*жаба*, чаще *шнякка* = *schnecke*), долженъ прибавить: „*чеснок* *дитині* під *язиком*“, иначе у ребенка подъ языкомъ появится ранка, называемая *жаба*“ (Kolb. Rok. III, 155).

Сербы говорятъ, что неслѣдуетъ спрашивать: „*куда* *іеш*, *куда* *си* *пошао*, или *куда* *си* *наумио*“, но вмѣсто этого: „*ако* *Бог* *да?*“—Если же кто, забывшись, спроситъ: *куда?* то нѣкоторые ему отвѣчаютъ: „*идем* у *Кудилево*, да те *скудим*“. (Срп. п. 1).

Вопросъ *куда* почитается многими дурнымъ предвѣщаніемъ. Спрошенный отвѣчаетъ: „на *кудывину* *голову*“, т. е. на голову спрашивающаго. Спрошенный при отъѣздѣ отложитъ поѣздку, а вѣдущій воротится назадъ. Многіе боятся произнести *куда*, находя въ немъ связь съ нечистою силою. (Терещ. VI, 17).

Быть можетъ слово не нравится за сходство съ *кѹдити* — *übel reden von einem calumpnior* (ср. мр. *кѹдити*), которое быть можетъ значило и изурочить.

Когда морятъ народъ чума (морь), по серб. *кѹга*, представляемая женщиною, какъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, тогда

¹⁾ Слово извѣстное и въ вост. мр. (Манжура, Сказки 113).

рѣдко кто назоветъ кума, но говорятъ, (какъ бы для того; замѣчаетъ Караджичъ, чтобы умилоствить ее), обыкновенно кума (русская „бума“).

Когда нехотятъ упоминать слова *вѣштница*, *вепетина*, вѣдьма особаго рода, въ родѣ вампира, тогда говорятъ *каменница*, должно быть, замѣчаетъ Караджичъ, съ заднею мыслью, чтобы окаменѣла.

Такъ и вмѣсто *волкъ* говорятъ *каменьак*, какъ бы для того, чтобы пасть ему окаменѣла и нервала бы скота.

„Кто вечеромъ скажетъ слово *вовак* (чаще говорятъ „звѣрак“), тотъ долженъ прибавить „за моремъ му вечері, горѣчий му камінь в зуби“, а не то ночью волкъ „зробить шкodu“. Вообще „негодитси, грѣх“ хищное или вредное животное, особенно вечеромъ по имени „загадувати“ (Kolb. Pок. III, 155).

„Кто „на свит-вечір“ назоветъ *манк* своимъ именемъ, тотъ nebudeтъ его ѣсть „з смаком“, и за то обсадутъ его блохи и будутъ кусать весь годъ. Нужно назвать напр. зерномъ“ (ib.).

Сказавши неумышленно одно изъ подобныхъ словъ, оговариваются:

Въ мрс.: „не прижіраючи“, не перед нічю згадуючи“ (не потому, чтобы неприснилось: это само собою, а потому что, такъ какъ ночь—время этихъ темныхъ существъ, то какъ бы не „накликать бѣды“, произносилъ „протів—ночі“ нехорошія слова. Ср. „про вовка помовка, а вовк на дворі“; „про волва рѣчь, а волкъ навстрѣчь“).

Руликовскій (Opis powiecia Wasilkowskiego etc. Warsz. 1853, стр. 172), говоритъ, что если украинець, видя весною ключъ журавлей, скажетъ что это летятъ „веселики“ (серб *веселики*; Кар. Рјеч.), то уже и цѣлый годъ пройдетъ ему благополучно и *весело*; если же нечаянно выговорить настоящее имя *журавль*, то весь годъ будетъ *журиться*.

Сербъ говоритъ: „небуди примиєњено“, когда въ разговорѣ сравнивается живой съ мертвымъ, счастливый съ несчастнымъ, напр.: „Покойный Марко былъ, не будь примиєњено, такого росту какъ ты; ударило его ядро, не будь примиєњено, вотъ въ это мѣ-

сто“ (Срп. пр. 195). Какъ при доброй рѣчи говорятъ: „Из твоих уста у Божје уши“ (ib. 100); такъ, когда кто влѣнетъ другому, тотъ отвѣчаетъ ему: „Из уста ти у недра (а из недара око ребара“, ib.). Предполагается какъ бы, что сказанное слово неминуемо должно имѣть свое дѣйствіе, такъ пусть же бѣда окочится на говорившемъ.

„Не слушај, Боже, што пас лаје“, говорилъ одинъ, который въ утро на Рождество, взявши орѣхъ, произносилъ такой заговоръ („врачао“): „какъ этотъ орѣхъ полонъ, такъ пусть домъ будетъ полонъ всего, амбаръ—зерна, воронъ („тор“—загородъ для скота)—скота, подвалъ—вина и водки“ и т. д., и потомъ, разбивши орѣхъ, увидѣлъ, что онъ пустъ (ib. 209).

Впрочемъ и доброе слово оговариваютъ: послѣ похвалы прибавляютъ, чтобы не испортить: „небуди урока“, или „небуди уречено“ (ib. 194), и въ этомъ же смыслѣ, если кто, отъ кого этого не ожидаютъ, скажетъ или сдѣлаетъ что хорошо, говорятъ: „Не чуј, Боже, на зло“ (ib. 212). *Beschreien*, *incantare*, *wann nämlich die Leute die Kinder loben und sagen nicht: „Gott behüte es“ oder „Gott helfe ihm“, als „das ist ein schön oder liebes Kind“, ohne zugesetzten Gedeihungswunsch“*. (Gr. D. Wört. подъ этимъ словомъ, *Myth.* 387). Тождественно приведенному выше вопросу *куда* и слѣд.: „когда ищущаго что-нибудь, напр. травы для лѣкарства, спросить кто: „что это такое?“ („што-ће ти“—на что тебѣ это), тотъ отвѣчаетъ: „Прије био лијек него ти запитао“. (Срп. пр. 262).

Ср.—Чудесную свирѣль рѣзать въ томъ мѣстѣ лѣса, куда неслышно ни звона колоколовъ, ни крика пѣтуховъ, т. е. таинственное дѣло должно совершаться *unbeschreien*.

Тутъ уже не слово одно имѣетъ силу, а проявляется вѣрованіе общее всему индо-европейскому племени, по крайней мѣрѣ извѣстное у Грековъ и Индусовъ, что окружающія человѣка высшія силы завистливо смотрятъ на его счастье и дѣлаютъ наперекоръ его словамъ; пользуясь этимъ, тотъ, кто напр. ожидаетъ и боится нецрїятныхъ и страшныхъ сновидѣній, вѣрочно, чтобы

неснилось, ложась спать, говорить: „Сниваће ми се ноћас“. (Срп. пр. 291)—будетъ же мнѣ сниться ночью.

И опять таки, повидимому удаляясь отъ вѣрованія въ силу слова, мы возвращаемся къ ней: темныя силы во всякомъ случаѣ смотрять именно на слово, можно сказать даже устраняя изъ виду мысль.

Говорятъ, что вѣштица, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говорить: „Ни о трн ни о грм“ (кустарникъ, кажется тоже колючій), „већ на пометно гумно“, гдѣ собираются вѣдьмы.—Вотъ разсказываютъ, что одна женщина, которая небыла вѣштицею, намазавшись этою мазью, вмѣсто: „ни о трн, ни о грм“, сказала невзначай: „и о трн и о грм“, и полетѣвши поразбивалась о встрѣчные предметы. (Кар. Рјечн. „Вјештица“).

„Знахарь“—знающій слово: „Народъ привыкъ вѣрить, что непремѣнно въ кучѣ ихъ есть одинъ „знающій слово“, могущій наслать бѣду, отвратить успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ, помѣшать свадьбѣ, испортить скотину, напустить болѣзнь на семью, на село“ (Квит. „Знахарь“ IV, 69).

Отъ слова станется: „Кад дијете неможе за дуго да проговори, њекоји га метну у врећу, оставивши му само главу на поље, па га носе око куће. Један запита онога, који га носи: „шта то носиш?“ а он му одговори: „носимъ врећу ријечи“. (Кар. посл. 226).—Ср. Майковъ, Великор. Закл. № 86.

„Кад се пета *крух*, кажу да неваља споменути ни погачу ни приганицу, докле се год крух на пећи неизводи, јер погача и приганица нијесу у квас, него у пријесно, па за то ни крух неби у квас дошао“ (Рјеч.—„пећати“).

Сила клятвы: Кар. Пјес. I, № 368, №618, 731—3.

„Ја се, драга, на далеко каним,

На далеко гледат' дјевојака.

— Ајде, драги, пош'о наопако!

Колико ти од овуда ступа,

Толико ти отуда година!

Што ј'на теби зелена долама,
До недјеље зелена ливада!
Што ј'на теби кавад б'јеле свиле,
Створио се камен б'јеле ст'јене!
— Шале рекла лијепа дјевојка,
Шале рекла, Бог истину даде...“

(онъ скоро умеръ) (Рајков. С. н. п. 28—6).

— Сувѣры поставляютъ за великій грѣхъ выговорить въ постъ слово *мясо*, и когда случится въ разговорѣ, то приговариваютъ всегда: „помяни, Господи, на Свѣтлое Христово Воскресеніе“ или „на Рождество Христово“, т. е. тотъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ разговорнѣе“ (Абев. 293).

Лотыш. „Согласно съ предрасудкомъ *мясо* въ посту слѣдуетъ называть *biže*“ (Ульманъ).

„Соболиные промышленники, бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей неназываютъ своимъ именемъ, чтобы отъ упоминаемой вещи небыло въ долѣ несчастья“ (Абев. 294).

Арх. *бѣзымень*—привидѣніе, двойникъ (во всемъ походить на человѣка, но лица неимѣетъ и потому носить на головѣ личину). (Подвысоцкій). Нѣтъ ли вѣрованія, что *имя* = душа?

Въ сказкѣ лисица со товарищи попала въ яму: „Сидятъ день, сидятъ два, захотѣлось їмъ Ёсти. Лисичка ѣ каже: „давайте зѣймо того, у кого погане мян. Лисичка-сестричка—добре; зайчик-Степанчик—добре, вѣвчик-братик—добре, ведмидь—погане!“—узjali ведмедя и розірвали“. (Манжуръ):

„Многіе полагаютъ, что (словесныя и вещественныя) предзнаменованія великихъ судьбъ (событій) измѣняютъ свое значеніе отъ (сопровождающихъ) словъ“ [„*magnum regum fata et ostenta verbis permutari*“] „Когда, рывши фундаментъ для храма на Тарпейскомъ холмѣ, нашли человѣческую голову,—по этому поводу послали пословъ къ знаменитѣйшему этрусскому предсказателю Олену Калену. Онъ, видя въ этой находкѣ знакъ славнаго и счастливаго будущаго (именно, по Ливію: „*eo loco caput regum summamque imperii fore*“), попытался вопросами перенести этотъ знакъ на свой на-

тельно—v. читать „notabiles“—ихъ примѣта то, что..), quod pupillas binas in singulis habeant oculis. Hujus generis et feminas in Scythia, quae Bithyae vocantur, prodit Apollonides. Phylarchus et in Ponto Thibiorum genus, multosque alios ejusdem naturae, quorum notas tradit in altero oculo geminam pupillam, in altero equi effigiem.—(Delusum nonnulli Plinium (vel Phylarchum) ambiguitate graecae vocis *ἰππος*, quae non equum modo significat, sed et insitum oculo vitium, quo subinde tremulus nictat, semper instabilis).—

Easdem praeterea non posse mergi, ne veste quidem degradatas... Feminas quidem abique (повсемѣстно) omnes visu nocere, quae duplices pupillas habeant, Cicero quoque, apud nos auctor est. Adeo naturae, quum ferarum morem vescendis humanis visceribus in homine genuisset, gignere etiam in toto corpore et in quorundam oculis quoque venena placuit, ne quid usquam mali esset, quod in homine non esset. (Pl. VII, 2).

Человѣкъ въ врачѣхъ—душа. „In oculis animus habitat, Pl. XI 54 уже въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ выражаются душевныя движенія). Отсюда: „Augurium ex homine ipso est, non timendi mortem in aegritudine, quamdiu oculorum pupillae imaginem reddant. (Pl. H. N. XXVIII, 17).

Аналогично съ этимъ вѣрованіе, что отсутствіе тѣни—предвѣстіе близкой смерти.

— Если признана двойственность человѣка (самъ и душа), то близко заключеніе, что душа, сущность, подобіе человѣка—во всякомъ его видѣніи.

Человѣкъ въ стѣнѣ: „Venerem damnavit Democritus, ut in qua (venere, во время совокупленія) homo alius exiliret ex homine. (Pl. H. N. XXVIII, 16).

Отъ совокупленія рождается новый человѣкъ. „Equarum virus a coitu in lychnis accensum Anaxilaus prodidit, equinorum caputum usus representare monstrifice; similiter ex asinis. (Pl. H. N. XXVIII, 49). (Если caput equinatum=equus, equa, а usus—совокупленіе, то=Анаксилей рассказываетъ, что кобыльа слизъ послѣ случки, зажженная въ свѣтильниѣ, чудесно представляетъ

конскую случку; тоже относительно ословъ). И далѣе: „Nam hippomanes tantas in veneficio vires habet, ut adfusum aeris mixturae in effigiem equi Olympiae, admotos mares equos ad rabiem coitus agat“ (ib.).

Моча чловѣка—двойникъ самою: „In urina virili enecata lacerta venerem ejus (=qui aquam fecerit) inhibet, nam inter amatoria esse (lacertam) magi dicunt“ (Pl. XXX, 43).

„Qui in urinam canis suam ingesserit, dicitur ad venerem pigrior fieri, (ib.).

Мѣсячное—двойникъ самою: „Addunt etiamnum alia magi, quae si vera sint, multo utiliores vitae existuntur ranae, quam leges (именно „de adulteriis“). Namque arundine transfixa natura (sc. pudenda ranae) per os (если очеретиной проткнуть лягушку насвободу, такъ чтобъ очеретина вошла въ половыя части, а вышла ртомъ), si surculus (эта очеретина) in menstruis defigatur a marito, adulterium taedium fieri (то женѣ прелюбодѣяніе будетъ противно). Plin. (XXXII, 18).

Мѣсячное убиваетъ насѣкомыхъ и растенія. (Въ числѣ прочихъ чудесныхъ дѣйствій): „Si nudatae (menstruales) segetem ambient, erucas ac vermiculos scarabeosque ac noxia alia decidere. Metrodorus Scepsius in Cappadocia inventum prodit ob multitudinem cantharidum. Jre vero per media arva, relectis super clunæ vestibus. Alibi servatur, ut nudis pedibus eant, capillo cinctoque dissoluto. Cavendum, ne id oriente sole faciant, *sementem* enim arescere. Item novellas vites ejus (menstrui) tactu in perpetuum laedi, rutam et hederam, res medicatissimas, illico mori.... Certum est, apes, tactis alveariis fugere... ¹⁾ (Pl. XXVIII, 23).

„In primis praecipitur, ut lauti purique eximant mella; et *furem* (ср. наказ. за кражу пчелъ) mulierumque menses (.....) odere, Pl. XI, 15.

„Bithus Durrachenus: habetata ad aspectu (mulierum, quae profluvio soli laborant) specula recipere nitorem tradit, iisdem aversa

¹⁾ „Уроки нападаютъ на бджолу, якъ жінка в мѣсяцнхъ пройде черезъ пасіку або пауз пасіку“. (Екатери. губ. Манжура). За пчолами ходять только старыя женщины (въ Мр.).

russum contuentibus (если посмотреть съ изнанки)... Multi vero inesse etiam remedia tanto malo (ajunt)... Lais et Salpe canum rabiosorum morsus et tertianas quartanasque febres menstruo in lana arietis nigri argenteo brachiali incluso; Diotimus Thebanus—vel omnino vestis ita infectae portiuncula, ac vel licio, brachiali inserto... Inter omnes vero convenit, si aqua potusque formidetur (=при водобоязни отъ укушенія) a morsu canis, supposita tantum calyci (если подложить подъ чашу) lacinia tali, statim metum eum discuti: videlicet praevalente sympathia illa Graecorum (именно въ силу такъ называемой греками симпатіи), quum gabium canum ejus sanguinis gustatu incipere dixerimus. (Pl. XXVIII, 23).

Близнецы: „Если они стояли рядомъ, то ихъ нетрудно было отличить: Малахій былъ пониже, похудощавѣе, поблѣднѣе лицомъ; но порознь никто почти ихъ неразличалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько взглядѣться въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ и Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ зрачка братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ-то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человѣка сидитъ другой, почему и самый зрачокъ иногда называется человѣчкомъ“. (Даль. Соч. I, 255—6, изд. Вольфа).

„Деньщикъ увѣрялъ, что, стоя въ передней и заглядывая въ двери, онъ видѣлъ... что близнецы Таганаевы то сходились вмѣстѣ и сплавлялись въ одного человѣка, то опять раздваивались и даже расходились на-трое; что третій близнецъ былъ еще менѣе, сухощавѣе и блѣднѣе второго“ ib. 258—9.

На праздникѣ былъ только старшій, но „народная молва утверждала послѣ, что и другой братъ ходилъ всюду слѣдомъ за первымъ, подавалъ ему пистолеты, сажалъ прямо изъ руки пулю въ цѣль, а когда близнецъ убилъ въ летъ кукушку, то народъ увѣрялъ, что какой-то чертенокъ держалъ ее вполоть передъ нимъ, растянувъ за крылья“, ib. 273.

— Человѣчекъ въ зрачкѣ—то что видитъ. Поэтому въ заговорѣ отъ бѣлья: „Ихав св. Юрій на вороному коні, на золотому

сідлі, золотою нагайкою погоня. За ним бігло три пси: один білий, другий червоний, третій чорний: білий біжить білми зобати, червоний крови хлоптати, а чорний біжить чоловіча въ око вставляти“ (Манж. Куп. у 150).

Хоробрець. „Только было встала, чтобъ умываться, такъ и хлобыстнулась на постелю... Я постояла около нихъ шаненько, смотрю — точно хоробрець у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить... (передъ смертью)—Писем. „Въ водоворотѣ“).

Собранныя у Плинія (XXVIII, 7) случаи употребленія слюны и сплевыванья, по всей вѣроятности, различны по происхожденію. Мы различаемъ:

I. Случаи, основанные на вѣрѣ въ ядовитость слюны, можетъ быть, связанные съ другими вѣрованіями, но б. м. объяснимые независимо отъ этой связи.

„Hominum... jejunam salivam contra serpentes praesidio esse docuimus...“ (выше XXVIII, 7). „Marcion Smyrnaeus... rumpi scolopendras marinas sputo tradit, item rubetas (=ranos); Opilius, serpentes, si quis in hiatum earum exspuat“, ib. Ср. „Morsus hominis inter asperrimos... numeratur“ (Pl. XXVIII, 8. Однако ср.: „Vipereas rumpo verbis et carmine fauces“, (V. Ecl. VIII, 68—сл.).

„Credamus ergo (иронически) lietas leprasque jejunae (salivae) illitu assiduo arceri ¹⁾; item lippitudines (закисаніе глазъ) matutina quotidie velut inunctione; Carcinomata mulo terrae (раст. aristolochia) subacto (смявши съ...) cervicis dolorem saliva jejuni dextra manu ad dextrum poplitem relata, laeva ad sinistrum;..... si quod animal aurem intraverit, et inspuatur, exire (ib.).

— Слюна ядовита, она подобіе челоуѣва: „Хто хоче „збавити“ (погубити) христіянина, тотъ при круговой выпьетъ чарку водки до дна, потомъ незамѣтно „заверне з рота“ немного, дольетъ изъ пляшки до полна и подасть тому, на кого зло мыслить. Если бъ этотъ незамѣтилъ и выпилъ, то черезъ нѣсколько ча-

¹⁾ „Помазать лишае слюнами натоцакъ“, Даль.

совъ сошелъ бы со свѣта, потому что это сильный ядъ. Разска-
щикъ говорилъ, что ему разъ дали такую чарку. „Але я дивлю
сі, а в тѣм вѣлішкѣ на горівці зверхі стало такє, як би тропки
харнів (вѣбачте), а потім як протігло сі від вирха аж до спада,
так стало рівно як стрівка на самій сиридині, а потім зійшло
сі до вуши и зробила сі голова, руки, ноги, як має бути, и як
бим був то ту горівку випив, та й був-бим уже з свѣтом пожи-
гнав сі“ (Kolb. Рож. III, 136).

Снимая мотокъ съ мотовила, поплевать на него: „Тѣфу, мо-
товило, абис голе неходило“—иначе умреть сившая мотокъ, и
мотовило останется голымъ ib. 150.

Выливая послѣдній укропъ въ „зольницу“, плюнуть въ нее,
иначе бѣлье непозолится (не выпарится, какъ слѣдуетъ), ib.

II. (Случай образа)= „Тѣфу, слинко, ти ся забий, а я ні.
(Тѣфу на твою голову!):

„Despuimus comitiales morbos, hoc est contagia regerimus“
(Pl. XXVIII, 7).—Къ этому мѣсту комментаторы: обычай отпле-
вываться отъ болѣзней упоминается у Плавта и др. лат. авторовъ.

Theophrast. in Char. de supersticioso; *μαυρόμενον τε ἰδὼν ἢ
ἐπίληπτον, φοίξας εἰς κόλπον πτύσας*=rabiosum intuens aut comiti-
alem, horrescens in sinum despuuit.

„Simili modo et fascinationes repercutimus dextraeque clau-
ditatis (=si quis occurrat dextro pede claudus) occursum. Veniam
quoque a deis spei alicujus audacioris petimus *in sinum* spuendo ¹⁾.
Etiam eadem ratione (по той же причинѣ) terna despuere praedi-
catione (при троекратномъ произнесеніи заговора) in omni medi-
cina (при всякомъ лѣченіи, при употребленіи всякаго лѣкарства)
mos est atque ita effectus adjuvare.... Inter amuleta est, editae
quemque urinae inspuere; similiter in calceamentum dextri pedis,
antequam induatur; item, quum quis transeat locum, in quo aliquod
periculum adierit... Salpe (лѣкарка) torporem sedari quocumque
membro instupente (когда начинаетъ терпнуть), si quis *in sinum*

¹⁾ Къ этому греческая пословица: „εἰς κόλπον οὐ πτύει“. Ἐπὶ τῶν μεγαλαύχων
(о хвастунахъ); ἀρεὰ ἀνδρασίῳ=ἀρεὰ ἴπρωβα.

exspuat, aut si superior palpebra saliva tangatur. Nos si haec, et illa credamus rite fieri ; extranei interventu, aut si dormiens spectetur infans a nutrice terna adspui, quamquam illos (infantem et nutricem) religione tutatur et Fascinus (membrum virile collo infantis appensum) imperatorum quoque, non solum infantium custos, qui deus inter sacra romana a Vestalibus colitur, et currus triumphantium snb his pendens, defendit medicus invidiae, (Pl. XXVIII, 7).

In sinum spuere ср.: „Osthanes contra mala medicamenta omnia promisit auxiliari, matutinis horis suam cuique (*urinam*) instillatam in pedem, (ib. 19).

Плевать въ руку, собираясь ударить или взяться за тяжелую работу: „Quidem vero aggravant ictus ante conatum, simili modo saliva in manu ingesta, (ib. 7). Ср. Grimm, Myth. 1056.

Болезнь передается вмѣстѣ со слюною: наплевавши въ ротъ древесной лягушки и пустивши ее, человекъ освобождается отъ кашля. (Pl. XXXII, 29).

Нынѣшняя медицина понимаетъ подъ зараженіемъ (*contagio, infectio*) переходъ частицъ больного организма въ здоровый и измѣненія послѣдняго, происшедшія отъ этого перехода. Ослабленный ядъ, привитый здоровому, считается предохранительнымъ средствомъ. Приемы древней медицины, напоминающіе предохранительную или лѣчебную прививку, основаны на другомъ началѣ: 1) зараженіе есть переходъ души зараженного или его душеобразной болѣзни въ здороваго; 2) лѣчение состоитъ въ приближеніи къ больному (разными способами, между прочимъ наузами, зрѣніемъ) того, отъ чего происходитъ болѣзнь, но по началу „pars pro toto“, вм. яда—что-либо собачье и за укусившую собаку отвѣчаетъ любая особь собачьяго рода, подобно тому, какъ мечь простирается на весь родъ виновнаго:

„In canis rabiosi morsu tuetur a pavore aquae, capitis canini cinis illitus vulneri... Aliqui vermem a cadavere canino adalligavere, *menstrua* ve canis in' panno subdidere calici, aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere vulneri... Tanta vis mali est ut urina quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime holcus habenti-

bus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem a cane morsum... in proverbium discordiae venisse“ (что объясняютъ такъ, что о сварливомъ говорилось: „hic lapidem calcavit a cane morsum). „Qui in urinam canis suam egresserit torporem lumborum sentire dicunt“ (п. ч. потерялъ часть своей души) (Pl. XXIX, 32).

Собачій хвостъ: Ср. Muraenam... animam in cauda habere certum est, eaque icta celerrime exanimari, at capitis ictu difficulter, (Pl. XXXII, 5).

Т. о. вліяніе губки на тѣло объясняется тѣмъ, что она смѣшиваетъ свою душу съ нашею: „Nec usquam (ни въ одномъ существѣ) diutius durare spiritum medici affirmant“ (quam in spongiis). „Sic et prodesse corporibus, quia nostro (animo) suum misceant, et ideo magis recentes magisque humidas, sed minus in calida aqua minusque unctas, aut unctis corporibus impositas; et spissas minus adhaerescere“ (потому что въ нихъ духа меньше (Pl. XXXI, 47).

Hic lapidem calcavit a cane morsum. Кто хочетъ внести раздоръ въ семью, тотъ высмотритъ, гдѣ грызутся собаки, розженетъ ихъ и возьметъ съ того мѣста немного „персти“, примѣшаетъ къ ней „грані“ (жару, горящихъ угольевъ—тоже образъ гнѣва), подержитъ это у себя сутки, потомъ „до сѣдъ сонці“ обсыплетъ этимъ хату, и станеть въ ней „грязота“ межъ людьми, какая была межъ собаками, (Kolb. Pokucie III, 139).

Бсть сердце врага (чтобъ боялись)=имѣть при себѣ. Сюда—скальпы. Ср.:

„Cor caninum habentem fugiunt canes. Non latrant vero, lingua canina in calceamento subdita pollicis“ (Pl. N. N. XXIX, 32).

„Non latrari a cane membranam ex secundis canis habentem (собачій послѣдъ) (Pl. XXX, 53).

„Gallinaceos (куры) non attingi a volpibus, qui jecur animalis ejus (=vulpis) aridum ederint, vel si pellicula ex eo (jecore?) collo inducta galli inierint (если пѣтухи съ вожицей на шеѣ топчуть куръ). Similia in felle mustelae“ (тоже—относительно желчи ласокъ) (Pl. XXVIII, 81).

„Lupos in agrum non accedere, si capti unius pedibus infractis (поломавши ноги) cultroque adacto (ударивши) paulatim sanguis circa fines agri spargatur, atque ipse (lupus) defodiatur in eo loco, ex quo coeperit trahi“, (ib.).

„Mustelae cinis si detur in offa (въ камышѣ) gallinaceis pullicineis et columbinis, tutas esse a mustelis“. (Pl. XXX, 50).

Кровь-душа. *Ἐπιληψία*, morbus comitialis, рассматривается, какъ одно изъ состояній, когда „берется“, отнимается у кого-либо душа. Ср.: „Quos linquit animus aut quorum alienatur mens“. (Pl. XXX, 16) = кто падаетъ въ обморокъ. Отсюда отъ падучей — пить кровь: „Sanguinem quoque gladiatorum bibunt, ut viventibus poculis, comitiales morbi, quod spectare facientes in eadem arena feras quoque horror est. At, hercule, illi ex homine ipso sorbere efficacissimum putant calidum spirantemque, et ipsam *animam* ex osculo vulnerum, quum (между тѣмъ какъ) plagis (къ ранамъ) ne ferarum quidem admoveri ora fas sit humana. Alii medullas crurum quaerunt et cerebrum infantium. Nec pauci apud Graecos singulorum viscerum membrorumque etiam saporos dixere, omnia persequuti ad resegmina unguium, quasi vero sanitas videri possit, feram ex homine fieri morboque dignum in ipsa medicina (какъ будто можно смотрѣть на здоровье, когда человѣкъ становится звѣремъ и достойнымъ болѣзни въ силу самого лѣкарства), egregia, hercule, frustratione, si non prosit (превосходная [иронія] ошибка, если непоможетъ). Adspici humana extra nefas habetur; quid mandi? Quis ista invenit (невѣроятныя вещи?)... Quis invenit singulo membra humana mandere? Qua conjectura inductus? Quam potest medicina ista originem habuisse? Quis veneficio innocentiora effecit, quam remidia? (кто сдѣлалъ, что самыя яды невиннѣе лѣкарствъ?). Esto, barbari externique ritus invenerint; etiamne Graeci suas fecere has artes? Exstant commentationes Democriti, ad alia — noxii hominis (преступника) e capite ossa plus prodesse, ad alia — amici et hospitis. Iam vero vi interempti dente gingivas in dolore scarificari Apollonius efficacissimum scripsit, Miletos — oculorum suffusiones felle hominis sanari. Artemou calvaria interfecti,

neque cremati, propinavit aquam e fonte noctu comitialibus morbis. Ex cadem (calvaria) suspensio interempti (висельника) cataportia (пепломъ) fecit contra canis rabiosi morsus Antaeus. Atque etiam quadrupedes (винит.) homines (имен.) sanare contra inflationes boum". (Pl. XXVIII, 2).

— Сюда сказочные мотивы: змѣй одноголовый, чтобы сладить съ богатыремъ, который его сильнѣе, пьетъ кровь убитыхъ этимъ богатыремъ змѣевъ трехголового и двѣнадцатиголового (Манжура).

Кто съѣсть крыльце утки, несущей драгоцѣнныя яйца, становится царемъ или получаетъ способность находить у себя вѣздос утро подъ подушкой золото. Чтобы присвоить себѣ это свойство, врагъ хочетъ съѣсть печень съѣвшаго утку (ib.).

Сюда—о курицѣ несущей золотыя яйца и жадномъ.

„Sanguis... Magna in eo vitalitatis (жизненности) portio; emissus spiritum secum trahit. (Pl. XI, 90).

„Плоти съ душою ея, съ кровью ея, шежьете. Я выщипу и вашу кровь, въ которой жизнь ваша, выщипу ее отъ всякаго звѣря, выщипу также душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его“ (Быт. IX, 4—5).

„Въсеому животу бесловесному дѣша мѣсть крѣвь, рече сътворивши все Бѣгъ, неведѣ крѣве скотнѣ части“. (I. Эвд. Шестодв. 196, 2). „Члѣска бо дѣша въдоуновена творьцемъ, а скотля и птича—крѣвь и плѣть мѣсть отъ земли и отъ воды“ (ib. 186, 3).

Чары на слѣдъ. Слѣдъ есть подобіе, т. е., при господствѣ дуалистическаго міросозерцанія, двойникъ вещи, самъ вещественный. Отсюда чары на деревъ, вырѣзанный изъ-подъ ноги, на слѣдъ.

„Clavum ferreum defigete (забить), in quo loco caput primum defixerit (куда впервые унала голова) congruens morbo comitiali, absolutiorum ejus mali dicitur“. (Pl. M. N. XXVIII, 17). Т. о. по нѣмецкому повѣрью, если забить гвоздь въ свѣжій слѣдъ лошадинаго копыта, то лошадь охромѣетъ. (Gr. Myth.² 1047).

— Болѣзнь—двойникъ, а такъ какъ часть раздѣляетъ свойства цѣлаго, то она можетъ перейти въ обрѣзки ногтей и проч. и быть удалена вмѣстѣ съ ними:

„Ex homine si quidem resegmina unguium e pedibus manibus que cera permixta, ita ut dicatur tertianae vel quotidianae vel quartanae feбри remedium quaeri, ante solis ortum alienae januae affigi jubent, ad remedia in iis morbis; quanta vanitate, si falsum est? quantane e noxia, si transferunt morbos? Innocentiores ex his (= которые совѣтуютъ такія средства) omnium digitorum resegmina unguium ad cavernas formicarum abjici jubent, eaque quae prima coeperit habere correptam subnecti collo (= similia similibus), ita discuti morbum (Pl. XXVIII, 23).

— Когда выйдет парубокъ изъ хаты дѣвка бере „того слѣда“ и бросаетъ его „w bieguny drzewi“ или завѣсы, чтобы онъ бѣгалъ за нею, какъ бѣгаютъ двери на бѣгунахъ (Kolb. Rok. III, 141).

Для излѣченія ребенка отъ испуга, просверливаютъ въ дверной притолокѣ на высотѣ роста ребенка дырочку, срѣзываютъ у больного на крестъ нѣсколько волосковъ, обрѣзываютъ у него на рукахъ и на ногахъ ногти, кладутъ волосы и ногти въ дырочку и забиваютъ ее осиновымъ колышкомъ. Когда дитя переростетъ дырочку, испугъ пройдетъ (П. Ивановъ, Куп. у.).

Ав. Св. II, № 29—„Царевичъ-возлебочекъ“, ib. IV, № 45: „Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка“.—Бѣгутъ (откуда-то спасаясь) сестра съ маленькимъ братомъ. „Стоитъ коровѣ копытце полно водицы. „Сестрица Аленушка, хлебну я изъ копытца?“— Не пей, братецъ, теленочкомъ скинешься“. Дальше лошадиное копытце.— Не пей, жеребеночкомъ станешь. Далѣе „баранье копытце“. Онъ выпилъ и обернулся баранчикомъ. Тамъ же вар. Оленушка: „Охъ, братецъ... я вольчику-то забыла въ землянкѣ (у Яги) на окошечкѣ; поди возьми, да смотри, велижи козлиного салца, что на лавочкѣ лежитъ“. Онъ лизнулъ и сдѣлался козломъ.

— Романовъ, Бр. сб. в. III, № 47—два варианта превращенія въ барана: отъ туку змѣя (?), и отъ воды изъ бараньяго копытца.

— Н. Беговић, С. н. п. I, стр. 54 и сл. (№ 32)—Королевскія дѣти, старшая сестра и меньшій братъ, взяты въ плѣнъ турками и бѣгутъ изъ Цареграда, безъ хлѣба:

— „Налазили стопу од тичиде
И у стопи нешто воде било.
Жеѣан Миле (Михаилъ) сеји говорио:
„Ено сестро лахане водице,
Оћу пити или умирати!“....
— Не мој брате, жарко сунце моје,
Створићеш се у малу тичиду;
Свагда ј' ова гора виловита.
Што би твоја без тебе сестрица?
Јашу даље, гором напредују
Па налазе волујску стопицу,
У стопици лахане водице.

Опять сестра:

Створитеш се у малог вочица“.

Этимъ мотивомъ пѣсня воспользовалась только для изображенія трудностей пути. Затѣмъ они выѣзжаютъ на поле въ женцамъ и королевому двору. Король на радостяхъ между прочимъ строитъ церковь „на Кремеку“.

Мертвое тѣло сохраняетъ свойства живого:

„Списокъ съ явленія чудотворца Василя Монгазейскаго города“ (XVII в. Пам. др. письм. LXXIX, 1889 г., 15—6):

„И бысть отъ чудотворцова гроба гласъ мнѣ многогрѣшному чернцу глаголющъ: „досмотри ты меня нынѣ во гробу моемъ, что положили мя мучена съ наруганіемъ всего скорчена, и глава моя преклонена въ углу отъ полуденныя страны къ лѣвому плещу, да отъ сѣверныя страны нижняя доска гробовая отсѣла на землю накосъ, а отъ полуденныя страны у тое доски край высокъ, да отъ сѣверныя же страны что долгая доска раскололась, и та пала на нозѣ мои, и мнѣ нынѣ гораздо нужно и скорбно, лежать немочно отъ такового истеснѣнія въ томъ моемъ гробу“.

— *Шапка - голова.* (Юридическій обычай шапки приставлять)— „Шапки негодится вертѣти на руці: голова болѣтиме„ (Куп. у. Харьк. губ.)— „Жінці негодится надівати шапки: коса неростиме“ (ib.).

Познаніе міра есть вмѣстѣ познаніе нашего я. Чтобы дойти до понятія о нашемъ я, какъ измѣнчивомъ *явленіи*, нуженъ длинный извилистый путь, моменты котораго суть вмѣстѣ моменты міросозерцанія. Путь этотъ можно представить спиралью, идущою отъ центра. Мѣрило всему есть человекъ, т. е. его наблюденія надъ собою. Понятія о причинахъ явленій внѣшней природы есть перенесеніе во внѣ и приспособленіе наблюденій надъ причинами въ области личной жизни, въ области я, а я познаетъ себя въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ.

Рядъ наблюденій и опытовъ надъ этими обнаруженіями неизбежно (какъ показываетъ распространенность, всеобщность этого явленія) приводитъ человекъ къ сознанію двойственности и тройственности своего существа, къ раздѣленію себя на *себя* (человекъ) и двойника, тѣнь, душу, долю (ангела-генія). Таковы наблюденія:

1) надъ *тѣнью* (откуда—названіе душъ тѣнями, греч. *ομιη*), Спенс., Осн. соц. I, 128—30. Если тѣнь = душа, то понятнымъ становится: „*Magi vetant ejus (urinae) causa contra solem lunam que nudari, aut umbram cujusquam ab ipso respargi*“ (Pl. N. N. XXVIII, 19);

2) надъ *отраженіемъ въ водѣ* (фиджійцы вѣрятъ, что у человекъ два духа: темный—тѣнь и свѣтлый, Спенс. ib. 131—2);— *въ зрачкѣ* (человѣчекъ);

3) надъ *эхомъ* (ib. 133—вѣрованія нѣкоторыхъ американскихъ народовъ, что это—голосъ духа умершаго);

4) надъ *сновидѣніями*, когда человекъ, оставаясь неподвижнымъ и съ закрытыми глазами, видитъ и слышитъ отдаленное и прошедшее, имѣетъ свиданія съ умершими и т. п. (ib. 146 и слѣд.)¹⁾;

¹⁾ „Слабыя состоянія сознанія, которыя днемъ затемняются живыми состояніями сознанія, становятся навязчивы ночью, когда глаза закрыты и другія чувства притуплены. Тогда субъективнымъ дѣятельности ясно открываются передъ нами, какъ звѣзды при отсутствіи солнца“ (ib. 186).

б) надъ *болѣзненными состояніями*, когда нѣкоторыя функція, какъ дыханіе, сердцебіеніе, временно превращаются, каковы столбнякъ, обморокъ, летаргія (сказанія о замиравшихъ), экстазь (когда человѣкъ выходитъ изъ себя), восторгъ (ib. 158 и слѣд.). Отсюда представленіе души—дыханіемъ, воздухомъ, сердцемъ (ib. 190—3).

Въ силу упомянутой выше конкретности мышленія, первоначально такое раздвоеніе человѣческаго существа есть механическое дробленіе, такъ что напр. по смерти часть жизни остается при тѣлѣ, оно способно чувствовать тяжесть земли, ѣсть, пить и т. п., а двойникъ—душа отходящая къ отцамъ представляется чѣмъ-то тѣлеснымъ (человѣкомъ и т. п.), стало быть, въ свою очередь раздѣлимымъ на тѣло и душу. И если такое дробленіе не продолжается въ безконечность, и если напр. у нѣкоторыхъ дикарей, полагающихъ, что нѣкоторыя души умершихъ съѣдаются богами, не возникаетъ вопросъ о судьбѣ этихъ съѣденныхъ душъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что мысль первобытнаго человѣка скоро устааетъ на этомъ пути (Спенс. ib. 117)¹⁾.

Далѣе установленіе разницы между я и его болѣе тонкою сущностью (ib. 196—7); по мѣрѣ установленія двойственности вещей происходитъ и отвлеченіе, ибо во второй болѣе тонкой половинѣ вещей недостаетъ нѣкоторыхъ признаковъ первой.

Первобытный человѣкъ, какъ и высшія животныя, первоначально несмѣшиваетъ живого, движущагося съ неживымъ (Сп. ib. 143—5), вѣрованіе въ души растений и неодушевленныхъ предметовъ достигается лишь на извѣстной ступени развитія и есть умозаключеніе отъ человѣческихъ тѣней и душъ (ib. 145, 155, 192—5).

Т. о. въ силу заключенія отъ ближайшихъ къ человѣку явленій, какъ тѣнь и движеніе, по мѣрѣ расширенія круга на-

¹⁾ „Повѣрите ли, говорилъ Романъ Тихоновичъ, въ арешное время были такіе силачи, что завернутъ кольцо въ землю и вертять ее около себя?“ Мы неспоримъ, возражали товарищи, потому что увѣрены, „нельзя того выдумать, чего небыло прежде“. Но на чемъ же стоялъ тотъ человѣкъ, который землю вертѣлъ около себя?—„Ужъ на чемъ же нибудь стоялъ“, такъ утверждалъ Р. Т. недовольный возраженіями...“ нельзя настоять особо на чемъ, когда землю вертѣть. Да такой сильный человѣкъ и безъ насъ выдумаетъ, на чемъ стать ему“ (Кв.² III, 272).

блюденій, міръ представляется вдвойнѣ, какъ адѣшній и тамошній. (Отраженіе неба въ водѣ, захожденіе и восхожденіе свѣтилъ).— Это — симметрическое построеніе міра, параллелизмъ міросоверщанія.

Возвращаюсь къ значенію изображеній. Человѣкъ, который долженъ приписывать живнь своей тѣни, не можетъ неприписать ее своему изображенію. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого является поклоненіе изображеніямъ предковъ и боговъ (идолопоклонство); вѣрованіе, что изображеніе отнимаетъ часть жизни у оригинала (Сп. I, 336), и что власть надъ изображеніемъ даетъ власть надъ изображеннымъ, откуда чары надъ изображеніемъ, сдѣланнымъ изъ глины, воску и пр.¹⁾, надъ портретомъ (ib. 261, 263, 336).

„Краснокожіе думаютъ, что художникъ пріобрѣтаетъ какую-то таинственную власть надъ тѣмъ, кого срисовываетъ. Чѣмъ болѣе портретъ сходенъ съ оригиналомъ, тѣмъ хуже, потому что такое сходство можетъ быть достигнуто только въ ущербъ оригиналу.... Оригиналь долженъ будетъ пострадать, если нанесенъ будетъ вредъ портрету. Нѣкто Кетлинъ рассказываетъ, что онъ нарисовалъ Махрочигу, вождя изъ племени Сіу въ профиль. Индіецъ „Собака“ сказалъ М—ѣ: „Англичанинъ знаетъ, что ты получеловѣкъ, потому что нарисовалъ половину твоего лица“. Эта насмѣшка вызвала поединокъ, въ коемъ Макрочига палъ. Пуля оторвала именно часть лица, которой недоставало на портретѣ. Вслѣдствіе этого „Собака“ и его братья убиты, а Кетлину едва удалось спастись бѣгствомъ (Леббокъ, Доист. врем., М. 1876 г. 473).

„Увѣрили, будто каждый человѣкъ, съ кого близнецы (Таганасвы) снимали (дагерротипный) портретъ, непременно заболѣвалъ и приводили этому множество примѣровъ, по которымъ, конечно, не всегда можно было наводить справки“....

Одна приживалка говорила: „вѣдь это дѣло богопротивное: полиція человѣческаго, кромѣ ликовъ святыхъ, писать нельзя, да

¹⁾ Чары — извѣстны уже древнимъ (Теокриту, Виргилію, Горацию) и идущія почти до нашего времени (Grim. Myth.² 1045—7). Въмѣсто воскового изображенія можетъ служить восковая *сѣмча*, отождествляемая посредствомъ слона съ лицомъ, которое чаруютъ („О нѣкр. сѣмч.“ 32—3). Эти чары, какъ поэтические образы, вошли въ христіанскую молитву („Яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да исчезнутъ блѣсы отъ лица любящихъ Бога“).

и не съ добрымъ умысломъ это дѣлается. Надъ полицьемъ твоимъ, все одно, что надъ слѣдкомъ, либо надъ волоскамъ, коли худой человекъ что худое задумаетъ—сдѣлаетъ. У насъ въ Богородскомъ уѣздѣ.... развѣзжалъ какой-то фармасонъ.... настоящій и въ бѣлой пуховой круглой шляпѣ. Развѣзжаетъ себѣ, словно добрый какой, а самъ въ свою вѣру обращаетъ и много даритъ золотомъ за то, а еще больше сулитъ впередъ. Вотъ кто согласится, того и забалитъ себѣ и запишетъ въ книгу свою.... да полиціе съ него и сыметъ: таки словно живой сидитъ, весь тутъ, только что въ бѣлой шляпѣ напишетъ; да еще развѣ вотъ, что души нѣтъ: а привяжетъ и душу. Запишетъ и денегъ дать, а полиціе увезетъ съ собой; а какъ только кто опять откинется отъ фармасонской вѣры, да повадется, такъ онъ.... полиціе-то поставитъ, а самъ бѣлую шляпу опять на себя надѣнетъ да изъ пистолета ему бѣду грудь и прострѣлитъ; какъ прострѣлитъ, такъ тотъ человекъ хоть за тысячу верстъ будь, Богу душу и отдастъ“ (Даль, Соч. I, 281—2). *Ку-колка куку* въ сказкѣ.

„Тешко сеји, која браца нема
До л' га вије од зелене свиле
Руке меће гране босилькове
А очице мале трѣбинице
Обрвице с мора павјавице.
Ал' говори лијепа девојка:
„Проговарај, да мој мио брацо!
Мене просе двоји троји просци:
Једни просе у валено благо
Други просе у племе велико
Трећи просе за добра јунака“.
Проговара да мој мио брацо:
„Не ид', сејо у хваљено благо,
Враг ће доћи, однијети благо
Нейд сејо у племе велико:
Племе ће се вршко разродити.

До л' ти ајде за добра јунака:
Добар јунак добро до вијена⁴.

(Рајковић, С. н. п. 82—3).

— Мати моја мати, Де тебе узати. 9 братъевъ родныхъ и
9 двоюродимъ выдають сестру далеко замушь, обѣчая часто
навѣщать. Прошло 5 лѣтъ—ни одного небывало. Тогда она:

Ајој мени до Бога милога,
Ал' ти јесам Богу згријешила
Никог' нема ни жива ни мертва!^а
Она иде у топлу одају
Па је девет лутак' направила,
Своје браће имена им дала,
Опет девет лутак' направила
Имена им стричевић' надјели;
Постави им софру и трпезу
На трпезу сваку ђаконију:
Редом им је вино додавала.
То се Богу врло ражалило
(Јер. прије су браћа сва помрла).
Те онъ шаље на земљу анџела...
Па он диже умрла Јована (—старш.—):
„Ајде, Јово, секи у походе...“

Онъ приходитъ, сестра провожаеть его до дому, которимъ
називається гробъ. (Давидовић, С. н. п. из Босне, 10 и слѣд.).

„Везак везе Рушица ђевојка...“

Својијем се везом разговора...“

(Беговић, С, н. п. из Лике I, 33)—млр. „беле моя“.

О идолопоклонствѣ въ XVIII ст.—Посошвовъ (нач. XVIII в.).

Священнику слѣдуетъ спрашивать передъ исповѣдью хотя-
щаго исповѣдаться: „како почитаешь святаго иконы, или не на-
зываетъ ли написаннаго или изваяннаго образа Христова Богомъ?
и съ каковымъ намѣреніемъ передъ иконами молится, мысль свою

родъ. Палкою очертивши передъ собою на землѣ изображеніе храма, онъ сказалъ: „Итакъ вы говорите, Римляне, что *здѣсь* будетъ храмъ Iovis optimi maximi? Здѣсь мы нашли голову?“ — И судьба Рима, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, перешла бы къ Этруріи, если бы римскіе послы, предупрежденные (—увѣдомленные) сыномъ прорицателя, неотвѣтили: „совсѣмъ не здѣсь, говоримъ мы, а въ Римѣ найдена голова“.

„Тоже, говорятъ, случилось, когда четверка коней изъ глины, которую готовили (по заказу въ Этруріи) для вершины того же храма, выросла въ печи.—Это предсказаніе (величія Рима) подобнымъ же образомъ удѣржано (за Римомъ). Этого довольно, чтобы показать на примѣрахъ, что сила заклятій—въ нашей власти: на сколько знаменіе принимается, столько въ немъ и силы. По крайней мѣрѣ въ ученіи аугуровъ стоитъ прочно, что и дурное и всякое предзнаменованіе неотносится къ тѣмъ, кто, приступая къ дѣлу, заявить, что незамѣчаетъ этихъ предзнаменованій. Какой даръ Божіей милости важнѣе этого?“ (Plin. Н. Н. XXVIII, 4).

„Incendia inter epulas nominata, aquis sub mensas profusis abominantur“ (ib. XXVIII, 5).

Отен—случайное слово склоняетъ намѣреніе:

Романъ Тихоновичъ ждетъ рѣшенія судьбы, опредѣляться ли ему въ военную службу, смотритъ на входящій полкъ и думаетъ: „что если бы судьба захотѣла, чтобы я опредѣлился?“

„Какъ при этой мысли Кирюшка (слуга), дергая его за рукавъ, говоритъ: „А что, паньчъ! Вотъ бы вамъ пойти въ эту службу...“ Въ этихъ словахъ Романъ Тихоновичъ призналъ велѣніе судьбы... Не просто, а именно по велѣнію судьбы, въ чемъ былъ твердо увѣренъ Романъ Тихоновичъ, встрѣчались ему одни солдаты, отставшіе отъ полка и поспѣвавшіе въ городъ. Все это болѣе утверждало его въ мысли, что „пришло его время“. (Кв.² III, 263).

— Слово—*дѣло* (правити—дѣяти)—*Льчила*—(балій, врачъ, Бусл. Оч. I).

— *Правда—судъ*: „Отишао на истину“—умеръ, пошелъ на судъ, (Кар. Посл. 243)—Ср. „право ѣу ти казати, као да ѣу умријети“ (ib. 258).

— *Слово—двойникъ вещи*, и отсюда—*вѣра* въ способность слова въ заговорахъ и молитвахъ производить самыя вещи или состоянія; *вѣра* въ такую же способность случайно произнесеннаго слова.

Отсюда—непроизносить настоящихъ именъ враждебныхъ существъ (*эвфемизмъ*):

Умереть—„ad mentionem defunctorum testamur memoriam eorum a nobis non sollicitari“. Pl. H. N. XXVIII, 5.

„*Ρωμαῖοι*, inquit Plutarchus in Cicerone, *μη̄ βουλόμενοι δυσφημεῖν, ἐξέειναι λέγουσιν, τὸ τεθνήσκειν*. Dixerunt et Graeci ταύτης τῆς εὐφημίας χάριν, ἀποίχεσθαι, quemadmodum latini *abire*, de eo qui obiisset, vixit... Graecis etiam qui vita migraverunt, *μακαρίζαι* dicuntur, bonae scaevae omine, et *πλείότες* potius quam *νεκροί*, unde—*πολυδάδριον* sepulcretum (Примѣч. въ этому мѣсту Плинія).

Русс.—*„Преставиться*, побывиться (Востокъ=лат. vixit), *скончаться*, (серб. *путовати*); *покойникъ*, *усопшій*, *отшедшій*, вр. обл. родитель, *жмурикъ*. Мр. „Небіжчикъ, небіжка“ (въ противоположность лат. *felices*—блаженные, блаженной памяти); *гробъ—домовина*, *соснова хата*.

„*Прѣставити*“, *entrücken* (о перемѣщеніи съ сего свѣта на другой)—„И угоди Енох Б̄ви, и необрѣташеса, зане прѣстави его Б̄ъ“ (XVI в. Попов. Обз. Хр. I, 7); „*ѣгда паеы Господь Богъ повелить ми отъ свѣта сего прѣставитися и прити къ тобѣ*“ (Ж. Θεод. У. З. II, 2, 191).

Прѣставиться=умереть:

„Тако ти се преселио Буче,

Бог му дао души спасеније! (Кар. С. п. IV, 12).

„Кад то чуо Танае Осман-ага,

Удари се руком по кољену;

Нова чоха на кољену пуче:

Јао њему до Бога милога!

Прим. Кар.: „нѣму мѣсто мене или мени каже *пјевач* за то, као да се неби примијенило нѣму. Тако се у овавијем догађајима и у говору може чути“ (Кар. с. п. III, 248).

„Гледај, мајко, пребијеле дворе...

А ја одох бијелој Удбини,

Нема мени рока ни погледа;

Ни се кари, моја мила мајко,

Док не видиш мене код мог двора“ (ib. 131),

Вечеромъ невспоминать мертвыхъ, немолиться за нихъ, чтобъ „неснили сі“, непривиждували сі“, что вредно для здоровья (Kolb. Rok. III, 156).

Чтобы покупаемое лѣкарство и вообще вещь, имѣющая таинственную силу, сохранила эту силу, нужно покупать, неторгуюсь. Кв.² III 274 (Плиній).

Εὐφημοῦς (Wackernagel „Poetik“): *Εὐμενίδες*—милостивыя, вмѣсто Ериній; вмѣсто *νύξ*—*εὐφρόνη*, доброжелательная; *ядовитый молочай*—*εὐφρόβιον*, хорошая пища, вода *herba (φορβή)*; *εὐώνυμος* вм. *ἀριστερός*—лѣвый, такъ напр. у Ксенофонта при *δεξιόν* и *μέσση*—правое крыло войска и центръ, не *ἀριστερόν*, а *εὐώνυμον*¹⁾ *κέρας*, во избѣжаніе названія, которое хотя, быть можетъ, само есть эвфемизмъ (если отъ *ἀριστος*), но получило значеніе—неблагопріятный, предвѣщающій несчастье (—отъ гаданій)²⁾. Такъ *sinister*—лѣвый, неблагопріятный, вредный,—откуда фр. *sinistré* только *зловѣщій* пагубный. Ср. лотыш. *laba gōka*—правая рука.

Какъ эвфемистическія проклятія (въ родѣ: „ну тебя къ Богу, штобъ ты сказнился—вм. „сказился“), греки употребляли *εἰς ὄλβιαν*, *εἰς μακαρίαν*, какъ въ др. нѣм. *saelic* встрѣчается въ смы-

¹⁾ *Εὐώνυμος* *veggisovus* тоже эвфемизмъ, такъ какъ это растеніе считалось несчастнымъ, вѣроятно, потому, что его цвѣтъ и плодъ (гр. „сорочье око“) считались смертельными ядомъ для животныхъ (Pl. XIII, 38).

²⁾ „Вдругъ увидя

На небѣ съ лѣвой стороны

Младой двурогій ликъ луны,

Она дрожала и блѣднѣла.

(Евг. Олѣг. V, 5–6).

слѣ *verwünscht*. Даже самия слова *εὐφημος*, *εὐφημία* употребляются эвфемистически вмѣсто *δύσφημος*, *δύσφημία* въ тѣхъ случаяхъ, когда опасались дурного предзнаменованія.

На эвфемизмъ основано лат. *Parscae*—щадыця, для безпощадныхъ богинь смерти. По Прокопію (Bell. Gotth. 1, 16), городъ Maleventum во избѣжаніе омен переименованъ въ Beneventum.

Въ XVI в. у нѣмцевъ волкъ назывался Hölzing.

Шведы называютъ лису (*fuchs*)—*waldgänger*; *wolf*—*goldbein*; *bär*—*süssfass*,—и, быть можетъ, собственныя имена Reinhart, Isengrin, Braun возникли не изъ эпическаго стремленія къ названію животныхъ человѣческими именами, но изъ страха употреблять собственное названіе“ (Wackernag. 534, со ссылкой на Kl. Schrift. 2, 214).

„Ein altes beispiel von höflichkeitseuphemismus findet sich schon in der sanctgallischen Rhetorik: Item per contrarium intelliguntur sententiae ut in suetudine latinorum interrogantibus: „quae-sivit nos aliquis?“ respondetur „bona fortuna“, i. Hel unde salida, et intelligitur „nemo“, quod durum esset, i. unminnesam ze sprechenne“. Similiter teutonice postulantibus obsonia promittimus sic: „alles liebes genuoge“, et intelligitur per contrarium propter gravitatem vocis.—Т. о. *hina wesan* употребляется вмѣсто *sterben*, *hinafart*, вм. *Tod*. Въ просторѣчій эвфемизмъ, соединяясь съ игрою словъ, обходитъ собственное выраженіе, незамѣняя его противоположнымъ. Такъ проклятія и ругательства сохраняютъ отъ собственнаго слова только часть. Такъ вм. *sacrament* — *sapperment*; вм. *sapperment*—*sappermost*; вм. *Herr Iesus*—*Her Ie*, *Her Iegerle*; вм. *Gottes Wetter*, *Gotts leichnam*, *Gotts Blitz*—*Potz wetter*, *Potz leichnam*, *Potz blitz*; вм. *Gottes Teufel*—*Potz tausend*; вм. *der Teufel*—*der Tausend*.—фр. *diantre* вм. *diable*, *morbleu* вм. *mort Dieu*, *corbleu* вм. *corps Dieu*“. (Wackernag. 2 изд. 535).

Гроза—„Божья благодать“ (Арх. Подв.), „Божья милость“ (Даль, Посл. 1036).

„Богдай тебя“ (Булсл. Оч. I, 196).—Тамъ же—названія для нечистой силы. *Иреуз*—не эвфемизмъ.

„*Зашао па не изишао!*“ Кажу да одговори сунце, кад му ко рече да је зашло; а кад му се рече да је сјело, оно одговори: „сјео па неустао! „Него му ваља казати: „смирило се“, па онда и оно одговори: „смирио се и ти!“ (Кар. Посл. 87).

— Иконъ непокупають, а мѣняють. (Фонв. Простакова-Милону)).

„Нут ти *бору*, моја мила мајко“. (Кар. п. I, 242).

„Неумри синко, за бора!“ (ib. 418).

„Хоћу, борме“ (ib. 514).

„Теби бору, дите Николица!

Која ти је голема невоља“ (ib. 594).

Увлеченіе книжною поэзіей, иногда вмѣстѣ съ увлеченіемъ иностранною культурой, порождало презрѣніе къ окружающей дѣйствительности и стремленіе скрашивать ее названіями. Такимъ образомъ возникаетъ *gruderie* въ употребленіи словъ, между прочимъ личныхъ собственныхъ.

Пушкинъ замѣчаетъ: „Сладковзвучнѣйшія греческія имена, каковы напр. Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч. употребляются у насъ только между простолюдинами“ (Он. II, XXIV).

Такимъ образомъ къ непонятному иностранному имени пристають извѣстныя вульгарныя черты, которыя, при миѳическомъ образѣ мышленія, переносятся на обозначаемое. Поэтому Пушкинъ считаетъ нужнымъ оговорить то, что героиню своего романа онъ называетъ Татьяной:

Ея сестра звалась Татьяна...

Впервые именовъ такимъ

Страницы нѣжныя романа

Мы *своевольно* ¹⁾ освятимъ.

И чтожъ? Оно пріятно, звучно,

Но съ нимъ, я знаю, неразлучно

Воспомянѣ старины.

Иль дѣвичьей.

¹⁾ Наперекоръ вкусу общества.

Мы всё должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщеніе непрестало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство, больше ничего.

(Он. II, 24).

Экзальтированныя дѣвицы и дамы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, отчасти и до нашего времени, называютъ подругъ, отчасти и женскую прислугу „облагороженными“ на французскій ладъ именами:

Мать Татьяны:

„Бывало писывала вровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала *Полиною Прасковью*
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій
И русскій Н какъ N французскій
Произноситъ умъла съ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, вняжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; *стала звать*
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконецъ
На ватѣ плафоръ и чепецъ“ (Он. II, 33).

Весьма вѣрно то, что вмѣстѣ съ эвфемизмомъ рѣчи забрасывались и другія привычки, какъ корсетъ и т. п. Старыя воззрѣнія вспоминались при встрѣчахъ со старыми знакомыми:

„Княжна, *mon ange!*“ — *Rachette!* „Алина!“
Кто бъ могъ подумать? Какъ давно!
На долго ль? Милая кузина,
Садись! Какъ это мудрено!

Ей Богу, сцена изъ романа!....

.... Кузина, помнишь Грандисона?"

— Какъ Грандисонъ?... а, Грандисонъ!

Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?—

— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;

Меня въ сочельникъ навѣстилъ,

Недавно сына онъ женилъ" (Он. VII, 41).

Барышня, гадающая объ имени жениха, должна быть неприятно поражена его вульгарнымъ именемъ, хотя никакого другого и нельзя было услышать:

Чу, снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва

Къ нему *на цыпочкахъ* летитъ

И голосокъ ея звучитъ

Нѣжвѣй свирѣльнаго напѣва:

„Какъ ваше имя?“ Смотритъ онъ

И отвѣчаетъ: „Агаѳонъ!“ (Он. V, 9).

Звать Акульку Селиной—это баловство простибельное барышнѣ; но поэту серьезные люди не простили подобнаго баловства, можетъ быть, потому, что видѣли въ немъ попытку подорвать существовавшія общественныя отношенія. Къ стихамъ:

„Въ избушкѣ, распѣвая, *дѣва*

Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей

Трепещитъ лучина передъ ней“ (Он. IV, 41).

Пушкинъ замѣчаетъ:

„Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни немного ниже названы дѣвчонками“. — Именно „наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола“ (т. е. благородныхъ дамъ и дѣвицъ) „сильно осуждали неприличіе стиха“:

Какая радость: будетъ балъ!

Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ (Он. V, 28).

При раздѣленіи классовъ общества и по языку, самыя звуки рѣчи высшаго класса считаются обязательнымъ эвфемизмомъ, и наоборотъ, звуки простонародной рѣчи представляются оскорбляю-

щими приличія. — Вотъ картинка, списанная съ натуры (Газ. „Трудъ“ 1881 г. Авг.):

Въ оперѣ дѣвица, обращаясь къ другой, говоритъ о пѣвцѣ: „Ой моя матинко! Якъ він пищить, якъ верещить!“—Офицеръ (обращаясь къ другому): „ха-ха, ха! пищить! верещить! И это въ публичномъ мѣстѣ!“

Отсюда считается неприличнымъ духовныхъ и высокопоставленныхъ лицъ звать именемъ, какъ оно въ просторѣчїи: напр. Осипомъ, Алексѣемъ, Сергѣемъ, а не Іосифомъ, Алексіемъ, Сергіемъ.

Есть одна малочисленная раціоналистическая и соціально-ортодоксальная русская секта, названная „ненашими“ на томъ основанїи, что послѣдователи ея противопоставляютъ себя господствующимъ мнѣніямъ и учрежденїямъ и говорятъ напр.: „въ волость не пойду“ (волость значитъ—власть); „власть то ваша, а я не вашъ и власти вашей надъ собой не признаю“. (Впер. 1874 г. III, 162 сл.).—Въ числѣ ихъ особенностей отмѣчена слѣдующая:

„Они тщательно избѣгаютъ употребленїя многихъ обыкновенныхъ словъ, замѣняя ихъ различными синонимами. „Ненашь“ напр. не скажетъ *спать*, а *отдыхать*. Онъ не *пьетъ* и не *ѣтъ*, а *кушаетъ*. Онъ употребляетъ не *чай*, а *китайскую травку*. *Отецъ* у него—*корень*, *дѣти*—*отростки*, *жена*—*подруга* и т. п. Себя онъ никакъ не захочетъ назвать *человѣкомъ*, выводя изъ писанїй, что *человѣкъ* есть *ложь*, а они считаютъ себя поборниками правды и истины...

Эти люди выработались изъ сектантовъ, помѣшанныхъ на схоластическомъ анализѣ писанїй, на анализѣ словъ. Они придаютъ огромное значенїе *слову*. „Гдѣ слово тамъ и дѣло“, говорятъ они. Всѣ ихъ убѣжденїя добыты главнымъ образомъ изъ логическаго и филологическаго анализа духовной литературы да изъ обдумыванїя самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Отсюда та важность, которую они придаютъ чисто словеснымъ различїямъ. Отсюда же, убѣжденїе, будто словесныя аналогіи всегда указываютъ на реальныя анало-

ги. Льюисъ говоритъ гдѣ-то, что нѣкоторыя заблужденія Аристотеля зависѣли отъ того, что будучи грекомъ, знавшимъ и изучившимъ только свой языкъ, никогда несравнивая его съ другими, онъ воображалъ иной разъ, что аналогіи между словами указывали и на аналогіи между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нѣчто подобное видно и у „ненашихъ“. Напр. „Я чая неупотребляю, чай то вашъ. Вы *чае*те воскресенія мертвыхъ; вы *чае*те себѣ великихъ и богатыхъ милостей. А я ни отъ кого и ничего себѣ не чаю и чая вашего не признаю“. — „Я *непью* и *непью*. Это вы *пидите* другъ друга и *пете* кровь изъ ближняго; вы *пете* воду; кто *петь*, тотъ пьянъ живетъ, а я *кушаю*“. — Или „кто *спитъ*, тотъ проспять, а я *отдыхаю*“. *Чортъ*—это человекъ который *чертитъ*.

„Ненаши“ признаютъ духъ отдѣльный отъ тѣла... „Ненашивъ“ плохо различаетъ разницу между *предвидѣть* умомъ и *предвидѣть* духомъ. Они думаютъ, что *духъ*, отказавшійся отъ *впры*, закона, обычая, отъ всего навязаннаго ему извнѣ и очистившій себя долгой практикой разумной и доброй нравственности, способенъ ясно видѣть будущее... Въ особенности ясно видитъ духъ добраго человека, когда онъ бываетъ свободенъ отъ тѣлесныхъ оковъ т. е. во снѣ. Онъ даже неговоритъ: „я видѣлъ во снѣ“, а просто: „я видѣлъ то-то“, точно дѣло было на яву. Онъ признаетъ только символическое толкованіе Св. Писанія, притчами указывающаго на нынѣ существующіе порядки на *землѣ*.

„Выросши въ сектантской средѣ, гдѣ религія составляетъ еще живой элементъ пронизающій собою всю жизнь и окрашивающій въ свой цвѣтъ всѣ соціальныя продукты, Ш. думаетъ, что и политическій и соціальныя строй Россіи находится въ той же гармоніи съ государственной религіей;—что напр. религіозно-нравственныя идеи проникаютъ черезъ весь государственно-соціальныя строй, отражаясь повсюду въ самыхъ мелкихъ правительственныхъ формахъ и общественныхъ обычаяхъ. Поэтому во всемъ: въ названіяхъ учреждений и лицъ; въ формальностяхъ судопроизводства; въ различной системѣ изображенія орла на монетѣ въ

различныя времена; въ числѣ пуговицъ на солдатскомъ мундирѣ; въ перемѣщеніи по новой формѣ патронташа спереди на правый бокъ, словомъ во всемъ онъ видитъ символизмъ религіозный или нравственный“...

Это впрочемъ не мистицизмъ, такъ какъ эти символы, по его мнѣнію, сознательно созданы людьми, систематически проводящими свои религіозно-нравственно-соціальные идеи черезъ всѣ мелочи жизни.

Пусть выборъ словъ по тѣмъ или другимъ причинамъ совершается въ обществѣ, и мы получимъ въ результатъ измѣненіе лексическаго состава, а при неравномѣрности выбора во всемъ языкѣ—лексическое расчлененіе на нарѣчія.

„При публичныхъ (всенародныхъ) очистительныхъ жертвоприношеніяхъ для веденія жертвенныхъ животныхъ выбирали людей со счастливыми именами“ (Pl. N. N. XXVIII, 5), (что извѣстно и изъ другихъ источниковъ, напр. Valerius, Salvius, Statogius).

Подобнымъ образомъ имя перваго встрѣчнаго челоуѣка служило добрымъ или дурнымъ предзнаменованіемъ.

Твое имя = ты:

О джевојко миље моје!

Омиље ми име твоје!

Ни са шта ми не омиље,

Ни због бабе, ни због маме,

Веће ми је омиљело

Са твојега л'јепа хода,

Л'јепа хода и погледа. (ћ. Рајковић, С. н. п. 59).

Удадбеници: „Кад допаднеш злочеста јунака

Бићеш стара за годину дана“ (ib. 89).

Ей-же: „О джевојко, име племенито,

А и моје јање умиљато!

Ала ће ти *име* погинути

Ово скоро до јесени, душо,
Од свекрве и од зле јетрве,
Од заове, честе гласоноше:
„Често јој је на јастуку глава
И бијеле низ пенџере руке“ (ib.).

„Кад год спавам, све о теби сањам
Кад с'пробудим, хоћу да полудим,
Јера ми је твоје име драго;
Три године књигу сам учио
Док сам твоје име научио“ (К. Ристић, С. н. п. по-
купљене по Босни, 23).

Обращење: „Моја драга, моје име драго“ (ib. 29).

Имя: „Абу рѣс nebyl бѣсны давајí ту jmeno нѣвтере рѣку“
(Housko).

— „Žeňa mající měsíční květ (=эвфемизмъ) nesmi se dotknouti
žadného rastačoho kviti, sice toto chrane a uvadve; pleji li žena
takovo travu z obili, stani se toto smečlivým (t.-i. má mnoho tla-
chy'ch klasů) (Housko).

Скрыватъ настоящее имя лица: „Веррій Флаккъ, ссылаясь
на достовѣрныхъ, по его мнѣнію, писателей, говоритъ, что при
осадѣ городовъ, римскіе жрецы прежде всего вызывали бога, подъ
покровительствомъ коего былъ городъ, и обѣщали ему (если овъ
покинетъ этотъ городъ) у себя тоже или большее поклоненіе. Это
священнодѣйствіе и остается въ ученіи жрецовъ (Pontificum).
Вѣрно то, что поэтому скрываютъ то, подъ покровительствомъ
какого бога (в. богини) находится Римъ, чтобы кто изъ враговъ
непоступилъ (съ нимъ) такимъ же образомъ“. (Pl. XXVIII, 4).

„Нѣкоторые суевѣры при крещеніи дѣтей даютъ имъ другія
имена, а первыя прилежно таятъ, вѣря, яко бы, невѣдая перваго
или подлиннаго имени, колдунъ имъ неможетъ ничего учинить,
т. е. неможетъ ихъ сдѣлать оборотнями и пр.“ (Абевега русск.
суев. 206).

„Со всѣхъ сторонъ свѣта до насъ доходятъ свидѣтельства
путешественниковъ, что дикари любятъ сохранять свое имя въ

тайнѣ. Это извѣстно относительно сѣверно-американцевъ и южно-американцевъ. „Одинъ Чинукъ думалъ, что желаніе Кена узнать его имя происходило отъ желанія украсть его... По словамъ Банкрофта и у нихъ имя... есть какъ бы тѣнь или духъ, другое я человѣка“.—Даяки долины „перемѣняютъ имена своихъ дѣтей, особенно хилыхъ и болѣзненныхъ“, полагая, что этимъ „они могутъ обмануть враждебныхъ духовъ“ (Спенс. Осн. Соц. I, 261).

Избраніе ребенку имени для охраненія жизни: „Кад се какој жени недаду дјеча, онда надјене дјетету име Вукъ, јер мисле да им дјечу вјештице једу, а на Вука да неће смјети ударити. За то су и мени овако име надјели“ (Вукъ. Кар. Рјечн. „Вукъ.“).

Ср.: „Вукъ му пут пресјекао“—Кад се ко помене за кога не би ради онѣ да дође, напр. вједогоња. (Кар. Посл. 40).

Волкъ—имя. Откуда колыбельныя пѣсни:

„Нини, сине, вуче и бауче!
Вучица те у гори родила,
Овчица ти пуцак одрезала
Бјела т'вила у свилу повила,
А челица медом задојила
Мила мајка ћулсом умивала
И руменом ружом утирала.

(Петрановић, С. н. п. из Босне. I, 48).

„Нини сине вуче и бауче!
Вучица те у гори родила
С вучадима, сине, одранила,
Бјела вила на бабине дошла
Моме Јови кошуљу дон'јела
Ластовица на бабине била
Мога Јову млеко подојила
И челица медом задојила
Па га посла својој милој мајци:
„Ето, мајко, Јово одрастао!“ (ib. 50).

— *Баук*—см. Данић., Рјечник.

— Вообще въ колыбельныхъ (пѣсняхъ) надо искать слѣда заговора:

„Мајка њиха свог' нејака сина:
Нини, сине, с крстом и анѣлом
А и с оном блаженом Маријом,
Која-но је Христа ублажила
А и теби на помоћи била“ (ib. 48—9).

Сюда же изображеніе ребенка взрослымъ.

Стоянь. — „Стоять ему (новорожденному) и бодриться, какъ деньга торчмя торчить“ (на крестинахъ, втыкая деньги въ пироги) (Д. Посл. 403). *Стоять* = жить: „Коли дѣти *нестоятъ* (умираютъ), бери перваго встрѣчнаго въ кумовья“ (ib. 403). „У кого дѣти *нестоятъ*, надо просаживать ихъ до трехъ разъ въ *хомутъ*“ (ib. 403) („примѣта: лошадь въ дорогѣ распряглась — жена измѣнила).

„Въ Осетіи имя *Саукуй*, черный пестъ, даютъ слабымъ дѣтямъ, за участь которыхъ опасаются“ (В. Миллеръ „Въ горахъ Осетіи“, Р. Мысль, 1881 г. IX, 92—3).

— Когда ребенку даютъ имя любимаго лица, то это можетъ быть изъ затаеннаго желанья, чтобы съ именемъ перешли на ребенка свойства лица. Сюда обычай давать романическія имена, напр. Людмилы послѣ „Людмилы“ Пушкина.

Стыдливость женская по отношенію къ именамъ мужчинъ: Разъ имя мужчины есть до нѣкоторой степени онъ самъ, произношеніе этого имени женщиной есть до нѣкоторой степени общеніе съ мужчиной, смѣшеніе душъ, подобное тому, которое, по вѣрованію древнихъ, было при тѣлесныхъ объятяхъ и поцѣлуяхъ („*jam alligata mutuo ambitu corpora animarum quoque mixturam fecerant*“ — Petronius, Satyricon, 132).

По отношенію къ женщинамъ — побужденіе другое (эвфемизмъ).

„Нова млада несміје *од стида* никога у кући звати по имену. За то је обичај да она, пошто се доведе, свима кућанима (мушкоме и женском) надјене нова имена (само за себе). Тако напр. некога зове (старије дјетиће) *таком*, неког — *бабом*, неког — *господином* („је ли отишао господин да доћера свине?“), неког —

дјевером, а младе — братом, златојем, соколом, милоштом, милојицом и т. д. жене — гостом, мамом, мајом, наком, снашом. невом, а дјевојке — убавицом, љепотицом, секом, госпођицом, голубицом и т. д. (Кар., Рјечн.).

Этимъ въ значительной степени объясняется обязательное молчаніе молодой. (Сумцовъ „О свад. обр. 203—4).

Серб. и пр. измѣненіе именъ — есть одинъ изъ видовъ явленія, которое у Полинезийцевъ называется *Табу*. — Сюда обычай кафрскихъ женщинъ непронзносить словъ, сходныхъ съ именами ближайшихъ родственниковъ мужскаго пола. (M. Mull. Vogles. II-e 29—34).

Осетинскимъ женщинамъ необычно, нескромно, безстыдно въ молитвѣ называть святыхъ ихъ настоящими именами (кромѣ Бога). Такъ (говорять) „свѣтой мужчина“ (вм. Іастырджи, св. Георгій); „злой“ (вм. Тхостъ), „св. волковъ“ (вм. Тутыр. — у Осетинъ христіанъ — св. Ѳеодоръ Тирскій), св. Отець (вм. фальвар), „начальникъ хлѣбовъ“ (вм. Еля, Илія). (Сб. св. о кавк. горц. IX, Предразс. у Осетинъ).

„По обычаю Осетинъ и почти всѣхъ кавказскихъ горцевъ, стыдливость не позволяетъ женамъ называть по имени не только своихъ мужей, но и братьевъ и родственниковъ ихъ, кромѣ тѣхъ изъ послѣднихъ, которыхъ жены значительно превосходятъ лѣтами. Если бы жена при другихъ женщинахъ по ошибкѣ назвала одного изъ родственниковъ мужа, значительно превосходящаго ее лѣтами, то женщины смѣются надъ нею и толкаютъ, говоря: „а чтобы тебя толкнулъ камень съ него (родственника) величиной“!

„Какъ въ жизни, такъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ Осетинки называютъ мужей (не по имени), а „на лаг“ (собственно — „нашъ человекъ, т. е. нашъ господинъ, нашъ мужъ“ (Джонтемиръ Шакаевъ, Осет. нар. сказ. 20, Сб. св. о кавк. горц. III).

У Кабардинцевъ мужъ о женѣ: „живущая въ домѣ моемъ“. (Кабард. стар., 39, Сб. VI).

„Они иногда неназывали предметовъ ихъ собственными именами, и поэтому эти предметы неказались такими дурными, ка-

ковы были въ дѣйствительности. „Обобрасть джентльмена“ невучало преступленіемъ, если называлось „облегчить франта“, и тюрьма, называемая со смѣхомъ „даровой квартирой“, неказалась наказаніемъ. Т. о. мои понятія о добрѣ и злѣ совершенно перемутались, и привычка трактовать всѣ преступления въ дружеской бесѣдѣ, какъ предметы шуточные, приучила и меня смотрѣть на нихъ, какъ на вопросы лишеныя значенія“. Бульверъ „Пельгамъ“.

При такомъ взглядѣ на слово, какъ у Осетинъ, назвать дру-гого *побратимомъ*, „*Богом брате*“ значитъ дѣйствительно сдѣлать его такимъ и обязать поступать сообразно съ этимъ. — Серб. обы-чай дружичало (называть побратима или *друга, кумача* на годъ). — Мр. называть родственникомъ на срокъ:

„Тітусю, ослобони жінку від біди! Цілий год матірью зва-тиму! Що хоч заплачу, тілки порятуй її“. (Кв. „Пархім. снід.“ II² 154).

„Тіточко, голубочко! Зробіт, як знаєте зробіт, щоб моя була Олена. Цілісенькій год буду вас рідною матірью звати. Куплю плахту, очіпок, серпанок, чого забажає душа ваша“ (Кв. „Конотоп. Відьма“ I² 240).

Роднитъ не только кровь, происхождение, бракъ, но и имя:

Я несомнѣваюсь, что характеръ Романа Тихоновича, какъ и все, что писалъ Квитка, списанъ съ натуры съ небольшими лишь утрировками, и въ частности, что слѣдующая черта невыдуманна:

„Ни одна изъ дѣвиць, которыя согласились бы выйти за него замужъ“ немогла быть его женою. Одна была Прасковья Тихо-новна, сестра по отчеству. Варвара Романовна—дочь по отече-ству. Татьяна Ивановна—сестра по имени его матери (Татьяны Петровны). Софья Петровна—сестра матери по отчеству. Ульяна Федоровна—сестра по отчеству двоюродной сестры его... и такъ далѣе: въ каждой изъ предлагавшихъ себя въ невѣсты онъ нахо-дилъ въ имени или отечествѣ родство съ своими близкими род-ными даже до седьмого колѣна“ (Кв. „Герой Очаѣ. вр.“ III² 318).

До сихъ поръ дѣти и малоразвитые люди *этимологію* слова понимаютъ согласно съ этимологическимъ значеніемъ этого тер-

мина (*ѣтѣмов* — истина, правда), какъ реальное опредѣленіе соотвѣтственнаго явленія. Этимологическое пониманіе словъ (конечно, основанное на поверхностномъ наблюденіи звуковыхъ сходствъ и совпадающее съ научнымъ лишь случайно) есть для нихъ пониманіе истины.

Симпатія: Када Бане на кућу изијо (bis)
Иош се Марко пробудио није,
И сад спава жалосна му мајка:
А долети бане од Випера
Тежко га је ногом ударио
Ударио у јуначку главу (Нуніѣ, 57).

Посјекшоше, ништо не утече
Само дјете, весела му мајка, (ib. 71).

Ох Ненаде, жалостна ти мајка!
Видиш, *билян*, да си погинуо
Јеси брате један у матере
Жалит ће те мила мати твоја, (ib. 91).

— См. Даль „пословицы“, 337—8: „Что-то позѣва'тся: знать наши спать ложатся, либо ужинать садятся“.

(Отношеніе между человѣкомъ и его миѳическимъ двойникомъ).

Другой видъ того же умозаключенія есть: 1) заключеніе отъ одного предмета къ другому, составляющему часть перваго (напр. отъ человѣка къ его волосамъ, обрѣзкамъ ногтей, платью, мочѣ и наоборотъ: чары на волосы, сорочку такіе же, какъ на изображеніе человѣка, слѣдъ, тѣнь. (Сюда же слюна); 2) заключеніе по смежности, или по видимой механической связи. Напр. соединить шнуркомъ два отдаленныя другъ отъ друга зданія, въ той мысли, что черезъ то оба зданія становятся однимъ, и напр. право убѣжища, признаваемое за первымъ, распространится и на второе. Гейлоръ „Первоб. культ. 109—10).

— Мать не должна плакать по ребенку, чтобы ему тамъ было весело:

„Кад умрије дијете Лазаре
За њим мајка увек јаукала.
њој Бог шиље два анђела света....
... Ископаше дијете Лазара...
... Носе њега мајци на криоце...
... „Што ј' на теби, моје чедо драго,
Што ј на теби росна кошуљица,
Што л' у руци св'јећа без стијењка?..“
— Не питај ме, моја мила мајко!
Што ј на мени росна кошуљица,
То су, мајко, грозне сузе твоје;
Што ј' у руци св'јећа безъ стијењка,
То је, мајко, твоје уздисање!—

(Рајковић, С. н. п., 143).

До Спаса неѣсть яблокъ (матери, которая похоронила дѣтей).

Луччий журавель в небі, ніж синица в жмені.

Человѣчество идетъ отъ того состоянія, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣніе текущаго мгновенія занимаетъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ, при помощи все большаго и большаго отвлеченія, все большей и большей стройности въ распредѣленіи отвлеченій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Сначала человѣкъ недумаетъ о будущемъ по той же причинѣ, по которой дикарь неможетъ себѣ представить числа 3 иначе, какъ въ видѣ 2 такихъ-то вещей, приложенныхъ къ одной (состояніе, до нынѣ оставившее слѣды въ раздѣльномъ счисленіи даже наиболѣе развитыхъ языковъ—). Потомъ, раздвоивъ міръ, онъ и по отношенію къ *цѣли* и по отношенію къ *причинѣ* даетъ перевѣсъ болѣе дальней и идеальной половинѣ его.

Цель—загробная жизнь перевѣшиваетъ настоящую.

Доля—двойникъ и причина (i —мр. i , u —мр. u):

Ай Діавині, ой Діавині
Ну павáргу, ну павáргу (слабаго? больнога?)
Нў павáргу нуа майзитэс
Нуа лаба кумелинь (безь причины)
Павáргусе лайме мана
Павáргусе мамулинь.
Куа Лаймини ту паварги,
Пате мужу лицѣиня? (сама будучи рѣшительница судьбы).
(Ибо) Нэ іатум таутиняс,
Кад маминя нэгаюс';
Нэкартум шупуалити
Кад Лайминя некарус." (Бривзем. 40, № 121) ¹⁾.
„Раудат мана лайме рауд,
Раудат—мана мамулинь;
Ка, лайминь, ту раудайи,
Пате мужа лицейинь? (Спр. 306—7).

(Навзрыдъ плачеть моя доля, навзрыдъ моя матушка (т. е. доля); чего, доленько, плачешь, когда ты сама судишь вѣкъ?).

„Чего самъ неможешь снести, то пусть вынесетъ его злой день“ (Бривз. № 124).

— Т. о. *душа* — двойникъ, отъ состоянія коего зависить состояніе лица: *душа замираетъ* = я лишаюсь чувства, памяти, сознанія; „невижу—душа мретъ, увижу—съ души преть“; „душа не принимаетъ“ — немогу ѣсть; „радъ *душой*“; „душа мѣру знаетъ“; „хлѣба съ душу, денегъ съ нужу, платя съ ношу“; „душа не сосѣдъ: *пить-псть* просить“; „своя душа не холопъ“ (себя жаль); „сторонись, душа, оболю“ (поднося чарку ко рту).

„И бѣ Игорь разболѣся въ порубѣ... И тогда, пославъ (Изяславъ Мьстиславичъ) повелѣ над ним порубѣ розоимати, и тако выяша ис поруба вельми больнаго и несоша у кѣлю; до осмого

¹⁾ Ой Боже, Боже! теерь я слабѣю! Слабѣю отъ хлѣба, отъ лучшаго коня. Ослабла лайма моя, ослабла моя матушка. Отчего занемогла и ты Лаймушка, сама рѣшительница судьбы? Мы не пошли бы къ молодцу, если бы не пошла матушка; мы не повѣсили бы колыбельки, если бы не повѣсила её Лаймушка.

же дни толко ему Богъ душу вороти, *неможашеть бони пити, ни ѣсти*“ (Ип.² 239) (=душа ѣсть).

„Кондрать же возвеселися *сердцемъ* и возрадовася *душею* о княженъи Кравовскомъ“ (Ип.² 598).

— „Я и душа“: „И сважу душѣ моей: душа! много у тебя добра...: покойся, ѣшь, пей, веселись“. (Лук. XII, 19—20, 22).

Άγωνία—въ смыслѣ предсмертныхъ страданій=серб.:

„То говори па се с душою бори,

То изусти па душицу пусти“.

— „То изусти, а душу испусти.

Лијепо га сянца саранили,

Увуци га многи оплакаше.

Благо њему и његовој души“ (К. Ристић, С. в. п. 98).

Небесное (объясненное земнымъ) *представляется причиною земною*:

„Cum... esset jam vespera, lucernam iutuens Pamphile (жена), „quam largus, inquit, imber aderit crastino!“ Et percontanti marito, „qui comperisset istud“, respondit, sibi lucernam praedicere. Quod dictum ipsius Milo (мужъ) visu secutus, „grandem, inquit, istam lucernam Sibyllam poscimus, quae cuncta coeli negotia et solem ipsum de specula candelabri (со сторожевой вышки подсвѣчника) contuetur. Ad haec ego (авторъ) subjiciens, „sunt, ajo, prima hujusce modi divinationis experimenta; nec mirum, licet modicum istum iguicilum et manibus humanis laboratum, memorem tamen illius *majoris* et *coelestis* ignis, velut *sui parentis*, quid esset editurus in aetheris vertice, divino praesagio et ipsum *scire*, et nobis enuntiare“. (L. Apuleji, *Metamorphoseos* s. de *As. aureo*, 2, XI—XII).

Предпочтеніе журавля въ небѣ—на дѣлѣ: Сюда—все дѣлаемое для загробной жизни. Напр. когда у Осетинъ родственники умершаго продають необходимое, чтобы пышно его одѣть: при жизни одѣвался бѣдно, пусть хоть теперь одѣнется пышно, чтобы на томъ свѣтѣ небыло стыдно показаться умершимъ. (Сб. св. о Кавк. горц. IX, отд. III, 2, 3).—Когда дѣлаются самоистязанія у гроба покойника, п. ч. онъ видитъ и цѣнить ихъ. (ib. 3).—

Когда тратят на поминки, чтобы на томъ свѣтѣ мертвый непитался подаяніемъ или воровствомъ. (ib. 10—1).—Когда Достоевскій считаетъ полезной каторгу для спасенія души.—Когда живого хоронятъ съ мертвымъ. (Тейлоръ, III, 50. Спенс., Осн. соц., I, 202—3, 212).—Когда посылаютъ души враговъ на службу тому, за кого мстятъ. (Патроэль и троянскіе юноши, мечь Ольги, кровная мечь, Тейл. Перв. куль. II, 40—1, Илиада XXI, 26—33).

Сюда многія нынѣшнія дѣйствія разряда „цѣль оправдываетъ средства“, какъ въ консервативномъ станѣ (такъ наз. высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недалководною), такъ и въ радикальномъ, дѣйствія называемыя, смотря по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ.

Сюда объясненіе существованія и вида вещей въ теоріи ихъ небесными первообразами (идеями въ Платоновскомъ смыслѣ), между прочимъ: человекъ созданъ по образу и подобию Божію; по народнымъ, дуалистическимъ вѣрованіямъ многія животныя и растенія созданы сатаною; чары и колдовство—какъ дьявольское наважденіе.

Не то, что не должно быть дальнихъ цѣлей и идеаловъ. Стремиться къ этому было бы опять дѣйствіемъ революціоннымъ. Разница между хорошимъ и дурнымъ игрокомъ, напр. шахматнымъ, не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой вѣтъ, а въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

Найти границу между тѣмъ и другимъ разъ навсегда невозможно. Вѣрно опредѣлять ее—въ этомъ трудное искусство жить. Отдать изъ любви къ ней молодую за богатаго старика—дурно; выйти по любви и незнать, чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Копить деньги, подавляя насущныя потребности—дурно;—по примѣру дикаря недумать о завтрашнемъ—тоже.

Противиться введенію конституціи, п. ч. она поведетъ молъ къ соціальной революціи (=недавать сыну хлѣба, а давать камень, п. ч. если дашь хлѣба, онъ захочетъ всего наслѣдства)—

нехотѣтъ конституціи, п. ч. она ведетъ къ плутократіи, а хотѣтъ соціальной революціи.

Субъективный образъ предмета и явленія, первоначально необходимо объективируемый и превращаемый въ миѳъ, представляется причиной явленія. (L'opium endormit, par ce qu'il a une vertu soporifique, Мольеръ) ¹⁾.

Доля, среѣа, болѣзнь (= душа, болѣе менѣе отвлеченный двойникъ человѣка)—причина счастья, несчастья, болѣзни.—(Моя ст. „о Долѣ“ 10—11). Измѣненія въ состояніи человѣка—только послѣдствія, событія слѣдующія и по времени за подобными событиями въ жизни первообраза ²⁾.

¹⁾ Объ увѣренности въ дѣйствительномъ существованіи (въ настоящемъ или только прошедшемъ) поэтическихъ образовъ см. Буслая, Гильфердинга, о былинахъ. Каждый разъ, когда читается или разсказывается что-либо наивному простолудину, онъ считаетъ за истину. Позднѣе—что напечатано, что въ книгѣ—то правда.

²⁾ Раздвоеніе битвы на земную и небесную, Ип.¹ 12.—„Вложи Богъ или дьяволъ въ сердце“. (Въ житіи Θεодосіа. Чт. 1879, 1, 31 обор., 40).—Спенс. „Оси. Оси. сод. I, 203.—Двойственность мнѣческаго образа, состоящаго изъ лица и атрибута, напр. громового божества и его орудіи.—Условіе сохраненія поэтичности сравненія—крьпкое обособленіе сравниваемыхъ образовъ, безъ котораго объясняющее вносится въ объясняемое.

— „Нападе нанъ бѣсъ“ (на Святополка), (Лавр.² 141). „Вложи Богъ въ сердце“ (ib. 152).—„Гнѣвомъ Божьимъ гонимъ“ (ib. 159).—Знаменье на небеса“ (ib. 160).—„Усобная рать... отъ соблаженья дьявола“ (ib. 163).—„Бѣса“ (ib. 170, 175).—Мечта (178—9).—„Ляхъ въ лудѣ“ (ib. 184—5). Осель на мѣстѣ игумена (ib. 186).—Чудо Богородицы: ея правда=правда Володимерцевъ. (ib. 358—9).—Въ битвѣ Богородица... (ib. 370).—Смерть отъ погябелы души (Тейл. 271).

— Душа, какъ двойникъ—(M. Müll. „Ess.“ II, 402—4).—Стремленіе изъ души, какъ двойника, сдѣлать жизненное начало совершенно отличное отъ тѣла. Переходъ отъ причины сходной къ причинѣ несходной. Тѣня, εἰδωλον, шапес, человѣчекъ (ib. 405).

Двойникъ: „Effigiem Dei formatque queerege imbecillitatis humanae geor (=считаю дѣломъ слабости человѣческой). Quisquis est Deus, si modo est alius (quam Sol), et quascumque in parte, totus est sensus (чувство), totus visus, totus auditus, totus animae (жизни, seele), totus animi (geist), totus zmi* (весь—я)... Fragilis et laboriosa mortalitas in partes ista digessit (раздѣлила единое божество на части), ut portionibus coleret quisque, quo maxime indigeret (=чтобы каждый могъ чтить по частямъ то, въ чемъ наиболѣе нуждается).

Itaque nomina alia aliis gentibus et numina in iisdem innumerabilia reperimus, inferis (подземнымъ Богомъ) quoque in genera descriptis, morbisque, et multis etiam pestibus, dum esse placatas trepido metu cupimus. Ideoque etiam publice Febris fenum in Palatio dicatum est, Orbonae (=in tutela sunt Orbonae orbati liberis parentes) ad aedem Larium ara et Malaе Fortunae Exquiliis.

Отсюда: „Среѣа ти се веселила“.—У Осетинъ *Ізѣд*, авестійскій *јазата*, какой-то духъ, ангель (название употребляемое и въ ед. и во мн. ч.). „Каждый человекъ имѣетъ своего ангела-хранителя и нерѣдко, проклиная человека, желаютъ зла его ангелу“ (приписывая самому этому ангелу долю, т. е. раздвояя его): да пропадетъ доля твоего ангела“!—Или мать клянетъ сына: какой ангель мнѣ тебя далъ, да упадетъ онъ внизъ“ (Вс. Миллеръ „Осет. эт.“ II, 240) ¹⁾.

Доля—причина состоянія я; рѣдко на оборотъ: *Кисельниковъ* (отправляясь торговать старьемъ): „*Таланг-доля*, иди за мной: я буду щастливъ, и ты *будешь щастливъ!*“

„Боровцовъ... Это я его научилъ. Какъ, говорю, Кирюша, за чѣмъ пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту половицу,—дѣло вѣрнѣй будетъ“ (*Островскій* „Пучина“).

Quam ob rem major caelitem populus etiam, quam hominum intelligi potest, quum singuli quoque ex semet ipsis totidem deos faciunt, *Iunones, Geniosque* adoptando sibi (присваивая) (Pl. N. N. II, 5).—(Senius natalis—ангелъ хранитель мужчины; Natalis Iuno—женщины).—

Fortuna, Sors (Pl. ib.), виновница всего въ человеческой жизни, есть таже доля—недоля, освобожденная отъ связи съ отдѣльною личностью, обобщенная.

Iunonem meam iratam habeo, si umquam me meminerim virginem fuisse, nam et infans cum paribus inquinata sum, et subinde, prodeuntibus annis, majoribus me pueris adplicui, donec ad hanc aetatem perveni. Hinc etiam puto proverbium natum illud, ut dicatur, posse taurum tollere, quae vitulam sustulerit“ (*Petron.* „Satyricón, 26).

„*Mitridates servus in crucem actus est, quia Gai nostri (господина своего) genio maledicerat, (ib. 52).*—Ego si mentior, genios vestros iratos habeam“ (ib. 62).

„*Uxor, inquit, Trimalchionis, Fortunata appellatur, quae nummos modio metitur. Et modo, modo quid fuit? Ignoscet mihi genius tuus, nolluisses de manu illius rapem accipere*“ (ib. 57) (=съ позволенія твоего генія [=съ позволенія сказать], если бы ты просилъ милостыни („не впроку“), ты бы куска отъ нея не взялъ).

¹⁾ *Руководство по матернему:*

„Мртва глава са земље говори:

Ти си Дедо ј...у ми ти неву!

Јер ме тако изъ преваре тучеш“ (*Кар. IV, 174).*

Еб-на мать=мать блядь,... сынъ безчестенъ, трусливъ:

„Но ако ти мајка није курва

Ходи дојни на кучко збориште“ (ib. 118).

„О Смагле, родила те курва!

Лвјену смо вјеру уфатили

Ал је танка вјера у Турака

Ка од вуне конач у лезитку“ (ib. 121) (курва = сука, кобыла).

Есть прямые и косвенные доказательства того, что разные народы земного шара, правильно заключая отъ вѣрованья въ душу человѣка, приписываютъ душу не только животнымъ и растеніямъ, но и неодушевленнымъ предметамъ. (На пр. [Тейлоръ „Перв. культ.“ II, 56—7] у фиджійцевъ душа изломавшагося топора и ножа отлетаетъ къ богамъ и пр.).

Прибавимъ къ этому результаты стремленія и установленія все большаго и большаго различія между вещью и ея идеальными первообразами, душою, тѣнью, *éðòλov*, *manes* (=малый человѣкъ) (M. Mull. „Ess.“ II, 405 и выше), стремленія принимать все большую и большую безтѣлесность, неизмѣнность (=существенность) этого первообраза.

Такимъ образомъ мы отъ народныхъ вѣрованій въ души перейдемъ къ ученію философовъ о (субъективныхъ) образахъ, какъ причинахъ вещей.

Анаксимандръ (рожд. около 610 г. до Р. Х.) училъ, что вещи измѣняются, а начало бытія должно быть неизмѣнно. Его современникъ Пифагоръ это неизмѣнное начало (*ἀρχή*) отождествилъ съ наибольшимъ отвлеченіемъ, до котораго достигалъ, единицею, отъ которой происходитъ число. По Аристотелю, онъ думалъ „*τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας*“, что числа—виновники существованія вещей; что природа возникаетъ изъ чиселъ, есть ихъ осуществленіе; что существа суть образы чиселъ, подражанія имъ (*μίμησιν εἶναι τὰ ὄντα τῶν ἀριθμῶν*); что числа суть неизмѣнныя сущности, предшествующія вещамъ. Пифагорійцы, по словамъ Аристотеля, „содержаніе опредѣленія называютъ сущностью (сαινза

Пусть я буду сукниъ снить, если.. = скурвій снн, курвино копиале.

„А так же не родила мајка

Но кобила, која и дорина

Хођу сјутра на планину пођи“ (ив. 324).

„По манеръ клясться и ругаться фиджійцы сходны съ народами Верхней Азии. Два человѣка... неклануть лично другъ друга, даже непроизносятъ именъ другъ друга, но каждый клянеть отца другого, его дѣдовъ и самыхъ отдаленныхъ его предковъ. Причина—въ томъ, что обругать отца фиджійца значить *обругать его бога*“ (Спенс. „Осн. соц.“ I 477).

Причина (мать, отецъ, хотя бы и небожественныя) важнѣе слѣдствія. Ср. „Сређа ти се веселила“, „весела ти мајка!“

materialis) опредѣляемаго предмета“ (Метафизика), т. е. съ нашей точки ихъ воззрѣнія *мишескія* (Льюисъ, „Ист. фил.“ 25 сл.). — Это то, что Льюисъ называетъ *объективностью* (объектностью) мышленія: „Греческая философія, равно какъ и греческое искусство были въ высшей степени объективны. Объективное направленіе состоитъ въ наклонности *превращать* (?) наши *понятія въ представленія*, давать внѣшнее существованіе нашимъ идеямъ и смотрѣть потомъ на нихъ, какъ на образы или на существа. Дайте объективность родовымъ понятіямъ, и вы получите цѣльное ученіе реалистовъ“ (ib. 215).

Демокритъ (род. около 460 г. до Р. Х.) объяснялъ процессъ воспріятія тѣмъ, что предметы испускаютъ изъ себя образы (*εἰδωλα*), которые, уподобивъ (усвоивъ) себѣ окружающей воздухъ, входятъ въ душу черезъ поры органовъ чувствъ. Только наружная поверхность тѣла отливается въ форму *εἰδωλον* и то несовершенно. (Льюисъ, 99—109).—Т. о. объясняется несовершенство познанія. (О Демокритѣ — Тейл. „Перв. культ.“ I, 73—4).

Платонъ (род. 430 г. до Р. Х.), „по словамъ Аристотеля, приписываетъ общимъ названіямъ самостоятельное бытіе“ (это его *ιδέα, ιδέη*—собственно видъ, форма, species, genus). „Онъ утверждалъ; что въ дѣйствительности существуетъ *отвлеченный человекъ*, и что вонкретные люди существуютъ на столько, на сколько они причастны идеальному человѣку“ (Льюисъ, 214).

„Однѣ идеи дѣйствительно существуютъ; онѣ суть *νοούμενα*, а всѣ отдѣльные предметы только *φαινόμενα*“ (ib. 215).

Аристотель говорить: „Платонъ... привыкши къ изслѣдованію универсаловъ (*διὰ τὸ ζητῆσαι περὶ τῶν καθόλου*), принявъ, что нужно опредѣлять скорѣе умственные предметы (*νοούμενα*), нежели чувственные (*φαινόμενα*), ибо невозможно дать общее опредѣленіе чувственныхъ предметовъ, которые безпрестанно *мѣняются*. Эти умственные сущности онъ называетъ *идеями*, присовокупляя, что чувственные предметы разнятся отъ идей и получаютъ отъ нихъ свои названія; потому что вслѣдствіе своего *участвованія* (*κατὰ μέθεξιν*) въ идеяхъ всѣ предметы одного рода получаютъ тѣже

названія, какъ и идеи. Онъ ввелъ слово *участвованіе*. Пифагорейцы говорили, что „вещи—копіи чиселъ“; Платонъ говоритъ „участвованіе“, что измѣняетъ только названіе“ (ib. 216).

Т. о. идеи = сущности = общія названія. (Льюисъ возражаетъ, что Платонъ сдѣлалъ больше, чѣмъ измѣнилъ названіе).

„Идеи, осуществленныя въ природѣ (феномены) неполнѣ сходны съ идеями въ сущности (нумены) (ib. 217).

Въ Федръ Платонъ пытается образно представить систему міроздавнiя:

Есть два міра: здѣшній, міръ явленій, и верхній, міръ *идей*. Между этими мірами рѣютъ души боговъ и людей. Души, называемыя бессмертными (души боговъ), достигая вершины, проходятъ черезъ нее и, стоя на выпуклой, внѣшней сторонѣ неба, ... видятъ предметы, лежащіе за небесами.

„Эта область — мѣстопребываніе самого *бытія*... видимаго только уму, возникшему души и составляющаго предметъ настоящаго знанія... Умы боговъ и другіе вполне хорошо устроенные созерцаютъ по временамъ этотъ міръ самого бытія, наслаждаются... этимъ созерцаніемъ“.

Изъ другихъ душъ нѣкоторыя „успѣваютъ приподняться до того, что головы ихъ возникшихъ выходятъ за небесный сводъ... Другія... страстно стремятся на высоту... но, недостигнувъ ея, ... падаютъ... и питаются уже только *впроятнымъ*. Падающая душа теряетъ крылья, входитъ въ *тѣло*, одушевляя его. — Чѣмъ болѣе витала душа, тѣмъ совершеннѣе ея земное существованіе. Смотри по заслугамъ, при слѣдующихъ существованіяхъ душа подымается или опускается до скота, которому недоступно понятіе *рода* (общаго, существеннаго).

„Пониманіе есть лишь *припоминаніе* того, что видѣла душа, пребывая съ богами, когда она, пренебрегая тѣмъ, что мы называемъ существующимъ, воспринимаетъ то, что дѣйствительно существуетъ“ (Льюисъ, 218—21).

На вопросъ о верховномъ божествѣ Платонъ въ разное время далъ два разныхъ отвѣта:

Въ „Государствѣ“: Плотникъ, дѣлая столъ и ложе, не создаетъ ничего дѣйствительнаго, а лишь *изображеніе* (несовершенное) идеи. Но есть работникъ, который создаетъ *небо* (идеи), землю, боговъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій— „Тимей“ Платонъ говоритъ, что Богъ не создаетъ *типовъ* (идей), которыя существовали искони, а лишь устраиваетъ хаосъ по образцу этихъ идей“. (Льюисъ, 225—7).

Съ первымъ воззрѣніемъ по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ со вторымъ, согласно то, что богъ Платона есть верховная идея, т. е. „тоже относительно идей, что идеи относительно явленій“ (ib. 231). Послѣдній результатъ обобщенія является при объективированіи этихъ обобщеній *причиною* всего (кромѣ *ἀνάγκη*).

Есть два вѣчныя начала *тоῦς* и *ἀνάγκη*. Умъ *убѣдилъ* необходимость устроиться наилучшимъ образомъ (Тимей, Льюисъ, ib.).

Сходныя съ Платоновыми идеями — маточникъ и пр.— „Къ ист. зв.“ IV, 51.— Тейлоръ „Перв. к.“ II 296—9.—

(Сходство между идеями Платона и воззрѣніями первобытными замѣчено еще въ XVIII в. и раньше).

Образъ важнѣе изображаемаго. Разсказъ про монаха, который, чтобы неоскоромиться жаренымъ поросенкомъ, произнесъ надъ нимъ заклинаніе: „оборотись порося въ карася“, — этотъ разсказъ, лишенный своего сатирическаго характера, представить намъ всемірно историческое явленіе человѣческой мысли: слово и образъ есть духовная половина дѣла, его сущность.

По отношенію къ слову этотъ взглядъ выразился въ серб. п.—Креститель Іоаннъ спрашиваетъ у Бога, можно ли ему ложно поклясться Богомъ, чтобы обманомъ завладѣть вѣнцомъ царя Дуклијана:

„Боже, вѣчни и пресвети оче!
Хоџу ли се тобомъ заклет' криво?
Хоџу л' цару уграбит' коруну?“

— Господ њему ријеч говорио:

„О Јоване, моја вјерна слуго!

Закуни се мноме трипут криво,

Теке немој мојијем именом“. (Кар. II, 82).

Т. о. *Богъ* и его имя представляются какъ бы двумя сущностями, изъ которыхъ послѣдняя важнѣе первой. Ср. здравицу: „У велику славу Божу. Да ни *Бог* и *слава Божја* и света нећеля, која је сјутра, поможе нашега брата домаћина...

Ко винце пије у славу Божу

Слава му Божја вазда помогла,

Слава и сила у Бога Господа!“ (Кар. п. I, 78).

При празновави „крсно име“ поють:

„Ко пије вино за славе Божье,

Помоз му Божје и славо Божја“.

(Кар. Рјечн.—„крсно име“).

„Још Бога молимо и пречисту славу“. (Кар. п. I, 78).

Слѣпая нищя просить:

„Подарујте, обрадујте

Порад Бога јединога...

И тако вам Господ дао

И велика слава Божја

И велико крсно име“ (ib. 143).

Благодарить:

„Фала брата ришћанине!

Господ ми те даривао

И велика слава Божја“ (ib. 146).

„(Ἰλλοι) τοῖον γὰρ κλῆος ἐσθλὸν ἀπώλεσαν ἠριόχοιο“. (II. XVIII, 280), ибо они потеряли добрую славу возницы, т. е. своего возницу.

Если *слава* есть *имя*, а имя—нѣчто сходное съ душою, то безсмертіе славы есть нѣкоторая замѣна жизни:

Ахиллесъ говорить (Ил. IX, 410 сл.):

„Μήτηρ γὰρ τέ μέ φησι, θεὰ Θέτις ἀργυρόπεζα
διχθαδίας κῆρας φερέμεν θανάτοιο τέλοςδε.

Εἰ μὲν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχωμαι,

ὦλετο μὲν μοι νόστος, ἀτὰρ κλέος ἄφθιτον ἔσται
εἰ δὲ κεν οἴκαδ' ἔκωμι φίλην ἐξ πατρίδα γαίαν,
ὦλετό μοι κλέος ἐδθλόγν, ἐπι δηρὸν δέ μοι αἰὼν
ἔσσεται, οὐδὲ κέ μ' ὄκα τέλος θανάτοιο κιχείη“.

Между „самъ“ и „его слава“ можетъ быть такое же отноше-
ние, какъ между самъ и душа:

„Жив је нама Стефан у пјесмама,
А души му покој и весеље“ (Чуб. Чојк. 81).

„Ах не ка га, свијетла му душа!
Такви јунак никад не умире,
Но остаје, да се споменује“ . (Кар. п. IV, 89).

Слава, крсно име:

Въ Черной горѣ *братство* есть совокупность родовъ (кућа),
происходящихъ по преданію отъ одного предка, жившаго за 100,
200, даже 300 лѣтъ до настоящаго времени, и носящихъ одно
общее имя (въ ц. г. Ковачевићи, Кривоносићи, Вукотићи и
др.): Јово Петра (отца) Маркова (дѣдъ) Іановића (кућно име) Ко-
валевића. Между членами братства не заключаются браки“. Сви
братственици славе једно крсно име“ (Bogiš. Zbogn. 512 — 3).
Христіанскій святой, день коего празднують (Николь дан, Јованъ
дан, ѱурѣв дан, Аранџелов дан)—вѣроятно патронъ предка, его
крестное имя, замѣнившее самага предка.

„Славити славу в. крсно име“ состоитъ между прочимъ въ
томъ, что ѣдятъ *коливо* (=даћа) (какъ и при поминкахъ) и
„устати у славу“. У „слави“ поминьу се готово сви свеци и по-
слије неколике ријечи све се говори: „ва славу и част“. Она
свијећа, с којом се устаје у славу, негаси се устима, него се за-
лије вином, или домаџин узме комадицъ круха па га умочи у вино
и њиме свијећу учаси, па крух овај изједе. Кад буде вријеме, да
се свијећа учаси, у Дрбљу нипошто неће нико рећи: „учаси сви-
јећу“, него „обесели свијећу в. ућени свијећу“. (Кар. Рјечн.
„Крсно име“ и „слава“), чему соотвѣтствуетъ свр. *закротити*
(засмирить) церковную свѣчу. Но *свѣча* горящая—жизнь и (иде-
альная жизнь) память предка. См. лѣтописныя: „свѣчу и про-

скуру такого то побдити, неугасити свѣчѣ над гробомъ“. (Къ ист. звук.“ IV, 85—6).

Слава умираетъ в. неумираетъ:

„Казакъ Хведір безрідний, безплемінний

Померъ и поляг,

Слава ёго невмре, незагине

Міждо нами народними головами.

Покудова буде свѣт свѣтати и сонце сіяти,

Будем славу ёго всегда прославляти“.

(Ант. и Драгом. I, 250—1).

Хведора Безроднаго похоронили

Високою могилу висипали

I прапірок у головах устромили

I премудрому лицареві *славу* учинили,

А тим вони ёго поминали,

Що у себе мали:

Цвіленькими сухенькими війсковими сухарями“ (ib. 255).

(*Прапірокъ* — см. „Къ ист. зв.“ II, 6).

„Правда, панове, полягла Самійла Кішви голова...

Слава невмре, неполяже.

Буде слава славна поміж казаками,

Поміж друззями, поміж рицарями,

Поміж добримы молодцями“ (Ант. и Др. I, 219). (Ср.

ib. 113 и пр.).

Самъ и душа: „Мисли мајка да је занимала

Ал се Јела с душом разделила“ (Кар. п. I, 243).

„Врло ме је заболила глава

А (?) од срца да душа изајде“ (ib. 242). Ил. I, 3.

„Τὸν δ' ἔλιπε ψυχῆ“. (Ил. V, 696), его оставила душа = онъ упалъ въ обморокъ. Тѣнь Геракла въ Аидѣ, а самъ онъ у безсмертныхъ боговъ. (Од. II, 691 сл.).

Умозаключенія въ области метафоры, метонимии, синекдохи.

Понятіе причины производно. Первое — сочетание образовъ по сходству или противоположности, по соприкосновенности или близости въ пространствѣ и послѣдовательности во времени (=одно-временность = послѣдовательность). Затѣмъ то, что въ сочетаніи есть объясняющее (сказуемое) можетъ стать причиною объясняемаго, будетъ ли оно сходно или противно, одномѣстно или одно-временно. Отсюда симпатическія лѣкарства, какъ по сходству, такъ и по противоположности.

Свойство вещи распространяется на то, съ чѣмъ она связана, причѣмъ связь можетъ быть различна: отношенія части и цѣлаго, сходства, соприкосновенія, одновременности.

Умозаключеніе съ области метафоры. Заключение отъ сходства *а* съ *б* къ ихъ причинному отношенію.

Сюда, какъ примѣръ, относится все изложенное въ предыдущемъ очеркѣ, ибо: общее, родовое понятіе, идея есть образъ явленія, такъ что ученіе объ идеяхъ, какъ первообразахъ, причинахъ, есть множественное заключеніе по формулѣ: *а* сходно съ *б*, слѣдовательно, *а* есть причина *б*.

Звонъ = *слухъ*, *слава*. (О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ), 28—30; „Слово о полку Игоревѣ“, 52. Отсюда *звонъ* въ ухѣ—примѣта. Чтобъ колоколь былъ звончѣй—слухи.—У древнихъ—какъ примѣта: „absentes tinnitu aurium praesentire sermones de se, receptum est“, Plinius, Historia Naturalis, XXVIII, 5. Комментаторы къ этому мѣсту прибавляютъ ссылки на Аристенета, Epistolae, II (IV вѣка): „οὐκ ἐβόμβει σοι τὰ ὦτα, ὅτε σου μετὰ δακρύων ἐπιήμηγ“. Non tibi tinniebant aures, quum tui lacrymans meminissen? и на отрывокъ изъ Виргилія или другого неизвѣстнаго писателя: Garrula, quid totis resonans mihi noctibus auris, Nescio quem dicis nunc meminisse mei?

Свистъ = вѣтеръ. Отсюда свистомъ вызывать вѣтеръ, несвистать въ избѣ, несвистать во время посѣва. Аванасьевъ, Поэтическія Воззрѣнія..., I, 308.

Соръ — шумъ, соръ — богатство. Откуда „изъ избы сору невыносить“. О св. нѣвр. предств. Обливать корову для удоя. Ае. II. В. I, 664. Пожаръ — молокомъ, ib. I, 667, коровьей шкурой, ib. 687.

Высохъ, какъ щепка. Отсюда „ежели кто имѣетъ привычку бить домашнихъ лучиною, то весь его домъ будетъ нездоровъ, и высохнутъ всѣ, какъ лучина“. Абевега (русск. суевѣрій...) 232.

Ходитъ, какъ спутанный. Отсюда: „Когда младенецъ начинаетъ ходить и первый разъ переступаетъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ и рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая тогда случится промежъ его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ или разрѣшаютъ его нехождение, Абевега, 239.

Горящая свѣча — жизнь. Образчикъ современныхъ мѣщанскихъ нравовъ. Мать проклинаетъ дочь: „Ахъ ты такая саякая. Я думала (когда къ тебѣ шла жить), что у тебя содержатель богатый... Я Иоанну Воину свѣчку ракомъ (вверхъ ногами) поставлю, чтобъ тебя разразило.

„Садиться“ „щобъ усе добре сідало“. „Присядзіш, штобъ щолки садзілісь, Записки Географическаго Общества по Этнографіи, I, 413.

Сладко — любовно, счастливо. Когда передъ свадьбою парится невѣста, поддавать пару пивомъ или медомъ, чтобъ жизнь брачная была сладка. Терещенко, Быть русск. н., II, 171.—(Когда—женыхъ, пару водкою, ib. 172).

Изъ превращенія метафорическаго образа въ причину—множество примѣтъ, сновидѣній, заговоровъ, чаръ. Объясненіе мало-русск. пѣсень. II, 60—3.

Образъ — причина явленія.

До настоящаго времени мѣстами считается неприличнымъ сидѣть въ обществѣ, положивши ногу на ногу. У древнихъ это считалось дѣйствіемъ прямо враждебнымъ, преступнымъ, ибо всякое

соединеніе не только подколъна съ колѣномъ, но обхватываніе руками своихъ колѣнъ, извѣстное соединеніе пальцевъ рукъ, замыканье (дверей, замковъ), вязанье узловъ, были не только символами, но и причинами замедленія или прекращенія извѣстныхъ дѣйствій. На оборотъ всякое развязываніе, отпиранье и пр., какъ до нынѣ совершаемое отпираніе царскихъ дверей, коммодовъ и ящиковъ при родахъ (въ Ромнахъ и др. мѣстностяхъ)—есть содѣйствіе:

„Assidere gravidis, vel cum remedium alicui adhibeatur, digitis pectinatim inter se implexis, veneficium est (=чары); idque compertum tradunt (говорятъ, что это испытано) Alcmena Herculem pariente. Pejus, si circa unum ambove genua, item poplites alternis genibus imponi. Ideoque haec in conciliis ducum potestatumve fieri vetuere majores, velut omnem actum impediencia. Vetuere et sacris votis ve simili modo interesse“. Pl. XXVIII, 17.

Гриммъ *Mythologie*² 1127—8, говоря о чарахъ, состоящихъ въ вязаньи, замыканьи и пр. (*nestelknüpfen, schlossschliessen, binden*), къ этому мѣсту Плинія приводитъ изъ Овидія, *Metamorphoses* 9,298..... „Dextroque a poplite laevum Presso genu, digitis inter se pectine junctis, Sustinuit nixus (задержив. роды), tacita quoque carmina voce Dixit, et inceptos tenuerunt carmina partus и далѣе *ib.*, 310, 314.

Отъ сходства къ причинѣ.

Echeneis, задерживаетъ корабль; поэтому... „Est parvos (=us) admodum piscis adsuetus petris (обычно держащійся у скалъ), *echeneis* appellatus; hoc carinis (киль) adhaerente naves tardius ire creduntur, inde nomine inposito; *quat ob causam* amatoriiis quoque veneficiis infamis est (пользуется дурною славою) et iudiciorum ac litium mora, quae crimina (дурныя свойства) una laude pensat fluxus gravidarum utero sistens (останавливаетъ кровотеченіе родильницъ) partusque continens ad puerperium] (удерживаетъ въ утробѣ плодъ до самыхъ родовъ). Pl. IX, 41.

Жемчугъ = роса = изъ росы.

Has (conchas margaritiferas), ubi genitalis anni stimularit hora (когда побудитъ пора года благопріятная зарожденію), radiantis

se quadam oscitatione inpleri roscido conceptu (оплодотворяются, восприявши росу) tradunt, gravidas postea niti (чувствуют потуги), partumque concharum esse margaritas, pro qualitate rosis accepti: si purus influxerit, candorem conspici, si vero turbidus (мутная), et fetum sordescere; eundem pallere coelo minante conceptum (плодъ блѣднѣетъ (отъ страха), будучи зачатъ при грозномъ небѣ); ex eo quippe constare, coeli quietis majorem societatem esse quam maris (въ большей зависимости отъ неба, чѣмъ отъ моря), inde nubilum trahi colorem aut pro claritate matutina serenum; si tempestive satientur (если восприняли (сѣмя) вовремя и досыта), grandescere et partus; si fulguret, conprimi conchas ac pro jejuni modo (смотря по тому, насколько они остались впроголодь (неудовлетворены) минui; si vero etiam tonuerit, pavidas ac repente compressas quae vocant physemata efficere ¹⁾, speciem modo inani inflatam sine corpore (одна надутая оболочка безъ зерна); hos esse concharum abortus. Sani quidem partus multiplici constant cute, non inproprie callum ut existumari corporis possit (что небезосновательно можно считать ихъ твердымъ мясомъ = corpus); itaque expurgantur a peritis.

Противорѣчащія наблюденія:

Miro ipso tantum (странно только), eas coelo gaudere, (а между тѣмъ) sole rufescere candoremque perdere, ut corpus humanum, quare praecipuum custodiunt (особенно сохраняютъ бѣлизну) pelagiae (въ открытомъ морѣ), altius mersae, quam ut penetrent radii... Pl. IX, 34—54.

Отъ сходства еъ причинѣ:

Веснушки считались тѣлеснымъ недостаткомъ. Поэтому „invenio apud auctores, his qui lentigines habeant, negari magices sacrificiorum usus = non esse idoneos ad sacra peragenda, по мнѣнiю чародѣевъ) Pl. XXVIII, 50. Sunt quaedam magis perfugia (увертки, отговорки), veluti lentiginem habentibus non obsequi nu-

---

¹⁾ Ср. такимъ-же образомъ громъ и крикъ астреба пугаетъ насѣдку и портитъ высиживаемыя ею яйца: si incubitu tonuit, ova pereunt, et accipitris audita voce vitantur. (Pl. X, 75—54).

mena aut serpi (ихъ неслушаютъ, имъ непоказываются вызываемыя божества) XXX, 6.

Веснушки отъ *stellio* (родъ пестрой ащерицы). Quum immotuus est (заморенъ *stellio*) vino, faciem eorum, qui biberint, lentigine obducit. Ob hoc in unguento pesant eum (женщины, жены), insidiantes pellicum formae (умышляющія противъ красоты соперницъ). Remedium est *ovi luteum* (какъ отъ желтухи) ib. XXIX, 22.

„Раньше всѣхъ деревьевъ терлеть плодъ ива (верба), прежде чѣмъ онъ достигнетъ зрѣлости, почему у Гомера она названа терляющею плодъ („*μακράι τ' αἰγέροι καὶ ἰτιάι ὀλεβίχαροι*, Од. X, 510). Позднѣйшее время изложило это наблюдение въ своему позору, ибо сѣмя ивы извѣстно, какъ средство сдѣлать женщину безплодною“. Pl. XVI, 46.

„Орлиные камни, находимые въ орлиныхъ гнѣздахъ „хранять въ своемъ чревѣ мягкую глину, пѣсокъ или другой твердый камень. Навязанныя на беременныхъ женщинъ или четвероногихъ въ кускѣ кожи жертвеннаго животнаго, они удерживаютъ въ ихъ чревѣ плодъ и должны быть снимаемы только при наступлении родовъ; въ противномъ случаѣ страдающая родами вовсе не можетъ родить“. Pl. XXXVI, 39.

Tribus primis et quinto aquilarum generi inaedificatur nido lapis aetites... est autem lapis *ille praegnans* (беремененъ), intus alio, cum quatias, *velut* in utero sonante, sed vis illa medica non nisi nido direptis, ib. X, 4.

Отъ сходства:

Яйце ворона: „Ore eos (corvos) parere aut coire volgus arbitratur, ideoque gravidas, si ederint corvinum ovum, per os partum reddere atque in totum difficulter parere, si tecto inferuntur. Aristoteles negat, non hercule magis, quam in Aegypto ibim, sed illam exosculationem (schnâbeln) quae saepe cernitur, qualem in columbis esse. ib. X, 15.

— Отъ крови—красное. *Gromphaena* (=amarantus *gromphaena*. *kugelamaranth*) съ зелеными и розовыми листьями, попеременно сидящими на стеблѣ—*sanguinem reicientibus medetur*. Pl. XXVI, 23.

— *Polypodium* (=polypodium vulgare) „quam nostri feliculam vocant“—filiх. „Aridae (radicis) farina indita naribus polypum consumit“ ib. XXVI, 37.

— *Catanancen* (*κατανάνχη*, по однимъ *ornithopus compressus*, по другимъ *astragalus*; одолѣан, одолѣн, Kolberg, Pokucie, III, 146) Thessalam herbam, qualis sit, describi a nobis supervacuum est, cum sit usus ejus, ad amatoria tantum. Illud non ab re est dixisse ad detegendas magicas vanitates, electam ad hunc usum conjectura, quoniam arescens contraheret se ad speciem unguium milvi exanimati, ib. XXVII, 35.

— *Orchis* (*ὄρχις* testiculus) растеніе, разные виды всего мр. любжа, любка, „люби мене непокинь“, у Даля—любжа: „Inter pauca mirabilis est orchis herba sive serapias... gemina radice testiculis simili, ita ut major sive, ut aliqui dicunt, durior, ex aqua pota, excitet libidinem, minor sive mollior e lacte caprino—inhibit... Concitatricem vim habet satyrion; duo eius genera: una... radice gemina ad formam hominis testium... altera *satyrios orchis* (сатирово мудо) cognominatur et feminam esse creditam.... Haec (последняя) tumores et vitia partium earum... sedat..., superioris radix in lacte ovis... data nervos intendit, eadem ex aqua remittit, Pl. XXVI, 62.

„Graeci satyrion... tradunt... radice gemina, cujus inferior pars et maior maris (=es) gignat, superior ac minor feminas. Et aliud genus satyri (=ii) erytraicon appellant... venerem etiamsi omnino manu teneatur radix stimulare, magis adeo si bibatur in vino austero; arietibus quoque et hircis... in potu dari, et a Sarmata equis ob adsiduum laborem pigrioribus in coitu.... In totum quidem Graeci, cum concitationem hanc volunt significare, satyrion appellant, sic et *crataegin* cognominantes, et *thelygonon* et *arrenogonon*, quarum semen testium simile est. Pl. XXVI, 63.

Cynosorchim (hundstode) aliqui orchim vocant... radice bulbosa, ablonga, duplici ordine, superiore quae durior est, inferiore quae mollior... Ex his radicibus si majorem edant viri, maris generari dicunt, si minorem faeminae, alterum sexum. In Thessalia

molliorem... viri bibunt ad stimulandos coitus, duriores vero ad inhibendos; adversantur altera alteri (дѣйствию противоположно). Pl. XXVII, 42.

Быть можетъ, по противоположности между сатирами, отъ имени коихъ *orchis*—*satyrion*, и нимфами—*pumphaea*—какъ средство противъ безсилія: *Venerem in totum adimit... pumphaea heraclia etc.* Pl. XXVI, 61.

Lithospermum отъ камня. *Inter omnis herbas lithospermo* (=lith. offic. горобейникъ) *nihil est mirabilius, aliqui exonychon* (возь копыто) *vocant.* *Herba... gerit iuxta folia singulas veluti barbulas et in earum cacuminibus lapillos candore et rotunditate margaritarum, magnitudine ciceris, duritia vero lapidea: ipsi qua pediculis adhaereant cavernulas habent et intus semen... His lapillis drachmae pondere potis in vino albo calculos frangi pellique constat et stranguriam discuti; neque in alia herbarum fides est visu statim* (съ такою достовѣрностью при первомъ взглядѣ), *ad quam medicinam nata sit.* Pl. XXVII, 74.

Пятоперстникъ (пятолистникъ, *quinquefolium, potentilla*, греч.—*pentapetes* = пятакрыль, *pentaphyllon*, Pl. XXV, 62): *Digitum vitiis omnibus et privatim pterygiis* (ноготь, волосъ) *quinquefolium medetur.* Pl. XXVI, 14.

Козли держатъ на конюшняхъ отъ домового (Аѳ. П. В. I, 714—5) Ср.:

Natrix (жнутъ, плеть) *vocatur herba cuius radix evolsa virus hirci redolet.* *Haec in Piceno feminis abigunt quos mira persuasione* (въ силу страннаго убѣжденія) *fatuos vocant, ego-species lymphantium hoc modo animorum esse crediderim* (я же считалъ бы мечтою = соннымъ видѣніемъ душъ, объятыхъ такимъ безумнымъ страхомъ), *quae tali medicamento juventur.* Pl. XXVII, 83, (растение *natrix* неопредѣлено въ точности *ononis patris? ononis hircina?*).

Лькарства отъ сродства. „*Morbo regio* (желтухѣ) *resistunt sordes aurium... Gallina si sit luteis pedibus, prius aqua purificatis, dein collutis vino, quod bibatur... Avis icterus vocatur a co-*

lore (icterus желтуха), quae, si *spectetur*, sanari id malum tradunt, et avem mori. Напс puto latine vocari galgulum (=galbulum). Pl. XXX, 28 (мр. средства — отваръ моркови, купанье въ отварѣ *желтыхъ* муравьевъ и обвязыванье краснымъ поясомъ, на который выходитъ желтяница, *крокисъ* (шафранъ), корали, личный желтокъ, Чуб. I, 113. Смотрять въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ живой окунь.

Отъ желтухи *ερυθρόδανον*, крапъ, *radix tinctorum* (красильное) внутрь. „По нѣкоторымъ оно исцѣляетъ желтуху даже если его привязать такъ, чтобъ было на виду. Pl. XXIV, 56.

... Et alibi genus *chrysolachani* (atriplex hortensis, червона, жовта лобода) traditur flore aureo... Наес herba adalligata morbum regium habentibus ita ut spectari ab his possit, sanare id malum traditur, Pl. XXVII, 43.

Отъ сходства къ причинности.

Когда установилось отношеніе сходства между образомъ внѣшней природы и душевнымъ явленіемъ, то дальнѣйшій шагъ можетъ состоять не только въ томъ, что образъ ставеть причиною, производящею душевное явленіе (sega liquecit... sic Daphnis postgo amoge), но и наоборотъ:

Сила чувства изображается тѣмъ, что оно во внѣшней природѣ производитъ свой символъ: (См. метонимію τὸ χλορόν δέος).

Ой як же я закувала, весь сад поламала.

(О св. нѣкр. предсг. 11).

Про все мені байдуже, а кобзи як би неділю небуло, такъ я й гори топлю. З. о. Ю. Р. I, 13. Мое Сл. о П. Иг., 75.

Як ми з тобою впознавалися,

Сухі дуби развивалися,

А як кохаться перестали,

Й однолітки повсихали, М. 69.

Сердце горячее = огонь. Слѣдовательно при извѣстныхъ условіяхъ огонь можетъ распалать сердца, и сердце — производить *пожаръ*.

Отсюда величанья, „кад одмавну сватови с дјевојком:

Бубањ бије од града до града,
Воде Јању од Соколовића:
Прео које горе преведоше,
Она гора јабуком родила;
Прео које воде преведоше,
Она вода вином отјецала;
(Об. мр. п. II, 389, 392)

У које је село уведоше,
Оно село здраво и весело;
У коју је кућу уведоше:
Око куће сење и јасење,
А у кући здравље и веселје.

Ћ. Рајков. 108.

Кад јој видим црне очи,
Не пада ми сан на очи
Већ ми пада јад на срце;
Од јада ми гора вене,
И у гори горско цвиће,
Горско цвиће трандофиле.

Ћ. Рајков. 110 Н. Бегов. 76.

Од севдаха ништа горе нејма,
Од севдаха суши се и трава;
Како неће срце у дјевојке?

К. Ристић. 35.

Отъ сходства къ причинности, (починъ).

Слѣдствіе есть повтореніе причины. N таковъ, потому, что въ такомъ настроеніи родила его мать. (Ср. Метлинскій, 275).

„Хоћеш, хери, ти за Иву поћи?“

— Нећу, мајко, ја за Иву поћи:

Ја сам с Ивом на слогу ¹⁾ прежела ²⁾.

¹⁾ Слог = *Леха*.

²⁾ (Жаљ на п-заводи? на перегонку?).

Ja говорим, а он са мном неће,
Ja се смијем, он се смијат неће,
Ja се наџга с јабукама бацам,
А он на ме ни с каменом неће;
Камено му срце материно,
Која га је срдита родила,
Јер га није весела родила
К'о што ј'мене моја мила мајка.

ћ. Рајков. 19.

Можетъ быть сюда: „дѣло будетъ таково, потому что заду-
мано или начато при такихъ то предвѣстіяхъ. И идущій на смерть,
незная объ этомъ:

Коња седла, воњ се одседава,
Узду меће, узда с' одуздава.

ћ. Рајков. 168.

Какъ образецъ миѳическаго мышленія, заключеніе отъ образа
къ объясняемому: „тѣи всѣ части (казаня, т. е. эксордіумъ, нар-
рація, конклюдія) маются згажати з' еемою. бо, ѧкъ з малѳго
жрѳдла выхѳдитъ великая рѳка, кѳднакъ вода у рѳцѳ згажѧкѳтся
з' тѳюю водѳю, котѳрая кѳсть в' жрѳдлѳ, такѳ з малѳи еѳмы вели-
коѳ походитъ казанѳ, за чѳмъ чѧсти котрѳи ся в' казаню знаѳ-
дѳютъ, повѳнны ся з' еемою згажѧти, жебѳ, що ся в' еѳмѳ знаѳ-
дѳуетъ, тоѳ в' ексеродіумъ и в' narraціи, и в' конклюдіи ся знаѳ-
довѧло. Наука ѧлбо способъ зложеня казаня въ Ключѳ разумѳниѧ
Іоанникія Галятовскаго 1659. Буслаевъ, Историч. Христома-
тіѧ. 1126.

По подобію. Платонъ: мѳръ есть животное. Льюисъ 332.

Отъ частнаго сходства къ тождеству. Замѳна одного дру-
гимъ: крапива и т. п. вмѳсто огня. Пѳтухъ вм. огня. Аѳ. П. В.
I, 524. Яйцо и громовая стрѳла, ib. 538. Коровій калъ, какѳ
лѳварство, ib 672. Пругѧ вербы и громовыѧ стрѳлы, ib. 702.

Ѣдучи съ павычемъ Романомъ Тихоновичемъ въ полкъ, Ки-
рюшка замѳчаетъ, что отъ города имѳ на встрѳчу летѧтъ птицы,
и все смирныѧ, нехищныѧ, и онѳ толкуетъ, что не воевавши ни

съ вѣмъ, паньчъ скоро воротится. Герой Очаковскихъ временъ, Квитка III, 258.

Огурцы *вяжутся*. Чтобъ лучше вязались—чары съ поясомъ, лаптемъ (Номис, № 257—8), съ растеніями „вотиками“.

Веснушки. Кто має ластовиння на виду, то, побачивши весною у перше ластівку, примовля: „ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянки“, а потім умивається. Ном. 5.

Въ Куявахъ женщина, впервые весною увидѣвши ласточку, утираетъ лицо ладонями, какъ бы умываясь, чтобы незагорать отъ солнца. Kolb. Lud III, Куяву, 91.

„Кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на... вѣткахъ...—то „возуля наковала“. Максимовичъ, „Дни и мѣсяцы украинск. селянина“. (Собр. соч. II, 482).

Въ Пензенской губ. мнѣ эти кольца называли „кукушьяны слезки“.

— Встрѣтить съ *полнымъ* предвѣщаетъ удачу. Квитка, Гер. Оч. Вр., 262, 255, 275.

„Виставляючи по весні бджоли, переносятъ їх черезъ гостру *косу*, щобъ були злі и не далися чужій бджолі: вони негілько не дадуться, а ще й чужу забьють“. Мандж. (= посічуть).

Выбирая мѣсто подъ хату, смотрятъ, чтобъ подъ нее не пришла прежняя дорога; въ противномъ случаѣ въ новой хатѣ жильцы скоро вымрутъ. II. Ивановъ. Купянск. у. X. г.

— Начинать строить хату въ день Преподобнаго, а не мученика, а не то—недостроишь, ів.

Понедѣльникъ тяжелый день для всего, кромѣ посадки огурцовъ, дынь, арбузовъ, которые слѣдуетъ садить въ понедѣльникъ, чтобы первые цвѣты были съ завязью, ів. („Понеділокъ божій влюшник, Об. мр. п. I, 108).

Когда въ хатѣ сидитъ птица на яйцахъ, нельзя печь яицъ ни жечь яичной скорлупы въ печи, иначе запекутся зародыши въ яйцахъ подъ насѣдками. Тогда же нечистить сажи въ трубѣ, а не то яйца подъ насѣдками внутри почернѣютъ. II. Ив. Куплянск. у.

При лѣченіи отъ „уроки“ наговоренную воду выливають подъ пята двери, „щоб лихо так крутилось, як крутяться двери. *ib.*

— Землю съ могилы сыплють подъ порогъ хаты, чтобъ у ворчливой свекрови или мачехи языкъ онѣмѣль, и она перестала браниться. *ib.*

„Негодиться“ держать въ хатѣ вѣникъ изъ дерезы, а то въ семьѣ будутъ частыя ссоры. *ib.*

Дѣвка бросаетъ за выходящимъ изъ хаты парубкомъ щепоть соли, чтобъ онъ ходилъ въ ней, какъ овца въ соли. Kolb. Pок. III, 141.

Умоаключеніе въ области метониміи, когда причиною становится метонимическій образъ = *cum v. post hoc, ergo propter hoc*. Эта послѣдняя формула—шире рассматриваемаго случая, потому что *a* можетъ быть одновременно съ *b* или слѣдовать за нимъ, небудучи его образомъ.

Свойство животного черезъ пищу переходитъ въ его *каж*:

„*Carpas negant lippire* (у нихъ негноятся глаза), *quoniam eae quasdam herbas edant; item dorcadas* (быстроглазья газели: *dorχās, παρά τό βλέπω (δέρχομαι), ὄξυδερκίς γάρ τό ῥῶον καί εὐόματον*): *et ob id finium earum cetera circumdatum nova luna* (чтобъ зрѣніе росло вмѣстѣ съ нею) *devorari jubent. Et quoniam noctu aequo quoque cernant, sanguine hircino sanari lusciosos putant, nystalopas a Sraecis dictos* (невидающими ночью)“. Pl. XXVIII, 47).

Cum hoc (какъ соприкосновение, пространственное сближение) *ergo propter*:

Наузы. (Для укрѣпленія шатающихся зубовъ и отъ зубной боли—зубной порошокъ изъ жженого или сырого оленьяго рога):

„*Magnum remedium est in luporum capiis cinere, certumque est, in excrementis eorum plerumque inveniri ossa. Haec adalligata eundem effectum habent*“. (Pl. XXVIII, 49).

„*Febres arcet cervorum caro... easque quidem, quae certo dierum numero redeunt, oculus lupi dexter salsus adalligatusque*“ (*ib.* 66).

Отъ зубной боли навязывать зубъ собаки, крота, змѣи (*ib.* XXX, 7—8).

Летучая мышь — ночное животное, отсюда: „*Somnum arceat vespertilionis caput aridum adalligatum*“ (ib. 48). Навязанная кукушка наводит сонъ (векукуеть ночью). Куры спятъ ночью. Отсюда—отъ неспячки носить дѣтей въ курамъ. См. заговоръ отъ бессонницы взрослому—черную курицу зарѣзать, ощипать, мясо бросить, чтобъ никто не съѣлъ, а перьями подвурить. (Кв. Гер. оч. врем. III², 262).

Въ числѣ прочихъ назовъ отъ лихорадки: „*Et in tertianis fiat potestas experiendi, (quoniam miseria copia spei delectat), ane aranei, quem lycos vocant, tela cum ipso, in splenio resinae cerae que, imposita utrisque temporibus et fronti prosit, aut ipse calamo adalligatus, qualiter et aliis febribus prodesse traditur*“ . (Pl. XXX, 30).

„*Tanta vis mali est (яда бѣшенной собаки), ut urina quoque calcata rabiosi canis noceat, maxime ulcus (чирей) habentibus... Minus hoc miretur, qui cogitet, lapidem, a cane morsum,... in proverbium discordiae venisse*“ (ib. XXIX, 32). (Объясняютъ): „*fortassis ita dictabant in hominem convitiatorem et rixosum: „hic lapidem calcavit a cane morsum*“).

Медвѣдь. „*Primis diebus (спячки) bis septenis tam gravi somno premuntur, ut ne vulneribus quidem excitari queant. Tunc mirum in modum veterno pinguescunt... Ab iis diebus resident ac priorum pedum suctu vivunt... Mirum dictu, credit Theophrastus, per id tempus coctas quoque ursorum carnes, si adversentur, increocere*“ (ib. VIII, 54). Теофрастъ говорить о медвѣжьемъ жирѣ.

Тюлени. (*Vitulus marinus, phoca monachus*). „*Ipsis in sono (слышится) mugitus, unde nomen vituli... Nullum animal graviore sono premitur... Pellis eorum etiam detractas corpori sensum aequorum retinere tradunt (=чуютъ море) semperque aestu maris recedente (при отливѣ) inhorrescere (наеживаются); praeterea dextrae pinnae (ласть) vim soporiferam inesse somnosque adlicere subditam capiti*“ . (Pl. IX, 15).

Орлы пожираютъ другихъ птицъ. Отсюда: „*Aquilarum pinnae, mixtas reliquarum alitum pinnas devorant*“ (ib. X, 4).

Post hoc. Кукушка въ ястреба и обратно: „Соссух (кукушка) повидимому—изъ ястреба (ex accipitre) измѣняетъ видъ (лишь) на (нѣкоторое) время года, такъ какъ въ это время ястреба показываются лишь въ теченіе немногихъ дней. Сама кукушка показывается лишь на короткое лѣтнее время, а затѣмъ ея невидно. Изъ всѣхъ ястребовъ у нея одной ноги не вьривые, ни головою и ничѣмъ она непохожа на ястребовъ, кромѣ цвѣта; по клюву—скорѣе на голубя. Ястребъ ее и истребляетъ, если случится имъ показаться въ одно и то же время. Т. о. кукушка единственная птица, убиваемая другими того же рода (a suo genere interempta). Она измѣняетъ и голосъ. Появляется весною, скрывается при восходѣ каникулы“ (Pl. X, 11).

Козодой: „Caprimulgi appellantur grandioris maculae adspectu, fures nocturni, interdum enim visu carent. Intran pastorum stabula caprarumque uberibus advolant suctum propter lactis, qua injuria uber emoritur caprisque caecitas, quas ita mulsero, oboritur“ (ib. 56).—(Ср. *Ласточка*—Аѳ. II. В. I, 669).

Звѣзды—роса: „Sidus, appellatum Veneris... aemulum solis ac lunae. Praeveniens quippe et ante matutinum exoriens, Luciferi nomen accipit, ut sol alter, *diem maturans* (ускоряя появленіе дня своимъ свѣтомъ); contra ab occasu refulgens nuncupatur vesper, ut prorogans lucem, vicemque lunae reddens... Hujus *natura* cuncta generantur in terris. Namque in alterutro exortu (утромъ и вечеромъ), *genitali* rore conspergens, non terrae modo conceptus implet, verum animantium quoque omnium (conceptus) stimulat“ (ib. II, 6).

Звѣзды — роса, медъ. (Эти сочетанія въ слав. и др. инд.— см. въ моихъ „Объясн. мр. п. I, 96, 114).

„Venit hoc (=т. е. mel) ex aere et maxime siderum exortu, praecipueque ipso sirio explendescente fit, nec omnino prius vergiliarum exortu (Шлеядъ, 48 дней послѣ весенняго равноденствія), sublucanis temporibus (передъ свѣтомъ). Itaque, tum, prima Aurora (какъ только загорѣтъ), folia arborum melle roscida inveniuntur ac, si qui matutino sub divo fuere (кому случилось бывать утромъ подъ открытымъ небомъ), unctas liquore vestis (=es) ca-

illumque concretum (слипаются) sentiunt. Sive ille est coeli sudor, sive quaedam *siderum saliva*, sive purgantis se aeris succus (=cc.), utinamque esset et purus ac liquidus et suae naturae, qualis defluit primo; nunc vero (хотя) e tanta cadens altitudine multumque dum venit sordescens et obvio terrae halitu infectus, praeterea e fronde ac pabulis potus et in utriculo congestus apium (ore enim eum vomunt), ad hoc succo florum corruptus et alvis maceratus (ослабленный влиянием ульева) totiensque mutatus magnam tamen caelestis naturae voluptatem adfert (приносить большое наслаждение согласно своей небесной природе)“. Pl. XI, 12.

„Ibi optimum (mel м. р.) semper, ubi optimum doliolis florum conditur (гдѣ скрыть въ чашечкахъ)... sorbetur (пчеламъ) optimum et minime fronde infectum e quercus, tiliae, harundinum foliis“ (ib. 13).

„Immensa circa hoc (въ этомъ) subtilitas naturae mortalibus patefacta est, ni fraus hominum cuncta pernicie congrueret (если бы обманъ испортилъ и негубилъ всего). Namque ab (при) exortu sideris cujuscumque, sed nobilium maxime, aut caelestis arcus, si non sequantur imbres, sed ros tepescat solis radiis, medicamenta, non mella, gignuntur, oculis, ulceribus internisque visceribus dona caelestia. Quod si servetur (если собирается медъ) hoc sirio exoriente casuque congruat in eundem diem, ut saepe, Veneris aut Iovis Mercurique exortus (если случится совпаденіе), non alia spavitas visque mortalium malis a morte vocandis, quam divini *nectaris*, fiat (то сладость и сила удалять болѣзни смертныхъ отъ смертнаго исхода не меньше, чѣмъ...)“ ib. 14.

Трава отъ укушенія змѣй появляется и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними:

„In eadem provincia (Hispaniae) cognovi in agro hospitis (своего хозяина) nuper ibi repertum *dracunculum* appellatum caulem pollicari crassitudine, versicoloribus viperarum maculis (=отъ сходства), quem ferebant contra omnium (viperarum) morsus esse remedio, alium quam quos in priore volumine (—XXIV, 23—) ejusdem nominis diximus; sed huic alia figura, aliud miraculum exse-

renti se terra ad primas serpentium vernationes bipedali fere altitudine rursusque cum iisdem in terram condenti; nec omnino, occultato eo, adparet serpens, vel hac hoc per se satis officioso naturae munere, si tantum praemoneret tempusque formidinis demonstraret“ (= было бы уже то одно достаточно благодѣтельнымъ даромъ природы, если бы это растение предостерегало и указывало время, когда слѣдуетъ бояться). Pl. XXV, 6.

Cum hoc=propter hoc: „Hominum dentibus quoddam inest virus, namque et speculi nitorem ex adverso nudati habent (если оскалить ихъ противъ зеркала, то оно тускнѣетъ) et columbarum fetus inplumis (=es) nascunt“ ib. XI, 64.

— *Огонь самъ себя рождаетъ, скрытый въ камнѣ, деревѣ:*

„Quum sit huius unius elementi ratio faecunda (одна эта стихія способна разрождаться, распространяться) seque ipsa pariat et minimis crescat a scintillis, quid fore putandum est in tot rogis terrae (что наконецъ будетъ изъ столькихъ костровъ въ землѣ?), quae est (какъ могущественна) illa natura, quae voracitatem in toto mundo avidissimam sine damno sui pascit. Addantur iis sidera innumera ingensque sol. Addantur humani ignes, et lapidum quoque insiti naturae, attrita inter se ligna, jam (на конецъ) nubium (ignes) et origines fulminum“ (огонь скрытъ въ облакахъ, порождаетъ молніи) ib. II, 111.

Пчелы и другія насѣкомыя—изъ дохлыхъ животных:

„Sunt qui... (apes) in totum... amissas reparari (putent) ventribus bubulis recentibus cum fimo obrutis, Vergilius (—Georg. IV, 284 сл.—) juvencorum corpore exanimato, sicut equorum vespas atque crabrones, sicut asinorum — scarabaeos, mutante natura ex aliis quaedam in alia (=превращенія). Sed horum omnium (vesparum, crabronum, scarabaeorum) coitus cernuntur (можно видѣть совокупленія, тогда какъ совокупленія пчелъ (по XI, 16) никто никогда не наблюдалъ), et tamen in fetu (относительно зарожденія) eadem prope natura, quae aribus“ ib. XI, 23.

Cum, post hoc=propter hoc—въ грамматикѣ:

Въ лат. abl. abs.—отъ отношенія времени къ условію, основной причинѣ: „Venae latiores candidioresque pulpae fissilibus (arboribus) insunt. Ideo fit, ut, aure ad caput trabis quamlibet prae-longae admota (=если...) ictus ab altero capite... sentiantur, penetrante rectis meatibus sono (=такъ какъ...) ib. XVI, 73.

— Отъ бессонницы заговоры—въ зорямъ, а таеъ какъ пѣтухъ зоветъ свѣтъ, то и къ курамъ.

Жаворонокъ приносить *весну*: „Малій соловейко сади розвивае“; јав uždégs kéle kodeli. (Мр. п. по сп. XVI в., 35).

„Німці, як прилетить *черногузъ*, кажутъ: „уже черногузъ полудень привіе“, та ѣ починають полудновати; а як піде у вирій, то ѣ полудень видають“. (Манж. Новомоск. у.).

— *Почин*—Объясн. мр. п. II, 64—4.

— *Счастливыя* (и несчастныя) *вещи*. Когда при насъ была такая-то вещь, намъ была удача. Слѣдовательно—нужно держать ее на счастье:

„Пак се Лазар поче облачити...

И припаса све сретно оружје,

Са којимъ је на бој ударао

И здраво се на траг повраћао. (Кар. Пјес. IV, 299)

Т. о. изъ ряда обстоятельствъ случая А выдѣляется одно, на пр. мѣсто и т. п. и ставится единственною причиною этого и другихъ подобныхъ случаевъ:

„(Стоянъ) хитро преспо у Личку крајину

Од Котара до воде студенца,

Што се вода Несретница зваше:

Когоћ пио злосретан је био...

Код воде је витез погинуо...

Но Стојан се твердо усријао:

Пивом жећу утулит неможе,

До нашіј се воде Несретнице,

Ко ј' гоћ пио несрецац је био.

Пак с' одмаче под јелу зелену,

Под јелу га санак преварио

ће је срећа, ту је и несрећа
Те се Турска чета подоскула
И пред четомъ сила Мустајбеже,
Доће чета па воду студену,
Код воде је трудна погинула
Љеба вју, ладне воде пију
Па кад су се одмарили Турци,
Рече дружби силан Мустајбеже;
„Чујете л' ме љубезна дружина!
Та се вода зове несретница,
Ко гођ пио, несретан је био;
Ја се бојам Јананвић Стојана.

Турки овладѣвајућъ Стояномъ... Хаики, сестра Мустајбега, ослобождаеть его и бѣжитъ съ нимъ. На возвратномъ пути непьютъ этой воды. Турки ихъ догоняють, Стоявъ избиваеть.

Умозаключеніе—*pars pro toto*: напр., цѣлое—борьба грековъ съ варварами. Причина ея, по Геродоту (1), похищеніе тавихъ-то женщинъ съ одной и съ другой стороны.

— „*Nas (cunctas margarititas)... impleri roscido conceptu tradunt*“ . (Pl. IX, 34).

— Рад би вітер повівати—рад би милий прибувати:

„Пуни ми, пуни, ладане

Доћи ми, доћи, драгане“... (Давидовић, С. н. п. 96).

Ладан (при хладѣтъ), каѣъ:

„Разболе се болане Јоване“ . (Б. М. С. н. п... у Срему 14).

Мутити—љутити:

„Не чудим се.....

Ани води, што се често мути,

Већ мом драгом, што се на ме љути“.

Давидовић, С. н. п. 79).

— Понятіе *genus, родъ* (общее)—антропоморфично. *Родъ*—*смѣдъ*:

„Проћ се, сине, турскијех ерлија

И проћи се каурскихъ ѣидија

(Два су врага, а једнога трага)

Већ се жени, води ми одм'јену“.

(Беговић, С. н. п. I, 104).

— *Горы толкуція.* Плиній читалъ „Etruscae disciplinae volumina“ и нашелъ тамъ между прочимъ описаніе чуда бывшаго за 94 г. до Р. Х.: двѣ горы бились, между ними—дымъ и пламя. (Р. Н. Н. II, 85).

Заключеніе отъ созвучія:

„Ты святѣй Кузьма—Дземьянъ

Да скуй жа намъ свадзѣбку!

Да святѣй же Лука

Солучи намъ гѣту пару“ (Шейнъ, Мат. II, 49).

„Быць яму (жениху) ў Божжимъ дому,

Дзѣ самъ Богъ суды судзяць,

Прячиста Матушка пярсаживаиць,

Сынъ Божій винець дзѣржиць,

Сьвиталя *Сулук* сылучаиць“ (Вит. губ. ів. 58).

„Ты святой Лука—Боже!

Солучи нашу свадзѣбку,

Двухъ молодыхъ въ одно мѣсто“ (См. г., Бѣльск. у. ів. 393).

Возведеніе универсаловъ на небо повело къ отождествленію общаго съ желательнымъ и породило ошибочную терминологию, по которой желательное есть *общее*: напр. „Вмѣсто объективно-достоверныхъ общечеловѣческихъ началъ правды славянофилы въ основаніи своихъ доктринъ поставили предполагаемый идеаль русскаго народа“ и пр. (В. Соловьевъ „Оч. изъ ист. русск. созн.“ В. Е. 1889, 11, 383).

Истина, добро, красота входятъ узкими вратами. Стоило ли бы ихъ проповѣдывать и возможно ли было бы изъ-за нихъ страдать, если бы они были въ какомъ-либо отношеніи общечеловѣческими?

Вражда и любовь въ животной сферы (метафора):

„*Rax secum in his aut bellum naturae dicitur, odia amicitiaeque rerum surdarum ac sensu carentium (=противорѣч.?)... quod Graeci sympathiam et antipathiam appellavere, quibus cuncta constant, (чѣмъ все держится) ignis aquis restinguentibus, aquas sole devorante, luna pariente (aquas), altero alterius injuria deficiente sidere (каждое изъ этихъ двухъ свѣтилъ затмѣвается, обижаемое другимъ); atque, ut a sublimioribus recedamus, ferrum ad se trahente magnete lapide et alio (lapide) rursus abigente a sese, adamantina (винит.) opum gaudium, infragilem omni cetera vi et invictum, sanguine hircino rumpente, quaeque alia in suis locis dicemus paria vel majora miratu“.*

Т. о. метаф. *вражда и любовь* создаетъ обнимающую весь міръ связь причинъ и слѣдствій. Сюда сказки Аванасьева II, № 1 и стр. 130—1, Рудченко I, № 27 („Шулак—до курей, а кури до червей, а черви до добні, а добня до волів, а воли до води, а вода до огню, а огонь до Татаръ, а Татары до людей, а люде до вовба, а вовба до кози, а коза до билини, а билина (що нехотіла поволихати горобця) тоді: „волих, волих, батьбу ёго сто лих!“); пословица: „воза дере лозу, хлопъ козу, хлопа жид, жида панъ, пана юриста, а юристу чортів триста“.

Quercus et olea tam pertinaci odio dissident, ut altera in alterius scorbe depactae (посаженные) moriantur, quercus vero et juxta nucem juglandem.

Pernicialia et brassicae cum vite odia; ipsum olus (=brassica), quo vitis fugatur, adversum, (противопоставленная), *cyclamino et origano* arescit... *Surdis* etiam rerum (изъ неживыхъ вещей) sua cuique sunt venena ac minimis quoque. *Philyra* (лыкомъ липовымъ) *coci* (=повара) et *polline* (мелкою мукою) *nimum salem* cibus eximant; *praedulcium fastidium sal temperat*.

Nitrosae aut amarae aquae polenta (ячмен. крупа) *addita* mitigatur et *intra duas horas bibi* possint, qua de causa in *saccos vinarios* (weinseihsäcke) *additur polenta*; *similis vis Rhodiae cretae et argillae nostrati*. *Concordia valent* (дѣйствуетъ согласіе), *cum*

pix oleo extrahitur, quando (такъ какъ) *utrumque pinguis naturae est*; *oleum solum calci miscetur*, quando *utrumque aquas odit*. *Cum mis* (камедь) *aceto facilius eluitur*, *atramentum aqua*; *innumera praeterea alia...* *Hinc nata medicina*; *haec sola naturae placuerat esse remedia parata volgo*, *inventu facilia ac sine impendio* (недорогія) (Pl. XXIV, 1).

„*Harundinis genera XXIX demonstravimus, non aliter evidentiore illa naturae vi (sympathia et antipathia.), quam continuis his voluminibus tractamus, siquidem harundinis radix contrita inposita felicis (папоротн) stirpem corpore extrahit, item harundinem felicis radix*“ (ib. XXIV, 50).

— *Ненависть извѣстныхъ растений къ селезенкѣ, къ мясу (= похданье)*:

„*Myricen, quam ericam vocant, ... eandem arbitrantur quidam tamaricen* (— *tamarix gallica* — которую смѣшиваютъ по сходству съ *erica, heidekraut, верескъ*)... *ad lienem praecipua est, si succus ejus expressus in vino hibatur; adeoque mirabilem ejus antipathian contra solum hoc viscerum faciunt, ut adfirment, si ex ea alveis* (корыто; но изъ тамариска можно ли?) *factis bibant sues, sine liene inveniri. Et ideo homini quoque splenico cibum potumque dant in vasis ex ea factis*“ (ib. XXIV, 41).

„*Invenit... Teucer... Teucrion* (gemeine milzfarn) *medetur lienibus constatque sic inventam: cum exta super eam projecta essent, adhaesisse lieni eumque exinanisse; ob id a quibusdam splenion vocatur*“ (ib. XXV, 20).

“ *Helleborum album... tradunt absumi carnis (=es) si coquatur una*“ (ib. XXV, 23).

„*Necant invicem inter sese (plantae) umbra vel densitate atque alimenti rapina; necat et hedera vinciens; nec viscum prodest, et cytisus (geissklee) necatur eo, quod halimon (atriplex halimus, straudmelde) vocant Graeci.*

Quorundam natura non necat quidem, sed laedit odore aut suc (c)i mixtura, ut *raphanus (rettig) et laurus vitem; olfactatrix enim intelligitur* (ибо извѣстно, что лоза виноградная чувствительна къ

запахамъ) et tingui odore mirum in modum; ideo, cum juxta sit, averti (отворачивается) et recedere soremque inimicum fugere. Hinc sumpsit Androcydes medicinam contra ebrietates raphanum, mandatur praecipiens (предписывая жевать). Odit et caulem (kohl, капуста) et olus omne, odit et corylum (орѣшникъ), ni procul absint (и если они не вдали, то...) tristis atque aegra. Nitrum quidem et alumen, marina aqua calida et fabae putamina vel ervi ultima venena sunt (для лозы) (ib. XVII, 37).

„(Graeci) putant (brassicam)... vino adversari, ut inimicam vitibus, antecedente in cibis caveri ebrietatem, postea sumpta crapulam discuti“ (ib. XX, 34).

Коровій навозъ и пчелы: „Circumlini alvos fimo bubulo utilissimum... alvos hieme stramento operiri, crebro suffigi (окуривать), maxime fimo bubulo. Cognatum hoc iis (такъ какъ по повѣрью, пчелы изъ внутренностей быковъ (ib. XI, 23) или изъ дохлыхъ быковъ), innascentis (=es) bestiolas necat, araneos, papiliones, teredines, apis (=es) que ipsas excitat“ (ib. XXI, 47).

Бракъ лозы и тополя: „In Campano agro populis nubunt (vites) maritasque (populos) complexae atque per ramos earum procacibus brachiis geniculato cursu scandentes cacumina aequant, in tantum sublimes, ut vindemitor auctoratus (нанимаясь) rogum ac tumulum excipiat (выговариваетъ себѣ погребальный востеръ и могилу)... Ulmos quidem ubique exsuperant, miratumque altitudinem earum Ariciae (въ Арициѣ) ferunt legatum regis Pyrgi Cinean facete lusisse in austeriorem gustum vini (съострилъ, намекая на терпкій вкусъ вина), merito *matrem ejus* (лоза) pendere in tam alta cruce“ (ib. XIV, 3).

Учить свирель играть... (Прежде, въ старину у Грековъ) „Caedi solebant (calami fistulis—для свирѣлей)... sub arcturo (въ сентябрѣ). Sic praeparatae, aliquot post annos utiles esse incipiebant. Tunc quoque multa domandae exercitatione et canere tibiae ipsae edocendae“ (ib. XVI, 66).

Гъзати свирель изъ бузины, де кури непиютъ:

„Ex qua (sambuco) magis canoram bucinam tubamque, credit pastor, ibi caesa, ubi gallorum cantum frutex ille non exaudiat“ (ib. XVI, 71).

Прищепка—прелюбодьяніе. (Вслѣдствіе того что подъ городомъ (Римомъ) даже отдѣльныя деревья продавцамъ приносятъ большой доходъ (на пр. 2000 сестерцій=266.....), „Ob hoc insita et arborum quoque adulteria excogitata sunt, ut nec roma pauperibus nascerentur“ (ib. XVII, 1).

„Neque enim animalium tantum est ad coitus aviditas, sed multo major est terrae et satorum (растений) omnium libido, qua tempestive uti (отъ того чтобы воспользоваться) plurimum interest conceptus (зависить); peculiare utique in insitis (въ особенности это о прищепкахъ), cum sit mutua cupiditas utrique coeundi. Qui ver probant (тѣ люди, которые), ab aequinoctio statim admittunt, praedicantes germina parturire (ссылаясь на то, что тогда беременѣютъ почки) ideo facilis corticum esse complexus (что поэтому легче берется одна за другую кора); qui praefereunt autumnum, ab arcturi ortu, quoniam statim radicem quandam capiant (пускаютъ корень), et ad ver parata veniant atque non protinus germinatio auferat viris (=es)“ (ib. XVII, 30).

Лѣкарствомъ служить *враждебное* тому, что произвело болѣзнь:

„Est contra morsum ejus (muris aranei, землеройки, земляе щеня?) remedio terra ex orbita. Ferunt enim non transiri ab eo orbitam torpore quodam naturae“ (XXIX, 27).

„(Mures aranei) ubicunque sint, orbitam si transiere, moriuntur“ (ib. VIII, 83).

„Scorpionibus contrarius... invicem stellio (sterngäcker, stern eidechse) traditur, ut visu quoque pavorem iis afferat et torporem frigidi sudoris. Itaque in oleo putrefaciunt eum et ita volnera perunguunt“ (ib. XXIX, 28).—На оборотъ: „Scorpio tritus stellionum veneno adversatur“ (ib. XXIX, 22).

„Et iis (cervis) est cum serpente pugna. Vestigant cavernas nariumque spiritu extrahunt retinentes. Ideo singulare (свойственно)

abigendis serpentibus odor adusto cervino cornu. Contra morsus vero praecipuum remedium ex coagulo hinnulei, in matris utero occisi... Febrium morbos non sentit hoc animal, quin et medetur huic timori. Quasdam modo principes feminas scimus omnibus diebus matutinis (по утрамъ) carnem eam degustare solitas, et longo aevo caruisse febribus, (ib. VIII, 50).

Теорія противоядій: „Antiquorum curam diligentiamque quis possit satis venerari! Constat omnium venenorum ocissimum esse *aconitum* (=по Роговичу мр., *борецъ*; по другому чтенію — *aconitium*, что принимаютъ за *doronicum pardalionches*, *doronicum scorpioides*, *Seneswurz*; о немъ Pl. XXV, 75: „*Thelyphonon herba* (=женоубійца) ab aliis *scorpion* vocatur propter similitudinem radicis, cujus tactu moriuntur scorpiones; itaque contra eorum ictus bibitur. *Thelyphonon* omnem quadripedem necat inposita verendis (=pudendis) radice.), et tactis quoque genitalibus feminini sexus animalium eodem die inferre mortem. Hoc fuit venenum, quo interemptas dormientis (=es) a Calpurnio Bestia (участникъ заговора Катилины) uxores M. Caecilius accusator objecit; hinc illa atrox peroratio ejus in digitum.

Ortum fabulae narravere e spumis Cerberi canis, extrahente ab inferis Hercule, ideoque apud Heracleam Ponticam, ubi monstratur is ad inferos aditus, gigni.

Hoc quoque tamen in usus humanae salutis vertere, scorpionum ictibus adversari experiendo datum in vino calido. Ea est natura, ut hominem occidat, nisi invenerit quod in homine perimat. Cum eo solo conluctatur (ср. *борецъ*), veluti pari intus invento (нашедши себѣ противень); sola haec pugna est (этимъ ограничивается борьба), cum venenum in visceribus invenit, mirumque, exitialia per se ambo cum sint, duo venena in homine commoruntur (умираютъ вмѣстѣ), ut homo supersit. Immo vero etiam ferarum remedia antiqui prodiderunt, demonstrando, quomodo venenata quoque ipsa (сами ядовитые) sanarentur.

Torpescunt scorpiones aconiti tactu stupentque pallentes et vinci se confitentur; auxiliatur his helleborum album, tactu resol-

vente (..... прикосновение ихъ (скорпионовъ) освобождаетъ) ceditque aconitum duobus malis, suo (helleboro) et omnium (=scorpionum)...

Tanguunt carnis (=es) aconito necantque gustatu earum pantheras... ob id quidam *pardalianches* appellavere; at illas statim liberari morte excrementorum hominis gustu demonstratum (ср. Pl. VIII, 41)... alii (appellavere aconitum) *thelyphonon*... kadix incurvatur scorpionum modo, quare et *scorpion* aliqui vocavere; nec defuere, qui *myoctonon* appellare mallent, quoniam procul et e longinquo odore muris necat" (ib. XXVII, 2).

Лѣкарства по противоположности:

Какъ *печень* отъ болѣзни печени, такъ вещь, обладающая извѣстнымъ свойствомъ, отъ болѣзни, состоящей въ недостаткѣ этого свойства. Для отличенія этого отъ приема современной медицины (жельзо—отъ недостатка жельза въ крови) нужно прибавить, что въ миѣическомъ мышленіи свойство лѣкарства есть символъ того свойства, которое считается недостающимъ въ болѣзни.

Зрѣніе=*свѣтъ*, яркій, особенно желтый цвѣтъ. Отсюда отъ помраченія зрѣнія—желчь.—Товій излѣчиваетъ слѣпоту отца полученною отъ ангела желчью какой-то рыбы.—„Отъ помраченія (contra caligines)—желчь козъ,... заячья“ (Pl. XXVIII, 47), при чемъ полагають, что важно, чтобы коза была рыжая (*rutuli coloris*), (ib.).

„Minorum animalium (fel) subtilius intelligitur et ideo ad oculorum medicamenta utilius existimetur“ (ib. XXVIII, 40).

„Fel testudinum claritatem oculorum facit“ (ib. XXXII, 14).

(Отъ болѣзни *печени* и пр. *печень* и пр.): „Sanguinis excretaiones haedinus sanguis recens... cum aceto et vino acri (reficit) (ib. XXVIII, 54).

„Iocineris dolores—lupi jecur aridum... asini jecur aridum“ (id. 55).

„In renim dolore leporis renis crudos devorari jubent, aut certe coctos, ita ne dente contingantur“ (ib. 56).

„Lienem sedat... efficacissime (tamen) inveteratus lien asini... Eadem ex causa emi lienem vituli, *quanti indicatus sit* (сколько запросят), jubent magi *nulla pretii cunctatione* (немедля, не торгуясь), quoniam hoc quoque religiose pertineat, divisumque per longitudinem adnecti tunicae utrimque, et indumentem (кто надѣваетъ) pati decidere ad pedes; dein collectum in umbra arefacere. Quum hoc fiat, simul residere (осядетъ, успокоится) lienem aegri vitiatum, liberarique eo morbo dicitur“ (ib. 57; также ib. 78).

„Pecudis lien recens magicis praecipis super dolentem lienem extenditur, *dicente eo qui medeatur, lieni se remedium facere*. Post hoc jubent eum in pariete dormitorii ejus (qui medeatur) tectorio includi (замазать въ стѣну) et obsignari anulo (запечатать) terque novies (3 × 9) carmen dici („remedio lienis facio“). Caninus (lien), si viventi eximatur et in cibo sumatur, liberat eo vitio. Quidam recentem superalligant. Alii duum dierum catuli ex aceto (въ укусь) scillitico (scilla — морской лукъ) *σχίλλα* и *σχύλαξ* — щенокъ) dant ignorant, vel herinacei (ежа) lienem“ (ib. XXX, 17).

„Vesicae (мочевой пузырь) calculorumque cruciatibus auxiliatur *urina aprī* (если у мужчины) et ipsa vesica pro cibo sumpta... Vesicam elixam... et a *muliere — feminae suis*“ (ib. XXVIII, 60) ¹⁾.

„Leporis renes inveterati in vino poti, calculos pellunt“ (ib.).

„Articulorum vitiis (боль въ суставахъ, ревматизмъ)... utilissimum .. leporis pedes adalligatos. Pogagras quidem mitigari pede leporis viventis absciso, si quis secum assidue habeat“ (ib. XXVIII, 62).

„Si vulvae leporum in cibis sumantur, mares concipi putant. Hoc et testiculis eorum et coagulo profici. Conceptum (зародышъ) leporis, utero exemptum his, quae parere desierint, restibilem fecunditatem afferre“ (ib. 77).

„Dens lupi adalligatus infantium pavores prohibet, *dentienti* que morbos (болѣзни при прорѣзываніи зубовъ)... Dentem, qui equis primum cadunt facilem dentitionem praestant infantibus adalligati efficacius si terram non attigere“ (ib. 78).

¹⁾ Т. о. водянкѣ — бычачій калъ — мужчинамъ, коровій — женщинамъ (ib. XXIII, 69).

„Dente talpae vivae exempto sanari dentium dolores adalligato affirmant“ (ib. XXX, 7).

„Dentium doloribus... medetur... caninus dens sinister maximus circumscarificato eo (dente) qui doleat“, (ib. 8).

Отъ колотья — колючее: „Въ числѣ колючихъ растений главное егунге или егунгion, растущее отъ вмѣй и отъ вслкихъ ядовъ. Корень его пьютъ отъ укуловъ и укушений“ (Pl. XXII, 8).

„Sorpio herba (scorpionis solcati) получила названіе отъ сѣмянъ, похожихъ на хвостъ скорпіона. Оно дѣйствительно отъ того животнаго, имя котораго носить“ (ib. 17).

Нѣм. *bermutter*, das von der kolik gebraucht wird („die bermutter hat mich gebissen“ — о боли въ животѣ) bezeichnet eigentlich die mutterkrankheit und sie wird nicht nur als kröte sondern auch als *maus* dargestellt, die aus dem leib gelaufen kommt und der ein deggen über den fluss gelegt ist (=какъ душа. Gr. Myth.² 1112 и 1036).

Недавно ко врачу въ Харьковской губ. принесли больного ребенка съ выѣденнымъ пупкомъ. Оказалось, что у него была *кризъ* (боль живота), и что по совѣту бабки къ пупку ему припустили голодную мышъ, но по недосмотру лѣкарство подѣйствовало слишкомъ сильно. (Сообщ. врачомъ Ф. В. Писнячевскимъ).

Отъ колотья — колотъ: желъзо „полезно отъ вредныхъ чаръ взрослымъ и дѣтямъ, если очертить ихъ крѣгомъ или трижды обнести вокругъ мечъ; отъ страха привидѣній ночью, если вбить въ дверной порогъ вырванные изъ надгробныхъ памятниковъ гвозди; легкіе уколы мечемъ хороши „отъ того, когда вдругъ заколетъ въ боку или въ груди“ (Pl. XXXIV, 44).

— Мр.....: „Отъ всѣхъ уроковъ и недобраго глаза.... возьмите простую иголку со сломаннымъ ушкомъ, воткните себѣ гдѣ-нибудь въ платьѣ, чтобы только чужой глазъ невидаль и... какъ бы васъ ни хвалили, какъ бы вамъ ни завидовали, васъ не станетъ морозить съ плечъ, не нападетъ на васъ зѣвота, слѣдовательно „уроки“ непрестануть къ вамъ“ (Кв. „Г. оч. вр.“²) III, 261).

„Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“—въ смыслѣ *клинъ клиномъ вышибаетъ*:

„Viperæ caput impositum, vel alterius (даже не той самой), quam quæ percusserit, sine fine prodest. Item si quis eam in vapore baculo sustineat, ajunt enim præcanere (что она уничтожаетъ т. о. чары. Ср.—жабу вѣшать въ дымарь—). Item si quis exustæ ejus cinerem illinat. Reverti autem ad percussum serpentem necessitate naturæ... Fiunt ex vipera pastilli, qui theriaci vocantur a Graecis“ (Pl. XXIX, 21).

„Praeterea constat, contra omnium serpentium ictus, quamvis insanabiles, ipsarum serpentium exta imposita auxiliari, eos que, qui aliquando viperæ jecur coctum hauserint, nunquam postea feriri a serpente“ (ib. 22).

Phalangium... In remedio est, si quis ejusdem generis alterum percusso (уязвленному) ostendat. Et ad hoc servantur mortui. Inveniuntur et cortices (bälge) eorum, qui triti et poti medentur“ (ib. 27).

Contra omnium (araneorum) morsus... ipsi aranei quicumque in oleo putrefacti... si jumenta momorderit, mus (araneus, землеройка, тарангуль) recens cum sale imponitur... Et ipse mus araneus contra se remedium est, divulsus et impositus... Optimum, si is imponatur, qui momorderit. Sed et alios ad hunc usum servant in oleo aut luto circumlitos“ (ib.).

„In canis rabiosi morsu tuetur a pavore aquae canini capitis cinis inlitis vulneri... Idem et in potione proficit. Quidam ob id (противъ водоболзнии) edendum dederunt. Aliqui et vurmem e cadavere canino adalligavere, menstrua ve canis in panno subdidere calici (изъ чего пьетъ больной), aut intus ipsius caudae pilos combustos insuere (вводили) vulneri... Est limus salivæ sub lingua rabiosi canis, qui datus in potu, fieri hydrophobos non patitur. Multo tamen utilissime jecur ejus, qui in rabie momorderit, datur, si possit fieri, crudum mandendum, sin minus (если этого нельзя), quoquo modo coctum, aut jus coctis carnibus. Est vermiculus in lingua canum, qui vocatur a Graecis lytta (=λύσσα rabies), quo exempto infanti-

bus catulis, nec rabidi fiunt, nec fastidium sentiunt. Idem ter igni circumlatus datur morsis a rabioso, ne rabidi fiant... Necantur catuli statim in aqua ad sexum ejus, qui momorderit, ut jecur crudum deboretur ex eis" (ib. 32).

„Lacerta, quam hi *sepa*, alii *chalcidicen* vocant, in vino pota, morsus suos sanat" (ib.).

„Inter venena piscium sunt porci marini spinae in dorso cruciatu magno laesorum; remedio est limus ex reliquo piscium eorum corpore" (ib. XXXII, 19).

„Murenae morsus ipsarum capitis cinere sanantur. Et pastinaca (raja pastinaca, stechrochen) contra suum ictum remedio est, cinere suo, ex aceto, illito, vel alterius" (ib. 20).

„Як собака порве, то набрати з неї шерсти, испалити її, та тим повелом рани затоптувати" (Манж.).

„Як гадюка укусе, то треба її розрізати, та тією з неї середною мазати укушене місто" (ib.).

Отъ заживляющаго раны растенія куски мяса съ торшкѣ сростаются:

„Centaurio (=centaurea, centaarium, tausendgüldenkrant=золототысячникъ) curatus dicitur Chiron, cum Herculis excepti hospitio pertractanti arma, sagitta excidisset ei in pedem, quare aliqui Chironion vocant... Vis in vulneribus tanta, ut cohaerescere etiam carnis (es) tradatur, si coquatur simul". (Pl. XXV, 30).

Живокость, нолъ., żywokost, żywignot, symphyton:

„Alum quod nos vocamus, Graeci symphyton petraeum... Vulneribus sanandis tanta praestantia est, ut carnis quoque dum cocuntur conglutinet addita, unde Graeci nomen imposuere (*συμφυτον*—сращиваю). Ossibus quoque fractis medetur". (ib. XXVII, 25).

„Empetros, quam nostri *calcifragam* vocant... recens urinas ciet, decoctum in aqua vel tritum calculos... frangit (камни въ мочевоу пузырѣ). Qui fidem promissio huic quaerunt (желающие увѣрить въ этомъ) affirmant, lapillos, qui subferveant una (которые варятся вмѣстѣ съ нимъ), gumpi" (ib. 51).

Mr. *Стлача* (подорожникъ, *plantago lanceolata*) Cr.:

„Holoston (=plantago holosteum v. plantago coronopus (sine duritia est, herba ex adverso (отъ противоположнаго свойства) appellata a Graecis, sicut fel dulce... Usus ejus ad volsa, rupta in vino potae; volnera quoque conglutinatur; nam et carnes coguntur, addita“ (ib. 65).

Зачатіе отъ искры:

Прирожденная вѣдьма (съ хвостикомъ), упирь:

„Если на *Свит-вечір* въ непокрытый горшокъ съ кушаньемъ впадаетъ *искра* изъ печи, а беременная съѣсть ее вмѣстѣ съ кушаньемъ, то ребенокъ будетъ смотря по полу вѣдьмою или „ониром“ (Kolb. Pok. III, 111).

Зачатіе отъ вѣтры:

Neque in alio animali par opus libidinis (какъ у перепелокъ или куропатокъ?); si contra maris (=es) steterint feminae, aura ab his flante praegnantes fiunt, hiantes autem exserta lingua per id tempus aestuant. Concipiunt et supervolantium adflatu, saepe voce tantum audita masculi“ (Pl. X, 61).

„Inrita ova, quae hypenemia (Windeier) diximus, aut mutua feminae inter se libidinis imaginatione concipiunt, aut pulvere, nec columbae tantum et gallinae, perdices, pavones, anseres, chenalopes, sunt autem sterilia et minora ac minus jucundi saporis et magis umida. Quidam et vento putant ea generari, qua de causa etiam zephyria appellantur. Urina (ova) autem vere tantum fiunt, incubatione derelicta, quae alii cynosura dixere“ (ib. 80).

Кобылы жеребятъ отъ вѣтры:

„Constat in Lusitania circa Olisiponem oppidum et Tagum anem, equas Favonio flante obversas (воздрями противъ вѣтра) animalem concipere spiritum, idque partum fieri, et gigni perniciosissimum ita, sed triennium vitae non excedere“ (Pl. VIII, 67).

— Къ этому: Virg. „Georgicon“ III, 273—5:

„Ore omnes versae in zephyrum stant rupibus altis,
Exceptantque leves auras, et saepe sine ullis
Conjugiis vento gravidae“.

Комментаторъ: „Quanto consoltius et Trago Iustinus l. XLIV, 3: In Lusitanis fluvium Tagam, vento equas concipere multi aucto-

res prodidere, quae fabulae ex equarum fecunditate et gregum multitudine natae sunt, qui tanti in Salloecia et Lusitania ac tam pernice visuntur, ut non immerito vento ipso concepti videntur“.

Вѣтеръ—жеребецъ („Об. мр. и ср. н. п.“ II, 590).—Конь какъ вѣтеръ (Иліада XIX, 415).—Борей въ жеребца (ib. XX, 223).

Фавоній, какъ самецъ, оплодотворяющій природу:

„Ordo autem naturae annuus ita se habet. Primus est conceptus (зачатіе), flare incipiente vento Favonio circiter fere sextum Idus Februarii (8 февраля). Hoc (vento) *maritantur* (=fecundantur) vivescunt e terra, quippe quum etiam equae in Hispania, ut diximus (VIII, 67). Hic est *genitalis spiritus* mundi a fovendo dictus (согрѣвать, высиживать яйца), ut quidam existimavere. Flat ab occasu aequinoctiali, ver inchoans. Catulionem (=catulire ad venenum incitari) rustici vocant, gestiente natura (sich sehnen) semina accipere, eoque (Favonio) animam inferente omnibus (plantis) satis. Concipiunt variis diebus, et pro sua quaeque natura. Alia protinus, ut animalia; tardius aliqua, et diutius gravida partus gerunt, quod germinatio (s. knospen) ideo vocatur. Pariunt vero quum florent flosque ille ruptis constat utriculis (mutterhüllen). Educatio in *pomo* est (плодъ); hoc et germinatio—laborum (=educ. et germin. -- plena laboris) (Pl. XVI, 39).

Ростъ древесины—беременность.

„Et reliquae quidem arbores, ut primum coepere, continuant germinationem; robur et abies et larix intermittunt, tripertita ac terna germina edunt. Ideo et ter squamas corticum spargunt, quod omnibus arboribus in germinatione evenit, quoniam praegnantium rumpitur cortex“ (ib. 41).

Религія слоновъ: „Maximum (animalium terrestrium) est elephas, proximumque humanis sensibus, quippe intellectus illis sermonis patrii (старшихъ), et imperiorum obedientia, officiorumque, quae dedicere memoria, amoris et gloriae voluptas, immo vero, (quae etiam in homine rara) probitas, prudentia, aequitas, religio quoque siderum, solisque ac lunae veneratio. Auctores sunt, in Mau-

retaniae saltibus od quemdam amnem, cui nomen est Amilo, nitescente luna nova, græges eorum descendere, ibique se purificantes sollemniter aqua circumspergi, atque ita salutato sidere in silvas reverti, vitulorum fatigatos prae se ferentes“ (Pl. VIII, 1).
Правы *пчелъ* (ib. XI, 4) (1261).

По какимъ побужденіямъ челоѣвъ убиваетъ вошь? У Ливійцевъ сосѣдникъ съ Египтомъ—*„Αδουμαχίδαи“*: „*Αί γυναίκες... τούς φθειράς έπεάν λάβωσι τούς έωυτής* (на себѣ) *έκάστη αντιδάχνει και ούτω ρίπτει* (elles les mordent par repressailles). *Ούτοι σέ μοῦνοι Λιβύων τοῦτο έργάζονται*“ (Her. IV, 168).

Отъ *печени*—*печень* и т. п.: „Зелье растущее на головѣ статуи, собранное въ полу платья и навязанное въ красной ткани, немедленно успокаиваетъ головную боль (растение б. м. мохъ—*byssus antiquitalis*) (Pl. XXIV, 106). „Подъ подушечкою—завернуты въ *красное* сукно разныя сонъ дающія травы...“ (Кв. „Гер. оч. вр.“ III², 291).

Ignis sacer—рожа; отсюда лѣченіе высѣканиемъ огня.

Lusus naturae: Упомянувъ о чудесныхъ породахъ людей (помѣсь со звѣрями, люди съ косматымъ хвостомъ, укрывающіеся ушами и пр.): „*Haec atque talia ex hominum genere ludibria sibi, nobis miracula* (себѣ на глумъ, намъ на диво) *ingeniosa fecit natura*“ (Pl. VII, 2). Разказавъ, что природа сводитъ на бой равно опасныхъ, какъ змѣй удавовъ (*dracones*) и слоновъ: „*Quam quis aliam tantae discordiae causam attulerit, nisi naturam spectaculum sibi ac parva componentem* (сводитъ равныхъ, какъ въ циркѣ. ib. VIII, 12; XI, 45).

Змья оживаетъ травю дѣтеныша:

„*Xanthus historiarum auctor in prima earum tradidit, occisum draconis catulum revocatum ad vitam a parente herba, quam ballim nominat, eademque Tylonem, quem draco occiderat restitutum saluti; et Iuba in Arabia herba revocatum ad vitam hominem tradit*“ (Pl. XXV, 5).

Язык лягушки заставляет спящую отвечать: „Democritus tradit, si quis extrahat ranae viventi linguam, nulla alia corporis parte adhaerente, ipsaque dimissa in aquam, imponat supra cordis palpitationem mulieri dormienti, quaecumque interrogaverit, vera responsuram“ (ib. XXXII, 18).

Разрывъ трава: „Dixit Democritus, credidit Theophrastus, esse herbam, cujus contactu inlatae ab alite, quam retulimus (—picus martius, зеленый X, гдѣ объ этомъ, что creditur volgo... и что Tretius auctor—) exsiliret cuneus a pastoribus arbori adactus...“ (Pl. XXV, 5).

Смерть съ отливомъ: „Aristoteles, nullum animal, nisi aestu recedente exspirare. Observatum id multum in Gallico oceano, et dumtaxat in homine repertum“ (Pl. II, 101) („Косари“, оторванные ноги паука, косятъ до захода солнца).

Змѣя и пониманіе птичьяго языка:

„Qui credat ista (— въ существованіе перасовъ, грифовъ, трагопановъ, сиренъ), et Melampodi profecto auris (=es) lambendo, dedisse intellectum avium sermones dracones non abnuat (тотъ не отвергаетъ и того, что змѣи...), quarum confuso sanguine (отъ смѣшенія крови) serpens gignatur (=какъ змѣя изъ пѣтушьяго яйца), quem quisquis ederit intellecturus sit alitum conloquia, quaeque de uua ave gallerita (=alanda cristata) privatim commemorat“ (Pl. X, 70).

„Democritus... monstra quaedam (чудесныя лѣкарства) ex his (anguibus) conficit, ut possint avium sermones intelligi“ (ib. XXIX, 22).

Укусившей челоовка змѣи земля непринимаетъ. Земля — мать, дающая только добро. Что же до... то... „Pestifera enim animalia, vitali spiritu habente culpam (виновникъ коихъ — жизненный духъ—Ср. Favonius etc.—), necesse est illi (terrae) seminata pestifera excipere, et genita sustinere; sed in malis generantium пока est (но вредъ имъ приносимый—отъ дурныхъ свойствъ порождающихъ...). Illa (сама же земля) serpentem, homine percusso, non amplius recipit“ . Pl. II, 63.

„Inter omnia venenata salamandrae scelus (bosheit) maximum est. Cetera enim singulos feriunt, nec plures pariter (за разъ) interimunt, ut omittam (неговоря уже...), quod *perire conscientia* dicuntur, homine percusso, neque amplius admitti ad terras. Salamandra populos (множество людей) pariter (за разъ) necare improvidas potest. Nam si arbori irrepsit, omnia roma (плоды) inficit veneno, et eos, qui ederint, necat frigida vi, nihil aconito distans. etc.“ (ib. XXIX, 23).

Въ жабу ксточки: холодъ и жаръ, равнодушие и любовь:

„Sunt (ranae), quae in vepribus tantum vivunt, ob id *rubetarum* nomine... quas Graeci phrynos vocant, gravidissimae cunctarum, geminis veluti cornibus, plenae veneficiorum. Mira de his certatim tradunt auctores. Illatis in populum silentium fieri. Ossiculo, quod sit in dextro latere, in aquam ferventem dejecto, refrigerari vas, nec postea fervere, nisi exempto. Id inveniri objecta rana formicis, carnibusque erosis, singula in solium addi“ (кладя по одной въ ванну). Et aliud esse in sinistro latere, quo dejecto, *fervere* videantur, аросупон (отъ собакъ) vocari. Canum impetus eo cohiberi, amorem concitari, et jurgia (=гнѣвъ=огонь), addito in potionem; venerem adalligatum stimulare. Rursus e dextro latere refrigerari ferventia. Hoc et quartanas sanari adalligato in pellicula agnina recenti, aliasque febres. Amorem inhiberi eo. Item et his ranis lien contra venena, quae fiant ex ipsis“ (Pl. XXXII, 18).

Хвощъ. — „*Equisaetum* hippuris (конскій хвощъ) Graecis dicta et in pratis vituperata nobis (какъ сорная трава), est autem pilus terrae (земляной волосъ) equinae saetae similis“ (Pl. XXVI, 83).

Подбѣль. — „Bection, tussilago... folia sunt majuscula, quam haederae... subalbida a terra, superne pallida... quidam... et alio nomine *chameleucen* putant“ (ib. XXVI, 16).

Hypericon perforatum, зѣтробой = нѣм. jageteufel, teufelsflucht, — средство отъ чаръ и чорта; сокъ давали вѣдьмамъ, чтобъ уни-

чтожить въ нихъ враждебную силу, и чтобы при пытѣхъ они говорили правду. (У вѣмцевъ—это Iohanniskraut—29 Іюня).

Намъ легко выраженіе „была звѣздная, лѣтняя ночь“ понять прозаически, т. е. отвлекаясь отъ тѣхъ образовъ, какіе даны въ этомъ выраженіи, [ночь—сущ. ж. р., т. е. названіе женскаго существа, способнаго имѣть другія качества (звѣздная) и производить дѣйствія (была)]. Это такъ же легко, какъ однимъ почеркомъ пера стенографически изобразить молнію, выстрѣлить изъ ружья, позвать слугу, подавить пуговку электрическаго звонка и т. д.

Но трудно было дойти до всего этого. Напр. понятіе 1000 возникло у Индо-европейскихъ народовъ лишь по ихъ раздѣленіи, до котораго, по достовѣрному свидѣтельству языка, они стояли уже на относительно высокой степени культуры.

Такъ и отвлеченная рѣчь труднѣе прозаической ¹⁾ и позднѣе ея, и если мы хотимъ ознакомиться съ характеромъ мысли древняго человѣка, мы должны наблюдать приемы нынѣшней мысли или еще недоросшей до отвлеченности, какъ у дѣтей, или минующей ее ради высшихъ цѣлей, какъ у современныхъ поэтовъ.

Передъ извѣстными отвлеченностями мысль наша и теперь становится въ тупикъ и неможетъ одолѣть представляемыхъ ими трудностей. Такъ природу мы представляемъ совокупностью явленій и силъ; но сила есть для насъ то, что способно производить явленія, т. е. сила есть то, что имѣетъ силу; силы мы неможемъ представить иначе, какъ разлагая ее на субстанцію (нѣчто имѣющее силу) и дѣйствіе.

„Selbst in unseren zeiten, wo wir doch die Natur als eine kraft begreifen, was bezeichnen wir mit *Kraft*, wenn nicht etwas kraftbegabtes?“ (M. Müll Ess. II, 50). Ср. изображеніе явленій природы у поэтовъ.

---

¹⁾ Поэтической? ред.

Отдѣлъ четвертый.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

Общія свойства эпоса. Обь Одиссеѣ.

Настоящее— постоянно нарождающееся и тутъ же исчезающее мгновение — неуловимо. Вся область сознанія, слѣдовательно, и область поэзии есть объективно-прошедшее. Сознанію (апперцепціи) подлежатъ лишь воспріятія, опустившіяся на дно души.

Это прошедшее по степени удаленія отъ объективно-настоящаго и вмѣстѣ по характеру вліянія на него есть менѣе отдаленное (субъективно-настоящее) и болѣе отдаленное (субъективно-прошедшее).

Принадлежностью къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ воспріятій опредѣляется разница между эпосомъ и лирикой.

Лирика — praesens. Она есть поэтическое познаніе, которое, объективируя чувство, подчиняя его мысли, успокаиваетъ это чувство, отодвигаетъ его въ прошедшее и такимъ образомъ даетъ возможность возвыситься надъ нимъ. (Carrière „Die Poesie“ 371—2, 392, 395).

Лирика говоритъ о будущемъ и о прошедшемъ (предметъ, объективномъ) лишь на столько, на сколько оно волнуетъ, тревожить, радуется, привлекаетъ или отталкиваетъ. Изъ этого вытекаютъ свойства лирическаго изображенія: краткость, недосказанность, сжатость, такъ называемый лирической безпорядокъ. (Carrière, ib. 381) ¹⁾. Такимъ образомъ произведенія по мѣрѣ увеличенія ихъ эпичности могутъ становиться длиннѣе (элегія, сатира — Carrière, ib. 415).

Этому противопоставляется пластичность и живописность эпоса.

---

¹⁾ Сродство съ музыкою (ib. 388, Göthe „An Lina“ I, 73.). Мр. пѣсни безъ музыки теряютъ больше, чѣмъ сербскія. Это мѣрило лиричности.

Сродство лирики съ субъективными тропами, фигурами, напримѣръ: повтореніе (Carrière, ib. 392), единоначатіе (повтореніе образа: „Рыбалочка по берегу“, Нехилия сосно—Göthe, I, 50), припѣвъ.

Хотя всякое, въ томъ числѣ и поэтическое, познаніе вліяетъ на поступки, но лирика имѣетъ болѣе непосредственную связь съ дѣйствіями и въ этомъ смыслѣ практична (при теоретичности эпоса). Во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ можемъ прямо усмотрѣть побужденіе къ извѣстному дѣйствию ¹⁾.

Подъ субъективностью разумѣется: 1) личная душевная жизнь въ отличіе отъ внѣшняго міра (вещей и событій); 2) отличіе лица отъ другихъ = своеобразность. Первое — содержаніе всякой лирики, второе — свойство, характеризующее всякія (и лирическія, и эпическія и драматическія) произведенія временно обособившейся личности и личнаго творчества.

— *Эпосъ — perfectum*. Отсюда спокойное созерцаніе, объективность (отсутствіе другого личнаго интереса въ вещахъ изображаемыхъ и событіяхъ, кромѣ того, который нуженъ для возможности самаго изображенія). Въ чистомъ эпосѣ повѣствователя невидно. Онъ не выступаетъ со своими размышленіями по поводу событій и чувствами (ср. лироэпическія поэмы Байрона и др.). Не пѣвецъ-поэтъ любитъ родину, а изображаемый имъ Одиссей, который хочетъ увидѣть дымъ родины, хотя бы затѣмъ умереть. Пѣвецъ вполне скрытъ за Одиссеемъ.

Въ чистомъ эпосѣ душевныя движенія, совретенные двигатели дѣйствій должны бы являться лишь настолько, на сколько они обнаруживаются для посторонняго наблюдателя. Можно допустить только фиктивную вездѣсущность автора, а не посредственное проникновеніе его въ душу. У Гомера: разговоръ со своею душою, Паллада — какъ объективированный умъ, совѣсть.

Объективность исключаетъ произволь разсказчика относительно скачковъ съ пятаго на десятое, устраняетъ перерывы и пробѣлы, требуетъ послѣдовательности и непрерывности повѣствованія, пока оно не завершитъ круга.

(Медленность изложенія, Сагг. 200. Пенелопа, лужь Одиссея (Одисс. XXI, 1—66). — Медленность и постепенность въ изложе-

¹⁾ Практическое значеніе высокой лирики. Поэтъ и пророкъ (Сагг. ib. 410—1). (Разница между пророкомъ и поэтомъ у Гете).

ни одного событія). Длительныя грамматическія формы русскаго эпоса выражаютъ тоже свойство мысли въ примѣненіи къ каждому отдѣльному моменту событія.

Тожо требованіе въ примѣненіи и къ ряду событій: краткость періода, чтобы поэтъ могъ заполнить всѣ моменты этого періода. (Гораціево правило: не ab ovo, a in medias res). Въ Иліадѣ изъ десятилѣтней войны—нѣсколько дней, о которыхъ можно рассказать отъ зари до ночи. Въ Одиссеѣ—конецъ путешествія и мести женихамъ. Ср. „Германъ и Доротея“. (Это и общее поэтическое требованіе—pars pro toto). Расширеніе предѣловъ времени въ видѣ отступленій (ретроспективныхъ повѣствованій). Злоупотребленіе этимъ приѣмомъ. (Сарг. 201—2).

Разница между эпосомъ и драмою. Въ послѣдней нѣтъ повѣствователя, посредника между зрителемъ и событіемъ. Поэтому—никакихъ описаній, повѣствованія и монологи сведены до минимума. (Въ противномъ случаѣ—вѣчто въ родѣ подписей подъ картинами, замедленіе дѣйствія, скука). Единства дѣйствія и времени доведены до минимума.

— *Эпосъ*—поэтическое повѣствованіе о событіи или рядѣ событій, составляющихъ одно крупное событіе (безъ главнаго героя—историческій эпосъ) или одну жизнь (біографическій эпосъ). Отъ сложнаго эпическаго цѣлаго требуется того же, чего отъ простѣйшаго поэтическаго образа: онъ долженъ давать великое въ маломъ.

Рядъ событій, образующихъ одно цѣлое, связанъ причинностью. Но причинность некончается за границами этого ряда. Она по исконному вѣрованію и убѣжденію обвиняетъ все.

Удовлетворяя требованіямъ высшаго порядка, эпосъ долженъ заключать указанія на связь мѣлкихъ причинъ, составляющихъ его содержаніе, съ міровыми. Оба разряда причинъ, смотря по степени и характеру развитія поэта, могутъ представляться или внѣшними силами или внутренними свойствами явленій. Въ первомъ случаѣ—чудесное въ міеологическомъ смыслѣ, во второмъ, если можно такъ выразиться, чудесное научное. Какъ ни назовемъ

великую связь причинъ и слѣдствій, Богомъ или рокомъ, міромъ— все равно она въ цѣломъ ирраціоналистична, недоступна нашему пониманію.

Никогда изученіе языковъ и поэтическихъ произведеній не производилось въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ въ нашъ вѣкъ. Ему обязано происхожденіемъ сравнительное языкованіе, лежащее въ основаніи наиболѣе спеціальныхъ изслѣдованій. Оно съ одной стороны условлено широтою и раздѣльностью понятія о человѣчествѣ, съ другой его обуславливаетъ. Никогда не сознавалась такъ многосложность отношеній поэтическихъ произведеній разныхъ, нерѣдко чрезвычайно отдаленныхъ народовъ, какъ теперь.

Фридендеръ протестуетъ противъ заключенія отъ древне-нѣмецкихъ народно-поэтическихъ произведеній къ стихотвореніямъ Гомера, „несравненному созданію несравненнаго народа“ (— побужденіе эгоистическое: удовольствіе думать, что мы знаемъ нѣчто несравненное —). На это Штейнталь: „Греческій языкъ есть тоже несравненное созданіе несравненнаго народа, по тѣмъ не менѣе его необходимо сравнивать съ индійскимъ, персидскимъ, кельтскимъ, славянскимъ или цыганскимъ“ *Z. f. V-ps. VII, 26*).

Нашъ вѣкъ характеризуется между прочимъ примѣненіемъ изученій народной поэзіи къ гомерическимъ пѣснямъ.

Вопросъ о томъ ¹⁾, созданы ли великія поэмы, Иліада и Одиссея, однимъ лицомъ, или онѣ—произведенія многихъ народныхъ пѣвцовъ, что совершенно очевидно относительно эпическихъ пѣсень славянскихъ, финскихъ и др., ставили въ зависимость отъ единства плана этихъ поэмъ. Что до единства характера изложенія, то и многія народныя пѣсни его имѣютъ.

(Хотя и можетъ прийти намѣреніе изъ пословиць сложить болѣе длинное стихотвореніе, но успѣхъ незначителенъ). Писистрату и другимъ діаскевастамъ врядъ ли могло прийти въ голову сложить Иліаду или Одиссею изъ отдѣльныхъ пѣсень, если бы

¹⁾ *Steinthal* „Ueber Homer und insbesondere die Odyssee, *Z. f. v-ps. VII*.

не было распространено мнѣніе, что эти пѣсни могутъ и должны быть сложены въ одно цѣлое. Это мнѣніе вытевало изъ природы этихъ пѣсень, дѣйствительно предполагающей единство (Steinth.). (Тутъ аналогія съ тѣмъ единствомъ плана, который можно замѣтить въ разныхъ отрасляхъ знанія).

Есть сказанія, способныя поглощать и ассимилировать себѣ массу другихъ.

Ср. Летучій корабль и сказаніе о походѣ Аргонавтовъ. „Сказаніе объ Ахиллѣ первоначально было столь же мѣстно, какъ и сказаніе о Мелеагрѣ. Тоже—о Гекторѣ, Агамемнонѣ, Диомедѣ, Аяксахъ, Одиссеѣ. Только эпическое пѣснопѣніе, при благоприятныхъ политическихъ событіяхъ и отношеніяхъ, свело эти разрозненныя сказанія въ одно обширное, въ коемъ этимъ героямъ дана была возможность обнаружить свой характеръ, въ коемъ они только члены цѣлаго, при томъ всѣ на совершенно чуждой для себя почвѣ. Сказаніе о Троянской войнѣ обнаруживаетъ удивительную силу собирать разсѣянные элементы, силу, какой никогда необнаруживали и величайшіе поэты“ (ib. 74).

Такъ и планъ Одиссеи созданъ (вѣками) силою народнаго пѣснопѣнія. [Величайшія произведенія человѣка, какъ языкъ, народность, великія государства создаются бессознательно, т. е. такъ, что намѣренныя усилія отдѣльныхъ личностей терются, какъ капля въ морѣ].

У Феаковъ, гдѣ гоститъ Одиссей, „было пиროванье, почестный пиръ“. „Муса побуждаетъ пѣвца *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν*“, т. е. къ героической эпической пѣснѣ изъ *οἴμη*, пользовавшейся именно тогда особой славой.

[*Μοῦσ' ἄρ' ἀοιδόν ἀνῆκεν* (trieb an) *ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν Οἴμης τῆς* (von welcher *οἴμη* = attractio inversa = Virgil. urbem quam statuo vestra est) *τότ' ἄρα κλέος οὐρανόν εὐρὺν ἵκανε Νείκος Ὀδυσσοῦς καὶ Πηλεΐδου Ἀχιλλῆος*, „Од. VIII, 73—5“].

— Какъ и теперь сербскіе гуслары поютъ о герояхъ иногда въ ихъ присутствіи, во всякомъ случаѣ вслѣдъ за событіемъ.

„Неподлежитъ сомнѣнію, *οἴμη* означаетъ нѣчто большаго объема, изъ котораго цѣли. Нѣкоторые думаютъ, что это было большое стихотвореніе о разрушеніи Трои, готовое твореніе Демодока; но я—что это эпическій кругъ, т. е. кругъ возможныхъ эпическихъ пѣсень, быть можетъ, имѣвшій особый напѣвъ. Т. о. дѣла героевъ подѣ Троей образуютъ одну *οἴμη*, странствованія Одиссея—другую и т. д. Изъ этого круга избирается точка для начала (—Од. VII, 500: *ἔνθεν ἑλὼν ὡς...*), не стихъ готовой пѣсни, а отдѣлъ круга сказаній, круга возможныхъ пѣсень, моментъ, о которомъ пѣвецъ пѣлъ безъ приготовления.

„Въ запѣвѣ 1-й п. Одиссея ст. 10: „*τῶν ἀμόθεν γε* (изъ этого откуда-нибудь, von irgendwo an) *θεῖ δούρατορ Διὸς εἴλε καὶ ἡμιν*“. Какъ странно было бы, если бы кто, думая воспѣть всѣ приключенія Одиссея, просилъ музу начать откуда бы ни было? Такъ можетъ говорить только лишь тотъ, кто хочетъ пропѣть именно лишь часть Одиссеевой *οἴμη*. *Προοίμιον* Одиссея, стало быть, относится не къ готовой цѣлой Одиссея, но къ цѣлой *οἴμη*, т. е. къ каждой пѣснѣ внутри этого круга.—Начало Илиады небыло даже запѣвомъ всей *οἴμη* объ Ахиллесѣ, а тѣмъ менѣе всей Илиады.

Небуду оспаривать возможности того, что *μήρις* можетъ означать „гнѣвъ Ахиллеса въ его продолженіи и заключеніи, обнимая и мечь за Патрокла и убіеніе Гектора“; но *προοίμιον* ничего не говоритъ объ этомъ. Богиня должна воспѣть гнѣвъ (*μήρις*), и нѣтъ основанія разумѣть подѣ этимъ что-либо другое, чѣмъ то, что разумѣется подѣ этимъ словомъ въ Илиадѣ I, 75, причину гнѣва; а это и есть содержаніе первой пѣсни. (Steinth. z. f. V-ps. VII, 77—8).

Для опредѣленія главныхъ началъ цикла (*οἴμη*) Одиссея: „Миоѣ о лѣтнемъ (солпечномъ) Богѣ, уходящемъ на зиму (7 мѣсяцевъ на островѣ Калипсо) = царь—въ изгнаніе или на войну на 7 лѣтъ; злодѣй овладѣваетъ его престоломъ, хочетъ жениться на его женѣ. Царь возвращается въ лохмотьяхъ, нищимъ старикомъ. Побѣждаетъ своего двойника = герм. о Гейнрихѣ Львѣ. (Добрыня Никитичъ).

Отсюда слѣдуетъ, что отдѣленіе странствованій Одиссея отъ его возврата, избіенія жениховъ и пр. могло (если и было) быть лишь дѣломъ искусственной поэзіи.

Относительно измѣненія наружности и платья Одиссея ср. Добрыня. Эвриклея и Лаертъ узнаютъ Одиссея по рубцу на ногѣ.

Лѣтній Богъ на зиму—въ преисподнюю. Поэтому посѣщеніе Аида, *νεχρία* — есть болѣе древній элементъ Одиссеи, чѣмъ приуроченіе ея къ Троянской войнѣ.

— Размноженіе приключеній посредствомъ одного: Островъ Калипсо (Огигія) = остр. феаковъ (Схерія) = Аидъ.

ОТРЫВКИ изъ перевода Одиссеи

Александръ Аѳанасьевичъ Потѣбня подѣ конецъ жизни задался мыслью перевести Одиссею на малорусскій языкъ, но этой работы ему не удалось окончить. Считаая для будущихъ поколѣній дорогимъ всякій набросокъ этого высочайшаго и глубокоученаго языковѣда, ученики его и почитатели, знавшіе его почеркъ и способъ писанія, при помощи вдовы покойнаго, восстановили то, что сдѣлано было имъ вчернѣ карандашемъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги. За исключеніемъ очень малыхъ отрывковъ изъ разныхъ пѣсень Одиссеи, такимъ образомъ получились двѣ съ половиною расподіи, приготовленныя имъ, правда еще въ черновыхъ наброскахъ, но безъ пропусковъ и перерывовъ, именно: 275 стиховъ 3-ей расподіи (*τὰ ἐν Πύλῳ*), вся 7-ая расподія (*᾽Οδυσσεύς ἔσβδος πρὸς Ἀλκίνοον*) и почти вся 8-ая (*᾽Οδυσσεύς δὺστασις πρὸς Φαίακας*).

Эти отрывки, хотя и въ незаконченномъ и неотдѣланномъ въ просодическомъ отношеніи видѣ, ясно показываютъ, какого дорогого труда лишила насъ ранняя смерть знаменитаго профессора. Посвятивъ много лѣтъ изученію малорусской поэзіи, ознакомившись съ тончайшими изгибами лексическихъ оттѣнковъ простонародной рѣчи, профессоръ задумалъ исполнить задачу, которую еще Гоголь указывалъ нашимъ писателямъ — сдѣлать Одиссею всеобщою народною книгою. Ясно, что для достиженія такой цѣли необходимо прибѣгнуть къ народному языку, чуждому всякой напыщенности и вычурности, тому языку, который такъ поражаетъ насъ своею задушевною искренностью, энергическою выразительностью и поэтическою простотою въ произведеніяхъ безъискусственной словесности. Александръ Аѳанасьевичъ былъ глубокой зна-

токъ этого языка; но, приступая къ переводу Одиссеи, онъ началъ своеобразную подготовку къ этому труду, указывающую на то, съ какою серьезностью онъ относился ко всему, что начиналъ.

Краткій рассказъ о ходѣ этой подготовки, на сколько о томъ можно судить по оставшимся матеріаламъ, можетъ быть очень полезенъ въ настоящее время, когда въ педагогическомъ мірѣ нашемъ обращено особенное вниманіе на точность и простоту переводовъ изъ классиковъ и, конечно, прежде всего изъ Гомера, этого образца простоты и естественности. Какъ выставка набросковъ, этюдовъ и прочей черновой работы, служившей подготовленіемъ къ созданію Рѣпнымъ картины „Запорожець“, была поучительна для художниковъ-живописцевъ, такъ точно можетъ быть глубоко поучительна для филологовъ и поэтовъ работа, произведенная А. А. Потемной передъ переводомъ Одиссеи.

Прочитавъ Одиссею въ подлинникѣ и въ переводахъ на разные славянскіе языки и возобновивъ такимъ образомъ въ памяти тѣ предметы, образы, положенія, дѣйствія и пр., и атрибуты ихъ, какіе нужно было выразить въ переводѣ, профессоръ принялся за чтеніе образцовъ народной словесности и классическихъ мало-русскихъ писателей, извѣстныхъ ему также очень хорошо. Въ особой пачкѣ бумагъ мы находимъ сдѣланныя имъ выборки словъ, выраженій, рѣченій, какія могли бы понадобится ему при передачѣ встрѣчающихся въ Одиссеѣ названій предметовъ, дѣйствій, эпитетовъ, опредѣленій, характеристикъ и т. п.

Эти выписки лексическаго матеріала съ указаніемъ на страницы книгъ, употребляемыхъ для этой цѣли профессоромъ, показываютъ, что онъ пересмотрѣлъ Геродота, лѣтописи Ипатьевскую, Самовидца, многіе акты, изданные Археографическими комиссіями, сборники пѣсенъ и пословицъ Чубинскаго, Головацкаго, Метлинскаго, Номиса, Кольбера, Романова, матеріалы, изданные въ „Запискахъ о Южной Руси“, въ „Основѣ“, сочиненія авторовъ: Котляревскаго, Квитки, Гулака-Артемовскаго, Гребінки, Куліша, Марка-Вовчка, Глѣбова, Манджуры и др.

Выписокъ изъ этихъ книгъ сдѣлано имъ болѣе 2500. Они состоятъ или изъ отдѣльныхъ словъ, или изъ поставленныхъ рядомъ синонимовъ и омонимовъ (горопаха, бѣдолаха, бѣдаха, густо, багато; скоро, швидко, хутко, шпарко, мерцій; бігты, чвалати, чесати, чухрати, чімчикувати, попхатися; бѣльше, кріпше, дужче, сильнѣйше, мѣцнѣйше и т. п.), или изъ сложенья словъ, употребляющихся въ народной поэзіи рядомъ для извѣстнаго понятія (ревно заплакати, гвалт зчинити, раду складати, у славу вбитися, неславу зложити, слѣзи роняти, словами мастити, жалю серцю завдавати) или для опредѣленія предмета (ліс непролазний, качечка качуриста, ясна зброя, смажні вуста, супротивне слово, люба згода, добра слава, пташки співаючі, бджоли гудючі, золота брама—срібні одвірки, препишна вечеря, славні вечорниці, дівчина чемна, старець божій, сука облесна и пр.), или наконецъ изъ цѣлыхъ рѣченій и фразъ, оказавшихся почему-либо характерными или пригодными для перевода Одиссея, напр.: а в вись висока, а в ширь широка; в кору багрява, а въ верх кудрява; сама стала—задумала, карі очі зарюмала; як була я сім літ удовою—не чула я землі під собою, як пішла я за вражого сина,—побила мене лихая година и т. п.

Иногда слова, выраженія и реченія сопоставляются съ польскими, чешскими, бѣлорусскими, великорусскими, греческими; напр.: русявий—*ξάνθος*; иншої мови *ἀλλόθροος*; охряти—*chradnouti*; *padam do póg*—вдарити челою—*γουνάζομαι*; *χομας ίακινθίνης ἀνθει δμοίας* (Од. VI, 231)—ой на мені кучерини, як на барвіночку (Чуб. IV, 481) и т. п.

Иногда въ началѣ листка встрѣчаются замѣчанія, послѣ которыхъ уже идутъ выписки, напр.: „Постоянные эпитеты. Къ вопросу объ атрибутивности существительнаго. Чтобы существительное могло быть атрибутивно, въ немъ долженъ сознаваться признакъ. Постоянный эпитетъ есть не непременно возстановленіе признака, этимологически даннаго въ существительномъ (это—только частный случай), но непременно долженъ удовлетворить потребность мыслить въ вещи опредѣленный признакъ. Между прочимъ постоянный признакъ служитъ и идеализаціи: „Ой, косо! не рік

я тебе плакала, молодим борщиком змивала, *шовковов* хусточков стерала, *золотим* гребінцем чесала (Гол. IV, 634). Білі руки, дрібні слізи (ib. 634, 635) и т. д.

Нѣкоторые листки сложены вчетверо съ тою цѣлю, чтобы в послѣдствіи можно было разрѣзати ихъ, и на отдѣлахъ сложенныхъ листкахъ сдѣланы разнородныя выписки. Изъ этого видно, что систематизаціи выписокъ еще не было сдѣлано, что все это пока первоначальныя наброски; тѣмъ не менѣе многіе изъ выписанныхъ словъ и выраженій уже употреблены въ начатомъ переводѣ Одисея; другіе очевидно ждали еще пересмотра, критики, сопоставленія съ гомерическими выраженіями и, какъ можно видѣти изъ сравненія, съ другими мѣстами тѣхъ же рукописей, еще не получили окончательной формы справочнаго подготовительнаго матеріала.

Въ общемъ вся указанная подготовительная работа даетъ прекрасный методъ для желающихъ завѣяться переводомъ Гомера и достигти простоты и естественности языка, столь необходимыхъ въ данномъ случаѣ.

Въ прилагаемыхъ отрывкахъ приведены въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній тѣ разнорѣчія, какія найдены въ рукописи А. А. Потєбни на самихъ листахъ перевода; очевидно они поставлены были имъ съ цѣлю выбрать то или другое при окончательномъ переводѣ.

А. Русовъ.

Одисея. III рапсодія.

Ніч всю і світом судно їх мокрую путь розтвало;
Гелій схопився, покинувши моря затоку прекрасну,
Й на небо зішов мідяне світити богам несмертєлним
Й смертним вмірущим на всій землі хлїбородній;
Тоді вони в Пил Нелеїв добрезбудований город
5. Прийшли, а ті на пісках у моря правили жертви:
Чорних биків синекудрому богу, що землю хитає.

- Сиж було дев'ять рядів, по п'ятьсот чоловіка сиділо
В кожному ряді й по дев'ять биків було перед рядом.
Саме потрух вони коштували й части бедер палали
10. Богу у честь, як ті з кораблем рівнобовим пригнались. ¹⁾
Паруси підтягли і згорнули, причалили й вийшли на берег.
Вийшов з судна и Телемах, попереду ж ёго Атена.
Й перша промовила так ясноока богиня Атена:
„Вже ж, Телéмаху, тут сорома нетреба и трохи
15. За тим бо й поплив еси пб морю ти, щоб роспитати про батька,
Де ёго верила земля й на яке безголов'я набіг ²⁾ він.
Так ну бо тепер до Нестора просто іди, вкритителя коней:
Довідаємось, якую він раду у грудяхъ ховає.
Сам ти ёго попроси, щоб сказав він нехибную, щирую ³⁾ правду.
20. Брехні ж він не скаже, бо чоловік він дуже розумний“.
Йй ув одвіт Телéмах розумний став промовляти:
„Менторе, як ёго йти, як пригорнутись ⁴⁾ до ёго?
Я ж до річей вимовних ніякої вправи немаю.
Та вп'ять таки стид молодому випитувать мужа старого“.
25. До ёго промовила так ясноока богиня Атена:
„Дещо, Телéмаху, сам в своїй голові ти змизкуєш,
Дещо піддасть тобі бог. Така бо думка у мене, що
Не на перекир же ⁵⁾ богам ти зродився и згодувався“.
Так сказавши, ёго повела Паллада Атена
30. Спінно, а далі ⁶⁾ і він пішов слідою богині.
Так підійшли ік громаді мужів Пилян і Їх силям.
Нестор сидів там з синами, навколо ёго товариство
Пир готовáli, м'ясиво пекли й на ріжки настромляли.
Скоро уздріли гостей вони, юрбою вийшли на зустріч,
35. Стали руками витати й сидати їм ізвеліли.

¹⁾ Пригрібатись

²⁾ Настиг

³⁾ Тобі усю

⁴⁾ До его доступиться

⁵⁾ Не противъ волі

⁶⁾ А потім

- Перший Пизистрат Несторович підійшовши близенько,
Взявъ за руки обох, та за пир увсадовив їх
На смухах м'яких, на пісках на березі моря
Поруч із рідним братом своїм Тразимедом і батьком.
40. Потроху дав по частині, у кубок од злата самого
Насипав вина й витаючи став промовляти словами:
„К Палладі Атеві, Дія дочці Егидодержавця,
Помолися, гостю, тепер Посейдаону пану,
Ви бо прибувши сюди (як раз) в ёго учті поспіли ¹⁾
25. Як же зіллєш і помолишся сам як слід по закону,
Дай і сѣму опісля вина солодкаго кубок,
Хай ізиллє. А чей же і він богам нестерпним
Молиться: всім бо людям треба богів (непомалу).
Тільки що він молодший, одноліток ²⁾ мабуть зо мною.
50. Тим то перше тобі я чару дам золотую.“
Сказав, та в руку дає їй вина солодкаго кубок.
Змилився Атеві сей муж справедливий, розумний
Тим, що попереду їй він чару подав золотую.
Й зараз змолилася щиро вона Посейдаону пану:
55. „Молимося, услиш Посейдаоне земледержче,
Та щоб збудися сі речі, немай за надто велике
Несторові і синам найперше дай ³⁾ славу, панство;
Далі затим и иншим милую ⁴⁾ дай нагороду
Вкупі ⁵⁾ пилянам усім за преславно великую жертву;
60. Телемаху ще і мені дай вернутись, те діло зробивши,
Зачим із чорним швидким кораблем сюди ми прибігли.“
Так молилась вона (та самаж усе ізробила).
Телемаху далій дала гарную чару двійчатку.
Та вже саме молився й любий син Одисеїв.
65. Тіж, як верхні м'яса попекли і з ріжків поздїмали,

¹⁾ Попали

²⁾ Ровесник

³⁾ Вділя.

⁴⁾ Вдачну. Губ. IV, 363.

⁵⁾ Посполю.

- Стали порозділявши препишний пир пирувати ¹⁾.
Як же до пива й Істива уже одігнали охоту,
Слово ізняв до них Нестор Геренійський комонникъ:
„Тепер уже краще розвідати та гостей роспитати,
70. Хто в'ни такі, як вже вдоволили Іжею душу.
Гості, хто ви такі? Відкіля по мокрій дорозі?
Чи ви за ділом яким, чи вештались світ за очима, ²⁾
Наче здобишники ті, що здря блукають по морю,
Душі свої владучи й чужеземцям розносячи лихо.“
75. Їму пак в одвіт Телемах розумний став промовляти,
Всміввшись, бо Атена сама їму смілость у сердце
Вложила, щоб міг ёго роспитати про батька в одлуці,
Та щоб про самого поміж людьми ³⁾ стала добрая слава:
„Нестор' Нелеєвичу, великая слава Ахаян,
80. Питаєш мене, відкіля ми? так я скажу тобі зараз:
Ми прийшли із Итаки, що під Неїоном горою,
Діло ж у мене те, що кажу, свое негромадське.
Йду я, дальнєї слави про батька чи де не зачую,
Про Одисея душі терпеливої. Він колись, кажуть,
85. Бився у купі с тобою та город Троянський розбуриив.
Про инших же всіх, с Троянами що воювали,
Нас вісти заходить, де хто загинув смертю гіркою.
Ёго ж и погибель саму без вісти ⁴⁾ zostавив Кроніон,
Бо де він загинув, ніхто не може сказати напевно:
90. Чи на сухій землі мужі вороги подолили?
Чи пан на морі погиб він посеред хвиль Амфитриты
Тим то к колінам твоїм припадаю, ачей твоя ласка
Про смерть ёго гірку розказати, коли часом бачив
Своїми очима, або чував, що розказував' казки
95. Про ёго, бо овсі нещасного мати ёго породила

¹⁾ Славную учту справляти.

²⁾ Навманія, наудачу.

³⁾ Миром:

⁴⁾ Чутки.

Неусолужуй нічого з уваги на мене і жалю.

Гаразд мені все розкажи, як тобі доводилось бачить,
Пропшу, коли чесний мій панотець Одисей може часом
Словом чи ділом тобі обіщавшись та став у пригоді.

100. В Троянській землі, де ви біди лихі терпіли Ахеї.
Згадай се тепера мені й скажи усю щирую правду¹⁾.

Ёму одповів на сеє Нестор Гереньский комонник:

„Друже, коли єси нагадав біду, що в землі тій¹⁾

Витерпіли ми Ахейсьві сини на одвагу невпинні,

Або скільки—як съ короблями по морю без краю

Ми побивались з добиччю, де Ахиллей нам доводив,

Або скільки під градом великим Пріяма пана

Бились... Вбито там згодом усіх, які були луччі:

Там и Айант хоробрий поляг и Ахиллей там,

110. Там и Пятрокл поляг, до совіту²⁾ рівний з богами.

Там и любий мій син, и силач и на вроду без вади

Антїлох, він бігати був швидкий над усіх и боєць був!

Ну та и надто чимало стерпіли ми иншого лиха,

Все ёго хто ж би з смертелних людей приміг розказати?

115. Яв би б и навіть і п'ять год і шість год ти тут zostавався у мене,

Про злидні роспитуючи, які ми там терпіли Ахайці,

Скорійш надоїло б тобі й у отчизную землю б вернувся.

Дев'ять бо літ ми захожувались³⁾, Ім сшиваючи лихо

Всякими хитрощами, аж насилу вінець дав Кроніон.

120. Радою там ніхто неваживсь рівнятись прилюдно⁴⁾

З ним, Одисей бо далеко над усіма верхи брав

Всякими хитрощами, отець твій, яв що і справді

Шадок ёго єси; аж страх бере, як подивлюся,

Вже бо й речи твої такі ж самі й несказав би,

125. Щоб молодая людина до діла так говорила.

¹⁾ Коли нагадав єси горе, що в тїм краю.

²⁾ Радн.

³⁾ Порались.

⁴⁾ Ввічи.

- Там то ми увесь час я із ясним Одисеем
Ні у громаді, ні в раді різно неговорили,
А однією душею на розум и добрую раду
Ми Аргивян навчали, ¹⁾ щоб вийшло як можна найлучше,
130. Коли ж ми город на кручі високій розрушили Прияма пана
(Й назад потягли в короблях и бог нас роскидав ²⁾ Ахейців),
Тоді то Зевс нам смутне вороття у серці замислив,
Як не усі були розважні та справедливі,
Тим то чимало із них лихую здибало ³⁾ долю.
135. Все через пагубний гнів ⁴⁾ дочки могучого батька,
Що меж двома Атрея синами зкоіла сварку,
Як зізвали вони Ахайців усіх до громади
Поквапно та не до ладу ⁵⁾ (вже надвечір) в заходу сонця.
А ті Ахайські сини вже важкі од вина, як зійшлися,
140. Так стали казати, для чого людей ізібрали.
Тутъ Менелай тобі всім Ахайцям повеліває
Гадати про вороття по спинахъ моря широких,
А Агамемнону сеє не до сподоби, хотів бо
Задёржати людей та справить святіи жертви великі,
145. Щоб чи гніву страшної Атени невтихомирить.
Невбашний! незнав він того, що Атена недасться вблагати,
Бо не 'дміняється сразу серце ⁶⁾ богів вічносущих.
Так, мінляючися важкими ⁷⁾ словами, стояли
Обое, аж схопилися з міст Ахайці добропоножні
150. З криком — сказати неможна й була в їх надвоє думка ⁸⁾.
Ніч ми перебули, в душі замишляючи злеїе ⁹⁾
Одни на одних, бо Зевс на нас уже лагодив лихо.

¹⁾ Наущали: будеш мене на добрий розум наущати. М. 351.

²⁾ Росточив

³⁾ Настягло

⁴⁾ Ненависть

⁵⁾ Через лад

⁶⁾ Думка

⁷⁾ Грізними

⁸⁾ З галасом бо-ана яким, и була у їх думка нарізно

⁹⁾ Коверзючи злеїе у серці.

- Вранці ми судна взяли істягати на синєє море
Брати добиток на них та жінки підперезані низько.
155. Так половина людей уперлася там позостатись
При Атреєвичу Агамемноні, людей пастухові;
Ми ж, посідавши на судна, погнали, й вони дуже швидко
Бігли ¹⁾ и бог нам як скатерть прослав великую моря пучину.
К Тенеду ми прибувши богам ісправили жертви,
160. Гадаючи вже до дому, та Зевс вороття несудив ще
Немилосердний, зняв він сварку лихую у друге.
Ті потягли кораблі круторебрі, назад повернувши,
Из сподарем Одисеем розважним на вигадки хитрим,
В Атреєвича Агамемнона запобігаючи ласки;
165. Яж узяв с кораблями всіма, що ходили за мною,
Втікати: дознавсь, що нам лихо замислила божая сила.
Втікав и Тидеїв хоробрый син із своїм товариством. ²⁾
Далі вже згодом рушив за нами й русявий Менелай
Та ³⁾ на Лесбі догнав, де ми довгий плав обмишляли:
170. Чи маєм вище Хія крутобескедного взяти
На остров Пекрію, ёго зоставляючи вліві;
Чи маєм нижче Хія 'плисти повз Мимант вітристий?
Бога просили ми знає проявити, ⁴⁾ и він показав нам
Серєдину моря звелів ростиinati, на острів Эвбою,
175. Щоб яко мога скорійше могли ми вибратись з лиха.
Вітер свистучий знявсь дути у тил, кораблі дуже швидко
Путі многорибні пробігли та до Геройста
Пристали в ночі. Посейдону багато тут стегін бичачих
Ми на вівтарь принесли, ⁵⁾ перемірявши море велике.
180. День четвертий ішов, коли кораблі рівнобокi
Тидеєвича товариство Диомеда, вскормителя коней

¹⁾ Пливали

²⁾ Товариство піднявши

³⁾ Означе

⁴⁾ Ил. 577

⁵⁾ Зложив ми на вівтарь. Объяс. II. 127, 323.

- В Арзі ставало; яж ік Цилу держав, а вітер
Вже невгавав, з того часу як бог послав ёго дуги.
Так то вернувся я, люба дитино, без вісти й незнаю,
185. Які із Ахайців збавились смерти, які погibli.
Чого ж я сидячи тут, у палатах у нашихъ довідавсь,
Знатимеш, як тому й слід, од тебе непотаю я.
Здорові, кажуть, дійшли Мирмидони—ясині копья ¹⁾,
Що Ахиллея—великого серця син їм доводив;
190. Здоровь вернувся и Филоктет Пойантовичъ славний,
Идоменей на Крету привів усе товариство,
Яке уціліло 'д війни: невзяло в ёго море нікого.
А про Атреєвича и сами ви хоть здалека чули.
Хоть він вернувся, та Айгист гіркую погибель замислив.
195. Але, правда, що й сам дав за се слухну заплату.
Добре, як вбитий муж по собі та сїна зоставить ²⁾
Бо от и той, Орест, душогубу добре оддячив
Зрадливому ³⁾ Айгистові, що вбив ёму славного батька.
200. (Так ти, друже, бо бачу вроду та зріст твій, борися ⁴⁾,
Щоб хто й з далвих нащадків ⁵⁾ тебе пом'янув добрим словом).
Ему так в одвіт Телéмах розумний став промовляти:
„Нестор Нелесвичу, великая тіхо Ахайців!
Вже ж так, що оддячив Орест, пронесуть ёго славу Ахайці
Геть широко-далеко, що й будучі щадки почують;
205. Як би б той мене боги ⁶⁾ одягли в таку силу, щоб міг я
Дать женихамъ одплату за їх досадніі збитки,
Що гордючи мною вони ⁷⁾ неподобнеє роблять!
Алеж боги мені такого щастя неспряли,
Батьку мому і мені; так притьмом тепер треба терпіти“.

¹⁾ З. о. Ю. Р. I, 86.

²⁾ Як то гаразд, коли вбитий муж та сина зоставить.

³⁾ Лукавому.

⁴⁾ Крішися.

⁵⁾ Потомків.

⁶⁾ Мені боги дали.

⁷⁾ Що вони з гордості мені.

210. Їму одповів на сеє Нестор Геренський комонник:
„Друже, коли вже мені нагадав, та сказав єси сеє,
Кажуть, що женихів в твоєї неньї багато,
Та против волі твоєї вони коять лихо вь палатах.
Сважи же мені: сам ти їм піддаєшся, чи може люде
215. Земляне ¹⁾ тобі вороги послухаючи божого гласу?
Хто зна? Може вернувшись колись, він їх заплатити ²⁾
Заставить, чи сам один, а чи із Ахайцями вкупі,
Як би б тебе зволила такъ полюбить ясноока Атена,
Як тоді вона Одисеєм славнимъ журилась
220. В троянській землі, коли біду ми терпіли Ахайці...
Бо я невідав, щоб боги кого так очевидно любили,
Як очевидно єго вступала Паллада Атена;
Як би б, важу, зволила такъ полюбить, та тобою пеклася,
То не один би із них навїк забув жениханья“.
225. Їму пак в одвіт Телемах розумний став промовляти:
„Старче, щоб се слово справдилось я й негадаю,
Бо дуже велике воно, аж страх бере. Ні несправдиться.
Хоть би сподївався я, хоть би б була на те й божая воля!“
Тут пак промовила так ясноока богиня Атена:
230. „Слово яке з-за зубів частоволу в тебе злетїло!
Богу легко, як зволить, и здалека мужа вернути.
Про мене ж лучче б я рад, хоть набравшись всякого горя,
До дому вернутись, та день вороття свїй побачити;
Нїж вернувшись (скоро)погинути дома, як Агамемнон
235. Погиб од Айгиста та од своєї суложницї зради.
Правда одначе: й боги сами од спільної смерти
Оборонити й того, кого люблять, неможуть, коли вже
Доля лихая кому погинути смертю гїркою“.
Їй ув одвіт Телемах розумний став промовляти:
240. „Менторе, годї про се говорити, хоть нас воно й журить!

¹⁾ Люде землі, мир.

²⁾ Хто зна, чи він, вернувшись колись, за квалт заплатити їх не заставить, чи сам один, чи з Ахайцями вкупі.

- Певно, немає ему вороття, а вже погибель
І чорну ю смерть судили йому боги несмертелні.
Тепер же про иншу річ розвідати хочу й спитати
Нестора, як над усіх справедливий він та розумний,
245. Бо кажуть, тричі він панував вже, три покоління.
Та, як подивлюся на його—неначе безсмертний здається.
Нестор' Нелеєвичу, скажи мені щирую правду ¹⁾:
Як погинув Атреєвич, можний пан Агамемнон?
Де був Менелай тоді та якую згубу замислив
250. Айгист зрадливий, що вбив куди-хоробрійшого 'д себе?
Той ²⁾ був не в Арзі Ахайскім либонь, а де небудь инде
Блукав по світах ³⁾, що Айгист осмілювався вбити? *
Ему на се одповів Геренійській Нестор комонник:
„Так я, дитино моя, тобі розкажу усю правду.
255. Вже ж таки й сам ти догадуєшся, як воно сталось ⁴⁾,
Як би б не то що, а хоть би в живих застав ⁵⁾ у палатах
Айгиста, вертаючись з Трої, русавий Менелай,
Ані могили над трупом його ненасипали б люде,
Розпиматували б б собаки його та хижеє птаство
260. В полі од города геть-де, та голосити по йому
Нестала б з Ахаяное жодна, бо дуже лихеє він вдіав,
А то стояли ми там та часті зводили битви,
А він тут любенько собі у бутку конеплодного Арга
Старавсь Агамемнонову жону вчаровати словами.
265. Спершу таки того неподобного діла цуралась
Ясна Клитаймнестра, бо добрий розум вона собі мала,
Та й був муж-співак при їй, що йому одыжжаючи в Трою
Атреєвич був-приказав свосі жони доглядати;
Коли ж її зволі богів, понутала доля піддатись,

¹⁾ Менелай.

²⁾ Між людьми.

³⁾ Розмишлявеш, що з того вийшло.

⁴⁾ Излибав.

⁵⁾ Не потай мені правди:

270. То той тоді співака запровадив на острів безлюдний ¹⁾
Та там і повинув птаству на здобич та на поталу.
Ї ж охочий охочу, одвів до своєї домівки.
Багато стеген богам на святих вівтаряхъ попалив він.
Багато нишних дарів їм повішав, шатами й злотом,
275. Великеє сповнивши діло, що й несподівався ніколи.

VII рапсодія.

- Поки там так моливсь ясний Одиссей многотерпець,
Дівку ²⁾ тим часом у город сила везла пари мулів.
Як же до батькових славних вельми хорім добралась,
То зупинила мули в воротіх. Брати наоколо
5. Стали, подобні богам нестерельним, далі із воза
Мули повипрягали й у хату повносили плаття;
Сама ж у свій терем пішла. Там їй огонь розпалила
Стара Апейронка, її покоєва, Евримедуса.
Сю з Апейри колись кораблі привезли крутобокі;
10. Та її Алкиною вибрано в дар, як над усіми
Феаками він панував и народ його слухавсь, як бога.
Вона згодувала в хоромех білорукую Навсіяку,
Для неї огонь розкладала та їй окроме готовала вечерю.
Тоді то підвівсь Одиссей, щоб до города йти, Атена ж,
15. До його зичлива, туманом густим його оточила,
Щоб часом який з високоумних Феаків спіткавши, ³⁾
Нестав глумитись ⁴⁾ над ним словами та роду питати.
Коли ж уже мав уступити у город веселий ⁵⁾,
То там зустріла його яснооба богиня Атена,
20. Дівчиною молодою, з глекомъ въ руках, обернувшись,
Стала вона перед ним, а ясний Одиссей став питати:

---

¹⁾ Пустякний.

²⁾ Паниу.

³⁾ Зустрівши.

⁴⁾ З його глузувати.

⁵⁾ Приязний.

- „Дочко, чи непровела б ти мене до домівки мужа
Алкіноя, що тут меж сими людьми панує?
Бо я тут чужий, дознавши й перетерпівши чи мало,
25. Прихожу з далекого краю, тим то незнаю нікого
З людей, що держать сей город ¹⁾ і ниви сі роблять“.
К ёмуж промовила так ясноока ²⁾ Атена:
„Так я ж тобі, гостю ³⁾, той дом покажу, що ти кажешь,
Бо се недалеко од чесного батько мого домівки.
30. Тільки ти мовчки іди (а я по переду йтиму);
Непоглядай ні на кого і непитайся ні в кого,
Бо тут такі, що недуже чужих людей поважають,
Недуже то люблять вітати ⁴⁾, як прийде хто з иншого краю.
На кораблі швидки вони лиш вповають, та моря
35. Пучину ⁵⁾ на них переходять: так дав їм землі потрясатель:
А кораблі в їх швидкі, як птиці крило або думка.“
Так то сказавши, ёго повела Паллада Атена
Спішно, а він затим пішов по слідах богині ⁶⁾.
Її неостерегли ёго кораблями славні Феаки,
40. Як він по городу йшов поміж ними, бо непустила
Краснокоса Атена, грізна богиня: на ёго
Їмлю несказанну злила, добро замишляючи в сердці ⁷⁾.
Чудовавсь Одисеєй пристаням їх та кораблям рівнобоким,
Майданам для зборищ мужів, стінам довгим, високим,
45. Скрізь поостроженним частоколом навдивовижу.
Як же дійшла вже до славних вельми царських будишків,
Розмову таку ⁸⁾ почала ясноока богиня Атена:
„Отсе тобі, гостю батьку, той дім, що велиш показати;

¹⁾ Що в городі сім жнуть.

²⁾ Сивоока, синеока.

³⁾ Батьку, паноче.

⁴⁾ Раді приймати.

⁵⁾ Глиб.

⁶⁾ А дали й він пішов слідою богині.

⁷⁾ В думках до його зичлива.

⁸⁾ Річ таку.

- Застанеш як раз у ёму царів, годованців Дия,
50. Що пир пирують; ти ж увіходь, нічого небійся.
В душі смілий бо муж з усякого діла найлучче виходить,
Хоть би прийшов звідкіля на чужину из иншого краю.
Перш усёго 'спожу старайся знайти у палатах.
Ймення її не даром Арета й предків тих самих
55. Вона, що породили й мужа її Алкиноя.
Бо Навситоя зпершу зродив Посейдон, що землю хитає,
І Перибоя, найкраща з жіноцтва ¹⁾ на уроду,
Менша дочка великого серця Эвримедонта,
Що колись був царем над міру гордих гігантів
60. Та свій народ загубив нерозумний і сам з ним загинув;
З нею ж понявсь Посейдон і породив собі чадо,
Навситоя великого духа, що панував у Феаків.
А Навситой породив Рексенора та Алкиноя.
Того бездітним стрілою убив Аполлон срібнолукий,
65. Ще молодожоном у хаті. Він одно тільки чадо ²⁾ зоставив,
Арету, що Алкиной собі поняв за подружжя
Та її чтив, як ніхто нечтить ні жодної в світі,
Скільки ні есть жінок, що замужем держать хазяйство,
Оттака то їй честь ³⁾ була, як і есть, сердешна ⁴⁾
70. І од любих дітей й од самого Алкиноя,
І од людей, що на неї дивляться, наче на бога,
Та словами вітають, як отсе вона городом йтиме,
Вже ж бо доброго розуму їй позичати нетреба.
До кого вона зичлива, тим сварені мужам вона примиряє;
75. Як би б і тобі добра вь душі вона забажала,
Цевна б надія була що своїх ти побачиш, ⁵⁾ та прийдеш
До високого дому, до свого рідного краю“.

¹⁾ З жінок

²⁾ Одилицю, одиначку

³⁾ Повага

⁴⁾ Од широго серця

⁵⁾ И отчизную землю

- По сій мові 'дійшла ясноока богиня Алена
На непліднеє море, покинула милу Схерію
80. До Маратона прибула і улиць широких Алена,
Та в дом кріпкий Ерехтея ввішла. Одиссей же тим часом
К славним палатам ¹⁾ ішов Алкиноя. Тут в серці чимало
Думок він перебрав в мідяного ставши порога,
Неначе бо 'д місяця світло стояло
85. Скрізь по високому дому Алкиноя великого серця;
Стіни бо йшли мідяніі сюди і туди од порога
Аж геть, а зверху карниз на них з синєї криці навколо.
Од золота двері до дому кріпвого вхід замикали.
Срібні одвірки ²⁾ стояли на мідяному порозі
90. Срібний же був і наддвірок ³⁾, а вільце у дверей золотее
Срібні ж та золоті пообіруч собаки стояли,
Що їх Гефест поробив розумом хитрими та мудрим,
Щоб дому стерегли Алкиноя великого серця;
Бесмертві вони були й нестарилися ніввіки,
95. В домі ж сюди і туди до стін приставлені кресла
Скрізь од порога аж в глиб вилимами укріті
А вилими м'ягкі доброткані, жіноча робота.
Там то сижували на них Феаків привідці,
П'ючи та їдючи, бо було в їх усе доволі,
100. Далі хлопці там золотії на гарних підставках
Стояли в руках їх походні палали (огнем та світили).
Щоб видко було по ночах гостям пировати.
П'ять десятків робинь жинок було в ёго в домі.
З них которі на жорнах мелють яру пшеницю,
105. Которі пак за верстатими ткуть, та сидючи вовну
Прядуть, неначе те листя шумить на високій тополі;
Ткання ж густе, що аж з ёго стікає вохкая олива.

¹⁾ Хоромам

²⁾ Чуб. IV, 468.

³⁾ Приголока

- Як Феаки сами над усіх людей уродливі ¹⁾
Що морю гнати швидкій корабель, то так їх жіноцтво
110. Кросно ткати, бо над усіх дала їм Атена
Діло вміти робить чепурне та чеснеє серце ²⁾.
Поза двором побіля дверей сад там великий
На чотирёх десятинах, навкруги ёго йде огорожа,
Там дерево (всяке) високе росте, цвіте й зеленіє.
115. Груші, гранати, яблука плоду доброго їсти ³⁾
Та солодкі фіги та зелені оливи.
Плід на них непропада й небуває ёму недостачі
Аві зімою, ні літом год круглий. Зефир бо вічне
Там подиха: те ростить, а тому дає доспівати.
120. Одно за одним, за грушою груша, за яблуком яблуко зріє
Вянні китяги одна за одною, за фігою фіга.
Там далі посажений в ёго сад виноград многоплідний,
Інші китяги в ёму на припеці на рівному місті
Въянуть на сонці, а інші лиш ізбірають,
125. Інші вже дають, а спереду лози там ще зелені.
Інші ще цвіт іскидають, а на інших вже вгрона бриніють.
Там далі ще с самого краю грядки до ладу чепурні:
Всячина там росте, цілий годъ цвіте та буяє.
Дві там криниці: одна ростівається по всёму саду.
130. Друга з тії сторони під порігом двора протікає,
Побіля високого дому та з неї воду беруть городяне.
Оттакі то красні дари богів були в Алкиноя.
Ставши там, роздивлявся ясний Одиссей многотерпець.
Коли ж пак на все надививсь та в душі своїй надивовався,
135. Спішно через поріг він переступив та ввійшов у хороми.
Саме застав там Феацьких привідців та радців,
Що в честь зливали із чар лучному Аргоубійці.
Ёму звикли зливати послідньому вже про спочивок згадавши.

¹⁾ Тямуці.

²⁾ Добрий розум.

³⁾ Яблука красні.

- Ішов же через палату ясний Одиссей многотерпець,
140. Імлою веритий густою, що ёго оточила Алена;
Аж поки дійшовъ до Арети та до царя Алкиноя.
Коли ж Одиссей вже руками обвинив Арети коліна,
Тоді лиш додолу із ёго стекла імла несказанна.
Ті ж запитали усі у палатах мужа уздрівши.
145. Дивилися та дивувались, а Одиссей став благати:
„Арето, Рексенора дочко, що рівен з богами!
До мужа твого, до твоїх колін припадаю я бідний,
І пирнихъ гостей сих молю (хай боги їм у щасті дарують
Вік свій прожити, та нехай кожен з них дітям зоставить
150. І свій добиток у домі й що в честь ёму дано народом),
Ви ж одправу мені знарядіть, щоб скорійше ¹⁾ вернутись
До дому, давно бо вже горе терплю я од роду далеко“.
Тає сказавши, він сів на огнищі на попелищі
Побили огня, ті ж всі ушухнувши мовчки сиділи.
155. Аж дуже вже з годом озвався стар чоловік ²⁾ Ехеной,
Що з Феаків мужів найдавніш народився
Й річмі перевищував всіх ³⁾, давнини багато зазнавши.
Сей, добра їм жичливий ⁴⁾, обізвався и слово промовив: ⁵⁾
„Алвиной, негарно тобі й зовсім неходіла
160. Те, що гість долі сидить на огнищі на попелищі.
Так підведи бо ти гостя й на сріблом цвяховане вресло
Посадови та обличникам ще ізвели наміпати
Вина, щоб могли ми і Дієві в честь громолюбцеві злити,
Як випада нам при чесних странніх, що помочі просять.
165. (Що із чесними странніми разом ⁶⁾ до нашого дому приходять)
Хай гостю й вечеряти влюшниця дасть, що знайдеться въ домі....
А коли Алкиноя великая сила сеє зачула,

¹⁾ Швидче.

²⁾ Витязь.

³⁾ Узав над всіма.

⁴⁾ До них добровільний.

⁵⁾ Став промовляти.

⁶⁾ Вкупі. Гість в дом,—Бог в дом.

- То Одиссея на думки багатого взявши за руку
З огнища ёго підвів, посадив на лискучому креслі,
170. Синові встать приказавши хороброму Лаодаманту,
Що найближче до ёго сидів та був ёму наймиліїший.
Служка води принесла у гарнім глеку золотому
Й на руки злила над срібною мисою руки помити,
Далі розставила стіл гладкий побиля гостя,
175. Хліба кляшниця чесна тут принесла й положила,
Наставивши всяких наїдків, рада дати, що вь домі знайшлося.
Він же став пити та їсти, ясний Одиссей многотерпець.
Оттоді до окличника такъ Алейноева сила озвалась:
Рознеси, Понтоною, змішавши у чаші напиток“
180. Усім по палаті, щоб и Дієві вь честь громолюбцю ізлити,
Що з чесними странніми в купі до нашого дому приходить“.
Так він сказав. Понтоной, медового вина намішавши
Й порозливавши по чарах, усім порозносив в палаті.
Вони ізлили й напилася, скільки душа забажала.
185. Тоді Алкиной до них обизвавшись став промовляти:
„Послухайте лишень мене, Феацькі привідці та радці,
Нехай я скажу, що у грудях душа мені повеліває.
Одпирувавши тепер ідіте спати до дому,
Завтра ж рано з зорі, старшини ще більше зівзавши,
190. Гости вь палатах ми вгостимо та великеє свято
Справим богам, а затим вже і як виправляти в дорогу
Будем гадати, щоб гостю зовсім без труда и досади
За проводом нашим добратись до свого рідного краю
Весело й скоро, хоч як би туди було там далеко;
195. Та щоб тим часом він недознав ни лиха, ни горя,
Поки неступить на свою землю, а там нехай терпить,
Що ёму доля дала на роду й неласкавії пряхи
В нитку упряли, коли ёго мати на світ породила;
Колиж—пак хто із безсмертних тепер зійшов до нас з неба,
200. То значить либонь, що боги ипше щось мають на думці ¹⁾

¹⁾ Ипше щось затівають.

- Бо досі боги завжди ¹⁾ з'являються нам очевидно,
Скоро ісправимо їм з ста биків преславную жертву,
Та там, де і ми, пирують, із нами сідаючи поруч.
Хоч би і сам ідучи із нас подорожній спитався,
205. То нехороняться 'д ёго, бо ми ж їм рідня недалеко
Та, як і кивлопи, такъ, як і дикі племена гігантів. "
Ему ув одвіт Одиссей многодумній став так промовляти:
„Алкивою, журися не сим, коли хоч, а чим иншим,
Бо я неподобен богам, що держать широкеє небо,
210. Станом ві зростом, такий я, як всі смертельні люди,
Та кого знаєте ви із людей, що найбільше печалі ²⁾
Зазнали ³⁾, то хіба з тим яб міг своїм горем зрівнятись.
Можна б мені вам щей білше про лихо своє розказати,
Скільки усячини вытерпів я із волі бесмертних,
215. Тільки хош і смутному, дозвольте мені повечерять,
Бо безстиднійшого над живіт ненавистний нічого
Немає; він силоміць про себе згадати заставить,
Хоч як ти захлянь од біди, хоч як буде горе на серці
От хоч би й я маю горе на серці, а він все таки мене
220. Нудить ⁴⁾ їсти та пити і про все велить забувати,
Що я перетерпів, та все лиш себе велить поповняти;
Ви ж поспішіть та завтра, скоро заря забіліє,
Одішлите ⁵⁾ мене бідолаху до мого рідного краю,
Хоч би й багато прийшлось бідувати, хоч збутися віду,
225. Тільки що вздрівши хазайства ⁶⁾, робинь і дім свій високій. "
Так він сказав, ті ж всі похвалили та ізвелили ⁷⁾
Одправити гостя до дому, бо він до діла говорить.
А як излили й напилися скільки душа забажала,

---

¹⁾ Завше.

²⁾ Горя найбільше

³⁾ Вивнесли

⁴⁾ Силує

⁵⁾ Виправляйте

⁶⁾ Добро

⁷⁾ Дали пораду

Кожен спати лягати побравсь до своєї домівки.

230. Тільки сам ясний Одисей в палаті zostався,
А коло його ¹⁾ сиділи Арета та боговидний
Алкиной, служки ж пирове прибірали начиння.
От почала білорука Арета таку розмову.
Пізнала бо, вздрівши плащ та сорочку, гарну одержу,
235. Що робила її ²⁾ сама із службним жіноцтвом,
Та озвавшись стала крилаті слова промовляти:
„Гостю, попереду ³⁾ я сама тебе попитаюсь,
З яких ти людей? відвіля? хто дав тобі сюю одержу?
Чи ти неказав, що по морю блукаючи є нам ти прибився?“
240. Одповідаючи їй, Одисей многоумний промовив:
„Трудно, цариче, ⁴⁾ іздрібна напасти мої розказати,
Бо їх чимало дали боги з високого неба
Тільки скажу, про що розвідуєш ти та питаєш.
Онегія, острів такий лежить на одшибі в морі,
245. Там Атланта дочка живе, лукава Калипсо,
Краснокоса ⁵⁾ страшная ⁶⁾ богиня.
Ніхто ні з богів, ані з смертних людей незнається з нею,
Тільки мене до її очага привела лиха доля,
Як перуном ясним швидкий корабель підо мною
250. Вдаривши Зевс розщепив посеред виноцвітного моря.
Ише все там погбло чесне моє товариство;
Сам я, за киль корабля крутобоклого взявшись руками,
Дев'ять дней носивсь, на десятій темної ночі
К острову Огигії прибили боги. Там Калипсо
255. Живе довгокоса (грізна) страшная богиня. Вона мене взявши,
Щиро мене доглядала й кормила, нераз обіщалась

---

¹⁾ Та при йому

²⁾ Прала та ткала

³⁾ З самого першу

⁴⁾ Княгине,

⁵⁾ Довгокоса

⁶⁾ Та грізна

- Вчиняти смертним та щоб і нестарівсь ніколи ¹⁾,
Одначе ²⁾ серця мого в грудях немогла вговорити,
Там я сім год підряд пробував, смертний шати,
260. Що їх Каліпсо дала, нераз обливав слезами ³⁾.
Коли ж прийшов осьмий...
Тоді сама підштрикнула ⁴⁾ мене й звеліла вертатись.
Чи то Зевс їй звістку послав ⁵⁾, чи в самої думка змінилась,
На поромі одпустила кріпкому, надавала
265. Їжи й напою смачного, вдягла у смертну одягу
Й вітер понутний послала погожий та тихий.
Сімнадцять день я плавав так перебуваючи море,
На вісімнадцятий вже замаячили темні гори
Вашій землі, і зраділо милеє серце у мене
270. Злощасного, ще бо мав я прийняти ⁶⁾ лиха чимало:
Їго набавив мені Посейдон, що землею хитає.
Вітри на мене піднявши, усі путі зав'язав він,
Море змугтив несказанно; хвиля ніяк надавала
На поромі плисти, довелось тяжко стогнати.
275. Далі вітер паром мій розкидав, аж став пучину
Перебувати у плав, розрізаючи воду, аж поки
Із вашій землі мене вітер приніс, та море прибило.
Тут, як вилазити став, силоміць понесла мене к берегу хвиля
Й на скелі великі шпурнула, на негожеє місце.
280. Пустившись берега, вп'яять я поплив, аж поки добрався
До річки. Тут здалось мені було кращеє місце:
Скель небуло, та надто був ще захпет од вітру.
Впав я дишучи важко ⁷⁾ і ніч на мене смертна
Зійшла. Далі геть одійшовши од річки, що падає з неба,

¹⁾ По всі дні

²⁾ Тільки.

³⁾ Слезми обливав гіркими.

⁴⁾ Наустила.

⁵⁾ Й сповістив.

⁶⁾ Завзять.

⁷⁾ Набираючись духу.

285. Спати увлався в кущах, купу листя собі наагрібавши,
І бог тут на мене сон излив безконешний.
Там закопавшись ¹⁾ в листя, з смутком у серці своєму
Спав я всю ніч, щей ранок і дня половину.
Заходило сонце, тоді мене сон покинув солодкий.
290. Тут служок твоєї дочки я вздрів на горбочку;
Грались вони, сама ж серед їх неначе богиня.
Став я благати її, в єї добрий розум ²⁾ знайшовся;
Несподівався я сього, молодую людину спіткавши,
Що так вона вчинить, бо, що молоде, завжди нерозумне. ³⁾
295. Вона мені хліба у волю дала й вина, що од ёго
Щоки горять, у річці помила й дала сю одежу.
От я тобі смутний розказав усю правду.
Ёму пак відповідати став Алкиной та озвався:
„Гостю, одначе ніяк того нездумала греци
300. Дитина моя, щоб тебе у купі з служками дівками
До нас привести. Адже ж її першу вмовляв ти“ ⁴⁾.
Одповідаючи, так Одиссей многоумний промовив:
„Герою, за се несварися, прошу, на чесную панну,
Вона бо звеліла мені іти у купі з служками.
305. Так я нескотів, бо сором було, та таки і боявся,
Щоб як побачиш, душа твоя часом нерозъярилась,
Бо ми на землі племена людський—серця палого“.
Ёму пак Алкиной відповідати ставъ та озвався:
„Ой не такеє, гостю, у грудяхъ серце у мене,
310. Щоб необашно яритись, лучче все вміру та греци,
Щож? Як би б, Дію-отче, Атено і Аполлоне,
Такий, як от ти, та однакових думок зо мною
Взяв дитину мою та зятем моім назвався,

1) Зарившись.

2) Рада.

3) Необашне.

4) Просив.

- Тута жити zostавшись! Двір би я дав тобі і хозайство, ¹⁾
315. Як би ісхотів ти zostатись. Силоміць же ніхто із Феаків
Тебе незадержить. Було б се Дієві батьву немило.
А щоб ти знав певно, такъ я одправу тобі назначаю
На завтра. Поки ти будеш знеможенний сном спочивати,
Судно будуть гнати по тихому морю, аж поки приставеш
320. До краю й до берегу, чи пак куди тобі любо.
Нехай би і геть було дальше туди, аніж до Евбеи—
Вона найдальша од нас, мовляли ті, що видали
З наших людей, як туди русявого Радоманта
Возили з Титієм побачитись сыном землі
325. За день добігли вони туди без труда і без втоми,
Та ще у ту самую днину назад до дому вернулись.
Сам ти побачиш своїма очима, які кораблі в нас,
Та чи молодці наші вміють море веслом розгинати“
Так рече. Ізрадів ясний Одиссей многохитрець,
330. Молитися став і слово сказав, іменням назвавши:
„Дню отче! ²⁾ бодай бо усе, що сказав він, збулося!
Альвиною бодай була негасимая слава
По хлібодарній землі, мені ж дай до дому вернутись“.
Поки вони собі так один із одним розмовляли,
335. Білорува Арета тимчасом служкам ізвеліла
На піддашку ліжко цоставить, килим пурпуровий гарний
На ёму повласти, а зверх килимів простині прослати,
Та ще положити косматі плащі, щоб було чим увритись.
Взявши світло ³⁾ у руки, вийшли служки із палати.
340. Коли ж незабаром ёму впругеє ложе послали,
То перед ним поставали та стали підводять словами:
„Вставай уже, гостю, йди спати, постіль тобі вже готова“.
Так говорили, й ёму хотілося вже одпочити.
Так там став засипати ясний Одиссей многотерпець

¹⁾ Добиток.

²⁾ Батьку.

³⁾ Походні.

345. На ложі з різьбою на гулкому ¹⁾ підашші.

Алкиной же велався у дальній кімнаті високого дому,
А біля ёго пані ёго стала постіль собі слати.

VIII р а п с о д і я.

Скоро з'явилася рання зоря, рожеві пальці,
З ложа тоді підводиться стала ²⁾ Алкиной великая сила.
Встав тоді й Одиссей божеродний городоборець. ³⁾
Іх повела тоді Алкиной великая сила

5. На радний майданъ Феавів, що в них був 'д кораблів недалеко.

Прийшли й посідали поруч на тесаних з каменя сижак.
Тимчасом по городу скрізь ходила Паллада Атена.
Алкиноевого окличника вид на себе принявши
Та вороття Одиссею великому серцю готуючи мудро.

10. Біля кожного мужа вона зупинялась та слово казала:

„А ну-те збирайтесь сюди, Феацьві привідці та радці,
Ідіте у раду на плець новинку почути про гостя,
Що то недавно прибув ⁴⁾ до Алкиной разважного дому,
Наблюкавшись по морю и станом подобен бесмертним.“

15. Сеє сказавши, у кожній душі охоту збудила.

Спішно зібралися люде, повен майдан став и сижі.
Багато ⁵⁾ таких було, що тутъ дивувалися глядя
На сина разважного батька Лаерта. Ему бо Атена
Невимовну ⁶⁾ красу ізлила на главу і на плечи,

20. Вищим зробила на вид і шіршимъ у плечіх, ⁷⁾

Щоб Феакам усім став він любий та милий,
Грізний и честний, та щоб тому усёму він подужав,

¹⁾ Гучному, дзвінкуму.

²⁾ Підвелась

³⁾ Г'ородів розрушитель

⁴⁾ Завітав

⁵⁾ Народу

⁶⁾ Несказанну

⁷⁾ Щоб вищим адавався на погляд і товстійшим (дебельшим).

Чим мали спробувати его сили (мужі) Феаки.

Як же зібрались Феаки та до громади зішлися.

25. То тоді Алкиной озвався, та так до них став промовляти:
„Послухайте лишень сюди, Феацьві привидці та радці!
Нехай я скажу вам, що у грудях душа мені повеліває:
Гость сей, незнаю хто він, прибудившись до мого дому
Не то од людей сходових, не то ¹⁾ од західних, незнаю,
30. Просить одправи та молить напевно ёму щоб сказати
Такъ ми ёму, як вже й бувало, даймо скорійше одправу;
З тих бо, хто коли-небудь до мого дому заходив,
Ще тут ні один не тужив ²⁾, дожидаючи довго одправи.
Такъ нумо, чорний стягнім корабель на божее море,
35. Ще первоплавний та ще нехай одбереться з народу
П'ятьдесят два молодці, які вже звісні за луччих.
Їдіте усі й до увлючин весла гаразд прив'язавши,
Виходьте на суходіл ³⁾ та обід готуйте нашвадеу,
До нашого ⁴⁾ дому прийшовши, а я усёго в волю достачу.
40. Се ж молодцям поручаю, а ви усі інші,
Берлодержці, князі ходіте до мого дому
Красного й будемо люб'язно гостя въ палатах приймати ⁵⁾.
Неодмовляйся ніхто й співака Демодбока кличте
Божого, бо не кому бог дав пісню людей звеселяти
45. Всяк раз, як тільки співати ёго душа потагає“...
Так сказавши, перед повів, за ним берлодержці
Услід, співакові ж божьому поводитирем бувъ окличниць.
П'ятдесят і два молодці, що їх одібрано з люду,
Пішло, як той ізвелів ⁶⁾ на берег неплодного моря.
50. Як же до корабля дійшли й до хвилястого моря

¹⁾ Чи.

²⁾ Не жалкував.

³⁾ Вертайтесь та.

⁴⁾ Мого.

⁵⁾ Любенько гостю въ палатах справимо учту.

⁶⁾ Приказав.

- Чорний стягли корабель на глїб солоного моря.
На кораблєві щоглу звели й паруси приладнали,
В ремінні петлі весла вони повдївали,
Все як подоба ¹⁾, та білі вони паруси розпїляли.
55. Од берега геть корабель вони встановили ²⁾, а далї
Пустилися йти до палат розважного Алкиноя.
Повно стало людей на піддашнях ³⁾, в дворї і в палатах
І молодих і старих багато туди назбіралося.
Ім Алкиной двадцятєро овець дав на жертву,
60. Вісім свиней ясновубих, та пару бивів кривоногих.
Обїдравши й обпатривши все, вони пир собі милий зробили.
Овличинь тут підїшовъ, ведучи свїтака любязного:
Паче всіх ⁴⁾ ёго Муса злюбила, добром надїливши і ляхом,
Свїтло згасила ⁵⁾ очей и дала солодкую пісню.
65. Ёму Помтоной поставив сїблом цвяховане кресло
Посеред гостей пирових, спиною к стовпу ⁶⁾ ёго прислонивши,
На влївці ⁷⁾ завїсав ёму кобзу він голосную
Над головою як раз й навчив, як їх руками достати.
Кощиє гарний із хлїбом поставив побїля ёго
70. Й на похватї чару вина, щоб пив, як душа забажає.
Тї ж до готової страви ⁸⁾ руки попростягали.
Як же до пива й їства уже одїгнали охоту,
То Муса слїпця наустила славу мужїв воспівати,
Пісень, що їх слава тоді досягала широго неба
75. Про Одиссеєву сварку ⁹⁾ з Пелеєвичем Ахиллом,
Як на пишнім божім пїру вони раз посварились

¹⁾ Як слїд.

²⁾ Прикренили.

³⁾ Присїнках.

⁴⁾ Вельми.

⁵⁾ Збавила свїтла.

⁶⁾ До стовпа.

⁷⁾ На вїлку, на влїночку. Kolb. II, 128.

⁸⁾ Котл. 152.

⁹⁾ Спїрку, суперечку.

- Страшними ¹⁾ словами, а владика ²⁾ мужів Агамемнон,
Нишком радів, що вже найперші з Ахеєв сваряться,
Бо віщуючи так був прорік ёму Феб Аполлон
80. В Питі святій, як поріг кам'яний переступив він,
Щоб бога спитати; тоді котився ще лиха початок
На Троян і Данаїв з ізволу ³⁾ великого Дня.
Так оттаке-то співак преславний співав, Одиссей же,
Плащ великий багровий руками потужними ⁴⁾ взявши,
85. Натягъ собі на голову і закрив собі красне обличчя.
Бо Феаків стидно було, що з під брів ёму слези точились. ⁵⁾
Як тільки ж переставав співати співак божеств'єнний,
То, втерши слізу, з голови собі плащ ізнімав Одиссей
І, чару двійчату узявши, на честь богам ізливав він.
90. Коли ж той уп'яють починав ⁶⁾ і ёго понукали співати
Мужі знайчнійші з Феаків, бо їм пісьня була до вподоби ⁷⁾,
То, голову вкривши уп'яють, Одиссей починав тужити.
Од інших усіх вталося те ⁸⁾, що він плаче слёзами,
Тільки Алкіной один завважив та догадався,
95. Бо близько сидів ⁹⁾ і чув его важкеє зітханннн.
Й зараз до веслолюбців Феаків став такъ промовляти:
„Послухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці,
Досить вже душу свою вдовольнили ¹⁰⁾ ми пиром посполу
Й бандурою ¹¹⁾, що то веселій беседі ¹²⁾ єсть товаришка,
100. Тепер же виходьмо й давайте усяково пробувать сили,
Щоб гість наш міг розказати своїм, до дому вернувшись,

¹⁾ Грізними.

²⁾ Сподарь.

³⁾ Зволі.

⁴⁾ Міцними узявши

⁵⁾ З очей йому слёзи лилися.

⁶⁾ Розпочинав, заводив.

⁷⁾ Подобалась пісня.

⁸⁾ З інших не постеріг нікто.

⁹⁾ Сидячи близько та чувши.

¹⁰⁾ Напасли до сита.

¹¹⁾ Ясному пирові.

¹²⁾ Лирою.

Як над іншими ми усіма узяли й навчулачки
І боротьбою, й скаванням і навзаводи бігом.“

Так сказавши, перед повів, а ті за ним слідом.

105. Вп'язь на кілок голосную бандуру ¹⁾ повісив оєличник,
Взяв Демодока за руку і повів ёго із палати.
Й попростував із ним туди ж, куди пішли инші
Значнійші з Феаків, на грище дивитись на перебіійців.
Побралися всі на майдан, а з ними юрба велика,
110. Тьма нечисленна. Добрих молбдців тут встало багато.
Акроней піднявся, за ним Елатрей и Окіал,
Встали Навтей и Примней, встав Еретмей и Анхіал,
Встали Понтей и Прорей и Тоон и Анабесиней,
Далі Амфіал, син Тектоновича Полинея,
115. Й Евріал устав, мужогубцю Арею подобний,
И Навболід, що після безпорочного Лаодаманта
Був з Феаків усіх найкращий вродою й станом;
Встало й троє синів безпорочного Алкиноя,
Лаодамант и Галій и богоподобний Клитоней.
120. Попереду пробувать стали вони, хто швидкий на ноги.
Од мети простягся їм тів ²⁾; вони всі посполу
Швидко ³⁾ пустилися бігти, збиваючи порох ⁴⁾ по полю.
Бігати ж вдавсь куди лучший од всіх безпорочний Клітоней.
Якї на цілині ⁵⁾ вь пари мулів гони бувають,
125. С — так перегнавши, вернувсь до людей, ⁶⁾ ті ж поодставали.
Инші давай боротьбою важкою мірати силу.
Тут Евріал усіх і найлуччих подужав ⁷⁾;
Скавати ж з усіх найлуччий вдавсь Амфіал,
Круг же кидати був Елатрей з усіх найзручвійший ⁸⁾;

¹⁾ Кобзу

²⁾ Біг

³⁾ Проворво

⁴⁾ Порох, пил

⁵⁾ новни

⁶⁾ К меті він вернувсь,

⁷⁾ одолів і найлуччих

⁸⁾ Над всіма далеко зручвійший

130. На вулаки ж Лаодамант, вдалих син Алвиноя.
Коли ж так серце своє уже вдоволили змаганням,
Так тут до них Лаодамант озвався, Алкиноєво чадо;
Давайте, братця, спитаємось гостя, чи він невіє,
Чи часом незвик до якого змагання? На віст він незгірший,
135. На стегна і литви нещуплий й на обидві руки ізверху,
На в'язи дебели й великую силу. Ще й нестарий він,
Тільки що лихо ёго хиба скрутило велике,
Бо, я кажу, немає на світі гірше, як море:
Знівечить мужа воно, хоть яка була в ёго сила.
140. Евріял ему тут одповідати став та промовив:
„Лаодаманте, дуже іг речи сказав єси слово!
Сам же пійди та визви ёго й скажи, в чому сила.“
Як же зачув сеє слово вдалих син Алвиноя,
Виступив, став ¹⁾ у громаді й до Одиссея промовив:
145. „А ну лишень, гостю паноче, і ти (з нами) сили поспробуй,
Коли часом в чому ти мистець; та мабуть ти знаєш се діло,
Бо мужу, аж повн він жив, немає більшої слави
Над то, що він вдіє ногами й руками своїми.
Так нубо спробуй, розбий свої сердешні туги:
150. Довго одправи ждати небудеш, вже бо для тебе
Стягнуто і корабель і готове уже товариство.“
Ему у одвіт Одиссей многоумний став промовляти:
„Лаодаманте, чи се не на глум мені велите ви? ²⁾
Злидні мої у мене на душі, а не змагання:
155. То бо я був натерпівся немало, й намучивсь немало!
Тепер на майдані вашім сижу та жадаю ³⁾ одправи,
В господаря и в народу всього благаючи ласки.“
Став тут Евріял ⁴⁾ ему одвічати та в вічи налавав:
„Значить, не до того молодця тебе, гостю, рівняю,

¹⁾ Пішов по середині, став

²⁾ Чи се велите ви мені на наругу (на сміх)?

³⁾ Жегну

⁴⁾ Одповідати йому став

160. Що змігши на всіяї змаганія, яких між людьми єсть чимало,
А до того, що, вештаючись з кораблем многовеслим,
Над такими, що і гребці і кунці, ватагує,
Кладь держити на умі, та (й) вимінять де визирає
Та вхопить баришів. На бійця, бачу я, ти непохожий.“
165. Скося на его зирнувши, прорік ¹⁾ Одисей многоумный:
„Негарно ти, гостю сказав ²⁾, немов чоловік необанний.
Так то не всім мужам боги усе гарне дарують
Вкупі і зріст и розум добрий и врасную мову: ³⁾
Инший муж на вроду буде собі неприглядний,
170. Та бог словам его постать дає и людям на єго
Мило дивитись, як він без упину до їх промовляє
Тихо та чесно, над усіма беручи у громаді;
І коли він городом йде на єго глядять, як на бога;
Инший упять ⁴⁾ буде на вроду подобен богам нескертельним,
175. Так річей-бо єму на вруги краса нехвітає;
От як і в тебе прекрасная врода, що й бог II инше
Та краще нездужа зробить, а на розум єси ледащо.
В грудях моїх ти мені усю змутив єси душу
Словом своїм незвичайним ⁵⁾: ненеук бо я у змаганнях,
180. Як от ти кажеш. Думка така, що бувавъ я у перших,
Поки на вік молодий свій вповав та на свої руви.
Тепер мене лихо й журба узяли ⁶⁾, бо терпів я багато,
Через битви ⁷⁾ з людьми и хвилі важкі пробивався;
Ну та дарма, хоть терпів я сто лих, а попробую сили,
185. Бо в серце вѣлася річ, мене вѣязвив ⁸⁾ єси єю.“
Так. Та як був у плаці, исхопившись узяв він у руву

¹⁾ Сказав

²⁾ Сказав єси, гостю, негарно,

³⁾ Твху вимову

⁴⁾ Так

⁵⁾ Негошим. Ном. 348, 378.

⁶⁾ Скрутили

⁷⁾ Побой Гол. IV, 43

⁸⁾ Серцеїдная річ; уразив.

- Круг і білший и товщій, немалым чим дебелійший
Од тих, якими видались попроміж себе Феаки,
Та размахавши ёго, пустив міцною рукою.
190. Камінь загув; ік самій землі аж попріпадали
Довговеселі Феаки, мужі корабельщизни славні,
Під каменя лётом, а він перелетів всі признави,
Швидею пустившись з руки. Положила признаку Атева,
Станом вподобившись мужу, слово рекла і сказала:
195. „Й сліпий тобі, гостю, міг би твою распизнати прикмету
Пёмацки, з іншими бо вона незмішавшись у купу,
Геть тобі далше лежить. Так ти за сей раз небійся:
Сюди з Феаків ніхто недокине, ані перекине“.
Так сказала, зрадів Одиссей многотерпець
200. Тим, що друга собі прихильного вбачивъ на гриці
Й з легшим серцем уже овзавсь до Феаків:
„Пови що докидайте молодші, ¹⁾, а я зараз і другий
Камінь пуцу у слід туди ж, або може ще далше.
З інших же всіх Феаків, кому серце велить та охота,
205. (Той) Виходь сюди спробуйсь зо мною (бо мене ви розсердили
дуже)
На кулаки, чи борбою, та хоч би і бігти: нічого
Неодрікаюсь ні з кім, аби не з Лаодамантом,
Бо я ёго гість; а з тим, хто частує, хто ж буде битись?
Муж такий либовъ ²⁾ нерозумний був та нікчемний,
210. Щоб хазяїна став визивати на спір та битву
Въ чужій стороні. Такий сам же своєє все теряє.
З інших усіх нікому не 'дмовляю, ніким не гордую.
Рад я кожному глянути в вічи, поміратись з кожним,
Бо и незгірший у всіх, які межі людьми єсть змагання.
215. Добре вмю я лука гладкого узяти у руки,
Перший з усіх в свою попаду я стрілою у купі
Мужів ворогів, хоч би б товариства і дуже багато

¹⁾ Доквиьте, хлопці.

²⁾ Хябаб

- Поруч зо мною ¹⁾ стояло й стріли метало ²⁾ в ту вуцу.
Тільки один Филоктет мене подужував луком
220. В троянській землі, як почнем було з лука стріляти, Ахейці;
Од інших усіх, я кажу, я буду далеко зручнійший,
Які тепер на землі живуть та хліб жують ³⁾ люде.
Из стародавними ж я мужами тягаться нехочу,
Ані з Гераклом, а ні з Эвритом из Ойхалії.
225. Ті нераз і з богами безсмертними луком змагались;
Там то и скоро погиб великий Эврит, недійшовши
До старостей у палатах; на ёго розгнівався Аполлон
Та вбив за вину ⁴⁾, що той визивав ёго з лука стріляти.
Сулицю мечу я ⁵⁾ туди, куди инший стріли недокине;
230. Тільки за ноги боюсь, що мене якій из Феаків
Пережене, бо страх як дуже ⁶⁾ мене вгамовали
Хвилі многі, як не все ж було можна у волю житись ⁷⁾
На кораблі. От то сустави мені розв'язало ⁸⁾.
Так він сказав, а ті усі притихли й мовчали,
235. Тільки Алкиной один у одвіт ёму став промовляти:
„Гостю, не на досаду ж ти нам сі речи говориш,
А хочеш виявить вдачу ⁹⁾ свою, що ходить у парі з тобою ⁹⁾.
З жалю, що муж той ¹⁰⁾ на гриці приставши тебе ізневажив,
Коли вдачи твоєї либонь и жоден смертний незгудить,
240. В когó розуму стане що б до ладу що сказати ¹¹⁾,
Тепер і од мене вислухай слово, щоб ще кому міг ти
Переказати з героїв, коли у своїх ти палатах

1) Побіля мене.

2) Пускало.

3) Їдять.

4) За те.

5) Копье я пускаю туди.

6) Бо дуже аж сором.

7) Як не все було шануватися можно (роскошувати).

8) Доблесть.

9) Слідом за тобою.

10) Пристав на тічку.

11) Що має розум та до ладу вмє слово сказати.

- Его частуватимеш вкупі з женою і з дітьми своїми .
Й про доблесть нашу спом'янеш про те, на які діла й нашим ¹⁾
245. Вдачу ²⁾ Зевс приспора ³⁾ ще од батнів зпредьовіку.
Бо хоть кулашники ми не найлуччі, а ні борці ми,
Так ногами бігти прудві ми, кораблями—ми перші,
Пир нам милий по всяк день, витара та корогоди,
Та перемінні шати, та теплі купелі й постелі.
250. Так нуте ви, плясуні Феацькі, явні наймерші,
Пляшіте, нехай наш гість своему милому роду розкаже,
До дому вернувшись, як над всіма верха беремо ми
І мєреходствомъ і бігомъ прудким, і плясом і снівом,
Та нехай ето мерщій шатнеться, та кобзу дзвінку Демодоку
255. Хай привесе, вона лежить либожь вь нашихъ палатахъ."
Такъ сказав Алкиной до бога подобний. Овлічник
Зхонивсь ⁴⁾, щоб кобзу гладку принести із царьского дому.
Дев'ять усіх судців ⁵⁾ повстало громадських вибранців,
Що добре всякої справи вони доглядали на грищахъ.
260. Розрівняли тічое, простор ізробили на гривці.
Окличник тут надійшов та кобзу дзвінку Демодоку
Приніс. Сей на середину вийшов, его оточила
Молодь, що саме сієцця ус, та вдала ⁶⁾ до танця
Й притупуючи чудовий танок повела, Одиссей же
265. Дивитися став на ніг миготню та в душі дивоватись.
Той же грати на кобві почав та гарно співати,
Як покохались Арей й Афродита у краснім віночку ⁷⁾,
Як у перш понялись тайком у Гефайста в палатах:
Надавав їй багацьво Арей, ложе й постіль обещистив
270. Гефайста пана, та незабаром сему приніс звістку

¹⁾ І нам до діла якого.

²⁾ Вдачу.

³⁾ Ном. 236; дарує.

⁴⁾ Встав.

⁵⁾ Судей.

⁶⁾ Скусна.

⁷⁾ Про кохання Арей и у краснім вінку Афродіти.

Гелій, що постеріг, як вони милувались обнявшись.

А Гефайст, скоро як жалем сердешним почув сеє слово,

В вузю пішов, на дні душі коверзючи злеїе ¹⁾,

Надів на волюду ²⁾ ковадло велике й став пута ³⁾ кувати,

275. Що не зламати ні розв'язати: так тамъ і вастрянуть ⁴⁾.

Колиж змудрував тую пастку, люгуючи все на Арєя,

У спальню свою побрався, де в єго ліжко стояло,

Та од ніжок навжруги відусіль ровіп'яв тії сїти.

Чимало ⁵⁾ їх ізвисало й од сволюка понад кроватю,

280. Як паутна тонких, що нікто б їх незауважив

Навігъ з блаженних богів: так були зроблені хитро.

Коли ж свої хитронці всі він розіп'яв зруг кроваті,

Прикинувся, що в Лемнос иде, у гарно збудований город,

Бо таа земля єму з усіх земель наймиліїша;

285. Несліпу ж сторожу держав и Арєй, віжки золоті:

Вздрівши, що Гефайст роботою славний з двора вирушає,

Зараз пустився ⁶⁾ іти до преславного Гефайста дому.

Любоців бо забожалось єму Китерєй в віночку.

Недавно од батька могучого ⁷⁾ Креновича повернувши,

290. Тільки ще сіла вона, як той увійшов у палати,

За руку стиснув її й назвавши слово промовив:

„Мила, сюди, до ліжка, ляжмо заживимо утіхи,

Гефайста дома немає, десь вже потят він

До Лемна, до Сягтїв, люду дикої мови“.

295. Так він сказав, і їй показалося мило лягти в ним

В парці до ліжка; нішли і поснули, а штучні пута

Гефайста премудрого тут відусіль облягли ⁸⁾ їх.

¹⁾ Лихо.

²⁾ Дуба.

³⁾ Сіти.

⁴⁾ Ахей и Афродіна.

⁵⁾ Багато.

⁶⁾ Зібрався.

⁷⁾ Потужного.

⁸⁾ Обняли.

Ані рукою-ногою рухнути, ані устати.

Стамилися тоді; як було вже шкода ¹⁾ утікати.

300. Зблизивсь до них преславний Г'ефайст сильний обіруч,
Що повернувся назад, до Лемна землі недійшовши,
Бо Гелій ёму сторожу держав, та сказав, вь чому сила.
Попростував до палат, в серці смутний невеселий,
Став у дверях, и дикий гнів почав ёго брати,

305. Й криє страшний він підняв, аж чутко стало богам всім:
„Дию батьку и всі ви боги щасливі та вічні,
Йдїть подивїться сюди на смїшне й незносне діло,
Як хромого мене Дия дочка Афродита
Вік в зневазі держїть и Арея губителя любить, ²⁾

310. Тим що гладший ³⁾ кріпкий на ногах, а я недолугий
Вродився. Адже ж сёму ніхто мені ивший невинен,
Як батько та мати. Було їм мене неспложати!
Гляньте лишень, у чому любенько собі спочивають,
На ліжко моє забравшись! а я дивлюсь та нужуся ⁴⁾

315. Тїлько; ачей вони невлежалиб так і часину,
Хоть як собі любляться дуже; минулася б зараз охота
Спати у двох, та *коварство* моє і пута продержати,
Аж поки батько мені всёго віна до пяти ⁵⁾ неверне,
Що я вручив ёму за дівку безстидную суку.

320. Во в ёго гарна дочка, та тїлько душі в їй немає.“
Так він казав. Зїбралися ⁶⁾ боги к мідяному порогу
Дому; прийшов Посейдон земледержець, прийшов і добродїй
Гермей, прийшов і пан стріловержець Аполлон,
Лиш ⁷⁾ богині—жінки з соромá zostалися дома.

325. Стали у дверїх боги, подателі всякого вжитку, ⁸⁾

¹⁾ Дарма.

²⁾ И коха душогуба Арея

³⁾ Хороший

⁴⁾ Журюся

⁵⁾ До щерги

⁶⁾ Ізїйшлися

⁷⁾ А

⁸⁾ Блага

Й сміх невгавущий боги підняли проміж себе блаженні,
Глядючи на премудрого Гефайста вігадкі хитрі.

І не один з них отгуг на сусіду зглянув та мовив:

Не на користь ¹⁾ лихі вчиньки; і тихий настигне прудкого,

330. Як от і тепера Гефайст нескорий та злапав Арея,
Хоть найскорійшого з всіх богів, що живуть на Олімпі,
Хромий та штучний ²⁾ підходом. Той мусить дати одчипного.

Як оттаєє вони один із одним говорили,

До Гермея промовив пан син Диїв Аполлон:

335. „Диїв сину, посланче богів, подателю блага!
Чи нехотів би й ти, може, у тенета ³⁾ такиї попавшись,
Спати оттак на ложі при золотій Афродиті?“

Тут ёму ув одвіт став сворий посел промовляти:

„Як би б сеє сталося, пане Аполлоне далековлучний,

340. Нехай би тричі твої безконечні нас пута держали,
Нехай би дивилися всі ви боги та ще й всі богині,
Я все таки рад би лежати при золотій Афродиті.“
Так він сказав. Між богами безсмертними регіт піднявся,
Лиш Посейдаона сміх небрав, він віробом славного

345. Гефайста пильно ⁴⁾ просив розв'язати Арея

Й, до его озвавшись, став крилаті слова промовляти:

„Пусти ёго! а за ёго обіщаюсь, що, як сам прикажеш,

Він по правді заплатить усе, як закон ⁵⁾ між богами!“

Ему пак обіруч сильний мистець пресловутий ⁶⁾ промовив

350. „Ти, Посейдаоне земледержче, мені неросказуй
Такого, бо за ледачих ледачі й поруки бувають.
Як я тебе між богами безсмертними маю в'язати,
Як часом Арей повіється, збавившись довгу і пута?“

¹⁾ Добро

²⁾ Хитрий

³⁾ Пута

⁴⁾ Щиро

⁵⁾ Сліх

⁶⁾ Славетний

- Тут промовив угъять Посейдаон землі потрясатель:
355. „Гэфайсте! хоть би часом Арей, от довгу утікши,
Повіаясь, куди, так од мене само́го візмиш запла́ту“.
Їму пак обіруч сильний мистець пресловутий промовив:
„Неможна мені і неслід ¹⁾ твоєму перечити слову“.
Так сказавши, пута знала Гэфайстова сила.
360. Тіж двойко, скоро ²⁾ од уз кріпких вслобонились,
Скочивши зараз, він у Траку побрався,
Вона на Кяир, у Паф одійшла смішлива Афродита,
Бо там єі гай і алтарь, де запашніі куряться жертви.
Харити там обмили її, вмастили олійком
365. Божественним, який на богах блистить присносущих,
І в шати її одягли повабні надивовижу.
Так оттаке-то співак преславний снівав, Одиссей же
Слухаючи, у серці втішався, тажже і інші
Файаки довговеселні, мужі кораблями преславні.
370. Далі Алкиной звелів Галію й Лаодаманту,
Щоб поскакали удвох ³⁾, бо в них ніхто й нерівнявся.
От увяли вони в руки гарний м'яч пурпуровий,
Що Пблїб розумний для них ізробив нарочито,
Та один ёго став підкидати ⁴⁾ аж похід темніі хмарі,
375. Загнувшись назад, а другий 'д землі підскочавши в гору,
Легко ловив усяк раз, ще на землю неставши ногами.
Коли ж пак м'яча вже доволі напідкидалися в гору,
Стали затим плясати вже по землі многошлудній,
Перебігаючи ⁵⁾ часто; інші ⁶⁾ влад у долоні плескали,
380. Стоячи веруг на тічку, и лясє тут великий ізнявся.
Тоді до Алкиной так ясний Одиссей обізвався:

¹⁾ Негоже.

²⁾ Як тільки.

³⁾ Самі.

⁴⁾ Кидати.

⁵⁾ Переміняючи.

⁶⁾ Інші.

- Алкіною пане, з людей всіх найзнакомитший,
Як єси похвалився, що плясуни в вас найкращі,
Так тому й правда. Дивлюся, та аж страх розбірає.“¹⁾
385. Так сказав. Израділа Алкіноева сила велика
Й зараз він (тут) до Файаків веслолюбивих промовив:
„Послухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці,
„Гість сей, здається мені, людина дуже розумна,
Так нумо даймо ёму гостинця, як припадає.“²⁾
390. Дванадцятеро пресвітлих князів у насъ старшинують
Державних³⁾ в народі, я сам тринадцятий буду;
Так кожен гарно виправий плащ та сорочку
Й золота дорогоцінного гривню ёму принесіте,
Та зараз міттю усе ізнесімо до купи, щоб гість наш,
395. Вже мавши в руках, вечеряти йшов із серцем веселим;
Евріял ёго самого лиш нехай перепросить словами
Й даром, бо притьмом не до діла⁴⁾ слово сказав він.“
Так він сказав, а ті ухвалили усі и звелили,
Й обличників, кожен свого, послали дари поприносить.
400. А Евріял одповідати став та озвався:
„Алкіною пане, з людей всіх найзнакомитший,
Так я, як повеліваєш, буду гостя єднати.
Дам ёму меч сей увесь мідяний, а держалко срібне.
Піхви ж ёму новопиляною слоновою костию
405. Обложені скрізь; велику в ёго він матиме ціну.“⁵⁾
По мові сій, сріблом цвяхований меч оддав ёму в руки
Й озвавшись став ёму крилаті слова промовляти:
„Здоров бувай⁶⁾, гостю паноче! Колиж яке грізнеє слово
Сплескалось, нехай ёго зараз вихрі занесуть ісхопивши!
410. Тобі ж боги хай дадуть до подружжя й в отчизну вернутись,

¹⁾ Торопію.

²⁾ Пристало.

³⁾ Чуб. IV, 211.

⁴⁾ Через лад, через міру.

⁵⁾ Йому він стоїтиме дорого.

⁶⁾ Радуйся.

- Давно бо вже терпиш ти горе од милого роду далеко⁶.
Їму ж ув одвіт Одисей розсудливий ¹⁾ став промовляти:
„Друже, здоров був і ти! Бодай і тобі усе добре,
Та бодай би тобі ніколи нетреба було жалкувати
415. Меча, що ось єси дав, мене поєднавши словами⁶.
Сказав так, та перечепив собі меч цвякований сріблом.
Сонце зайшло, то славні дари були вже готові.
В палати Алкіноя Іх однесли обличники пишні.
Тут Алкіноя мужа без вади синій, поприймавши,
420. Побила матері чесної гарві дари поскладали.
Іншим же перед вела Алкіноєва сила велика.
Ввійшли у палату й посіли усі на креслахъ високих,
И до Арети тоді промовила так Алкіноєва сила:
„А ну бо, жоно, неси сюди гарний сундук, який кращий,
425. Чисто випраний плащ туди положи та сорочку і
Казан мідяний на в'гонь поставте й укропу ²⁾ зогрійте,
Щоб як помяється гість та побачить зложені гарно
Дари, що Файаки йому безпорочні надавали,
Втішно було пирувати йому та слухати співу.
480. Я ж отсю чару свою золоту та оздобну ³⁾ дам у придаток:
Нехай мене згадує він по всяк день в своїх у палатах,
Зливаючи Дію у честь і іншим богам несмертелним⁶.
Так-то рече. Арета ж служкам сказала поставити
Великий треногий казан на огонь, як мога скорійше,
435. А ті на жаркому огні купальний треніг ⁴⁾ встановили,
Води в ёго налили, дрів під ёго підложили,
Вогонь ёго черево став обіймати й вода розогрілась.
Тим часом Арета для гістя сундук прехороший з кімнати
Внесла: красні дари у ёму поскладала до діла:
440. Шати й золото те, що Файаки ёму дарували.

¹⁾ Многоградний.

²⁾ Воду.

³⁾ Прекрасну.

⁴⁾ Казан.

- Гарний плащ од себе туди положила й сорочку
Й озвавшись стала к йому крилаті слова промовляти:
„Сам огляди тепер віно й узлом зав'язав його цупко,
Щоб тобі хто ненашкочив в дорозі, як вп'ять часом будеш
445. Сном спочивати солодким на чорному ідучи човні“.
Скоро ясний сеє зачув Одисей много терпець,
Зараз прилагодив віно й узлом зав'язав його цупко
Мудрим, тим що колись його пані Кирка навчила.
Потім кляушниця зараз купатись йому ізвеліла
450. Йти у купальню, й ему було у жадобу ¹⁾ в душі ізгадати
Теплу куніль, бо недоводилось розкошувати
З часу того, як покинув оселю косатої нимфи.
Там же його доглядали ²⁾ та нилували, як бога.
Помили його служки, вмастили оливою тіло,
455. Гарний на його накиннули плащ, одягнув в сорочку.
Вийшов він із палати й пішов до мужів винопийців,
А Навсикая, 'д богів красу свою ³⁾ маючи й вроду,
Стала в одвірка кріпко збудованої палати
Й чудилася на Одисея, таким його ⁴⁾ вздрівши очима.
460. Далі озвавшись стала ⁵⁾ крилаті слова промовляти:
„Здоров бувай, гостю! Колись, як в отчизній землі будеш,
Згадай і мене: бо першій мені ти викуп життя свого винен.“
Йй ув одвіт Одисея многоумний став промовляти:
„Дочко Алкїноя великодушного Навсикає!
465. Так судив нині Зевс, пан Герин, сильно гремучий,
Щоб я до дому вернувся та день вороття свій побачив!
Тоді я там молитися буду тобі, яко богу,
По вік, по всяк день, бо ти вернула життя мені, панно!“
Сказав та на кресла сів біля Алкїноя князя,

¹⁾ Мило.

²⁾ Годили.

³⁾ Собі.

⁴⁾ Такого.

⁵⁾ Взяла. Kolb P. II, 84.

470. А ті поділиди вже м'ясо на часті й вино вже мішали.
Обличник тут підійшов, ведучи співака люб'язного,
Демодока чесного людям; ёго посадив він
Серед гостей, к гінкому стовпу прислонивши плечима.
Тоді до обличника так Одиссей многоумний промовив,
475. Од хребтини одрізавши (ще і зосталось чимало)
Яснозубого вепря, а жир був навколо лискучий:
„На ось, подай сеє м'ясо Демодоку, хай поживає!
Нехай же і я в ёму пригорнуся,¹⁾ хоч як мені гірко;
Бо співаки у всіх, яві на землі живуть люде,
480. Мають шанобу²⁾ й повагу за те, що їх муса
Співати пісень навчила, співацький їх рід ізлюбивши.“
Так він сказав, а обличник поніс і оддав (часть) у руки
Демодоку відному мужу; той взяв ізрадівши душею.
Всі до готові страви руки попростягали;
485. Як же до питва й їстива собі одігнали охоту,
Тоді до Демодока так Одиссей многоумний промовив:
„Демодоку, я тебе й так над смертних усіх вихваляю,³⁾
Чи тебе ж муса, Дия дочка, научила, а чи пан Аполон?
Бо ти по ряду притьмом про недолю Ахеян співаєш,
490. Що учиняли й терпіли и як їм бувало сутужно,
Сам ти неначе бував там, або чував од бувальців.
Ось нубо далше піди й про коня дерев'яного правду
Ти заспівай, що Еней ізробив із Атеною вкупі,
А що ясний Одиссей на зраду увів ёго в замок,
495. Мужів у ёго посажавши, що Іліон розруйновали.
Вже коли і про се ти мені до діла розкажеш,
Зараз хоть би й усім я людям рад объявити,
Що бог, до тебе ласкавий, дав тобі божеську пісню.“
Рів, а той погнан од бога завів та виявив пісню.
500. Відтіль почав, як Аргеї на добропалубні судна

¹⁾ Прихвилюся

²⁾ Честь собі

³⁾ Величаю

- Сіли та одплили, курені свої підпаливши,
Інші ж із ватажком Одиссеєм преславним сиділи
В Трої уже серед ради, въ коні тому поховавшись.
Бо троянці сами зволокли коня того въ замок.
505. Так він там і стояв, а ті, навкруги посідавши,
Радили хто що хотя, і була у їх на троє думка:
Або порожнєє древо пробити нещадною мідью,
Або на кручу ёго 'дволовти та звалити із скелі,
Або zostавити так на прочудо, богам на благання.
510. Так як раз опісля воно статися мало,
Бо доля була їм погинути, скоро їх город увриє
Коня із деревні великого, де усі луччі сиділи
З Аргеїв, троянцям смерть несучи й кроваву загладу.
Співав, як сини Ахейські город розбурили Трою,
515. Повисипавшись з коня та опорожнивши засаду.
Інші ж пішли хто куди пустошити город високий,
А Одиссей, він співав, потяг ік Деїфоба дому,
Неначе Арей, з Менелаєм в купі, богу подобним.
Там, мовляв, Одиссей на страшенную битву одваживсь,
520. Аж подолів таки через Атену, великую серцем.
Так оттаке-то співав преславний співак, Одиссей же
Таяв од жалю, слёзою з під віє вмочаючи щоби,
Як плаче припавши жона, обнявши милого мужа,
Що перед містом і людом своїм положив головою,
525. Оселі боронячи й діти свої од страшного часу.
Бачить вона, як конає й снагою здригається всею,
Та обхопивши ёго у голос голосить, а ззаду
Ратищами вороги бьючи її в спину і плечі
Гонять в неволю на працю тяжку та горе терпіти.
530. Й од найжалчішого жалю лице у неї марніє.
Жалко так Одиссей із під брів точив слёзи гіркії.
Од інших же всіх втаїлося те, що слёзи він ронить,
Тільки Алкіной один завважив та догадався,
Сидячи близько та чувши ёго важкєє зітхання.

535. Зараз він тут до Феаків веслолюбців промовив:
„Слухайте лишень сюди, Феацькі привідці та радці!
Кобзу свою голосну нехай зупинив би Демодов.
Бо либонь не усім до сподоби, що він співає.
Як сіли вечеряти ¹⁾ ми та почав співак божий співати,
540. З часу того сей гість невгавяючи плаче гіркими.
Десь великая дуже журба обняла ёго серце!
Так нехай бо співак перестав, щоб усім за одно веселитись
Нам, халяйству и гостеви; так буде краще далеко.
Все бо тсе для-ради чесного діється гостя:
545. Одправа й любі дари, що даруємо 'д щирого серця.
Гість і той що притулку благає—за рідного брата
Всякому мужу, в кого хоч трохи є чулеє серце.
Тим то тепер непотаї із своєкористної думки,
Чого я у тебе питаю; бо краще буде сказати.
550. Ймєння скажи, як звали тебе там мати та батько
Й інші свої городяне і ті, що живуть наоволо.
Вже ж без мення притьмом ніхто з людей небуває,
Прбстий чи родовитий, скоро на світ народився:
А всяьому ймена дають, як сплодили батько та мати.
555. Скажи мені землю свою і народ свій і город, тебе щоб
Могли вораблі завезти, туди наміраючи думву.
Бо у Феаків немає тих, що деменом правлять
Нема в них і деменів тіх що в прочих судев бувають;
Судна сами розуміють думки та гадки людські,
560. Знають вони города всіх людей і тучніи ниви
Й швидко перебувають безодню солоного моря,
Туманом та хмарою ввриті. Нема їм ні жодного страху:
Шкоди собі ніякої ні згуби вони небояться,
Тільки ось що чував я, волись-то розказував батько
565. Мій Навзитої, що „Посейдон, мовляв, позавидів
[Нам за те, що усіх перевозимо ми неврєдимо,

¹⁾ Відколи вечерлем ми. Kolb II, 109

І казав, що колись він розіб'є Феацкихъ мужів корабель
Зроблений добре, як буде вертатись назад після провід,
В морі туманному, город же скелью важкою замгне“.

570. Старий так казав ²⁾. Чи буде все од Бога ізроблено,
Чи без повоання перейде,—як серцю ёго буде мило!
А ти ж пав мені розкажи и незхибно повідай:
Звідкіля ти приплив и в землях ти яких пробував?
Про людей: про самих і про їх городи,—чи добре живуть там?
575. Може які неприязні і дикі, й закону немають?
Може гостей привітають, маючи бога у серці?
Розкажи, чом ти нудиш і плачеш сам собі в мислі,
Як почувєш про гибель Іліона та про Арігев, Данаїв?
Боги бач так ото спорудили, що людям назначили
580. Гибель, щоб пісня про їх була для нащадків во віки!
А може у тебе якого в рідні під Іліоном вбито,
Що був тобі зятем чи тестем люб'язним: бо ти найближчі
І найдорожчі бувають опісля кривного роду:
Або товариш який, чи добродій до тебе прихильний:
585. Бо часом буває незгірше иншого рідного брата
Той товариш, що вміє добру пораду нам дати.“

М и ѳ и с л о в о .

Взгляды Аенасьева на происхождение миеа, на отношение его къ слову и позднѣйшимъ ступенямъ развитія мысли немогутъ быть названы сплюшь невѣрными только потому, что они несопоставительны.

Основное положеніе Аенасьева, что „зерно, изъ котораго вырастаетъ миеическое сказаніе, кроется въ *первозданномъ словѣ*“ (П. В. I, 15), отчасти вѣрно

Мы видѣли, что не первозданное только, но всякое слово съ живымъ представленіемъ, рассматриваемое вмѣстѣ со своимъ зна-

¹⁾ Переводъ этой пѣсни оконченъ съ 566 с. по нѣкоторымъ наброскамъ А. А. Ред.

²⁾ Такъ батько казавъ.

ченіемъ (однимъ) есть эмбріональная форма поэзи. Такъ какъ миѳъ есть тоже поэтическая форма, (по Аванасьеву „миѳъ есть древнѣйшая поэзія“ I, 11), но весьма общая, допускающая различныя степени развитія, отъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ, то напередъ вѣроятно, что простѣйшія формы миѳа *могутъ* совпадать со словомъ, а миѳъ, какъ цѣлое *сказаніе*, можетъ предполагать миѳъ, какъ *слово*. За тѣмъ остается вопросомъ, въ какомъ именно случаѣ миѳъ тождественъ со словомъ, и какова именно преемственность слова-миѳа и слова-немиѳа. На это у Аванасьева два противоположные отвѣта: одинъ, повторяемый имъ множество разъ на разные лады, имъ сознается; другой прокрадывается незная.

1) Слово и выраженіе сначала были „метафорическимъ уподобленіемъ“, имѣвшимъ лишь „поэтической смыслъ“ (П. В. I, 9-10). При этомъ предполагается, что „поэтической смыслъ“ ни въ какомъ случаѣ не есть истинный, что поэтичность есть риторичность. „Стоило только забыться, затеряться первоначальной связи понятій, чтобы метафорическое уподобленіе получило для народа все значеніе дѣйствительнаго факта и послужило поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній. Свѣтила небесныя уже не только въ переносномъ смыслѣ именуется „очами неба“, но въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ этимъ живымъ образомъ, и отсюда возникаютъ миѳы о тысячеглазомъ, неуспяномъ стражѣ—Аргусѣ... (П. В. I 9-10).

Такимъ образомъ, по мысли Аванасьева (и М. Миллера), человѣкъ сначала сознаетъ, что представленіе свѣтилъ подъ образомъ очей неба имѣетъ лишь субъективное основаніе; потомъ, по нѣкоторой причинѣ, о которой — послѣ, онъ забываетъ это и „находитъ, что дѣйствительно у неба есть очи“. Вотъ еще нѣсколько выраженій въ томъ же родѣ:

„Какъ скоро утрачено было настоящее значеніе метафорическаго языка, старинныя миѳы стали пониматься буквально“ (ib 13). „Миѳы стали пониматься буквально“, — слѣдовательно и при прежнемъ небувальномъ пониманіи миѳы уже существовали!

Стало быть, въ чемъ же, по Леанасьеву, разница между мифомъ и риторической прикрасою?

„Подъ вліяніемъ метафорическаго языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное, сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, впоследствии, понятое буквально, перенесено человѣкомъ на самого себя“ (какимъ образомъ? вѣдь буквально говорилось о небесныхъ очахъ?). „Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожай и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары: таже страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или *сглазъ*“ (П. В. I, 172).

„Преданія о владахъ составляютъ обломки древнихъ мифическихкихъ сказаній о небесныхъ свѣтилахъ, скрываемыхъ нечистою силою въ темныхъ пещерахъ облаковъ и тумановъ; но съ теченіемъ времени, когда народъ утратилъ живое пониманіе метафорическаго языка, когда мысль уже неугадывала подъ золотомъ и серебромъ блестящихъ свѣтилъ неба, а подъ темными пещерами — тучъ, преданія эти были низведены на землю и получили значеніе дѣйствительныхъ фактовъ. Такъ было и со множествомъ другихъ вѣрованій: небесная корова замѣнилась простою бурѣнкою, вѣдьма туча—деревенскою бабою и т. д.“ (П. В. I. 202-3)

„Впечатлительная фантазія первобытнаго народа быстро схватывала всякое сходство. Колесо, обращающееся вокругъ оси, напоминало ему (только напоминало!) движущееся по небесному своду солнце“... (ib. 207).

„Поэтическое представленіе солнца огненнымъ колесомъ вызвало обычай зажигать въ извѣстные годовые праздники колѣса—обычай доселѣ соблюдаемый между нѣмецкими и славянскими племенами“ (ib. 210.).

Прихотливой игрѣ творческой фантазіи мы обязаны созданіемъ многихъ мифовъ (ib. 217).

„Руны и чародѣйныя пѣсни... всеильны: онѣ могутъ и умертвить, и охранить отъ смерти, и даже воскресить, дѣлать большими и здоровыми... насылать бури, дождь и градъ, разрывать

цѣпи... все это не болѣе, какъ метафорическія выраженія, издревле служившія для обозначенія небесныхъ явленій, но впоследствіи понятія буквально и примѣненные къ обыкновенному быту человѣка. Какъ вой зимнихъ вьюгъ мертвить и усыпляетъ природу, и какъ оживляютъ (пробуждаютъ) ее звуки весенней грозы, такъ ту же силу получила и человѣческая пѣсня... (ib 424-5) и т. д.

Изъ этихъ и т. п. мѣстъ видно, что, по мнѣнію Аванасьева, источникомъ миеовъ служить въ концѣ концовъ неспособность человѣка удержаться на той высотѣ мысли, на которой онъ, безъ всякихъ усилій со своей стороны, очутился въ началѣ. Исторія миеовъ выходитъ исторіей паденія человѣческой мысли.

Это напоминаетъ пессимитическій взглядъ Мефистофеля на правовѣдѣніе:

Es erben sich Gesetz' und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte
Und rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage;
Weh dir, das du ein Enkel bist!
Faust I, 1618 и слѣд.

Такой взглядъ умѣстенъ въ устахъ Мефистофеля, но намъ нужно стараться понять его односторонность. „Горе тебѣ, что ты родился внукомъ“, но твой дѣдъ въ свое время тоже былъ внукомъ. Стало быть въ ряду поколѣній мы не найдемъ ничего, кромѣ внуковъ, для которыхъ существуетъ только „unsinn“ и „plage“. Гдѣ же тогда найдется мѣсто для „vernunft“ и „wohlthat“?

Миез ¹⁾ принадлежитъ къ области поэзіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Какъ всякое поэтическое произведеніе, онъ а) есть отвѣтъ на извѣстный вопросъ мысли, есть прибавленіе къ

¹⁾ Подъ миеомъ въ общемъ смыслѣ мы понимаемъ, какъ простѣйшую миеическую формулу (mythische Anschauung, Steint. Z. f. v. pr. II. 7), *миеическое представленіе* (Котляр. Разб. соч. Ав. Поэт. В. 17), такъ и дальнѣйшее ея развитіе (миеич. сказаніе, Котл.). Здѣсь рѣчь о 1-мъ, которое относится ко 2-му, какъ слово—къ развитому поэтическому произведенію.

массѣ прежде познаннаго; б) состоитъ изъ образа и значенія, связь между коими не доказывается, какъ въ наукѣ, а является непосредственно убѣдительною, принимается на вѣру; в) рассматриваемый, какъ результатъ, какъ продуктъ, заключающій собою актъ сознанія, отличающійся тѣмъ отъ него, что происходитъ въ человѣкѣ безъ его вѣдома, мнѣ есть первоначально словесное произведеніе, т. е. по времени всегда предшествуетъ живописному или пластическому изображенію мнѣческаго образа.

Мнѣ отличенъ лишь отъ поэзіи, понимаемой въ тѣсномъ значеніи, позднѣйшемъ по времени появленія. Вся разница между мнѣомъ и такою позднѣйшею поэзіей состоитъ въ отношеніи сознанія къ элементамъ того и другого. Непринимая во вниманіе этого смотрящаго ока, т. е. рассматривая отвлеченно лишь словесное выраженіе, различить этихъ явленій нельзя.

Для насъ мнѣ, приписываемый нами первобытному человѣку, есть лишь поэтической образъ. Мы называемъ его мнѣомъ лишь по отношенію къ мысли тѣхъ, которыми и для которыхъ онъ созданъ. Въ позднѣйшемъ поэтическомъ произведеніи образъ есть не болѣе какъ средство созданія (сознанія) значенія, средство, которое разлагается на свои стихіи, т. е. какъ цѣльность, разрушается каждый разъ, когда оно достигло своей цѣли, т. е. въ цѣломъ имѣющее только иносказательный смыслъ. Напротивъ, въ мнѣ образъ и значеніе различны, иносказательность образа существуетъ, но самимъ субъектомъ не сознается, образъ цѣликомъ (неразлагаясь) переносится въ значеніе. Иначе: мнѣ есть словесное выраженіе такого объясненія (апперцепціи), при которомъ объясняющему образу, имѣющему только субъективное значеніе, приписывается объективность, дѣйствительное бытіе въ объясняемомъ.

Такимъ образомъ двѣ половины сужденія (именно образъ и значеніе) при мнѣческомъ мышленіи болѣе сходны между собою, чѣмъ при поэтическомъ. Ихъ различеніе ведетъ отъ мнѣа къ поэзіи, отъ поэзіи къ прозѣ и наукѣ.

Множество примѣровъ мнѣческаго мышленія можно найти и не у дикарей, а у людей, близко стоящихъ къ намъ по степени

развитія. Напримѣръ, когда говорится, что средство объ „обжога“ „вытягиваетъ жаръ“ (т. е. оно тянетъ жаръ, какъ вещь); „стѣна потѣеть“, т. е. осажденіе воды изъ воздуха, охладѣвшаго отъ соприкосновенія съ гладкой и холодной поверхностью, представляется потомъ, выходящимъ изъ кожи. (Спенсеръ, Осн. Соц. I, 113).

Большая или меньшая человѣкообразность образовъ при сужденіи объ общемъ характерѣ такого рода мышленія несущественна. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между „стѣна потѣеть“ и „*Zeús βροντᾶ, Ζεὺς ὕει*“.

Миѳическое мышленіе на извѣстной степени развитія—единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людямъ всѣхъ временъ, стоящимъ на извѣстной степени развитія мысли; оно формально, т. е. неисключаетъ никакого содержанія: ни религіознаго, ни філософскаго и научнаго.

Результаты этого мышленія становятся извѣстны человѣку (=это мышленіе сознательное въ своихъ результатахъ) вслѣдствіе того, что они выражаются внѣшними знаками (пластическими, живописными, мимическими) и преимущественно словомъ. Такимъ образомъ, *миѳъ* есть преимущественно *словесное произведеніе* и какъ такое, изъ двухъ родовъ словесныхъ произведеній—поэзій и прозы, относится къ 1-му. Тройственное дѣленіе словесныхъ произведеній на миѳическія, поэтическія и прозаическія невозможно¹⁾.

¹⁾ *Есть ли миѳологія—поэзія?* Аванасьева, назвавши свое сочиненіе, посвященное миѳологіи, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, М. Миллеръ говоритъ, что миѳологія—не поэзія:

„Извѣстная часть миѳологіи—религіознаго, другія—историческаго свойства (Natur); то появляются въ ней метафизическія, то поэтическія воззрѣнія“ (какъ будто метафизика не можетъ быть содержаніемъ поэзій); „но миѳологія, какъ цѣлое, несть ни религіи, ни исторіи, ни философіи, ни поэзіи; всѣ эти факторы выражаются въ ней въ своеобразныхъ проявленіяхъ, которыя на извѣстныхъ ступеняхъ развитія мышленія и рѣчи естественны и понятны, но часто становятся неестественны и непонятны, отчуждая въ преданіе“ (M. Müll. Ess. II. 200).

Что миѳологія несть поэзія, справедливо въ томъ смыслѣ, что миѳологія обнимаетъ въ себѣ не только словесныя выраженія миѳическаго мышленія, но и выраженія живописныя, скульптурныя, мимическія, и пр. Но за этимъ исключеніемъ все словесное въ миѳологіи въ тоже время поэтично. Поэтичность есть образность въ словѣ, стало быть, форма, неисключающая никакого: ни религіознаго, ни историческаго, ни философскаго содержанія.

Поэтому въ опредѣленіе мѣта должно войти его отличіе отъ немѣтаическаго, поэтическаго произведенія.

Языкъ есть главное и первообразное орудіе мѣтаическаго мышленія. Но немыслимо орудіе, которое своими свойствами неопредѣляло бы свойствъ дѣятельности, производимой при его посредствѣ: то, что мы дѣлаемъ, зависитъ отъ того, чѣмъ мы дѣлаемъ: иначе пишутъ перомъ, а иначе углемъ, кистью и т. д. Стало-быть, вліяніе языка на мѣтае безспорно.

Съ другой стороны вліяніе языка всеобщее; оно простирается какъ на словесные мѣтае, такъ и на прочія словесныя произведенія. (Поэтическія произведенія передаются на другіе языки лишь въ отвлеченіи и измѣненіи). Поэтому въ опредѣленіе мѣтае должно войти указаніе на *разницу во вліяніи языка на мѣтаическое и немѣтаическое мышленіе*. Безъ этого видѣть „въ возвратномъ дѣйствіи, въ преломленіи лучей языка... разрѣшеніе загадки мѣтаеологіи“ (M. Müll.) значило бы всякое мышленіе при помощи слова считать мѣтаеологическимъ.

Когда человѣкъ создаетъ мѣтае, что туча есть гора, солнце—колесо, громъ—стукъ колесницы или ревъ быка, завываніе вѣтровой собаки и пр., то другое объясненіе этихъ явленій для него несуществуетъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать выраженія, употребляемые о древнѣйшемъ состояніи языка и вѣрованій: „языкъ былъ исполненъ метафоръ“, „разоблачить метафорическіе образы народнаго эпоса“; „погибель великановъ *въ переводѣ на простой языкъ* значитъ исчезновеніе съ неба громоносныхъ тучъ“¹⁾.

Если подъ метафоричностью языка разумѣть то его свойство, по которому всякое послѣдующее значеніе (гезр. слово) можетъ создаться не иначе, какъ при помощи отличнаго отъ него пред-

---

¹⁾ Аванасевъ *passim*, но и Вуслаевъ: „въ эпоху образованія языка и преданій... метафора была необходимою, существенною оболочкою языческихъ вѣрованій, олицетворяющихъ душевныя силы въ образахъ вещественной природы, (Оч. I 166).

шествующаго, въ силу чего изъ ограниченнаго числа относительно элементарныхъ словъ можетъ создаться безконечное множество производныхъ; то метафоричность есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можемъ только съ метафоры на метафору. Появленіе же метафоры въ смыслѣ сознанія разнородности образа и значенія есть тѣмъ самымъ исчезновеніе мѣта. Но о другой метафоричности при созданіи мѣта въ словѣ неможетъ быть и рѣчи. Для человѣка, для коего есть мѣта *туча* = *корова*, одновременное съ этимъ названіе тучи коровою есть самое точное, какое только возможно.

Объясняя мѣта, мы вовсе непереводимъ *метафорическаго* и первобытнаго языка на *простой и современный*. Если бы мы дѣлали это, то наше толкованіе было бы умышленнымъ искаженіемъ, анахронизмомъ. Мы только подыскиваемъ подлежащія, невыраженныя словомъ, къ даннымъ въ мѣтѣ связуемымъ и говоримъ, что предметомъ такого-то мѣтаческаго объясненія (= *корова*) было воспріятіе тучи. Метафоричность выраженія, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, начинается одновременно со способностью человѣка сознать, удерживать различіе между субъективнымъ началомъ познающей мысли и тѣмъ ея теченіемъ, которое мы называемъ (неточно) дѣйствительностью, міромъ, объектомъ. И мы, какъ и древній человѣкъ, можемъ назвать мѣлкія, бѣлыя тучи *барашками*, другого рода облака *тканью*, душу и жизнь — *паромъ*; но для насъ это только сравненія, а для человѣка въ мѣтаческомъ періодѣ сознанія—это полныя истины до тѣхъ поръ, пока между сравниваемыми предметами онъ признаетъ только несущественныя различія, пока на примѣрѣ тучи онъ считаетъ хотя и небесными, божественными, свѣтлыми, но все же барашками; пока *паръ* въ смыслѣ жизни есть все-таки, несмотря на различіе функций, тотъ же *паръ*, въ который превращается вода.

Подобныя мысли, исключаютія мѣтніе о забвеніи основныхъ значеній словъ, о порчѣ языка (которой, по нашему, никогда не было), какъ объ источникѣ мѣтовъ, несоставляютъ, какъ извѣстно, новости.

Ср. Котларевскаго „Разб. соч. Аванасьева „Поэт. Возвр.“, (XXXIV присужденіе Демид. пр. отд. от.), гдѣ однако нѣкоторыя выраженія кажутся мнѣ сбивчивыми. Именно, послѣ сказаннаго выше о полномъ отсутствіи метафоры въ мнѣ, такъ какъ о метафоричности мы вправѣ говорить лишь тамъ, гдѣ она признается самимъ человѣкомъ, я не могу признать точнымъ выраженіе, что „народъ, (еще небудучи въ силахъ держать въ мысли раздѣльно предметы, производившіе сродное впечатлѣніе), *оказывалъ предпочтеніе къ метафорѣ* именно потому, что... природу... онъ могъ понять только какъ совокупность живыхъ дѣйствующихъ существъ“. Это противорѣчитъ тому вѣрному мнѣнію автора, что, говоря „солнце садится“ человѣкъ употребляетъ это выраженіе вовсе „не въ переносномъ поэтическомъ смыслѣ“. (Котл. 15).

„По М. Мюллеру поэтическая метафора явилась вслѣдствіе лексической бѣдности древняго языка: непользуясь достаточнымъ запасомъ словъ, языкъ вынужденъ былъ употреблять одинакіе термины для обозначенія различныхъ предметовъ и впечатлѣній; по мнѣнію же г. Аванасьева, которое нельзя нераздѣлить, метафора произошла вслѣдствіе сближенія между предметами сходными по производимому впечатлѣнію; *она создавалась совершенно свободно* ¹⁾, черпая изъ богатаго источника, а не по нуждѣ, не ради бѣдности языка“ (ib. 14).

Въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь выраженъ взглядъ М. Мюллера, этотъ взглядъ заключаетъ въ себѣ лишь ту невѣрность, что въ немъ *явленіе* метафоры можетъ заставить думать о времени, когда ея небыло; между тѣмъ понимаемая въ извѣстномъ смыслѣ метафоричность есть единственный, первоначальный способъ, доступный языку, уже предполагаемый отсутствіемъ представленія въ словѣ, прозаичностью слова. Впрочемъ совершенно вѣрно, что языкъ, какъ продуктъ, вмѣстѣ со вновь привходящими чувствен-

¹⁾ Что это можетъ значить? Необходимость борьбы съ выраженіемъ, возможность побѣды не указываетъ ли на то, что и здѣсь, какъ во всѣхъ явленіяхъ познанія и воли, можно находить развѣ трансцендентальную свободу, или же свободу въ смыслѣ неизвѣстности намъ мотивовъ?

ными впечатлѣніями, направляющей послѣдующую дѣятельность мысли, не только въ началѣ, всегда бѣденъ по отношенію къ требованіямъ этой мысли. Этимъ условлена неограниченность развитія языка и, сколько извѣстно, отсутствіе въ этомъ развитіи цикловъ и крутыхъ поворотовъ, въ родѣ существовавшего еще недавно противоположенія періода созданія и разрушенія языка. Эта бѣдность, вынуждающая, какъ каждый изъ случаевъ позднѣйшей метафоричности, такъ и созданіе мифовъ, есть собственно не бѣдность, а возможность дальнѣйшаго развитія.

Созданіе мифа не есть принадлежность одного какого либо времени. Мифъ состоитъ въ перенесеніи индивидуальныхъ чертъ образа, долженствующаго объяснить явленіе (или рядъ явленій) въ самое явленіе. Напримѣръ, если бы кто, зная, что галки садятся и гнѣзятся на соборной колокольнѣ, вывелъ отсюда заключеніе, что колокольня удобна галкамъ не тѣми своими свойствами, которыя у нея общи съ другими нежилыми башнями и т. п., а тѣмъ, что колокольня принадлежитъ къ христіанской церкви, что на ней крестъ, колокола, — то это былъ бы мифъ, равно какъ то, если бы кто сталъ доказывать необходимость христіанскихъ основъ воспитанія примѣромъ галокъ, вьющихъ гнѣзда на колокольнѣ. Былъ бы мифъ, если бы человѣкъ, которому для объясненія молніи показана электрическая искра, добытая при помощи извѣстнаго снаряда, мысленно перенесъ этотъ снарядъ въ облака.

Все это кажется крайне нелѣпо; но уже менѣе нелѣпо, но (тѣмъ не менѣе) мифично было бы то, если бы кто приписалъ литературному типу значеніе дѣйствительнаго лица и наприм., заключилъ, что человѣкъ базаровскаго типа долженъ рѣзать лягушекъ, что всякій французъ легкомысленъ и т. п. Развѣ не было людей, которые весьма серьезно представляли себѣ Малороссію по повѣстямъ Гоголя и пр.?

---

¹⁾ Мифъ создается на почвѣ вѣры въ объективное существованіе (личной въ сущности) мысли; ср. перенесеніе изображеній божества во вѣѣ, идолопоклонство въ христіанствѣ.

Въ связи съ вѣрованіемъ въ какую-то особенную метафоричность языка во время образованія миеа, вовсе не такую, каковая наблюдается нами теперь, стоитъ вѣрованіе, что душевная жизнь первобытнаго человѣка характеризуется особымъ развитіемъ фантазіи, особою склонностью къ олицетворенію. (Спенс. Осн. Соц. I, 488).

Болѣе здраво мнѣніе, что различіе въ результатахъ душевной дѣятельности человѣка разныхъ временъ зависитъ не столько отъ различія самыхъ процессовъ, (которыхъ измѣненія такъ медленны, что врядъ ли могутъ быть замѣчены въ короткіе періоды, болѣе менѣе намъ извѣстные), сколько отъ количества данныхъ. Самый положительный изъ современныхъ умовъ, занимающійся теперь химическими анализами, сравнительно-анатомическими сближеніями, статистическими выводами и т. п., назвалъ бы и счелъ бы облако коровою, если бы объ облакѣ и коровѣ имѣлъ столько свѣдѣній, сколько древній Аріецъ. Если образы, отождествляемые въ языкѣ и миеахъ, кажутся намъ чрезмѣрно далекими другъ отъ друга, то это лишь особенность нашего взгляда.

При недостаточности наблюденій и при чрезвычайно слабомъ сознаніи этой недостаточности и стремленія къ намѣренному ея пополненію, сходство этихъ образовъ казалось такъ велико, что отождествленіе ихъ могло быть дѣломъ здраваго ума, а не тупоумія или болѣзненнаго настроенія.

Первоначально каждая миеическая апперцепція имѣла свое особое подлежащее: та туча, которую называли горою, то солнце, которое представляли свѣтлымъ колесомъ, были совсѣмъ другіе предметы, чѣмъ туча, представляемая коровою, солнце — представляемое жаръ-птицею.

Ошибочно мнѣніе, что эти различныя названія и объясненія чувствовались сначала эпитетами одного и тогоже подлежащаго, а потомъ наступило умственное затмѣніе, въ силу котораго изъ эпитетовъ образовались особия существа. Такое обширное подлежащее могло бы быть только результатомъ сильнаго отвлеченія, а откуда было взять это отвлеченіе, если условіемъ его и служило именно образованіе понятія при помощи слова.

Когда потомъ въ силу отвлеченія эти подлежащія были отождествлены, то мысль, смущенная различіемъ образовъ того же явленія, потребовала восстановленія закона тождества. Но ни одинъ изъ этихъ образовъ немогъ быть устраненъ; небыло основаній сказать: „только кажется, что солнце есть птица, а на самомъ дѣлѣ оно колесо колесницы, управляемой божественнымъ существомъ“; ибо небыло еще разницы между мнимымъ и дѣйствительнымъ. Оставался одинъ выходъ: принять разновременность этихъ образовъ и сказать, что существо, управляющее солнечной колесницей, по временамъ становится птицей. Это въ общихъ чертахъ теорія мифическихъ превращеній столь обычныхъ въ сказкахъ и повѣрьяхъ. Таково же происхожденіе позднѣйшихъ сравненій въ родѣ: „Все-славъ... въ ночь вѣлкомъ рыскаше“, „полечю зегзицею по дунаеви“, „буй-туръ Всеволодъ“ и пр.

Веселовскій („Сравнительная мифологія и ея методъ“, по поводу *Zoological Mythology, by Angelo de Gubernatis, 1873 г., В. Е. 1873 г., V*) не признаетъ упомянутой выше основной дробности подлежащихъ въ мифѣ.

„Если вѣрить Де-Губернатису и еще кой-кому изъ современныхъ изслѣдователей по сравнительной мифологіи, то наши пастушескіе праотцы не только небыли первобытно наивны, но и во многомъ перещеголяли людей XVIII и XIX столѣтій. Чтобы встрѣтить такое тонкое пониманіе природы и ея красотъ, какое раскрываютъ намъ въ основѣ ихъ мифовъ, надо перешагнуть черезъ средніе вѣка прямо къ Бернардену де-Сенъ-Пьеръ, Бюфону и лексистамъ; чтобы умѣть такъ ловко подмѣтить всякую мѣлочъ, всякую тѣнь въ облакѣ, осмыслить каждый шагъ солнца по небесному своду, нужно быть безстрастнымъ, холодно-сознательнымъ аллегоризаторомъ, и мы опять мѣтимъ въ XVIII вѣкѣ, и намъ (т. е. сравнительнымъ мифологамъ) невдомекъ, что вся эта сознательность и искусственность встрѣчается уже при первомъ появленіи человѣческой мысли на землѣ, въ мифѣ“. (Весел., 646).

Послѣ оговорки, что, говоря о дошедшихъ до насъ мифахъ, мы имѣемъ дѣло вовсе не съ первыми проявленіями человѣческой

мысли, можно бы спросить автора, считаетъ ли онъ обиліе синонимовъ доказательствомъ высокой степени пониманія природы и результатомъ холодной аллегоризація?

„Личности, присоздающія (въ языкѣ) новое къ прежнему, или вовсе незнаютъ этого прежняго или въ моментъ созданія неимѣютъ его въ сознаніи. Вообще говоря, лишь другія личности, слыша отъ одного новое, отъ другого старое, доходятъ до употребленія то того, то другого“ (Paul, Princ. 131).

Мы думаемъ иначе. Современный пейзажистъ способенъ уловлять оттѣнки свѣта и тѣни, облаковъ, воды и пр., въ такой степени, до которой никогда невозвышались предшествующіе вѣка; между тѣмъ можно положительно сказать, что въ рѣчи его (въ его личномъ словарѣ) найдется едва-ли по нѣскольку синонимовъ для этихъ явленій, тогда какъ въ древнѣйшемъ словарѣ къ Ведамъ насчитываютъ 15 синонимовъ для солнечнаго луча, 23—для ночи, 16—для утренней зари, 30— для облака, 100—для воды. (Kuhn, Ueber entwicklungstufen der Mythenbild. Abhan. der Berl. Ak. 1873, 123). Впрочемъ за доказательствами того, что богатство синонимовъ вовсе не предполагаетъ высокой степени развитія мысли, нѣзачѣмъ ходить далеко. Въ русскихъ нарѣчіяхъ напр. гораздо болѣе 40 названій лошадиныхъ мастей, болѣе 40 глаголовъ для понятія говорить, болѣе 30 названій хлѣба. Вообще умѣнье различать оттѣнки явленій, столь важныхъ для человѣка, непредохраненнаго отъ враждебныхъ вліяній природы, какъ атмосферическія, и выражать эти оттѣнки словомъ (resp. мнѣемъ) можетъ быть сравнено съ умѣньемъ распознавать слѣды животныхъ и людей. Известно, что въ этомъ послѣднемъ искусствѣ цивилизованный человѣкъ безъ всякаго вреда для своего развитія далеко отсталъ отъ дикаря.

Упрекъ, дѣлаемый Веселовскимъ сравнительнымъ мнѣологамъ въ томъ, что они приписываютъ первобытному человѣку „сознательныя наблюденія колорита надъ тѣнями вечерняго и утренняго неба“, и что они „меньше всего отдали себѣ отчетъ въ той степени сознательности, какая предполагается мнѣическимъ творче-

ствомъ и на какой степени находился человѣческой индивидуумъ въ пору этого творчества“ (647)—несправедливъ.

Степень развитія, предполагаемая извѣстнымъ миеомъ, опредѣляется не апріори, а на основаніи самаго миеа. Степень эта можетъ быть весьма различна, ибо миеическое творчество непрекратилось и въ наши дни.

Созданіе новаго миеа состоитъ въ созданіи новаго слова, а никакъ не въ забвеніи значенія предшествующаго.

Есть взглядъ, возникшій изъ стремленія устранить крайности теоріи М. Миллера посредствомъ ея ограниченія:

„Въ миеологіи мы должны отличать двѣ совершенно различныя области: первая есть продуктъ миеического объясненія явленій реального міра, вторая—продуктъ забвенія смысла словъ, затемнѣнія рѣчи; содержаніе первой—реальный міръ, извясняемый миеически, дѣйствительность ненаучно понятая (антропологическое міросозерцаніе), содержаніе второй—фантастической міръ миеическихъ образовъ, сфера сверхъестественнаго, поставленная за предѣлами чувственнаго міра; первую мы назовемъ *миеическимъ міросозерцаніемъ*, вторую *миеологіей* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ; солнце, какъ живое, разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо, есть реальный объектъ перваго; богъ Геліосъ, какъ личность, стоящая выше человѣка, какъ божество, есть фиктивный образъ второй; словомъ, въ миеическомъ міросозерцаніи невѣрно понимаются реальные явленія, миеологія же создаетъ фиктивные образы. Этого различенія... ученые доселѣ недѣлали, а оно между тѣмъ весьма важно“.

„Во 1-хъ миеическое міросозерцаніе обусловливается исключительно психическими процессами (басносмысліе), миеологія создается факторами лингвистическими, и М. Мюллеръ здѣсь правъ; неправъ онъ распространяя свою лингвистическую теорію и на первую область миеа“.

„Во 2-хъ, содержаніе первой области миеа есть исключительно природа, тогда какъ во второй области мы имѣемъ образы, неимѣющіе никакого отношенія къ естественнымъ явленіямъ“.

На пр. Амазонки, какъ „безгрудья“, по ошибочной этимологiи отъ α и $\mu\alpha\zeta\acute{o}\varsigma$ грудь. (Карѣвъ, Миѳ. этюды, Ф. З. 1873 года III 65—6).

„Въ понятiе миѳа входитъ представленiе о божеской личности, а демонизмъ (вѣра въ духовъ, состоящая въ родствѣ съ грубымъ фетишизмомъ) тѣсно связанъ съ представленiемъ о темныхъ силахъ, въ которыхъ личность необособлена, которыя понимаются коллективно“ (Карѣвъ, Ф. З. 1872 г. III, 12).

Приложимъ къ объясненiю этого рассужденiя различiе двухъ элементовъ, по нашему составляющихъ непремѣнную принадлежность всякаго поэтическаго произведенiя, а стало быть и миѳа: представленiя (образа) и значенiя. Спросимъ себя, какая разница между содержанiемъ миѳическаго миросозерцанiя съ одной и миѳологiи съ другой стороны?

1) Подъ содержанiемъ миѳическаго миросозерцанiя авторъ разумѣетъ не только „реальный мiръ“, „дѣйствительность“, напр. солнце (т. е. извѣстный комплексъ чувственныхъ воспрiятiй), но и миѳическое в. антропопаиническое толкованiе эпитета, именно солнце, рассматриваемое „какъ живое, разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо“. Само миросозерцанiе принято за „реальный объектъ“ миросозерцанiя. Последовательнѣе было бы, смѣшавши здѣсь два различныхъ момента мысли, оставить ихъ въ этомъ смѣшенiи, говоря и о миѳологiи; но

2) Подъ содержанiемъ миѳологiи авторъ разумѣетъ *только* „миѳическiе“, сверхъ естественные образы, только богъ Гелиосъ.

Мы исправимъ эту ошибку, сказавши, что и богъ Гелиосъ не лишень былъ для грековъ отношенiя къ солнцу, которое было реальнымъ основанiемъ этого образа.

И такъ *значенiе* въ обоихъ случаяхъ есть солнце. Въ чемъ же разница образовъ? Въ 1-мъ случаѣ образъ „живое разумно и цѣлесообразно дѣйствующее существо“; во второмъ образъ—богъ Гелиосъ; но послѣднiй есть тоже „живое и пр. существо“. Вѣроятно какая-нибудь разница между тѣмъ и другимъ. Конечно, авторъ не рѣшится утверждать, что Гелиосъ, ставши богомъ, поте-

рялъ для самого грека отношеніе къ солнцу; но если бы было и такъ, еслибы послѣдовало отдѣленіе Геліуса отъ видимаго солнца, то этимъ не уничтожилась бы еще двойственность его моментовъ: образа и тѣхъ, положимъ, нравственныхъ, но все же естественныхъ отношеній, на которыя онъ указываетъ. Разница между представленіями солнца въ томъ, что авторъ называетъ миѳическимъ міросозерцаніемъ, и въ томъ, что у него миѳологія, можетъ быть только въ степени развитія мысли; но представленія эти въ обоихъ случаяхъ, а не только въ 1-мъ суть „образы фиктивные“ предъ судомъ позднѣйшей мысли.

Нѣтъ никакого основанія вмѣстѣ съ авторомъ утверждать, что „міръ сверхчувственного въ ученіи о душахъ и духахъ данъ былъ еще первобытнымъ анимизмомъ, тогда какъ божескія личности, какъ таковыя, возникли путемъ не одного одухотворенія явленій природы, но и путемъ забвенія смысла миѳической рѣчи“ (ib. 67) Во взятомъ имъ примѣрѣ можно видѣть не забвеніе смысла, (т. е. значенія солнца, которое есть и въ нарицательномъ *ἥλιος*), а развѣ забвеніе этимологическаго признака (т. е. по Курциусу, у котораго *Ἥελιος* изъ *ἄλιος* = *ἀυελος* = лат. *Auselius*, *Aurelius* („*Aureliam* familiam... a sole dictam putant), какъ *ἦώς* атт. *ἔώς*; Эолич. *αῦως* = лат. *ausos(a)* = *aurora*, Gr. № 612 отношеніе къ тому корню, къ коему относится и русс. Авсень, усень, упоминаемый въ вр. колядкахъ); но это забвеніе, если даже предположить, что оно древнѣе образованія божественной личности Геліуса (что сомнительно), вовсе не необходимо для созданія такой личности. Въ противномъ случаѣ слова, столь этимологически ясныя, какъ инд. *dēvas*, не могли бы имѣть миѳическаго значенія. Напротивъ, этимологическая ясность слова даетъ направленіе мысли, сосредоточивающей около этого слова черты, изъ коихъ складывается миѳическій образъ, будетъ ли этотъ послѣдній богомъ, или простымъ духомъ.

Признавая здѣсь образовательное, направляющее вліяніе нормальнаго, а не порченнаго языка, я не постигаю, какъ въ томъ, что названо миѳическимъ міросозерцаніемъ, солнце могло быть

представлено „живымъ, разумнымъ и цѣлесообразно дѣйствующимъ существомъ“ помимо такого же вліянія языка? Было бы крайне грубымъ заблужденіемъ о двухъ сторонахъ мѣта: „психологической и лингвистической“ (тотъ же авторъ въ Ф. З. 1872 г. III, 6) представлять себѣ эту послѣднюю, какъ нѣчто отдѣльное отъ психологическихъ процессовъ, производящихъ слово. Тѣ же душевные процессы, которые производятъ слово, на извѣстной ступени вмѣстѣ со словомъ создаютъ мѣта.

Человѣкъ таковъ отъ природы, что только при помощи языка онъ добываетъ себѣ такія средства знать о своей мысли, какъ письмена и искусства; до этого единственнымъ свидѣтелемъ о движеніи его мысли служило ему слово. Безъ слова невозможно было бы никакое преданіе, никакая ступень человѣческаго знанія, а другое, кромѣ человѣческаго, намъ неизвѣстно.

Всякое пониманіе слова есть въ извѣстномъ смыслѣ новое его сознаніе, и всякое слово, какъ дѣйствительный актъ мысли, есть точный указатель степени развитія мысли. Признавши эти положенія, мы можемъ говорить о недостаткахъ извѣстнаго языка не по отношенію къ какой-либо неподвижной мѣрѣ, а лишь по отношенію къ другому языку; мы вовсе лишаемся права говорить о какомъ-то деспотизмѣ языка (какъ будто его внутренняя сторона не есть наша же мысль), о его вредномъ давленіи на мысль говорящаго. Такія пустыя рѣчи похожи на то, какъ еслибъ хромоі сталъ думать, что если бы не костыли, то онъ бы ходилъ, какъ здоровый. Пусть тѣ, впрочемъ умные люди, которые полагаютъ, что нашъ языкъ недалеко ушелъ отъ языка дикарей, и что, говоря имъ, мы какъ бы продолжаемъ рубить каменными топорами и съ трудомъ добывать огонь треніемъ (Тейлоръ, у Карѣва, ib, 72), будутъ хоть послѣдовательны и признаютъ, что и вообще мы недалеко ушли отъ дикарей. Если же послѣднее несправедливо, то и первое—лишь слѣдствіе недоразумѣнія, принимающаго прозрачную глубь языка, которая открывается изслѣдователю, за близость дна. Пусть тѣ, которыхъ стѣсняетъ то, что, по велѣнію судьбы, мысль для преображенія въ высшія формы нуждается въ симво-

лахъ языка, и то, что слова лишь символы, а не самая мысль, пусть жалуются, что перодились на свѣтъ богами, искони вмѣщающими въ себѣ совершенное знаніе.

Случаи, на которые могутъ указывать, какъ на доказательства вреднаго вліянія языка, въ дѣйствительности также недоказываютъ этого вліянія, какъ языческое поклоненіе христіанскимъ иконамъ не можетъ быть объяснено вліяніемъ высшей формы христіанства. Если бы человѣкъ, который ставитъ свѣчи только передъ своими, а не чужими иконами, не зналъ этихъ иконъ, онъ молился бы нику. То одно, что у него есть христіанскія иконы, не даетъ ему пониманія христіанства. Такъ звуковая оболочка слова, бывшая внѣшнимъ знакомъ сложнаго содержанія, переходя къ другому, не приноситъ съ собою всего этого содержанія. Последнее должно быть вновь создано этимъ другимъ и будетъ создано согласно съ уровнемъ его мысли. Слово послужитъ ему лишь возбужденіемъ, а что последнее бываетъ сильнымъ и благотворнымъ, это мы видимъ на нашихъ дѣтяхъ, которыя лишь при помощи языка проходятъ пути развитія, которыя въ жизни человѣческой измѣряются тысячелѣтіями.

Зная это, мы не вѣримъ, чтобы когда-либо было иначе.

Объ участіи языка въ образованіи миеовъ.

Котляревскій (Разб. соч. Аѳ. П. в. сл., 17), справедливо отвергая порчу языка, какъ источникъ первоначальныхъ миеовъ, заходитъ слишкомъ далеко, говоря, что „языкъ, какъ сила дѣйствующая“ (что это? недѣйствующая сила несуществуетъ), „оставался совершенно чуждъ первоначальнаго происхожденія миеическихъ представленій; онъ оказалъ сильное вліяніе на миеы, такъ сказать, вторичнаго образованія, когда худое толкованіе древнихъ выраженій и словъ, происходившее отъ забвенія первоначальнаго значенія ихъ, произвело цѣлую массу сложныхъ баснословныхъ повѣствованій; и какъ возможно объяснить этотъ второй періодъ въ

исторіи міеологіи, недопустивъ перваго, ему предшествовавшего, періода первичныхъ міеическихъ воззрѣній, возникавшихъ изъ наивнаго дѣтскаго взгляда на явленія природы!“

Подобнымъ образомъ говорятъ и де-Губернатисъ: „Двусмысленность (словъ — по Куну точнѣе полиномія) безъ сомнѣнія играла главную роль при образованіи міеовъ; но сама эта двусмысленность не всегда можетъ быть объяснена безъ предположенія предварительнаго существованія, такъ сказать, живописныхъ аналогій. Дитя, которое еще и нынѣ, взглянувши на небо, принимаетъ бѣлое облако за снѣжную гору, конечно не знаетъ, что *паронша* на языкѣ Ведъ означало гору и облако... Двусмысленность словъ обыкновенно шла по пятамъ вслѣдъ за аналогією виѣшнихъ образовъ, представлявшихся первобытному человѣку. Когда онъ еще не называлъ облака горою, онъ уже видѣлъ его горою. Послѣ смѣшенія образовъ, смѣшеніе словъ становилось почти неизбѣжнымъ и служило лишь для опредѣленія перваго, для сообщенія ему виѣшняго (?) звука и болѣе прочной формы, для образованія изъ него какъ бы корня, изъ коего при помощи новыхъ наблюденій, новыхъ образовъ, новыхъ двусмысленностей могло вырасти цѣлое дерево міеическихъ генеалогій“ (Die steine in der indogerm. myth. 665.)

Я отвергаю только порчу языка, какъ источникъ міеологическаго т. е. познавательнаго творчества. Если смерть есть только смерть, то изъ нея не можетъ выйти жизни; но то, что мы называемъ смертью, и то, что называютъ (хроническою, а не единичною и случайною) порчею въ языкѣ, есть лишь новое сочетаніе элементовъ, при томъ въ языкѣ, при жизни народа, сочетаніе болѣе совершенное. При принимаемомъ мною опредѣленіи міеа, какъ словеснаго произведенія, т. е. (въ простѣйшемъ видѣ одного слова) какъ совокупности образа (=сказуемаго), представленія (*tertium comparationis*) и значенія (=психологическаго подлежащаго т. е. того, что подлежитъ объясненію), для меня совершенно немыслимо, какъ можно предполагать когда-либо существованіе міеа помимо слова и какъ, кромѣ первыхъ, недосягаемыхъ для нашей мысли, ступе-

ней человѣческаго развитія, можно думать, что послѣдующій мнѣ могъ создасться безъ помощи предшествующаго мнѣа-слова.

Если бы человѣкъ сначала смѣшалъ образы облака горы, а потомъ создалъ мнѣ, то получилось бы не объясненіе облака горою, а объясненіе облака-горы въ ихъ нераздѣльности чѣмъ-либо другимъ. Существенная черта мнѣа какъ апперцепціи въ словѣ (Steinthal) есть именно то, что отождествленіе или частное слявіе объясняющаго и объясняемаго не предшествуетъ объясненію, а слѣдуетъ за нимъ.

Дѣти и животныя могутъ имѣть „живописныя аналогіи“, т. е. и въ нихъ извѣстныя сочетанія элементарныхъ воспріятій могутъ находиться въ связи съ другими сочетаніями, но мнѣовъ они еще не создаютъ.

Впрочемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣленіе вліянія слова представляетъ новыя трудности, и я вышеказаннымъ никакъ не думаю оправдывать скороспѣлыхъ заключеній по готовому шаблону, въ родѣ тѣхъ, которыя нерѣдко встрѣчаются у Аванасьева, напр.: „Такъ какъ древнѣшій языкъ употреблялъ одинаковыя названія и для звѣриной шкуры, и для животныхъ, покрытыхъ мохнатою шерстью; то арійское племя не только признавало въ облакахъ небесное руно, но и сверхъ того олицетворяло ихъ бодливыми баранами, рѣзвыми овцами, прыгающими козлами“ и пр. Аѳ. II. В. I, 682).

Тутъ еще вопросъ, прежде ли представлялось облако шкурою, а потомъ козломъ, бараномъ, или наоборотъ, или же эти представленія возникли независимо, въ отвѣтъ на различные вопросы, вызываемые различными новыми впечатлѣніями. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, которые не должны быть спеціализированы, апріорныя основанія мнѣа могутъ быть различны. Извѣстно, напр. что въ словѣ мѣхъ = лит. *maĩszas*, *saccus* первое значеніе — баранъ, какъ оплодотворяющій (скр. *мѣша*, баранъ), а второе — мѣшокъ, шкура.

„Сколько существуетъ въ языкѣ метафоръ и синонимовъ, говоритъ Котляревскій (Разб. с. Аѳ. II. В. 17), которые невызываютъ смѣшенія и не даютъ повода къ созданію мнѣовъ! Почему напр.

называя словомъ *двиджа* дважды рожденное, и яйцо ¹⁾ и брахмана, болѣзнь языка произвела мнѣ о рожденіи брахмана изъ яйца? Почему метафорическія выраженія: *слпной орпхъ*, *живой* или *мертвой* лѣсъ невыродились и неразрослись въ мнѣ?»

Пока говорится противъ М. Мюллера, я согласенъ, потому что болѣзни языка ни въ образованіи граматической формы, ни въ образованіи мнѣ не нахожу; но за тѣмъ замѣчу, что такіе вопросы ничего не докажутъ, если останутся и безъ отвѣта. Если-бы точно небыло упомянутыхъ мнѣовъ, то значить движеніе мысли отъ брахмана въ яйцо, или на оборотъ, произведенное омонимами двиджа, встрѣтило какое-либо препятствіе. Но подобный мнѣическій рассказъ о птицахъ брахманахъ дѣйствительно есть (Gubern. Die Thiere in der indogerm Myth 471-3). Утверждать, что нѣтъ подобныхъ мнѣовъ, мы можемъ лишь со скромною оговоркою; нѣтъ для насъ, такъ какъ неговоря о свойственной человѣку ограниченности знанія, мы, занимающіеся подобными объясненіями, имѣемъ дѣло лишь съ широкораспространенными народными мнѣями; мнѣ же несомнѣнно можетъ скрываться и въ узкой сферѣ личности. Кому извѣстны мнѣи создаваемые нашими дѣтьми, подъ вліяніемъ того же языка, которымъ говоримъ мы. Какъ скоро а ргіогі ми убѣдились въ томъ, что слово во всякомъ случаѣ есть готовое русло для теченія мысли, намъ въ частномъ случаѣ, гдѣ этого теченія незамѣтно, остается искать препятствій. Могущественнѣйшее изъ этихъ препятствій, впрочемъ неунничтожающихъ его и усложняющихъ трудъ изслѣдователя этого вліянія, есть богатство опыта.

Вліяніе языка есть одинъ изъ видовъ апріорности мышленія, подъ которымъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть не вообще участіе прежде добытой мысли въ новыхъ ея работахъ (ибо въ такомъ случаѣ съ первыхъ дней жизни апостеріорнаго мышленія нѣтъ, а добываніе новыхъ мыслей исключительно или преимущественно изъ старыхъ ²⁾).

¹⁾ Не яйцо дважды рождается, а птица: «Два раза родився, ни разу некрестився, всяка тварь ёго гласу слышитъ» (—пивень)—Манджура.

²⁾ Слѣдуетъ объяснить, что математическое мышленіе въ этомъ смыслѣ не апріорно.

Наклонность къ апіорному мышленію находится въ обратномъ отношеніи къ величинѣ запаса данныхъ, какимъ располагаетъ мысль: чѣмъ меньше этотъ запасъ, тѣмъ сильнѣе апіорность. Если это построеніе вѣрно, то оно одинаково уничтожаетъ, какъ мысль о появленіи нѣкогда болѣзни языка, а вмѣстѣ съ нею и миевъ, такъ и мѣніе очень сходное съ этимъ, что только вторичные миевъ возникли подъ вліяніемъ языка. Ибо чѣмъ ближе къ началу исторіи, тѣмъ меньшимъ капиталомъ мысли обладаютъ люди.

Между апіорностью заключеній и предрасудкомъ лишь та разница, что предрасудокъ есть апіорность, рассматриваемая въ тѣхъ моментахъ, когда уже имѣются или предвидятся данныя, перетягивающія вѣсы мысли на сторону новаго, болѣе апостеріорнаго заключенія. Поэтому то, что съ теченіемъ времени становится предрасудкомъ (въ глазахъ посторонняго наблюдателя), въ свое время, при отсутствіи противовѣса было лишь законнымъ стремленіемъ мысли къ объединенію своихъ элементовъ.

„Названія звѣздъ и созвѣздій, знаковъ обозначающихъ области неба, періоды дней и годовъ, какъ бы они ни были произвольны“ (т. е. собственно говоря, какъ бы они ни были несогласны съ позднѣйшими знаніями) „составляютъ для астролога матеріалъ, который онъ можетъ... приводить въ идеальную связь съ житейскими событіями. Довольно было астрологамъ подраздѣлить путь солнца воображаемыми знаками зодіака, чтобы изъ этого возникли астрологическіе законы, по которымъ эти небесные знаки имѣютъ дѣйствительное вліяніе на настоящихъ овновъ, тельцовъ, раковъ, львовъ, дѣвъ. Ребенокъ, рожденный подъ знакомъ льва, будетъ мужественъ, а рожденный подъ знакомъ рака недалеко пойдетъ въ жизни и пр. (Тейлоръ, Первоб. культ. 122).

При состояніи мысли, недающемъ возможности явственно разграничить субъективное познаніе отъ объективныхъ его источниковъ, слово, какъ наиболѣе явственный для сознанія указатель на совершившійся актъ познанія, какъ центръ относительно-измѣнчивыхъ элементовъ чувственнаго образа, должно было пред-

ставляться сущностью вещи. Есть много свидѣтельствъ о чрезвычайной распространенности этого вѣрованія. (См. „Мысль и языкъ“ 125, 146—51).

Религіозный мифъ.

Подъ мифомъ разумѣются между прочимъ такіа простыя поэтическія объясненія явленій, какъ „облако—это камень, гора“, „душа—это дыханіе, паръ, дымъ, вѣтеръ“. Въ то же время къ области мифовъ относятся и тѣ, предметомъ коихъ служатъ дѣянія высшихъ человѣка существъ, управляющихъ міромъ и человѣкомъ, и во всѣхъ мифологіяхъ, относимыхъ преимущественно къ небу. Очевидно, послѣдніе мифы должны быть позднѣе по времени образованія, такъ какъ они предполагаютъ болѣе-менѣе значительную степень широты и единства міросозерцанія. Отношеніе между тѣмъ и другимъ въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Извѣстны наблюденія, что человѣкъ „подъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ невидитъ“, сначала заноситъ въ лѣтописи военныя подвиги и т. п., и лишь гораздо позже на высокой степени развитія начинаетъ интересоваться мѣльными и близкими бытовыми явленіями; сначала пытается объяснить себѣ, что такое солнце, молнія, туча, а потомъ уже—что такое домашній огонь, зеленое дерево и т. п.; небесная радуга требуетъ объясненія и объясняется, а радуга въ водяныхъ брызгахъ, производимыхъ самимъ человѣкомъ во время купанья, или незамѣчается вовсе, или является чѣмъ-то непосредственно понятнымъ. Тѣмъ не менѣе по общему правилу (сначала) объясняется отдаленное близкимъ. Это потому, что болѣе близкія, земныя, непосредственно окружающія человѣка явленія повторяются чаще, впечатлѣнія отъ нихъ опредѣленнѣе, комплексы этихъ впечатлѣній болѣе расчленены. Обычность и ясность этихъ комплексовъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ потрясенія, которое они производятъ, вновь появляясь въ душѣ. Менѣе обычныя явленія производятъ болѣе

смутныя воспріятія, но болѣе сильныя чувства; они слабѣе въ теоретическомъ, но сильнѣе въ эмоціоноальномъ отношеніи. Только намъ кажется, что животное и человѣкъ суть неизмѣримо большія чудеса, чѣмъ облако, солнце и пр., и что земное горѣніе никакъ не менѣе удивительно, чѣмъ атмосферное электричество. Для первобытнаго человѣка это было наоборотъ. Хотя самое первоначальное названіе земного огня, коровы и т. п. было уже мифомъ, но этотъ мифъ послужилъ только матеріаломъ для созданія мифовъ, имѣющихъ предметомъ явленія болѣе потрясающія и потому божественныя. Земной огонь, земныя коровы послужили отвѣтомъ на вопросы, что такое огонь небесный, что такое туча. Лишь за тѣмъ вновь возникъ вопросъ: что же такое земной огонь, что такое земная корова? Отвѣтъ: земной огонь есть тотъ же небесный, нисшедшій на землю; земная корова есть таинственное воплощеніе небесной, и потому извѣстными своими дѣйствіями можетъ указывать на дѣянія первой. вмѣстѣ съ этимъ создается теорія, что малое и слабое происходитъ изъ великаго и сильнаго, (Steinh. Die sage von Prometheus, Z. f. v. ps. II, 15—88), образуются болѣе-менѣе обширныя связи между небесными явленіями и земными.

Вышеприведенные примѣры невыдуманы. Число подобныхъ имъ огромно. Напр. молнія есть птица, а потомъ наоборотъ, птица, напр. дятель, имѣетъ извѣстныя свойства молніи (повѣрья, что она знаетъ и пользуется разрывъ-травкою, или разрывъ-камнемъ); солнце есть горящее колесо и наоборотъ зажженное посредствомъ тренія земное колесо имѣетъ извѣстныя свойства солнца, напр. служить къ предсказанію урожая и т. п.

Отношеніе язычества къ христіанству, вѣры къ знанію. Заговоры.

Теперь по истеченіи (почти) 900 лѣтъ послѣ офіціального принятія христіанства въ памяти народа сохранились безо всякаго участія письменности (или лучше сказать благодаря незнакомству съ письменностью) столько остатковъ язычества, что по нимъ можно довольно полно возсоздать образъ этого язычества.

Въ разной степени тоже встрѣчается и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Старинная письменность передала намъ лишь скудныя извѣстія о языческихъ богахъ и игрищахъ, между тѣмъ какъ богатство изустныхъ языческихъ преданій до сихъ поръ еще неисчерпано.

Какія же причины этой долговѣчности язычества?

Сама церковь во многомъ волею-неволею содѣйствовала этому сохраненію язычества. „Самимъ духовнымъ. говоритъ Гриммъ, не всегда удавалось найти границу между языческимъ и христіанскимъ: подъ ихъ собственный вкусъ могло подходить многое языческое, коренившееся въ толпѣ.

„Въ языкѣ рядомъ со множествомъ греч. и лат. словъ, вновь введенныхъ для церковнаго употребленія, осталась и часть нѣмецкихъ, связанныхъ съ язычествомъ, на пр. именъ боговъ—въ названіяхъ дней недѣли. Къ этимъ словамъ незамѣтно примкнули и языческіе обычаи, языческія празднества, такъ сросшіяся съ жизнью народа и такъ тягучія, что принимали въ себя постороннюю, христіанскую примѣсь, лишь бы сохранить хоть отчасти любимую испытанную старину. Христіанскіе праздники повидимому не безъ умысла со стороны церкви совпадаютъ съ языческими. Церкви воздвигались на мѣстахъ именно низверженныхъ идоловъ или священныхъ деревьевъ, и народъ продолжалъ привычныя посѣщенія этихъ мѣстъ.

Нерѣдко самыя стѣны языческаго храма превращались въ церковь. Языческіе горы и источники принимали имена христіанскихъ святыхъ, и на этихъ послѣднихъ переходило уваженіе, которымъ нѣкогда пользовались первые. Священные лѣса становились собственностью вновь основаннаго монастыря или короля; но и въ частныхъ рукахъ они отчасти продолжаютъ чествоваться. Юридическіе обычаи, особенно суды Божьи и вклятвы (присяги), обходы границъ, благословенія, обносы изображеній боговъ, сохраняя свою языческую сущность, соединялись съ церковными обрядами. Нѣкоторые обычаи языческіе и христіанскіе сходились.

Такъ на пр. языческое окропленіе водою новорожденного напоминаетъ крещеніе, форма молотка (оружіе Тора)—крестъ и т. п.

„При столь многообразномъ смѣшеніи языческой и христіанской внѣшности немогло не произойти и смѣшеніе взглядовъ простодушнаго народа. Еврейское и христіанское ученіе стали сближаться съ языческимъ, и языческія заблужденія и предразсудки стали заполнять мѣста, незанятые новою вѣрою. (То на христіанское содержаніе повліяли языческія формы, то на оборотъ), (Gr. Myth. XXXII, III).—Какія же мѣста немогли быть заняты новою вѣрою? Въ чемъ христіанство немогло удовлетворить потребностямъ новообращенныхъ?—Христіанство, отвѣчаетъ Шварцъ, принесло только вѣру во единаго Бога и Христа, пострадавшаго за грѣхи человѣчества, и за тѣмъ—немногосложное богослуженіе. Но оно, вообще исключающее природу, недало объясненія многимъ чудеснымъ явленіямъ природы, которыя язычники объяснили, связавши со своею вѣрою. Только немногія главныя явленія природы, на пр. гроза, теченіе звѣздъ, да и то поверхностно, приведены въ связь съ христіанскимъ Божествомъ. Поэтому христіанство могло лишь нѣсколько ограничить, но не могло вполне устранить той части язычества, которая обращена къ природѣ. Далѣе, христіанство оставляло много незаполненнаго пространства вокругъ событій семейной жизни, рожденія, брака, смерти, вокругъ занятій на примѣръ, охоты, земледѣлія, скотоводства, приденья. (Schwarz, „Der heilige volksglaube und das alte heidentum, 5).

Единобожіе, оторванное отъ своихъ корней и перенесенное на чуждую почву, не включаетъ въ себѣ знанія природы. Преимущество его передъ язычествомъ относительно знанія природы заключается въ томъ, что оно ставитъ Божество, какъ конечную причину, внѣ міра и даетъ возможность объяснять явленія природы механическими взаимодѣйствіями частей. Между тѣмъ языческій пантеизмъ помѣщаетъ боговъ внутри природы, ближе къ человѣку и тѣмъ самымъ принужденъ чаще искать объясненія явленій въ конечныхъ причинахъ, въ рѣшеніяхъ божества. Для еврейско-христіанскаго единобожія міръ за исключеніемъ души че-

ловѣка—это матерія, приводимая въ порядокъ Божествомъ. Для языческаго многобытія міръ—это само божество или совокупность божествъ. Но такое преимущество единобожія обнаруживается не сразу. Оно только облегчаетъ познаніе природы, но не заключаетъ его въ себѣ. Язычество беретъ верхъ до тѣхъ поръ, пока единобожіе принуждено отвѣчать на всякій научный вопросъ: такъ Богу угодно. Это не отвѣтъ. И язычники признаютъ, что безъ воли Божества, управляющаго явленіемъ, не происходитъ самое явленіе. Гораздо удовлетворительнѣе языческія объясненія, напр. грозы: громъ—это, положимъ стужъ колесницы, ватящейся по небесному помосту, громовой ударъ—это стрѣла пущенная тѣмъ, кто ѣдетъ въ той колесницѣ. Движеніе колесницы, стужъ колесъ, полетъ стрѣлы, — все это происходитъ по тѣмъ законамъ, какъ и на землѣ; чудесное состоитъ лишь въ томъ, что это небесная колесница, а не земная.

Такимъ образомъ побѣду надъ язычествомъ христіанство могло одержать только при пособіи науки. Такъ какъ науки небыло или такъ какъ она была и отчасти есть достояніе немногихъ, то низшіе слои и продолжаютъ быть язычниками во всемъ, неисключая отношенія явленій къ конечной причинѣ, Богу. При этомъ слѣдуетъ помнить что, какъ видно изъ опыта, мысль множества людей можетъ обойтись безъ того, что мы называемъ знаніемъ вѣчной причины.

Какъ же опредѣлить ближайшія отношенія науки, которая пособляетъ христіанству въ борьбѣ съ язычествомъ, но можетъ стать и во враждебныя отношенія къ самому христіанству, каковы же отношенія науки къ христіанству и язычеству? Ставя вопросъ шире, можемъ выразить его такъ: что такое вѣра и что знаніе?

„Различіе, дѣлаемое философами между вѣрою и знаніемъ основано на ошибочномъ пониманіи міросозерданія. Вѣра есть эстетическое дополненіе знанія въ искусствѣ (посредствомъ искусства). Она становится ложью и бессмыслицею, когда силится сохранить господство въ такихъ областяхъ, гдѣ возможны уже от-

вѣты знанія. Мы знаемъ тѣ явленія, взаимныя отношенія коихъ познаны до такой степени, что неизмѣняются въ нашихъ глазахъ и при дальнѣйшихъ открытіяхъ.“ Предѣлы между знаніемъ и вѣрою зависятъ отъ степени образованности, т. е. отъ того, какъ далеко можетъ зайти наша мысль, нетеряясь въ неопредѣленномъ горизонтѣ. Подобнымъ образомъ дитя лишь исподоволь пріобрѣтаетъ умѣнье правильно пользоваться своимъ зрѣніемъ.—Дикарь, для коего прошедшее и будущее ограничено вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ, вполне удовлетворенъ мыслью, что небо есть твердь, сводъ, изгибающійся надъ его головою. Не малыхъ напряженій стоило его мысли зайти такъ высоко. Дошедши туда, она успокаивается и нелегко можетъ быть подвинута къ дальнѣйшему изслѣдованію, къ вопросу: а что же тамъ дальше, за эту твердью?

Естественно, что дикарь населяетъ свой небесный Олимпъ существами, образъ коихъ сложенъ изъ наблюденій надъ земными предметами. При этомъ процессѣ онъ слѣдуетъ тѣмъ самымъ законамъ мысли, какъ и при познаніи ближайшей дѣйствительности. Неизвѣстное объясняется извѣстнымъ. Онъ видитъ напр. движеніе солнца, мѣсяца; онъ видитъ, что всякое земное объяснимое движеніе, т. е. взятое такимъ, въ которомъ начало, конецъ и причина того, а не другого направленія вполне ясны, исходитъ отъ живыхъ существъ. Онъ обобщаетъ это и принимаетъ *живое* существо за причину всякаго движенія.

Такимъ образомъ живое существо водить по небу эти свѣтила. Падаеть громовой ударъ: конечно, онъ пущенъ человѣческой рукою, потому что бросать можетъ на землѣ только человѣческая рука. Всякій земной предметъ сдѣланный, начало коего можетъ быть указано, стало быть всякій предметъ, мыслимый для дикаря по отношенію къ своему началу, въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ сдѣланъ человѣкомъ. Поэтому въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ на небо ставится челоѣкообразный создатель. (Впрочемъ, будетъ ли это челоѣкообразное существо или животное—это зависитъ отъ степени развитія. Извѣстно, что зооморфизмъ предшествуетъ антропоморфизму). Какія бы религіозныя

представленія ни образоваль себѣ дикарь, во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, чтобы специфически отличало эти представленія отъ остального его знанія. Бѣжить ли въ его глазахъ солнце отъ преслѣдующаго врага, ѣздятъ ли по небу въ колесницѣ, разрубиваютъ ли мѣсяцъ по поламъ или пожираетъ его чудовище, во всякомъ случаѣ это случайная ассоціація человѣческихъ дѣйствій съ небесными явленіями. Эта ассоціація становится временнымъ объясненіемъ явленія, и ея вѣрность или невѣрность такъ же не можетъ быть непосредственно доказана, какъ невозможно нашимъ астрономамъ взять въ руку мѣсяцъ и пальцемъ показать на немъ горы и долины. Астрономическое объясненіе линій, описываемыхъ мѣсяцемъ, законы движенія планетъ—вѣдь это тоже случайныя ассоціаціи наблюденій, которыя отличаются отъ первобытныхъ ассоціацій въ головѣ дикаря лишь большею художественностью сопоставленія частей. Въ сущности свѣдѣнія наши о звѣздахъ такъ же невелики теперь, какъ и тогда, когда ихъ считали за вбитые въ небо золотые гвозди. Мы сдѣлали множество наблюденій надъ ихъ быстротою, величиною, формою и составили изъ этихъ наблюденій систему, которая до тѣхъ поръ будетъ оставаться истиною, пока изъ нея будутъ безъ натяжки объясняться всѣ наблюденія, но которая каждую минуту можетъ быть разрушена новыми открытіями, какъ Птолемея была разрушена системой Коперника. Добытое нами преимущество состоитъ въ томъ, что паденіе системы можетъ совершиться безъ вреда для разъ навсегда добытыхъ фактовъ; въ томъ, что обобщенія служатъ для насъ лишь временнымъ объединеніемъ и завершеніемъ отдѣльныхъ явленій.

Прогрессъ нашего времени состоитъ въ преимуществѣ естественно-исторической методы изслѣдованія, которая будучи способна къ органическому развитію изъ себя, сдѣлала впредь невозможнымъ возвращеніе отъ знанія къ вѣрѣ. Такія отпаденія постоянно встрѣчались въ древности, потому что мысли недоставало той поддержки со стороны накопленія массы наблюденій, которая для насъ служитъ широкимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ (Bastian I, 16—18).

Все содержаніе нашей мысли исчерпывается тѣмъ, что мы знаемъ и тѣмъ, во что мы вѣримъ. Рѣшеніе вопроса объ отношеніи знанія и вѣры зависитъ отъ рѣшенія другого: имѣетъ ли мысль какія-нибудь особенныя средства для усвоенія предметовъ вѣры, дѣйствуютъ ли на насъ эти предметы не тѣмъ путемъ, которымъ дѣйствуетъ познаваемое? Намъ извѣстенъ только одинъ путь: чувственныя воспріятія. Все, что не дано непосредственно чувствами, есть лишь сообразная со свойствами души переработка чувственныхъ воспріятій. Наитіе свыше, зрѣніе помимо глазъ, слухъ помимо ушей принадлежитъ къ числу патологическихъ явленій. Люди, увѣренные въ своемъ непосредственномъ сообщеніи съ неземнымъ міромъ, какъ ни высоко они стояли надъ чело-вѣческимъ уровнемъ по своимъ способностямъ, необъявляли людямъ ничего такого, чтобы немогло быть выведено изъ современнаго имъ запаса знаній. Если же у мысли вѣрующей и мысли познающей одни средства, если знаніе и вѣра строятся изъ того же матеріала, то различіе между ними можетъ состоять только въ степени. Стихіи знанія не трудно показать въ язычествѣ (примѣры см. Bastian) и въ христіанствѣ. Въ чемъ могутъ состоять побужденія вѣрить въ самостоятельность и безсмертіе души, въ существованіе личнаго Бога?—Въ томъ, что при данномъ состояніи знанія эти вѣрованія требуются знаніемъ. Человѣкъ неможетъ себѣ иначе объяснить своихъ духовныхъ явленій, какъ присутствіемъ въ себѣ нетѣлеснаго начала, не подверженнаго разрушенію, видоизмѣняющему матерію; онъ неможетъ иначе понять существованіе міра, какъ допустивши существованіе Творца. Вездѣ исходная точка—знаніе, и цѣль—знаніе. Вѣра пужна для пониманія и сама есть извѣстнаго рода пониманіе. Этимъ исчерпывается ея функція. Практическое значеніе вѣры, ея значеніе для чувства—эти значенія производныя. Такъ, напр., человѣкъ въ скорбяхъ ищетъ успокоенія въ мысли, что эта кратковременная жизнь есть время испытанія, страданіе—слѣдствіе грѣха, за покаяніемъ слѣдуетъ лучшая безконечная жизнь. Здѣсь вѣра успокаиваетъ чувство. Но тоже самое дѣлаетъ знаніе. Напр., у меня

болитъ голова, я успокаиваюсь тѣмъ, что это отъ угару, и что если устранить угаръ, то головная боль пройдетъ.—Въ простѣйшихъ формахъ вѣры особенно легко замѣтить, какъ положенія вѣры возникаютъ изъ ассоціацій между наблюденіями. Такъ же возникаютъ научныя положенія. (Примѣры).

Однако, есть существенная разница между знаніемъ и вѣрою. То познано нами, что неизмѣняется въ нашихъ глазахъ при дальнѣйшихъ открытіяхъ, и наоборотъ все измѣнчивое въ нашей мысли есть вѣра. Такъ въ любомъ языческомъ объясненіи солнечнаго теченія сознанныя круговидная форма видимаго солнца, измѣнчивость точекъ, занимаемыхъ имъ на небѣ, свойство согрѣвать, вызывать растительность—это знаніе, все остальное вѣра. Это знаніе, какъ бы оно ни казалось малымъ, есть уже значительный шагъ впередъ. Животное и ребенокъ не только не имѣютъ понятія о кругѣ, но и не знаютъ, что солнце свѣтитъ. Они только чувствуютъ это. Граница между знаніемъ и вѣрою отодвигается и становится яснѣе по мѣрѣ накопленія въ наукѣ непоколебимыхъ фактовъ. Въ первобытномъ человѣкѣ стихія знанія и вѣры перемѣшаны. Отношенія ближайшихъ къ нему предметовъ составляютъ предметъ вѣры. Горизонтъ мысли узокъ.—(Примѣры изъ Бастіана).—Средневѣковыя вѣрованія въ участіе Бога въ дѣлахъ человѣческихъ.—Въ ипатьев. лѣт, подъ 1111 г.: „Вложи Богъ Володимеру въ сердце и нача глаголати брату своему Святополку понужая его на поганяя“. Этого нельзя считать за благочестивую фразу. Дѣйствительно знаніе душевной жизни такъ мало, зарожденіе мысли въ глазахъ вѣка такъ таинственно, что причиною его люди могутъ считать только первую причину—Бога или, какъ на другой страницѣ (Ип² 192), ангела, или же, если мысль злая, наученіе дьявола. Бѣгство Половцевъ передъ немногочисленнымъ полкомъ Володимеровымъ есть дѣло сверхъ естественное: „падаху Половци передъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побыша я въ понедѣльникъ страстный... избъени быша иноплеменицѣ многое множество на рѣкѣ Салницѣ

и спасе Богъ люди своя... И въпросиша колодникъ, глаголюще: „како васъ толика сила и многое множество, не можете ся противити, но въскорѣ побѣгосте?“ Си же отвѣщеваху глаголюще: како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ“. Токмо се суть ангели отъ Бога послани помогать хрестьяномъ“. (Ип² 193)

Въ наше время уже ни одинъ образованный человекъ не ищетъ объясненія отдѣльнымъ рѣшеніямъ человѣческой воли, отдѣльнымъ историческимъ событіямъ въ непосредственномъ вліяніи Божества. Однако многіе вѣрятъ еще въ свободу воли, какъ далѣе неразложимую причину душевныхъ движеній, однако до сихъ поръ возможно видѣть въ Богѣ перваго двигателя исторіи.

Т. о. прошедшее представляетъ намъ постоянное стремленіе замѣнять первыя причины вторичными, которыя въ свою очередь разложимы и объяснимы другими причинами.—Стремленіе это сдерживается притязаніями вѣры рѣшать по своему вопросы, уже рѣшенные наукой; но послѣдняя рано или поздно беретъ верхъ. Человѣку мало заманчиво „духовное самоубійство“; умъ лишь немногихъ можетъ отречься отъ себя и помириться съ противорѣчіемъ преданія и живой науки.—Можно ли изъ этого заключать, что настанетъ время, когда вѣра вполнѣ замѣнится наукой? Научныя предположенія, еще несоставляющія вѣры, но ближайшимъ образомъ сродныя съ нею, конечно будутъ всегда имѣть мѣсто; конца сущему мы невидимъ и не можемъ представить себѣ времени, которое бы обѣднѣло задачами, которому нечего было бы дѣлать. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ менѣе можемъ представить себѣ время, когда бы самыя верхи зданія науки были построены разъ на всегда. Если первостепенное неясно и нерѣшено, то и о второстепенномъ могутъ существовать только предположенія. Если вѣра въ личнаго и челоуѣвообразнаго Бога перестанетъ удовлетворять мысль, это верховное начало замѣнится другимъ, такимъ же временнымъ. Одно несомнѣнно: человекъ съ каждымъ шагомъ впередъ научается болѣе и болѣе различать степени вѣроятности и оцѣнивать средства своего

ума. Уже и теперь ясно, что, занимая незначительную частицу міра, нельзя объять мыслью всего міра. Оцѣнить это убѣжденіе можно лишь сравнивши его съ тою ограниченою цѣльностью взгляда первобытнаго человѣка, примѣры коей были приведены выше.

Возвращаюсь къ поставленнымъ выше вопросамъ.

Язычество есть такое міросозерцаніе, въ которомъ конечныя причины въ большемъ или меньшемъ количествѣ размѣщены въ самомъ мірѣ.

З а г о в о р ы .

Л. Майковъ „Великорусскія заклинанья“ (Зап. И. Р. Геог. О. по отд. этн. II 1769 г. стр. 417—580).

Ефименко „Сборникъ малор. заклинаній“ (Чт. Об. И. Др. 1874, I.)

Заговоры (заклинанія) даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ не могутъ быть названы обломками языческихъ молитвъ (Ае. П. В. I 43). Молитва собственно есть просьба; въ болѣе обширномъ смыслѣ къ ней принадлежитъ похвала Божеству, имѣющая цѣлью расположить его въ пользу молящагося, и благодареніе. Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ божеству хотя болѣе могущественному чѣмъ человѣкъ, но такому, которое подобно человѣку можетъ исполнить просьбу или нѣтъ, которому могутъ быть пріятны или непріятны похвала и благодарность. Въ заговорахъ нѣтъ слѣдовъ благодаренія; только часть ихъ заключаетъ въ себѣ другіе элементы молитвы: изображеніе дѣйствія божества, упрекъ, просьбу, (какъ въ „Сл. о П. И.“: и о вѣтре!... чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?... О Днѣпре словутяцю! ты пробилъ если каменныя горы сквозѣ землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави посадки до плѣку Кобыкова: възлелѣй, господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала слезъ на море рано“), и эта часть дѣйствительно подходитъ къ христіанскому понятію молитвы.

Остальные заговоры имѣютъ съ молитвою лишь то общее, что подобно ей вытекаютъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось или не совершилось. Нельзя сказать, что они вообще отличны отъ языческой молитвы тѣмъ, что принадлежатъ „къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ“ имѣютъ (по мнѣнію говорящаго) „принудительное вліяніе“ (Ор. Милл. „Оп ист. об. р, сл.“² 84), ибо явленія въ нихъ упоминаемыя могутъ вовсе неимѣть характера божественности. Опредѣленіе этой формы заговора таково:

Словесное изображеніе сравненія даннаго явленія съ желаемымъ, имѣющее цѣлю произвести это послѣднее.—Выборъ перваго явленія до извѣстной степени случаенъ, но изображеніе его и толкованіе совершаются подъ вліяніемъ желаемаго:

„Въ печи огонь горитъ, палитъ и пышетъ и тлѣтъ дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у рабы Божіей имар. по рабѣ Божіемъ имр. во весь день, по всякъ часъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ (Майк. 426, 5).

„Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку. Какъ красное солнышко возсіяло, припекаетъ мхи — боло-ты, черныя грязни (s), такъ бы припекала, присыхала раба Божія имр о мнѣ р. Б. имр.“ и пр. (ib. 433, 19).

„Во чистомъ полѣ путямъ—дорогамъ (—Новг. твор. п.) бѣжить рѣка Ока. И обмываетъ рѣка Ока круты берега, и шелковы травы и мелки пески, и камушки. Такъ бы обивала и обмывала съ раба имр. всѣ осуды и призорушки“ (ib. 511, 231). (заговоръ записанъ въ Валд. у. Новг. губ., а потому, если онъ не занесенъ туда изъ друг. мѣстн., Ока есть нарицательное.—фин. joki—рѣка.—Гр. Фил Роз. 259).

Пчеловодъ. Въ первую недѣлю новаго мѣсяца пойдн на текущую воду, наклонись надъ нею и говори такъ: „Як тоєі води ніхто неможе обернути на свій обичай, так щоб мої бжолн жадный уре-чи немог“ (Гр. этн. эксп. Чубин. I, 73).

Увидѣвши первый цвѣтъ на житѣ: „Яко тоє жито наповнюється от влаги земной и от роси небесной, и як той квіт добровольно отпадає от своєі ниви при своєму корені, так би от моїх

во время свое вольно роі одходили и сїдали въ мой пасїці... при своєму коренї...(ib. 74).

Въ навечерїе Богоявленїя Господня спїши набрать святой воды: „Як сего святого вечора люди тиснутя и радуются до сей святой воды, так би тиснулись и радовались мої пчели, носячи густїє меди, желтїє воски“ (ib, 72).

Стоя въ церкви на Воскресенїе Христово: „Як до священника люде тиснутя и радуются, до тої дари идучи, так би ся мої пчоли тиснулись и радовалися, матки (—цї?) и росві до моєї пасїки, идучи до мене раба Б. Н.“ (ib. 74).—Ср. заговоръ пастуха:

„Какъ сходится народъ Божїй крещенный по колокольному звону къ служенїю и пївнїю Божественному къ отцу духовному и радѣють слушать слово Божїе... душою и сердцемъ; такъ-бы радѣло и приходило мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу сами изъ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ“ и пр. Майк. стр. 532).

Сядясь въ сани: „Сажусь я въ сани крытыя бобрами, соболями и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы (ср. мр. величнї) между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой народженный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами между міромъ и селомъ.“ (Саз. Сказ. р. н. I, 2, 20).

Для заговоровъ этого рода характеристично то, что относительно неопредѣленное желанїе здѣсь специализируется подъ вліяніемъ явленїй, приводимыхъ на мысль воспрїятїями, которыя сами по себѣ случайны, но въ которыхъ говорящїй усматриваетъ тѣ или другїя стороны, смотря по господствующему настроенїю.

— Ср. начала мр. пѣсень съ образованїемъ, случайныхъ воспрїятїй („Мысль и яз.“². 212—214) или ругательства, примыкающїя къ случайному слову отвѣта, на пр.: „Та я ж ходив“...— А бодай тебе ходила лихая година.

„Не чуо кувавице!“ (=недочекао пролећа). Кад ко послїе другога вивальа одговори: „чујем“, или се правда за што да није чуо. (Кар. Посл. 212).

„Та вже (ж) ёго, тіточко, відтіля випустили: сам справникъ приїжджав та и випустив!“ — „А щоб випускала лихая годива та нещаслива и вашого справника, и старого лисого Макуху зо всім вашим поганим родом и приплодом!... Випустили! От так ти выпускай“. (Кв. ² II, 55—6).

Самъ по себѣ *приколъ* неимѣетъ никакого отношенія къ пчеловодству и въ другое время въ человѣкѣ онъ не возбудилъ бы никакой мысли о ичелахъ; но, проникнутый заботой о пчелахъ, человѣкъ находитъ эту вещь и говоритъ: „Як тоє бидло було припьяте, немогло пійти від того міста нігде, так би мої матви немогли вийти из пасіки, від мене р. Б.“ (Тр. этн. эксп. Чуб. I, 74). Понятно, что и здѣсь возможно, что представленіе въ самомъ названіи случайнаго явленія можетъ спеціализироваться направле-ніемъ мысли. Такъ, напр., въ заговорѣ, произносимомъ на Благо-вѣщеніе, то, что въ этотъ день возвѣщено Дѣвѣ Маріи Арх. Гавріиломъ *зачатіе* отъ Святого Духа, даетъ поводъ говорить: „Повели Господи... пчелам... *зачати* им густыє меды“ и пр. (ib. 74).

То, что мы назвали даннымъ или случайнымъ явленіемъ, можетъ не представлять для человѣка ничего божественнаго, и заговоръ въ этой формѣ не предполагаетъ никакого богопочитанія.

Простѣйшая форма обряда и чаръ.

Изъ случайно усмотрѣннаго отношенія напр., конскаго при-кола и сидѣнія матокъ въ пасѣкѣ образуется такое сочетаніе того и другого, что если въ мысли появится второй членъ ассоціаціи (какъ желанный), то онъ приведетъ съ собою и первый. Мысль о приколѣ потребуеетъ дополненія со стороны новаго впечатлѣнія отъ этой вещи. Въ тотъ разъ приколъ былъ на лицо, теперь его нѣтъ; остается поискать его нарочно. И вотъ возникаетъ требо-ваніе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобы сидѣли „найди приколень, що коня припинають, и вийми ёго из землі и мовъ так: „як тоє бидло було припьяте“... (ib. 74).

Заговоръ сопровождается здѣсь дѣйствіемъ. Это дѣйствіе, простѣйшая форма обряда или чаръ, (*чары* — отъ кор. *кар* — дѣлать).

есть активное, умышленное изображение первого члена ассоциация (того съ чѣмъ было сравнено желанное явленіе), съ тѣмъ, чтобы, вызвать появленіе второго члена, т. е. сравниваемого или желаннаго. Этимъ достигается только болѣе живое изображение желаемого въ мысли; но, при безсиліи человѣка различать объективное и субъективное, такой результатъ принимается за мистическое осуществленіе желаннаго, за мѣру необходимую для появленія его въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ *обрядъ—чары* и первоначально и до нынѣ могутъ неимѣть никакого отношенія ни къ небеснымъ явленіемъ, ни къ божествамъ, и въ этомъ смыслѣ несправедливо мнѣніе, что „первые (древнѣйшіе) обычаи (gebräuche) оказываются простѣйшими изображениями небесныхъ явленій“ (Schwartz „Der Urspr. der mythol.“ XVI).

Человѣкъ замѣчаетъ, что сучокъ въ соснѣ засыхаетъ и выпадаетъ, и что подобно этому въ чирьѣ засыхаетъ и выпадаетъ стержень. Первое приводитъ ему на мысль второе и наоборотъ. Ему желательно второе; но оно само по себѣ, непосредственно недостижимо; тогда какъ первое можетъ быть легко добыто. Поэтому онъ беретъ сухой сукъ самъ собою выпавшій изъ дерева, для укрѣпленія связи сука съ чирьемъ очерчиваетъ сучкомъ чирей и говоритъ: „какъ сохнетъ сукъ, такъ сохни чирей, вередъ“ (Ае. II. В. I, 259—60).

Это способъ заключенія миенческій; но онъ не предполагаетъ какихъ-либо развитыхъ представленій о божествѣ, а напротивъ предполагается ими. По моему мнѣнію ошибается Афанасьевъ, думая (ib. 258) что въ приведенномъ заговорѣ и другихъ подобныхъ (Майк. 499) сухое дерево имѣетъ значеніе молніи, которая въ сербскомъ тоже носить эпитетъ сухой.

Болѣзнь и сродное (уроки и призоры, притчки и ломоты) представляются чѣмъ-то столь же грубо вещественнымъ какъ сукъ дерева, и какъ сукъ можетъ засохнуть и выпасть „изъ бѣлой болони и краснаго сердца“, такъ и болѣзнь изъ человѣка.

Ее можно вырѣзать ножомъ; но это сдѣлать трудно; гораздо легче, но столь же и болѣе дѣйствительно воткнуть ножъ въ полокъ бани ¹⁾, и сказать ради большой крѣпости трижды: „булатный ножъ, подрѣжь черную болѣзнь въ ретивомъ сердцѣ“... (Майк. 234).

Стоя въ церкви у заутрени на Свѣтлый Праздникъ и глядя на толпящійся народъ, рыбакъ думаетъ о своей рыбѣ, какъ выше пчеловодъ—о пчелахъ. Призвать въ дѣйствительности первый образъ невозможно, но можно имѣть вещь напоминающую объ этой заутренѣ и толпѣ. И вотъ свѣчою, горѣвшюю во время стоянія у этой заутрени, окуривается рыбная ловушка, съ приговоромъ: „сколько было въ церкви народу, столько бы въ моей ловушкѣ рыбы“. (Майк. 324).

Пусть будетъ данъ мнѣ: „любовь (объясняемое) есть огонь“. Еслибы можно было въ любимой женщинѣ зажечь огонь, то тѣмъ самымъ бы въ ней загорѣлась и взаимная любовь. Зажечь въ ней самой огня нельзя, но можно подвергнуть дѣйствию огня нѣчто имѣющее къ ней отношеніе, замѣняющее ее, напр. ея изображеніе (булку изъ воску или другого матеріала, волосы, сорочку и пр.), ея слѣдъ (взятый изъ подъ ногъ „горячій слѣдъ“). И вотъ, сопровождая чары заговоромъ, человекъ разжигаетъ слѣды, ожидая появленія въ женщинѣ (resp. мужчинѣ) любви. Такіе заговоры и чары на любовь („присушки“), извѣстны намъ по русскимъ источникамъ, передаетъ по Теоокриту Виргилій въ VIII Эклогѣ, при чемъ достойно вниманія то, что и здѣсь, въ отдѣльных элементахъ заговора (или точнѣе въ отдѣльныхъ заговорахъ), также невиднo никакихъ слѣдовъ божествъ, какъ и въ приведенныхъ и имъ подобныхъ русскихъ. Чары у Виргилія состоятъ между прочимъ въ томъ, что женщина дѣлаетъ два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу (глины) другое изъ воску, приближаетъ ихъ къ огню, говоря:

¹⁾ Бани тутъ—ради другихъ обрядовъ, состоящихъ въ омываніи.

„Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni; sic nostro Daphnis amore“.

(Virg Ekl. VIII, 80—1).

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мифами, но не съ культомъ божествъ.

Въ мифахъ „любовь=огонь“, или *Daphnis*=(въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) его изображеніе (герм. его *exuvies*, по нашему—сорочка) между сравниваемыми существуетъ еще отношеніе тождества. Въ чарахъ и заговорахъ на любовь между огнемъ въ субститутѣ чловѣка и любовью въ немъ самомъ оказывается промежутокъ пространства и времени, и этимъ отношеніе тождества превращается въ отношеніе причины.

Языкъ и языки, по поводу статьи Макса Мюллера, (Deutsche Rundschau 1881. № 11.)

„Въ эти дурныя времена, когда становится уже мало, что человекъ можетъ читать нѣмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, испанскія, португальскія, новогреческія, датскія, шведскія и голландскія книги, но когда уже напускаются на несчастнаго ученаго, за то, что онъ не прочелъ или не можетъ прочесть доставленной ему книги по своей специальности, написанной на русскомъ, польскомъ, мадарскомъ, финскомъ, румынскомъ или сербскомъ, даже на санскритскомъ, бенгальскомъ, даже индусскомъ языкѣ; въ эти времена показалось мнѣ умѣстнымъ закричать „караулъ“.

„Я это сдѣлалъ тамъ гдѣ, мнѣ думалось, не оставлять совсѣмъ безъ вниманія моего вопля, именно въ „Albumul macedo—gotân“, сборникъ, который долженъ былъ появиться въ Румыніи съ благотворительною цѣлью.

„Въ Румыніи развивается новая bibliche, вѣроятно самородная и народная литература. Почему-бы и не такъ? чѣмъ больше тѣмъ лучше. Но зачѣмъ трудамъ Академіи Наукъ въ Бухарестѣ выходить на румынскомъ языкѣ? Чтобы ихъ никто не читалъ кромѣ тамошнихъ членовъ Академіи, да и то вѣроятно не всѣхъ? Тоже можно сказать и объ ученыхъ изданіяхъ Русской, Мадарской, Финской и многихъ другихъ Академій и ученыхъ обществъ, хотя отъ поры до поры они дѣлаютъ уступки несвѣдущему учоному и выпускаютъ въ свѣтъ болѣе важныя свои влады на французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ.

„Въ средніе вѣка вѣдь тоже говорили и писали на разныхъ неизвѣстныхъ языкахъ, но великій европейскій учоный парламентъ за lingua franca принималъ всегда языкъ латинскій, на которомъ могъ быть повсюду выслушанъ всякій, кто хотѣлъ, чтобы его чи-

тали лучшіе люди своего времени. Теперь кромѣ папы, никто не пишетъ по латыни, и мнѣ (говоря только о своей спеціальности) совсѣмъ недоступны цѣнные труды Ленрота, Аванасьева, Хыджеу. Гунфальви, если не сжалится надо мною кто либо изъ болѣе многоязычныхъ моихъ друзей. Если такъ пойдетъ дальше, то скоро намъ придется разбирать по складамъ валлійскія, сербскія, японскія и сингалезскія учоныя записки, и наконецъ учонымъ придется погибнуть отъ *mezzo fantitis chronica*.

„Пусть не говорятъ, что нельзя выучиться другому языку, кромѣ родного, на столько, чтобы выражаться на немъ понятно. Что было, то можетъ быть повторится, а языкъ англійскій и французскій, конечно, не труднѣе латинскаго, на которомъ умѣлъ писать всякій образованный человѣкъ въ вѣка мрака и невѣжества.

„Но къ чему проповѣдывать въ пустотѣ? скажутъ благоразумные люди, слыша о стремленіи, которое неможетъ достигнуть своей цѣли при ихъ жизни. Конечно, мы не доживемъ до того, когда учоныя книги не будутъ печататься ни на одномъ языкѣ, кромѣ четырехъ всемірныхъ... Ничто не движется впередъ такъ медленно, какъ разумъ; онъ истая черепаха; но наперекоръ всему онъ обгонитъ зайца. Что случилось бы со свѣтомъ, безъ проповѣдниковъ въ пустынѣ, безъ мучениковъ и пророковъ...

„Первоначальная цѣль языка — соединеніе людей. Но то, чего хотѣлъ языкъ, то разрушено языками: языки не соединяютъ людей, а раздѣляютъ ихъ болѣе, чѣмъ горы и моря... Какъ птица въ клеткѣ, такъ духъ человѣческой заключенъ въ своемъ языкѣ. Онъ стремится вонъ на чистый, вольный воздухъ; но желѣзная рѣшетка языка отталкиваетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не забудетъ древней грезы человечества (о человечествѣ) и не назоветъ людей, живущихъ въ другихъ клеткахъ „млэгѣна“ (болтунъ) нѣмымъ (нѣмецъ) если не варваромъ.

„Ну вотъ есть весьма мудрые люди, говорящіе намъ: такъ должно было случиться, не могло быть иначе. Не было казнью смѣшеніе языковъ, „такъ чтобы одинъ не разумѣлъ другого“. Было благодѣтельно раздѣленіе человечества, ибо лишь при немъ

во многихъ меньшихъ кругахъ могло осуществиться все богатство человѣческой природы.

„Такъ, такъ! Есть такая мудрость, по которой все дѣйствительное разумно. Но есть и другая, которая заботится о томъ, чтобы хоть нѣчто изъ разумнаго стало дѣйствительнымъ.

„Какая-нибудь тысяча языковъ человѣчества—это чистое недоразумѣніе, ибо то, что противорѣчить само себѣ, есть и будетъ, несмотря ни на какую философію, неразумно, а что мосьть есть ровъ—это само себѣ противорѣчить. Но царство неразумія велико и могущественно и развалить его сразу нельзя.

„При томъ министры его хитрые люди. Никто неговорить такъ благоразумно, какъ жрецы святого неразумія. Когда хотятъ оправдать нѣчто скверное, такъ ходятъ въ монашескихъ рясахъ: собираясь сказать нѣчто очень глупое, облакаются въ академическіе талары; когда нужно предотвратить нѣчто истинно общепольное, они надѣваютъ фригійскіе колпаки или украшаются національными цвѣтами и знаменами.

„Такимъ образомъ, подъ личиною любви къ отечеству, они увѣрили народъ, что нѣтъ ничего неприкосновеннѣе и священнѣе родного языка, и что, оставляя свой языкъ народъ перестаетъ быть народомъ. Валлійцы должны говорить и писать по валлійски; валлонцы только по валлонски; въ противномъ случаѣ они измѣняютъ себѣ и своимъ отцамъ.

„Теперь едва ли есть языкъ, едва ли есть народъ большой или малый, необращенный въ эту вѣру, кромѣ одной Японіи, пристыжающей весь свѣтъ. Когда этотъ народъ, числомъ около 35 мил., съ цивилизаціей и литературой, болѣе древними, чѣмъ большинство европейскихъ, пробудился и увидѣлъ себя среди міра чужимъ и непонимаемымъ; то онъ почувствовалъ, что при своемъ языкѣ, какъ съ ядромъ на ногѣ, онъ не можетъ пойти въ запуски съ человѣчествомъ. И истинные патриоты этой страны, коимъ больше лежало на сердцѣ благо потомства, чѣмъ удобства современниковъ, рѣшили, чтобы во всѣхъ ея школахъ учили англійскому языку, чтобы подростяющее поколѣніе могло прійти въ

духовное общеніе съ народомъ Англіи и Америки, даже съ метрополіями всего міра.

„И развѣ для этого нужно искоренять отечественный языкъ? Нѣтъ, онъ останется и на долгія времена, задушевнымъ языкомъ дома и очага, любви и горя, какъ Шлезвигъ-гольштинцы не даютъ отнять у себя себя свой „modensprak so sticht und recht“, хотя на духовномъ полѣ битвы также сильно владѣютъ языками Лютера и Гёте, какъ Швабы и Баварцы.

Было время, когда латинскій языкъ былъ *lingua franca* духа. Это время миновало, и теперь на мѣстѣ мертваго языка стоятъ въ Европѣ четыре живые, англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, изъ коихъ любой можетъ быть выбранъ народомъ вступающимъ на міровую сцену

Всякій *ученый*, философъ, политикъ, желающій участвовать въ общемъ разговорѣ долженъ свободно говорить и писать на одномъ изъ этихъ языковъ, какъ всякій образованный долженъ понимать ихъ всѣ.

„Кто станетъ сомнѣваться, что рядомъ съ этой всемірной литературой по прежнему будетъ процвѣтать родная поэзія, что мы изъ году въ годъ будемъ получать въ изобилии румынскія пѣсни, сербскія баллады, датскія трагедіи, нижненѣмецкіе рассказы русскія повѣсти. Но міровыхъ языковъ, у которыхъ есть прошедшее и есть будущее, въ Европѣ только четыре.

„Будетъ ли когда либо одинъ всемірный языкъ, на которомъ будутъ переговариваться народы, церкви и академіи, — кому извѣстно? Языки Вавилона и Иерусалима, Аѳинъ и Рима замолкли: развѣ англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій настолько лучше ихъ?

„Впрочемъ оставимъ въ сторонѣ будущее и великія надежды. Что возможно каждому, такъ это на широкомъ полѣ неразумія вырвать съ корнемъ хоть одинъ предрасудокъ.

„Такой предрасудокъ то, что истинная любовь къ отечеству невозможна безъ отечественнаго языка, и что первая обязанность всякаго патріота въ томъ, чтобы во вѣки, на войнѣ и въ мирѣ носить старую, тяжелую ржавую броню мѣстнаго языка.

„Кто может вѣрить, что языки существуютъ для того, чтобы люди не понимали другъ друга, тотъ пусть останется при этомъ догматѣ.

„Будущность покажетъ, что ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ не сможетъ выплатить размѣнною монетою своего долга человѣчеству“.

Максъ Мюллеръ хочетъ увѣковѣчить разстояніе между языкомъ науки и поэзіи. Между тѣмъ разцвѣтъ поэзіи въ новой литературѣ вездѣ сопряженъ съ уменьшеніемъ этого разстоянія (Пушкинъ). Существованіе этихъ разстояній вредно вліяетъ на развитіе, которое дѣлаетъ то, что и самые научные дѣятели набираются изъ узкаго круга, скуднаго талантами. Онъ хочетъ стало быть выгодныхъ условій для четырехъ народовъ и невыгодныхъ для остальныхъ.

Авторъ слишкомъ ученый и добросовѣстный человѣкъ для того, чтобы, подобно нѣкоторымъ послѣдователямъ той же вѣры, въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, видѣть явственныя признаки наступленія торжества этой вѣры. Онъ не ливуетъ напр., пророчествуя, что въ ХХ-мъ вѣкѣ въ Америкѣ не останется другихъ языковъ кромѣ испанскаго и англійскаго. Романскіе языки покроютъ Африку, по крайней мѣрѣ Сѣверную; языки англійскій и русскій раздѣляютъ между собою Азію. (Русскій языкъ онъ повидимому относитъ къ языкамъ имѣющимъ прошедшее и будущее, и въ этомъ послѣдовательнѣе нашихъ филологовъ). Напротивъ, видя появленіе разныхъ Гунфальфи и то, что теперь „едва ли есть народъ необращенный въ эту (ложную съ его точки зрѣнія) вѣру“, онъ вопіетъ: „кто въ Бога вірує, ратуйте“.

На дѣлѣ, какъ упомянутымъ выше, еще рано испускать побѣдные клики, такъ и Максу Мюллеру нѣтъ основанія считать себя проповѣдникомъ въ пустынѣ. Въ дѣйствительности онъ стоитъ за монополію господствующихъ литературныхъ языковъ, на сторонѣ которыхъ сильная и богатая часть обществъ и народовъ. Раздраженіе, которое знаменитый ученый испытываетъ, при мысли, что не все замѣчательное, что пишется по его части, доступно

ему по языку, сходно и сродно съ тѣмъ, которое испытываютъ цари биржи и владыки рынковъ, распорядители судебъ народовъ, при видѣ того, что не все золото стекается въ ихъ мѣшки, не вся промышленность въ ихъ власти, не всѣ возжи въ ихъ рукахъ. Это раздраженіе еще усиливается столь легко приобретаемыми и столь легко поддерживаемыми априорными заключеніями, сознаниемъ, что они именно видятъ дальше и яснѣе другихъ; что именно у нихъ на сердцѣ „благо потомства“, благо, ради коего слѣдуетъ жертвовать временными удобствами современниковъ“. Если наша вѣра правая, единая спасающая, то съ еретиками, жрецами лжи, носителями личины патріотизма,—не слѣдуетъ стѣсняться. По одной покатой плоскости нужно будетъ дойти до правила: „цѣль (благо потомства) оправдываетъ средства“ причиняющее лишь временное неудобство современниковъ. Съ одной точки зрѣнія нужно признать, что печатать труды, скажемъ, Финской академіи, по французски и нѣмецки, (слезми моря доповнати) есть благо, хотя оно не создаетъ читателей между финами; а то, что напр., Аванасьевъ писалъ по-русски, есть зло, хотя иначе онъ и не могъ бы писать и хотя сочиненія его несомнѣнно читаются многими, незнающими ни одного иностраннаго языка; хотя, повисъ оно на иностранномъ языкѣ, оно навѣрное не было бы переведено на русскій; тогда какъ нѣмцы отъ незнакомства съ нимъ теряютъ менѣе, потому что этимъ сочиненіемъ пользовались ихъ ученые.

Впрочемъ ошибочно думать, что такіе взгляды недобросовѣстны. На свѣтѣ множество случаевъ, когда челоѣкъ необходимо слѣпо, т. е. незамѣтно для себя, въ теоріи и жизни слѣдуетъ правилу: „цѣль оправдываетъ средства“, „лучшій журавль въ небі, ніжъ синица въ жмени“.

Трагизмъ положенія въ томъ, что ему кажется, что онъ уже держитъ этого журавля въ рукѣ. Отсюда теоретическія объясненія близкаго дальнимъ и трансцендентальнымъ. Сюда относится практическое изгнаніе радостей жизни, самоистязаніе, самосожженіе и сожженіе другихъ какъ у нѣкоторыхъ раскольниковъ. Сюда относится все дѣлаемое для загробной жизни. Напр., когда у Осе-

тинъ родственники умершаго продають необходимое, чтобы пышно его одѣть: при жизни одѣвался бѣдно, пусть хоть теперь одѣнется пышно, чтобы на томъ свѣтѣ не было стыдно показаться умершимъ. (сб. св. о Кавказ. горц. IX. отд. III, 2-3) Когда дѣлаются самоистязанія у гроба, потому что покойникъ видитъ и цѣнить ихъ, когда живого хоронять съ мертвымъ. (Тейлоръ III, 50. Спенс. осн. соц. I 202—3, 212); когда посылають души враговъ на службу тому, за кого мстятъ (Патрокль и троянскіе юноши; месть Ольги). Признаніе необходимости каторги (у Достоевскаго)—ради спасенія души. Убійство милыхъ для ихъ блага. ¹⁾

Какъ въ консервативномъ станѣ предписывать въ подобныхъ случаяхъ свентицизмъ, спокойное изслѣдованіе, движеніе въ противоположнымъ мнѣніямъ, все равно, что совѣтовать поймать птицу, посыпавши ей соли на хвостъ.

Противоположное направленіе состоитъ, конечно, не въ отрицаніи дальнихъ цѣлей и идеаловъ, какъ разница между хорошимъ шахматнымъ игрокомъ и дурнымъ состоитъ не въ томъ, что одинъ стремится къ выигрышу, другой нѣтъ, а въ томъ, что у другого цѣль заслоняетъ промежуточныя ступени.

¹⁾ ф. „Катерини сина прижила
Въ колодези затопила,
Зъ буйнымъ вітромъ говорила:
„Повій вітре буйнесенькій
„Та наженн чорну хмару,
Спусти зъ неба дрібний дощикъ
Позаливай всі слідочки,
Щобъ туди люде неходили
Зъ колодези води брати,
Щобъ дитяти незискати
Мій батенько мене любить,
То він мене зъ світи згубить.

Въ 1851 г. покойный врачъ Улеговскій показывалъ мнѣ кѣмъ-то добытый изъ архива Харьковскаго Врачебнаго Управленія актъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей мужика, хорошаго семьянина и благочестиваго человека, убившаго нѣсколькихъ членовъ семьи, потому что они бы вошли въ составъ военнымъ поселеній (такъ называемая высшая политика, оказывающаяся на дѣлѣ очень недалеконвидною), такъ и въ радикальномъ, дѣйствія называемыя, смотря по точкѣ зрѣнія, благоразумными, политичными, иногда—преступными.—Сюда—революціонная дѣятельность христіанства по отношенію къ народной литературѣ. Сюда—многимъ нинѣшнимъ дѣйствіямъ разряда „цѣль оправдываетъ средства“.

Въ дѣйствительности разстоянія между противоположными крайностями могутъ быть не велики. Найти границу между тѣмъ и другимъ разъ на всегда невозможно. Вѣрно опредѣлать ее—въ этомъ трудное искусство жить.

Отдать изъ любви къ ней (цѣли) молодую дѣвушку за богатаго старика—дурно, — выйти по любви и незнать чѣмъ прокормить себя и дѣтей—тоже. Копить деньги, подавляя насущныя потребности—дурно; по примѣру дикаря недумать о завтрашнемъ днѣ—тоже. Противиться введенію конституціи, потому что она поведетъ моль къ соціальной революціи (=недавать сыну хлѣба: а давать камень, потому что если дать хлѣба, онъ захочетъ всего наслѣдства)—нехотѣть конституціи, потому что она ведетъ къ плутократіи.

Искусственный языкъ Мавса Мюллера *vgl.* II 38 слѣд.

а) Побужденіе для принятія такого языка (еслибы онъ былъ изобрѣтенъ) могло бы состоять въ признаніи его превосходства. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ бы въ условіяхъ менѣе выгодныхъ, чѣмъ любой изъ наличныхъ великихъ литературныхъ языковъ. Превосходство одного изъ послѣднихъ могло бы быть признано, еслибы вездѣ порвалась связь преемства, кромѣ того мѣста, гдѣ этотъ языкъ туземный. Въ дѣйствительности чужой языкъ вытѣснялъ бы туземный лишь насиліемъ.

б) такой языкъ предполагалъ бы существующіе языки. Въ формальномъ отношеніи онъ имъ выражалъ бы систему категорій даннаго языка (слѣдовательно принятіе его было бы принятіемъ этого послѣдняго), или былъ бы эклектиченъ, Въ обоихъ случаяхъ, гдѣ мѣрка относительнаго превосходства грамматическаго строенія? Сближаются ли языки между собою? Пролагается ли такимъ образомъ путь къ общему языку?

в) этотъ языкъ предполагалъ бы готовую систему познанаго, готоваго. Возможна ли она, какъ нѣчто прочное неподвижное? Онъ былъ бы *прозаиченъ* и въ этомъ смыслѣ неудобенъ для познанія.

Вводителями искусственнаго языка были бы отдѣльныя личности, а не массы. Введеніе его было бы похоже на радикальную перестройку общества, было бы также деспотично.

Вступительная лекція.

1881—2 г.

Прежній обычай начинать чтенія съ указанія на важность предмета представляет опасность въ томъ отношеніи, что ожиданія слушателей могутъ быть обмануты; можно принять мѣры противъ ошибочнаго толкованія такого обманутаго ожиданія. Надо рассчитывать на слушателя, способнаго понять, что есть авторитетъ выше личности: авторитетъ науки, ощутимой въ массѣ своихъ произведеній, въ живости, силѣ ея стремленій, которыя мы должны носить въ себѣ. Если мы неудовлетворены школою, преподавателемъ, не по нашей винѣ (небрежности, самомнѣнію, неподготовленности), то это самое доказываетъ, что мы носимъ въ себѣ частицу силы, создающей зданіе науки.

Предметъ чтеній—синтаксисъ русскаго языка. За неимѣніемъ кафедръ общаго языкованія сюда—общія понятія о языкѣ и о задачахъ языкованія.

Срединность языкованія.

Казалось бы равно обязательнымъ для всѣхъ положеніе, что нѣтъ въ мірѣ явленій, изслѣдованіе коихъ было бы недостойно усилий человѣческаго ума, что нѣтъ науки, которая немогла бы вести къ высшимъ задачамъ ума, что можно говорить только относительно удобствъ и количества извѣстныхъ знаній въ такомъ-то мѣстѣ и времени, а не объ ихъ достоинствѣ. И однако, бессознательное самолюбіе нерѣдко подсказываетъ людямъ, что знаніе, которое они случайно усвоили, родъ дѣятельности, на который натолкнули ихъ обстоятельства,—безусловно полезнѣйшій. Какъ гейневскій школьникъ, который нехочетъ знаться съ другимъ немѣющимъ склонять *fora*; какъ институтеа высшаго класса, пре-

зирающая кофшкку; какъ нашъ гимназистъ, — трудно сказать, насколько шути, настолько серьезно, — величающійся цѣлкомъ канта и буквами на шапкѣ; такъ иногда серьезные люди въ одномъ ходѣ умственныхъ занятій, въ одномъ приемѣ мысли видятъ достоинства, отъ одного чають блага обществу, его спасенія. Если такія пристрастія или антипатіи принимаютъ обширные размѣры, то въ нихъ знаменіе времени.

„Извѣстный складъ мысли устанавливается во Франціи въ XVII в. одновременно съ монархическою централизаціей и съ свѣтскою бесѣдою и сопровождаетъ ихъ не случайно, потому что онъ есть дѣло новой публики, которую создаютъ новая политическая система и новые общественные нравы; онъ есть произведеніе аристократіи, устраненной отъ всякаго дѣла захватами монархической власти, произведенія благороднаго происхожденія и стараго воспитанія, которые, будучи устранены отъ всякой дѣятельности, бросаются на разговоръ и употребляютъ всѣ свои досуги на наслажденіе серьезными или изящными удовольствіями ума...

Въ XVII вѣкѣ этихъ людей называютъ порядочными (*les honnêtes gens*) и впредь всякій писатель, даже самый отвлеченный будетъ обращаться со своими произведеніями только къ этой публикѣ. „Порядочный человекъ, напр., Декартъ, вовсе необязанъ читать всѣ книги или знать основательно все то, чему обучаютъ въ школахъ“. Декартъ низко ставитъ простыя познанія, приобретаемыя безъ помощи разсужденія, каковы напр., „языки, исторія, географія и вообще все то, что основано на одномъ только опытѣ“. По эго мнѣнію, порядочный человекъ столь же мало обязанъ знать греческій и латинскій языки, какъ и какое-нибудь швейцарское или нижнебританское нарѣчіе; точно также исторія римско-германской Имперіи обязательна для него не болѣе, чѣмъ исторія самого крошечнаго изъ европейскихъ государствъ. Главное „природный здравый смыслъ“ (причемъ предполагается, что у мужика, разночинца и ученаго педанта его нѣтъ). Послѣднее разсужденіе Декарта озаглавлено: „Ислѣдованіе истины съ помощью того естественнаго свѣта, который самъ по себѣ и безъ всякаго посо-

бія со стороны религіи и философіи, опредѣляетъ тѣ мнѣнія, которыя долженъ имѣть *порядочный* человѣкъ обо всемъ, долженствующемъ быть предметомъ его мысли“.

Эти „порядочные“ люди представляютъ не только аудиторіи, но и судей. „Надо стараться изучать вкусъ двора, говорить Мольеръ, потому что нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ рѣшенія были бы такъ вѣрны и правильны, какъ тутъ. Простой естественный здравый смыслъ и постоянное общеніе между собою представителей всего хорошаго свѣта создаютъ тутъ особенный складъ ума, который судить обо всемъ несравненно умнѣе и тоньше, чѣмъ все заржавѣлое знаніе педагоговъ“. Съ этого момента верховнымъ судьей истины является не ученый, какъ было прежде, а свѣтскій человѣкъ. Педантъ, а затѣмъ и ученый, человѣкъ специальности, отодвинуты въ сторону...

Въ XVIII вѣкѣ авторитетъ свѣтскаго человѣка получаетъ характеръ верховной власти. „Въ людской толпѣ, составленной изъ глупцовъ и пересыпанной педантами, говоритъ Вольтеръ, всегда имѣется маленькое отдѣльное стадо, называемое хорошимъ обществомъ; будучи богато, хорошо воспитано, образовано и учтиво, оно представляетъ собою какъ бы цвѣтъ человѣческаго рода; для него подружились и трудятся самые великіе люди; оно же раздаетъ славу и извѣстность“. Въ 1789 году, говорилъ аббатъ Мори, французская академія одна только пользовалась уваженіемъ и одна только дѣйствительно давала человѣку извѣстное положеніе. Академія же наукъ не значила ровно ничего въ общественномъ мнѣніи, равно какъ и академія надписей... Языки—наука глупцовъ. Д'Аламберъ стыдился того, что былъ членомъ академіи наукъ. Математика, химика и т. п. слушаетъ лишь небольшая горсть людей, тогда какъ писатель и ораторъ обращается ко всей вселенной. Мори прибавляетъ:

„Мы, члены французской академіи, смотрѣли на членовъ Академіи наукъ, какъ на нашихъ лакеевъ“, а между этими лакейми были тогда Лавуазье (химикъ), Лагранжъ (геометръ), Лапласъ (астрономъ, авторъ „небесной механики“). Подъ вліяніемъ такого

давленія духъ принималъ ораторскій и литературный складъ и приспособлялся къ требованіямъ, удобствамъ, вкусамъ и степени образованности и внимательности своей публики. Отсюда—происхожденіе классической формы. Она слагалась изъ привычки говорить, писать и думать, стоя въ виду свѣтской аудиторіи салона.

Языкъ преобразуется подъ вліяніемъ „свѣтскаго употребленія словъ и хорошаго вкуса“, это языкъ „порядочныхъ людей“. ¹⁾ Онъ измѣняется въ словарѣ и грамматикѣ. Словарь облегчается отъ излишней тяжести. Изъ него исключается большинство словъ, относящихся до спеціальной эрудиціи, изъ него выбрасываются черезчуръ латинскія и черезчуръ греческія выраженія, спеціальныя термины школы, науки, ремесла и хозяйства,—все, что отзывается слишкомъ сильно какимъ-либо особеннымъ занятіемъ, что не можетъ считаться у мѣста въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ. Изъ него выкидывается множество выразительныхъ и картинныхъ словъ: всѣ нѣсколько грубыя, старогальскія или наивныя слова *мѣстнаго*, *провинціального* или *личнаго*, *самодѣльнаго* происхожденія, собственныя, домашнія или простонародныя, выхваченныя изъ пословицъ и поговорокъ, ²⁾ множество оборотовъ, отличающихся живостью, рѣзкостью, откровенностью... все, что производя черезчуръ живое потрясеніе, могло бы повредить приличія свѣтской бесѣды...

Достаточно одного неудачнаго слова, говорить Вожега, чтобы заслужить презрѣніе общества и, даже наваунѣ революціи быть отброшеннымъ въ глазахъ его въ разрядъ „богъ знаетъ кого“ ; (especies).

Путемъ такого соскабливанія языкъ сокращается и обезцвѣчивается... Доходитъ до того, что никакая рѣчь не составляется

---

¹⁾ Vaugelas, Remarques sur la langue françoise: Это—манера говорить самой здравой части двора, согласная съ манерой писать самой здравой части авторовъ даннаго времени... Гораздо лучше справиться у женщинъ и у тѣхъ, которые неслишкомъ много учились, чѣмъ у тѣхъ, которые очень свѣдуши въ греческомъ и латинскомъ языкѣ.

²⁾ Одною изъ причинъ паденія маркиза д'Аржаньяка въ XVIII в. и немилости къ нему короли была привычка его употреблять этотъ родъ выраженій.

иначе, какъ изъ общихъ выраженій. По совѣту Бюффона, эти выраженія употребляются даже для выраженія особенныхъ вещей. Это болѣе согласно со свѣтской учтивостью, которая слаживаетъ, смягчаетъ и устраняетъ всё слишкомъ рѣзкія или слишкомъ простые ударенія, и для которой многія идеи показались бы слишкомъ грубыми и низкими, если бы ихъ не облекали полувуалемъ. Это болѣе удобно для лѣниваго вниманія, потому что общіе, термины бесѣды способны разбудить мгновенно ходячіе, общепринятые идеи; всякій сразу понимаетъ ихъ ужь по тому одному, что принадлежитъ къ членамъ салона; тогда какъ, на оборотъ, спеціальныя обороты потребовали бы усилія памяти или воображенія. Напр. говоря объ американскихъ дикаряхъ или древнихъ франкахъ, если скажу „вояная сѣкира“, всё поймутъ меня съ перваго разу, тогда какъ, если я скажу „томагава“ или бердышь, то многіе вообразятъ, что я говорю по-тевтонски или по-ирокезски. (Или-изъ Оптимиста „колена д'Арлекиля“ (1788): „сцена изображаетъ рожицу благовонныхъ деревьевъ“. Авторъ постуилъ бы противно классическому духу, если бы указалъ, какія это были деревья: сирень, липа, боярышникъ. Такъ и на пейзажахъ тогдашнихъ живописцевъ деревья не принадлежатъ ни къ какому известному роду. Это просто деревья вообще). Чѣмъ возвышаннѣе литературный родъ, тѣмъ строже соблюдается это правило; такъ изъ поэзіи изгнано всякое слово, называющее вещь по ея имени; она замѣняется перифразомъ. Поэтъ XVIII вѣка имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь около $\frac{1}{3}$ словаря, а подъ конецъ поэтической языкъ столь тѣсно ограниченъ, что когда человѣку приходитъ желаніе сказать что нибудь, онъ уже не можетъ сказать этого въ стихахъ.

За то, чѣмъ больше расчищается лѣсъ, тѣмъ свѣтлѣе становится въ немъ... „Учтивость“, „точность“ два слова, рождающія вмѣстѣ съ французской Академіей, представляютъ собою краткій итогъ реформы, оплотомъ коей служить эта Академія, и которую салоны навязываютъ публикѣ черезъ ея посредство и рядомъ съ нею... (Многіе) трудятся съ большою добросовѣтносью

и тонкимъ тактомъ надъ тщательнымъ взвѣшиваніемъ каждаго слова и выраженія... отношеніемъ его къ другому, его употребленіемъ.

Грамматика преобразуется одновременно въ томъ же направленіи. Устанавливается порядокъ словъ (болѣе свободный въ XVIв.) (подлежащее съ прилагательнымъ, глаголь, прямое дополнение, косвенное дополнение); недопускается опущеніе мѣстоименій *je, il, nous, vous, ils*, члена *le, la, les* глагола *est*. Фраза рассчитана на наименьшую затрату вниманія, на увѣренность усмотрѣть на каждомъ шагѣ присутствіе или отсутствіе связи между отдѣльными частями.

Методъ построенія простой фразы управляетъ также построеніемъ періода, параграфа и всей цѣпи параграфовъ; создавъ синтаксисъ, онъ создаетъ и стиль. Этотъ стиль созданъ для того, чтобы объяснять, доказывать, популяризовать... Отправляясь отъ нѣсколькихъ простыхъ терминовъ, онъ легко и быстро ведетъ читателя къ комбинаціямъ самаго высшаго характера. Съ этой стороны французскій языкъ въ 1789 году можетъ считаться первымъ изъ всѣхъ языковъ Европы. Берлинская Академія объявляетъ конкурсъ и назначаетъ премію за объясненіе причинъ его превосходства. Дипломатія неупотребляетъ другого языка, кромѣ французскаго. Онъ становится международнымъ, каковымъ былъ когда-то латинскій... всякому невольно кажется, что назначенъ и впредь служить предпочтительнымъ органомъ разума.

Но на дѣлѣ этотъ языкъ—органъ лишь извѣстнаго разума, а именно резонирующаго (*la raison raisonnante*), разума желающаго мыслить съ наименьшею подготовкою и съ наибольшимъ удобствомъ, какія только возможны; разума, который довольствуется имѣющимся у него запасомъ свѣдѣній, недумая объ ихъ увеличеніи или обновленіи, который нехочетъ или неумѣетъ обнять всей полноты реальныхъ вещей. По своему пурризму, своему презрѣнію къ спеціальнымъ терминамъ и живымъ оборотамъ рѣчи, по мѣлочной правильности въ развитіи каждой мысли, классическій стиль неспособенъ къ полному изображенію или регистраціи безконечныхъ и прихотливыхъ подробностей опыта. Онъ неможетъ

выразить... бесчисленно подвижныхъ и разнообразныхъ чертъ не человѣческаго характера вообще, но именно характера даннаго человѣка, чертъ, изображеніе коихъ небыло бы возможно даже... Бальзаку или Шекспиру, если бы ихъ богатый языкъ, обогащаемый еще ихъ собственными смѣлыми нововведеніями не доставлялъ имъ разнообразныхъ оттѣнковъ для выраженія многочисленныхъ подробностей ихъ наблюденій. ¹⁾ Этимъ стилемъ невозможно перевести ни библіи, ни Гомера ни Данта, ни Шекспира. У Вольтера изъ монолога Гамлета осталась одна отвлеченная декламація. Гомеровское описаніе острова нимфы Калипсо, на которомъ гнѣзятся чайки и другія длиннокрылыя морскія птицы въ прекрасной прозѣ Фенелона превращается въ такой-то паркъ, разбитый, „чтобъ тѣшить взоръ“. Въ XVIII вѣкѣ иностранные романисты, которые притомъ сами принадлежатъ къ классическому періоду (Фильдингъ, Свифтъ, Де-Фоз, Стернъ, Ричардсонъ) допускаются во Францію лишь съ сокращеніями и смягченіями, причемъ переводчикъ еще извиняется за то, что имъ оставлено: у нихъ есть черезчуръ отвроченныя слова, черезчуръ сильныя сцены; ихъ простодушныя, грубыя или странныя выраженія были бы пятномъ на тогдашнемъ французскомъ языкѣ.

Въ этомъ языкѣ имѣется мѣсто лишь для нѣкоторой части истины, при томъ довольно узкой, а постоянное возрастаніе очищенія ежедневно дѣлаетъ эту часть уже и уже... Классическій стиль постоянно находится въ опасности ограничить свои матеріалы одними общими мѣстами самаго мѣлкаго и тощаго свойства.

Но этимъ свойствамъ стиля можно судить о свойствахъ ума, органомъ коего служилъ этотъ стиль. Работа человѣческой мысли состоитъ въ двухъ операціяхъ: въ присутствіи вещей получать отъ нихъ возможно точное, полное и глубокое впечатлѣніе; покинувъ эти вещи, — разлагать и классифицировать свои впечатлѣнія и выражать извлеченныя отсюда идеи. Классическій умъ испол-

---

¹⁾ Въ сочиненіяхъ Мольера около 8000 словъ, у Шекспира около 15000. Въ словарь старой Франціи около 30000, а словарь отдѣльныхъ писателей классическаго вѣка очень бѣденъ.

няеть второе съ особеннымъ совершенствомъ. Принужденный приспособляться къ своимъ слушателямъ, т. е. свѣтскимъ людямъ, чуждымъ всякой спеціальности и отличающимся большою разборчивостью и требовательностью, онъ долженъ былъ довести это до высокаго совершенства—искусство заставлятъ слушать и понимать себя, т. е. искусство—сочинять, писать... Во всѣ литературные роды вносятся свойства хорошей ораторской рѣчи... Вторая операція вредитъ первой, потому что обязанность говорить всегда красиво не даетъ иной разъ возможности сказать все, что слѣдуетъ... (поэзія въ накладѣ). Вольтеръ: „изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ нашъ наименѣе поэтиченъ“. Изъ сочиненій въ стихахъ болѣе всего въ модѣ во французскомъ театральныя пьесы, которыя должны быть написаны естественнымъ слогомъ, приближающимся по возможности къ разговорному. Лица, создаваемые классическимъ стилемъ, всѣ люди свѣтскіе, хорошо говорящіе, даже животныя Лафонтена, слуги и служанки Мольера, персіяне Монтескье, вавилоняне, индійцы и пр. Характеры общи, неподвижны. Дѣйствіе происходитъ ни въ какой странѣ и ни въ какомъ времени, куда дѣйствительность (свѣтское французское общество) прокрадывается лишь безъ воли автора...

Слѣдовать при каждомъ научномъ объясненіи методу математиковъ, извлечь, уединить нѣсколько очень простыхъ и общихъ понятій, затѣмъ покинуть опытъ, сравнивать и комбинировать ихъ между собою и изъ полученнаго такимъ образомъ, искусственнаго соединенія вывести путемъ чистаго разсужденія всѣ слѣдствія, которыя въ немъ могутъ заключаться: вотъ приемъ классическаго духа. Этотъ способъ изслѣдованія—отъ Декарта черезъ всю революцію и Имперію, даже при реставраціи...

Характеристическая подробность, обстоятельный примѣръ, знаменательный и полный обращеніе—постоянно опускаются... Правильное и правдоподобное сооруженіе на основаніи ничтожныхъ данныхъ.

(Тэнъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи, I, 249—73).

Въ Россіи настроеніе скорѣе неблагопріятное для языковѣдѣнія, чѣмъ наоборотъ. Разнообразіе этнографическаго состава государства недостаточно для возбужденія научныхъ стремленій. Сравните съ одной стороны Германію, съ другой—Россію. Въ одной Европейской Россіи съ Кавказомъ; а) кромѣ господствующаго по числу многонарѣчнаго русскаго племени, есть изъ славянскихъ племенъ поляки, болгары; изъ другихъ индоевропейскихъ западныхъ; б) литовцы и латыши; в) нѣмцы и шведы; г) румыны; д) греки, изъ индоевропейскихъ восточныхъ отъ 4 до 5 племенъ иранской отрасли; изъ малоисслѣдованныхъ; ж) грузины съ подраздѣленіями и з) около десяти кавказскихъ племенъ; изъ семитовъ; и) евреи въ двухъ разновидностяхъ, хотя и не говорящіе семитическимъ языкомъ, но читающіе на немъ; і) не менѣе 11 финскихъ; к) около 6 тюрко-татарскихъ и л) одно монгольское. Сюда надо присоединить еще Сибирь и Среднеазиатскія владѣнія. Тѣмъ неменѣе языковѣданіе у насъ не процвѣтаетъ, несмотря на теоретическую и практическую важность литовскаго и латышскаго языковъ, и несмотря на то, что всѣ латыши и огромное большинство литовцевъ въ Россіи, почти все сдѣланное для изученія этихъ языковъ, написано на нѣмецкомъ. Общество было равнодушно, правительство даже воздвигало препятствія.

Самое теоретическое изученіе русскаго языка въ значительной степени спорадично и случайно. Ломоносовъ—физикъ, химикъ и металлургъ, Даль—медикъ, Максимовичъ—ботаникъ. Филологи по образованію и ремеслу посвящали языковѣданію только часть своей дѣятельности, а другую большую—археологіи, исторіи, литературѣ. Русскихъ насчитываютъ около 55 милліоновъ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ вмѣстѣ вдсятеро меньше. Между тѣмъ въ настоящее время у словинцевъ есть Миклошичъ, у сербовъ—Даничиѣ, у хорватовъ—Ягиѣ. Согласно съ этимъ у русскихъ должно бы быть человекъ тридцать крупныхъ славистовъ; но наберется ли ихъ три—это еще вопросъ. По крайней мѣрѣ въ академіи наукъ изъ занимающихся славянскими языками русскихъ двое (Гротъ и Буслаевъ) 3-й Ягиѣ—хорватъ.

Слишкомъ большое преобладаніе въ болѣе именитой и обезпеченной части общества хлѣбныхъ интересовъ, практическаго матеріализма, который, какъ извѣстно, распредѣляетъ между прочимъ студентовъ по факультетамъ. Конечно, — не безъ исключеній, и надо думать, что это явленіе временное, остатокъ Митрофана Простакова, осужденный на умаленіе, а не на возрастаніе.

Число низшихъ и среднихъ школъ растетъ, хотя несоразмѣрно потребностямъ. Какъ ни тѣсно въ нихъ, какъ ни дурень воздухъ, какъ быть можетъ, ни неудовлетворительно преподаваніе, однако они переполняются больше и больше. И во всѣхъ ихъ частью исходною точкою, частью средоточіемъ служатъ языкознаніе, въ частности не практическое только, но и теоретическое изученіе отечественнаго языка.

Или это только предразсудокъ? или нѣчто навѣянное обществу извнѣ?—Измѣненіе системы образованія можетъ измѣнить количественно и качественно отношеніе древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ къ отечественному, можетъ иначе распредѣлить другіе такъ называемыя реальныя предметы преподаванія, но, мнѣ кажется, неослабитъ, а усилитъ срединность и основность преподаванія отечественнаго языка.

Стало быть, жизнь усилитъ спросъ на высшее теоретическое языкознаніе въ университетахъ и академіи, ибо врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что теоріи вырабатываемыя на верху рано ли поздно спускаются до низу, даже до первоначальнаго обученія грамотѣ. Эти теоріи даже и теперь можно замѣтить и въ букваряхъ, хотя въ то же время недобросовѣстность и устарѣлость этихъ теорій, незнакомство авторовъ съ тѣмъ, что прямо и косвенно дѣлается для русскаго языка иностранными учеными, бросаются въ глаза въ большомъ количествѣ новыхъ учебниковъ русскаго языка.

Важность языкознанія въ элементарномъ (среднемъ и низшемъ) обученіи никакъ не можетъ быть названа *предразсудкомъ*, т. е. тѣмъ, что въ пословицѣ: „була правда, та заржавіла“. Въ средніе вѣка на западѣ весь кругъ тогдашнихъ наукъ подчинился

богословію. Такъ называемыя artes liberales, въ томъ числѣ и грамматика, были ancillae theologiae. Такъ было и у насъ п отчасти осталось въ простомъ народѣ, гдѣ обученіе грамотѣ (состоящее между прочимъ въ анализѣ звуковъ рѣчи) имѣетъ цѣлью часословець и псалтырь. Во времена возрожденія въ концѣ XV и XVI вѣка считались достойнымъ изученія только языки греческій, ради усвоенія сокровищъ античной цивилизаціи (какъ смотрятъ нѣкоторые классическіе филологи и до нынѣ) и еврейскій ради библии. Стало быть, значеніе языкознанія было опять таки подчиненное. Стало быть, срединность языкознанія въ преподаваніи можетъ быть или новою истиною, или новымъ заблужденіемъ, но не предрасудкомъ.

Истина ли это, или заблужденіе?

— Человѣкъ стремится къ *познанію природы и къ пользова- нію ея силами*. Познаніе—первое, примѣненіе—второе. Самая область познанія дѣлится на науки чистыя или основныя и прикладныя, состоящія въ систематизаціи примѣненія первыхъ къ частнымъ цѣлямъ дѣятельности. Успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистая наука, познаніе сущаго безъ всякой утилитарной цѣли способно удовлетворить человѣка, какъ и удовольствіе, доставляемое искусствомъ, но что нѣтъ такого познанія (если оно вѣрно), которое рано или поздно не могло бы быть направлено къ улучшенію человѣческой жизни.

Обширное понятіе природы исчерпываетъ собою все познаваемое. Сверхестественное, совершающееся не по законамъ природы, еслибы существовало, небыло бы доступно познанію и не входило бы въ кругъ наукъ, безъ исключенія—естественныхъ.

Природа заключаетъ въ себѣ человѣка и все окружающее его. Отсюда раздѣленіе наукъ на гуманитарныя и естественныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, раздѣленіе приблизительное, такъ какъ нѣкоторыя части обонхъ отдѣловъ тѣсно связаны между собою, стоятъ на межѣ этихъ отдѣловъ; нѣтъ рѣзкаго скачка отъ того, что не есть человѣкъ, къ человѣку.

Будетъ ли человѣкъ наблюдать за своею личною жизнью, или за жизнью своего племени, во всякомъ случаѣ настоящее становится доступнымъ наблюденію, лишь когда оно отодвинуто въ прошедшее, стало слѣдомъ. Такимъ образомъ всѣ науки о человѣкѣ сводятся къ изученію прошедшаго, къ исторіи языка, искусства, науки, религіи, права, быта, политическихъ учрежденій. Всякое наблюденіе даннаго момента вызываетъ наблюденіе предшествующаго и вытягивается въ нить исторіи, нити сплетаются въ постоянно возобновляемую ткань жизни. Такимъ образомъ въ сущности историчны и такія науки, которыя неносятъ имени исторіи. Напр., психологія должна стремиться быть исторіей возникновенія душевныхъ явленій въ предѣлахъ личной, племенной, народной жизни. Языкознаніе при расширеніи круга наблюденій изъ описанія состоянія языка стремится перейти въ исторію.

Положеніе языкознанія въ ряду гуманитарныхъ наукъ вызывается соображеніемъ: мы незнаемъ человѣка до языка; онъ предшествуетъ всѣмъ остальнымъ специально человѣческимъ дѣятельностямъ и сопровождаетъ ихъ. Подъ древними развалинами ассирийскихъ и вавилонскихъ городовъ, заключающими въ себѣ между прочимъ цѣлыя бібліотеки изъ дощечекъ обожженной гліны, на коихъ—исторія погибшихъ царствъ и, между прочимъ, религіозныя сказанія, представляющіяся источникомъ первыхъ страницъ приписываемой Моисею книги Бытія; подъ этими развалинами находятся невыглаженныя каменные орудія неизмѣримо болѣе древняго человѣка. Эти орудія находятся и въ Европѣ подъ огромными толщами земли, на образованіе коихъ должны были пойти, можетъ быть, сотни лѣтъ. И однако, мы твердо вѣримъ, что люди, заострявшіе эти кремни и тупившіе ихъ на костяхъ уже вымершихъ звѣрей и себѣ подобныхъ, были существа говорящія членораздѣльными звуками. Мы вѣримъ въ это, ибо никто не встрѣчалъ рода существъ, создающихъ оружія для битвы, но неговорящихъ.

Такимъ образомъ, если средство есть дѣятельность и созданное ею орудіе, безъ которой другая дѣятельность и другое орудіе невозможно; то языкъ, будемъ ли мы его разсматривать, какъ

дѣятельность или какъ вещь, есть *средство* (или орудіе) всякой другой человѣческой дѣятельности.

Если бы языкъ имѣлъ только свойства механическихъ орудій, какъ топоръ, пила, шершбель, рубанокъ, фуганокъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны бы сказать, что буде языки различны, то различно должно быть и свойство условленныхъ имъ дѣятельностей. На дѣлѣ языкъ—больше, чѣмъ виѣшнее орудіе, и его значеніе для познанія и дѣла болѣе сходно со значеніемъ для человѣка органа, какъ глазъ и ухо; но какъ бы ни было,—ясно, что, если языкознаніе стоитъ на высотѣ своего предмета, то по отношенію ко всѣмъ гуманитарнымъ наукамъ, оно есть наука основная, разсматривающая элементарныя условія явленій, составляющихъ предметъ другихъ наукъ этого круга. Хотя на дѣлѣ языкознаніе и неможетъ еще показать, какъ извѣстныя свойства извѣстнаго языка отражаются въ дѣятельности говорящаго имъ народа; но и теперь оно явственно стремится къ этой цѣли, и теперь безъ его участія немогутъ рѣшаться важнѣйшіе историческіе вопросы. Иногда оно не обладаетъ еще средствомъ для положительнаго рѣшенія, но имѣетъ ихъ для *veto* относительно попытокъ рѣшенія безъ него. Между прочимъ съ большою вѣроятностью можно сказать, что первенство народовъ индо-европейскаго племени среди другихъ племенъ земного шара основано на превосходствѣ строенія языковъ этого племени, и что причины этого первенства немогутъ быть выяснены безъ дальнѣйшаго изслѣдованія свойствъ индо-европейскихъ языковъ.

Такимъ образомъ въ *Universitas literarum* словесный факультетъ, называвшійся такъ отъ словесности = *belles lettres*, можетъ быть названъ такъ съ большимъ правомъ *отъ слова*, какъ предмета основной науки этого факультета, языкознанія.

— Жизнь тѣла состоитъ въ преломленіи и рефлексіи толчковъ, получаемыхъ имъ извнѣ. Чѣмъ сложнѣе и объединеннѣе тѣло, тѣмъ болѣе преобразуется въ немъ виѣшній импульсъ. И жизнь человѣка, наиболѣе сложнаго изъ извѣстныхъ намъ орга-

низмовъ, исчерпывается рефлексією. Только кажется, что человекъ самъ по себѣ можетъ быть источникомъ своей дѣятельности.

Одно изъ такихъ человѣческихъ рефлексивныхъ движеній, служащихъ отводомъ, предохранительнымъ клапаномъ для жизненнаго механизма, есть языкъ. Въ ряду человѣческихъ дѣятельностей ниже языка по степени сложности и большей важности для животной жизни стоятъ движенія, прямо направленныя къ устраненію боли.

Постояннымъ признакомъ языка является членораздѣльный звукъ. Понятіе языка исчерпывается извѣстнаго рода сочетаніемъ членораздѣльнаго звука и мысли. Звукъ—покровъ, тѣло, форма; связанная съ нимъ мысль—покрываемое, душа, содержаніе. Кожа можетъ быть содрана съ тѣла, какъ членораздѣльный звукъ можетъ быть отдѣленъ отъ мысли; но въ природѣ кожа существуетъ лишь, какъ покровъ животнаго тѣла, звукъ лишь какъ форма мысли. Отсюда заключеніе, что та доля мысли, которая связана съ членораздѣльнымъ звукомъ, безъ него существовать неможетъ. Мы видимъ, что замыселъ ремесленника и художника можетъ выразиться только извѣстными преобразованіями и сочетаніями вещественныхъ формъ, цвѣтовъ, музыкальныхъ звуковъ; но также и то, что все это невмѣщающееся въ языкъ готовится имъ. Определить долю мысли безъ членораздѣльнаго звука невозможно, и ея вліяніе на другія стороны человѣческой дѣятельности есть наиболѣе широкая задача языковѣдѣнія. Она существовала бы и въ томъ случаѣ, если бы все человѣчество говорило однимъ языкомъ. И въ такомъ случаѣ языковѣдѣніе было бы наукой о формахъ, принимаемыхъ мыслью до проявленія ея въ ремеслѣ, искусствѣ, наукѣ, религіи, государствѣ и обратно о вліяніи этихъ проявленій на мысль, заключенную въ языкѣ.

Сравнительно съ этою, остальныя цѣли языковѣдѣнія суть частныя, второстепенныя, уже предполагаемая главною и достигаемая мимоходомъ при стремленіи къ главной. Такъ, подчиненная цѣль—изученіе чужого языка для расширенія общенія съ людьми (употребленіе чужого языка не для этой цѣли, а для вы-

дѣленія себя изъ своего народа — цѣль презрѣнная). Научное языкознаніе предполагаетъ уже практическое знаніе не только родного языка, но насколько вмѣстимо, насколько обиліе матеріала неподавляетъ дѣятельности наблюденія и обобщенія, и практическое знаніе чужихъ. Здѣсь высшее языкознаніе сходится съ элементарнымъ преподаваніемъ отечественнаго языка, ибо послѣднее тоже предполагаетъ въ значительной степени въ ученикѣ умѣнье говорить на этомъ языкѣ и стремится не только къ дальнѣйшему развитію этого умѣнья, но и къ тому, чтобы довести до сознанія ученика тотъ путь, по которому направляется его мысль въ силу того, что онъ говоритъ и думаетъ отечественнымъ языкомъ. *Говоритъ и думаетъ*, ибо по сказанному та доля мысли, которая безъ языка невозможна, если бы и произносилась громко, если бы даже была усвоена молча (у глухого), есть все-таки рѣчь. Въ этой мѣрѣ вѣрно называютъ полинезійцы мышленіе — рѣчью въ брюхѣ (M. Müller, II, 68), а старинный славянскій вѣщникъ „гаданіе—сърьвьнь глаголь“.

Полезь языкознанія—польза исторіи вообще. Круговоротъ жизни—выраженіе неточное. Жизнь неповторяется. Личность и ея положеніе въ данномъ случаѣ никогда таковой прежде не бывала и впредь неповторится (анекдоты о лѣкарѣ, портномѣ и сапожникѣ). Тѣмъ не менѣе исторія, опредѣляя направленіе событій, показываетъ, какъ человѣку плыть по ихъ теченію; замѣнять личные идеалы болѣе объективными, т. е. тѣми, которымъ по указанію событій суждено осуществляться въ человѣчествѣ.

Впрочемъ судить не по соображеніямъ, не сравненіями, не аргіогі, а на основаніи скопленія результатовъ о пользѣ теоретическаго изученія языка пока довольно трудно, такъ какъ это изученіе есть дѣло нашего вѣка.

Какъ бы ни было, не есть ни предрассудокъ ни заблужденіе то, что языкознаніе считается основнымъ предметомъ элементарнаго обученія. Эта его роль обусловлена значеніемъ языка. *Математическія и естественныя науки* противопоставляютъ человѣка природѣ и образовательную силу произведеній человѣческаго духа

такой же силѣ предметовъ природы, идеализмъ реализму. Но человѣкъ непротивопоставляется природѣ, а вытекаетъ изъ нея и гармонизируетъ съ нею. Познавательная сила не прикасается непосредственно къ предмету. Лицею къ лицу съ тою же внѣшней природой стоялъ дикарь и извлекалъ изъ нея не положенія современной науки, а фетишей, боговъ. Поставимъ и нынѣшняго неподготовленнаго человѣка передъ явленіемъ природы и получимъ почти тѣ же результаты: равнодушіе или безмысленный страхъ и поклоненіе.

Между вещью и познавательною способностью всегда посредникомъ является сумма пріобрѣтенныхъ способностей и преданія, будетъ ли случайно или же будетъ систематично излагаться учителемъ и книгою. Стало быть, изученіе внѣшней природы есть тоже изученіе произведеній человѣческаго духа.

Внѣшняя природа тоже имѣетъ свою исторію, такъ что и тутъ нѣтъ противоположности. Законъ и тамъ и здѣсь. Какъ въ отдѣлѣ наукъ о человѣкѣ основою является языкознаніе, такъ здѣсь математика, главные категоріи коей величина и форма. И по отношенію къ математикѣ языкъ есть основное явленіе. Было бы напрасно учить четыремъ правиламъ ариметики дикаря, въ языкѣ коего есть числительныя недалѣе четырехъ, а затѣмъ начинается много. У насъ нѣкогда много вачиналось за *двуми*. Въ нашу элементарную школу поступаютъ дѣти 6—7 лѣтъ, которые сравнительно съ этими дикарями—великіе математики и философы.

Главенство языкознанія и математики въ первоначальномъ и среднемъ образованіи основано на ихъ ословномъ характерѣ по отношенію къ другимъ наукамъ. Оно прочно, потому что *наиболѣе* цѣлесообразно, потому что служитъ единственнымъ *входомъ* въ познаніе человѣческой жизни и природы. Тутъ же и ограниченіе первенства этихъ наукъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Автобіографичность поэтического образа—36. Авторитетъ и преданіе—158. Аллегорія—100, 304. Аллегорія евангельская—329. Аллюзія—227. Анафора—352. Антономасія—226. Апострофа—317, 351. Внутренній знакъ—19. Ви́шній знакъ—19. Выводъ изъ пословицы—335.

Гипербола въ народной поэзіи—356. Глаголь при глаголь—217. Гоголь и Гипербола—362—375. Гомеровскія сравненія—293. Двухъязычність Тютчева—168—172. Денационалізація—179. Дифференцірованіе языковъ—178. Дѣйствіе слова на самого говорящаго—25.

Займствованіе и подражаніе—161—6. Законъ и фактъ—326. Знакъ значенія—19. Значеніе слова переносится въ объясняемое—402. Золотой вѣкъ въ народной поэзіи—155—6.

Идеалізація—20. Идея національности—185—8. Идолопоклонство въ XVIII ст.—448. Изящныя искусства—2—5. Иронія—381. Искренность—92. Искусство и дѣйствительность—61, 63—8. Классификація искусствъ—5. Классификація человѣческой дѣятельности—1. Конкретность дѣйствія въ баснѣ—312. Конкретность мифическаго мышленія—429. Конкретность сравненія—289. Критика поэтического образа—32—3. Критика художественнаго произведенія—28.

Лирика—*praesens*—531. Ложь и гипербола—360. Манерность, риторичность—118.

Метафора—260. Опредѣленіе ся Аристотелемъ, Герберомъ—260. Квинтилианомъ, Вакернагелемъ—263. Необходимость ея—264. Порядокъ знака и значенія—265. Дѣленіе метафоры—266. Форма ея—267. Метафора—предикативный атрибутъ—268. Метафора въ приложеніи—269, въ опредѣленіи—269, въ подлежащемъ—270, въ глаголь—270, въ сказуемомъ простомъ—271, въ сказуемомъ составномъ—272, въ дополненіи—272, въ обстоятельствѣ—273. Метафоричность—69. Метонимія: представленія мѣста—234, количества—238, времени—238. Метонимія—время—241, состояніе, какъ пребываніе въ средѣ—246, изображеніе чувствъ жестомъ—248, дѣйствіе—знакомъ—250, дѣйствіе—мѣстомъ—250,

состояніе, характеръ - дѣйствіемъ—253, дѣйствіе - орудіемъ— 253, содержащее вмѣсто содержимаго—254, дѣйствующее вмѣсто дѣйствія - 256, *nomen actionis* вмѣсто *nomen agentis* -257, свойство вмѣсто лица—257, вещество вмѣсто вещи -259, частное вмѣсто общаго— 259, время замѣняется мѣстомъ - 259, пространство временемъ - 259. Мнѣніе и отсутствіе критики—410. Мнѣ— поэтическое произведеніе—586. Мнѣны и обряды вторичныя, календарныя -403. Модальныя формы сравненія—285.

Названіе вещи по дѣйствію - 210. Народная поэзія и литература—110. Народность—49. Неподвижность поэтическаго образа - 101.

Обобщеніе въ баснѣ—316. Образъ важнѣе изображаемаго—490. Обращеніе къ предметамъ—350. Общечеловѣческое и народное—193—6. Общечеловѣчность искусства и науки—105. Общество и языкъ—22 23. Обьективированіе мысли языкомъ - 398. Обьективный писатель - 54. Олицетвореніе - 299. Описаніе природы у Тютчева, Пушкина—72—78. Описаніе въ поэзіи—6 13. Опредѣленіе поэзіи -59. Отношеніе теоріи словесности къ мнѣнологіи—417. Отсутствіе стихотворства въ древней Руси—120.

Парабола 308. Параллель слова и поэтическаго произведенія - 30—32. Пародія—393. Переводъ—173. Переходъ басни въ пословицу - 332. Переходъ синекдохи въ метонимію—228. Перифразисъ—217. Платоновская сущность - 29. Повѣствованіе—5. Поговорка и пословица --337. Положительныя образы - 81. Полунитонъ--353. Пониманіе -26 --28. Популярность изложанія—23. Пословица и поэтическія произведенія—336. Постоянный эпитетъ 213. Поэтическій образъ и пониманіе 397. Поэтическій и мнѣческій способы мышленія—406. Поэтическая производительность 105. Поэтическій эпитетъ - 212. Правила описанія—10—11. Практическое значеніе исторіи -157. Превращеніе образа въ понятіе - 21. Предпочтеніе журавля въ небѣ— на дѣлѣ—483. Представленіе --19 --21. Представленіе небснаго причиною земнаго—483. Преемственность поэтическихъ образовъ - 148--9. Прилагательныя опредѣлительныя—215. Прилагательное при другомъ прилагательномъ 216. Примѣръ ненужности образа—204. Примѣры синекдохи - 218. Примѣръ въ научномъ доказательствѣ—325. Проза, ея возникновеніе -102. Прозаическіе предметы -60. Производныя, вторичныя образы--104. Происхожденіе басни—328. Процессъ творчества и созданное --55.

Разграниченіе дѣятельностей --103. Разница между искусствами--6. Ремесленныя произведенія --2 -4. Риторичность---60. Родословная искусства --13--15.

Самонаблюденіе и наблюденіе -48. Самопознаніе -25. Свойство образа въ баснѣ 310. Свойство поэтическаго произведенія--неподвиж-

ность образа—57. Свобода творчества—43—4. Сила слова—156. Сила клятвы—463. Синекдоха—цѣлое вмѣсто части—230. Синекдохическое отрицательное обозначеніе—225. Синекдохичность образовъ—71. Словесное изображеніе музыки—16—17. Слово вещественно—450. Слово и дѣло—26. Слово—дѣло—466. Сложная басня—315. Сложная форма синекдохи—232. Смѣшеніе сравненія съ метафорой—296. Смѣшное—391. Совмѣщеніе троповъ—209. Специализація и универсальность—113. Сравненія—273. Сравненія малорусскія—280. Сравненія славянскія—276. Субъективизмъ въ поэзіи—34—47. Существенный признакъ Тѣна—61—3. Существительныя оппозитивныя—216. Теоретическая дѣятельность—2. Украшеніе рѣчи—202. Умозаключеніе—*paris pro toto*—511. Уподобленія—290.

Фактъ и законъ—99. Фактъ и законъ—326. Формальность произведеній искусства—3. Формальность поэзіи—58.

Характеръ научнаго доказательства—324. Хлестаковщина—362. Художественная типичность—70. Элементарная поэтичность языка—104. Эпитетъ украшающій—211. Эпосъ и драма—533. Эпосъ- *perfectum*—532. Эпифора—352. Этимологія—22.

Stanford University Libraries

3 6105 011 744 138

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-60
(650) 723-1493
gncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAR 07 2003
FEB 07 2003

